ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПЕРВАГО.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ РОССІИ ВЪ ЭПОХУ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ.

С. С. ТАТИЩЕВА.

Рекомендовано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1887.

Дмитрію Фомичу
Кобеко.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПЕРВАГО.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ РОССІИ ВЪ ЭПОХУ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ.

С. С. ТАТИЩЕВА.

Рекомендовано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

На добрую п

1 Марта 1887.

отъ Ав

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Извѣстнаго отдѣла исторіи нельзя изучить по кни-„гамъ: такова исторія близкихъ намъ эпохъ. Ни одинъ „источникъ не доходитъ до нашихъ дней; для человѣка „двадцати пяти лѣтъ всегда есть пятидесятилѣтній про-„межутокъ, предшествовавшій его рожденію и не имѣющій „исторіи. Пробѣлъ этотъ причиняетъ много затрудненій, „требуетъ труда, всегда несовершеннаго, часто непро-„изводительнаго, дабы стало возможно связать минувшія „событія съ настоящими... Нашимъ юношамъ гораздо „доступнѣе изученіе Пуническихъ войнъ, нежели войны „за независимость Америки, происходившей (окончив-„шейся?) въ 1783 году. Они легче знакомятся съ собы-„тіями минувшихъ вѣковъ, чѣмъ съ тѣми, которыя со-„вершились со времени ихъ рожденія [1])."

Такъ писалъ Наполеонъ I въ 1807 году, и спустя цѣлое полустолѣтіе, другой знаменитый государственный человѣкъ, Гизо, развивалъ въ своихъ *Запискахъ* ту же мысль о важности изученія „позавчерашней исторіи". Съ тѣхъ поръ, на западѣ Европы, эта отрасль науки быстро подвинулась впередъ, благодаря преимущественно обилію цѣнныхъ матеріаловъ, издаваемыхъ тамъ вскорѣ по смерти того или другаго современнаго политическаго

---

[1]) Замѣчанія на проектъ объ учрежденіи спеціальнаго училища для изученія словесности и исторіи при французской коллегіи, 7 (19) апрѣля 1807 года, въ перепискѣ Наполеона I, томъ XV, стр. 133—136.

*

дѣятеля, а нѣкоторыми изъ нихъ и при жизни. Можно положительно сказать, что исторія XIX вѣка изслѣдована и разработана нынѣ во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, и въ особенности въ Германіи, не менѣе, если не болѣе всякой другой замѣчательной эпохи.

Въ Россіи дѣло это, къ сожалѣнію, находится въ совершенно иномъ положеніи. Современной отечественной исторіи у насъ пока не существуетъ вовсе. Этого, впрочемъ, отнюдь нельзя приписать ни бездѣятельности нашихъ ученыхъ, ни равнодушію русскаго общества. Послѣднее, напротивъ, обнаруживаетъ живѣйшій интересъ къ историческимъ изысканіямъ, а спеціалисты прилежно трудятся надъ собираніемъ матеріаловъ. Доказательствомъ служатъ многочисленные историческіе сборники и повременныя изданія, печатаемые правительственными учрежденіями, учеными обществами и частными лицами. Но всѣ они или по крайней мѣрѣ бо̀льшая ихъ часть останавливаются на рубежѣ текущаго столѣтія. Драгоцѣннѣйшій источникъ русской исторіи, государственный архивъ, недоступенъ для изслѣдованій новѣйшаго времени. Съ другой стороны, не въ обычаѣ нашихъ государственныхъ людей обнародовать свои такъ-называемыя „достопамятности“. Причины эти достаточно объясняютъ почему, при изученіи современной исторіи Россіи, мы, русскіе, вынуждены такъ часто прибѣгать къ иностраннымъ сочиненіямъ самаго сомнительнаго качества.

Если законно желаніе каждаго русскаго человѣка ознакомиться съ недавнимъ политическимъ прошлымъ своего отечества, то изученіе его составляетъ прямую обязанность тѣхъ, кто призванъ охранять интересы государства въ сношеніяхъ съ иностранными державами: я разумѣю русскую дипломатію. Прошли тѣ дни, когда большинство дипломатовъ могло безнаказанно проводить время въ праздности, заниматься переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее и, по живописному выраженію князя Бисмарка, „варить супъ, до того водянистый, что въ

немъ и капли жиру не найти". Будущій объединитель Германіи, послѣ перваго знакомства съ такими дипломатами, писалъ въ 1851 году женѣ своей изъ Франкфурта-на-Майнѣ, что „никто, даже самый злонамѣренный и недовѣрчивый демократъ, не повѣритъ, сколько шарлатанства и напускной важности въ дипломатіи" [1]). Неудивительно, что, достигнувъ власти и проповѣдуя собственнымъ примѣромъ, желѣзный канцлеръ основалъ новую дипломатическую школу, послѣдователи коей уже иначе взираютъ на свои обязанности. Нелегкій трудъ выпадаетъ на долю тѣхъ изъ нихъ, которые хотятъ стоять на высотѣ своего призванія: во-первыхъ, основательная подготовка, знакомство съ политическимъ прошлымъ, какъ своего отечества, такъ и прочихъ государствъ; во-вторыхъ, тщательное изученіе современнаго положенія чужеземныхъ странъ, въ которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Если вторая часть этой задачи легко разрѣшима при внимательномъ отношеніи дипломата къ окружающимъ его лицамъ и предметамъ, то первая облегчается ему на Западѣ вышеупомянутымъ богатымъ историческимъ матеріаломъ, почерпаемымъ въ сборникахъ официальныхъ документовъ, въ запискахъ и воспоминаніяхъ государственныхъ людей, наконецъ, въ тщательно обработанныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Ясно, что для успѣшнаго состязанія съ иностранною дипломатіей, нашимъ представителямъ необходимо усвоить себѣ такія же познанія, при одинаковой степени трудолюбія и серіознаго отношенія къ своему дѣлу. Нельзя допустить, чтобы драгоцѣннѣйшіе государственные интересы Россіи ввѣрялись людямъ, недостаточно образованнымъ, несвѣдущимъ по своей спеціальности и, слѣдовательно, поставленнымъ по отношенію къ чужеземцамъ, съ которыми имъ пришлось бы имѣть дѣло, въ положеніе неловкое, затруднительное и унизительное. Это было бы равносильно отправленію арміи, вооружен-

---

[1]) Письмо отъ 6 (18) мая 1851.

ной дрекольями, въ походъ противъ непріятеля, снабженнаго по части оружія всѣми усовершенствованіями науки и техники.

Но откуда русскому дипломату почерпнуть столь необходимыя ему свѣденія по новѣйшей исторіи политики своего двора? Вопросъ этотъ представился мнѣ двадцать три года тому назадъ, при самомъ вступленіи моемъ на дипломатическое поприще. Чѣмъ далѣе подвигался я въ служебной іерархіи, чѣмъ ближе привлекался къ веденію международныхъ переговоровъ, тѣмъ болѣе росло и крѣпло во мнѣ убѣжденіе, что въ переговорахъ этихъ успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ основательнаго знакомства съ прошедшимъ и что нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства избѣжать повторенія совершенныхъ нѣкогда политическихъ ошибокъ и промаховъ, какъ тщательное изученіе ихъ и вызванныхъ ими послѣдствій.

Еще въ бытность мою секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, я задумалъ восполнить обозначеннный выше важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Оставленіе мною въ 1877 году дипломатической службы, для вступленія охотникомъ въ дѣйствующую армію, а по окончаніи войны, двухлѣтняя служба въ другомъ вѣдомствѣ, прервали мои подготовительныя работы. Я возвратился къ нимъ лишь четыре года тому назадъ, по окончательномъ выходѣ въ отставку, и съ тѣхъ поръ, посвящаю все мое время изысканіямъ по современной нашей дипломатической исторіи. Полемъ для нихъ служатъ внѣшнія сношенія Россіи, въ сорокалѣтній промежутокъ между конгрессами вѣнскимъ и парижскимъ (1816—1856).

Маститый глава современной нѣмецкой исторической школы, Леопольдъ Ранке справедливо замѣчаетъ, что „германская наука поставила себѣ задачей основывать изложеніе исторіи исключительно на офиціальныхъ актахъ и документахъ“ [1]). Того же руководящаго начала

---

[1]) Ranke, *Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*, I Vorrede, S. VIII.

старался придерживаться и я въ моихъ изслѣдованіяхъ. Несмотря на недоступность для меня нашихъ дипломатическихъ архивовъ, это оказалось не невозможнымъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, на которыя, какъ мнѣ кажется, не было еще обращено вниманіе ни русскаго правительства, ни общества.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, гостепріимно отворяя двери подвѣдомственныхъ ему архивовъ, въ томъ числѣ и государственнаго, для отечественныхъ ученыхъ, приняло за правило ограничивать сообщеніе имъ хранящихся въ архивахъ этихъ актовъ концомъ прошлаго столѣтія. Правило это вызвано политическими соображеніями, и за весьма рѣдкими исключеніями [1]), соблюдается съ такою строгостью, что даже столь авторитетный представитель русской науки, какимъ былъ покойный С. М. Соловьевъ, вынужденымъ нашелся изслѣдованіе свое о политикѣ и дипломатіи императора Александра I построить на данныхъ, почерпнутыхъ преимущественно изъ чужеземныхъ источниковъ. Между тѣмъ, значительная и едвали ли не важнѣйшая часть нашихъ, лежащихъ подъ спудомъ документовъ, различными путями, давно проникла въ заграничную печать и такимъ образомъ уже перестала составлять государственную тайну.

Пути эти до крайности разнообразны. Я укажу здѣсь на главнѣйшіе. Прежде всего, въ представляемыхъ европейскимъ парламентамъ „разноцвѣтныхъ книгахъ“ обнародываются всѣ офиціальныя сообщенія императорскаго кабинета иностраннымъ правительствамъ [2]). Засимъ, не идя далѣе начала XIX вѣка, слѣдуетъ упомянуть о двухъ

---

[1]) Такія исключенія сдѣланы были въ пользу М. И. Богдановича, историка Александра I и Восточной войны 1853—1856 годовъ, и А. Н. Попова, автора изслѣдованія: *Дипломатическія сношенія Россіи предъ войной 1812 года.*

[2]) Эти сборники дипломатическихъ документовъ, какъ извѣстно, издаются подъ названіемъ *книгъ*: въ Англіи — синей, во Франціи — желтой, въ Германіи — бѣлой, въ Австріи — красной, въ Италіи — зеленой.

изданіяхъ, въ которыхъ напечатанъ цѣлый рядъ довѣрительныхъ сообщеній русскаго двора союзнымъ дворамъ берлинскому и вѣнскому. Это *Достопамятности прусскаго государственнаго канцлера князя Гарденберга*, заключающія въ себѣ дипломатическую переписку нашу съ Пруссіей въ періодъ времени съ 1801 по 1808 годъ, и *Исторія отпаденія грековъ отъ Порты* графа Прокеша-Остена, содержащая въ четырехъ томахъ приложеній секретныя бумаги по восточнымъ дѣламъ, довѣренныя императорскимъ кабинетомъ вѣнскому, съ 1821 по 1830 годъ [1]). Какъ тѣ, такъ и другіе документы послужили основаніемъ для самыхъ тяжкихъ обвиненій насъ въ коварствѣ и честолюбіи, обвиненій, на которыя, въ своихъ комментаріяхъ, не поскупились ни первый министръ короля Фридриха-Вильгельма III, ни австрійскій дипломатъ, двадцать лѣтъ занимавшій постъ интернунція въ Константинополѣ. Третій разрядъ подобныхъ разглашеній еще болѣе враждебнаго намъ происхожденія. Къ нему относятся *сборники русскихъ дипломатическихъ документовъ*, доставшихся въ руки польскихъ эмигрантовъ и изданныхъ ими въ два пріема: въ Лондонѣ, въ тридцатыхъ годахъ, и въ Парижѣ, во время севастопольской кампаніи [2]).

Чтобы не возвращаться болѣе къ иностраннымъ матеріаламъ для современной русской исторіи, необходимо упомянуть о служащихъ важнымъ подспорьемъ при ея изученіи, *Запискахъ* и перепискѣ трехъ государственныхъ людей, долгіе годы стоявшихъ во главѣ управленія своими странами, а именно: лорда Пальмерстона,

---

[1]) *Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*, herausgegeben von Leopold von Ranke, V Bände. *Geschichte des Abfalls der Griechen vom türkischen Reiche*, von Freiherrn Prokesch-Osten, VI Bände.

[2]) *The Portfolio*, 41 выпускъ на англійскомъ языкѣ, Лондонъ, 1836—37 года (французскій переводъ тогда же появлялся въ Гамбургѣ). *Recueil de decuments relatifs à la Russie*, 3 выпуска, Парижъ, 1853—54 года.

Гизо и князя Меттерниха [1]). Извѣстно также, что памятники политической дѣятельности князя Бисмарка обнародованы при его жизни, если не полностью, то съ весьма небольшими пробѣлами [2]).

Но и въ русскую печать въ послѣднее время проникло немало актовъ, чрезвычайно важныхъ для исторіи Россіи въ XIX столѣтіи. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно занимаютъ записки Н. Н. Муравьева: *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году* и изслѣдованіе Заблоцкаго-Десятовскаго: *Графъ П. Д. Киселевъ и его время.* Въ приложеніяхъ къ обѣимъ книгамъ находимъ много подлинныхъ офиціальныхъ документовъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія изслѣдователя [3]). Не менѣе интересны матеріалы, разсѣянные по многочисленнымъ спеціальнымъ историческимъ сборникамъ и журналамъ. Изъ числа ихъ я назову напечатанныя въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества:* записку, представленную императору Николаю графомъ Каподистріей въ 1826 году о дѣятельности его во время нахожденія на русской службѣ, переписку Александра I съ Лагарпомъ и Чичаговымъ и князя Чарторыйскаго съ Новосильцевымъ [4]). Далѣе, историческій матеріалъ первостепенной важности представляетъ переписка Императора Николая съ графомъ Дибичемъ Забалканскимъ, относящаяся до заключенія адріанопольскаго мира, и впервые обнародованная Н. К. Шильдеромъ въ исто-

---

[1]) *The life and correspondence of Viscount Palmerston* by Ashley, 2 Vol.; Guizot, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, 8 Vol.; *Mémoires de Metternich* publiés pas son fils, 8 Vol.

[2]) См. Сборникъ Jahn'a: *Fürst Bismarck, sein politiches Leben und Wirken*, 3 Bände. Дополненіемъ ему служитъ: Poschinger, *Preussen im Bundestage*, 4 Bände.

[3]) *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, изъ записокъ Н. Н. Муравьева, 1 томъ, Москва 1869. *Графъ П. Д. Киселевъ и его время*, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, 4 тома С.-Петербургъ, 1881—82.

[4]) *Записка Каподистріи* въ томѣ III *Сборника;* переписка Александра I съ Лагарпомъ въ V, съ Чичаговымъ въ VI; письма Чарторыйскаго къ Новосильцеву въ IX.

рическомъ журналѣ Древняя и Новая Россія [1]). Остальная часть этой переписки, за время войны 1828—29 годовъ, напечатана была затѣмъ въ Русской Старинѣ и дополнена письмами Государя и фельдмаршала изъ эпохи польскаго мятежа 1830—31 года [2]). Въ томъ же журналѣ сообщена въ высшей степени цѣнная переписка Императора Николая I и Александра II съ князьями И. Ѳ. Варшавскимъ, А. С. Меншиковымъ и М. Д. Горчаковымъ, за время восточной войны 1853—1856 годовъ и письма и телеграммы покойнаго Государя относящіяся къ послѣднему польскому востанію 1863 года [3]). Наконецъ, я не могу не указать на вышедшій въ минувшемъ году, капитальный трудъ генерала Шильдера, скромно названный авторомъ біографическимъ очеркомъ жизни и дѣятельности графа Тотлебена. но въ главахъ, посвященныхъ дунайской кампаніи 1854 года, незабвенной осадѣ Севастополя, войнѣ за освобожденіе славянъ 1877—78 годовъ и послѣдующей за нею окупаціи балканскихъ земель, касающійся вопросовъ общей политики и авторитетно излагающій ихъ, на основаніи многочисленныхъ, приведенныхъ въ текстѣ и въ приложеніяхъ, доселѣ неизданныхъ историческихъ документовъ, несомнѣнной подлинности и высокаго интереса [4]).

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ также позволяло себѣ отступать иногда отъ принятаго правила и само приподнимало завѣсу, скрывавшую отъ русскаго общества дипломатическія тайны, даже по текущимъ вопросамъ. Первый тому примѣръ былъ подданъ въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка графомъ Каподистріей, по мысли коего, одобренной императоромъ Александромъ I, министерство издало сборникъ подъ заглавіемъ: *Доку-*

---

[1]) Древняя и Новая Россія 1879 и 1880 годовъ.

[2]) Русская Старина 1881 года.

[3]) Русская Старина.

[4]) Графъ Э. И. Тотлебенъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ. Составилъ Н. Шильдеръ. 2 тома.

менты для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 году, до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году. Цѣлью Каподистріи было посредствомъ этого изданія, въ которомъ документы появлялись въ русскомъ переводѣ, подготовить возрожденіе народнаго языка въ нашей дипломатической перепискѣ. Первый томъ сборника появился въ 1823 году подъ редакціей Блудова; второй въ 1825 году изданъ Дашковымъ [1]).

Во время Восточной войны 1853—56 годовъ потребность не оставлять безъ возраженія страстныхъ депешъ, сообщаемыхъ великобританскимъ правительствомъ парламенту или печатаемыхъ правительствомъ французскимъ въ *Moniteur'ѣ*, побудила императорскій кабинетъ обнародовать и свои дипломатическіе документы въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Правила этого придерживался также князь А. М. Горчаковъ въ продолженіе двадцатипятилѣтняго управленія своего министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Важнѣйшія депеши его появлялись и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* въ русскомъ переводѣ. По его же иниціативѣ и распоряженію, профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ предпринялъ изданіе *Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами*. Съ 1875 по 1884 годъ вышло уже семь томовъ этого замѣчательнаго сборника. Изъ нихъ первые четыре обнимаютъ сношенія наши съ Австріей по настоящее время, а послѣдніе три—съ Пруссіей, до конца прошлаго столѣтія. Въ собраніи этомъ не только въ первый разъ появились печатно въ полномъ и подлинномъ текстѣ государственные акты и договоры, хранившіеся доселѣ въ глубочайшей тайнѣ, но и приведены ученымъ издателемъ обильныя и крайне интересныя извлеченія изъ дипломатической переписки русскаго двора со своими представителями въ Вѣнѣ и Берлинѣ, проливающія яркій свѣтъ на побужденія и весь ходъ его по-

---

[1]) См. Е. П. Ковалевскаго: *Графъ Блудовъ и его время*, I, стр. 132.

литики. Къ несчастію, извлеченія оканчиваются 1848 годомъ.

Вышеизложеннаго перечня, далеко впрочемъ неисчерпывающаго всѣхъ общедоступныхъ матеріаловъ для современной исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи, достаточно, чтобъ убѣдиться въ возможности написать нынѣ же правдивую и до извѣстной степени полную картину этихъ сношеній, и тѣмъ содѣйствовать разсѣянію распространенной на Западѣ невѣжественной и безсовѣстной лжи о цѣляхъ русской политики, видахъ и дѣйствіяхъ русскаго двора. Но задача эта такъ обширна и настолько превышаетъ мои силы, что я не рѣшился сразу взяться за нее. Къ тому же, есть надежда, что наученное опытомъ и побуждаемое примѣромъ чужеземныхъ правительствъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ скоро придетъ къ сознанію пользы подобнаго труда и откроетъ свои хранилища отечественнымъ изслѣдователямъ, по крайней мѣрѣ по парижскій миръ, включительно. Въ ожиданіи такого благопріятнаго оборота для науки, я занялся обработкой отдѣльнаго эпизода изъ исторіи русской политики, а именно, обозрѣніемъ внѣшнихъ сношеній Россіи въ эпоху Крымской войны.

Побудили меня къ тому многія соображенія. Во-первыхъ, эпоха эта была главнымъ предметомъ первоначальныхъ моихъ историческихъ изслѣдованій, по причинѣ тѣснаго сродства ея съ обстоятельствами, предшествовавшими послѣдней войнѣ и вызвавшими меня приняться за ея изученіе. Во-вторыхъ, не только въ русской, но и въ западныхъ литературахъ, дипломатическая сторона Севастопольской войны остается понынѣ не вполнѣ выясненною, тогда какъ собственно военнымъ дѣйствіямъ посвящено нѣсколько капитальныхъ сочиненій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ-третьихъ, за послѣдніе годы, въ русской и иностранной печати появилось большое количество весьма цѣнныхъ матеріаловъ по этому вопросу, изученіе коихъ приводитъ къ совершенно новымъ выводамъ и заключеніямъ. Я уже упо-

миналъ объ обнародованной недавно перепискѣ Императоровъ Николая I и Александра II съ главнокомандовавшими нашими крымскою, южною и западною арміями. За границей издано много неизвѣстныхъ доселѣ документовъ въ жизнеописаніи принца Альберта, въ дипломатической перепискѣ князя Бисмарка, въ *Запискахъ* лорда Пальмерстона, князя Меттерниха, барона Стокмара, барона Брука и др. Новыя письма императора Николая приведены генераломъ Дубровинымъ въ его рецензіи на исторію г. Богдановича. Новыя письма императора Франца-Іосифа и короля Фридриха-Вильгельма IV напечатаны, частью г. Гефкеномъ, въ его этюдѣ: *Къ исторіи Восточной войны,* частью Леопольдомъ Ранке, въ изданной имъ перепискѣ короля съ Бунзеномъ. Благодаря заботливости нѣмецкаго собирателя, г. Ясмунда, всѣ офиціальные документы этой эпохи, гдѣ и когда-либо напечатанные, собраны въ трехтомномъ сборникѣ, въ числѣ 518 нумеровъ, къ сожалѣнію, въ нѣмецкомъ переводѣ. Наконецъ, даже тайная политическая переписка императорскаго кабинета за означенное время отчасти разоблачена «бывшимъ дипломатомъ» въ его французскомъ *Дипломатическомъ изслѣдованіи о Крымской войнѣ* [1]).

Но главная причина, побудившая меня остановиться на эпохѣ, столь близкой отъ насъ и столь для насъ тяжкой, заключается именно въ органической связи ея съ событіями настоящаго времени и въ проистекающей отсюда, если смѣю такъ выразиться, практической ея назидательности. Исторія — учитель строгій и суровый, но правдивый и благодѣтельный. Раскрывая предъ нами тайны прошедшаго, она поучаетъ насъ,— и примѣръ Крымской войны служитъ тому вѣрнѣйшимъ

---

[1]) Со времени напечатанія русскаго перевода этого сочиненія въ «Вѣстникѣ Европы» за 1886 годъ, извѣстно, что оно принадлежитъ перу старшаго совѣтника нашего министерства иностранныхъ дѣлъ барона А. Г. Жомини.

доказательствомъ, — что внѣшняя политика великаго народа слагается не произвольно или случайно, а вѣками, въ силу нуждъ и пользъ этого народа, и что всякое уклоненіе отъ традиціоннаго историческаго пути, хотя бы вызванное самыми благородными и великодушными побужденіями, влечетъ за собой кару суровую и неизбѣжную.

Однако, въ виду полнаго незнакомства нашего общества съ дипломатическою дѣятельностью русскаго двора въ Николаевское царствованіе, мнѣ не представлялось возможнымъ приступить прямо къ изложенію переговоровъ, относящихся къ эпохѣ Севастопольской борьбы, не предпославъ ему введенія, которое, хотя въ общихъ чертахъ, опредѣлило бы внѣшнюю политику императора Николая въ первое двадцатипятилѣтіе его правленія и причинную связь ея съ событіями послѣднихъ трехъ лѣтъ его жизни. Въ основаніе этого введенія, нынѣ предлагаемаго читателямъ, положенъ неизданный Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи въ царствованіе этого государя, составленный въ 1839 году барономъ Брунновымъ (впослѣдствіе графомъ и посломъ въ Лондонѣ) и читанный имъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

Важный этотъ историческій документъ служитъ продолженіемъ очерка того же автора, посвященнаго исторіи русской политики въ царствованіе Екатерины II, Павла и Александра I, напечатаннаго въ томѣ XXXI Сборника императорскаго русскаго историческаго общества. Онъ озаглавленъ: Обзоръ политики русскаго кабинета въ настоящее царствованіе (Aperçu de la politique du cabinet de Russie sous le régne actuel) и распадается на слѣдующія части:

I. Общія соображенія о принципахъ, служащихъ основаніемъ нашей политики.

II. Сдѣлки, относящіяся къ дѣламъ Запада.

III. Сдѣлки, совершенныя въ Мюнхенгрецѣ, Берлинѣ и Теплицѣ.

IV. Общій обзоръ нашихъ сношеній съ европейскими державами, а именно:

1) Австрія.
2) Пруссія.
3) Великобританія.
4) Франція.
5) Швеція.
6) Данія.
7) Нидерланды.
8) Бельгія.
9) Германскій Союзъ.
10) Баварія.
11) Виртембергъ.
12) Ганноверъ.
13) Италійскіе дворы.
14) Сардинія.
15) Римъ.
16) Неаполь.
17) Испанія.
18) Португалія.

V. Сдѣлки, относящіяся до дѣлъ Востока:

1) Турція.
2) Греція.

Я старался не только внимательно отнестись къ моему главному источнику, но и освѣтить и дополнить его свидѣтельствами, почерпнутыми изъ всѣхъ, перечисленныхъ выше, общедоступныхъ историческихъ матеріаловъ, провѣрить сообщенные въ немъ факты, а также выводы его и заключенія. Въ результатѣ получилась картина внѣшней политики русскаго двора въ Николаевскую эпоху, если и не совсѣмъ полная, то, смѣю думать, точная и безпристрастная.

Въ трудѣ моемъ я искалъ только истины. Но счастливымъ себя почту, если, ознакомивъ моихъ соотечественниковъ съ тяжкими испытаніями, какъ естественными послѣдствіями нашихъ политическихъ заблужденій, мнѣ удастся утвердить въ нихъ сознаніе историческаго

призванія Россіи, выразившагося, въ продолженіе столѣтій, въ послѣдовательномъ рядѣ государственныхъ дѣйствій со стороны ея державныхъ вождей, вознесшихъ ее на высокую степень могущества и славы. Истинно охранительная политика есть политика вѣковая, историческая, народная, и внѣ ея нѣтъ ничего, кромѣ опасныхъ опытовъ и горькихъ разочарованій.

Всего же болѣе желаю я, чтобы сознаніемъ этимъ прониклись бывшіе товарищи мои и сослуживцы, дипломаты, призванные представлять и защищать русское дѣло предъ лицомъ Европы. Лишь согрѣтая любовью къ родинѣ, довѣріемъ къ ея силамъ, уваженіемъ къ ея достоинству, дѣятельность ихъ станетъ успѣшною и плодотворною. Чувства эти имъ легко почерпнуть во внимательномъ изученіи ея великаго прошлаго. Но да не угасаетъ въ нихъ вѣра и въ не менѣе великое будущее русскаго народа. Если, по слову Апостола, *вѣра безъ дѣлъ мертва есть*, то во сто кратъ болѣе мертвы дѣла безъ вѣры.

Татищевъ.

Январь 1887 года.
С.-Петербургъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЗАПАДЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическая система Священнаго Союза.

Всемірно-историческое значеніе Восточной войны 1853—1856 годовъ заключается въ томъ, что ею былъ нанесенъ смертельный ударъ политической системѣ, сложившейся за послѣднюю борьбу соединенной Европы съ Франціей, системѣ покоившейся на договорахъ и постановленіяхъ конгрессовъ этой эпохи и въ продолженіе сорока лѣтъ господствовавшей надъ судьбами всего образованнаго міра. Система эта извѣстна подъ названіемъ Священнаго Союза, въ основаніе коего было положено тѣснѣйшее соглашеніе между Россіей, Австріей и Пруссіей. Возникновеніе этого союза заслуживаетъ внимательнаго изученія.

Подъ впечатлѣніемъ великихъ міровыхъ событій доставившихъ императору Александру I одолѣніе надъ могучимъ противникомъ и славу умиротворителя Европы, онъ возвратился къ мечтамъ своей юности объ образованіи изо всѣхъ христіанскихъ государствъ единой семьи народовъ, соединенныхъ узами братства и поставленныхъ другъ къ другу въ такія отношенія, которыя не допускали бы повторенія кровопролитныхъ войнъ, бывшихъ до того неизсякаемымъ источникомъ бѣдъ для всего человѣчества. Предварительнымъ условіемъ такого международнаго порядка, имѣвшаго обнять все христіанство, должно было служить размежеваніе между государствами владѣній, основанное на законности, равноправности и справедливости; цѣлью — утвержденіе всеобщаго мира и благоденствія; средствомъ къ ея достиженію — тѣсный союзъ государей, зиждущійся на началахъ взаимной помощи и евангельской любви.

Мысли эти занимали Александра когда онъ только что начиналъ поединокъ свой съ Наполеономъ. Къ усвоенію ихъ онъ

*

уже былъ подготовленъ своимъ воспитаніемъ въ духѣ гуманитарной философіи XVIII вѣка. Въ образовавшемся возлѣ него, въ первые годы его царствованія, кружкѣ молодыхъ мечтателей, его близкихъ друзей и сотрудниковъ, апостолами подобныхъ ученій являлись, то знаменитый графъ Іосифъ де-Местръ, сардинскій посланникъ при Императорскомъ дворѣ, то менѣе извѣстный, но едва ли не болѣе вліятельный аббатъ Піатоли, бывшій довѣренный совѣтникъ послѣдняго изъ польскихъ королей, воспитатель и наставникъ князя Адама Чарторыйскаго. Краснорѣчивыя проповѣди ихъ производили сильное впечатлѣніе на умы ихъ внимательныхъ слушателей. Онѣ отразились на планѣ «союзнаго посредничества для умиротворенія Европы», вести переговоры о которомъ былъ, осенью 1804 года, отправленъ въ Лондонъ Новосильцевъ. Практическій умъ Питта и традиціонная своекорыстная политика дворовъ великобританскаго и австрійскаго тщательно устранили изъ русскаго проекта бо́льшую часть великодушныхъ условій его, направленныхъ «къ утвержденію счастія человѣческаго рода». Въ заключенныхъ въ теченіе слѣдующаго года договорахъ, послужившихъ основаніемъ третьей коалиціи противъ Франціи, приняты были въ соображеніе и обезпечены положительныя выгоды всѣхъ державъ, принявшихъ въ ней участіе, за исключеніемъ одной Россіи, которая такъ и осталась при своемъ безкорыстіи [1]).

Десять лѣтъ спустя, на вѣнскомъ конгрессѣ императоръ Александръ могъ убѣдиться какъ мало примѣнимы въ политикѣ отвлеченныя понятія «законности, равноправности и справедливости». По свидѣтельству одного изъ вліятельнѣйшихъ участниковъ, конгрессъ этотъ представлялъ возмутительное зрѣлище хищничества и лицемѣрія. «Громкія фразы,» писалъ Генцъ, «о возстановленіи общественнаго порядка, о возрожденіи политической системы Европы, о прочномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ раздѣленіи силъ, и т. п. раздавались лишь съ цѣлью успокоить народы и придать этому торже-

---

[1]) Такъ называемый «договоръ соглашенія», заключенный въ С.-Петербургѣ между Россіей и Англіей 30 марта (11 апрѣля) и актъ приступленія къ нему Австріи 28 іюля (9 августа) 1805, въ первый разъ обнародованы Мартенсомъ въ его *Собраніи трактатовъ и конвенцій*, II, стр. 421—471. О политическихъ мечтаніяхъ аббата Піатоли, см. Thiers *Histoire du Consulat et de l'Empire*, V, стр. 320—338.

ственному собранію видъ полный достоинства и величія; но истинная цѣль конгресса состояла въ раздѣлѣ между побѣдителями отнятой у побѣжденныхъ добычи [1].» На такомъ конгрессѣ не было мѣста идеальнымъ началамъ единенія между государями и братства народовъ, о торжественномъ провозглашеніи которыхъ все еще помышлялъ русскій императоръ. Союзники всѣ перессорились между собою и едва не довели дѣла до новой войны. Англія и Австрія не устыдились даже заключить тайный союзный договоръ съ Франціей противъ недавнихъ сподвижниковъ своихъ въ побѣдоносной борьбѣ съ нею, Россіи и Пруссіи. Снова сплотила четыре державы общая опасность, вторичное воцареніе Наполеона, совершившееся съ необыкновенною легкостью и быстротой. Союзъ между ними былъ возобновленъ на прежнихъ условіяхъ и не замедлилъ увѣнчаться скорымъ и полнымъ успѣхомъ. Наполеонъ былъ низложенъ во второй разъ. Союзныя войска опять вступили въ Парижъ и опять предписали миръ Франціи.

Тогда императору Александру показалось, что настало время возбудить вопросъ объ осуществленіи давней и завѣтной мечты его. Актъ Священнаго Союза былъ начертанъ собственною рукой государя и лично переданъ имъ для подписанія тѣмъ, кого онъ считалъ вѣрными своими друзьями и ближайшими сотрудниками въ дѣлѣ освобожденія Европы: императору австрійскому и королю прусскому.

Во вступленіи къ договору три монарха провозглашали внутреннее убѣжденіе въ необходимости подчинить взаимныя свои отношенія «высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя,» и объявляли торжественно, что какъ во внѣшней такъ и во внутренней политикѣ «будутъ руководиться не какими либо иными правилами какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира».

Самый актъ состоялъ изъ трехъ статей. Первая установляла, что договаривающіеся государи «пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и непрерывнаго братства, и почитая себя какъ бы единоземцами, они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь». Сверхъ того, они обязывались управлять своими подданными какъ отцы семействъ и въ томъ же духѣ

---

[1]) Записка Генца въ *Mémoires de Metternich*, II, стр. 474.

братства «для охраненія вѣры, правды и мира». Вторая статья вмѣняла въ обязанность какъ властямъ, такъ и подданнымъ трехъ союзныхъ державъ, представляющихъ «тріединаго семейства отрасли, а именно Австріи, Пруссіи и Россіи», въ сношеніяхъ между собою руководиться тѣми же правилами, «приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго», самодержецъ котораго— «Богъ, нашъ божественный Спаситель Іисусъ Христосъ, Глаголъ Всевышняго, Слово Жизни». Монархи почитаютъ себя его ставленниками и убѣждаютъ своихъ подданныхъ «со дня на день утверждаться въ правилахъ и въ дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ божественный Спаситель». Третьей статьей объявлялось, что «всѣ державы, желающія признать изложенныя въ семъ актѣ священныя правила,» могутъ «всеохотно и съ любовью быть приняты въ сей Священный Союзъ» [1]).

Императоръ Францъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ приложили свои подписи рядомъ съ подписью русскаго государя. Въ послѣдствіи, къ Священному Союзу приступило большинство христіанскихъ монарховъ, за исключеніемъ принца-регента великобританскаго.

Актъ 14-го (26-го) сентября 1815 года являлся выраженіемъ не только глубокихъ религіозныхъ вѣрованій императора Александра, но и искреннихъ политическихъ намѣреній его, которымъ онъ остался вѣренъ до конца жизни. Но оба его главные союзника отнеслись къ подписанному ими обязательству съ чувствомъ недоумѣнія и едва ли не недовѣрія.

Получивъ изъ рукъ государя проектъ союзнаго акта, имъ самимъ составленный, императоръ Францъ передалъ его на заключеніе князя Меттерниха, предупредивъ, «что лично ему бумага эта не нравится и что изложенныя въ ней мысли наводятъ даже на весьма серіозныя размышленія». Австрійскій министръ въ свою очередь нашелъ, «что актъ этотъ не имѣетъ иного значенія и смысла какъ лишь филантропическаго порыва, прикрытаго покровомъ религіи, что онъ не можетъ составить предметъ договора между государями и что наконецъ въ немъ содержится нѣсколько мыслей, могущихъ быть дурно истолко-

---

[1]) Актъ Священнаго Союза 14 (26) сентября 1815. П. С. З. № 25,943.

ванными съ религіозной точки зрѣнія». Мнѣніе Меттерниха раздѣлялъ не только его государь, но и король прусскій. Всѣ трое рѣшили, что безъ существенныхъ измѣненій актъ не можетъ быть подписанъ; «и даже съ этими измѣненіями», признается Меттернихъ, «договоръ лишь на половину улыбался императору Францу». Тѣмъ не менѣе и Францъ и Фридрихъ-Вильгельмъ подписали видоизмѣненный согласно ихъ замѣчаніямъ актъ, опасаясь отказомъ раздражить и прогнѣвать императора Александра, близко принимавшаго къ сердцу это дѣло. «Такова исторія Священнаго Союза,» разсказываетъ въ своихъ посмертныхъ *Запискахъ* австрійскій канцлеръ, «союза который даже въ предубѣжденномъ умѣ своего основателя долженъ былъ быть лишь нравственною манифестаціей, тогда какъ въ глазахъ прочихъ государей онъ не имѣлъ даже и того значенія.» «Въ послѣдствіи,» прибавляетъ онъ, «о Священномъ Союзѣ никогда болѣе не было и рѣчи между кабинетами, да и быть не могло» [1]).

Князь Меттернихъ называлъ актъ 14-го (26-го) сентября «звонкимъ и пустымъ». Но еще враждебнѣе относился къ нему Генцъ, правая рука австрійскаго министра. Онъ удивлялся странности договора «чисто религіознаго содержанія», заключеннаго тремя государями, изъ коихъ одинъ былъ православный, другой католикъ, третій протестантъ. «Этотъ мнимый Священный Союзъ,» писалъ онъ, «есть то, что называется политическимъ нулемъ. Онъ не имѣетъ никакой существенной цѣли и никогда не приведетъ къ серіознымъ результатамъ. Это театральная декорація изобрѣтенная быть можетъ въ духѣ дурно понятой набожности и въ особенности крайне плохо выраженная, быть можетъ также задуманная, въ порывѣ простаго тщеславія, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ на всемірной сценѣ и поддержанная услужливостью или добродушіемъ его соучастниковъ [2])».

Такъ съ первыхъ дней Священнаго Союза смотрѣли на его обязательность правительства австрійское и прусское; такъ относилась къ нему и вся дипломатія Запада. Между тѣмъ, въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ императорскій кабинетъ считалъ его «краеугольнымъ камнемъ» своей политической

---

[1]) *Mémoires de Metternich*, I, стр. 210—211.

[2]) Генцъ господарю валашскому, князю Караджѣ, 13 (25) февраля 1816.

системы и въ сношеніяхъ съ союзниками строго держался его условій. Сопоставленіе это достаточно разъясняетъ главную причину недоразумѣній, неоднократно возникавшихъ въ теченіе того же періода времени, вслѣдствіе различія взглядовъ дворовъ, съ одной стороны, с.-петербургскаго, съ другой—вѣнскаго и берлинскаго, на сущность союзныхъ между ними отношеній.

Впрочемъ, между тремя дворами существовали и другія взаимныя обстоятельства, болѣе положительнаго свойства. То были договоры, заключенные ими во время образованія «великаго союза», первоначальною цѣлью коего было избавленіе Европы отъ владычества Наполеона. Первымъ въ ихъ ряду была калишско-бреславская конвенція между Россіей и Пруссіей [1]); за ней слѣдовала конвенція рейхенбахская и теплицкій трактатъ, посредствомъ которыхъ къ союзу этихъ двухъ державъ примкнула Австрія [2]); наконецъ шомонскій договоръ, соединившій и Англію съ великими державами материка. Послѣдній трактатъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ не ограничивалъ дѣйствія четвернаго союза достиженіемъ ближайшей его цѣли, обузданія Франціи и возстановленія мира и равновѣсія въ Европѣ, но обязывалъ союзниковъ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, помогать другъ другу въ случаѣ если бы на одного изъ нихъ Франція снова совершила нападеніе [3]). Послѣ вторичнаго вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1815 году и втораго парижскаго мира, шомонскій договоръ былъ подтвержденъ новымъ трактатомъ, установившимъ правила, которымъ четыре союзныя державы «впредь намѣрены слѣдовать для предохраненія Европы отъ опасностей еще могущихъ угрожать ей». Правила эти въ сущности сводились къ общимъ мѣрамъ противъ возможности революціоннаго переворота во Франціи, ко временному занятію части ея союзными войсками, и лишь въ заключительной статьѣ четыре двора «условились возобновлять въ опредѣленныя времена, или при непосредственномъ участіи госу-

---

[1]) О калишско-бреславской конвенціи 15 (27) и 16 (28) февраля 1813, см. Oncken *Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege*, стр. 234—254.

[2]) Рейхенбахская конвенція 15 (27) іюля и теплицкій трактатъ 28 август [1] (9 сентября) 1813, у Мартенса, «*Собраніе трактатовъ и конвенцій*», III, стр. 105—111 и 117—126.

[3]) Шомонскій договоръ 17 февраля (1 марта) 1814, тамъ же, стр. 155—165.

дарей, или чрезъ уполномоченныхъ къ тому министровъ, особенныя совѣщанія для разсужденія о пользахъ общихъ и для разсмотрѣнія мѣръ, кои во время каждаго изъ сихъ собраній будутъ сочтены самыми дѣйствительными для охраненія спокойствія и благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ и мира всей Европы». [1])

Такимъ образомъ шомонскій договоръ установилъ между Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей, постоянное соглашеніе по общеевропейскимъ дѣламъ, а парижскій образовалъ изъ нихъ верховный совѣтъ, вѣдающій и рѣшающій эти дѣла. На ахенскомъ конгрессѣ 1818 года умиротворенная Франція была допущена занять мѣсто въ этомъ совѣтѣ на правахъ пятой великой державы, но тогда же остальные четыре союзные двора подписали тайный протоколъ, въ коемъ повторили взаимное обѣщаніе «содержать каждый наготовѣ вспомогательный корпусъ въ 60,000 человѣкъ, а въ случаѣ надобности и всѣ свои силы, на тотъ конецъ, если бы Франція, раздираемая тѣми же революціонными началами, которыя поддержали послѣднее преступное похищеніе власти Наполеономъ, снова стала угрожать спокойствію другихъ государствъ». [2]).

Таковы договоры, подъ охрану коихъ было поставлено международное устройство Европы въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлили его парижскіе мирные трактаты 1814 и 1815 годовъ и заключительный актъ вѣнскаго конгресса [3]). Во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ стоялъ верховный совѣтъ пяти великихъ державъ, заботившійся о соблюденіи поземельнаго status quo и о сохраненіи всеобщаго мира. Но державы эти находились не въ одинаковыхъ отношеніяхъ другъ ко другу. Четыре изъ нихъ продолжали составлять тайный союзъ противъ пятой, въ виду возможности ниспроверженія въ ней монархическаго образа правленія. Обязательства союзниковъ были точно опредѣлены лишь въ отношеніи къ этой послѣдней случайности; во всѣхъ же прочихъ, одинъ импера-

---

[1]) Парижскій договоръ 8 (20) ноября 1815 года. П. С. З. № 25.991.

[2]) Тайный ахенскій протоколъ 3 (15) ноября 1818.

[3]) Парижскіе мирные договоры 18 (30-го) мая 1814, и 8-го (20) ноября 1815, напечатаны во II томѣ G. F. de Martens *Nouveau recueil de traités*, а заключительный актъ вѣнскаго конгресса со всѣми приложеніями въ «*Собраніи трактатовъ и конвенцій*» Ѳ. Ѳ. Мартенса, III, стр. 229—249.

торъ Александръ считалъ своимъ долгомъ, на основаніи акта Священнаго Союза, «во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ» подавать своимъ союзникамъ «пособіе, подкрѣпленіе и помощь». «Скрѣпленіе союзныхъ узъ и посредствомъ ихъ сохраненіе европейскаго мира» провозглашалъ онъ цѣлью русской политики [1]).

Замѣчательно, что государь самъ не сомнѣвался въ односторонности такого взгляда на обязательства, истекавшія изъ договора 14-го (26-го) сентября. Полтора года по его заключеніи, графъ Нессельроде, по высочайшему повелѣнію, писалъ посланнику нашему въ Вѣнѣ, что всѣ европейскія правительства проникнуты чувствомъ зависти къ Россіи и заняты лишь одною мыслію: какъ бы воздвигнуть неодолимую преграду ея политическому могуществу. Императорскій кабинетъ допускалъ даже, что зависть эта получитъ осязательную форму, подобно тому какъ случилось на вѣнскомъ конгрессѣ, когда Австрія, Англія и Франція заключили тайный союзъ противъ насъ. Государю было хорошо извѣстно, что Вѣнскій дворъ искалъ сближенія съ Пруссіей, съ цѣлью подорвать вліяніе Россіи въ Германіи; что онъ же согласился съ Англіей въ необходимости противодѣйствовать намъ на Востокѣ. Но графъ Нессельроде находилъ, «что пока подобныя комбинаціи остаются комбинаціями», мы можемъ относиться къ нимъ совершенно равнодушно. «Государь,» говорилось въ депешѣ, «не измѣнитъ своей системы. Система эта одна и состоитъ въ ненарушимомъ соблюденіи мира посредствомъ самаго тщательнаго исполненія существующихъ постановленій, въ особенности акта 14-го (26-го) сентября, который его величеству угодно считать *краеугольнымъ камнемъ* возстановленной Европы.» Предположенія русскаго министра шли еще далѣе. Онъ предвидѣлъ тотъ случай, когда враждебныя намъ державы, то-есть наши же союзники, перейдутъ въ наступленіе и даже возьмутся за оружіе противъ насъ. Что же тогда? «Тогда,» отвѣчалъ онъ, «настанетъ для нихъ время предстать на судъ общественнаго мнѣнія, отъ котораго въ наши дни болѣе чѣмъ когда-либо зависятъ всѣ правительства, какъ бы ни были они могущественны. Такова справедливая воля Божественнаго Провидѣнія, установившаго, чтобы въ

[1]) Графъ Нессельроде графу Стакельбергу 11 (23) февраля 1817.

эпоху, когда ветхія и отжившія учрежденія не замѣнены еще учрежденіями новыми и прочными, сила общественнаго мнѣнія умѣряла, пока длится междуцарствіе, политическій и общественный порядокъ [1]).»

Императоръ Александръ не замедлилъ неопровержимо доказать на дѣлѣ какъ строго онъ держался принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ «великому союзу». Революціонное броженіе съ каждымъ днемъ усиливалось на Западѣ. Убійства Коцебу въ Мангеймѣ и герцога Беррійскаго въ Парижѣ были предвѣстниками новыхъ смутъ. Вооруженное возстаніе вспыхнуло въ Неаполѣ, Сардиніи, Испаніи. На конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ русскій императоръ не только принялъ личное участіе въ обсужденіи мѣръ, направленныхъ къ водворенію въ этихъ странахъ законнаго порядка, но даже выразилъ готовность двинуть свою армію для усмиренія мятежниковъ. Протоколы и деклараціи, подписанные на помянутыхъ конгрессахъ, расширили программу союза и провозгласили солидарность его членовъ въ виду всякаго проявленія революціи въ Европѣ [2]).

Но число участниковъ союза уменьшилось. Уже въ Троппау, великобританскій кабинетъ отказался принимать участіе въ общихъ совѣщаніяхъ, а по смерти лорда Кэсльри и по вступленіи Каннинга въ завѣдываніе иностранными дѣлами, усвоилъ политику, прямо противоположную охранительнымъ началамъ бывшихъ своихъ союзниковъ. Увлекаемая его примѣромъ, Франція также устранила себя отъ участія въ распоряженіяхъ конгрессовъ троппаускаго и лайбахскаго и лишь въ Веронѣ снова примкнула къ тремъ сѣвернымъ дворамъ, взявъ даже на себя возстановленіе порядка въ Испаніи посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства. Послѣдствіемъ было еще болѣе тѣсное единеніе Россіи, Австріи и Пруссіи.

Съ этого времени, въ совѣтахъ трехъ союзныхъ государей становится преобладающимъ вліяніе австрійскаго канцлера. Ему удалось наконецъ побороть давнее нерасположеніе императора

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Стакельбергу, 31 января (12 февраля) 1817.

[2]) Документы эти напечатаны въ IV томѣ, ч. I. Мартенса: *«Собраніе трактатовъ и конвенцій»*, а именно: троппаускіе протоколы 7 (19) ноября 1820, на стр. 281—286; лайбахская декларація 30 апрѣля (12 мая) 1821, на стр. 289—292; веронскій протоколъ 19 ноября (1 декабря) 1822, на стр. 324—326.

Александра и заполонить его довѣріе. Онъ успѣлъ убѣдить государя, что спокойствію Европы угрожаетъ со стороны международной революціи близкая опасность и что онъ, Меттернихъ, одинъ въ состояніи предотвратить ее. Всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы поколебать кредитъ «апокалипсическаго Іоанна», какъ онъ называлъ ненавистнаго ему Каподистрію, и поднять значеніе «маленькаго Нессельроде», послушнаго и предашаго ученика его и послѣдователя. Уже въ Троппау Меттернихъ хвалился полнымъ подчиненіемъ Александра его видамъ. Побѣда его завершилась въ Лайбахѣ. «Вліяніе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ восторжествовало,» писалъ онъ оттуда; «сильнѣйшій увлекъ слабѣйшаго, согласно законамъ механики, физики и нравственности. Русскій первый министръ палъ. Удастся ли ему когда нибудь подняться снова? [1])»

Слѣдуя внушеніямъ князя Меттерниха, императоръ Александръ на лайбахскомъ конгрессѣ призналъ греческое возстаніе тождественнымъ по основнымъ началамъ и цѣлямъ съ революціонными движеніями, происходившими одновременно на полуостровахъ Апеннинскомъ и Пиренейскомъ. Онъ не только отказалъ этому возстанію въ сочувствіи и поддержкѣ, но произнесъ надъ нимъ торжественное осужденіе. Такого полнаго забвенія традиціонной политики Россіи относительно христіанъ Востока не ожидали даже австрійцы. Генцъ съ восторгомъ повѣствуетъ о совѣщаніи, состоявшемся тотчасъ по полученіи въ Лайбахѣ перваго извѣстія о возстаніи въ княжествахъ. Совѣщаніе это происходило у императора Франца, и въ немъ приняли участіе оба государя и министры иностранныхъ дѣлъ, австрійскій и прусскій. Русскіе уполномоченные не присутствовали. «Оно было,» говоритъ Генцъ, «однимъ изъ величайшихъ и величественнѣйшихъ событій нашего времени, такъ прекрасно, такъ трогательно, что описать его я могу лишь на словахъ. Каждый изъ четырехъ высокихъ участниковъ имѣлъ случай выказать себя во всей своей силѣ. Конференція продолжалась всего часъ, но въ теченіе этого часа были обсуждены важнѣйшіе вопросы и созрѣли важнѣйшія рѣшенія. Императоръ Александръ говорилъ въ заключеніе такъ превосходно, что глубочайшее умиленіе овладѣло нашимъ императоромъ и обоими министрами. Всѣ встали и выразили живѣйшее къ нему удив-

---

[1]) Частное письмо князя Меттерниха изъ Лайбаха отъ 11 (23) февраля 1821.

леніе. Онъ отвѣчалъ изъ глубины души: «Не ко мнѣ, господа, а къ Богу должны быть обращены ваши слова. Если мы спасемъ Европу, на то будетъ Его воля!» [1]).

Государь искренно отказался ото всякаго отдѣльнаго вмѣшательства въ греческій вопросъ и долго съ усердіемъ искалъ разрѣшенія его «на почвѣ союза». Меттернихъ увѣрялъ, что нужно прежде всего обезпечить торжество начала законности, что пользы Россіи совпадаютъ въ этомъ случаѣ съ общими интересами Европы и что онъ готовъ служить имъ на Востокѣ какъ и на Западѣ. Но, прикрываясь личиной ревности къ общимъ цѣлямъ Союза, онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду исконную задачу австрійской политики: ослабленіе нашего вліянія именно на Востокѣ. Между тѣмъ, довѣріе къ Меттерниху императора Александра было безграничное. По его совѣту, государь поручилъ англійскому представителю на Босфорѣ продолжать съ Портой переговоры, прерванные отъѣздомъ барона Строганова и прекращеніемъ нашихъ съ нею дипломатическихъ сношеній, а послѣ того какъ возобновленіе этихъ сношеній было рѣшено на свиданіи въ Черновицѣ русскаго и австрійскаго государей, графъ Нессельроде былъ посланъ оттуда во Львовъ (Лембергъ) къ больному Меттерниху, который и продиктовалъ русскому статсъ-секретарю всѣ относившіяся къ этому дѣлу бумаги [2]).

Все это разумѣется не привело ни къ чему, и когда, потерявъ терпѣніе, императоръ Александръ рѣшился передать на обсужденіе собранной въ Петербургѣ конференціи представителей великихъ державъ выработанный его кабинетомъ планъ умиротворенія Греціи, уклончивое поведеніе вѣнскаго двора ясно обнаружило двуличіе и недобросовѣстность Меттерниховской политики. Графъ Нессельроде вынужденъ былъ сознаться, что «съ одной стороны, насъ увѣряютъ, что мѣры, соглашенныя въ Петербургѣ, не приводили и никогда не приведутъ насъ къ какому либо результату; съ другой же, утверждаютъ, что только эти мѣры и будутъ совѣтовать намъ наши союзники, только на нихъ однѣхъ и выразятъ они свое согласіе». Завѣса спала съ глазъ Александра. Послу своему въ Вѣнѣ онъ повелѣлъ, въ разговорахъ съ княземъ Меттернихомъ, вовсе не упоминать о Востокѣ и лишь въ случаѣ запроса отвѣчать, «что отнынѣ Россія будетъ исключительно преслѣдовать свои виды

[1]) Генцъ Пилату, 3 (15) марта 1821.

[2]) О свиданіи въ Черновицѣ и его послѣдствіяхъ, см. *Mémoires de Metternich*, IV, стр. 18—21 и 77—84.

и руководствоваться собственными интересами» [1]). Слова эти не были пустою угрозой. Въ умѣ государя война съ Турціей была рѣшена.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда на престолъ вступилъ императоръ Николай.

Въ первомъ же дипломатическомъ актѣ своего царствованія, молодой государь объявилъ, что во внѣшней политикѣ намѣренъ строго придерживаться началъ, установленныхъ его августѣйшимъ братомъ и предшественникомъ и въ продолженіе десяти лѣтъ обезпечивавшихъ миръ Европы [2]). Ту же мысль постоянно развивалъ онъ въ бесѣдахъ съ прибывшими въ Петербургъ привѣтствовать его съ воцареніемъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ Эсте Австрійскимъ, принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ и великобританскимъ чрезвычайнымъ посломъ герцогомъ Веллингтономъ, а также и съ другими иностранными представителями при своемъ дворѣ. Онъ не только желалъ утвердить «великій союзъ», но, подобно императору Александру, понималъ его въ самомъ широкомъ смыслѣ обѣщаній, которыми три союзные государя обмѣнялись въ актѣ 14-го (26-го) сентября. «Вы можете смѣло увѣрить его императорское величество, говорилъ онъ австрійскому послу въ Петербургѣ, «что какъ только онъ испытаетъ нужду въ моей помощи, силы мои будутъ постоянно въ его распоряженіи, какъ то было при покойномъ братѣ. Императоръ Францъ всегда найдетъ во мнѣ усерднаго и вѣрнаго союзника и искреннягодруга [3]).»

Но если такъ смотрѣлъ императоръ Николай на обязанности свои предъ союзными государями, то онъ же считалъ своимъ правомъ совершенно независимо отъ нихъ дѣйствовать во всѣхъ дѣлахъ касавшихся непосредственно пользъ или достоинства Россіи. По мнѣнію его, въ такомъ «особенномъ положеніи» стояла она къ Оттоманской имперіи, и потребовавъ отъ Порты удовлетворенія въ шестинедѣльный срокъ всѣхъ основанныхъ на договорахъ притязаній, предъявленныхъ ей въ послѣдніе годы предшедшаго царствованія, онъ даже не обратился къ союзникамъ своимъ съ просьбой поддержать эти требованія, а ограничился выраженіемъ надежды, что они

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву 6 (18) августа 1825.

[2]) Циркуляръ графа Нессельроде иностраннымъ министрамъ въ Петербургѣ 14 (26) декабря 1825.

[3]) Графъ Лебцельтернъ князю Меттерниху 26 мая (6 іюня) 1826.

въ случаѣ войны между Россіей и Турціей будутъ соблюдать строгій и добросовѣстный нейтралитетъ [1]). Въ то же время онъ принялъ предложеніе Англіи условиться относительно началъ, на которыхъ должно состояться умиротвореніе Греціи и пригласилъ всѣ великія державы приступить къ протоколу, излагавшему эти условія и подписанному въ Петербургѣ графами Нессельроде и Ливеномъ, съ одной стороны, и герцогомъ Веллингтономъ съ другой [2]). Франція первая отозвалась на этотъ призывъ, и протоколъ по греческому дѣлу былъ облеченъ въ торжественную форму трактата, заключеннаго въ Лондонѣ между дворами императорскимъ, сентъ-джемскимъ и парижскимъ [3]).

Вѣсть о соглашеніи Россіи съ морскими державами по вопросу объ умиротвореніи Греціи была для князя Меттерниха совершенною неожиданностью. Она поразила его какъ громомъ. «Континентальный союзъ,» заявилъ онъ нашему послу, «на которомъ покоились тишина и благоденствіе Европы, перестаалъ существовать» [4]). Меттернихъ долго не вѣрилъ въ устойчивость самостоятельнаго направленія принятаго русскою политикой. Онъ пытался запугать насъ сообщничествомъ нашимъ съ Каннингомъ, стремленія котораго выставлялъ въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ. По словамъ его, англійскій министръ не признаетъ ни одной изъ великихъ основъ европейскаго порядка: уваженія существующихъ правъ, свободы и независимости государствъ, святости договоровъ, значенія законной власти. Частную пользу своей страны, утверждалъ Меттернихъ, Каннингъ противупоставляетъ общему благу, вмѣшательство допускаетъ лишь въ защиту мятежа и возстанія [5]). Нареканія эти не произвели ожидаемаго дѣйствія на императора Николая; онъ продолжалъ съ твердостью идти по намѣченному пути.

Впрочемъ, государь сдѣлалъ все что̀ могъ, дабы привлечь Австрію къ общему дѣйствію въ греческомъ дѣлѣ. Онъ повторилъ увѣреніе въ рѣшимости своей не уклоняться отъ политики своего предшественника, поддерживать тѣсный союзъ съ вѣнскимъ дворомъ, свято и ненарушимо соблюдать дого-

[1]) Циркулярныя депеши, явная и тайная, графа Нессельроде русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, 17 (29) марта 1826.

[2]) С.-Петербургскій протоколъ, 23 марта (4 апрѣля) 1826.

[3]) Лондонскій договоръ 6 (18) іюля 1827.

[4]) Татищевъ графу Нессельроде 5 (17) мая 1826.

[5]) Татищевъ графу Нессельроде 13 (25) октября 1826.

воры. Онъ снова обѣщалъ Австріи дѣятельную союзническую помощь всегда и всюду, гдѣ только представится въ ней надобность. Наконецъ, онъ торжественно отрекся отъ всякаго намѣренія поколебать Оттоманскую имперію или причинить ея распаденіе [1]). Напрасно. Вѣнскій дворъ не только упорно отказывался приступить къ лондонскому трактату, на томъ основаніи, что вмѣшательство въ пользу подданныхъ возставшихъ на своего государя противно его правиламъ, но отклонилъ и Пруссію отъ подписанія этого акта.

Между тѣмъ, Порта отвергла предложенное ей посредничество трехъ союзныхъ державъ, а наваринскій бой повлекъ за собою отозваніе изъ Константинополя представителей Россіи, Англіи и Франціи. Упорство турокъ мы не безъ причины приписывали проискамъ князя Меттерниха. Послу нашему въ Вѣнѣ было предписано объявить князю, что Императорскій кабинетъ постигъ его лукавство. Австрія не только не поддерживала требованій, предъявленныхъ Портѣ тремя союзными державами, но, вопреки своему обѣщанію, не переставала ободрять ее въ сопротивленіи. Она даже побуждала Порту начать войну, внушая ей, что союзъ трехъ державъ непроченъ. Какую же цѣль, спрашивали мы, преслѣдуетъ вѣнскій дворъ? Неужели распаденіе Оттоманской имперіи? Или Австрія не видитъ, что безъ подстрекательствъ съ ея стороны не случилось бы наваринскаго сраженія, турецко-египетскій флотъ не былъ бы уничтоженъ? Пусть же она не забываетъ, что Россія твердо рѣшилась привести лондонскій договоръ въ исполненіе; пусть знаетъ, что императоръ готовъ вооруженною силой образумить турокъ и что ей не удастся разстроить союзъ трехъ державъ и поколебать твердость русскаго государя. Она одна отвѣтитъ за всѣ бѣдствія, которыя постигнутъ Оттоманскую имперію. Весь вопросъ сводится къ тому: желаетъ ли Австрія войны между Россіей съ Турціей? Если желаетъ, то конечно и достигнетъ своей цѣли, слѣдуя по избранному ею пути; если же нѣтъ, то она должна измѣнить свой образъ дѣйствій и убѣдить Порту подчиниться постановленіямъ іюльскаго договора. «Наступила минута,» такими словами заключалъ графъ Нессельроде депешу свою къ Татищеву, «когда вѣнскому двору приходится выбирать одно изъ двухъ. Всякая отсрочка можетъ

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву 10 (22) января и 27 марта (8 апрѣля) 1827.

быть роковою. Вы предложите ему, господинъ посолъ, рѣшить свой выборъ безъ малѣйшаго замедленія [1]).»

Австрійскій канцлеръ давно отвыкъ отъ такихъ энергическихъ рѣчей въ устахъ русскихъ дипломатовъ. Онъ рѣшительно не узнавалъ робкаго и застѣнчиваго Нессельроде, льстиваго и подобострастнаго Татищева [2]). На поставленный посломъ нашимъ категорическій вопросъ: намѣрена ли Австрія объявить Портѣ, что ей нечего разсчитывать на австрійскую помощь и слѣдуетъ немедленно исполнить требованія трехъ союзныхъ дворовъ, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ самого императора Франца [3]).

Но поступки австрійскаго правительства не согласовались съ его увѣреніями. По мѣрѣ того, какъ война Россіи съ Турціей становилась неизбѣжною, и русская армія приближалась къ границамъ Молдавіи, Австрія начала сосредоточивать войска въ Трансильваніи. Можно было опасаться австрійскаго занятія Дунайскихъ княжествъ. На этотъ случай нашему главнокомандующему, князю Витгенштейну, даны были слѣдующія инструкціи: 1) Если австрійскія войска сдѣлаютъ попытку остановить движеніе русской арміи въ княжествахъ, то главнокомандующій предложитъ имъ отступить; 2) если они не отступятъ, то наша армія все же будетъ продолжать свое движеніе впередъ, безъ остановки, и 3) если австрійцы тому воспротивятся, то русскія войска, отразивъ ихъ вооруженною силой, обезоружатъ ихъ и выпроводятъ обратно за австрійскую границу. Инструкціи эти были сообщены Татищеву, который приглашался: въ первомъ случаѣ, выразить вѣнскому двору благодарность императорскаго кабинета; во второмъ— настаивать на немедленномъ выводѣ австрійскихъ войскъ изъ княжествъ; въ третьемъ—требовать того же, предупредивъ,

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву 20 ноября (2 декаб[illegible]) 1827.

[2]) За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Меттернихъ писа[illegible] графѣ Нессельроде, въ письмѣ изъ Троппау, 23 ноября (5 декабря) 1820: «Жаль: что Нессельроде такъ стушевывается. Я не понимаю какъ можетъ человѣкъ уничтожать себя до такой степени, что надѣваетъ чужую одежду и прикрывается чужою маской, вмѣсто того, чтобы сохранить собственное выраженіе.» О Татищевѣ онъ же, въ письмѣ 19 іюня (1 іюля) 1822, замѣчаетъ: «Мой талантъ состоялъ въ томъ, чтобы поставить его въ положеніе, которое онъ не можетъ покинуть, не сломавъ себѣ шеи. А этотъ почтенный человѣкъ дорожитъ своею шеей.»

[3]) Татищевъ графу Нессельроде 16 (28) декабря 1827.

что неисполненіе этого требованія будетъ равносильно объявленію намъ Австріей войны [1]).

При такихъ условіяхъ началась турецкая кампанія 1828 года. Государь приказалъ объявить вѣнскому двору, что Россія не преслѣдуетъ своекорыстныхъ видовъ и не ищетъ завоеваній. Императоръ Францъ отвѣчалъ, что заявленіе это его совершенно успокоиваетъ и обѣщалъ соблюдать строгій нейтралитетъ [2]). Но во все продолженіе войны, поведеніе Австріи не переставало внушать намъ самыя серіозныя опасенія. Въ виду сего, докладывалъ вице-канцлеръ государю, Россія должна быть готова на все. «Если Австрія собираетъ войска,» говорилъ онъ въ своемъ докладѣ, «то наши собраны; если она заключаетъ займы, то у насъ довольно средствъ даже на случай второй войны, и въ тотъ самый день, когда мы ясно увидимъ признаки враждебныхъ намъ намѣреній, право дать отпоръ несправедливому нападенію дастъ намъ также право предупредить его, и этимъ правомъ мы воспользуемся [3]).»

Нынѣ можно съ достовѣрностью признать, что князь Меттернихъ и не замышлялъ вооруженнаго вмѣшательства въ борьбу нашу съ Турціей. Такой рѣшительный шагъ совершенно не соотвѣтствовалъ бы ни слабости Австріи въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ, ни обычнымъ пріемамъ до боязливости осторожной политики австрійскаго канцлера, привыкшаго загребать жаръ преимущественно чужими руками. За то, еще на вѣнскомъ конгрессѣ, въ немъ зародилась мысль обезпечить Турцію отъ опасностей грозившихъ ей со стороны Россіи общеевропейскою гарантіе[illegible]дѣній [4]). Къ этой мысли возвратился онъ со[illegible]енныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Онъ вн[illegible] прежніе мирные договоры е[illegible]ъ прямую зависимость отъ [illegible] какъ перемиріями на ко-[illegible]и безопасность Порты требовали-де [illegible] миръ былъ заключенъ не иначе, какъ при [illegible]ничествѣ и за ручательствомъ великихъ державъ. Мет-

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву 9 (21) декабря 1827.

[2]) Татищевъ графу Нессельроде 29 января (10 февраля) и императоръ Францъ императору Николаю 12 (24) мая 1828.

[3]) Всеподданнѣйшій докладъ графа Нессельроде, октябрь 1828.

[4]) Генцъ господарю валашскому, князю Караджѣ, 16 (28) сентября, 24 сентября (6 октября) и 26 октября (7 ноября) 1815.

терниxъ развивалъ этотъ планъ и въ довѣрительныхъ сообщеніяхъ своихъ дворамъ лондонскому, парижскому и берлинскому. Имъ указывалъ онъ на всеобщій конгрессъ, какъ на единственное средство узаконить вмѣшательство Европы въ отношенія между Россіей и Турціей и положить конецъ русскому преобладанію на востокѣ [1]). Всѣ эти происки не увѣнчались успѣхомъ. Франція и Пруссія рѣшительно отвергли предложенія вѣнскаго кабинета, а герцогъ Веллингтонъ, вскорѣ по смерти Каннинга замѣнившій его во главѣ великобританскаго министерства, прямо заявилъ, что считаетъ себя связаннымъ съ Россіей постановленіями лондонскаго договора 1827 года [2]).

Тѣмъ затруднительнѣе было положеніе князя Меттерниха, когда русскій посолъ, отъ имени своего двора, потребовалъ отъ него объясненій по предмету какъ австрійскихъ вооруженій, такъ и интригъ противъ насъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ. Татищеву было предписано не скрывать отъ него: 1) что отношенія между Россіей и Австріей ухудшаются съ каждымъ днемъ; 2) что желаемое вѣнскимъ кабинетомъ вмѣшательство четырехъ великихъ державъ въ наши споры съ Турціей было бы коалиціей противъ Россіи, которая впрочемъ и одна готова защищаться до послѣдней крайности; 3) что такое вмѣшательство побудитъ насъ сдѣлать условія мира еще болѣе тяжкими для Турціи [3]).

Австрійскій канцлеръ прибѣгъ къ единственному доступному ему средству оправданія. Онъ сталъ упорно отрицать и вооруженія, и тайные переговоры съ иностранными кабинетами. «Если вы сосредоточите на нашей границѣ хоть сто тысячъ человѣкъ,» сказалъ онъ русскому послу, «то мы не двинемъ ни одного барабанщика. Война между обѣими имперіями невозможна» [4]). Что же касается предложенія дворамъ англійскому, французскому и прусскому принять на себя вмѣстѣ съ Австріи посредничество въ русско-турецкой распрѣ, то онъ представилъ намъ декларацій этихъ дворовъ, свидѣтельствовавшихъ, что такого предложенія они отъ него не

[1]) Ср. депеши князя Меттерниха князю Эстергази 20 ноября (2 декабря) 1828 съ депешами графа Поццо-ди-Борго графу Нессельроде 28 ноября (10 декабря) и 14 (26) декабря того же года.

[2]) Лордъ Абердинъ лорду Коулею 14 (26) декабря 1828.

[3]) Графъ Нессельроде Татищеву 26 декабря 1828 (7 января 1829).

[4]) Татищевъ графу Нессельроде 9 (21) ноября 1828.

получали [1]). Какъ бы то ни было, но графъ Нессельроде предупредилъ Татищева, что Россія никогда не допускала иностраннаго вмѣшательства въ сношенія свои съ Оттоманскою имперіей, а если бы даже въ немъ представилась надобность, то Австрія была бы послѣднею державой, къ которой мы обратились бы съ подобною просьбой, ибо во все продолженіе настоящей войны, она выказала намъ несравненно болѣе недоброжелательства, чѣмъ всѣ прочія державы [2]).

Адріанопольскій миръ не только не положилъ конца пререканіямъ, но еще болѣе обострилъ отношенія обоихъ императорскихъ дворовъ. Поздравляя государя съ заключеніемъ мира, императоръ Францъ, въ собственноручномъ письмѣ, не воздержался отъ выраженія опасенія, какъ бы революціонный духъ не распространился съ новою силой въ Европѣ, въ чемъ будетъ отчасти виновата Россія, разстроившая союзъ великихъ державъ. Императоръ Николай не оставилъ этого упрека безъ возраженія и велѣлъ послу своему въ Вѣнѣ объявить князю Меттерниху, что вѣнскій дворъ самъ систематически подрывалъ нашъ союзъ, что потворствомъ своимъ Турціи онъ довелъ дѣло до разрыва и что только такая политика могла ободрить упавшій духъ европейскихъ революціонеровъ [3]).

Условія мира приводили въ ужасъ австрійскую дипломатію. Интернунцій называлъ адріанопольскій договоръ «самымъ жестокимъ, самымъ унизительнымъ изо всѣхъ, когда либо исторгнутыхъ побѣдителемъ у слабаго побѣжденнаго», содержащимъ въ себѣ «тотъ смертельный ядъ, который рано или поздно приведетъ къ разложенію Оттоманской имперіи». По мнѣнію его, Россія исключила это государство изъ числа независимыхъ державъ. Въ мирномъ трактатѣ она найдетъ все что захочетъ, и если гибель Порты входитъ въ ея разсчеты, то она [illegible] себѣ предлоги и средства къ ихъ осу[illegible] Меттернихъ вполнѣ раздѣлялъ этотъ [illegible] въ завладѣніи Россией устьями Дуная [illegible]посредственную опасность для Австріи, нару[illegible]шеніе ея жизненныхъ интересовъ, торговыхъ и политическихъ. Въ докладѣ императору Францу, онъ настаивалъ на

---

[1]) Графъ Нессельроде барону Мейендорфу 17 (29) апрѣля 1829.

[2]) Графъ Нессельроде Татищеву 9 (21) іюня 1829.

[3]) Графъ Несельроде Татищеву 15 (27) октября 1829.

[4]) Баронъ Оттенфельсъ князю Меттерниху 13 (25) сентября 1829.

необходимости совершенно измѣнить политику, которой до того слѣдовалъ вѣнскій дворъ. «Великій союзъ», утверждалъ онъ, фактически расторгнутъ еще со времени подписанія петербургскаго протокола 1826 года. Россія измѣнила ему и заключила съ Англіей и Франціей новый союзъ, на началахъ, діаметрально противоположныхъ прежнему. Главною основой «великаго союза» было поддержаніе всѣхъ существующихъ законныхъ учрежденій. Только при этомъ условіи возможно сохраненіе всеобщаго мира. Но если въ обычныя времена правило это не нуждается въ формальномъ признаніи, то при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ. Такою мѣрою должно прежде всего быть увеличеніе военныхъ силъ Австріи. Еслибы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онѣ не были ограничены до крайности, Россія никогда не возбудила бы Восточнаго вопроса или по меньшей мѣрѣ, онъ не привелъ бы къ столь печальному исходу. Адріанопольскій миръ лишь временная остановка. Онъ доказываетъ необходимость политическаго преобразованія. Австрія должна занять въ этомъ новомъ мірѣ подобающее ей мѣсто. Несомнѣнная сила событій укажетъ ей на то, которое ей слѣдуетъ избрать. Нужно однако, чтобъ она имѣла средства удержать его, для спасенія себя и для блага всей Европы [1]).

Нельзя было яснѣе выразить желаніе окончательно порвать союзную связь Австріи съ Россіей. Понятно, что и у насъ господствовало въ это время подобное же намѣреніе. Вице-канцлеръ доносилъ государю, что, не принявъ участія въ переговорахъ, которые велись въ Лондонѣ по греческому дѣлу, вѣнскій дворъ, во все продолженіе войны, тѣмъ усерднѣе дѣйствовалъ въ смыслѣ, противномъ пользамъ Россіи; что австрійскіе дипломатическіе и консульскіе агенты, по инстинкту ли, или на основаніи полученныхъ ими инструкцій, внимательно поддерживали враждебный образъ дѣйствій своего правительства и содѣйствовали ему съ замѣчательнымъ единодушіемъ; что рѣчи ихъ и поведеніе всюду обнаруживали одинаковую зависть къ могуществу Россіи, одинаковую ревность въ возбужденіи ей затрудненій, то же предпочтеніе турокъ, тѣ же пожеланія въ пользу торжества послѣднихъ. Пока

[1]) Докладъ князя Меттерниха императору Францу 27 сентября (9 октября) 1829.

вѣнскій кабинетъ не откажется отъ такой «жалкой» системы, сближеніе наше съ Австріей невозможно» [1]).

Такимъ образомъ, къ началу 1830 года, совершенно видоизмѣнились прежнія взаимныя отношенія великихъ державъ, и изъ нихъ готовы были образоваться новыя созвѣздія.

Князь Меттернихъ старался вступить въ тѣсную связь съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ, на условіи общаго противодѣйствія преобладанію Россіи на Востокѣ. Оттоманская имперія потрясена въ своихъ основаніяхъ, писалъ онъ австрійскому послу въ Лондонѣ, она перестала быть независимымъ государствомъ, дальнѣйшее ея существованіе становится гадательнымъ. Европа находится въ состояніи толпы кутилъ послѣ попойки. Большою ошибкой было невключеніе турецкой территоріи въ общую поземельную гарантію европейскихъ державъ на вѣнскомъ конгрессѣ, но еще бо́льшая состоитъ въ допущеніи полнаго подчиненія Порты произволу ея могущественнаго сосѣда. Доколѣ намѣрена Англія простирать свое равнодушіе? Соглашеніе между ею и Австріей представляется совершенно-де необходимымъ [2]). Въ отвѣтъ на это сообщеніе, герцогъ Веллингтонъ высказалъ свое убѣжденіе, что Турція поражена на смерть, что безполезно тратить силы на попытки ея оживленія, что слѣдуетъ заботиться лишь о замѣщеніи ея въ средѣ европейскихъ государствъ. Естественною наслѣдницей Порты представлялась ему независимая Греція [3]).

Напротивъ, Франція обнаружила стремленіе къ сближенію съ нами. Съ самаго заключенія лондонскаго договора, политика Карла X доказывала намъ его сочувствіе и дружбу. Теперь, когда военные и дипломатическіе успѣхи наши высоко подняли значеніе наше въ Европѣ, тюильрійскій кабинетъ надѣялся съ нашею помощью возвратить потерянныя въ 1814 году «естественныя» границы: Рейнъ и Альпы. Пруссія не высказывалась пока въ пользу той или другой группы, но видимо склонялась на сторону Россіи и Франціи. Близкая родственная связь ея двора съ нашимъ императорскимъ домомъ была скрѣплена недавнимъ посѣщеніемъ императоромъ Николаемъ своего августѣйшаго тестя и обезпечила намъ

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1829 годъ.

[2]) Князь Меттернихъ князю Эстергази 9 (21) сентября 1829.

[3]) Князь Эстергази князю Меттерниху 30 сентября (12) октября 1829.

искреннее содѣйствіе берлинскаго кабинета въ переговорахъ о мирѣ съ султаномъ. Въ Парижѣ, гдѣ съ нетерпѣніемъ сносили тяжелое положеніе, созданное странѣ вѣнскими договорами, уже мечтали о земельномъ передѣлѣ Европы, соединенными усиліями Россіи, Франціи и Пруссіи, наперекоръ и въ ущербъ Англіи и Австріи. Іюльская революція, низвергшая престолъ старшей линіи Бурбоновъ, остановила въ самомъ зародышѣ развитіе и осуществленіе всѣхъ этихъ плановъ [1]).

Послѣдствія этой революціи не замедлили отозваться на сосѣднихъ странахъ. Заволновались Германія и Италія, Бельгія отдѣлилась отъ Голландіи и провозгласила себя независимою. Даже отдаленная Польша возстала, стремясь порвать связи, соединявшія ее съ Россіей и воскресить Рѣчь Посполитую въ предѣлахъ 1772 года. Революціонный потокъ грозилъ разлитіемъ по всей Европѣ. Разрушительное дѣйствіе его отразилось и на Англіи. Торійское министерство, съ начала столѣтія управлявшее страной, вынуждено было уступить мѣсто вигамъ съ ихъ политическою программой: расширеніемъ избирательныхъ правъ. Новый либеральный кабинетъ, въ которомъ лордъ Пальмерстонъ занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, спѣшилъ протянуть руку народившейся изъ парижскихъ баррикадъ конституціонной монархіи Лудовика-Филиппа и, положивъ основаніе «сердечному соглашенію» между обѣими морскими державами, создалъ на Западѣ противовѣсъ охранительному союзу трехъ сѣверныхъ государствъ.

Графъ Нессельроде пользовался водами въ Карлсбадѣ, когда тамъ было получено первое извѣстіе о происшедшей во Франціи революціи. Князь Меттернихъ, находившійся неподалеку оттуда, въ замкѣ своемъ Кенигсвартѣ, въ Чехіи, тотчасъ навѣстилъ русскаго министра и предложилъ ему, забывъ о прошлыхъ несогласіяхъ, условиться относительно общихъ мѣръ въ виду событія, грозившаго ниспроверженіемъ всѣхъ монархій Европы. Основанія соглашенія были изложены австрійскимъ канцлеромъ въ нѣсколькихъ строкахъ, извѣстныхъ въ дипломатическомъ мірѣ подъ названіемъ «карлсбадскаго лоскута». Содержаніе его было слѣдующее: «Принять за общее основаніе нашего поведенія рѣшеніе не вмѣшиваться во внутреннія

[1]) О французскихъ проектахъ переустройства Европы во время русско-турецкой войны 1882—29 годовъ, см. Stockmar *Denkwürdigkeiten*, стр. 153—158.

дѣла Франціи, но и не допускать, съ другой стороны, чтобы французское правительство посягало на матеріальные интересы Европы въ томъ видѣ, какъ они установлены и гарантированы общими уговорами, а также на внутренній миръ европейскихъ государствъ». Нессельроде повезъ эту бумагу въ Петербургъ на утвержденіе государя [1]).

Принятіе нами программы, начертанной рукой Меттерниха въ Карлсбадѣ, было равносильно возстановленію прежняго союза между Россіей и Австріей, къ которому необходимо должна была присоединиться и Пруссія. Императоръ Николай не сразу рѣшился на такой шагъ. Опытъ предшедшихъ лѣтъ поколебалъ его довѣріе къ искренности и добросовѣстности вѣнскаго кабинета. Лично онъ не любилъ его главу, считалъ его виновникомъ враждебнаго намъ направленія, принятаго въ послѣднее время австрійскою политикой и едва не вызвавшаго противъ насъ общеевропейской коалиціи. Зависть и страхъ предъ нашимъ могуществомъ руководили всѣми дѣйствіями австрійскаго правительства. Итакъ, на него мы не могли положиться. Пруссія чуждалась общеевропейскихъ дѣлъ и втихомолку подготовляла въ свою пользу объединеніе Германіи. пока лишь на почвѣ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ. И та и другая держава повидимому, довольно равнодушно относились къ основанію независимаго бельгійскаго королевства, этому первому нарушенію поземельнаго устройства Европы, установленнаго вѣнскимъ конгрессомъ. Не лучше ли было Россіи углубиться въ самое себя, отдѣлиться отъ государствъ Запада, не искать съ ними союза? Такое рѣшеніе упростило бы задачу нашей дипломатіи. Намъ не приходилось бы согласовать противоположные виды нашихъ союзниковъ, въ угоду имъ поступаться нашими собственными пользами. Мы были достаточно сильны, чтобъ оградить себя ото всякаго нападенія, и намъ не приходилось бы тратить силъ нашихъ на защиту интересовъ намъ чуждыхъ. Никакая близкая опасность не угрожала намъ ни извнѣ, ни изнутри. Да и плохая была надежда на сосѣдей, часто призывавшихъ насъ къ себѣ на помощь, но никогда еще не ополчавшихся ради нашей защиты.

Нѣтъ сомнѣнія, что мысли эти возбуждались въ совѣтахъ

---

[1]) «Карлсбадскій лоскутъ» помѣченъ 25 іюля (6 августа) 1830 и въ первый разъ напечатанъ въ *Mémoires de Metternich*, V, стр. 16.

императора Николая и подвергались въ нихъ обсужденію. Но представители нашей тогдашней дипломатіи не были въ состояніи раздѣлить ихъ и усвоить. Значеніе графа Нессельроде родилось, возросло и утвердилось на совершенно противоположныхъ началахъ. Онъ привыкъ отождествлять государственныя пользы Россіи съ благомъ всей Европы, съ упроченіемъ въ ней мира, законнаго порядка и съ торжествомъ монархическаго принципа. Спасти что̀ возможно изъ обломковъ «великаго союза» казалось ему главною задачей внѣшней политики императорскаго кабинета.

Государю представили, что уединясь отъ своихъ прежнихъ союзниковъ, онъ предастъ Германію въ жертву революціонному вліянію западныхъ державъ. «Оплотъ, образуемый нынѣ Австріей и Пруссіей,» говоритъ современный дипломатическій документъ, «падетъ. Борьба мнѣній, происходящая на берегахъ Рейна, перенесется на наши собственныя границы. Словомъ, Россія, какъ и въ 1812 году, будетъ вынуждена снова схватиться съ Франціей; но борьба эта, можно смѣло сказать, будетъ опаснѣе, чѣмъ тогда. Придется не сражаться съ врагомъ въ открытомъ бою, а обороняться отъ болѣе страшнаго противника. Мы станемъ лицомъ къ лицу съ революціоннымъ духомъ, глухо подтачивающимъ державы самыя сильныя. Существенная польза Россіи требуетъ, чтобы мы держали его въ удаленіи отъ себя, посредствомъ странъ, отдѣляющихъ насъ отъ очага революціи. Поддерживать между нами и Франціей нравственную преграду, состоящую изъ дружественныхъ намъ державъ и монархій, твердо основанныхъ на началахъ сходныхъ съ нашими,—таковъ истинный и постоянный интересъ Россіи [1].»

Мнѣніе это восторжествовало, и союзъ тѣснѣе прежняго былъ возстановленъ между дворами русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ. Онъ былъ запечатлѣнъ личными свиданіями императора Николая съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Шведтѣ и съ императоромъ Францемъ I въ Мюнхен-

[1]) Неизданная записка барона Бруннова, озаглавленная «*Объ общихъ началахъ, служащихъ основаніемъ нашей внѣшней политики*,» составленная въ 1838 году и входившая въ читанный имъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу курсъ исторіи нашихъ внѣшнихъ сношеній. Лишь первая часть этого курса (1762—1814) напечатана въ «*Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, XXXI, стр. 197—416.

грецѣ, въ 1833 году, и снова подтвержденъ два года спустя, уже по вступленіи на престолъ императора Фердинанда австрійскаго, въ Теплицѣ, на съѣздѣ всѣхъ трехъ союзныхъ государей [1]).

Политика, такимъ образомъ окончательно усвоенная императоромъ Николаемъ, отъ которой онъ уже не уклонялся до самой смерти, представляетъ полную систему, коей нельзя отказать ни въ стройности, ни въ послѣдовательности. Прямодушіе и честность—таковы ея отличительныя свойства. Въ нихъ государь не безъ гордости видѣлъ главный источникъ не только личной своей славы, но и величія и могущества Россіи [2]).

«Не тронь меня!» Въ этихъ трехъ словахъ выражалась вся его политика. Онъ не искалъ вмѣшиваться въ дѣла чужихъ государствъ, не будучи призванъ къ тому ими самими, но не допускалъ и ихъ вмѣшательства во все что непосредственно касалось пользъ Россіи. Онъ уважалъ основанное на договорахъ поземельное распредѣленіе владѣній между европейскими державами, но требовалъ, чтобы ни одна изъ нихъ также не посягала на него. Подобно Александру I, онъ актъ Священнаго Союза считалъ «краеугольнымъ камнемъ» своей политической системы и сознательно принималъ на себя исполненіе всѣхъ истекавшихъ изъ него обязанностей. Договоры 1813—1815 годовъ и постановленія конгрессовъ не потеряли для него законной своей силы. Они никогда не были отмѣнены, союзная связь не порвана между дворами. Конечно, королю французовъ, возведенному мятежемъ на престолъ, не было мѣста въ сонмѣ монарховъ, царствовавшихъ «Божіею милостью». Англія сама давно устранилась отъ участія въ «великомъ союзѣ» и надолго лишила себя возможности вернуться къ нему, вступивъ въ дружественную связь съ революціонною Франціей. Тѣмъ теснѣе должны были, по мнѣнію государя, сплотиться Россія, Австрія и Пруссія, которыя однѣ оставались вѣрными охранительнымъ началамъ, составлявшимъ основу союза.

---

[1]) Интересныя подробности о мюнхенгрецкомъ и теплицкомъ свиданіяхъ въ «*Mémoires de Metternich*», V, стр. 442—452 и 536—544 и VI, стр. 68—92.

[2]) Собственноручная помѣта императора Николая на курсѣ внѣшнихъ сношеній Россіи, уже упомянутомъ выше, см. «*Сборникъ И. Р. И. О.*» XXI, стр. 197.

Достигнуть этого было не легко. И вѣнскій, и берлинскій дворы сознавали всю пользу для нихъ русской дружбы, но по-прежнему съ подозрительнымъ недовѣріемъ относились къ нашему могуществу. Сила наша пугала ихъ, хотя и служила самимъ имъ оплотомъ, не только со стороны Франціи, но и противъ всякихъ революціонныхъ посягательствъ. Въ сношеніяхъ съ нами, они часто обнаруживали нѣкоторую щекотливость, обидчивость, не всегда слушались нашихъ совѣтовъ. Имъ все казалось, что мы хотимъ насиловать ихъ волю, втянуть ихъ въ опасную войну съ Франціей. Отсюда нерѣшительность и слабость въ отношеніяхъ ихъ къ этой державѣ, мало отвѣчавшія откровенности и твердости, отличавшимъ политику императора Николая.

Государь снисходительно относился къ такой неустойчивости своихъ союзниковъ, которые и сами какъ будто извинялись въ ней предъ нами. «Что же дѣлать?» повторялъ намъ прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Ансильонъ, «мы не можемъ рисковать войной съ Франціей, развѣ война эта станетъ всенароднымъ дѣломъ. Мы не смѣемъ предпринять ее, пока общественное мнѣніе не начнетъ ее поддерживать.» Въ то же время князь Меттернихъ говорилъ одному изъ нашихъ дипломатовъ: «Сравните наши двѣ монархіи. Россія подобна вашему государю. Она молода, полна силъ и можетъ позволить себѣ большое напряженіе, не вредя своему здоровью. Теперь взгляните на Австрію. Мы стары, тѣло наше обременено годами, мы не можемъ пускаться на опыты. Мы живемъ лишь потому, что бережемся и остерегаемся отъ всякихъ излишествъ.» Собесѣдникъ австрійскаго канцлера, столь извѣстный впослѣдствіи баронъ Брунновъ, «русскій Генцъ», какъ называли его въ Вѣнѣ, въ упомянутой выше запискѣ, вышедшей изъ-подъ его пера, остроумно сравнивалъ союзныя державы съ тремя путниками различнаго возраста и силы, слѣдующими по одной дорогѣ. Имъ трудно идти одинаковымъ шагомъ, и если они не хотятъ разстаться, то самый сильный изъ нихъ долженъ умѣрить свою походку и не сѣтовать на друзей своихъ за медленность, истекающую не изъ недостатка въ нихъ доброй воли, а изъ слабости.

Обстоятельства эти объясняютъ, почему, несмотря на неоднократно выраженную императоромъ Николаемъ готовность всѣми силами поддержать своихъ союзниковъ, дѣло не дошло

до войны между Россіей, Австріей и Пруссіей съ одной стороны и морскими державами съ другой. Союзники рѣшили не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но и не допускать, чтобъ она вышла изъ своихъ предѣловъ или стала покровительствовать распространенію въ сосѣднихъ съ нею странахъ революціонныхъ ученій. Въ послѣднемъ случаѣ, союзные дворы рѣшили дѣйствовать противъ нея заодно и подавлять мятежъ всюду, гдѣ только это окажется возможнымъ. Въ 1833 году, нѣсколько устарѣвшіе договоры были дополнены тремя тайными конвенціями. Первыя двѣ были заключены между Россіей и Австріей въ Мюнхенгрецѣ. Изъ нихъ одна распространяла на дѣла Востока соглашеніе существовавшее между двумя имперіями; другая заключала взаимное ручательство за польскія ихъ владѣнія и обязательство выдавать другъ другу государственныхъ преступниковъ [1]). Основанія третьей конвенціи были также обсуждены и рѣшены на мюнхенгрецкомъ совѣщаніи, но самая конвенція подписана нѣсколько позже, въ Берлинѣ, представителями трехъ сѣверныхъ дворовъ. Въ ней союзные государи объявляли, «что по зрѣломъ обсужденіи тѣхъ опасностей, которыя продолжаютъ угрожать порядку, установленному въ Европѣ публичнымъ правомъ и договорами, въ особенности договорами 1815 года, они единодушно рѣшили: укрѣпить охранительную систему, составляющую незыблемое основаніе ихъ политики,» въ томъ искреннемъ убѣжденіи, что «взаимная поддержка правительствъ другъ другу необходима для сохраненія независимости государствъ и правъ, отсюда вытекающихъ, въ интересахъ обще-европейскаго мира». Конвенція провозглашала право каждаго государя во время смутъ внутреннихъ, равно какъ и при опасности внѣшней, призывать къ себѣ на помощь прочихъ государей, отъ которыхъ зависитъ принять или отклонить такую просьбу, присовокупляя, что державы, къ тому неприглашенныя заинтересованнымъ правительствомъ, не имѣютъ ни права вмѣшательства, ни права противодѣйствія вышеозначенному соглашенію. Въ случаѣ если бы потребовано было матеріальное содѣйствіе одного изъ трехъ дворовъ, русскаго, австрійскаго или прусскаго, и какая-либо держава захотѣла бы воспротивиться тому

---

[1]) Обѣ мюнхенгрецкія конвенціи 6 (18) и 7 (19) сентября 1833 у Мартенса, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, IV, ч. 1, стр. 445—449 и 454—460.

силой оружія, три союзные двора сочтутъ всякое предпринятое съ этою цѣлью непріязненное дѣйствіе, какъ бы направленнымъ противъ каждаго изъ нихъ, и примутъ самыя быстрыя и дѣйствительныя мѣры для отраженія такого нападенія [1]). Берлинская конвенція 1833 года заслуживаетъ вниманія въ особенности потому, что въ ней, въ первый разъ по возобновленіи союзническихъ отношеній между Россіей, Австріей и Пруссіей, проводятся начала солидарности ихъ въ международномъ вопросѣ и готовности не только дѣйствовать согласно, но и считать общимъ дѣломъ защиту отъ нападенія, произведеннаго на одну изъ нихъ.

Независимо отъ этихъ письменныхъ условій, три союзные двора молча согласились распредѣлить между собою задачи, выпадающія на долю каждаго, въ видахъ поддержанія ихъ общей оборонительной системы. На Пруссію возложено было наблюденіе за безопасностью сѣверныхъ границъ Германіи и огражденія ихъ отъ французскаго нашествія. Ей же предоставлялся рѣшающій голосъ при обсужденіи вопросовъ, касавшихся Голландіи. Охрана всего юга Европы поручена была Австріи; она первая высказывалась по дѣламъ Италіи, Швейцаріи и Пиренейскаго полуострова. Дворы вѣнскій и берлинскій заботились вмѣстѣ о соблюденіи прочими государями Германіи вѣрности охранительнымъ началамъ и о защитѣ германской территоріи отъ опасностей внѣшнихъ.

Россія являлась естественнымъ средоточіемъ союза и какъ бы его резервомъ. Императоръ Николай принялъ на себя исключительный надзоръ за спокойствіемъ въ царствѣ польскомъ, не упуская изъ виду ни Познани, ни Галиціи, ни даже Венгріи, и ручательство за сохраненіе мира на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, отъ Прута и Дуная, до Босфора. Эту область онъ считалъ соприкосающеюся съ непосредственными интересами Россіи и предоставлялъ себѣ право по всѣмъ дѣламъ, касавшимся Польши и Востока, принимать рѣшенія независимо отъ своихъ союзниковъ и даже не совѣтуясь съ ними.

Но какую пользу извлекала Россія изъ союза съ двумя сосѣдними державами? Онъ стоилъ ей немалыхъ жертвъ: ка-

---

[1]) Берлинская конвенція 3 (15) октября 1833, тамъ же IV, ч. 1, стр. 460—462.

кія же были его выгоды съ точки зрѣнія существенныхъ русскихъ интересовъ? Вопросъ этотъ задаетъ себѣ и составитель вышеприведенной записки и отвѣчаетъ на него пространными разсужденіями, которыя позволительно считать выраженіемъ мнѣній самого императорскаго кабинета.

«Отдадимъ себѣ отчетъ,» говоритъ баронъ Брунновъ, «въ томъ, какую цѣну имѣетъ для насъ этотъ союзъ. Будемъ при этомъ избѣгать двойнаго заблужденія. Во-первыхъ, не станемъ придавать силѣ нашихъ союзниковъ цѣну *меньшую* противъ дѣйствительной, по отношенію къ нашимъ интересамъ; во-вторыхъ, не будемъ требовать отъ нихъ *болѣе* того, что̀ въ состояніи дать намъ ихъ дружба.»

Переходя къ оцѣнкѣ первой оговорки, старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ продолжаетъ:

«Дѣйствительно, оставаясь въ предѣлахъ истины, мы должны сознаться, что въ теченіе восьми лѣтъ, Россіи, посреди весьма трудныхъ обстоятельствъ, удалось сохранить всеобщій миръ лишь благодаря тому, что она успѣла противопоставить охранительную систему тройственнаго союза соединеннымъ усиліямъ двухъ морскихъ державъ.

«Пока Австрія и Пруссія будутъ за насъ, одного этого достаточно, чтобы задержать исполненіе честолюбивыхъ замысловъ Франціи и разстроить враждебныя намъ намѣренія Англіи. И та, и другая морскія державы не предпримутъ ничего рѣшительнаго, потому что онѣ не хотятъ подвергать себя опасности разсориться заразъ съ тремя державами материка. Солидарность Россіи, Австріи и Пруссіи, другими словами, начало, въ силу котораго три эти государства составляютъ какъ бы единое, и слѣдовательно, кто нападетъ на одну изъ нихъ, вынужденъ будетъ вести войну и съ двумя остальными, начало это производило доселѣ на Францію и Англію самое счастливое для насъ впечатлѣніе. Обѣ онѣ, надо сознаться, считаютъ союзъ трехъ державъ материка болѣе крѣпкимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности, и одно обаяніе его избавило Европу отъ всеобщаго потрясенія. Ибо съ той минуты, какъ Франція замѣтила бы ослабленіе узъ, соединяющихъ три двора, она несомнѣнно возвысила бы голосъ. Въ свою очередь, Англія стала бы болѣе дерзкою и съ тѣмъ бо̀льшею ревностью начала бы преслѣдовать свой смѣлый планъ, заключающійся въ распространеніи повсюду своего политическаго

вліянія и въ навязываніи прочимъ государствамъ конституціонныхъ формъ, которыми она сама управляется. Такимъ образомъ, обѣ морскія державы, освободясь отъ узды, которою континентальный союзъ сдерживаетъ нынѣ ихъ разрушительные планы, перестали бы бояться встрѣтить повсюду препятствія, запугали бы Австрію и Пруссію, господствовали бы надъ государствами втораго и третьяго разряда и кончили бы тѣмъ, что осуществили бы въ пользу революціонныхъ ученій мечту Наполеона о всемірной монархіи.

«Доколѣ будетъ существовать во всей своей силѣ охранительный союзъ, не случится такого несчастія. Прежде чѣмъ дойти до насъ, революціонная пропаганда потеряетъ свою мощь и разобьется объ Австрію и Пруссію. Нашъ вѣрно понятый интересъ, повторяю, будетъ всегда заключаться въ ободреніи и укрѣпленіи нашихъ союзниковъ въ страшной борьбѣ, предстоящей имъ съ противникомъ, который нападаетъ на нихъ ежедневно и съ самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Мы не должны скрывать отъ себя, что шансы этой борьбы опасны. Положеніе нашихъ союзниковъ съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе. Смерть императора Франца была для Австріи незамѣнимою потерей. Дѣйствіе власти ослабляется въ ней все болѣе и болѣе. Со своей стороны, Пруссія заключаетъ въ себѣ опасные зачатки раздора и внутреннихъ волненій. Религіозные вопросы, связанные съ недавнимъ низложеніемъ архіепископа кёльнскаго, придаютъ прискорбное развитіе этимъ зародышамъ гражданскаго и нравственнаго разложенія.

«При такомъ положеніи дѣлъ, наши союзники нуждаются болѣе чѣмъ когда-либо въ заботливости и благосклонности государя. Онъ ихъ единственная опора. Отъ него одного могутъ они ожидать совѣтовъ откровенной и безкорыстной дружбы. Роль примирителя, выпадающая такимъ образомъ на долю нашего августѣйшаго монарха, представляетъ необыкновенную важность для будущаго спокойствія Европы. Но задача эта связана съ большими трудностями. Россія не повелѣваетъ своими союзниками, а между тѣмъ призвана руководить ими. Ей предстоитъ укрѣплять ихъ, не давая имъ чувствовать, что намъ хорошо извѣстна ихъ слабость. Словомъ, она должна поддерживать ихъ на ходу, заставляя ихъ позабыть о тяжести руки, служащей имъ опорой. Сообразно большему или меньшему успѣху, съ которымъ Россія исполнитъ

эту трудную задачу, рѣшится будущая участь континентальнаго союза, которая окажетъ могучее вліяніе на спокойствіе Австріи и Пруссіи.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ эти монархіи вовлечены въ настоящую минуту во внутреннюю борьбу, въ которой начала зла и добра вступаютъ другъ съ другомъ въ рѣшительный бой. Если исходъ его будетъ неблагопріятенъ для монархическаго дѣла, то вредъ, изъ сего проистекающій, будетъ очень значителенъ для насъ, ибо торжество революціонныхъ идей на берегахъ Дуная и Одера будетъ касаться насъ гораздо ближе чѣмъ билль о парламентской реформѣ или іюльскія баррикады. Вотъ почему мы должны считать дѣло монархіи въ Пруссіи и Австріи не чуждымъ намъ дѣломъ, а вопросомъ, прямо касающимся Россіи. Вотъ что̀ объясняетъ истинную цѣну, которую мы должны придавать нашимъ союзникамъ, ибо въ нравственномъ отношеніи, ихъ и наши интересы тождественны.

«Конечно, можетъ наступить время, когда Австрія и Пруссія подчинятся непреодолимому вліянію духа времени. Тогда наши интересы раздѣлятся, Россія останется одна на полѣ сраженія. Это можетъ случиться, но этого еще нѣтъ. И подобно тому, какъ искусный военачальникъ не покидаетъ безъ надобности занимаемой имъ выгодной позиціи, чтобы перейти на другую, менѣе выгодную, и не уступаетъ добровольно непріятелю мѣстности, которую онъ призванъ защищать шагъ за шагомъ, такъ и нашъ августѣйшій государь восемь лѣтъ продолжаетъ бой, непрестанно предлагаемый революціей намъ и нашимъ союзникамъ. Опираясь на свое право и на свидѣтельство своей совѣсти, онъ не отчаявается въ побѣдоносномъ исходѣ этой борьбы, если Божественному Провидѣнію угодно будетъ благословить его усилія.»

Не менѣе подробно обсуждаетъ баронъ Брунновъ и вторую свою оговорку.

«Не слѣдуетъ требовать отъ нашихъ союзниковъ,» пишетъ онъ, «болѣе того, что̀ въ состояніи дать намъ ихъ дружба. Такова истина, которую мы должны повторять сами себѣ ежедневно, дабы не судить ихъ съ незаслуженною ими строгостью. Мы уже видѣли въ чемъ ихъ положеніе и силы отличаются отъ нашихъ. Не будемъ же удивляться, если поведеніе ихъ не можетъ всегда соотвѣтствовать нашимъ собственнымъ поступкамъ.

«Мы не должны ожидать отъ нашихъ союзниковъ услугъ двоякаго рода.

«Во-первыхъ, мы не должны требовать отъ нихъ въ ихъ прямыхъ сношеніяхъ съ Франціей извѣстной степени нравственнаго мужества, истекающаго изъ сознанія силы и слѣдовательно немогущаго обнаружиться ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ. Выводъ изъ этого тотъ, что союзники наши всегда будутъ относиться къ притязаніямъ Франціи терпѣливѣе чѣмъ бы слѣдовало. Эта терпимость, если смѣю такъ выразиться, будетъ часто доходить до слабости. Мы не разъ убѣждались въ томъ, относительно Пруссіи, по дѣламъ Голландіи, относительно Австріи, по вопросу о занятіи Анконы. Боязливость, выказанная въ этихъ случаяхъ нашими союзниками, не могла понравиться государю. Однако, онъ не захотѣлъ поставить ее въ вину имъ, по той весьма справедливой причинѣ, что наши укоризны могли бы только раздражить ихъ, не придавъ имъ притомъ ни болѣе силы, ни болѣе мужества. Основываясь на приведенномъ примѣрѣ, не станемъ сомнѣваться, что союзники наши, пока не будутъ затронуты ихъ самые прямые интересы, отступятъ предъ Франціей и не рѣшатся взяться за оружіе. Мы никогда не должны упускать эту истину изъ виду. Вотъ почему государь, каждый разъ когда приходилось говорить съ Франціей сообща языкомъ твердымъ и рѣшительнымъ, считалъ осторожнымъ, заблаговременно освѣдомиться у своихъ союзниковъ, какими средствами намѣрены они поддержать такую рѣчь въ томъ случаѣ, если замѣчанія наши не будутъ уважены. Такимъ образомъ, мы никогда не рисковали произвести тщетныхъ угрозъ, подвергаясь опасности видѣть ихъ опровергнутыми ходомъ событій. Подобное осторожное поведеніе можетъ одно намъ приличествовать, ибо если оно не внушаетъ нашимъ союзникамъ болѣе энергическихъ рѣшеній, то по крайней мѣрѣ и не компрометируетъ нашего достоинства произнесеніемъ словъ безъ результата.

«Во-вторыхъ, другое правило, которое мы должны соблюдать въ отношеніяхъ нашихъ къ союзникамъ, дабы не подвергаться печальному разочарованію, состоитъ въ томъ, чтобы не ожидать отъ нихъ никакого активнаго содѣйствія въ случаѣ, если бы произошло столкновеніе между нами и морскими державами по дѣламъ Востока.

«Въ означенной борьбѣ мы не можемъ предаваться иллюзіямъ относительно того положенія, которое примутъ Пруссія и Австрія.

«Первая будетъ искренно желать намъ успѣха, предложитъ даже свои добрыя услуги для улаженія несогласій, которыя возникли бы между нами и Англіей или Франціей, но не приметъ прямаго участія въ борьбѣ нашей съ одною изъ этихъ двухъ державъ. Въ этомъ отношеніи намъ извѣстны намѣренія берлинскаго двора. Государь и не требуетъ отъ него ничего, сверхъ того, что́ мы можемъ ожидать отъ него по всей справедливости.

«Что же касается Австріи, то положеніе ея въ виду столкновенія на Востокѣ также заранѣе опредѣлено объясненіями, происходившими по этому предмету между двумя императорскими дворами. Вѣнскій кабинетъ выскажется за насъ, если на насъ будетъ совершено несправедливое нападеніе, онъ приметъ военныя мѣры со стороны Запада, чтобъ обуздать Францію и воспрепятствовать воздѣйствію восточныхъ усложненій на спокойствіе остальной Европы; но онъ не дойдетъ до того, чтобъ оказать намъ матеріальное содѣйствіе, дѣйствительную помощь для окончанія войны въ нашу пользу.

«Въ такомъ случаѣ, Россія будетъ вынуждена разсчитывать лишь на собственныя средства. Помощь со стороны ея союзниковъ будетъ исключительно отрицательною; другими словами, мы воспользуемся выгодой не имѣть ихъ противъ насъ, вслѣдствіе чего наши западныя границы будутъ прикрыты на всемъ ихъ протяженіи. Но намъ отнюдь нельзя надѣяться на активное содѣйствіе ни Пруссіи, ни Австріи [1].»

Таковы были, по мнѣнію императорскаго кабинета, главныя основанія возобновленнаго Священнаго Союза. Австрія и Пруссія, повидимому, крѣпко сплотились вокругъ Россіи, которая служила имъ опорой противъ внутреннихъ волненій, защитой отъ нападенія извнѣ. Неодолимая сила обстоятельствъ снова сблизила ихъ съ нами; мы же, со своей стороны, облегчили имъ это сближеніе, признавъ за ними всѣ права нашихъ союзниковъ и взявъ исключительно на себя исполненіе истекавшихъ изъ союза обязанностей. Такое неравномѣрное распредѣленіе между тремя державами союзническихъ долей было

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

послѣдствіемъ личнаго взгляда императора Николая на отношенія Россіи къ сосѣднимъ государствамъ, взгляда, въ которомъ проявлялось столько же великодушія, сколько и гордости, почерпнутой имъ въ сознаніи своего могущества и достоинства. Условія эти были конечно очень выгодны для вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, но въ то же время несомнѣнно тяготили ихъ, какъ тяготитъ всякое признаніе чужаго нравственнаго или матеріальнаго превосходства. Въ промежутокъ между іюльскою и февральскою революціями, не разъ пытались они освободиться изъ-подъ нашей политической опеки и снова сойтись съ кабинетами лондонскимъ и даже парижскимъ. Главнымъ препятствіемъ къ тому служило: въ Англіи—десятилѣтнее пребываніе виговъ въ управленіи, а во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—лорда Пальмерстона, который лично ненавидѣлъ и презиралъ австрійскаго канцлера; во Франціи же—непрочность различныхъ министерскихъ комбинацій. При всемъ томъ, къ концу тридцатыхъ годовъ, между Вѣной и Парижемъ установились самыя дружескія отношенія, благодаря коимъ два сына Лудовика-Филиппа, герцогъ Орлеанскій и принцъ Жуанвильскій, были съ почетомъ приняты при дворахъ австрійскомъ и прусскомъ, а старшій изъ нихъ даже вступилъ въ бракъ съ принцессой Мекленбургъ-Шверинскою, при посредничествѣ короля Фридриха-Вильгельма III.

Всегда твердый и послѣдовательный въ своихъ воззрѣніяхъ и поступкахъ, императоръ Николай не могъ одобрить такой перемѣны въ положеніи своихъ союзниковъ относительно Орлеанской династіи. Францію считалъ онъ гнѣздомъ революціи, источникомъ смутъ и бѣдъ для всей Европы. Короля французовъ онъ не уважалъ ни какъ человѣка, ни какъ государя. Политическимъ идеаломъ его было поэтому возстановленіе шомонскаго союза, другими словами, привлеченіе Англіи къ соглашенію трехъ сѣверныхъ державъ. Удобный къ тому случай, казалось, представился въ 1839 году, когда французское правительство взяло подъ свое покровительство Мегмета-Али, выразившаго намѣреніе отложиться отъ Порты и провозгласить себя независимымъ владѣтелемъ Египта и Сиріи, тогда какъ всѣ прочія великія державы были на сторонѣ султана. Усиліямъ нашей дипломатіи удалось тогда убѣдить сентъ-джемскій кабинетъ обойтись безъ согласія Франціи при разрѣшеніи турецко-египетской распри и даже под-

писать вчетверомъ договоръ, фактически исключавшій Францію изъ такъ-называемаго обще-европейскаго соглашенія. Чтобы достигнуть этого результата, мы даже не колеблясь принесли въ жертву Англіи наше исключительное положеніе относительно Порты, созданное двумя вѣками нашей исторіи и обезпеченное за нами торжественными договорами. Но успѣхъ нашъ былъ мимолетный. Не прошло и года съ подписанія первой лондонской конвенціи между Россіей, Англіей, Австріей и Пруссіей, какъ по единогласному ихъ приглашенію, Франція снова заняла свое мѣсто въ совѣтѣ великихъ державъ и приложила свою подпись въ другой конвенціи, впервые узаконившей вмѣшательство Европы въ международныя отношенія Оттоманской имперіи [1]).

Незадолго предъ тѣмъ скончался король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III, завѣщавшій своему сыну и преемнику «въ особенности заботиться о томъ, чтобы Россія, Австрія и Пруссія продолжали пребывать въ единеніи [2]).» Въ первые годы своего царствованія, Фридрихъ-Вильгельмъ IV не уклонялся отъ указанной ему отцомъ политики, хотя въ дѣйствіяхъ его не трудно было угадать, съ одной стороны, склонность уступить до извѣстной степени все громче и громче раздававшимся требованіямъ о введеніи въ Пруссіи обще-государственнаго народнаго представительства, съ другой—расположеніе къ сближенію съ Англіей, во имя солидарности протестантскихъ интересовъ. И то, и другое стремленіе не согласовались съ началами Священнаго Союза и должны были съ теченіемъ времени видоизмѣнить взаимныя отношенія его членовъ, то-есть содѣйствовать болѣе тѣсному соглашенію Россіи съ Австріей, въ ущербъ Пруссіи. Результатомъ его было присоединеніе къ австрійской монархіи вольнаго города Кракова, состоявшееся въ 1846 году, вопреки желанію берлинскаго двора, хотя при его участіи, и вызвавшее протестъ кабинетовъ сентъ-джемскаго и парижскаго, которые объявили эту мѣру нарушеніемъ заключительнаго акта вѣнскаго конгресса [3]).

---

[1]) Лондонскія конвенціи 3 (15) іюля 1840 и 1 (13) іюля 1841.

[2]) Изъ посмертнаго письма короля Фридриха-Вильгельма III къ сыну, озаглавленнаго: «Моему милому Фрицу.»

[3]) Конвенція 3 (15) апрѣля 1846 о присоединеніи Кракова къ Австріи, у Мартенса, «*Собр. тракт. и конв.*». Т. IV, ч. I, стр. 533—536.

Общій протестъ по краковскому дѣлу былъ едва ли не послѣднимъ проявленіемъ англо-французскаго союза, въ теченіе шестнадцати лѣтъ служившаго противовѣсомъ союзу трехъ сѣверныхъ державъ. Причиной размолвки не только между обоими правительствами, но и между дворами послужили «испанскіе браки», иначе женитьба младшаго сына короля французовъ, герцога Монпансье, на сестрѣ королевы испанской. Отъ самой тѣсной дружбы, морскія державы внезапно перешли къ ожесточенной враждѣ другъ съ другомъ. Лордъ Пальмерстонъ, незадолго до того снова вступившій въ завѣдываніе внѣшними сношеніями Великобританіи, съ обычною откровенностью, громко и ясно выражалъ свою злобу и неуваженіе къ политикѣ Лудовика-Филиппа и Гизо.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого оборота дѣлъ были усилія тюильрійскаго кабинета замѣнить англійскій союзъ австрійскимъ. Гизо вступилъ въ личную довѣрительную переписку съ княземъ Меттернихомъ, предлагая ему дѣйствовать сообща въ охранительномъ смыслѣ, на Западѣ—противъ революціи, на Востокѣ — противъ завоевательныхъ стремленій Россіи[1]. Австрійскій канцлеръ былъ слишкомъ смѣтливъ и остороженъ, чтобы пожертвовать испытаннымъ русскимъ союзомъ новорожденной дружбѣ шаткаго французскаго правительства. Но онъ не отвергъ заискивающихъ предложеній Гизо и старался въ швейцарскомъ вопросѣ установить впервые общее дѣйствіе четырехъ великихъ державъ материка, наперекоръ Англіи. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ личныхъ дружественныхъ отношеній королевы Викторіи и ея супруга къ королю Фридриху-Вильгельму IV, берлинскій кабинетъ начиналъ все болѣе и болѣе тяготѣть къ лондонскому. Такъ въ 1848 году, какъ и въ 1830, наканунѣ революціи, нарождались въ Европѣ новыя политическія созвѣздія, окончательно выясниться и опредѣлиться которымъ снова помѣшалъ революціонный ураганъ.

Пока въ Европѣ все видоизмѣнялось и перемѣщалось, императоръ Николай одинъ не покидалъ занятаго имъ положенія и продолжалъ считать Священный Союзъ незыблемымъ основаніемъ своей политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Государя не смущали частыя уклоненія союзниковъ его отъ

[1]) Гизо князю Меттерниху 6 (18) мая 1847.

условленной общей программы. Считая эти уклоненія случайными и временными, онъ не сомнѣвался въ томъ, что рано или поздно они вернутся къ ней опять. На первый взглядъ, дѣйствительно, самые настоятельные интересы Австріи и Пруссіи вынуждали ихъ опираться на Россію. Но если внимательно вглядѣться въ сущность Священнаго Союза, то нельзя не признать, что онъ самъ въ себѣ носилъ уже зачатки своего разложенія.

Громко провозглашенною цѣлью его было сохраненіе политическаго и территоріальнаго status quo въ Европѣ. Россія крѣпко придерживалась этого основнаго правила, а Австрія и Пруссія торжественно его признавали. Но втайнѣ оба союзные намъ двора не были довольны настоящимъ положеніемъ въ томъ видѣ, какъ оно было опредѣлено международными договорами.

Конечно, Австріи нечего было жаловаться на поземельное устройство, выработанное на вѣнскомъ конгрессѣ и предоставлявшее ей преобладаніе въ Германіи и Италіи. Она пожалуй помирилась бы и съ присоединеніемъ къ Россіи всего Привислинскаго края. Но на Востокѣ, адріанопольскій миръ отдалъ въ наши руки устья Дуная и обезпечилъ за нами господствующее значеніе въ Турціи. Въ силу его, Молдавія, Валахія и Сербія, отчасти и Греція, подпали нашему непосредственному вліянію. Съ тѣхъ поръ, на насъ были устремлены взоры всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Порты, чаявшихъ отъ насъ своего освобожденія. Какъ ни рѣшительно высказывались мы въ пользу сохраненія цѣлости и независимости Оттоманской имперіи; какъ ни строго осуждали «тайные происки, подготовляемые въ Болгаріи, Албаніи и другихъ областяхъ апостолами французской и польской пропаганды, прикрывающимися личиной славянства», [1]) но въ Вѣнѣ хорошо понимали, что если сегодня это такъ, то завтра можетъ быть иначе, и что единодушное возстаніе турецкихъ славянъ вынудитъ Россію вступиться за нихъ, точно такъ же, какъ вступилась она за возставшихъ грековъ. Единственнымъ средствомъ воспротивиться такой пагубной для Австріи случайности представлялось князю Меттерниху совокупное вмѣшательство Европы въ отношенія наши къ Турціи, европейское ручательство за

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1845 годъ.

ея цѣлость, первымъ шагомъ къ чему были лондонскія конвенціи 1840—41 годовъ. Изъ этого слѣдовало, что status quo на Востокѣ было далеко не по душѣ вѣнскому двору, что терпѣлъ онъ его лишь по необходимости и что наконецъ, онъ не только ничего не сдѣлаетъ для его поддержанія, но воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы видоизмѣнить его согласно своимъ выгодамъ, можно даже сказать жизненнымъ условіямъ существованія австрійской монархіи.

Если status quo на Востокѣ тревожило и безпокоило Австрію, то еще менѣе удовлетворяло Пруссію положеніе дѣлъ на Западѣ и въ частности, созданное на вѣнскомъ конгрессѣ союзное государственное устройство Германіи. Издавна монархи изъ дома Гогенцоллерновъ стремились къ достиженію въ ней господствующаго значенія, то обдуманно, то какъ бы инстинктивно, но всегда, даже въ минуты самыхъ тяжкихъ для Пруссіи испытаній, упорно и неуклонно. Въ 1815 году, берлинскій кабинетъ долженъ былъ уступить притязаніямъ вѣнскаго двора на исключительное предсѣдательство въ сеймѣ, въ виду необходимости обезпечить за Пруссіей значительное земельное приращеніе и противостоять вторичному водворенію во Франціи возвратившагося съ острова Эльбы Наполеона. Съ этого времени, берлинскій кабинетъ спокойно, безъ шума, преслѣдовалъ свою традиціонную цѣль, собирая вокругъ себя второстепенныя германскія государства въ таможенномъ союзѣ. Можно даже съ достовѣрностью сказать, что мысль о политическомъ объединеніи Германіи подъ главенствомъ прусскихъ королей была чужда воображенію Фридриха-Вильгельма III и романтическаго его преемника. За то она вошла въ плоть и кровь молодого поколѣнія не только въ Пруссіи, но и въ другихъ германскихъ государствахъ и ожидала лишь удобнаго случая чтобы пробиться наружу.

Итакъ, обѣ наши союзницы, и Австрія, и Пруссія, не прочь были видѣть измѣненнымъ порядокъ, установленный въ Европѣ договорами, первая на Востокѣ, вторая на Западѣ. Австрія не могла примириться съ нашимъ преобладаніемъ на Балканскомъ полуостровѣ; Пруссія побуждалась передѣлать въ свою пользу государственное устройство германскаго союза. Императорскій кабинетъ не только не принималъ въ разсчетъ этихъ стремленій, но всю свою политическую систему построилъ на предположеніи объ одинаковой готовности трехъ союзныхъ

державъ поддерживать европейское status quo. Между тѣмъ не было недостатка въ указаніяхъ на ошибочность этого взгляда, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Австріи, ясно доказавшей въ 1828—29 годахъ несовмѣстимость своей политики съ нашими интересами на Востокѣ. Что же касается до Пруссіи и ея посягательствъ на господство въ Германіи, то они съ необычайною силой проявились въ 1848 году, не только не смотря на революціонное движеніе, охватившее весь нѣмецкій народъ, но въ связи съ нимъ и отчасти при его содѣйствіи.

Революція 1848 года обнаружила прусскія притязанія во всемъ ихъ объемѣ, точно такъ же, какъ скоро послѣдовавшая за нею война 1853—56 годовъ разсѣяла окончательно заблужденіе о возможности согласовать политику Россіи и Австріи въ Восточномъ вопросѣ. Революціи этой было не подъ силу низвергнуть зданіе, воздвигнутое на вѣнскомъ конгрессѣ, но она поколебала его основанія и подготовила паденіе. Она была прологомъ кровавой драмы, разыгравшейся въ Европѣ въ третью четверть девятнадцатаго столѣтія и окончательно преобразовавшей политическую поверхность этой части свѣта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1848 годъ.

Революціонная буря, пронесшаяся надъ Западомъ въ 1848 году, разразилась не внезапно. Глухіе раскаты грома, раздававшіеся въ различныхъ концахъ Европы, задолго предвѣщали наступленіе грозы.

Общественная мысль давно уже была повсюду въ состояніи напряженнаго возбужденія. Въ государствахъ, управляемыхъ неограниченною властью, обнаруживались стремленія къ политической свободѣ; въ конституціонныхъ монархіяхъ—республиканскія теченія. Но какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, вопросы внутренней политики тѣсно связывались съ побужденіями политики внѣшней. Такъ, во Франціи, крайняя оппозиція ставила, между прочимъ, правительству Людовика-Филиппа въ вину его робкую умѣренность въ сношеніяхъ съ иностранными державами, желаніе сохранить миръ во что бы то ни стало. Въ Швейцаріи, радикальное большинство вооруженною силой подавило попытку католическихъ кантоновъ образовать изъ себя отдѣльный союзъ, опираясь на покровительство Австріи и Франціи. Въ Италіи жажда либеральныхъ преобразованій была нераздѣльна съ помыслами о національной независимости и объ освобожденіи всего полуострова отъ иноземныхъ вліяній. Такъ же точно и по сю сторону Альповъ, народное движеніе хотя и было направлено на борьбу съ правительствами отдѣльныхъ государствъ, входившихъ въ составъ Германскаго союза и требовало введенія въ нихъ представительнаго правленія, но главною цѣлью этого движенія было осуществленіе давней, завѣтной мечты нѣмецкаго народа: государственное объединеніе Германіи.

Изо всѣхъ европейскихъ правительствъ одно англійское, руководимое лордомъ Пальмерстономъ, не только не осуждало революціонныхъ стремленій на материкѣ и не заботилось о подавленіи ихъ, но открыто выражало имъ сочувствіе и даже обѣщало поддержку. Оно приняло сторону бернскихъ радикаловъ противъ Зондербунда и воспрепятствовало предположенному вмѣшательству великихъ континентальныхъ державъ въ пользу послѣдняго. Какъ только, въ концѣ 1847 года, вспыхнуло возстаніе въ Сицилія, повлекшее за собою народныя волненія и провозглашеніе конституціи въ Неаполѣ, Тосканѣ и Піемонтѣ и отозвавшееся даже на Ломбардо-Венеціанской области, Пальмерстонъ отправилъ въ Италію лорда Минто съ особымъ порученіемъ. Великобританскій посланникъ долженъ былъ посѣтить послѣдовательно дворы туринскій, флорентійскій, римскій и неаполитанскій; королю сардинскому выразить сочувствіе сентъ-джемскаго кабинета и сожалѣніе объ угрожающемъ положеніи, принятомъ относительно его Австріей, а также похвалить его за предложенную папѣ поддержку противъ австрійскихъ притязаній; великому герцогу тосканскому совѣтовать, чтобъ онъ вступилъ на путь либеральныхъ преобразованій, а папѣ—чтобъ не сходилъ съ этого пути и продолжалъ начатыя реформы; наконецъ, въ Палермо и Неаполѣ, лордъ Минто долженъ былъ служить посредникомъ между королемъ и возставшими подданными. «Правительство ея величества,» писалъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ наставленіе лорду Минто, «проникнуто убѣжденіемъ, что государи и ихъ правительства поступили бы мудро, слѣдуя въ управленіи своими дѣлами системѣ прогрессивнаго улучшенія, стремясь излечить обнаруженное по тщательномъ разслѣдованіи зло и время отъ времени, преобразуя древнія учрежденія своихъ странъ, такъ, чтобы они согласовались съ постепеннымъ ростомъ умственнаго развитія и возрастающимъ распространеніемъ политическихъ знаній. Правительство ея величества считаетъ за непреложную истину, что если независимый государь, по зрѣломъ размышленіи, признаетъ полезнымъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, ввести въ законы и учрежденія страны улучшенія, по мнѣнію его, клонящіяся къ увеличенію благосостоянія его народа, то никакое другое правительство не имѣетъ права пытаться ограничить эти мѣры или вмѣшаться въ такое отправленіе одного

изъ существенныхъ преимуществъ самостоятельной верховной власти [1])».

Лордъ Пальмерстонъ не ограничился ободреніемъ тѣхъ изъ итальянскихъ государей, которые, уступая духу времени и давленію народныхъ возстаній, согласились даровать конституціи своимъ подданнымъ. Онъ прямо заявилъ австрійскому правительству, что если оно вмѣшается во внутреннія дѣла Италіи и этимъ вызоветъ войну, «то въ такой войнѣ Англія и Австрія конечно будутъ не на одной и той же сторонѣ» [2]). Поступая такимъ образомъ, онъ воскрешалъ политику своего учителя Каннинга, торжественно возвѣстившаго нѣкогда съ парламентской трибуны, что Великобританія подобна Эоловой пещерѣ и что дующіе изъ нея вѣтры возбуждаютъ бури во всѣхъ концахъ вселенной [3]).

Князь Меттернихъ сознавалъ близость и размѣры опасности, которою итальянское движеніе, поддержанное Англіей, угрожало монархіи Габсбурговъ. Король Карлъ-Альбертъ не скрывалъ уже своихъ замысловъ на Ломбардію и дѣятельно вооружался. Не довѣряя Франціи, сомнѣваясь и въ Пруссіи, австрійскій канцлеръ въ эту рѣшительную минуту все упованіе свое возложилъ на Россію. Онъ былъ увѣренъ, что русскій государь не останется глухъ къ призыву на помощь, во имя союзническихъ обязательствъ, продолжавшихъ связывать три сѣверные двора. И дѣйствительно, снисходя на его просьбу, императоръ Николай приказалъ отпустить заимообразно австрійскому правительству шесть милліоновъ рублей изъ нашего государственнаго казначейства [4]). Онъ обѣщалъ также всѣми силами поддержать Австрію въ томъ случаѣ, если Сардинія нападетъ на нее въ союзѣ съ Франціей, но объявилъ, что не желаетъ до наступленія этой случайности вмѣшиваться во внутреннія дѣла Италіи, приберегая силы свои на случай опасности болѣе непосредственной: возстанія въ Польшѣ или

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Минто, октября 1847.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Понсонби 30 января (11 февраля) 1848.

[3]) Каннингъ, въ рѣчи, произнесенной 30 ноября (12 декабря) 1826. прочелъ слѣдующіе стихи Виргилія:

Celsa sedet Aeolus arce,
Sceptra tenens, mollitque animos et temperat iras.
Ni faciat, maria ac terras coelumque profundum
Quippe ferant rapidi secum, verrantque per auras.

[4]) Князь Меттернихъ графу Нессельроде 8 (20) января 1848.

въ Германіи [1]). Въ то же время, русскому посланнику въ Лондонѣ предписано было откровенно высказать великобританскому министерству взглядъ государя на событія въ Италіи.

«Императоръ,» писалъ графъ Нессельроде барону Бруннову, «твердо рѣшился относительно владѣній, предоставленныхъ различнымъ итальянскимъ государствамъ въ силу актовъ, которыхъ онъ состоитъ поручителемъ, отнюдь не отступать отъ направленія, указываемаго ему его долгомъ и политическими интересами. Въ Сициліи, онъ не признаетъ никакой перемѣны, равносильной подъ какимъ бы то ни было видомъ или предлогомъ разрыву или ослабленію связей соединяющихъ двѣ составныя части королевства, верховная власть надъ которыми нераздѣльно принадлежитъ нынѣшней династіи. Въ Ломбардіи, его нравственная поддержка обезпечена за Австріей во всѣхъ мѣрахъ, какія она приметъ для сохраненія за собою этой области, а если направленное на нее изъ какойлибо части Италіи нападеніе будетъ поддержано извнѣ иностранною державой, то нашъ августѣйшій государь не колеблясь сочтетъ такое враждебное дѣйствіе за поводъ къ европейской войнѣ и тогда же направитъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи силы на защиту австрійскаго правительства» [2]).

Князь Меттернихъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ изъявилъ императорскому кабинету признательность за такую услугу, называя депешу графа Нессельроде къ барону Бруннову «вѣчнымъ историческимъ памятникомъ мудрости и великодушія монарха, возведеннаго Провидѣніемъ на русскій престолъ въ столь трудныя времена», и высказалъ убѣжденіе, «что твердость рѣчи и точность возвѣщенныхъ рѣшеній, наконецъ, строжайшая правильность основныхъ началъ, на которыхъ покоятся эти рѣчи и рѣшенія, все соединяется въ этомъ важномъ документѣ, чтобы поразить Англію и остановить, если возможно, ея правительство на покатости, опасной для него самого и вредной для другихъ, на которой оно заняло положеніе свое по отношенію къ итальянскимъ дѣламъ». Императоръ Николай, присовокуплялъ австрійскій канцлеръ, далъ этимъ его государю новое доказательство своей дѣятельной и заботливой дружбы «и не оставилъ великобританскому

---

[1]) Графъ Нессельроде князю Меттерниху 7 (19 февраля 1848.

[2]) Графъ Нессельроде барону Бруннову 12 (24) февраля 1848.

кабинету никакого сомнѣнія касательно прочности связей, соединяющихъ обѣ имперіи, и солидарности ихъ взаимныхъ интересовъ» [1]).

Въ тотъ самый день, когда русская депеша была написана и отправлена къ нашему посланнику при сентъ-джемскомъ дворѣ, уличное возстаніе въ Парижѣ низвергло конституціонную монархію Лудовика-Филиппа и провозгласило республику во Франціи. Вѣсть объ этомъ событіи возбудила всеобщую тревогу въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ Англіи ею были словно оглушены. «Мой другъ, все кончено!» воскликнулъ по ея полученіи князь Меттернихъ, обращаясь къ нашему повѣренному въ дѣлахъ. Повсюду извѣстіе о французскомъ переворотѣ связывалось съ выраженіемъ безпокойства относительно того, какъ поступитъ, что̀ предприметъ Россія? Въ Лондонѣ, русскій императоръ и приписываемыя ему намѣренія и мысли составляли главный предметъ разговоровъ и вызывали различныя предположенія. Въ Вѣнѣ ожидали его слова «какъ якоря спасенія».

Австрійскій канцлеръ не замедлилъ предложить на обсужденіе дворовъ петербургскаго, лондонскаго и берлинскаго вопросъ о признаніи французской республики. Онъ находилъ, что ни одна изъ великихъ державъ не должна принимать отдѣльнаго рѣшенія по столь важному дѣлу, а объявить временному правительству, что союзные дворы совѣщаются между собою и какъ только состоится соглашеніе, сообщатъ о немъ въ Парижъ. Относительно самаго признанія, князь Меттернихъ полагалъ, что великія державы не призваны вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи; что имъ слѣдуетъ принять въ соображеніе «совершившееся явленіе» установленнаго правительства, желающаго войти съ ними въ обычныя международныя сношенія; что онѣ должны вступить въ такія сношенія, подъ условіемъ соблюденія Франціей существующихъ договоровъ; но что если республиканское правительство нарушитъ эти договоры, то державы отнесутся къ такому нарушенію какъ къ объявленію всѣмъ имъ войны [2]). Не дожидаясь отвѣта на свое предложеніе, вѣнскій дворъ обнародовалъ торжественное заяв-

---

[1]) Князь Меттернихъ барону Лебцельтерну 20 февраля (3 марта) 1848.
[2]) Циркулярная депеша князя Меттерниха 24 февраля (7 марта) 1848.

леніе въ вышеизложенномъ смыслѣ и поручилъ своему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ вручить его Ламартину [1]).

Прусскій король, тотчасъ по полученіи перваго извѣстія о парижскихъ происшествіяхъ, отправилъ въ Вѣну генерала Радовица условиться съ княземъ Меттернихомъ объ общихъ мѣрахъ противъ наступательнаго движенія революціи. Результатомъ переговоровъ съ австрійскимъ канцлеромъ было рѣшеніе созвать въ Дрезденѣ чрезвычайное совѣщаніе изъ уполномоченныхъ ото всѣхъ германскихъ правительствъ. Но всего болѣе Фридрихъ-Вильгельмъ IV надѣялся на Англію. Со свойственною ему страстностью, онъ писалъ своему представителю въ Лондонѣ и личному другу Бунзену, что по глубокому его убѣжденію, сохраненіе мира зависитъ единственно отъ великихъ державъ, въ особенности же отъ Англіи. Колебанія Англіи поколеблютъ миръ, твердость ея утвердитъ его. Поэтому король предлагалъ союзнымъ дворамъ установить «средоточіе соглашенія» въ Лондонѣ. Австрія уже приняла это предложеніе, императоръ Николай конечно также согласится на него. Все де зависитъ отъ Пальмерстона. Въ послѣднее время, король не всегда соглашался съ нимъ во взглядахъ, но теперь благословляетъ судьбу за то, что именно этотъ государственный человѣкъ завѣдуетъ иностранными дѣлами Англіи. Почему? Потому, что въ этой странѣ не найдется министра болѣе энергичнаго, и что только энергія и сообразительность Англіи могутъ предохранить отъ разрушенія Европу и общественный порядокъ. «Привѣтствуйте лорда Пальмерстона,» продолжалъ король, «такъ, какъ вы знаете, что я привѣтствую тѣхъ, къ кому питаю довѣріе, и скажите ему: я прошу его благосклонно отнестись къ средоточію соглашенія и руководить имъ какъ подобаетъ по праву рѣшительницѣ судебъ Европы, то-есть твердо, могущественно, смѣло, съ самымъ серіознымъ стремленіемъ къ миру. Но кто хочетъ мира, долженъ принять къ тому мѣры. Съ бѣснующеюся Франціей слѣдуетъ говорить лишь тѣмъ языкомъ, какой она въ состояніи понять. Языкъ этотъ долженъ исходить изъ такого соединенія физической и нравственной мощи, чтобъ устрашить и бѣснующуюся. Когда изъ устъ совокупнаго громаднаго могущества Англіи, Россіи, Австріи, Пруссіи и Германскаго Союза

[1]) Князь Меттернихъ Тому 27 февраля (10 марта) 1848.

послышится съ одной стороны слово мира и благоволенія, съ другой—твердое рѣшеніе противопоставить соединенныя силы на сушѣ и на морѣ, какъ нѣкогда Наполеону, всякому нарушенію договоровъ или территоріи, тогда великія державы и во главѣ ихъ Англія по истинѣ исполнятъ то, что возложилъ на нихъ отвѣтственность Верховный Направитель всемірной исторіи. Если, не смотря на это, бѣшеное животное все же ринется впередъ, то мы знаемъ его мѣру, и высокіе охотники, выражаясь по-человѣчески, не могутъ сомнѣваться въ его одолѣніи. Лордъ Пальмерстонъ долженъ передать строгое слово мира по ту сторону пролива: Скажите ему это отъ моего имени, дорогой Бунзенъ [1].»

Но лордъ Пальмерстонъ былъ далекъ отъ единомыслія съ королемъ прусскимъ. Въ послѣдніе годы, политика Лудовика-Филиппа приняла направленіе, прямо противоположное видамъ и пользамъ лондонскаго двора въ Испаніи, Швейцаріи и Италіи. Пальмерстонъ не безъ удовольствія узналъ о его паденіи, про которое сказалъ, что оно походитъ на театральное представленіе въ пяти дѣйствіяхъ и заняло немного болѣе времени. Насмѣшливо замѣтилъ онъ также, какъ странно, что король обязанный престоломъ революціи, которая была вызвана слѣпотой и упрямствомъ другаго короля, лишился его вслѣдствіе тѣхъ же недостатковъ и что пособилъ ему въ этомъ министръ, посвященный въ глубокія тайны исторіи и извлекшій изъ нея «сокровенный смыслъ событій и философію ихъ причинъ». Онъ предписалъ англійскому послу въ Парижѣ войти въ сношенія со временнымъ правительствомъ, не признавая его, объявить что Англія не дозволитъ Европѣ напасть на Францію, но желаетъ чтобъ и Франція не нападала на сосѣдей. На этомъ основаніи, увѣрялъ онъ, отношенія Англіи къ Франціи будутъ поставлены на гораздо болѣе дружественную ногу при республикѣ, чѣмъ при Лудовикѣ-Филиппѣ и Гизо. Съ самаго начала онъ былъ очень доволенъ миролюбивыми заявленіями Ламартина относительно Бельгіи и обѣщалъ признать республиканское правительство, какъ только оно изъ временнаго сдѣлается постояннымъ [2].

Своими впечатлѣніями лордъ Пальмерстонъ спѣшилъ по-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 26 февраля (9 марта) 1848.
[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби 14 (26) и 16 (28) февраля 1848.

дѣлиться со дворами вѣнскимъ и берлинскимъ. Онъ ручался имъ за миролюбіе правителей Франціи и находилъ, что только поддержаніемъ ихъ возможно обезпечить спокойствіе и порядокъ въ этой странѣ; настаивалъ на необходимости не грозить ей нападеніемъ или вмѣшательствомъ въ ея внутреннія дѣла; сознавался, что учрежденіе республики не совсѣмъ пріятно, но что надо принимать въ разсчетъ событія, каковы они на самомъ дѣлѣ, а не какими бы намъ хотѣлось ихъ видѣть; выражалъ желаніе признать новое правительство по соглашенію съ прочими дворами, но не позже того, какъ соберется французское учредительное собраніе, причемъ предупреждалъ, что не будетъ дожидаться ихъ рѣшеній, если они замедлятъ. Вѣнскому двору онъ совѣтовалъ примириться и войти въ соглашеніе съ Сардиніей, отказаться отъ строгихъ мѣръ противъ Ломбардо-Венеціи и даровать этой области либеральныя учрежденія; берлинскому—поставилъ на видъ, что парижскія происшествія должны служить ему предостереженіемъ и побудить короля Фридриха-Вильгельма, не медля долѣе, развить и дополнить конституціонныя учрежденія, которымъ тотъ положилъ уже начало. Понятно, что по полученіи прусскаго сообщенія, англійскій министръ остался при первомъ своемъ мнѣніи, отклонилъ предложенную обще-европейскую конференцію и высказалъ убѣжденіе, что въ одномъ словѣ «коалиція» заключается война съ Франціей, притомъ такая, что Англія не можетъ въ ней принять участія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратилъ вниманіе берлинскаго двора на угрожающее положеніе, принятое Австріей въ Италіи, и предложилъ войти съ нимъ въ соглашеніе по этому послѣднему предмету [1]).

Совершенно иначе звучалъ отвѣтъ императора Николая на обращеніе союзныхъ кабинетовъ. Онъ безусловно принялъ австрійское предложеніе о нейтралитетѣ, если Франція будетъ уважать договоры, и объ энергичной совокупной оборонѣ, если она нарушитъ ихъ. Часть нашей арміи была приведена на военное положеніе. Австріи предложена помощь деньгами и войсками, всѣ наши силы предоставлены въ качествѣ резерва въ распоряженіе союзниковъ нашихъ [2]). Но не успѣли эти

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лордамъ Понсонби и Вестморланду 17 (29) февраля 1848. Ср. Ranke: *Aus dem Briefwechsel Friedrich-Wilhelm's IV mit Bunsen*, стр. 114.

[2]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, I, стр. 20.

сообщенія достигнуть Вѣны и Берлина, какъ пламя революціи проникло уже за Рейнъ и бурнымъ огненнымъ потокомъ разлилось по всему пространству Германіи.

Движеніе началось съ юга и изъ Бадена распространилось на Виртембергъ и Баварію. Скоро возстаніе вспыхнуло въ Прирейнской долинѣ и, подвигаясь къ сѣверо-востоку, охватило оба Гессена, Нассау, Саксонію, Ганноверъ, Мекленбургъ. Крайнимъ предѣломъ его къ сѣверу были Голштинія и Шлезвигъ, гдѣ народъ поднялся во имя правъ нѣмецкой національности и освобожденія герцогствъ изъ-подъ власти Даніи.

Пока въ германскихъ столицахъ, отъ крупныхъ до мельчайшихъ, провозглашалось «народное самодержавіе» и «основныя неотъемлемыя права» гражданъ, вводились конституціи, созывались представительныя собранія, учреждалась гражданская стража, нѣсколько депутатовъ изъ южной Германіи сошлись въ Гейдельбергѣ и положили между собою, составивъ проектъ конституціи для всего германскаго отечества, передать его на обсужденіе учредительнаго собранія представителей нѣмецкаго народа, созваннаго ими въ самомъ мѣстѣ пребыванія союзнаго сейма, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. 19-го (31) марта собрался въ этомъ городѣ предварительный парламентъ и разошелся, установивъ программу дѣятельности, численный составъ и избирательныя правила будущаго обще-германскаго учредительнаго собранія. День открытія его былъ назначенъ на 6-е (18) мая.

При изслѣдованіи событій этой эпохи, болѣе всего поражаетъ, нельзя даже сказать уступчивость, а полное, безусловное подчиненіе германскихъ правительствъ революціоннымъ требованіямъ. Растерянность и безпомощность государей и ихъ министровъ превосходятъ всякую мѣру; нигдѣ не было съ ихъ стороны и тѣни сопротивленія. Вѣянія времени коснулись и союзнаго сейма, этого главнаго охранителя законнаго государственнаго порядка Германіи. По собственному почину, уполномоченные на сеймѣ придали себѣ семнадцать (по числу курій) товарищей «изъ людей, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ», съ цѣлью подготовить пересмотръ союзной конституціи. Когда же во Франкфуртѣ собрался самозванный предварительный парламентъ, то сеймъ не только не протестовалъ, но рѣшеніями своими узаконилъ со-

зывъ учредительнаго собранія «для осуществленія, чрезъ посредничество между правительствами и народомъ, дѣла германской конституціи» [1]).

Но какъ могли допустить такое полное ниспровержение законнаго порядка, такое разрушеніе государственнаго зданія союза двѣ великія германскія державы, его естественныя покровительницы? Какъ австрійское, такъ и прусское правительства, сами не устояли противъ революціонной бури. Мятежъ торжествовалъ побѣду въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ.

Главною причиной успѣха вѣнскаго возстанія были, какъ и всюду, слабость, нерѣшительность и непослѣдовательность правительства. Дѣло началось съ представленія императору прошеній отъ различныхъ корпорацій, студентовъ, промышленнаго общества, земскихъ чиновъ Нижней Австріи и другихъ, съ требованіемъ политическихъ преобразованій: гласнаго суда, свободы преподаванія, уничтоженія цензуры. Требованія эти расширялись по мѣрѣ того, какъ распространялось волненіе въ народѣ. 1-го (13-го) марта, предводимая студентами чернь ворвалась въ залу засѣданій земскихъ чиновъ и заставила ихъ принять въ свою среду двѣнадцать человѣкъ выборныхъ отъ народа. Оттуда толпа направилась къ императорскому замку, входы и выходы котораго охранялись войсками. Нѣсколько выстрѣловъ разсѣяли ее, и она разбѣжалась по городу. Нападеніе на арсеналъ было также отбито отрядомъ конницы. Мятежники начали тогда срывать съ вывѣсокъ императорскіе гербы, разбивать окна въ общественныхъ зданіяхъ, разносить гауптвахты. Загородная вилла канцлера была ограблена и разрушена при крикахъ: «Долой Меттерниха! Не хотимъ русскаго союза! Хотимъ уступокъ!»

Между тѣмъ, въ замкѣ одна депутація за другою являлись къ императору и эрцгерцогамъ съ совѣтомъ уступить «народнымъ требованіямъ». Къ вечеру эрцгерцогъ Лудовикъ, отъ имени слабоумнаго Фердинанда, изъявилъ князю Меттерниху желаніе, чтобы тотъ подалъ въ отставку. Канцлеръ повиновался и самъ объявилъ о своемъ удаленіи депутаціи студентовъ. Эрцгерцогъ согласился на вооруженіе ихъ и велѣлъ отворить имъ арсеналъ. На слѣдующее утро, снабженные ору-

[1]) Рѣшенія германскаго союзнаго сейма, 18 (30) марта и 26 марта (7 апрѣля) 1848.

жіемъ отряды академической молодежи уже расхаживали по всему городу. На стѣнахъ домовъ вывѣшены были печатныя воззванія съ перечисленіемъ уступокъ двора.

Но волненіе не только не утихало, а съ каждымъ часомъ принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Въ виду опасности, въ замкѣ рѣшились было прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ. Войска были стянуты вокругъ императорской резиденціи, и главное начальство надъ ними ввѣрено фельдмаршалу князю Виндишгрецу. Ему же поручены были всѣ военныя и гражданскія власти столицы. Тѣмъ не менѣе, императоръ и слышать не хотѣлъ о разрѣшеніи войскамъ дѣйствовать оружіемъ. По его личному настоянію, обнародованы были новыя уступки: свобода печати, учрежденіе гражданской стражи. Онѣ уже не могли удовлетворить мятежниковъ. Съ крикомъ «конституція!» толпа снова обступила замокъ. Тогда правительство объявило о созваніи въ Вѣнѣ соединеннаго собранія земскихъ чиновъ всей монархіи, и въ то же время, главнокомандующій пригласилъ гражданъ подчиниться предписаннымъ имъ мѣрамъ, для возстановленія общественнаго порядка и спокойствія.

Мѣры эти начали приводиться въ исполненіе, какъ 3-го (15-го) марта прибыла въ Вѣну, предводимая эрцгерцогомъ-палатиномъ, венгерская депутація, предъявившая императору, отъ имени пештскаго сейма, требованіе удовлетворить притязанія вѣнскаго населенія. Обстоятельство это вынудило дворъ снова измѣнить свои намѣренія. На площади предъ замкомъ, герольдъ возвѣстилъ народу объ императорскомъ патентѣ, коимъ не только признавалась «свобода печати и важныя заслуги гражданской стражи», но и обѣщалось «скорое созваніе депутатовъ, отъ усиленныхъ выборными гражданами областныхъ земскихъ чиновъ, для предпринятой императоромъ организаціи отечества». Фердинандъ съ братомъ и племянникомъ въ коляскѣ проѣхалъ по главнымъ улицамъ столицы, привѣтствуемый кликами населенія, а вечеромъ долженъ былъ не разъ появиться на балконѣ замка, по вызову собравшейся на площади торжествующей толпы.

Образовалось популярное министерство въ предсѣдательствѣ графа Коловрата, бывшаго давнимъ противникомъ Меттерниха. Оно издало цѣлый рядъ либеральныхъ постановленій: всеобщую амнистію, гласность бюджета, упраздненіе государственной полиціи. Въ день рожденія императора, 16-го (28-го) апрѣля,

обнародованъ былъ и самый манифестъ о конституціи. Онъ заключалъ въ себѣ всѣ учрежденія, считавшіяся необходимою принадлежностью представительнаго образа правленія: равенство предъ закономъ, открытый доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, свободу совѣсти, личности, рѣчи и печати, право петицій и сходокъ, всеобщую воинскую повинность, независимость суда, гласное и словесное судопроизводство, институтъ присяжныхъ для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, наконецъ, государственный совѣтъ, образованный изъ двухъ палатъ, съ рѣшающимъ голосомъ въ вопросахъ законодательныхъ и податныхъ и съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

Какъ ни широки были всѣ эти уступки, ихъ оказалось недостаточно. Общественное мнѣніе порицало учрежденіе верхней палаты на охранительныхъ началахъ и въ особенности то обстоятельство, что конституція была дарована императоромъ, а не исходила изъ совѣщаній учредительнаго собранія представителей народа. Поводомъ къ возобновленію безпорядковъ послужило распоряженіе правительства о распущеніи студенческаго комитета, руководившаго народнымъ движеніемъ. 3-го (15-го) мая, академическій легіонъ соединился съ гражданскою стражей и по торной дорогѣ, направился къ императорскому замку. Двору были предъявлены новыя требованія: возстановленіе центральнаго комитета студентовъ, преобразованіе государственнаго совѣта въ учредительное собраніе, состоящее изъ одной палаты, совмѣстное занятіе всѣхъ карауловъ въ городѣ войсками и гражданскою стражей, съ тѣмъ, чтобы войска выступали изъ казармъ не иначе, какъ по приглашенію гражданской стражи. Министерство не посмѣло отказать въ своемъ согласіи на эти мѣры, но императоръ и все его семейство въ ту же ночь тайно покинули Вѣну и удалились въ Инсбрукъ.

Съ этой минуты анархія въ столицѣ достигла крайнихъ предѣловъ. Правительство потребовало было распущенія академическаго легіона. Отвѣтомъ были баррикады, набатъ, всеобщій призывъ къ возстанію. Деморализованныя войска отказывались дѣйствовать противъ мятежниковъ. Городъ наводнился рабочими безъ дѣла, которымъ поспѣшили раздать оружіе. Испуганные министры отмѣнили свое распоряженіе и даже допустили студентовъ занять городскія ворота, сообща съ гражданскою стражей и съ войсками. Но волненіе не утихало. Возставшіе требовали совершеннаго удаленія войскъ изъ города. Чтобы

помѣшать прибытію подкрѣпленій, порваны были телеграфныя проволоки, сняты желѣзнодорожные рельсы. Министерство растерялось окончательно. Оно объявило, что всѣмъ вызваннымъ изъ областей войскамъ приказано отступить, что въ Вѣнѣ останется лишь столько солдатъ, сколько необходимо для караульной службы, всѣ же прочія будутъ выведены изъ города, а чиновники, виновные въ принятіи военныхъ мѣръ, преданы суду. Оно допустило, подъ именемъ «комитета гражданъ, гражданской стражи и студентовъ», образованіе выборнаго правительства «для охраненія правъ народа, спокойствія и порядка» и признало его «единственною самостоятельною властью города Вѣны». Наконецъ, оно обязалось не издавать впредь само никакихъ распоряженій, предоставивъ это преимущество помянутому комитету.

При такихъ условіяхъ собрался, наконецъ, въ Вѣнѣ учредительный имперскій сеймъ, изъ представителей бо́льшей части областей составляющихъ имперію. 10-го (22-го) іюля онъ былъ открытъ отъ имени отсутствующаго императора эрцгерцогомъ Іоанномъ. Въ тронной рѣчи провозглашались равноправность австрійскихъ разноплеменныхъ народностей и тѣсное единеніе Австріи съ Германіей. Сеймъ началъ свою дѣятельность съ приглашенія императора возвратиться въ столицу, приглашенія, которому тотъ не замедлилъ послѣдовать. Затѣмъ сеймъ перешелъ къ обсужденію самыхъ крайнихъ политическихъ мѣръ, посреди неописаннаго безпорядка, какъ внутри собранія, такъ и внѣ его.

Пока столица была предана въ жертву своеволію мятежной толпы и свободному распространенію самыхъ разрушительныхъ ученій съ парламентской трибуны и съ клубныхъ подмостковъ, во всѣхъ главныхъ городахъ имперіи царилъ хаосъ. Въ Пештѣ сеймъ выражалъ притязаніе на полную самостоятельность; въ Прагѣ собрался конгрессъ изъ представителей австрійскихъ славянъ; въ Грацѣ, въ Краковѣ, во Львовѣ, господствовало совершенное безначаліе. Миланъ и Венеція возстали, были очищены австрійскими войсками и провозгласили независимость. Сардинская армія вступила въ Ломбардію и оттѣснила Радецкаго до Адижа. Призракъ австрійскаго министерства, въ которомъ мѣсто Коловрата занялъ, сначала Пиллерсдорфъ, потомъ Вессенбергъ, не смѣлъ и помышлять о сохраненіи за Австріей итальянскихъ областей ея. Онъ воззвалъ къ посредничеству

Франціи и Англіи, соглашаясь признать независимость ломбардо-венеціанскаго королевства подъ властью одного изъ эрцгерцоговъ. На предложеніе это лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ, что хотя, по мнѣнію его, австрійцамъ нечего дѣлать въ Италіи и они не имѣютъ никакого права оставаться въ ней, но подъ условіемъ уступки Ломбардіи королю сардинскому, онъ готовъ содѣйствовать удержанію Венеціи въ составѣ австрійскихъ владѣній [1]).

Таково было жалкое положеніе монархіи Габсбурговъ въ теченіе лѣта 1848 года. Немногимъ лучше было состояніе въ которое революція повергла и прусское королевство.

За годъ до нея, Фридрихъ-Вельгельмъ IV, вопреки совѣтамъ и увѣщаніямъ дворовъ петербургскаго и вѣнскаго, даровалъ своимъ подданнымъ центральное представительство въ видѣ соединеннаго присутствія областныхъ земскихъ чиновъ. Открывая это собраніе въ Берлинѣ, онъ объявилъ что Пруссія не потерпитъ «дѣланной» конституціи, что самъ онъ никогда не допуститъ превращенія естественныхъ отношеній между государемъ и народомъ въ отношенія конституціонныя, что Бога и страну не долженъ раздѣлять листъ бумаги, а параграфы его—замѣнять исконную вѣрность подданныхъ [2]). Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что созванное имъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, собраніе представителей удовлетворитъ требованіямъ общественнаго мнѣнія и предохранитъ Пруссію отъ революціонныхъ потрясеній.

Ожиданія короля не оправдались. Тотчасъ послѣ февральскаго переворота въ Парижѣ, волненія обнаружились въ главныхъ городахъ Прирейнской Пруссіи, въ Вестфаліи, въ Силезіи, въ восточныхъ областяхъ. На сходкахъ, народъ не ограничивался требованіемъ политической свободы, а изъявлялъ желаніе видѣть Пруссію во главѣ объединительнаго движенія охватившаго Германію. Въ Берлинѣ всѣ эти притязанія нашли себѣ отголосокъ въ народныхъ собраніяхъ и даже въ городскомъ магистратѣ. Правительство сочло нужнымъ принять

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Понсонби, 19 (31) августа 1848. См. записку Гумелауера о поѣздкѣ его въ Лондонъ въ *Mémoires de Metternich*, VIII, стр. 449—456.

[2]) Рѣчь короля Фридриха-Вильгельма IV при открытіи соединеннаго ландтага, 30 марта (11 апрѣля) 1847.

военныя мѣры предосторожности, но это лишь ускорило взрывъ всеобщаго неудовольствія. Произошли кровавыя схватки между войсками и чернью, подстрекаемою демагогами къ возстанію.

3-го (15-го) марта, распространились въ Берлинѣ извѣстія о вѣнскихъ происшествіяхъ и придали смѣлости вожакамъ мятежа. Напрасно королевское воззваніе возвѣстило о предстоящемъ открытіи сессіи соединеннаго ландтага. Улицы столицы покрылись баррикадами, и бой съ войсками возгорѣлся съ новою силой въ разныхъ мѣстахъ. Утромъ 6-го (18-го), король принялъ депутацію жителей Кёльна и на адресъ ихъ отвѣчалъ, что готовъ созвать въ Потсдамѣ конгрессъ германскихъ государей и принять на себя руководство имъ, съ цѣлью даровать необходимыя вольности всей Германіи. Ему возразили, что этого недостаточно и что спасти отечество могутъ лишь собранные во Франкфуртѣ представители нѣмецкаго народа. Нѣсколько часовъ спустя, появилось новое возваніе короля, въ которомъ онъ заявлялъ, что *правительство его сдѣлаетъ своимъ союзникамъ предложенія, клонящіяся къ обновленію Германіи, къ преобразованію ея изъ союза государствъ въ союзное государство и къ созванію обще-германскаго парламента.* Воззваніе это было прочтено многочисленной толпѣ, собравшейся вокругъ королевскаго замка. Она привѣтствовала его рукоплесканіями, и, казалось, восторгу ея не было предѣла, когда самъ король, появясь на балконѣ, подтвердилъ свои обѣщанія. Но въ это самое время, раздалось изъ толпы требованіе удаленія войскъ. Король отказался исполнить его, какъ оскорбительное для чести арміи. Тогда опять послѣдовало столкновеніе между войскомъ и народомъ, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Съ криками: «измѣна! месть! къ оружію!» толпа разбѣжалась въ разныя стороны.

Снова воздвиглись баррикады и борьба завязалась на улицахъ и площадяхъ. На слѣдующій день, король объявилъ многочисленнымъ депутаціямъ, что готовъ уступить просьбѣ народной, а не угрозѣ, и что какъ только народъ покинетъ баррикады, онъ велитъ отступить войскамъ. Мятежники успѣли уже овладѣть тремя казармами, но полки твердо держались въ главныхъ пунктахъ Берлина. Внезапно они отступили и вышли изъ города. Приказаніе это было передано имъ отъ

имени короля неизвѣстнымъ лицомъ, выдавшимъ себя за его адъютанта [1]).

Побѣда была на сторонѣ возставшихъ. Король разрѣшилъ отворить двери арсенала и раздать народу оружіе. Прежнее министерство было замѣнено новымъ, вполнѣ конституціоннымъ. Предсѣдателемъ его назначенъ популярнѣйшій изъ министровъ, графъ Арнимъ. Новый кабинетъ обнародовалъ всепрощеніе и выпустилъ на свободу лицъ, задержанныхъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ. Принцъ прусскій (нынѣшній императоръ германскій), настаивавшій на энергическомъ сопротивленіи мятежу, оставилъ Берлинъ. На дворцѣ его появилась надпись: «народная собственность».

9-го (21-го) марта вышло воззваніе короля: «къ моему народу и къ нѣмецкой націи». Король торжественно заявлялъ, «что въ годину опасности онъ берется руководить судьбами отечества, и что отнынѣ Пруссія должна слиться съ Германіей». Въ тотъ же день, Фридрихъ-Вильгельмъ IV, окруженный принцами своего дома, выѣхалъ изъ замка верхомъ съ перевязью изъ трехъ германскихъ цвѣтовъ на рукавѣ и объѣхалъ главныя улицы Берлина, привѣтствуемый громкими восклицаніями толпы.

10-го (22-го) мая, король открылъ засѣданія учредительнаго ландтага, созваннаго для выработки конституціи. На основаніи представленнаго на его обсужденіе проекта, законодательная власть распредѣлялась между главой государства и двумя палатами. Не смотря на это, спокойствіе въ столицѣ не возстановлялось. 2-го (14-го) іюня, возставшіе рабочіе разграбили арсеналъ. Между ландтагомъ и замѣнившимъ кабинетъ Арнима министерствомъ Кампгаузена возникли несогласія, побудившія послѣднее подать въ отставку. Новый предсѣдатель совѣта министровъ Ауэрсвальдъ уступилъ всѣмъ требованіямъ народнаго представительства и согласился ввести въ конституцію крайнія мѣры, на коихъ оно настаивало. Король не утвердилъ лишь постановленія объ отмѣнѣ смертной казни. Но притязанія собранія росли съ каждымъ днемъ и вынудили вскорѣ удаленіе и кабинета Ауэрсвальда.

---

[1]) Король положительно утверждалъ впослѣдствіи, что никогда не отдавалъ приказанія о выступленіи войскъ изъ Берлина. Онъ велѣлъ имъ лишь отступить и сосредоточиться близъ замка. Адъютантъ, исказившій это приказаніе при передачѣ, никогда не былъ обнаруженъ. См. *Bunsen's Lebe[illegible]*, II стр. [illegible]

Пока изложенныя событія происходили въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, вниманіе всей Германіи было главнымъ образомъ устремлено на Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ должно было засѣдать учредительное собраніе, призванное преобразовать государственный строй германскаго отечества. Въ ожиданіи открытія засѣданій, въ этомъ городѣ дѣйствовали одновременно: прежній союзный сеймъ, доживавшій свои послѣдніе дни, приданная ему коммиссія изъ семнадцати свѣдущихъ людей, для выработки проекта новой обще-германской конституціи, и избранный предварительнымъ парламентомъ, комитетъ пятидесяти, занимавшійся подготовленіемъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію учредительнаго собранія.

Преисполненный отвращенія къ установившемуся въ Пруссіи конституціонному порядку, Фридрихъ-Вильгельмъ предоставилъ своимъ министрамъ управлять по собственному усмотрѣнію внутренними дѣлами страны. Тѣмъ ближе принималъ онъ къ сердцу предстоявшее преобразованіе Германіи. Въ его пылкомъ и художественномъ воображеніи давно сложились по этому вопросу опредѣленныя представленія. Мыслямъ своимъ онъ давалъ полный просторъ въ перепискѣ съ Дальманомъ, извѣстнымъ историкомъ и уполномоченнымъ Пруссіи во франкфуртской коммиссіи семнадцати.

Королю грезилась единая, нераздѣльная Германія. Историческое римско-императорское достоинство должно было попрежнему принадлежать въ ней австрійскому дому, который, довольствуясь этимъ титуломъ, «первымъ въ мірѣ», отказался бы отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ германскія дѣла. Дѣйствительнымъ главой имперіи былъ бы германскій король, торжественно избранный въ церкви Св. Варѳоломея, во Франкфуртѣ, конклавомъ королей, замѣнившихъ избирателей, привѣтствуемый всѣми прочими нѣмецкими государями, съ согласія и утвержденія императора, при единодушныхъ ликованіяхъ народа. Вновь поставленный протестантскій архіепископъ Магдебурга, примасъ Германіи, возложилъ бы на главу его вѣнецъ Гогенштауфеновъ [1]).

Дальманъ возразилъ, что Австрія отнюдь не удовольствуется предоставленіемъ ей лишь внѣшнихъ почестей, а также, что положеніе избраннаго германскаго короля не будетъ доста-

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Дальману, 12 (24) апрѣля 1848.

точно твердымъ и вынудитъ его обращать особенное вниманіе на свои наслѣдственныя владѣнія, въ ущербъ имперіи. Верховный глава Германіи, утверждалъ ученый профессоръ, долженъ носить титулъ императора и быть наслѣдственнымъ. Фридрихъ-Вильгельмъ убѣдился этими доводами, но вывелъ изъ нихъ совершенно неожиданное заключеніе, что такимъ главой имперіи слѣдуетъ провозгласить австрійскаго императора. Имперскій сеймъ, по плану его, распадался бы на двѣ палаты. Верхнюю составляли короли, герцоги, князья, не исключая и медіатизованныхъ владѣтелей. Бывшая коллегія городовъ преобразовывалась въ нижнюю палату, съ придачей гласныхъ отъ имперскаго рыцарства, мелкаго дворянства, городскихъ и сельскихъ общинъ. Имперіей управляло бы отвѣтственное министерство, при которомъ, ядовито замѣчалъ король, императоръ Фердинандъ могъ бы столь же хорошо править, какъ и Карлъ Великій. Въ военномъ отношеніи, онъ предлагалъ раздѣлить Германію на четырнадцать округовъ, названныхъ имъ герцогствами: изъ нихъ, четыре округа приходилось бы на австрійскія владѣнія и столько же на прусскія. Распоряженія первыми четырьмя предоставлялось императору, вторыми—королю прусскому, ибо Фридрихъ-Вильгельмъ не допускалъ мысли о сліяніи своей арміи съ имперскими войсками. Ему же подчинялись и прочіе военные округа, за исключеніемъ австрійскихъ, и присвоивалось званіе верховнаго полководца имперіи. Другими словами, король требовалъ для Пруссіи наслѣдственнаго права главнаго начальства надъ вооруженны и сила и всей Германіи [1]).

Еще яснѣе выразилъ онъ это притязаніе въ прощальномъ письмѣ своемъ князю Меттерниху. «Я питаю къ Австріи», писалъ онъ къ нему, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ его отставкѣ, «тѣ же чувства, что и въ 1840 году. Я честно сдѣлаю все, что могу, дабы облечь ея наслѣдственнаго императора наслѣдственнымъ достоинствомъ главы Священной Римской имперіи. Нужно, чтобы императоръ снова сталъ почетнымъ главой германской націи. Возлѣ этого Августа представляется неизбѣжнымъ Кесарь, какъ избранный государь нѣмецкой имперіи въ частности. Но я не хочу быть такимъ Кесаремъ. Мое честолюбіе—стать верховнымъ полководцемъ имперіи» [2]).

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Дальману, 21 апрѣля (3 мая) 1848.
[2]) Фридрихъ-Вильгельмъ IV князю Меттерниху, 6 (18) апрѣля 1848.

Историко-археологическія мечтанія короля прусскаго были такъ далеки отъ современной дѣйствительности, что не могло быть и рѣчи объ ихъ осуществленіи. За то среди германскихъ ученыхъ и публицистовъ. главныхъ направителей движенія къ единству, существовала значительная партія, допускавшая объединеніе германскаго отечества не иначе, какъ подъ водительствомъ Пруссіи. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей этой партіи былъ баронъ Стокмаръ, бывшій врачъ и воспитатель принца Леопольда саксенъ-кобургскаго, а по вступленіи его на бельгійскій престолъ, его довѣренный совѣтникъ, приставленный имъ впослѣдствіи въ томъ же качествѣ къ племяннику его, принцу Альберту, супругу королевы Викторіи. Узнавъ о пробужденіи въ Германіи стремленій къ единству, Стокмаръ, весной 1848 года, покинулъ Англію и отправился во Франкфуртъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ кобургскаго герцогства въ союзномъ сеймѣ. Оффиціальная дѣятельность его была ничтожна, но тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ усилія его выработать планъ преобразованія Германіи и побудить Фридриха-Вильгельма IV взять на себя приведеніе его въ исполненіе.

Сначала Стокмаръ былъ нѣсколько озадаченъ тѣмъ, что воззваніе прусскаго короля къ нѣмецкой націи встрѣтили въ Германіи съ насмѣшкой и едва ли даже не съ презрѣніемъ [1]). Самъ онъ находилъ, что всѣ уступки Фридриха-Вильгельма были сдѣланы не только поздно, но и вообще несвоевременно. По мнѣнію его, «несчастіемъ короля и всей Германіи были князь Меттернихъ и русскій императоръ». Но, составивъ подробный проектъ государственнаго переустройства союза, онъ, при льстивомъ письмѣ, все же повергъ его «къ стопамъ его величества».

Стокмаръ полагалъ, что естественною формой объединенной Германіи было бы преобразованіе ея въ одну конституціонную монархію. Но, соображаясь съ настоящимъ ея состояніемъ, онъ допускалъ учрежденіе изъ нея союзнаго государства, съ наслѣдственнымъ императоромъ во главѣ. Императорское достоинство должно было быть предоставлено сильнѣйшему изъ германскихъ государей, то есть королю прусскому, съ

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ вдохновитель воззванія, графъ Арнимъ, первый прусскій конституціонный министръ, въ брошюрѣ своей: *Берлинъ и Франкфуртъ*, стр. 16.

тѣмъ, чтобъ онъ образовалъ изъ своихъ владѣній ядро имперіи, ея «непосредственныя» земли. Всѣ прочія нѣмецкія государства составили бы «посредственныя» владѣнія имперіи, оставаясь подъ управленіемъ своихъ нынѣшнихъ властителей. Такое устройство, утверждалъ Стокмаръ, было бы равносильно дѣйствительному единству, ибо имъ устанавливалась бы «однообразная государственная жизнь, полная въ отношеніяхъ внѣшнихъ и достаточная въ тѣхъ изъ внутреннихъ отношеній, для которыхъ единство необходимо».

Эти нѣсколько туманныя выраженія означали, что будущій императоръ Германіи, король прусскій, долженъ будетъ управлять своими наслѣдственными владѣніями изъ Франкфурта, при посредствѣ имперскихъ министровъ и парламента. Окончательная судьба остальныхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи, разрѣшится со временемъ: если они живучи, то сохранятъ отдѣльное существованіе, если нѣтъ — мирно сольются съ непосредственными имперскими землями. Осуществленію плана не можетъ препятствовать нежеланіе нѣкоторыхъ правительствъ, какъ напримѣръ баварскаго или ганноверскаго, поступиться существенными своими правами въ пользу общаго цѣлаго; оно зависитъ отъ воли народовъ. Австріи предоставлялось, или отказавшись отъ императорскаго титула и расторгнувъ связь со своими внѣ-нѣмецкими владѣніями, примкнуть съ прочими къ имперіи на общихъ основаніяхъ и составить въ ней одно или нѣсколько государствъ, подъ властью одного или нѣсколькихъ эрцгерцоговъ, или совсѣмъ отдѣлиться отъ Германіи [1]).

Самъ составитель проекта отправился въ Берлинъ, чтобы настаивать предъ королемъ на его принятіи. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не допускалъ еще въ то время возможности исключенія Австріи изъ общаго нѣмецкаго отечества. Стокмаръ возвратился во Франкфуртъ, не достигнувъ своей цѣли.

Между тѣмъ, во всей Германіи состоялись выборы въ учредительное собраніе, и 6-го (18-го) мая, оно торжественно открыло свои засѣданія, въ церкви Св. Павла во Франкфуртѣ. Въ собраніи насчитывалось около 600 членовъ, представлявшихъ столько же оттѣнковъ многочисленныхъ партій, на которыя дробился

---

[1]) Проектъ Стокмара, помѣченный 12 (24) мая 1848, былъ напечатанъ въ приложеніи къ № 148 гейдельбергской газеты, отъ 15 (27) мая того же года.

политическій міръ Германіи, отъ приверженцевъ неограниченной монархіи, основанной на божественномъ правѣ, до крайнихъ республиканцевъ, радикально-демагогическаго пошиба. Ясно, что въ такомъ собраніи не могло быть и рѣчи о единствѣ направленія, и съ первыхъ же засѣданій, обнаружились разнообразіе и противоположность депутатскихъ мнѣній. Предсѣдателемъ парламента избранъ былъ Генрихъ Гагернъ.

На очереди стоялъ прежде всего вопросъ объ учрежденіи временнаго центральнаго правительства. Онъ имѣлъ принципіальное значеніе. Радикалы хотѣли, чтобъ исполнительная власть истекала изъ самаго собранія, знаменуя народное самодержавіе. Либералы предпочитали для нея независимое отъ законодательной власти происхожденіе, придерживаясь порядка, принятаго въ конституціонныхъ государствахъ. Первые желали президента, выбраннаго парламентомъ; вторые—блюстителя имперіи, назначеннаго союзными правительствами. Предсѣдатель собранія предложилъ примирить эти два противоположные взгляда и приступить къ избранію блюстителя. Выборъ большинства палъ на эрцгерцога Іоанна австрійскаго. Предложеніе одного депутата, поручить прусскому правительству временное управленіе Германіей, было отвергнуто со смѣхомъ.

Эрцгерцогъ принялъ поднесенное ему званіе и прибылъ во Франкфуртъ. Союзный сеймъ перенесъ на него свои конституціонныя права, увѣрилъ его въ искренней поддержкѣ германскихъ правительствъ и разошелся, объявивъ свою задачу оконченною. Первою заботой блюстителя имперіи было составленіе центральнаго имперскаго министерства. Предсѣдателемъ былъ назначенъ князь Лейнингенъ, военнымъ министромъ прусскій генералъ Пейкеръ, министромъ иностранныхъ дѣлъ Шмерлингъ, бывшій австрійскій посланникъ въ союзномъ сеймѣ. Правительство эрцгерцога спѣшило завязать сношенія съ иностранными дворами и обратилось къ нимъ съ просьбой о признаніи его. Со своей стороны, всѣ германскія государства уполномочили при немъ своихъ представителей. Этимъ однако не разрѣшался главный вопросъ: какого рода отношенія должны установиться между центральною властью и частными нѣмецкими правительствами? Какъ бы желая разрѣшить его однимъ ударомъ, имперское министерство издало распоряженіе о торжественномъ признаніи всѣми войсками отдѣльныхъ государствъ верховнаго начальства, въ лицѣ блюстителя

имперіи, и о замѣнѣ ихъ національныхъ кокардъ трехцвѣтною, общегерманскою.

Этимъ распоряженіемъ франкфуртское министерство прямо вторгалось въ область правъ и въ кругъ дѣятельности частныхъ правительствъ и естественно вызвало съ ихъ стороны удивленіе, неудовольствіе и противодѣйствіе. Лишь мелкія государства, не исключая впрочемъ Виртемберга и Саксоніи, исполнили безпрекословно его требованія. Въ Баваріи значительно уклонились отъ нихъ въ подробностяхъ. Въ Пруссіи король объявилъ приказомъ по арміи о своемъ согласіи на вступленіе эрцгерцога Іоанна въ должность блюстителя имперіи, умолчавъ о всемъ прочемъ, и даже объ избраніи его парламентомъ. Въ Австріи вовсе оставили безъ вниманія распоряженіе имперскаго правительства.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Германіи, когда 2-го (14-го) августа, шестисотлѣтній юбилей закладки кёльнскаго собора собралъ въ Кёльнѣ, въ качествѣ участниковъ этого празднества, короля Фридриха-Вильгельма и прусскій дворъ, съ одной стороны, и эрцгерцога блюстителя имперіи и депутацію франкфуртскаго учредительнаго собранія съ другой. Сначала все обошлось благополучно. Король ласково принялъ парламентскую депутацію, хотя и замѣтилъ ей внушительно: «Не забывайте, господа, что въ Германіи есть государи и что самъ я принадлежу къ ихъ числу». Послѣ церковной церемоніи состоялся торжественный обѣдъ на 1,200 кувертовъ. Мѣсто по правую руку короля занялъ эрцгерцогъ Іоаннъ. Предсѣдатель парламента, Гагернъ, предъявилъ притязаніе на второе мѣсто, по лѣвую руку хозяина праздника. Ему объяснили, что это противно придворному этикету и что требуемое имъ мѣсто принадлежитъ дядѣ короля, принцу Вильгельму. Гагернъ согласился сѣсть насупротивъ его величества, но одинъ изъ вице-президентовъ собранія силой отбилъ мѣсто у князя Сальма. Начались тосты. Первый провозгласилъ король за эрцгерцога, второй—эрцгерцогъ за короля. Затѣмъ снова всталъ Фридрихъ-Вильгельмъ и поднялъ бокалъ «за строителей великаго зданія, народное собраніе во Франкфуртѣ!» Гагернъ отвѣчалъ тостомъ за прусскую палату и представительныя собранія прочихъ германскихъ государствъ. Одинъ изъ депутатовъ поднимался уже съ намѣреніемъ провозгласить тостъ въ честь «народнаго самодержавія», но король поспѣшно всталъ изъ-

за стола и всѣ гости послѣдовали его примѣру. Нельзя при этомъ не упомянуть о характерной по своей нелѣпости выходкѣ трехъ гостей-депутатовъ, которые завидя придворнаго гофмаршала съ жезломъ въ рукѣ, завопили: «Такъ нельзя! Человѣкъ этотъ не смѣетъ расхаживать здѣсь съ палкой!» Не малаго труда стоило убѣдить этихъ господъ, что жезлъ служитъ гофмаршалу для подаванія знаковъ своимъ подчиненнымъ и что онъ не бьетъ имъ никого, даже изъ прислуги [1]).

Въ Кёльнѣ Бунзенъ, по уговору со Стокмаромъ, сдѣлалъ новую попытку убѣдить Фридриха-Вильгельма, чтобъ онъ сталъ во главѣ германскаго движенія. Вопросъ о томъ, уговаривалъ онъ его, будетъ скоро поставленъ въ собраніи, и король долженъ отвѣчать на него утвердительно. Поступивъ такъ, онъ доставитъ всѣмъ союзнымъ государямъ прочное и почетное положеніе въ новой конституціи. Сама Австрія извлечетъ выгоду изъ подобнаго рѣшенія. Она или сложится въ единое государство, или, выдѣливъ изъ общаго состава своихъ владѣній нѣмецкія земли и Чехію, присоединитъ ихъ къ Германіи. Ни въ какомъ случаѣ она не можетъ управлять Германіей, а скорѣе сама нуждается въ помощи ея и Пруссіи, для одолѣнія чужестранныхъ вліяній во внутреннихъ своихъ дѣлахъ. Принявъ однажды рекомендуемое ему рѣшеніе, король самымъ счастливымъ и естественнымъ образомъ избѣгнетъ затрудненій, причиняемыхъ ему прусскимъ учредительнымъ ландтагомъ. Конечно, необходимо, чтобы предварительно изъ Франкфурта было сдѣлано предложеніе о предоставленіи Пруссіи завѣдыванія внѣшними сношеніями Германіи и распоряженія ея военными силами. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что тамошній парламентъ никогда не согласится на эти два послѣднія условія, но что и имъ самимъ они могли бы быть приняты только въ томъ случаѣ, еслибъ исходили отъ германскихъ государей, все равно, коллективно или отъ каждаго въ отдѣльности. Собраніе же не имѣетъ на то никакого права и онъ никогда не одобритъ въ отношеніи другихъ узурпаціи, противъ которой самъ возстаетъ, насколько она касается Пруссіи. Вообще король считалъ себя оскорбленнымъ

---

[1]) О кёльнскихъ празднествахъ, см. обстоятельный разсказъ очевидца Бунзена, въ дневникѣ его, *Bunsen's Leben*, II, стр 464 и слѣд. Ср. письмо его къ Стокмару, 5 (17) августа 1848.

притязаніями франкфуртскаго парламента на «народное самодержавіе» и говорилъ, что это съ его стороны «тяжкій грѣхъ нарушенія вѣрности, измѣны присягѣ, полнаго уклоненія отъ германскихъ началъ» [1]).

Дѣйствительно, учредительное собраніе во Франкфуртѣ занялось прежде всего опредѣленіемъ «основныхъ правъ нѣмецкаго народа». Въ преніяхъ по этому вопросу, крайняя лѣвая развивала самыя радикальныя политическія теоріи, бывшія въ ходу у западно-европейскихъ демагоговъ. Значеніе и силы республиканской партіи возрастали съ каждымъ днемъ. Волненія усиливались и внѣ собранія, на улицахъ Франкфурта, наводняемыхъ праздными рабочими и революціонными выходцами со всѣхъ концовъ Германіи и Европы. Поводомъ къ безпорядкамъ послужило заключеніе Пруссіей, отъ имени и по уполномочію центральнаго правительства, перемирія съ Даніей. Министерство признало его, но собраніе отказалось утвердить. Тогда кабинетъ подалъ въ отставку и тѣмъ побудилъ парламентъ отмѣнить свое рѣшеніе и дать согласіе на ратификацію перемирія. Министерство снова вступило въ должность, но радикальная партія рѣшилась воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы путемъ народнаго возстанія насильственно захватить власть въ свои руки. Подстрекаемая ею франкфуртская чернь, на бурной сходкѣ, объявила парламентское большинство измѣнниками нѣмецкому народу, германской вольности и чести. 6-го (18-го) сентября, городъ покрылся баррикадами, толпа предалась всевозможнымъ неистовствамъ. Два баталіона вызванныхъ изъ Маинца австрійскихъ и прусскихъ солдатъ успѣли оградить собраніе отъ ея нападеній. Но жертвами ея пали министры: князь Лихновскій и Ауэрсвальдъ, злодѣйски умерщвленные. По прибытіи подкрѣпленій изъ Дармштадта, войска атаковали баррикады, разогнали мятежниковъ и возстановили въ городѣ порядокъ.

Къ началу осени, Германія находилась въ состояніи полнаго разложенія. Казалось, камня на камнѣ не останется въ ней отъ государственнаго зданія, воздвигнутаго вѣнскимъ конгрессомъ. Два главные его устоя, Австрія и Пруссія, были расшатаны въ своихъ основаніяхъ. И въ нихъ, какъ и во

---

[1]) О разговорѣ Бунзена съ королемъ ср. съ его разсказомъ въ *Bunsen's Leben*, II стр. 467 и слѣд. письма Бунзена Стокмару, 5 (17) августа и короля Бунзену, 9 (21) сентября 1848.

всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ, монархическое начало было принесено въ жертву своеволію мятежной толпы. При такихъ условіяхъ, тѣни либеральныхъ правительствъ, возникшихъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ на развалинахъ законнаго порядка, не имѣли возможности оставаться союзниками русскаго императора. Этого не позволили бы имъ представительныя собранія, повелѣвавшія ими и одушевленныя злобой и ненавистью къ преданіямъ Священнаго Союза. Императоръ Николай не могъ не сознавать коренной перемѣны, происшедшей въ отношеніяхъ его къ двумъ сосѣднимъ государствамъ. Отвѣчая князю Меттерниху на письмо, коимъ тотъ извѣстилъ его о паденіи своемъ, государь писалъ ему: «Въ глазахъ моихъ исчезаетъ вмѣстѣ съ вами цѣлая система взаимныхъ отношеній мысли, интересовъ и дѣйствій сообща. На новомъ пути, на который отнынѣ вступаетъ австрійская монархія, и не взирая на добрую волю ея правительства, крайне трудно будетъ обрѣсти ихъ въ одинаковой степени, подъ иною формой» [1]).

Испуганная всеобщимъ хаотическихъ состояніемъ Европы, превзошедшимъ ея разсчеты и ожиданія, Англія старалась войти съ нами въ тѣсное соглашеніе. Лордъ Пальмерстонъ поручилъ великобританскому послу въ Петербургѣ передать графу Нессельроде, «что въ настоящее время Россія и Англія—двѣ единственныя европейскія державы, за исключеніемъ одной Бельгіи, устоявшія на ногахъ и что имъ слѣдуетъ съ довѣріемъ относиться другъ ко другу». Онъ даже обѣщалъ отказаться отъ «недостойныхъ джентльмена» тайныхъ происковъ въ Польшѣ [2]). Но общее направленіе политики этого министра, всюду поддерживавшаго до того народныя возстанія въ борьбѣ ихъ съ правительствами, не допускало насъ до сближенія съ нимъ. Императоръ Николай предпочелъ уединиться отъ всѣхъ державъ Запада и, принявъ строгія мѣры для охраненія своей границы со стороны Познани и Галиціи, возвѣстилъ Европѣ рѣшеніе свое: предоставить народамъ истощаться въ отыскаліи новыхъ государственныхъ и общественныхъ формъ и комбинацій, спокойно и твердо выжидать окончанія смутъ, но не допускать ни подъ какимъ видомъ измѣненій въ европейскомъ равновѣсіи въ ущербъ Россіи [3]).

---

[1]) Императоръ Николай князю Меттерниху, 23 марта (4 апрѣля) 1848.
[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Блумфильду, 30 марта (11 апрѣля) 1848.
[3]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, I, стр. 21.

Впрочемъ, русскій государь не оставался безучастнымъ зрителемъ бѣдствія своихъ бывшихъ союзниковъ и, насколько зависѣло отъ него, продолжалъ оказывать имъ нравственную поддержку. Посланникъ нашъ въ Вѣнѣ получилъ приказаніе сопровождать австрійскій дворъ въ Инсбрукъ, поддерживать мужество въ растерявшихся министрахъ императора Фердинанда, отклонить ихъ отъ принятія англо-французскаго посредничества по итальянскому вопросу и отъ уступки Ломбардіи королю сардинскому [1]). Въ самый разгаръ обрушившихся на Австрію бѣдъ, когда входившія въ составъ ея народности, повидимому, готовы были отложиться отъ нея, тяготѣя однѣ къ Германіи, другія къ Италіи, третьи къ Россіи, императоръ Николай не допускалъ и мысли о распаденіи монархіи Габсбурговъ. Присоединеніе къ Россіи отторгнутыхъ отъ нея славянскихъ областей императорскій кабинетъ находилъ не только нежелательнымъ, но и прямо вреднымъ, ибо чрезъ это былъ бы нанесенъ ударъ «великому единству имперіи», прочно основанному на общности религіозныхъ вѣрованій, историческаго прошлаго и солидарности интересовъ подданныхъ [2]). Лишь когда либеральное и враждебное намъ направленіе получило рѣшительный перевѣсъ въ конституціонномъ австрійскомъ министерствѣ, которое не только не принимало никакихъ мѣръ для предупрежденія возстанія поляковъ въ Галиціи, но и не исполняло обязательствъ, истекавшихъ изъ заключенной съ нами картельной конвенціи, государь приказалъ объявить ему, что если оно не измѣнитъ своего противнаго договорамъ образа дѣйствій, то разрывъ между Россіей и Австріей сдѣлается неизбѣжнымъ, и русское посольство оставитъ Вѣну [3]).

Гораздо взыскательнѣе относился императоръ Николай къ поведенію короля прусскаго. Чѣмъ тѣснѣе была родственная связь его съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, чѣмъ искреннѣе любовь и привязанность къ зятю, тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ взиралъ онъ на слабость, проявленную королемъ во дни испытаній, тѣмъ строже осуждалъ уступчивость его революціоннымъ требованіямъ и недостойное государя заигрываніе съ засѣдавшими во Франкфуртѣ самозванными законодателями

---

[1]) Тамъ же, стр. 24.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ графа Нессельроде, 15 (27) іюня 1848.

[3]) Графъ Нессельроде Фонтону, 13 (25) сентября 1848.

Германіи. Къ тому же, въ Петербургѣ были глубоко убѣждены[1]), что конституціонный образъ правленія несогласуемъ съ военнымъ духомъ и традиціонною дисциплиной, служившими дотолѣ твердымъ основаніемъ монархіи Гогенцоллерновъ, и что, давая конституцію, король самъ низводилъ свою страну съ той степени могущества, на которую вознесъ ее побѣдоносный исходъ войны за освобожденіе. Силу Пруссіи видѣли въ ней самой, а не въ сліяніи ея съ Германіей, находя, что съ послѣднею нѣтъ у нея ни близкихъ отношеній, ни общихъ интересовъ. Опасались, что прусская революція не остановится на полупути и настоитъ на лишеніи права наслѣдовать престолъ принца прусскаго Вильгельма, въ которомъ она видѣла заклятаго своего врага и самаго опаснаго противника. Въ такомъ случаѣ, въ Петербургѣ полагали, что принцъ не подчинится этому распоряженію и были готовы поддержать оружіемъ его законное сопротивленіе.

Императоръ Николай не могъ сочувствовать и германскому движенію, какъ вслѣдствіе революціоннаго его происхожденія, такъ и ради преслѣдуемой имъ цѣли—объединенія Германіи. Сама по себѣ она уже составляла нарушеніе договоровъ 1815 года, установившихъ государственное устройство и международное положеніе Германскаго Союза. Но государь вовсе не помышлялъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ для возстановленія въ Германіи прежняго порядка вещей. Напротивъ, какъ только образовалось временное центральное правительство подъ руководствомъ блюстителя имперіи, эрцгерцога Іоанна, онъ велѣлъ сообщить ему, что согласенъ признать его въ этомъ званіи, подъ условіемъ, что эрцгерцогъ будетъ уважать существующія права и правительства. Сообщеніе это было сдѣлано эрцгерцогу, по высочайшему повелѣнію, посланникомъ нашимъ при виртембергскомъ дворѣ, княземъ А. М. Горчаковымъ[2]).

Но это именно условіе и не было соблюдено «единою»

---

[1]) См. любопытную записку о положеніи Пруссіи въ 1848 году, сообщенную генералъ-адъютантомъ В. Ѳ. Рачемъ и напечатанную въ январской книжкѣ *Русской Старины* за 1870 годъ. Соображенія, по которымъ анонимный авторъ изданнаго въ 1880 году въ Лейпцигѣ сборника, подъ заглавіемъ: *Berlin und Petersburg*, приписываетъ ее самому императору Николаю, ни на чемъ не основаны.

[2]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, I, стр. 25.

Германіей. По выраженію графа Нессельроде, «первая мысль ея была несправедливостью, первый кличъ—призывомъ къ войнѣ» [1]). Русскій канцлеръ разумѣлъ войну, объявленную Даніи Пруссіей, отъ имени и по уполномочію всей Германіи, изъ-за герцогствъ Шлезвига и Голштиніи.

Шлезвигъ-голштинскій вопросъ принадлежитъ къ числу самыхъ сложныхъ и запутанныхъ изо всѣхъ, когда либо приковывавшихъ къ себѣ вниманіе европейской дипломатіи. Когда онъ снова былъ возбужденъ въ 1863 году, лордъ Пальмерстонъ остроумно отозвался, что вполнѣ изучили и понимали этотъ вопросъ только три государственные человѣка въ Европѣ: принцъ Альбертъ, мужъ королевы, къ сожалѣнію умершій; одинъ датскій дипломатъ, сошедшій съ ума, и наконецъ, самъ онъ, Пальмерстонъ, успѣвшій уже позабыть его [2]). Впрочемъ, если вопросъ этотъ очистить отъ замысловатыхъ и безконечныхъ толкованій, которыми не безъ умысла обставляли его нѣмецкія ученость и политика, то въ сущности онъ весь сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ.

Датская монархія, въ очертаніяхъ, опредѣленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, состояла изъ четырехъ частей: собственно Даніи и герцогствъ Шлезвига, Голштиніи и Лауэнбурга. Послѣдній получила она въ 1814 году отъ Пруссіи, въ придачу къ денежной суммѣ, уплаченной за шведскую Померанію, которая была уступлена Даніи Швеціей, въ обмѣнъ на Норвегію.

Въ Даніи царствовала старшая вѣтвь голштинскаго дома. Общимъ родоначальникомъ всѣхъ его отраслей былъ Фридрихъ I, король датскій, умершій въ 1533 году. Два сына его подѣлили между собой наслѣдство. Старшій, Христіанъ III, наслѣдовалъ престолъ Даніи, съ нѣсколькими городами въ Шлезвигѣ и въ Голштиніи и сдѣлался основателемъ королевской голштино-зондербургской линіи; младшій, Адольфъ, получилъ въ удѣлъ остальныя части Шлезвига и Голштиніи и былъ родоначальникомъ линіи герцогской, голштино-готторпской. Потомки Христіана стали датскими королями, потомки Адольфа—герцогами голштинскими и въ качествѣ таковыхъ, членами Священной Римской имперіи. Въ продолженіе двухъ столѣтій между обѣими вѣтвями голштинскаго дома происходили без-

---

[1]) Циркулярная депеша графа Нессельроде, 6 (18) іюля 1848.

[2]) Забавный отзывъ англійскаго министра приводитъ генералъ Ла-Мармора въ книгѣ своей: *Un po piu di luce*, стр. 42.

прерывныя пререканія и велись войны, преимущественно изъ за обладанія Шлезвигомъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ герцогская голштино-готторпская линія, въ лицѣ потомка Адольфа въ шестомъ колѣнѣ, герцога Петра, не была возведена на русскій престолъ, вскорѣ послѣ чего, договоромъ 1767 года, подтвержденнымъ въ 1773 году, императрица Екатерина II, отъ имени несовершеннолѣтняго сына своего, великаго князя Павла Петровича, уступила датской коронѣ всѣ права его на Голштинію и Шлезвигъ, а полученныя взамѣнъ ихъ отъ Даніи графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ передала во владѣніе младшей вѣтви голштино-готторпской линіи, которая и понынѣ обладаетъ этими землями, составившими великое герцогство Ольденбургское.

Съ этого времени весь Шлезвигъ и вся Голштинія оставались подъ властью датскихъ королей, составляя неразрывную часть ихъ монархіи. Но отношенія къ ней обоихъ герцогствъ были неодинаковы. Шлезвигъ считался непосредственною датскою областью, Голштинія же продолжала быть составною частью Священной Римской имперіи. По распаденіи послѣдней, въ 1805 году, герцогство голштинское хотя и было формально присоединено къ королевству, но на вѣнскомъ конгрессѣ и оно, и Лауэнбургъ снова были включены въ составъ Германскаго Союза. И Шлезвигъ, и Голштинія сохранили подъ датскимъ владычествомъ свои древнія права и преимущества, ревнивыми оберегателями коихъ были областныя собранія земскихъ чиновъ. Не смотря на это, нѣмецкое населеніе, бывшее сплошнымъ въ Голштиніи и даже въ Шлезвигѣ составлявшее большинство, тяготилось подданствомъ королю датскому. Съ начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ герцогствахъ проявилась сильная агитація, усердно поддерживаемая извнѣ и поставившая себѣ цѣлью отторженіе ихъ отъ Даніи. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи должно было служить сліяніе ихъ въ одну государственную область. Но если того желали нѣмцы, то политика датскихъ королей естественно стремилась къ противоположному результату. Шлезвигъ и Голштинія продолжали управляться отдѣльно, но при каждомъ случаѣ копенгагенское правительство старалось тѣсно связать первое герцогство съ коренными датскими землями.

Главную надежду возлагали нѣмцы на вѣроятность скораго

прекращенія въ мужскомъ колѣнѣ царствующей вѣтви голштинскаго дома. Нѣмецкіе ученые и публицисты утверждали, что установленный основными датскими законами порядокъ престолонаслѣдія въ пользу женскаго колѣна не обязателенъ для герцогствъ и что если угаснетъ мужская королевская линія, то отпаденіе ихъ отъ Даніи произойдетъ само собой. Для болѣе яснаго уразумѣнія этихъ заключеній, необходимо привести снова нѣсколько генеалогическихъ данныхъ.

Королевская вѣтвь голштинскаго дома распадалась на три отрасли. Старшая изъ нихъ занимала датскій престолъ въ лицѣ короля Христіана VIII, единственный сынъ и наслѣдникъ коего, Фридрихъ, былъ бездѣтенъ. Изъ двухъ остальныхъ отраслей, первою была августенбургская, второю—глюксбургская. Обѣ происходили отъ герцога Александра, внука короля датскаго Фридриха II, умершаго въ 1677 году. Отъ старшаго сына его, Эрнста Гюнтера, шли Августенбурги; отъ младшаго, Августа-Филиппа—Глюксбурги. И тѣ, и другіе владѣли не самостоятельными удѣлами, а простыми помѣстьями, состояли въ подданствѣ датскихъ королей и неоднократно вступали въ браки съ принцессами старшей королевской линіи. Въ сороковыхъ годахъ, главой августенбургскаго семейства былъ герцогъ Христіанъ-Карлъ-Фридрихъ-Августъ, отецъ коего, Фридрихъ-Христіанъ, былъ женатъ на дочери короля датскаго Христіана VII, умершаго въ 1808 году. Глава глюксбургскаго дома, герцогъ Карлъ, самъ вступилъ въ бракъ съ младшею дочерью сына и преемника Христіана VII, короля Фридриха VI. Если по мужскому колѣну Августенбурги были старше Глюксбурговъ на одну степень, за то послѣдніе, по женскому колѣну, стояли также на одну степень ближе къ королевско-датской вѣтви. Но ближе ихъ обоихъ стоялъ къ ней по женской линіи ландграфъ Фридрихъ гессенъ-кассельскій, сынъ старшей дочери Фридриха VI датскаго. Итакъ, на основаніи датскаго королевскаго закона, ближайшимъ къ престолу агнатомъ былъ ландграфъ Фридрихъ, вторымъ герцогъ Карлъ глюксбургскій и лишь третьимъ герцогъ Христіанъ августенбургскій, тотъ самый, который, по толкованіямъ нѣмецкихъ юристовъ, долженъ былъ унаслѣдовать Голштинію и Шлезвигъ, въ случаѣ прекращенія королевско-датской вѣтви голштинскаго дома.

Въ предвидѣніи этого событія, царствующій король датскій,

Христіанъ VIII, издалъ въ 1846 году патентъ, въ коемъ объявилъ, что по заключенію коммиссіи, назначенной имъ для изслѣдованія вопроса о престолонаслѣдіи, Шлезвигъ и Лауэнбургъ, какъ составныя части королевства, подлежатъ дѣйствію основныхъ законовъ Даніи и что только относительно нѣкоторыхъ частей Голштиніи возникаетъ сомнѣніе о степени примѣнимости этихъ законовъ. Король надѣялся, что ему удастся устранить эти сомнѣнія и торжественно обѣщалъ обезпечить нераздѣльность всей датской монархіи. Земскіе чины Шлезвига и Голштиніи протестовали противъ королевскаго патента, а голштинцы принесли на него жалобу германскому союзному сейму. Въ постановленіи своемъ сеймъ выразилъ пожеланіе, чтобы при разрѣшеніи вопроса о престолонаслѣдіи, «король датскій принялъ въ соображеніе права всѣхъ и каждаго, въ особенности же права Германскаго Союза, агнатовъ голштинскаго дома и законныхъ представителей Голштиніи» [1]).

8-го (20-го) января 1848 года умеръ Христіанъ VIII, и на датскій престолъ вступилъ сынъ его, Фридрихъ VII. Чины обоихъ герцогствъ потребовали отъ него не только сліянія ихъ въ одно государство, но и включенія Шлезвига въ составъ Германскаго Союза. Король отвѣчалъ, что не имѣетъ ни права, ни возможности, ни желанія исполнить это требованіе; что Шлезвигъ приметъ участіе въ общемъ народномъ представительствѣ датскаго королевства, а Голштиніи будетъ дарована отдѣльная конституція. По полученіи этого отвѣта, вожаки нѣмецкаго движенія возбудили возстаніе въ герцогствахъ. Составилось временное правительство, главное начальство надъ шлезвиго-голштинскими войсками поручено было принцу Фридриху, брату главы августенбергскаго дома. Когда же датская армія разбила ихъ на голову и быстро заняла весь Шлезвигъ, мятежники обратились къ германскому союзному сейму съ просьбой о помощи. Сеймъ поручилъ Пруссіи принять на себя посредничество между Даніей и герцогствами. По настоянію народившагося въ Берлинѣ изъ мартовской революціи либеральнаго министерства, король Фридрихъ-Вильгельмъ двинулъ войска свои въ Голштинію. Они сразились съ датчанами и принудили ихъ очистить и Шлезвигъ. Копенгагенскій дворъ понятно счелъ эти дѣйствія за объявленіе войны

---

[1]) Постановленіе германскаго союзнаго сейма, 5 (17) сентября 1846.

и отвѣчалъ провозглашеніемъ всѣхъ береговъ сѣверной Германіи въ состояніи блокады; когда же прусскія войска вступили въ Ютландію, воззвалъ къ содѣйствію дворовъ петербургскаго и лондонскаго.

Англія сама предложила сначала свое посредничество, но, подчиняясь личному вліянію королевы, расположенной принцемъ Альбертомъ въ пользу нѣмецкихъ притязаній, лордъ Пальмерстонъ дѣйствовалъ нерѣшительно, вяло, и скоро совершенно отказался отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ датско-германскую распрю. Не такъ поступилъ императоръ Николай. Отрядъ балтійскаго флота получилъ приказаніе отплыть къ Копенгагену и содѣйствовать защитѣ датской столицы. Транспортныя русскія суда были предложены Швеціи для перевозки въ Ютландію вспомогательныхъ шведскихъ войскъ. Наконецъ, императорскій кабинетъ объявилъ берлинскому, что если прусскія войска не остановятся въ своемъ наступленіи, то Россія вынуждена будетъ объявить Пруссіи войну, не потому. чтобъ она питала относительно ея враждебные замыслы, а потому, что право на сторонѣ Даніи и что Пруссія вооруженнымъ вмѣшательствомъ своимъ нарушила порядокъ, установленный въ герцогствахъ вѣнскимъ конгрессомъ. Между тѣмъ, по убѣжденію государя, политическое зданіе Европы представляетъ одно цѣлое, и первый отторгнутый отъ него камень непремѣнно повлечетъ за собою полное его разрушеніе [1]).

Русское заступничество спасло Данію. Король Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ своимъ министрамъ, по собственному его признанію «жаждавшимъ» войны съ нами, что онъ готовъ скорѣе отречься отъ престола, чѣмъ позволить вовлечь себя въ войну съ Россіей [2]). Не взирая на то, что франкфуртскій парламентъ высказался въ пользу притязаній герцогствъ, требуя принятія энергическихъ мѣръ для продолженія войны, король вынудилъ центральное правительство уполномочить его на вступленіе въ переговоры, не скрывъ отъ франкфуртскихъ министровъ, что Пруссія не въ состояніи продолжать войну, въ виду угрозъ Россіи и полнаго прекращенія собственной морской торговли. Къ тому же и успѣхи прусскихъ войскъ въ

[1]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, I, стр. 26.

[2]) Король самъ подтвердилъ это Стокмару, 29 мая (10) іюня 1848. См. *Stockmars Denkwürdigkeiten*, стр. 514. Ср. письмо Фридриха-Вильгельма IV къ Бунзену, 19 апрѣля (1 мая) 1849.

Шлезвигѣ были далеко не блестящи [1]. 14-го (26-го) августа подписано было въ Мальмё прусскими и датскими уполномоченными перемиріе на семь мѣсяцевъ. Главными условіями его были: отмѣна всѣхъ законовъ и распоряженій, изданныхъ въ Шлезвигѣ и Голштиніи временнымъ революціоннымъ правительствомъ; учрежденіе въ герцогствахъ смѣшаннаго управленія, въ составъ коего Данія и Пруссія назначали каждая по два члена, а предсѣдателя сообща; занятіе Голштиніи прусскими войсками, Шлезвига шведскими и острова Альзена датскими. До истеченія срока перемирія, воюющія стороны обязались условиться объ окончательномъ мирѣ, на конференціи въ Лондонѣ, при посредничествѣ Россіи, Англіи, Франціи и Швеціи.

Мальмёское перемиріе и скоро послѣдовавшее за нимъ подавленіе уличныхъ безпорядковъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ были *несомнѣнными признаками* упадка силъ революціи, наступленія близкой перемѣны въ отношеніяхъ къ ней германскихъ правительствъ. Ихъ ободрялъ примѣръ французской республики, не поколебавшейся дать анархическимъ элементамъ Парижа генеральное сраженіе и одержавшей надъ ними, въ трехдневномъ бою съ 12-го (24-го) по 15-е (27-е) іюня, полную побѣду. Послѣдствіемъ ея была передача народнымъ собраніемъ временной исполнительной власти генералу Кавеньяку и провозглашеніе осаднаго положенія въ столицѣ и въ главныхъ городахъ Франціи. Несомнѣнно, впрочемъ, что достигшія крайнихъ предѣловъ, неистовства демагоговъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ были главною причиной, побудившею правительства австрійское и прусское рѣшиться на энергическія мѣры для возстановленія законной власти и порядка.

Въ Австріи дворъ воспрянулъ духомъ, получивъ извѣстіе о побѣдахъ Радецкаго въ сѣверной Италіи. Сардинская армія и ломбардскіе мятежники потерпѣли рѣшительное пораженіе при Кустоццѣ, и вся Ломбардія была снова занята австрійскими войсками. Въ Венгріи хотя и продолжалось движеніе, направленное къ совершенному отпаденію короны св. Стефана отъ австрійской монархіи, но хорваты, предводимые

---

[1]) Въ этомъ сознается и Ранке, говоря: «военные успѣхи были вообще удовлетворительны, хотя и нерѣшительны» (*Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhem's IV mit Bunsen,* стр. 136). Совершенно непонятно, какимъ образомъ онъ нѣсколькими строками ниже какъ будто выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чьей стороны держались въ датско-германской распрѣ Англія и Россія (?!).

баномъ своимъ, Елачичемъ, высказались за габсбургско-лотарингскую династію и горѣли нетерпѣніемъ ударить на мадьяръ. Наконецъ, фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ быстро и успѣшно усмирилъ бунтъ въ Прагѣ.

Однако въ самой Вѣнѣ смуты и безпорядки не прекращались. Въ концѣ сентября узнали тамъ объ отказѣ пештскаго сейма разойтись и объ избраніи Кошута предсѣдателемъ комитета венгерской народной обороны. Вооруженная шайка, подъ названіемъ академическаго легіона и гражданской стражи господствовавшая въ столицѣ, вздумала воспротивиться выступленію расположенныхъ въ Вѣнѣ войскъ въ походъ противъ мадьяръ. Возобновились кровавыя сцены на улицахъ и площадяхъ. Арсеналъ вторично подвергся разграбленію, а военный министръ, графъ Латуръ, былъ растерзанъ разъяренною толпой. Засѣдавшій въ столицѣ учредительный имперскій сеймъ объявилъ свое собраніе непрерывнымъ и отправилъ депутацію просить императора объ отмѣнѣ принятыхъ противъ Венгріи военныхъ мѣръ. Въ ночь съ 24-го сентября (6-е октября) на 25-е сентября (7-е октября), Фердинандъ и весь дворъ во второй разъ покинули Вѣну и искали убѣжища въ Ольмюцѣ. Занимавшія столицу войска отступили и въ окрестностяхъ ея соединились съ полками Елачича. Для подкрѣпленія ихъ были вызваны войска изъ Чехіи, и князь Виндишгрецъ получилъ надъ ними главное начальство.

Вѣна была въ рукахъ мятежниковъ, готовившихся силой отразить приближавшуюся правительственную армію. Туда стеклись демагоги изо всѣхъ главныхъ городовъ Австріи. Начальникомъ обороны былъ извѣстный агитаторъ, отставной офицеръ Мессенгаузеръ; полякъ Бемъ распоряжался артиллеріей. 10-го (22-го) октября, войска Виндишгреца обступили городъ. Попытка венгерцевъ придти къ нему на помощь была отбита. Послѣ бомбардированія, продолжавшагося нѣсколько дней, Вѣна была взята приступомъ. Главные вожаки мятежа были переловлены, судимы полевымъ судомъ и разстрѣляны.

Возстановленіе порядка въ столицѣ сопровождалось рядомъ другихъ мѣръ, не менѣе рѣшительныхъ. Императорскій указъ пріостановилъ засѣданія учредительнаго сейма, а 3-го (15-го) ноября, онъ былъ снова созванъ, но уже не въ Вѣнѣ, а въ Кремзирѣ, небольшомъ городкѣ Моравіи. Въ тотъ же день было составлено новое, бодрое и строго консервативное министер-

ство, подъ предсѣдательствомъ князя Феликса Шварценберга, а три недѣли спустя состоялось отреченіе императора Фердинанда и брата его, эрцгерцога Франца-Карла, отъ престола, и австрійскимъ императоромъ провозглашенъ былъ восьмнадцатилѣтній сынъ послѣдняго, подъ именемъ Франца-Іосифа I.

Событія эти были съ радостью привѣтствованы въ Петербургѣ. Отъ нихъ ожидали возвращенія вѣнскаго двора къ прежнему тѣсному союзу съ нами. Во время осады Вѣны фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ имѣлъ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ продолжительный и откровенный разговоръ по этому предмету. «Нѣтъ въ исторіи примѣра,» говорилъ онъ Фонтону, «другой страны, которая въ столь короткое время была бы такъ деморализована какъ наша; революціонный духъ, подобно лавинѣ, охватилъ и увлекъ толпу». Когда Фонтонъ замѣтилъ ему, что императоръ Николай вполнѣ сочувствуетъ его энергическому образу дѣйствій противъ мятежниковъ, фельдмаршалъ съ жаромъ выразилъ свою признательность, прибавивъ, что онъ давно уже высказалъ его величеству опасенія, внушаемыя ему ближайшимъ будущимъ. Государь не только одобрилъ слова Фонтона, но противъ того мѣста его донесенія, гдѣ говорилось, что князь Виндишгрецъ хотя и надѣется одолѣть мятежниковъ, но въ случаѣ неуспѣха не поколеблется воззвать къ великодушію русскаго императора, собственноручно начерталъ: «и я отвѣчу на ихъ призывъ, и они во мнѣ не ошибутся» [1]). По полученіи же извѣстія о вступленіи на престолъ императора Франца-Іосифа, графъ Нессельроде выразилъ мнѣніе, что «съ этой минуты начинается новый фазисъ въ нашемъ политическомъ положеніи и что возстановленіе прежнихъ нашихъ отношеній къ австрійскому правительству становится все болѣе и болѣе осязательнымъ» [2]).

Обузданіе революціи совершилось одновременно и въ Пруссіи съ неменьшими быстротой и успѣхомъ, хотя и иными, болѣе мирными средствами.

Торжество радикальныхъ элементовъ на улицѣ и въ печати, либеральныхъ въ учредительномъ ландтагѣ и даже въ министерствѣ, съ самаго начала, вызвало противодѣйствіе въ многочисленныхъ консервативныхъ кругахъ этой страны, въ особенности среди дворянъ-помѣщиковъ и офицеровъ арміи. Вы-

---

[1]) Фонтонъ графу Нессельроде, 14 (26) октября 1848.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде, за 1818 годъ.

раженіемъ имъ служила основанная вскорѣ по провозглашеніи конституціи *Новая Прусская Газета*, болѣе извѣстная подъ названіемъ *Крестовой*, ибо на заголовкѣ ея изображался желѣзный крестъ, съ надписью кругомъ: «Съ Богомъ, за короля и отечество». Основателями ея были два брата Герлаха, изъ коихъ старшій состоялъ генералъ-адъютантомъ короля, а младшій занималъ важную судебную должность. Рядомъ съ ними въ комитетѣ газеты засѣдали знатные аристократы, графы Финкенштейнъ и Фоссъ, баронъ Зенфтъ-Пильзахъ, Бетманъ-Гольвегъ, все люди съ независимымъ состояніемъ и положеніемъ, совершенно чуждые администраціи. Главнымъ редакторомъ ея былъ Вегенеръ, а въ числѣ талантливыхъ сотрудниковъ не послѣднее мѣсто занималъ молодой померанскій помѣщикъ, Бисмаркъ-Шенгаузенъ. Послѣдній обратилъ уже на себя вниманіе бойкими и мѣткими рѣчами, въ крайнемъ охранительномъ направленіи, произнесенными имъ въ прежнемъ соединенномъ ландтагѣ. Въ берлинское учредительное собраніе 1848 года онъ избранъ не былъ и большую часть своего времени посвящалъ публицистической дѣятельности, между прочимъ, остроумно-ѣдкимъ отчетамъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, появлявшимся на столбцахъ *Крестовой Газеты*.

«Мы не хотимъ въ нашемъ листкѣ,» говорилось въ програмѣ этого изданія, «стремиться къ механической реакціи, къ безпринципному возстановленію прежняго порядка вещей, къ одной лишь задержкѣ и отрицанію новаго развитія. Но мы не хотимъ также, чтобы революція, которую нельзя не признать какъ фактъ, утвердилась въ качествѣ основнаго начала нашей общественной жизни, чтобы нѣмецкому народу навязывались во имя свободы и прогресса чуждыя и негерманскія учрежденія, угрожающія намъ лишеніемъ нашего нравственнаго достоянія и всей совокупности права, воспитанія и образованія, этого драгоцѣннаго наслѣдія историческаго нашего прошлаго, украшенія и славы нашего нѣмецкаго отечества. Въ противоположность этимъ теченіямъ и современному разрушительному стремленію ко всеобщему уравненію, мы будемъ отстаивать истинныя, историческія основы нашей государственной и правовой жизни. Мы будемъ защищать право сверху— противъ самопроизвольныхъ правовыхъ источниковъ снизу, власть «Божіею милостью»—противъ самовозводящихъ и самониввергающихъ себя властителей, существующіе юридическіе

порядокъ и охраняемые имъ интересы—противъ напора радикализма, не упраздняющаго, а лишь перемѣщающаго всякое неравенство» [1]).

Совершенно такой же духъ господствовалъ и въ арміи, и проявленія его были такъ сильны, что вызвали даже со стороны либеральнаго большинства прусскаго учредительнаго собранія попытку подѣйствовать на офицеровъ-консерватизовъ угрозой увольненія отъ службы. Министерство Ауэрсвальда вышло въ отставку именно потому, что не согласилось привести въ исполненіе мѣръ, задуманныхъ съ этою цѣлью. Его замѣнилъ кабинетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Пфуля. Тогда же генералъ Врангель былъ назначенъ командующимъ войсками, возвратившимися изъ датскаго похода и расположенными въ окрестностяхъ Берлина. Въ дневномъ приказѣ, отъ 3-го (15-го) сентября, онъ объявилъ, что задача его—возстановить въ столицѣ общественное спокойствіе, если направленныя къ тому усилія благонамѣренныхъ гражданъ окажутся недостаточными. Еще энергичнѣе высказался онъ въ рѣчи, произнесенной на площади, по прибытіи въ Берлинъ.

— Я приведу войска и сюда,—воскликнулъ онъ,—когда наступитъ тому время. Теперь еще рано, но они придутъ. Я долженъ возстановить порядокъ всюду, гдѣ онъ будетъ нарушенъ. Войска мои добрыя, мечи остро наточены, ружья заряжены. Какимъ печальнымъ вижу я снова Берлинъ! На улицахъ растетъ трава, дома опустѣли. Все это перемѣнится. Анархія должна прекратиться, и она прекратится!

Но, ко всеобщему изумленію, новое министерство начало свою дѣятельность съ того, что покорилось требованію ландтага и издало распоряженіе, коимъ воспрещался офицерамъ «реакціонный» образъ мыслей, предписывалось сближаться съ гражданами, искренно сочувствовать конституціонному порядку, а тѣмъ изъ нихъ, кто не могъ согласовать этихъ приказаній со своими убѣжденіями, выходъ изъ арміи вмѣнялся въ долгъ чести.

Подъ впечатлѣніемъ такой слабости и уступчивости министерства, учредительное собраніе приступило къ обсужденію проекта прусской конституціи. Слова, коими начинался онъ:

---

[1]) Первоначальная программа *Крестовой Газеты* напечатана цѣликомъ въ автобіографіи ея перваго главнаго редактора, Wägener: *Erlebtes*, стр. 5 и слѣд.

«Божіею милостью, мы, король» и т. д., были отвергнуты большинствомъ. Ихъ замѣнили формулой: «Мы, Фридрихъ-Вильгельмъ, провозглашаемъ сію конституцію, установленную въ согласіи съ нами, представителями народа». Вслѣдъ затѣмъ собраніе постановило отмѣну дворянскаго званія и орденовъ. Наконецъ, въ засѣданіи 19-го (31-го) октября, одинъ изъ его членовъ предложилъ пригласить центральное франкфуртское министерство принять всѣ зависящія отъ него мѣры для защиты народной свободы въ Вѣнѣ отъ угрожающей ей опасности. Пренія по всѣмъ этимъ вопросамъ происходили посреди невообразимаго смятенія въ палатѣ и внѣ ея. Рабочіе волновались, и въ тотъ самый день, когда обсуждалось послѣднее предложеніе, толпой ворвались въ залу засѣданій, осыпая министровъ и консервативныхъ депутатовъ грубыми ругательствами.

Терпѣніе короля истощилось. Съ первыхъ дней революціи онъ преисполнился ненависти и презрѣнія къ ней, и, если вопреки своимъ убѣжденіямъ, уступилъ требованіямъ мятежной и угрожающей толпы, то исключительно по свойственной его характеру нерѣшительности и слабости. Съ тѣхъ поръ не разъ помышлялъ онъ о сопротивленіи, о возвращеніи къ прежнему, до-революціонному порядку. Его возмущало поведеніе относительно его самого первыхъ его конституціонныхъ министровъ, въ особенности графа Арнима, который обращался съ нимъ грубо, постоянно грозилъ отставкой, оставлялъ десятки писемъ его безъ отвѣта и поступалъ наперекоръ его волѣ. Наводненный демагогами Берлинъ представлялся ему сумасшедшимъ домомъ, но король не сомнѣвался въ вѣрности арміи и сельскаго населенія. Онъ хотѣлъ было призвать ихъ къ себѣ на помощь уже въ концѣ мая, когда въ палату внесено было предложеніе «выразить благодарность отечества бойцамъ 18-го и 19-го марта». Онъ намѣревался тогда распустить учредительное собраніе и снова созвать прежній соединенный ландтагъ, «чтобы сообща съ нимъ обсудить его возстановленіе на широкихъ основаніяхъ, предложить ему иную конституцію и управлять съ нимъ и съ нею» [1]). Но исполнить этотъ планъ не хватило рѣшимости. Фридрихъ-Вильгельмъ извѣрился въ людей. «Демократы,» жаловался онъ

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Стокмару, 28 мая (9 іюня) 1848.

одному изъ ближайшихъ друзей своихъ, «хотятъ народнаго самодержавія и республики. На это никакая сила въ мірѣ не заставитъ меня согласиться. Если дѣло дойдетъ до того, то я извлеку мечъ. Аристократы, люди, которыхъ я считалъ опорой престола, тѣ самые, что постоянно твердили о законной власти, произнесли у меня за спиной слово *низложеніе*. Обѣ стороны хотятъ отвлечь отъ меня армію и народъ [1]).» Къ тому же, въ ближайшихъ окрестностяхъ Берлина до прекращенія войны съ Даніей находилось очень мало войска, не болѣе 17,000 человѣкъ. Скрѣпя сердце, король рѣшился не выходить пока изъ скромной роли конституціоннаго государя, и отдавъ на произволъ министровъ внутреннее управленіе страной, оставилъ за собою лишь завѣдываніе арміей и иностранными дѣлами. Впрочемъ, онъ заранѣе намѣтилъ и предѣлы своей уступчивости: «я никогда не склоню головы своей предъ демократіей», повторялъ онъ и прибавлялъ, что лучше отречься отъ престола, чѣмъ, напримѣръ, дать вовлечь себя въ войну съ Россіей или признать конституцію въ томъ видѣ, какъ приготовляло ее берлинское учредительное собраніе.

Прямое посягательство народнаго представительства на права верховной власти, отрицаніе ея божественнаго источника, переполнили чашу. Къ энергическому дѣйствію побуждали короля высшіе чины арміи и выдающіеся дѣятели консервативной партіи. Подавленіе мятежа въ Вѣнѣ вѣроятно также повліяло на его рѣшимость. Наконецъ, въ непосредственной близости нашелся человѣкъ, способный исполнить трудное дѣло и готовый взять на себя всю за него отвѣтственность.

Въ засѣданіи собранія 21-го октября (2-го ноября), генералъ Пфуль заявилъ, что по разстроенному здоровью оставляетъ министерство, а предсѣдатель сообщилъ письмо, коимъ генералъ графъ Бранденбургъ [2]) увѣдомлялъ, что король поручилъ ему составленіе новаго кабинета. Представители тотчасъ поняли значеніе этой перемѣны и послали къ королю депутацію съ требованіемъ взять назадъ данное Бранденбургу полномочіе.

---

[1]) Разговоръ короля съ Бунзеномъ, 21 іюля (2 августа) 1848, въ «*Bunsen's Leben*», II, стр. 453.

[2]) Графъ Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургъ, незаконнорожденный сынъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма II и графини Дёнгофъ.

Король хотя и принялъ депутацію, но на врученный ему адресъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Недѣлю спустя, министерство окончательно образовалось, и первый министръ прочелъ въ палатѣ королевское повелѣніе, въ силу котораго мѣстомъ засѣданій учредительнаго ландтага назначался городъ Бранденбургъ. Собраніе отказалось подчиниться этому распоряженію. На слѣдующій день генералъ Врангель вступилъ въ Берлинъ, во главѣ 15,000 солдатъ. Войска заняли помѣщеніе собранія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, депутаты пытались собираться въ различныхъ мѣстахъ и успѣли голосовать постановленіе, приглашавшее народъ отказать правительству въ платежѣ податей. Наконецъ, они были окончательно разогнаны войсками. Во все это время Берлинъ оставался совершенно спокойнымъ. Обезоруженіе и распущеніе гражданской стражи произошло въ полномъ порядкѣ. Со всѣхъ концовъ королевства получались многочисленныя выраженія сочувствія королю и министерству.

Въ день, назначенный для возобновленія въ городѣ Бранденбургѣ засѣданій учредительнаго ландтага, туда явились лишь депутаты правой стороны. Это обстоятельство, въ связи съ противозаконнымъ постановленіемъ собранія объ отказѣ въ платежѣ податей, послужило поводомъ къ немедленному его распущенію, а 23-го ноября (5-го декабря), была обнародована дарованная королемъ конституція, въ сущности хотя и мало отличавшаяся отъ проекта, обсуждавшагося въ ландтагѣ, но избѣгавшая его крайностей. Ею установлялись двѣ палаты, которымъ предоставлялось право пересмотра конституціи. Онѣ были созваны въ Берлинѣ на 14-е (26-е) февраля 1849 года.

Такъ завершился 1848 годъ возстановленіемъ порядка въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ и образованіемъ двухъ консервативныхъ министерствъ: Шварценберга въ Австріи и Бранденбурга въ Пруссіи. Политическая жизнь въ обоихъ этихъ государствахъ снова вошла въ свое естественное русло и потекла обычнымъ чередомъ, болѣе спокойно и правильно. Около того же времени и во Франціи установилось постоянное правительство. По введеніи въ дѣйствіе составленной народнымъ собраніемъ конституціи, президентомъ республики избранъ былъ, путемъ всеобщаго голосованія, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ Бонапартъ.

Но спокойствіе далеко еще не было водворено повсюду въ Европѣ. На сѣверѣ, какъ и на югѣ не прекратилась война:

пруссаки и датчане въ при-эльбскихъ герцогствахъ, австрійцы и піемонтцы въ Ломбардіи стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, нетерпѣливо ожидая истеченія срока заключенныхъ между ними перемирій. Большая часть Италіи была охвачена пламенемъ революціи, республики провозглашены въ Римѣ, въ Венеціи, а вскорѣ затѣмъ и въ Тосканѣ. Въ Германіи подготовлялись республиканскія возстанія въ Пфальцѣ и въ Саксоніи. Учредительное собраніе во Франкфуртѣ продолжало противопоставлять законной власти нѣмецкихъ правительствъ начало народнаго самодержавія. Царство Польское, сдержанное желѣзною рукой императора Николая, не шевельнулось, но Венгрія съ успѣхомъ боролась противъ австрійской арміи, помышляя о провозглашеніи окончательно своей самостоятельности и о лишеніи габсбургско-лотарингской династіи наслѣдственныхъ ея правъ на корону Св. Стефана. Лишь занятіе русскими войсками Дунайскихъ Княжествъ положило въ нихъ конецъ революціи.

Императорскій кабинетъ внимательно наблюдалъ за ходомъ событій на Западѣ. Сочувствіе его вездѣ было на сторонѣ права и законности противъ революціонныхъ насилій. Какъ только основалось въ Австріи твердое правительство, онъ поспѣшилъ протянуть ему руку. Въ сношеніяхъ съ новымъ прусскимъ министерствомъ мы были сдержаннѣе. Оно даровало странѣ либеральную конституцію, несогласія его съ Даніей не были еще улажены, и намъ казались подозрительными ласковыя отношенія его къ объединительному германскому движенію и къ главному очагу его, франкфуртскому парламенту. Зато мы не колеблясь признали вновь избраннаго главу французской республики, въ благоразуміи котораго видѣли залогъ возвращенія Франціи на путь мирнаго и тихаго развитія.

Вѣрный торжественно заявленной предъ лицомъ всей Европы программѣ, императоръ Николай воздерживался отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ событія, спокойно выжидая пока призоветъ его на помощь тотъ или другой изъ его союзниковъ. Скоро Западъ долженъ былъ убѣдиться во-очію, что полное умиротвореніе его дѣйствительно недостижимо безъ могучаго и великодушнаго содѣйствія русскаго царя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возстановленіе порядка въ Европѣ.

Съ воцареніемъ молодаго императора, руководимаго министромъ умнымъ и смѣлымъ, Австрія стала видимо оправляться отъ потрясеній, едва не приведшихъ ее на край гибели. Въ заявленіи переведенному въ Кремзиръ имперскому учредительному сейму, князь Шварценбергъ высказалъ рѣшимость правительства стремиться прежде всего къ возстановленію внутренняго единства и къ развитію силъ монархіи и этимъ путемъ достигнуть ея обновленія. Представители народа приглашались содѣйствовать императору въ достиженіи этой цѣли и спѣшить окончаніемъ порученнаго имъ дѣла, составленія новой конституціи. Вскорѣ однако обнаружилось, что избранное въ самый разгаръ революціоннаго движенія собраніе неспособно дѣйствовать въ согласіи со строго-консервативнымъ министерствомъ. Большинство сейма настаивало на провозглашеніи основныхъ правъ австрійскихъ граждавъ и на признаніи начала народнаго самодержавія. Въ свою очередь правительство объявило это начало несовмѣстимымъ съ правами верховной власти въ монархическомъ государствѣ. Послѣдствіемъ такого кореннаго разногласія было распущеніе учредительнаго сейма и дарованіе, 23-го марта (4-го апрѣля) 1849 года, конституціи императоромъ. Обнародованъ былъ также законъ объ основныхъ правахъ, значительно сокращенный, но введеніе въ дѣйствіе какъ этого закона, такъ и самой конституціи отсрочено на неопредѣленное время. Населеніе приняло всѣ эти правительственныя мѣры безропотно и совершенно спокойно.

По взятіи Вѣны, фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ обратилъ свои войска противъ мятежныхъ мадьяръ, взялъ при-

ступомъ Раабъ, занялъ Буду и вынудилъ венгерскую армію отступить за Тиссу. Въ Италіи успѣхи австрійскихъ войскъ были еще рѣшительнѣе.

Послѣ побѣды при Кустоццѣ и обратнаго вступленія Радецкаго въ Миланъ, англійскому правительству удалось запугать слабое министерство Вессенберга угрозой французскаго вмѣшательства и убѣдить его заключить съ Сардиніей перемиріе до весны. Тѣмъ временемъ должны были открыться въ Брюсселѣ совѣщанія объ окончательномъ мирѣ, при посредничествѣ кабинетовъ лондонскаго и парижскаго. Но, со вступленія князя Шварценберга въ управленіе, отношенія Австріи къ Англіи измѣнились. Австрійскій министръ не скрывалъ своего нерасположенія къ лорду Пальмерстону и далъ ему понять, что, вопреки обычаю, императоръ Францъ-Іосифъ не пошлетъ въ Лондонъ эрцгерцога для извѣщенія королевы о своемъ восшествіи на престолъ, дабы не ставить одного изъ членовъ своего дома въ непріятное положеніе вступать въ личныя сношенія съ заклятымъ и отрытымъ врагомъ его [1]). Брюссельская конференція такъ и не состоялась. Весной 1849 года, по истеченіи срока перемирія, сардинская армія снова вступила въ Ломбардію, но 11-го (23-го) марта была на голову разбита и разсѣяна фельдмаршаломъ графомъ Радецкимъ при Новарѣ. Пораженіе это повлекло за собой отреченіе короля Карла-Альберта отъ престола и заключеніе сыномъ его и преемникомъ Викторомъ-Эммануиломъ II мира, по которому Сардинія не только отказывалась ото всѣхъ своихъ притязаній на освобожденіе Италіи, но обязалась уплатить Австріи и военную контрибуцію въ 15.000,000 лиръ.

Послѣ новарскаго разгрома, снова утвердившаго господство Австріи въ Сѣверной Италіи, революція не могла уже долго держаться и въ другихъ частяхъ полуострова. Австрійцы возвратили Парму и Модену законнымъ ихъ государямъ и заняли Болонью и Анкону. Въ то же самое время французскій экспедиціонный корпусъ, послѣ непродолжительной осады, взялъ Римъ и возстановилъ въ немъ власть папы. Тосканцы сами низвергли республиканское правительство, образовавшееся во Флоренціи, и вызвали обратно своего великаго герцога. Король неаполитанскій указомъ отмѣнилъ исторгнутую у него

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Аберкромби 16 (28) декабря 1848.

насиліемъ конституцію, и войска его, высадясь въ Сициліи, снова подчинили ему этотъ островъ. Знамя революціи еще нѣкоторое время продолжало развѣваться въ одной Венеціи, которая, благодаря своему топографическому положенію, долго отражала нападенія австрійцевъ. Но 10-го (22-го) августа и она была вынуждена сдаться на капитуляцію.

Къ концу лѣта законный порядокъ былъ водворенъ во всей Италіи, и вѣнскій дворъ снова занялъ въ этой странѣ преобладающее положеніе, обезпеченное за нимъ договорами. Но въ Венгріи дѣла его шли несравненно хуже. Успѣвшій спастись послѣ паденія Вѣны Бемъ возмутилъ всю Седмиградскую область. Оправившись отъ зимнихъ пораженій, венгерскія войска перешли весной въ наступленіе, разбили австрійцевъ при Коморнѣ и Раабѣ, отбросили ихъ къ Пресбургу и снова овладѣли Будой. На чрезвычайномъ сеймѣ, собранномъ въ Дебречинѣ, 3-го (15-го) апрѣля, австрійская династія объявлена была лишенною правъ на венгерскій престолъ, провозглашена независимость Венгріи, и Кошутъ избранъ главой временнаго мадьярскаго правительства.

Императоръ Францъ-Іосифъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился обратиться къ русскому государю за помощью противъ своихъ мятежныхъ подданныхъ. Медлить долѣе значило бы подвергать опасности существованіе монархіи. Венгерская армія угрожала уже самой Вѣнѣ. Фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ, конечно не безъ вѣдома своего государя, написалъ императору Николаю письмо, въ которомъ напомнилъ ему слово, данное имъ при послѣднемъ свиданіи покойному императору Францу: служить надежною опорой и защитой его преемникамъ. Просьба о помощи была повторена Францемъ-Іосифомъ въ личномъ обращеніи къ государю, притомъ въ самыхъ настоятельныхъ выраженіяхъ [1]).

Еще въ 1837 году князь Меттернихъ обратилъ вниманіе императорскаго кабинета на опасности, грозившія Австріи со стороны безпокойныхъ и своевольныхъ мадьяръ, и государю угодно было поручить послу своему въ Вѣнѣ объявить австрійскому канцлеру, «что *во всякомъ случаѣ* Австрія можетъ положиться на Россію и что его величество не забудетъ того, что обѣщалъ въ Мюнхенгрецѣ своему августѣйшему другу и

[1]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée*, I, стр. 32.

союзнику» [1]). На просьбу австрійскаго двора императоръ Николай отвѣчалъ приказаніемъ русскому корпусу, занимавшему Дунайскія Княжества, немедленно двинуться въ Седмиградскую область, а вскорѣ послѣ того цѣлая армія, подъ водительствомъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, вступила въ Венгрію чрезъ Галицію. Государь не только не предъявилъ при этомъ молодому своему союзнику никакихъ требованій, не только не упомянулъ о какомъ бы то ни было вознагражденіи, но не захотѣлъ даже, чтобъ Австрія приняла на себя расходы по продовольствію и содержанію нашихъ войскъ. Единственное условіе, на которомъ онъ настоялъ, было подчиненіе всѣхъ русскихъ частей начальству русскаго главнокомандующаго, условіе, послужившее первымъ поводомъ къ неудовольствію на насъ австрійцевъ, въ свою очередь отказавшихъ намъ въ подчиненіи своихъ военныхъ силъ нашей главной квартирѣ [2]).

Венгерскій походъ былъ побѣдоноснымъ шествіемъ для нашихъ войскъ. Оно завершилось полнымъ пораженіемъ главной мадьярской арміи, положившей оружіе предъ нами подъ Виллагошемъ, 1-го (13-го) августа. «Венгрія,» доносилъ государю Паскевичъ, «у ногъ вашего императорскаго величества».

Было бы ошибочно думать, что одно чувство руководило императоромъ Николаемъ, когда онъ такъ великодушно и безкорыстно протянулъ могучую руку помощи своему погибавшему союзнику. Торжество революціи въ Венгріи онъ считалъ противнымъ существеннымъ пользамъ Россіи, въ особенности какъ опасный примѣръ для Польши. Не даромъ польскіе выходцы стеклись въ значительномъ числѣ подъ мадьярскія знамена; не даромъ «генералы» Дембинскій, Бемъ предводили венгерскими отрядами. Отпаденіе Венгріи отъ Австріи открыло бы свободный доступъ всѣмъ революціоннымъ элементамъ Запада къ нашимъ собственнымъ границамъ. Итакъ, мы въ Венгріи сражались прежде всего, дабы обезпечить за собой спокойное обладаніе Царствомъ Польскимъ. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что главною побудительною причиной государя была вѣрность своему царскому слову и строгое исполненіе

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 13 (25) мая 1837.

[2]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée,* I, стр. 31.

обязанностей, вытекавшихъ изъ акта Священнаго Союза. Поступая такимъ образомъ относительно Австріи, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что и она такъ же отнесется къ Россіи въ минуту опасности. Онъ искренно вѣрилъ, что узы благодарности могутъ служить въ политикѣ прочною связью.

Русское вмѣшательство въ Венгріи произвело сильное впечатлѣніе на кабинеты великихъ державъ. Получивъ о немъ извѣстіе, лордъ Пальмерстонъ писалъ: «Австрія держится въ настоящую минуту за Россію какъ плохой пловецъ за хорошаго. Ей предстоитъ тяжелое и трудное дѣло въ Венгріи, въ Трансильваніи и въ другихъ областяхъ, и русскія арміи готовы помочь ей въ случаѣ надобности. Мы не можемъ помѣшать Россіи въ этомъ дѣлѣ, и никакія краснорѣчивыя слова наши не пересилятъ превосходныхъ войскъ самодержца. Большое несчастіе для Австріи и для Европы, что австрійское правительство вынуждено стать въ такое положеніе зависимости отъ Россіи, ибо это лишаетъ Австрію возможности сдѣлаться впослѣдствіи преградой русскому честолюбію и захватамъ. Молчите, скажутъ ей русскіе, и не забывайте, что мы спасли васъ отъ распаденія и погибели. Быть можетъ, австрійцы, возстановивъ свои силы, и не обратятъ вниманія на эти упреки; но все же эта военная помощь должна быть отплачена тѣмъ или другимъ способомъ. Не смотря на то, мы должны надѣяться на лучшее; и если Англія и Франція пребудутъ тверды, то я не сомнѣваюсь, что мы выживемъ русскихъ изъ княжествъ. Австрія, какъ бы она ни была покорна предъ Россіей, не можетъ допустить ее до занятія этихъ военныхъ позицій.»

Въ томъ же письмѣ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ выражалъ мнѣніе, что предпочитаетъ настоящее положеніе тому, которое существовало послѣ 1830 года, когда охранительный союзъ составляли три государства, тогда какъ теперь въ тѣсномъ единеніи осталось ихъ только два, «ибо Пруссія», утверждалъ онъ, «отпала отъ нихъ и стремится стать руководящею державой независимой Германіи, вмѣсто того, чтобъ оставаться привязанною ко хвосту своихъ двухъ сильныхъ военныхъ сосѣдей. Когда Минто былъ въ Берлинѣ и желалъ узнать политику и виды Пруссіи по какому либо важному предмету, ему говорили, что мы должны обратиться съ

запросами въ Петербургъ и Вѣну. Рабство это нынѣ расторгнуто» [1]).

Лордъ Пальмерстонъ не ошибался. Пруссія дѣйствительно начинала уклоняться отъ охранительныхъ началъ Священнаго Союза и готовилась вступить на новый путь, который долженъ былъ привести ее къ занятію въ Германіи преобладающаго положенія и къ осуществленію нѣмецкаго единства. Первые шаги ея на этомъ пути были нетверды, несмѣлы, въ зависимости отъ слабости и нерѣшительности короля, отъ разногласія его совѣтниковъ, отъ страха предъ Австріей и въ особенности предъ Россіей, наконецъ, благодаря врожденному отвращенію Фридриха-Вильгельма IV къ своимъ революціоннымъ сообщникамъ. Но, намѣтивъ себѣ однажды цѣль, берлинскій дворъ уже не терялъ ея изъ виду, пока, наконецъ, не достигъ ея послѣ многолѣтнихъ усилій и не смотря на неоднократныя неудачи, подъ руководствомъ геніальнаго государственнаго человѣка, главная сила коего заключалась въ глубокой вѣрѣ въ историческое призваніе прусскаго государства и народа.

Прошло болѣе полугода со времени открытія во Франкфуртѣ германскаго учредительнаго собранія, а предпринятое имъ дѣло лишь туго и медленно подвигалось впередъ. Парламентскія коммиссіи выработали: одна—законъ объ основныхъ правахъ нѣмецкаго народа, другая—конституцію будущей имперіи. Оба проекта были изготовлены къ осени и въ концѣ 1848 года поступили на разсмотрѣніе собранія. Къ этому времени въ значительной части его членовъ начинало созрѣвать убѣжденіе, что успѣхъ объединительнаго движенія зависитъ отъ поддержки сильнѣйшаго изъ германскихъ государствъ, Пруссіи. Виднѣйшимъ представителемъ этого направленія въ парламентѣ былъ самъ предсѣдатель его Генрихъ Гагернъ. Въ рѣчи, произнесенной 14-го (26-го) октября, онъ развилъ взглядъ свой на необходимость образованія изъ Германіи, подъ главенствомъ Пруссіи, единаго союзнаго государства, при чемъ Австрія, не входя въ составъ его, должна была пребывать съ нимъ въ неразрывномъ союзѣ.

Большинство собранія высказалось противъ мнѣнія своего

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Джону Росселю, 28 марта (9 апрѣля) 1849.

предсѣдателя и постановило, что Австрія останется составною частью объединенной Германіи [1]). Но Гагернъ не отчаялся въ возможности склонить его современемъ на сторону своихъ видовъ. Заявленіе князя Шварценберга кремзирскому сейму, «что лишь послѣ того, какъ обновленная Австрія и обновленная Германія улягутся въ новыя и твердыя формы, станетъ возможнымъ опредѣленіе ихъ взаимныхъ государственныхъ отношеній [2])», повидимому согласовалось съ задуманнымъ имъ планомъ. Прежде чѣмъ, однако, приводить его въ исполненіе, Гагернъ счелъ нужнымъ отправиться въ Берлинъ, дабы въ его пользу склонить короля и прусскихъ министровъ.

Гагернъ прибылъ въ Берлинъ 12-го (24-го) ноября и былъ ласково принятъ королемъ. Онъ прямо предложилъ ему императорскую корону соединенной Германіи и затѣмъ изложилъ свою программу, но получилъ въ отвѣтъ, что она неосуществима, если Австрія останется въ составѣ союза; что даже въ случаѣ исключенія изъ него габсбургской монархіи, прочіе нѣмецкіе короли никогда не согласятся на нее; что въ лучшемъ случаѣ придется бороться съ оппозиціей католиковъ, нерасположеніемъ среднихъ государствъ и завистью великихъ державъ. Въ заключеніе Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ, что не хочетъ принимать участія въ посягательствѣ парламента на державныя права германскихъ государей [3]). «Вы желаете имѣть согласіе государей,» возразилъ ему Гагернъ, «хорошо! вы получите его [4]).» Разставаясь съ Гагерномъ, король обнялъ его и назвалъ своимъ другомъ, но впослѣдствіи вспоминалъ о немъ съ чувствомъ смѣшаннаго восхищенія и отвращенія, признаваясь, что ему было бы крайне непріятно нуждаться въ дружбѣ такого человѣка [5]). Дѣло въ томъ, что между предложенною ему короною и убѣжденіями его лежала цѣлая бездна. Въ сущности онъ совсѣмъ

---

[1]) Постановленіе германскаго учредительнаго собранія 14 (26) октября 1848.

[2]) Заявленіе князя Шварценберга кремзирскому сейму 10 (22) ноября 1848.

[3]) См. «*Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelms IV mit Bunsen*», стр. 145.

[4]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 1 (13) декабря 1848.

[5]) См. «*Bunsen's Leben*», II, стр. 488 и слѣд.

не хотѣлъ ни согласія нѣмецкихъ государей на избраніе парламентомъ, ни короны, подносимой ему послѣднимъ.

«Корона эта,» писалъ онъ Бунзену, «прежде всего вовсе не корона. Корона, какую можетъ принять Гогенцоллернъ, еслибъ обстоятельства это позволили, не походитъ на ту, которая хотя и предлагается съ согласія государей, но создана властью, выросшею изъ революціонныхъ сѣмянъ, въ родѣ короны Лудовика-Филиппа, изъ камней мостовой. Корона должна носить на себѣ отпечатокъ Бога, такъ чтобы тотъ, на кого она будетъ возложена послѣ священнаго муропомазанія, сталъ государемъ «Божіею милостію,» подобно тому, какъ она содѣлала болѣе тридцати четырехъ государей германскими «Божіею милостію» королями, причемъ послѣдній всегда примыкаетъ къ ряду предшедшихъ королей. Корону, которую носили Оттоны, Гогенштауфены, Габсбурги, конечно можетъ носить и Гогенцоллернъ. Она въ высшей степени почтитъ его тысячелѣтнимъ своимъ блескомъ. Но та, о которой вы помышляете, также въ высшей степени обезчестила бы его гнилымъ запахомъ революціи 1848 года, нелѣпѣйшей, глупѣйшей, сквернѣйшей, хотя благодаря Богу и не злѣйшей изо всѣхъ революцій настоящаго столѣтія. Неужели такой воображаемый вѣнецъ, сдѣланный изъ навоза и грязи, можетъ позволить поднести себѣ законный король «Божіею милостію» и къ тому же король прусскій, имѣющій счастіе носить если не древнѣйшую, то благороднѣйшую корону, ни у кого не украденную?... Говорю вамъ прямо, если суждено тысячелѣтней коронѣ нѣмецкаго народа, покоившейся сорокъ два года, снова быть дарованною, то располагать ею будемъ я и равные мнѣ. И горе тому, кто присвоиваетъ себѣ непринадлежащее право!»

Король не допускалъ также мысли объ исключеніи Австріи изъ Германіи, считалъ это несбыточнымъ, въ особенности послѣ того, какъ монархія Габсбурговъ вышла побѣдительницей изъ прошлогоднихъ испытаній. Необходимою представлялась ему новая организація временной общегерманской центральной власти. Онъ не былъ доволенъ существовавшимъ правительствомъ блюстителя имперіи, находя его неорганическимъ. «Самодержавное собраніе, состоящее изъ шести сотъ членовъ,» писалъ онъ въ томъ же письмѣ, «создавшее себѣ исполнительную власть, которая, въ силу учредительнаго акта,

обязана въ вопросѣ о государственномъ устройствѣ, въ этомъ безусловно главномъ жизненномъ вопросѣ для Германіи, смиренно молчать,—это слишкомъ! Мы, короли, сообща съ императоромъ, должны тѣсно соединиться между собою и, съ вѣжливостью и искренностью истины, права и добрыхъ намѣреній въ отношеніи къ единственному существующему объединительному пункту отечества, сказать собранію, засѣдающему въ церкви св. Павла: «Мы образовали изъ себя палату королей, дабы при составленіи конституціи отправлять священную обязанность законнаго государя Германіи. Мы настойчиво совѣтуемъ собранію не возгордиться и допустить безъ возраженій, чтобы мы придали ему вторую его инстанцію въ лицѣ государственной палаты, ибо до поры до времени мы, короли и герцоги, будемъ одни назначать депутатовъ въ эту палату. Тогда можетъ выйти изъ всего этого нѣчто разумное. Избраніе же главы имперіи мы нынѣ же и строго возбраняемъ собранію, ибо право это принадлежитъ однимъ намъ [1].»

Тѣ же мысли развивалъ король въ слѣдующемъ письмѣ своемъ къ тому же другу, бывшему ревностнымъ сторонникомъ Гагернскаго плана. «Моя главная государственная идея,» доказывалъ онъ, «не что иное, какъ организація временнаго порядка во франкфуртскомъ центрѣ. Почему? Потому, что мы, государи, то-есть императоръ и пять королей, выигрываемъ время, дабы основательно обсудить, какой видъ мы можемъ, хотимъ, смѣемъ дать и дадимъ Германіи. Съ этою цѣлью учреждается временная верхняя палата по назначенію государей и коллегіи королей, надъ организованнымъ въ составѣ двухъ палатъ временнымъ порядкомъ и въ противоположность ему.» Установленіе такого временнаго порядка для выигрыша времени Фридрихъ-Вильгельмъ называлъ nervus rerum gerendarum своихъ мыслей. «Настало время дѣйствовать,» восклицалъ онъ: «Какъ противъ демократовъ помогаютъ лишь солдаты, такъ противъ революціи—одна дѣйствующая сила государей Божіею милостію.» И далѣе: «Воистину я началъ дѣло возвращенія отъ революціи на путь божественныхъ установленій и правъ, во имя Господне [2].»

Соотвѣтственно изложеннымъ выше видамъ короля, въ на-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 1 (13) декабря 1848.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 15 (27) декабря 1848.

чалѣ января 1849 года, берлинскій дворъ вступилъ съ вѣнскимъ въ переговоры о преобразованіи временнаго центральнаго управленія Германіей. Пруссія предлагала подвергнуть пересмотру конституцію, составленную франкфуртскимъ парламентомъ и вступить съ нимъ въ соглашеніе посредствомъ вновь учрежденной верхней государственной палаты [1]. Австрія и слышать не хотѣла о такомъ соглашеніи. Она требовала распущенія германскаго учредительнаго собранія и раздѣленія Германіи на шесть округовъ съ предоставленіемъ ихъ въ завѣдываніе императора австрійскаго, короля прусскаго и прочихъ четырехъ нѣмецкихъ королей и съ учрежденіемъ въ Вѣнѣ центральнаго военнаго комитета [2]. Австрійскій проектъ былъ переданъ Фридримомъ-Вильгельмомъ на обсужденіе чрезвычайнаго совѣщанія, въ которомъ, кромѣ министровъ, приняли участіе вызванные изъ Лондона и Франкфурта прусскіе представители въ этихъ городахъ: Бунзенъ и Кампгаузенъ [3].

Связанный съ королемъ многолѣтнею дружбой, Бунзенъ повторилъ ему всѣ доводы въ пользу приступленія Пруссіи къ Гагернской программѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ долго не поддавался его убѣжденіямъ. «Обязанность моя,» говорилъ онъ, «заключается въ томъ, чтобы противодѣйствовать революціи и въ то же время удовлетворить потребностямъ народа; Германія же не можетъ быть спасена, если идея власти не получитъ въ ней своего прежняго значенія.» Австрійскія условія король признавалъ невозможными, находя что они раздробляютъ Германію и имѣютъ въ виду уничтожить въ ней прусское вліяніе. На совѣщаніи 7-го (19-го) января, онъ вдругъ совершенно неожиданно далъ свое согласіе на изготовленный прусскимъ министерствомъ проектъ циркуляра къ гер-

[1]) Меморандумъ короля Фридриха-Вильгельма IV, 23 декабря 1848 (4 января) 1849.

[2]) Австрійская нота 5 (17) января 1849.

[3]) Бунзенъ слѣдующимъ образомъ отзывался объ австрійскомъ проектѣ: «Скажутъ, что великій курфирстъ жилъ напрасно и что Фридрихъ Великій велъ напрасно свои войны, если Пруссія должна стоять подъ Австріей въ германской имперіи, одну половину коей Пруссія составляетъ изъ своихъ земель, а всю совокупность она же только можетъ защитить и сдержать въ единеніи, и въ которой Австрія не въ состояніи принять участія, не разрушивъ самой себя, или не принося Германіи въ жертву необходимостямъ собственной своей политики.» «*Bunsen's Leben*», II, стр. 487.

манскимъ дворамъ, сущность коего мало отличалась отъ предложеній Гагерна [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что на рѣшеніе короля повліялъ въ этомъ случаѣ братъ его, принцъ прусскій, наслѣдникъ престола, со времени пребыванія своего въ Лондонѣ (весной 1848 года) ставшій, подъ вліяніемъ принца Альберта и Бунзена, ревностнымъ приверженцемъ объединенія Германіи подъ властью Пруссіи [2]).

Въ своей нотѣ берлинскій дворъ приглашалъ всѣ германскія правительства, крупныя и мелкія, изложить франкфуртскому собранію взгляды и замѣчанія свои на проектъ имперской конституціи, не обращая вниманія на австрійскія возраженія. Онъ высказывалъ желаніе, чтобъ Австрія оставалась членомъ новаго союза, но, продолжалъ онъ, если внутреннее положеніе ея не позволитъ ей признать рѣшеній, необходимыхъ для блага прочихъ частей германскаго отечества, то остальной Германіи останется сплотиться въ силу особаго уговора отдѣльнымъ «ограниченнымъ» союзомъ, подобно тому, какъ она уже составила союзъ таможенный, съ исключеніемъ изъ него Австріи. Король присовокуплялъ что, дѣлая такое предложеніе своимъ союзникамъ, онъ не преслѣдуетъ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей, не хочетъ ни усиленія своего могущества, ни возвышенія достоинства, и находитъ, что для достиженія великой цѣли нѣтъ необходимости въ возстановленіи германскаго императорскаго титула [3]).

Таковъ былъ первый офиціальный шагъ Пруссіи на пути къ германскому единству. Имъ она прямо заявила свои притязанія на преобладаніе въ новомъ союзномъ государствѣ, по исключеніи изъ него Австріи. Но едва шагъ этотъ былъ сдѣланъ, какъ король уже отрекался отъ него. Никогда, говорилъ онъ Бунзену, не сожалѣлъ онъ такъ ни объ одномъ изъ своихъ поступковъ, какъ объ этомъ. Онъ считалъ его несправедливостью противъ Австріи и не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ такою «отвратительною» политикой, оставляя ее на отвѣтственности своихъ министровъ.

---

[1]) Подробный разсказъ о разговорахъ Бунзена съ королемъ, по поводу австрійскихъ предложеній, и о происходившемъ 7 (19) января 1849 чрезвычайномъ совѣщаніи, см. тамъ же, II, стр. 486—490.

[2]) «Принцъ прусскій стоитъ за насъ рѣшительно и твердо.» Изъ письма Генриха Гагерна къ Стокмару, 2 (14) февраля 1849.

[3]) Нота прусскаго правительства германскимъ дворамъ, 11 (23) января 1849.

«Но если,» оговаривался онъ, «будетъ возбужденъ личный вопросъ, то онъ отвѣтитъ на него, какъ подобаетъ Гогенцоллерну, чтобы жить и умереть честнымъ человѣкомъ и государемъ [1].»

Измѣнить рѣшеніе было уже не въ его власти. Нота 11-го (23-го) января не замедлила принести свои плоды.

По возвращеніи изъ Берлина во Франкфуртъ, Гагернъ энергически принялся за приведеніе своего плана въ исполненіе. Хотя Гагерна нѣсколько и смущали упорный отказъ короля, равнодушіе его министровъ, враждебное настроеніе старо-прусской консервативной партіи, но онъ разсчитывалъ на сочувствіе большинства берлинскихъ палатъ, на поддержку принца прусскаго, на обаяніе вѣнца цесарей. Мысль свою онъ надѣялся осуществить «вопреки Австріи, при содѣйствіи одного, двухъ, трехъ или четырехъ изъ числа прочихъ королей» [2]. Вынудивъ австрійца Шмерлинга удалиться изъ центральнаго министерства, Гагернъ сумѣлъ заставить блюстителя имперіи назначить его самого первымъ министромъ и, уже въ качествѣ таковаго, вновь представилъ свою программу учредительному собранію. Послѣ долгихъ преній, она была принята на этотъ разъ незначительнымъ большинствомъ [3]). Число сторонниковъ ея увеличилось, когда сдѣлался извѣстнымъ косвенный отвѣтъ Австріи на прусскую ноту. Князь Шварценбергъ протестовалъ въ немъ противъ всѣхъ постановленій учредительнаго парламента и высказывался противъ какого бы то ни было союза болѣе сплоченнаго, чѣмъ прежній союзный сеймъ, въ особенности же противъ «объединеннаго нѣмецкаго государства», которому онъ противопоставлялъ «твердую и могущественную съ внѣшней стороны, сильную и свободную съ внутренней, органически расчлененную Германію» [4]). Въ виду опасностей, угрожавшихъ франкфуртскому собранію со стороны нѣкоторыхъ германскихъ правительствъ, въ средѣ его произошло примиреніе между либералами и радикалами. Первые приняли предложенный послѣдними избирательный законъ и обѣщали поставить избраніе главы имперіи въ зависимость отъ безусловнаго согласія его на выработанную въ край-

[1]) *Bunsen's Leben*, II, стр. 496.
[2]) Генрихъ Гагернъ барону Стокмару, 11 (23) января 1849.
[3]) 261 голосами противъ 224.
[4]) Австрійская нота, 27 января (8 февраля) 1849.

не демократическомъ духѣ имперскую конституцію и на еще болѣе радикальный законъ объ основныхъ правахъ нѣмецкихъ граждан. На этихъ условіяхъ, въ засѣданіи 16-го (28-го) марта, король прусскій былъ избранъ наслѣдственнымъ императоромъ Германіи 290 голосами изъ числа 538 присутствовавшихъ членовъ. Депутація изъ тридцати трехъ человѣкъ, съ предсѣдателемъ собранія во главѣ, отправилась въ Берлинъ, предложить Фридриху-Вильгельму IV императорскую германскую корону.

Не задолго до того, въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, убѣждавшимъ короля принять ожидаемый выборъ собранія, онъ съ твердостью высказалъ причины, побуждавшія его уклониться отъ предлагаемой чести. Онъ находилъ, что революція равносильна отмѣнѣ божественнаго правоваго порядка. Между тѣмъ, народное собраніе во Франкфуртѣ плыветъ по ея теченію, не обращая вниманія на германскія правительства. Задача собранія—составить проектъ конституціи и вступить о немъ въ переговоры съ державными государями и вольными городами Германіи. Но кто далъ ему право навязывать императора законнымъ правительствамъ? Оно не можетъ ни даровать, ни предлагать короны. Корона, подносимая имъ королю — желѣзный ошейникъ, посредствомъ котораго онъ, глава шестнадцати милліоновъ людей, былъ бы закабаленъ революціей. Онъ далекъ отъ мысли принять ее. Но еслибы правильно составленный совѣтъ избирателей и народа предложилъ ему древнюю, истинную, законную, тысячелѣтнюю корону нѣмецкой націи, то онъ отвѣтилъ бы такъ, какъ долженъ отвѣчать человѣкъ, которому предлагаютъ высочайшую почесть въ мірѣ [1]).

Вся Германія была въ возбужденномъ состояніи, всѣхъ волновалъ вопросъ: какъ отнесется Фридрихъ-Вильгельмъ къ своему избранію? Король принялъ депутацію 24-го марта (5-го апрѣля). На рѣчь предсѣдателя парламента, объявившаго, «что отечество избрало короля главой имперіи, видя въ немъ ограду и щитъ своего единства, свободы могущества», онъ отвѣчалъ, что въ сообщеніи этомъ узнаетъ голосъ представителей германскаго народа. Оно побуждаетъ его устремить взоръ къ царю царей, а также на долгъ, лежащій на

[1]) Король-Фридрихъ Вильгельмъ IV Арндту и Беккерату, мартъ 1849.

немъ, какъ на прусскомъ королѣ и на одномъ изъ могущественнѣйшихъ германскихъ государей. Онъ благодаритъ за оказанное ему довѣріе, но нарушилъ бы священнѣйшія права и вступилъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собою, если бы безъ свободнаго соглашенія съ коронованными главами, съ князьями и вольными городами Германіи принялъ рѣшеніе важное для всѣхъ ея государей и народовъ. Прежде всего должно быть выяснено, удовлетворяетъ ли конституція всѣхъ и каждаго и даютъ ли предназначенныя ему права возможность твердою и крѣпкою рукой направлять судьбы великаго германскаго отечества? Онъ не отклоняетъ предложенія навсегда, но, согласно постояннымъ своимъ заявленіямъ, требуетъ предварительнаго соглашенія правительствъ съ собраніемъ, относительно какъ самаго предложенія, такъ и размѣровъ предоставляемой ему власти. Въ то же время онъ самымъ положительнымъ образомъ выражаетъ свою преданность дѣлу и благоденствію Германіи. Пусть возвѣстятъ во всѣхъ концахъ ея, что въ опасностяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ Пруссія будетъ служить ей оградой и щитомъ [1]).

Такъ отвѣчалъ Фридрихъ-Вильгельмъ депутаціи франкфуртскаго собранія, которую самъ называлъ «невообразимою» и обвинялъ въ намѣреніи «надѣть прусскому королю какъ дураку собачій ошейникъ, который приковалъ бы его къ народному самодержавію» [2]). Это не мѣшало впрочемъ правительству его вступить по тому же предмету въ переговоры съ великими державами и въ частности съ германскими дворами. Изъ числа послѣднихъ двадцать четыре признали составленную парламентомъ конституцію, а слѣдовательно и избраніе главой имперіи короля прусскаго. Но всѣ короли, члены бывшаго германскаго союза, не исключая датскаго и нидерландскаго, и само собою разумѣется австрійскій императоръ, объявили франкфуртскія постановленія незаконными и недѣйствительными. Великія державы, кромѣ Англіи, также высказались не въ пользу избранія. Послѣдствіемъ было рѣшеніе Фридриха-Вильгельма превратить свой условный отказъ въ окончательный, присовокупивъ, что онъ признаетъ имперскую конститу-

[1]) Рѣчь короля Фридриха-Вильгельма IV депутаціи германскаго парламента, 24 марта (3 апрѣля) 1849.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 25 апрѣля (7 мая) 1849.

цію несовмѣстимою съ конституціонно-монархическимъ началомъ и отвергаетъ ее, какъ ведущую къ установленію въ Германіи республики [1]).

Прусскій отказъ былъ началомъ конца германскаго учредительнаго собранія. Тотчасъ послѣ постановленія его о поднесеніи прусскому королю императорской короны, вѣнскій дворъ отозвалъ изъ Франкфурта австрійскихъ депутатовъ. Примѣру этому скоро послѣдовала и Пруссія. Гагернъ вышелъ въ отставку, и учредительный парламентъ, тая съ каждымъ днемъ, не насчитывалъ и ста членовъ, когда, въ концѣ мая, рѣшилъ перенести свои засѣданія въ Штутгартъ. Революціонныя мѣры, провозглашенныя этою горстью людей, побудили виртембергское правительство занять войсками помѣщеніе, въ которомъ они собирались, и разогнать ихъ, заглушивъ ихъ протесты звуками трубы и барабана [2]).

Отказываясь отъ чести носить императорскую германскую корону по выбору народныхъ представителей, Фридрихъ-Вильгельмъ IV не помышлялъ, однако, о совершенномъ отреченіи отъ притязаній Пруссіи на руководство германскимъ движеніемъ. Напротивъ, мысль объ образованіи изо всѣхъ нѣмецкихъ земель, за исключеніемъ австрійскихъ, союзнаго государства, въ которомъ Пруссія получила бы первенствующее мѣсто и значеніе, глубоко запала ему въ душу, и онъ не сомнѣвался, что ему удастся осуществить ее, путемъ соглашенія съ правительствами второстепенныхъ государствъ. Австрія была слишкомъ занята устройствомъ дѣлъ своихъ въ Италіи и Венгріи, и потому нельзя было опасаться серіознаго съ ея стороны сопротивленія. Къ тому же, ей предоставлялось остаться съ объединенною Германіей въ союзныхъ отношеніяхъ, опредѣленныхъ актомъ 1815 года. Рѣшеніе это шло въ разрѣзъ съ прежними заявленіями короля прусскаго, неоднократно увѣрявшаго, что онъ никогда не будетъ оспаривать «того факта, что Австрія есть могущественнѣйшее государство Германіи и при каждой перемѣнѣ въ политическомъ устройствѣ Германскаго Союза имѣетъ право на первое въ немъ мѣсто». «Но», оправдывался онъ впослѣдствіи,

---

[1]) Отвѣтъ короля Фридриха-Вильгельма IV франкфуртскому парламенту, 16 (28) апрѣля 1849.

[2]) 6 (18) іюня 1849.

«я сознавалъ и свое право, втораго по могуществу государства. Право это пробудилось бы само собою, и я долженъ былъ бы имъ воспользоваться, какъ только Австрія, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ и въ высшей степени невѣроятныхъ обстоятельствъ, перестала бы быть первымъ государствомъ Германіи. Предшествовавшимъ нашему паденіемъ Австріи, 13-го марта 1848 года, положено было начало призванію Пруссіи, а довершилось оно кремзирскою конституціей [1])». Дѣйствительно, въ новой австрійской конституціи ни единымъ словомъ не упоминалось объ отношеніяхъ Австріи къ Германіи.

Король, повидимому, самъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ слѣдуетъ ему приняться за дѣло. Тотчасъ по окончательномъ отказѣ отъ императорской короны, желанія короля не простирались далѣе избранія его нѣмецкими королями и князьями временнымъ намѣстникомъ Германіи, на мѣсто эрцгерцога Іоанна, «для того», какъ онъ объяснялъ, «чтобы возстановить порядокъ». Затѣмъ «для поддержанія порядка» онъ хотѣлъ стать наслѣдственнымъ верховнымъ полководцемъ Германіи [2]). Но уже нѣсколько дней спустя, въ воззваніи къ нѣмецкому народу, онъ значительно расширилъ размѣры своей задачи. Въ королевскомъ воззваніи объявлялось, что прусское правительство, сообща съ уполномоченными крупнѣйшихъ нѣмецкихъ государствъ, вновь взялось за начатое во Франкфуртѣ дѣло составленія германской конституціи. Конституція эта скоро дастъ народу то, на что̀ онъ имѣетъ несомнѣнное право: единство, выражаемое общею исполнительною властью, которая будетъ достойно и твердо представлять имя и интересы Германіи внѣ, а внутри—свободу, обезпеченную народнымъ представительствомъ, съ законодательными правами. «Лишь безуміе и ложь,» заключалъ король свое воззваніе, «могутъ посмѣть утверждать въ виду такихъ фактовъ, что я покинулъ дѣло единства Германіи [3])». Тогда же берлинскій кабинетъ обратился ко всѣмъ союзнымъ германскимъ дворамъ съ предложеніемъ принять слѣдующую программу: союзное

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 30 декабря 1851 (11 января 1852).

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Бунзену, 26 апрѣля (7 мая) 1849.

[3]) Воззваніе короля Фридриха-Вильгельма IV къ нѣмецкому народу, 2-го (14-го) мая 1849.

государство, въ противоположность прежнему союзу государствъ, какъ необходимая форма новаго государственнаго устройства Германіи; невключеніе Австріи въ составъ германскаго союзнаго государства; постоянный и тѣсный союзъ между соединенною Германіею и австрійскою монархіей; принятіе видоизмѣненной франкфуртской конституціи за основаніе дальнѣйшаго соглашенія; наконецъ, предоставленіе всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ полной свободы войти или не войти въ среду новаго союза [1]).

Для обсужденія этой программы собрались въ маѣ, въ Берлинѣ, на совѣщаніе уполномоченные Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера и Саксоніи. Въ первомъ же засѣданіи, представители австрійскій и баварскій заявили о выходѣ своемъ изъ конференціи и протестовали противъ ея будущихъ рѣшеній. Но уполномоченные прусскій, ганноверскій и саксонскій пришли къ соглашенію, и 14-го (26-го) мая, подписали договоръ, извѣстный подъ названіемъ «союза трехъ королей». Онъ былъ заключенъ на одинъ годъ, въ продолженіе котораго всѣ прочія германскія государства имѣли быть приглашены приступить къ нему и принять составленный Пруссіей проектъ союзной конституціи. Въ силу ея, исполнительную власть союза представлялъ совѣтъ управленія, засѣдающій въ Берлинѣ, а законодательная—распредѣлялась между двумя палатами: государственною, по назначенію отъ правительствъ, и выборною народною [2]).

Въ теченіе лѣта, Пруссія напрягала всѣ усилія, чтобы привлечь на сторону Уніи (такъ назывался задуманный ею союзъ), возможно бо̀льшее число германскихъ государствъ. Между тѣмъ, она же распоряжалась въ Германіи, какъ полная хозяйка. Войска ея усмирили возстанія въ Саксоніи, Пфальцѣ и Баденѣ, имѣвшія цѣлью провозглашеніе демократической республики въ этихъ странахъ. При этомъ Пруссія не обращала никакого вниманія на центральное правительство, все еще державшееся во Франкфуртѣ вокругъ эрцгерцога-блюстителя, хотя лишенное не только власти, но и всякаго нравственнаго значенія. Берлинскій дворъ отозвалъ состоявшаго при немъ своего уполномоченнаго и потребовалъ удаленія са-

[1]) Нота прусскаго правительства германскимъ дворамъ, 16-го (28) апрѣля 1849.

[2]) Прусскій меморандумъ, 30 мая (11 іюня) 1849.

*

мого эрцгерцога. Но, слѣдуя внушеніямъ изъ Вѣны, этотъ послѣдній представитель мимолетнаго германскаго единства объявилъ, что сдастъ свои полномочія лишь тѣмъ, отъ кого онъ получилъ ихъ, то-есть совокупности германскихъ правительствъ. Не смотря на натянутыя взаимныя отношенія кабинетовъ австрійскаго и прусскаго, между ними состоялось наконецъ соглашеніе о назначеніи для завѣдыванія общими дѣлами Германскаго Союза двухъ временныхъ комиссаровъ, по одному отъ Австріи и Пруссіи, срокомъ до 19-го апрѣля (1-го мая) 1850 года. Передавъ этимъ комиссарамъ центральное управленіе, эрцгерцогъ Іоаннъ оставилъ Франкфуртъ.

Старанія Пруссіи увѣнчались относительнымъ успѣхомъ. Къ концу года, большинство мелкихъ нѣмецкихъ правительствъ приступило къ союзу трехъ королей и приняло конституцію Уніи. Отклонили прусскія предложенія, не считая Австріи, Баварія, Виртембергъ, Данія за Голштинію, Нидерланды за Люксембургъ и три самыя ничтожныя государства союза: Гессенъ-Гомбургъ, Лихтенштейнъ и вольный городъ Франкфуртъ. Остатки партіи, доставившей въ средѣ учредительнаго собранія торжество проекту Гагерна и признававшей его своимъ вождемъ, 14-го (26-го) іюня, на съѣздѣ въ Готѣ, приняли рѣшеніе «во вниманіе къ опасностямъ, угрожающимъ отечеству», содѣйствовать по мѣрѣ возможности приступленію къ Уніи еще не присоединившихся къ ней государствъ и участвовать въ выборахъ въ ея представительное собраніе. Созваніе этого собранія было назначено въ Эрфуртѣ. Австрія, а вслѣдъ за нею и Баварія, протестовали противъ упомянутаго распоряженія [1]).

Чтобы развязать себѣ руки внутри Германіи и расположить въ свою пользу великія европейскія державы, берлинскій дворъ спѣшилъ положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ, возобновившимся въ Шлезвигъ-Голштиніи, по истеченіи срока Мальмёскаго перемирія. Послѣ трехмѣсячныхъ операцій, въ которыхъ перевѣсъ былъ на сторонѣ датчанъ, 28-го іюня (10-го іюля) заключено было между Пруссіей и Даніей новое перемиріе, на основаніи котораго Шлезвигъ отдѣлялся отъ Голштиніи, сѣверная часть его занималась шведскими, южная прусскими

---

[1]) Ноты австрійскія, 31 октября (12 ноября) и 16 (28) ноября и баварская, 26 ноября (8 декабря) 1849.

войскамп, а правительство составлялось пзъ трехъ временныхъ коммиссаровъ: датскаго, прусскаго и англійскаго.

Какъ же относились великія державы къ изложеннымъ здѣсь событіямъ и къ попыткамъ Пруссіп, исключивъ Австрію изъ Германіи, объединить послѣднюю подъ своимъ главенствомъ?

Когда, еще въ концѣ 1848 года, Гагернъ впервые высказалъ эту мысль среди франкфуртскаго парламента, первый министръ королевы Викторіи, лордъ Джонъ Россель, сказалъ прусскому посланнику Бунзену, что это, съ самаго начала германскаго движенія, первая мысль, достойная государственнаго человѣка и доступная пониманію великобританскаго правительства. Соединеніе въ одно государство Австріи и Германіи было бы, по мнѣнію англійскаго министра, либо нелѣпостью и безсмыслицей, либо такою мѣрой, которая возстановила бы противъ себя всю Европу, какъ первый шагъ ко всемірной монархіи. Неуспѣхъ этой мѣры повлекъ бы за собою анархію, междоусобную войну, вмѣшательство Франціи и Россіи, всеобщее смятеніе. Если же, паче чаянія, мѣрѣ этой удалось бы осуществиться, то расположенное въ центрѣ Европы государство съ 74 милліонами жителей угрожало бы независимости материка и Англіи. Поэтому сочувствіе Англіи было на сторонѣ Гагернскаго плана. Прусская Унія была въ сущности воспроизведеніемъ его, лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Не смотря на это, англійская дипломатія отнеслась къ ней недоброжелательно. Великобританскіе посланники въ Дрезденѣ и Ганноверѣ упрекали тамошнихъ министровъ въ излишней уступчивости чрезмѣрнымъ притязаніямъ Пруссіи. Тѣ оправдывались, утверждая, что они противъ воли приняли прусское предложеніе, будучи вынуждены къ тому угрозами Пруссіи и опасеніемъ народныхъ движеній; что, впрочемъ, приступленіе ихъ къ Уніи обставлено такими оговорками, что они во всякое время могутъ отступиться отъ нея. Сама королева Викторія не довѣряла рѣшимости и твердости короля Фридриха-Вильгельма. По словамъ Бунзена, Пальмерстонъ злобствовалъ изъ-за датскаго дѣла, Россель проявлялъ равнодушіе и безсиліе, Абердинъ шумѣлъ какъ торій. «Страхъ предъ русскимъ вліяніемъ», замѣчалъ прусскій дипломатъ, «былъ единственнымъ хорошимъ элементомъ, но чтобъ извлечь изъ него пользу, королю слѣдовало бы дѣйствовать сильнѣе въ дѣлѣ

германскаго единства.» По сознанію того же Бунзена, «никогда, съ марта 1848 года, не судили въ Англіи о будущности Германіи такъ дурно, такъ безнадежно и такъ безжалостно». Одна королева, подъ вліяніемъ мужа своего, громко выражала убѣжденіе, что для Германіи единственное спасеніе въ томъ, чтобы всѣ нѣмецкія правительства честно и открыто примкнули къ Пруссіи [1]).

Во Франціи, президентъ республики также былъ расположенъ въ пользу Пруссіи, болѣе своихъ министровъ. Слѣдуя совѣту своей родственницы, великой герцогини Стефаніи баденской, принцъ Лудовикъ-Наполеонъ, въ концѣ 1849 года, отправилъ въ Берлинъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ одного изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ, Персиньи. Французскому послу было поручено предложить прусскому двору союзъ Франціи противъ Австріи и Россіи, подъ условіемъ уступки французамъ Пфальца или по крайней мѣрѣ крѣпости Ландау. Персиньи встрѣтилъ въ Берлинѣ вѣжливый, но рѣшительный отказъ, охладившій пылъ президента въ пользу союза съ Пруссіей. Возобновившіеся переговоры по датскому вопросу скоро доставили президенту случай даже дѣйствовать противъ нея, въ защиту Даніи [2]).

Оставалась Россія. Зимой 1849—50 годовъ, императоръ Николай выразилъ англійскому послу при своемъ дворѣ опасеніе, что предстоящею весной дѣла въ Пруссіи придутъ въ такое же печальное состояніе, какъ и за два года передъ тѣмъ. Зять его, по словамъ императора, фантазёръ, выводящій его изъ терпѣнія; напротивъ, австрійскій императоръ, хотя еще молодъ и неопытенъ, но обнаруживаетъ большія способности въ управленіи. Какъ можетъ онъ однако руководить своимъ разноплеменнымъ государствомъ, состоящимъ изъ народностей, не связанныхъ между собою даже взаимнымъ сочувствіемъ? Германизацію Австріи, предпринятую въ недавнее время, также трудно осуществить, какъ любимую мечту короля прусскаго: единство Германіи. Послѣднее императоръ Николай считалъ нелѣпымъ предпріятіемъ, достигнувшимъ пока единственнаго успѣха, возбужденія страстной зависти и серіоз-

---

[1]) *Bunsens's Leben*, II, стр. 481; III, стр. 8 и слѣд.

[2]) Бунзенъ графу Гатцфельду, 28-го января (9 февраля) и графъ Гатцфельдъ Бунзену, 25-го февраля (9-го марта) 1850. Ср. Stockmar's *Denkwürdigkeiten*, стр. 595 и слѣд.

ныхъ замѣшательствъ между Австріей и Пруссіей. Состояніе Германіи внушало ему большія опасенія. Оно вынуждало его не только держать наготовѣ значительныя военныя силы на всякій случай, но и почти герметически запереть свою границу, чтобъ удалить отъ Россіи нѣмецкихъ соціалистовъ и революціонеровъ. Отношенія его къ иностраннымъ государствамъ, прибавлялъ онъ, останутся тѣ же, что и въ предшедшемъ году. Онъ будетъ вооруженъ, въ виду всевозможныхъ случайностей и готовъ прійти на помощь тѣмъ изъ своихъ союзниковъ, кто будетъ нуждаться въ его помощи и потребуетъ ея отъ него.

Тотъ же взглядъ императоръ развивалъ и французскому послу, обвиняя прусскаго короля въ томъ, что онъ много содѣйствовалъ распространенію въ Германіи всеобщаго духа недовольства, съ цѣлью ослабить мелкія государства, а потомъ уничтожить ихъ независимость. Государь увѣрялъ своего собесѣдника, что будетъ спокойно слѣдить за событіями, что ему нѣтъ охоты вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла, что этимъ онъ только соединилъ бы противъ себя всю Германію, наконецъ, что онъ отнюдь не желаетъ защищать Австрію противъ Пруссіи, развѣ представится надобность поддержать территоріальный порядокъ, установленный вѣнскимъ конгрессомъ [1]).

Итакъ, къ концу 1849 года, великія державы, не исключая и Россіи, въ виду германскихъ событій, не обнаруживали намѣренія выходить изъ нейтральнаго положенія. Австрія и Пруссія стояли однѣ, лицомъ къ лицу, готовыя возобновить свой вѣковой споръ изъ-за преобладанія въ Германіи.

1850 годъ начинался подъ грозными предзнаменованіями. Пока Австрія не раздѣлалась со своими домашними затрудненіями, не возстановила порядка внутри имперіи, не покончила счетовъ съ Сардиніей и не дождалась усмиренія венгерскаго возстанія, она ограничивалась протестомъ противъ дѣйствій Пруссіи въ Германіи, хотя тогда уже ясно выражала, что никогда не согласится добровольно на исключеніе изъ послѣдней и даже на потерю въ ней перваго мѣста, обезпечен-

---

[1]) Stockmar's *Denkwurdigkeiten*, стр. 587—8. Стокмаръ называетъ лишь одного изъ собесѣдниковъ императора, генерала Ламорисьера, объ имени же другаго умалчиваетъ. Несомнѣнно однако, что то былъ лордъ Блумфильдъ. Это явствуетъ изъ словъ Бунзена, посвященныхъ тому же предмету. Ср. *Bunsen's Leben*, III, стр. 150.

наго договорами за австрійскимъ императорскимъ домомъ. Дипломатія ея усердно работала при второстепенныхъ нѣмецкихъ дворахъ, убѣждая ихъ не вступать въ прусскую Унію, и не напрасно. Баварія, Виртембергъ и нѣсколько мелкихъ государствъ отвергли предложеніе берлинскаго двора, а Ганноверъ и Саксонія обусловили свое приступленіе къ Уніи согласіемъ всѣхъ прочихъ нѣмецкихъ правительствъ на проектированное Пруссіей новое государственное устройство Германіи. Но какъ только вѣнскій дворъ освободился отъ заботъ въ Италіи и въ Венгріи, онъ выступилъ еще рѣшительнѣе противъ Уніи. Повторяя первый свой протестъ противъ созванія въ Эрфуртѣ парламента этого «ограниченнаго» союза, онъ сослался на непрерывность германскаго союзнаго права и провозгласилъ единственнымъ его законнымъ выразителемъ франкфуртскую временную центральную коммиссію [1]). Послѣдствіемъ австрійскихъ протестовъ было отпаденіе Ганновера отъ союза трехъ королей, повлекшее за собою перерывъ дипломатическихъ сношеній королевства Вельфовъ съ Пруссіей [2]).

Саксонія хотя и не заявила офиціально о выходѣ своемъ изъ Уніи, но это не удержало ее отъ принятія участія въ новомъ союзѣ «четырехъ королей», состоявшемся по почину Баваріи и долженствовавшемъ служить посредникомъ между противоположными взглядами Австріи и Пруссіи. Основаніемъ этого союза являлся выработанный мюнхенскимъ дворомъ новый проектъ общегерманской конституціи, по которому во главѣ союзнаго государства, обнимающаго всѣ германскія земли не исключая и австрійскихъ, должна была стоять директорія изъ шести членовъ: Австріи, Пруссіи и четырехъ королевствъ, а также представительное собраніе, изъ делегатовъ отъ палатъ отдѣльныхъ государствъ [3]). Баварскій проектъ не имѣлъ никакого успѣха. Первымъ отрекся отъ него Ганноверъ. Австрія отнеслась къ нему уклончиво, а Пруссія и прочіе члены Уніи отвергли его безусловно.

Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій, берлинскій кабинетъ торопился окончательнымъ провозглашеніемъ конституціи Уніи и представленіемъ ея на предварительное утвержденіе Уніей же установленнаго представительнаго собранія. Союзный парла-

---

[1]) Австрійская нота 16 (28) ноября 1849.

[2]) Ганноверская нота 9 (21) февраля 1850.

[3]) Мюнхенскій договоръ 15 (27) февраля 1850.

ментъ имѣлъ собраться въ Эрфуртѣ. Прусское правительство пыталось успокоить Австрію увѣреніемъ, что оно намѣрено заняться въ этомъ городѣ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ чисто домашняго свойства, не выходя изъ предѣловъ «ограниченнаго» союза [1]); но вѣнскій дворъ снова протестовалъ, какъ противъ эрфуртскаго собранія, такъ и противъ военныхъ конвенцій, заключенныхъ Пруссіей съ нѣкоторыми государствами Уніи [2]). Не смотря на это, парламентъ все же былъ открытъ прусскимъ комиссаромъ въ Эрфуртѣ 8-го (20-го) марта и распущенъ 17-го (29-го) апрѣля, по принятіи имъ цѣликомъ и почти безъ преній союзной конституціи.

Между тѣмъ, приближался срокъ соглашенія между Австріей и Пруссіей по вопросу о временной смѣшанной коммиссіи для завѣдыванія общегерманскими дѣлами. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ относительно другъ друга находились оба двора, не могло быть и рѣчи о его продленіи. Австрійское правительство рѣшилось на смѣлый шагъ. Пока король прусскій созывалъ въ Берлинѣ конгрессъ государей приступившихъ къ Уніи [3]), оно предложило всѣмъ государствамъ, входившимъ въ составъ Германскаго Союза, отправить своихъ уполномоченныхъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, дабы они составили чрезвычайное собраніе прежняго германскаго союзнаго сейма и произвели пересмотръ старой союзной конституціи [4]). И конгрессъ въ Берлинѣ, и собраніе сейма во Франкфуртѣ были созваны на одинъ и тотъ же день, 28-го апрѣля (10-го мая).

Обѣ великія германскія державы могли такимъ образомъ сосчитать своихъ союзниковъ. На приглашеніе короля Фридриха-Вильгельма откликнулись далеко не всѣ государи Уніи. Отсутствовали на конгрессѣ сильнѣйшіе изъ нихъ: король саксонскій, курфирстъ гессенъ-касельскій и великій герцогъ гессенъ-дармштадтскій. Государи эти послали представителей своихъ во Франкфуртъ, гдѣ они, соединясь съ уполномоченными Австріи, Баваріи, Виртемберга, Ганновера, Даніи и Нидерландовъ, составили чрезвычайное собраніе союзнаго сейма, торжественно открытое въ назначенный день австрійскимъ посланникомъ. Собраніе это располагало девятью голосами изъ

---

[1]) Прусская нота 14 (26) февраля 1850.
[2]) Австрійская нота 3 (15) марта 1850.
[3]) Прусская нота 20 апрѣля (1 мая) 1850.
[4]) Австрійская нота 14 (26) апрѣля 1850.

семнадцати куріальныхъ голосовъ, составлявшихъ сеймъ Германскаго Союза по учредительному акту 1815 года.

Вся Германія раздѣлилась на два лагеря: австрійскій и прусскій. Кабинеты вѣнскій и берлинскій упорно стояли на своихъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Первый утверждалъ, что учредительный актъ Германскаго Союза продолжаетъ составлять его единственное законное основаніе. Второй возражалъ, что прежнему союзу положенъ конецъ совокупнымъ заявленіемъ союзныхъ уполномоченныхъ при передачѣ ими исполнительной власти блюстителю имперіи, 14-го (26-го) іюня 1848 года; что, слѣдовательно, нѣмецкія государства имѣютъ полное право заключать между собой другіе, «ограниченные» союзы. Такое принципіальное разнорѣчіе могло быть, повидимому, разрѣшено только силой оружія. Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству и возжечь въ Германіи пламень междоусобной и братоубійственной войны, оба двора рѣшились прибѣгнуть къ дружественному посредничеству ихъ общаго союзника, императора всероссійскаго.

Въ половинѣ мая, государь, съ графомъ Нессельроде, находился въ Варшавѣ, куда прибыли императоръ австрійскій, со своимъ первымъ министромъ княземъ Шварценбергомъ, и братъ короля Фридриха-Вильгельма, принцъ прусскій. На происходившихъ между ними совѣщаніяхъ, императоръ Николай выступилъ примирителемъ между обѣими противными сторонами, убѣждая ихъ не покидать законной почвы договоровъ 1815 года и во что бы то ни стало избѣжать вооруженнаго столкновенія, которое легко могло бы разгорѣться въ общеевропейскую войну.

Примирительныя усилія наши не привели къ желаемому результату. Напротивъ, отношенія между Вѣной и Берлиномъ обострялись съ каждымъ часомъ. Ряды Уніи рѣдѣли: послѣ Ганновера, отпала отъ нея Саксонія, а вслѣдъ затѣмъ и Мекленбургъ-Стрелицъ. Съ другой стороны, крупныя южно-германскія государства тѣснѣе сплотились вокругъ Австріи, и на свиданіи въ Брегенцѣ, 30-го сентября (12-го октября), короли баварскій и виртембергскій привѣтствовали молодаго австрійскаго государя, какъ «своего императора». По предложенію вѣнскаго двора, чрезвычайное собраніе союзнаго сейма во Франкфуртѣ, 21-го августа (2-го сентября), преобразовалось въ обыкновенное и, не взирая на отсутствіе въ немъ Пруссіи и

ея союзниковъ, взяло въ свои руки завѣдываніе общегерманскими дѣлами, ведя протоколы и постановляя рѣшенія отъ имени Союза. Императоръ Николай предложилъ лондонскому и парижскому кабинетамъ признать франкфуртскій сеймъ, и уполномочивая при немъ своего посланника при виртембергскомъ дворѣ, князя А. М. Горчакова, привѣтствовалъ возстановленіе сейма, «какъ залогъ утвержденія всеобщаго мира» [1]).

Вѣна и Франкфуртъ съ одной стороны, а Берлинъ съ другой, придерживались совершенно противоположной политики по двумъ вопросамъ, гессенъ-кассельскому и шлезвигъ-голштинскому, привлекавшимъ на себя вниманіе: первый всей Германіи, а второй и цѣлой Европы.

Въ Касселѣ произошло столкновеніе между назначеннымъ со стороны курфирста консервативнымъ министерствомъ и народнымъ представительствомъ, главнымъ образомъ потому, что министры тяготѣли къ Франкфурту, а палата къ Берлину. Всѣ государственные чиновники, не исключая и офицеровъ арміи, приняли сторону послѣдней и отказали правительству въ повиновеніи. Курфирстъ обратился съ просьбой къ союзному сейму, тогда какъ мятежныя кассельскія власти воззвали къ покровительству берлинскаго двора. Постановленіемъ сейма рѣшено было возстановить въ Гессенъ-Касселѣ законный порядокъ посредствомъ союзной экзекуціи, поручивъ ее баварскимъ войскамъ, поддержаннымъ австрійцами [2]). Одновременно и прусское правительство признало нужнымъ занять своими войсками нѣкоторыя части курфиршества, подъ предлогомъ охраненія этапнаго пути, предоставленнаго Пруссіи договорами для соединенія ея прирейнскихъ областей съ центромъ монархіи.

Не менѣе опасный оборотъ приняло и шлезвигъ-голштинское дѣло. По заключеніи, въ іюлѣ 1849 года, втораго перемирія между Даніей и Пруссіей, переговоры о мирѣ происходили между ними въ Берлинѣ, при посредничествѣ Россіи, Англіи и Франціи, но подвигались крайне медленно. Временное правительство въ Голштиніи, считая перемиріе для себя необязательнымъ, продолжало военныя дѣйствія противъ датчанъ и не прерывало своихъ отношеній къ берлинскому двору, дозволившему отпускнымъ солдатамъ прусской арміи оставаться въ рядахъ голштинскихъ войскъ. Англійскій послан-

---

[1]) Вѣрительная грамата князя А. М. Горчакова 11 (23) ноября 1850.

[2]) Постановленіе союзнаго сейма 13 (25) октября 1850.

никъ въ Берлинѣ жаловался на проявляемый тамъ «недостатокъ честности, вѣрности и вѣры». Императорскій кабинетъ вынужденнымъ нашелся даже пригрозить Пруссіи вступленіемъ русскихъ войскъ въ ея прибалтійскія области [1]). Лишь подъ страхомъ этой опасности, берлинскій кабинетъ подписалъ, наконецъ, окончательный миръ съ Даніей, на условіи полнаго возстановленія въ герцогствахъ порядка, существовавшаго въ нихъ до 1848 года. Сверхъ того, Пруссія признала за датскимъ королемъ право, въ случаѣ продолженія смуты въ Голштиніи, возстановить въ ней порядокъ силой оружія, и особымъ протоколомъ обязалась не препятствовать военнымъ мѣрамъ, принимаемымъ Даніей въ Шлезвигѣ [2]).

Въ то же самое время, засѣдавшая въ Лондонѣ конференція представителей великихъ державъ, при участіи уполномоченныхъ Даніи и Швеціи, составила протоколъ, въ которомъ выразила желаніе, чтобы, въ интересахъ Европы, всѣ отдѣльныя составныя части датской монархіи продолжали пребывать въ соединеніи и вопросъ о датскомъ престолонаслѣдіи былъ разрѣшенъ согласно этому началу [3]). Австрія охотно приступила къ протоколу, но прусскій посланникъ при сентъ-джемскомъ дворѣ отказался подписать его. Напрасно лордъ Пальмерстонъ замѣчалъ ему, что подобный отказъ можетъ подать поводъ заподозрить Пруссію «въ намѣреніи вызвать изъ-за своекорыстныхъ видовъ распаденіе датскаго королевства» [4]). Бунзенъ, котораго, по остроумному выраженію князя Бисмарка, «дипломаты считали ученымъ, а ученые дипломатомъ», педантически формуловалъ причины, побудившія его не подписывать протокола, въ шести слѣдующихъ тезисахъ:

1) протоколъ опасенъ тѣмъ, что имъ установляется основное правило вмѣшательства во внутреннія дѣла иностранной державы;

2) онъ несправедливъ и незаконенъ;

3) онъ противорѣчитъ обязанностямъ державы, служащей посредницей между Германіей и Даніей, каковою взялась быть Англія;

4) предложенное Великобританіей, Франціей и Россіей раз-

---

[1]) *Bunsen's Leben*, III, стр. 130 и слѣд.

[2]) Прусско-датскій мирный договоръ 20 іюня (2 іюля) 1850.

[3]) Лондонскій протоколъ 21 іюля (2 августа) 1850.

[4]) Лордъ Пальмерстонъ Бунзену, 20 іюня (2 іюля) 1850.

рѣшеніе этого вопроса дало бы означеннымъ тремъ державамъ и каждой изъ нихъ въ отдѣльности на будущее время право покровительства, какъ надъ Германскимъ Союзомъ, такъ и надъ Даніей;

5) проектъ протокола непримѣнимъ къ настоящему положенію дѣлъ, ибо миръ уже заключенъ между Пруссіей и Даніей;

6) вмѣсто того, чтобъ обезпечить умиротвореніе герцогствъ, онъ напротивъ увеличилъ бы трудности такого умиротворенія, ибо по всей вѣроятности побудилъ бы Данію къ еще бо̀льшей несговорчивости въ дѣлѣ дарованія герцогствамъ справедливыхъ и необходимыхъ уступокъ [1]).

Берлинскій дворъ одобрилъ поступокъ своего представителя въ Лондонѣ. Вообще, не смотря на заключенный съ Даніей миръ, онъ продолжалъ свою прежнюю политику въ герцогствахъ, принималъ отъ нихъ адресы и депутаціи и, не отзывая прусскихъ отпускныхъ солдатъ, поддерживалъ сопротивленіе, оказываемое датчанамъ голштинскими войсками. Совершенно иначе поступалъ въ томъ же дѣлѣ франкфуртскій сеймъ. На просьбу датскаго короля о содѣйствіи для водворенія порядка въ Голштиніи, онъ постановилъ произвести въ ней союзную экзекуцію [2]). Въ силу этого постановленія, австрійскій корпусъ былъ уже готовъ ко вступленію въ герцогство.

Но двусмысленный образъ дѣйствій Пруссіи былъ нарушеніемъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя относительно не одной Даніи, но и трехъ великихъ державъ, при посредничествѣ коихъ былъ заключенъ миръ. Это побудило Россію и Францію, по взаимному соглашенію, объявить берлинскому двору, что если онъ не измѣнитъ своихъ отношеній къ мятежнымъ голштинцамъ и не исполнитъ въ точности всѣхъ условій мира своего съ Даніей, то русскія войска вступятъ въ Силезію, а французскія одновременно займутъ принадлежащія Пруссіи прирейнскія области. Кабинеты императорскій и парижскій пригласили и великобританское правительство присоединиться къ этому заявленію [3]).

При обсужденіи ихъ предложенія, англійскіе министры пришли къ заключенію, что хотя и можно сожалѣть о томъ, что оно имѣетъ видъ унизительной угрозы относительно Пруссіи,

[1]) *Bunsen's Leben*, III, стр. 139.
[2]) Постановленіе союзнаго сейма 14 (26) октября 1850.
[3]) Бунзенъ Радовицу, 13 (25) и 18 (30) октября 1850.

но что цѣль его, водвореніе порядка въ герцогствахъ, законна и необходима, а также, что Пруссія дѣйствительно не исполняетъ добросовѣстно обязательствъ, принятыхъ на себя при подписаніи мира. Сентъ-джемскій кабинетъ полагалъ дать русскому и французскому правительствамъ совѣтъ воздержаться отъ угрозы, пока не исчерпаны другія мирныя средства, но отнюдь не отказываться отъ самой мѣры, которая не преминетъ привести къ мирной развязкѣ затрудненій. Противъ такого предположенія своихъ министровъ страстно возражала королева, словесно и письменно. Настроенная мужемъ въ духѣ нѣмецкихъ притязаній, она объявила имъ, что политика, которой они намѣрены слѣдовать, недостойна положенія Англіи въ мірѣ, несправедлива и безнравственна, и совершенно не согласуется съ обязанностями державы-посредницы. Дерзкая угроза Россіи и Франціи есть-де послѣдствіе несчастнаго протокола, «въ которомъ три чужестранныя державы поставили своекорыстный разсчетъ на мѣсто права». Вся Германія готова защищать это право, и напрасно думаютъ, что Пруссія ищетъ свою силу въ частныхъ земельныхъ приращеніяхъ. Сила ея въ отождествленіи себя съ Германіей и въ требованіи честнаго, въ англійскомъ смыслѣ примѣняемаго, конституціоннаго права, требованіи, присущемъ всему германскому народу, лишить котораго Германію хочетъ Австрія въ союзѣ съ Россіей. Доводы эти не убѣдили, впрочемъ, ни лорда Джона Росселя, ни лорда Пальмерстона, которые остались при прежнемъ своемъ мнѣніи. Зависѣло это главнымъ образомъ отъ того, что они не вѣрили въ безкорыстіе Пруссіи, и затѣянную ею Унію считали «дурно прикрытою, непозволительною системой прусскихъ приращеній» [1]).

Трудно себѣ представить, до какой степени встревожилъ и раздражилъ прусскую дипломатію совмѣстный шагъ Россіи и Франціи. «Это еще хуже, чѣмъ всемірный раздѣлъ Александра и Наполеона въ Эрфуртѣ,» восклицалъ Бунзенъ. «Теперь съ Англіей, тогда безъ Англіи и противъ Англіи. Но такъ оно въ дѣйствительности. Вѣсы держитъ Англія, а Австрія стоитъ на стражѣ у кабинета царя, съ маленькими королями Рейнскаго Союза, исполняющими обязанность оруженосцевъ, всѣ одинаково падкіе до братской крови и готовые по-

---

[1]) Друэнъ де-Люисъ лорду Пальмерстону, 12 (24) октября 1850.

ставить Германію подъ прежнее иго княжескихъ домовъ, безусловно нарушившихъ союзный долгъ и присягу[1]).» Бунзенъ старался подѣйствовать на общественное мнѣніе Англіи, выставляя предъ нимъ опасность, будто бы угрожающую Пруссіи, Германіи и всему Западу «отъ присвоеннаго себѣ Россіей положенія рѣшительницы судебъ Европы, и притомъ въ исключительно самодержавномъ направленіи»[2]).

Спачала въ Пруссіи приняли было дѣйствительно рѣшеніе одновременно противостоять Австріи въ германскомъ вопросѣ и тремъ прочимъ великимъ державамъ въ датскомъ. Составитель проекта Уніи, краснорѣчивый защитникъ ея предъ эрфуртскимъ парламентомъ, личный другъ короля и принца прусскаго, генералъ Радовицъ, былъ въ сентябрѣ призванъ занять мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Единомышленникъ его Бунзенъ отзывался о немъ, что до своего назначенія, онъ былъ все и ничего, вліятельнымъ руководителемъ королевской политики, но не отвѣтственнымъ совѣтникомъ короны; ставъ же министромъ, онъ представляетъ знамя, на которомъ написано: «честный конституціализмъ внутри страны, Унія на свободныхъ и правовыхъ основаніяхъ въ Германіи, твердое положеніе относительно Австріи и Россіи, также и въ дѣлѣ герцогствъ, вообще въ виду *протоколирующей* дипломатіи»[3]). Самъ Радовицъ писалъ Бунзену, что останется на своемъ посту «лишь до тѣхъ поръ, пока не будетъ вынужденъ отречься отъ добросовѣстныхъ убѣжденій своихъ касательно того, что̀ предписываютъ Пруссіи честь ея и политическое призваніе»[4]).

Слова эти ясно означали, что подъ руководствомъ Радовица, прусская политика будетъ продолжать стремиться къ образованію изъ Германіи союзнаго государства подъ властью дома Гогенцоллерновъ. Но, лично покровительствуя этому направленію, король Фридрихъ-Вильгельмъ безпрестанно повторялъ, что онъ вѣрнѣйшій другъ и союзникъ императоровъ русскаго и австрійскаго. Такое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ должно было окончательно выясниться на второй варшавской конференціи.

---

[1]) Бунзенъ Кампгаузену, 21 октября (2 ноября) 1850.
[2]) Изъ письма Бунзена (къ Радовицу?), 28 октября (9 ноября) 1850.
[3]) *Bunsen's Leben*, III, стр. 144.
[4]) Радовицъ Бунзену, 8 (20) октября 1850.

Въ началѣ октября, праздновался пятидесятилѣтній служебный юбилей намѣстника Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, и это торжество снова привлекло императора Николая въ Варшаву. По приглашенію его, въ этомъ городѣ вторично съѣхались чрезвычайные уполномоченные австрійскій и прусскій. Вѣнскій дворъ на этотъ разъ былъ представленъ однимъ княземъ Шварценбергомъ. Представителемъ берлинскаго былъ первый министръ, графъ Бранденбургъ, такъ какъ императорскій кабинетъ прямо заявилъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ Радовицъ не пользуется довѣріемъ государя.

Императоръ Николай продолжалъ твердо стоять на почвѣ договоровъ 1815 года и европейскаго права. Главною его заботой было сохраненіе всеобщаго мира. Въ Варшавѣ кабинетъ его употребилъ всѣ старанія къ примиренію Австріи и Пруссіи по германскимъ дѣламъ. Съ нашей точки зрѣнія, послѣдняя являлась нарушительницей законнаго status quo и поэтому должна была согласиться на уступки. Но и князю Шварценбергу совѣтовали мы не раздражать противника надменностью тона и непреклонностью въ требованіяхъ. Если же, несмотря на всѣ наши усилія, примиренію не суждено было состояться, то мы предоставляли себѣ условиться съ Австріей о мѣрахъ для прекращенія смутъ и замѣшательствъ въ Германіи, на точномъ основаніи союзнаго акта 1815 года. Въ такомъ случаѣ мы обѣщали вѣнскому двору въ гессенъ-кассельскомъ вопросѣ нашу нравственную поддержку, въ вопросѣ же шлезвигъ-голштинскомъ и наше матеріальное содѣйствіе [1]).

Пока велись переговоры въ Варшавѣ, положеніе дѣлъ въ Гессенѣ достигло крайней степени напряженія. Исполняя постановленіе сейма, австро-баварскій экзекуціонный корпусъ вступилъ въ курфиршество, и въ то же время прусскія войска, занявъ гессенскій городъ Ганау, преградили экзекуціонному корпусу путь въ Кассель.

По возвращеніи графа Бранденбурга изъ Варшавы, король созвалъ чрезвычайный совѣтъ въ своемъ предсѣдательствѣ, причемъ приняли участіе принцъ прусскій и всѣ министры. Отсутствовалъ лишь первый министръ, опасно забо-

---

[1]) Изъ довѣрительнаго письма барона Бруннова къ лорду Джону Росселю, приводимаго въ *Bunsen's Leben*, III, стр. 157.

лѣвшій и лежавшій уже на смертномъ одрѣ. Обсуждались привезенныя имъ изъ Варшавы условія. Радовицъ и въ особенности наслѣдникъ престола горячо настаивали на необходимости продолжать начатую въ Германіи политику объединенія, не обращая вниманія на угрозы Австріи и Россіи. Король самъ склонялся на сторону этого мнѣнія, но всѣ остальные министры видѣли въ уступкахъ единственное спасеніе Пруссіи. Послѣдній взглядъ восторжествовалъ, и король со слезами на глазахъ принялъ отставку Радовица. Съ этимъ министромъ пала и система, которой онъ служилъ представителемъ. Дѣло соединенія было окончательно проиграно. Пруссія отступилась отъ нея.

Какъ жаль было Фридриху-Вильгельму разставаться съ личнымъ своимъ другомъ и политическимъ единомышленникомъ, видно изъ прощальнаго письма его къ нему. «Вы только что вышли отъ меня,» писалъ ему король, «дорогой другъ, мой любимый другъ, и я уже берусь за перо, чтобы послать вамъ вслѣдъ слово печали, вѣрности и надежды. Я подписалъ приказъ, отнимающій у васъ министерство иностранныхъ дѣлъ, и Богъ видитъ, какъ было удручено мое сердце. Я вынужденъ былъ сдѣлать болѣе, я, вѣрный другъ вашъ! Предъ собраніемъ министровъ я одобрилъ принятое вами рѣшеніе удалиться отъ дѣлъ, я публично хвалилъ васъ за него. Это одно выражаетъ все и передаетъ мое жестокое положеніе лучше, чѣмъ могли бы передать его цѣлые томы. Изъ глубины души благодарю васъ за ваши труды по министерству. Ваше министерство, другъ мой, было разумнымъ и мастерскимъ исполненіемъ моихъ намѣреній и моей воли. Намѣренія эти и воля укрѣпились въ соприкосновеніи съ вашими, ибо мы оба всегда думали одинаково и хотѣли одного и того же. Не смотря на всѣ наши безпокойства, то было чудесное время, свѣтлый часъ въ моей жизни, и до послѣдняго вздоха я буду благодарить Господа, котораго признаемъ мы оба и на котораго оба же возложимъ все наше упованіе. Да пребудетъ Господь Богъ съ вами; да благоволитъ въ милости своей сблизить пути наши; да хранитъ васъ миръ его и да благословитъ васъ до часа свиданія. Таково прощаніе вашего вѣчно вѣрнаго друга.

«Фридрихъ-Вильгельмъ» [1]).

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV Радовицу, 21 октября (3 ноября) 1850.

Совѣтъ рѣшилъ въ германскомъ вопросѣ принять точку зрѣнія Австріи и въ доказательство миролюбія отозвать какъ отставныхъ прусскихъ солдатъ, все еще сражавшихся противъ датчанъ въ рядахъ мятежныхъ голштинцевъ, такъ и прусскіе отряды, занимавшіе Гамбургъ и великое герцогство Баденское. «19 марта 1848 года,» писала Бунзену изъ Берлина одна высокопоставленная женщина [1]), «была погребена старая Пруссія, 3 ноября 1850—новая. Принцъ прусскій рыцарски боролся за отечество, но напрасно. Теперь, когда уже поздно, пусть Англія взвѣситъ, что выиграла она, допустивъ возрастаніе преобладанія Россіи и Австріи вплоть до бельгійско-голландской границы.»

Но Австрія и вдохновляемый ею франкфуртскій сеймъ уже не довольствовались помянутыми уступками. Они требовали совершеннаго удаленія прусскихъ войскъ изъ Гессена. Повелительный тонъ этого требованія оскорбилъ короля и снова возбудилъ въ немъ упавшее мужество. Онъ отдалъ приказаніе мобилизовать всю армію, не исключая и ландвера, послѣ того какъ въ Гессенѣ произошло между прусскими и австробаварскими аванпостами столкновеніе, ограничившееся впрочемъ кратковременною перестрѣлкой. Но принимая военныя мѣры, прусскій дворъ не прерывалъ переговоровъ и продолжалъ обнаруживать въ нихъ большую уступчивость. Такъ, отказавшись отъ Уніи, онъ распустилъ засѣдавшій въ Берлинѣ совѣтъ управленія ея, и тогда Австрія рѣшилась войти съ нимъ въ соглашеніе по вопросу о будущемъ устройствѣ Германіи, не настаивая на предварительномъ признаніи возстановленнаго во Франкфуртѣ союзнаго сейма. Источникомъ несогласій между обоими дворами по-прежнему были притязанія Пруссіи на полную равноправность съ Австріей въ Германіи и на право заключать частные союзы въ предѣлахъ общаго, а также противоположные взгляды на гессенское и голштинское дѣла.

Въ предвидѣніи войны, берлинскій дворъ отправилъ въ Лондонъ генерала Радовица, подъ предлогомъ изученія англійской артиллеріи и системы постройки желѣзныхъ мостовъ, въ сущности же съ цѣлью убѣдиться, насколько въ предстоящей войнѣ Пруссія можетъ разсчитывать на содѣйствіе и

---

[1]) Вѣроятно принцесса Августа супруга принца прусскаго, нынѣшняя германская императрица. Письмо ея отъ 24 октября (5 ноября) 1850 въ *Bunsen's Leben*, III, стр. 165.

союзъ Англіи [1]). Но великобританской кабинетъ не выказалъ ни малѣйшей охоты выйти изъ нейтралитета и настойчиво совѣтовалъ прусскому избѣгать войны. «Я нахожу,» говорилъ лордъ Пальмерстонъ Бунзену, «что съ Пруссіей дурно обошлись въ 1815 году. Ее слѣдовало усилить, дабы она могла защищать себя и Германію отъ Россіи и Австріи. Но если Пруссія ссылается на договоры, то и Европа должна придерживаться того, что въ нихъ написано. А потому, Бога ради, не начинайте войны изъ-за гессенскаго дѣла. Повторяю, у Пруссіи нѣтъ больше такого дѣла, изъ-за котораго она могла бы вести войну съ удобопонятнымъ для Европы правовымъ основаніемъ и съ надеждой на успѣхъ [2]).» Общественное мнѣніе въ Англіи было еще менѣе благопріятно войнѣ, и *Times*, упрекнувъ королеву за то, что она приняла въ Виндзорѣ генерала Радовица, «человѣка войны», строго напоминалъ принцу Альберту, что «онъ перестал уже быть нѣмецкимъ принцемъ».

Вѣсти изъ Лондона повліяли на рѣшеніе берлинскаго двора, конечно, не менѣе настояній въ томъ же смыслѣ императорскаго кабинета. А потому, когда австрійскій посланникъ предъявилъ въ Берлинѣ ультиматумъ своего правительства и потребовалъ въ двухдневный срокъ категорическаго объясненія: намѣрена ли Пруссія безпрепятственно пропустить въ Кассель экзекуціонныя войска Германскаго Союза [3]), то баронъ Мантейфель, замѣнившій скончавшагося графа Бранденбурга и уволеннаго Радовица, въ званіи предсѣдателя совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, обратился къ князю Шварценбергу, по телеграфу, съ просьбой назначить ему свиданіе въ одномъ изъ ближайшихъ къ прусской границѣ австрійскихъ городовъ: Одербергѣ или Ольмюцѣ, и не дожидаясь отвѣта, выѣхалъ изъ Берлина. Австрійскій министръ нашелъ его въ Ольмюцѣ, гдѣ, при посредничествѣ русскаго представителя при вѣнскомъ дворѣ, барона Мейендорфа, 17-го (29-го) октября и 18-го (30-го) ноября состоялось окончательное соглашеніе между обѣими великими германскими державами.

Ольмюцскія «пунктуаціи» были полнымъ торжествомъ

---

[1]) Радовицъ Бунзену, 4 (16) ноября 1850. Ср. *Bunsen's Leben*, III, стр. 158.

[2]) Бунзенъ барону Мантейфелю, 17 (29) ноября 1850.

[3]) Австрійская нота, 13 (25) ноября 1850.

Австріи надъ Пруссіей. Послѣдняя склонилась предъ гордо выраженною волею вѣковой своей соперницы и уступила всѣмъ ея требованіямъ. Въ Гессенѣ Пруссія обязалась не только не препятствовать союзной экзекуціи, но и поддержать ее водвореніемъ въ самомъ Касселѣ баталіона прусскихъ войскъ; въ герцогствахъ она принуждена была допустить занятіе Голштиніи австрійскими войсками и обѣщать содѣйствіе воз тановленію законной власти короля датскаго; наконецъ въ германскомъ вопросѣ она снова признала порядокъ, установленный союзнымъ актомъ 1815 года, и первенство, обезпеченное имъ за Австріей и отказалась ото всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ измѣнить ихъ въ свою пользу. На созванномъ въ Дрезденѣ, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго перваго министра, совѣщаніи уполномоченныхъ всѣхъ германскихъ государствъ, конституція Германіи должна была подвергнуться пересмотру, но было заранѣе условлено недопущеніе ни подъ какимъ видомъ обще-германскаго народнаго представительства.

Условія эти показались общественному мнѣнію въ Пруссіи и Германіи еще болѣе унизительными, когда въ нѣмецкихъ газетахъ, появилась «яко бы по случайной нескромности», циркулярная депеша вѣнскаго двора къ его дипломатическимъ представителямъ, въ которой князь Шварценбергъ, разсказавъ о необычайномъ въ то время обращеніи къ нему барона Мантейфеля по телеграфу и о поспѣшномъ выѣздѣ этого министра ему навстрѣчу, даже до полученія отъ него отвѣта, сообщалъ, что его величество императоръ счелъ своимъ долгомъ удовлетворить желанію короля прусскаго, *столь скромно выраженному*. Вопль негодованія раздался въ печати, въ палатахъ, въ высшихъ административныхъ и дипломатическихъ кругахъ Пруссіи. Замѣчательно, однако, что, не смотря на то, что всѣ великія державы единогласно осуждали политику послѣдней, гнѣвъ германскихъ патріотовъ преимущественно обрушился на Россію, гораздо болѣе даже нежели на Австрію. Послѣднюю упрекали въ дерзости, въ злоупотребленіи силой; насъ обвиняли въ «*предательствѣ*».

Еще до Ольмюца, знаменитый филологъ Максъ Мюллеръ писалъ Бунзену: «Для того ли тысячи отцовъ и сыновей принесли въ жертву свою жизнь и свое счастіе, чтобы видѣть

Германію управляемою милостью Россіи!» [1]). Ему же писалъ бывшій прусскій первый министръ Кампгаузенъ, что враждебная Пруссіи «политика Россіи и Австріи естественна и разумѣется сама собою» [1]).

Но послѣ «ольмюцской капитуляціи» негодованіе достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Какъ на образецъ сужденій, вызванныхъ ею, можно указать на страстныя письма одного изъ виднѣйшихъ членовъ прусской дипломатіи, посланника въ Константинополѣ, графа Пурталеса. «Итакъ,» восклицалъ онъ, «оправдалось удивительное извѣстіе, что Франція въ согласіи съ Россіей угрождаетъ намъ въ такую минуту, когда намъ довольно дѣла и съ одною Австріей для того, чтобы только устоять или пасть, какъ послѣдній оплотъ противъ московскихъ посягательствъ на материкѣ! Возможно ли, что на берегахъ Темзы такъ мало еще понимаютъ смыслъ истекающаго года? Развѣ не видятъ, что тамъ, на сѣверѣ, господствуетъ настоящій *Наполеонъ мира*, которымъ только казался Лудовикъ-Филиппъ, но не былъ ни по существу своему, ни по значенію? Лишь разъ въ продолженіе двадцати лѣтъ русскій мечъ былъ извлеченъ изъ ноженъ, именно въ столь мало опасномъ для царя венгерскомъ походѣ, и благодаря этому смѣлому поступку, сѣверное вліяніе обезпечено не только въ Вѣнѣ, но и въ Стокгольмѣ, въ Италіи, въ Греціи, и если на берегахъ Шпреи и Босфора не вступятъ скоро и рѣшительно на иной путь, то... [3])» И нѣсколько дней спустя: «У меня недостаетъ словъ, чтобы выразить мое негодованіе на Мантейфеля, ибо, не смотря на Гауквица, на Георга-Вильгельма, на Тильзитъ, исторія наша, по мнѣнію моему, не представляетъ ничего, что могло бы сравниться съ ольмюцскимъ пораженіемъ. Созвать при звукѣ трубъ наши палаты, наше войско, чтобы *при этой парадной обстановкѣ получить пощечину, заигрывать съ воспоминаніями* 1813 года (и въ какую еще *игру!), говорить объ уступкахъ* Австріи, потому только, что *намъ разрѣшается поставить* подмастерье къ палачу Рехбергу [4]), *быть вынужденными* прихрамывая идти въ Голштинію *въ качествѣ сводниковъ* и укрывателей и дозволить запе-

---

[1]) Максъ Мюллеръ Бунзену, 23 октября (5 ноября) 1850.
[2]) Кампгаузенъ Бунзену, 23 октября (5 ноября) 1850.
[3]) Графъ Пурталесъ Бунзену, 2 (14) ноября 1850.
[4]) Австрійскій коммиссаръ въ Гессенъ Касселѣ.

чатлѣть трубами и литаврами, протоколами и документами нашъ позоръ и стыдъ, все это такъ больно, такъ мучительно, такъ унизительно, что я не нахожу выраженій! Ho aide toi et le ciel t'aidera! Мы не можемъ требовать чтобы другіе трудились за насъ, когда сами не дѣйствуемъ. Какъ ни дурно, какъ ни постыдно наше положеніе, но трусость и измѣна не въ состояніи исказить одного факта, а именно что у Германіи есть будущее и что Пруссія призвана to take the lead [1]). Исторія послѣднихъ лѣтъ доказываетъ, что сила обстоятельствъ предлагаетъ намъ постоянно сызнова гегемонію, принять которую мы такъ часто, такъ жалко отказывались. Пусть ослѣпленная партія *Крестовой Газеты* продолжаетъ выскребывать свою «историческую» (?) систему; пусть Роховъ, Герлахъ и Сталь [2]) еще болѣе дѣйствуютъ и болтаютъ въ пользу Австріи и Россіи, противъ Пруссіи; они все же не достигнутъ успѣха, потому что Богъ, а не Мантейфель (чёртъ) управляетъ міромъ. Изъ дрезденскихъ конференцій не выйдетъ ничего, и самое лучшее въ предѣлахъ нынѣшней возможности было бы, еслибъ состоялся слабый сколокъ съ союзной конституціи, который выбросило бы за бортъ первое дуновеніе вѣтра. En attendant, будемъ работать безъ устали противъ нашихъ лучшихъ друзей, Николая и Франца-Іосифа. Мы вдохнемъ въ турокъ мужество; мы посовѣтуемъ итальянцамъ сплотиться вокругъ Савойскаго дома; мы постараемся разъяснить революціонно-національной партіи въ Европѣ, что Піемонтъ и Пруссія—два единственныя государства конгрессовой Европы, коихъ существованіе и будущность солидарно связаны осуществленіемъ разумной національной идеи. Мы войдемъ въ соглашеніе съ либеральною партіей въ Швеціи (она только что одержала большую побѣду на стокгольмскомъ сеймѣ), ибо либералы будутъ тамъ рано или поздно мыслить и дѣйствовать по-скандинавски. Мы до крови будемъ противиться всякому увеличенію среднихъ германскихъ государствъ, дьявольски-габсбургской идеѣ объ отдѣльномъ ганноверско-саксонско-вюртенбургскомъ союзѣ и станемъ выжидать минуты, когда Австрія торжественно провалится съ приведе-

[1]) Идти во главѣ.

[2]) Вожаки феодальной партіи въ Пруссіи: Роховъ, посланникъ въ Петербургѣ; Герлахъ, генералъ-адъютантъ короля; Сталь, профессоръ, теоретикъ партіи.

ніемъ въ порядокъ своихъ финансовъ. Тогда, chacun son tour, и воистину возмѣстится Шварценбергу все зло, которое онъ причинилъ намъ» [1]).

Послѣднее письмо, приведенное дословно, замѣчательно потому, что оно не только въ яркомъ свѣтѣ представляетъ господствовавшіе въ прусскихъ офиціальныхъ сферахъ взгляды на будущія отношенія этого государства къ Россіи и Австріи, но и излагаетъ политическую программу, слѣдуя которой Пруссія, не далѣе, какъ чрезъ пятнадцать лѣтъ, успѣла дѣйствительно отплатить вѣнскому двору за понесенное униженіе, и исключивъ его изъ Германіи, объединить послѣднюю подъ своею властью. Не лишено значенія и то обстоятельство, что программу эту суждено было осуществить не кому либо иному, а тому государственному человѣку, котораго голосъ, напротивъ, едва ли не одинъ раздался въ прусской палатѣ въ защиту ольмюцскаго соглашенія. Рѣчи своей, оправдывавшей и даже восхвалявшей уступчивую политику Мантейфеля, молодой Бисмаркъ-Шёнгаузенъ былъ обязанъ назначеніемъ посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ, что и послужило началомъ его блестящей дипломатической дѣятельности [2]).

Ольмюцъ имѣлъ то полезное послѣдствіе, что порядокъ и спокойствіе возстановились во всей Европѣ. Всеобщій миръ казался обезпеченнымъ на долгое время. Союзныя экзекуціи возстановили власть законныхъ государей въ Гессенъ-Касселѣ и въ Голштиніи. Съ приступленіемъ Пруссіи и нѣмецкихъ союзниковъ ея, франкфуртскій сеймъ возродился въ полномъ своемъ составѣ. Вообще, политика берлинскаго двора повидимому поставила себѣ задачей достиженіе полнаго согласія съ Австріей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, какъ германскимъ, такъ и европейскимъ. Между обѣими великими державами Германіи былъ даже заключенъ тайный оборонительный союзъ на три года, которымъ онѣ взаимно поручились другъ другу за цѣлость всѣхъ своихъ владѣній. Окончательному подавленію революціи въ Европѣ, по общему убѣжденію правительствъ, содѣйствовалъ государственный переворотъ, произведенный во Франціи принцемъ-президентомъ, 20-го ноября (2-го декабря) 1851 года. Вѣсть о немъ встрѣтили съ одинаковымъ сочув-

---

[1]) Графъ Пурталесъ Бунзену, 6 (18) января 1851.

[2]) Рѣчь, произнесенная Бисмаркомъ-Шёнгаузеномъ въ палатѣ депутатовъ прусскаго ландтага 21 ноября (3 декабря) 1850.

ствіемъ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ. Совершенно неожиданно отразился онъ на внутреннемъ положеніи Англіи, вызвавъ отставку министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Пальмерстона, за то, что тотъ поспѣшилъ признать его и одобрить, вопреки согласію и даже безъ вѣдома, какъ королевы, такъ и главы кабинета, лорда Джона Росселя.

Между Россіей, Австріей и Пруссіей возобновились прежнія близкія и союзническія отношенія. Съ паденіемъ Пальмерстона, отношенія наши къ Англіи стали также дружественнѣе, и благодаря единомыслію ея съ нами были разрѣшены, сообразно видамъ нашимъ и желаніямъ, вопросы о датскомъ и греческомъ наслѣдствахъ. Договоромъ, подписаннымъ въ Лондонѣ представителями пяти великихъ державъ, а также Даніи и Швеціи, признано было начало нераздѣльности Датской монархіи и обезпечено право наслѣдованія во всѣхъ частяхъ ея за принцемъ Христіаномъ голштино-глюксбургскимъ и нисходящимъ потомствомъ отъ брака его съ принцессой Луизою гессенъ-кассельскою[1]). Относительно Греціи, три державы покровительницы ея согласились, что будущій наслѣдникъ престола въ этой странѣ долженъ непремѣнно исповѣдовать православную вѣру[2]).

Къ концу 1852 года, произошла во Франціи новая, важная перемѣна, вызвавшая оживленные переговоры между великими державами и повлекшая за собой охлажденіе нашихъ отношеній къ парижскому кабинету.

Когда племянникъ перваго Наполеона избранъ былъ въ президента французской республики, императоръ Николай отнесся къ нему доброжелательно и сочувственно. Онъ одобрилъ и римскую экспедицію для возстановленія свѣтской власти папы, и энергическое усмиреніе, лѣтомъ 1849 года, возстанія парижскихъ рабочихъ. На государственный переворотъ взглянули у насъ, какъ на побѣду порядка надъ анархіей. Но когда обнаружилось намѣреніе Лудовика-Наполеона провозгласить себя наслѣдственнымъ императоромъ французовъ, государь предложилъ своимъ союзникамъ условиться относительно одинаковаго образа дѣйствій, въ виду событія, составлявшаго прямое нарушеніе договоровъ 1814—15 годовъ, на основаніи коихъ

---

[1]) Лондонскій договоръ, 27 апрѣля (8 мая) 1852.

[2]) Лондонская конвенція, 8 (20) ноября 1852.

члены дома Бонапартовъ не должны были царствовать во Франціи.

Король прусскій, по обыкновенію, разгорячился и проявилъ самую твердую рѣшимость не признавать «нововѣнчаннаго хищника», подъ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы Россія и Англія поручились ему за цѣлость всѣхъ его владѣній[1]). Но вѣнскій дворъ былъ противоположнаго мнѣнія. Онъ находилъ, что позволительно нѣсколько отступить отъ буквы трактатовъ, оставаясь вѣрными ихъ духу. Онъ предпочиталъ Лудовика-Наполеона вторичному возстановленію Бурбоновъ, тѣмъ болѣе, что фактически власть была уже въ рукахъ претендента. Благоразуміе требовало признать совершившееся явленіе, обставивъ это признаніе необходимыми гарантіями. Такъ, союзные дворы должны были потребовать отъ принца ручательствъ въ томъ, что, принимая титулъ своего дяди, онъ не будетъ слѣдовать его воинственной и завоевательной политикѣ. Кромѣ того, имъ надлежало воздержаться отъ признанія династическихъ притязаній новаго императора.

Русскій государь не раздѣлялъ этихъ взглядовъ австрійскаго правительства. По глубокому его убѣжденію, охранительный союзъ не могъ допустить нарушенія договоровъ, не измѣнивъ началамъ, служившимъ ему основаніемъ. Но, принимая въ соображеніе страхъ своихъ союзниковъ предъ войной, онъ согласился признать Лудовика-Наполеона императоромъ въ обмѣнъ формальной деклараціи, которою послѣдній обязался бы уважать поземельное устройство, установленное въ Европѣ трактатами, но притомъ съ оговоркой, что признаніе это, составляя случайное и преходящее исключеніе, не отмѣняетъ статей этихъ трактатовъ о лишеніи Бонапартовъ права на французскій престолъ, а также не распространяется на наслѣдниковъ Лудовика-Наполеона[2]).

Кабинеты вѣнскій и берлинскій приняли наше предложеніе и подписали съ нами тайный протоколъ, обязывавшій союзниковъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ сообща. Но когда состоялось провозглашеніе французской имперіи и пришлось привести въ исполненіе условленный планъ; когда сдѣлалось извѣстнымъ, что новый владыка Франціи намѣренъ принять

---

[1]) Ranke: *Aus dem Briefwechsel Friedrich-Wilhelms IV mit Bunsen*, стр. 186.

[2]) Un ancien diplomate: *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, I*, стр. 80—83.

имя Наполеона III, какъ видимый знакъ преемственности императорскаго достоинства въ его семействѣ, не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ, то союзники наши убѣдили насъ сдѣлать еще шагъ на пути уступокъ и, признавъ императора французовъ подъ условіемъ соблюденія имъ договоровъ и поземельнаго status quo Европы, ограничиться по династическому вопросу заявленіемъ, что мы оставляемъ его открытымъ. Смыслъ ихъ собственныхъ сообщеній тюильрійскому двору былъ одинаковъ съ нашими, но въ несравненно болѣе мягкихъ и любезныхъ выраженіяхъ. Еще важнѣе было положительное отступленіе ихъ отъ данныхъ намъ обѣщаній въ дѣлѣ дарованія Лудовику-Наполеону обычнаго въ перепискѣ между государями титула «брата». Кабинеты вѣнскій и берлинскій обязались сначала предоставить намъ рѣшеніе этого вопроса, но скоро одумались и поспѣшили включить въ вѣрительныя граматы представителей своихъ въ Парижѣ обращеніе: «государь, братъ мой». Между тѣмъ, русская грамата, уже подписанная императоромъ Николаемъ и отправленная къ нашему посланнику, начиналась словами: «мой дорогой другъ». Узнавъ о содержаніи граматъ австрійской и прусской, государь рѣшился не измѣнять своей граматы и повелѣлъ представителю своему вручить ее Наполеону III въ первоначальномъ видѣ. Императоръ французовъ, послѣ нѣкотораго колебанія, не посмѣлъ не принять ея. Должно замѣтить, что представители Австріи и Пруссіи получили приказаніе своихъ правительствъ не передавать ихъ граматъ до тѣхъ поръ, пока русская грамата не будетъ принята тюильрійскимъ дворомъ [1]).

Англіи принадлежала такая значительная доля участія въ низверженіи Наполеона I и въ лишеніи семьи его наслѣдственнаго права на французскій престолъ, самые насущные интересы этой страны казались до такой степени затронутыми воскрешеніемъ во Франціи бонапартистскихъ преданій, что императорскій кабинетъ счелъ долгомъ предложить и великобританскому двору присоединиться къ тремъ сѣвернымъ державамъ для обсужденія ручательствъ, которыми онѣ находили необходимымъ обставить и обусловить признаніе Лудовика-Наполеона императоромъ французовъ. Минута представлялась къ тому благопріятная. Ревностный сторонникъ третьяго

---

¹) Тамъ же, I, стр. 95—99.

Бонапарта, лордъ Пальмерстонъ, пересталъ быть министромъ. Но преемникъ его, лордъ Гранвилль, отвѣчалъ намъ, что Англія готова признать Лудовика-Наполеона подъ какимъ бы то ни было титуломъ. Вскорѣ наступилъ въ Англіи новый министерскій кризисъ, и кабинетъ виговъ замѣнился торійскимъ. Глава послѣдняго, лордъ Дерби, былъ озабоченъ замыслами, приписанными молвой новому императору относительно Бельгіи. Мы воспользовались этимъ, чтобы попытаться возстановить шомонскую коалицію на столь дорогой для Англіи почвѣ европейскаго ручательства за неприкосновенность и независимость бельгійскаго королевства. Мы предлагали условиться, чтобы въ случаѣ возникновенія несогласій между Бельгіею и Франціей, король Леопольдъ обратился къ посредничеству великихъ державъ. Если-же императоръ французовъ отказался бы подчиниться такому посредничеству, то четыре союзные двора составили бы изъ представителей своихъ въ Лондонѣ конференцію для обсужденія дальнѣйшихъ общихъ мѣръ. На вопросъ лорда Дерби: какъ далеко будетъ простираться наше участіе къ Бельгіи, императоръ Николай приказалъ отвѣтить, что вѣрный постановленіямъ шомонскаго договора, онъ по первому сигналу, возвѣщающему войну, готовъ двинуть на защиту этого государства 60,000 человѣкъ, а въ случаѣ надобности, приведетъ въ движеніе и всѣ свои силы. Сентъ-джемскій кабинетъ долго колебался, предлагая дѣйствовать относительно Франціи, хотя и по общему плану, но съ крайнею осторожностью и умѣренностью, чтобы не раздражить ея самолюбія. Державы, по мнѣнію его, должны были подвигаться постепенно: сначала, каждая отдѣльно, потребовать отъ французскаго правительства условленныхъ ручательствъ и только по отклоненіи этого требованія, возобновить его сообща. Но и эти скромныя предположенія не были осуществлены. Англія признала Наполеона III императоромъ по первому извѣщенію и безусловно. Лишь когда тюильрійскій кабинетъ дѣйствительно предъявилъ брюссельскому разныя требованія въ угрожающей формѣ, лордъ Дерби согласился подписать съ лондонскими представителями Россіи, Австріи и Пруссіи тайный протоколъ, которымъ четыре державы обязывались дѣйствовать заодно въ случаѣ нарушенія Франціей территоріальнаго status quo Европы. Рѣшено было сообщить этотъ протоколъ Наполеону III, какъ только онъ будетъ признанъ импе-

раторомъ всѣми европейскими правительствами. Но уже къ концу 1852 года, торійскій кабинетъ палъ, и мѣсто его заняло коалиціонное министерство, съ лордомъ Абердиномъ во главѣ. Оно не сочло возможнымъ открыто заявить о соглашеніи, состоявшемся между четырьмя державами, противъ Франціи, и тайный лондонскій протоколъ не былъ приведенъ въ исполненіе[1]).

Провозглашеніе имперіи во Франціи и признаніе ея Европой завершило бурную эпоху въ европейской исторіи, началомъ которой было всеобщее потрясеніе 1848 года. Если разсматривать политику императора Николая за весь пятилѣтній періодъ, то нельзя не признать, что никогда онъ не былъ болѣе вѣренъ основнымъ своимъ политическимъ началамъ, какъ именно въ это время. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимала глубокая вѣра въ божественное происхожденіе и значеніе верховной власти. Императоръ Николай былъ государемъ «Божіею милостью» въ полномъ, величественнѣйшемъ значеніи этого слова. Поддержаніе и утвержденіе монархическаго принципа не только въ Россіи, но и за предѣлами ея, считалъ онъ неотъемлемымъ своимъ правомъ и священною обязанностью. Убѣжденіе это было главнымъ руководящимъ правиломъ его дѣйствій и поступковъ, можно даже сказать всей его жизни. Послѣдствіемъ такого взгляда была его готовность всегда и всюду оказать содѣйствіе и поддержку законной власти въ борьбѣ ея съ революціей. Отсюда и отвращеніе его къ власти, лишенной законнаго основанія. Такимъ образомъ становится понятною настойчивость, съ которою государь держался союза съ Австріей и Пруссіей, не смотря на частыя колебанія своихъ союзниковъ, а также твердая послѣдовательность, проявленная имъ въ предвзятомъ удаленіи отъ Франціи Орлеановъ и Бонапартовъ. Въ этомъ случаѣ политическій разсчетъ уступалъ мѣсто глубокой вѣрѣ въ святость монархическаго права, перенося его русское значеніе и на другія государства. По-

---

[1]) Тамъ же, I. стр. 85—89 и 103—108. Бывшій дипломатъ не совсѣмъ точно утверждаетъ, что торіямъ «наслѣдовалъ лордъ Пальмерстонъ» (стр. 107) и приписываетъ этому министру оставленіе безъ послѣдствій тайнаго лондонскаго протокола по бельгійскому вопросу. Въ дѣйствительности, въ кабинетѣ лорда Абердина Пальмерстонъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а внѣшними сношеніями завѣдывали, сначала Джонъ Россель, а вскорѣ затѣмъ Кларендонъ.

ступая такимъ образомъ, государь повиновался тому, что считалъ своимъ первымъ царскимъ долгомъ [1]).

Но не одно нравственное чувство побуждало императора Николая неустанно стоять на стражѣ законнаго порядка въ Европѣ. Побуждали его къ тому и договоры, заключенные его предшественникомъ, усвоенные и неоднократно подтвержденные имъ самимъ и къ которымъ онъ относился съ глубочайшимъ уваженіемъ. Въ его глазахъ не утратили своей силы ни актъ Священнаго Союза, ни запечатлѣнное имъ взаимное обязательство союзныхъ государей «во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ» приходить на помощь другъ ко другу. Ни Австрія, ни Пруссія, не исполняли его относительно насъ. Государь зналъ и охотно прощалъ имъ это. Онъ сознавалъ себя слишкомъ сильнымъ, чтобы нуждаться въ чужой помощи, и былъ слишкомъ гордъ, чтобы когда-либо принять ее, но оказывать ее союзникамъ считалъ своимъ долгомъ. Не разъ, со своего воцаренія, ставилъ онъ всѣ свои силы въ распоряженіе Австріи и Пруссіи, а въ 1849 году доказалъ, что предложенія его не были пустою фразой, разсчитанною на эффектъ. И не однихъ, такъ сказать, ближайшихъ союзниковъ своихъ готовъ онъ былъ защищать русскою кровью. Совокупность поземельнаго status quo Европы, установленнаго договорами, имѣла, по его убѣжденію, право на его покровительство. Онъ одинаково былъ расположенъ послать русскія войска на помощь Голландіи, противъ возставшей Бельгіи въ 1830 году, и этой-же самой Бельгіи, узаконенной обще-европейскимъ признаніемъ, противъ завоевательныхъ замысловъ Франціи въ 1852 [2]). Тѣ же соображенія руководили имъ въ отношеніяхъ его къ

---

[1]) Весьма вѣрно замѣтилъ Бунзенъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ и непримиримыхъ противниковъ николаевской системы, «что политика *законности* Священнаго Союза была *религіей* императора. Конституціонная система представлялась ему ересью, полною лжи и обмана: либо скрытою республикой, либо деспотизмомъ подъ маской». См. *Bunsen's Leben*, III, стр. 7.

[2]) «Я никогда не признавалъ бельгійской революціи и никогда ея не признаю. Но, впослѣдствіи, я призналъ бельгійское государство. Я умѣю держать слово и честно уважаю и исполняю договоры. Обязанность моя отнынѣ заботиться о сохраненіи Бельгіи, такъ же точно, какъ и всякаго другаго государства въ Европѣ.» Слова эти были сказаны императоромъ Николаемъ лорду Абердину въ 1844 году, когда, вслѣдствіе принятія королемъ Леопольдомъ польскихъ выходцевъ въ свою военную службу, дипломатическія сношенія были прерваны между нашимъ и брюссельскимъ дворами. *Socokmar's Denkwürdigkeiten*, стр. 395.

распрѣ между Австріей и Пруссіей. Пруссія стремилась измѣнить порядокъ, созданный договорами, Австрія требовала возстановленія его. Со стороны государя было вполнѣ естественно и послѣдовательно поддержать точку зрѣнія Австріи, и однимъ своимъ словомъ онъ безпечилъ торжество ея. Но онъ же не допустилъ Австрію злоупотребить побѣдой. Пруссія была обуздана, но не унижена, какъ того желалъ князь Шварценбергъ, утверждавшій, «что ее слѣдуетъ сначала опозорить, а потомъ уничтожить». Она не лишилась ни одного изъ своихъ правъ, признанныхъ за нею трактатами, и самыя уступки ея были сдѣланы не Австріи, а международному порядку, установленному въ Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ.

Охраняя и защищая этотъ порядокъ, императоръ Николай тѣмъ самымъ обезпечивалъ и существенные политическіе интересы своей имперіи. Дѣйствительно, порядокъ этотъ былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ для насъ, ставя насъ относительно прочихъ государствъ въ такое положеніе, что ни одно не угрожало намъ, а всѣ въ насъ нуждались, тогда какъ мы легко обходились и безъ нихъ. Иначе и быть не могло, если припомнить, что тогдашнее международное устройство Европы было результатомъ ряда блестящихъ подвиговъ русскаго оружія, возвратившихъ ей миръ и независимость. Въ Германіи соблюдено было исконное правило русской политики, поддержаніемъ равновѣсія между австрійскимъ и бранденбургскимъ домами, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой не были достаточно сильны, чтобы поработить второстепенныя германскія государства и, осуществивъ въ свою пользу объединеніе Германіи, создать въ нашемъ непосредственномъ сосѣдствѣ сильную державу, въ видѣ постоянной угрозы нашимъ окраинамъ прибалтійскимъ и привислинскимъ. Да и не могъ русскій государь сочувствовать германскому единству, когда до слуха его достигали неистовые крики нѣмецкихъ демократовъ, подвизавшихся въ Шлезвигѣ и Голштиніи и требовавшихъ возсоединенія съ общимъ отечествомъ не только этихъ герцогствъ, но и Альзаса, Лотарингіи, Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи, а между тѣмъ въ Пруссіи раздавались голоса, напоминавшіе, что не прошло еще и полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ Варшава перестала быть прусскимъ городомъ. Соединеніе при-эльбскихъ герцогствъ съ Даніей оставляло въ рукахъ послѣдней Зундскій проходъ въ Балтійское море и препятство-

вало развитію въ послѣднемъ морскихъ силъ Пруссіи, способныхъ оспаривать у насъ преобладаніе въ этихъ водахъ. Утвержденіе австрійской власти въ Венгріи обезпечивало намъ спокойное обладаніе Царствомъ Польскимъ и, какъ уже было замѣчено, не допускало непосредственнаго соприкосновенія его со враждебнымъ намъ Западомъ. Самое занятіе Австріей ломбардо-венеціанскаго королевства и распространеніе ея вліянія на всю Италію, отвлекали вниманіе и силы вѣнскаго двора отъ балканскаго полуострова, на которомъ всякое поступательное движеніе австрійцевъ могло произойти лишь въ ущербъ, какъ нашему вліянію и значенію, такъ и самостоятельному развитію населяющихъ его и исповѣдующихъ православіе народностей.

Политика императора Николая, заботливо оберегая могущественное положеніе наше въ виду разъединенной Европы, подняла на высокую степень и наше нравственное обаяніе въ глазахъ европейскихъ правительствъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что тому содѣйствовало въ особенности безпримѣрное въ исторіи великодушіе и безкорыстіе государя. При всей своей силѣ, онъ никогда не позволилъ себѣ ни малѣйшаго злоупотребленія ею, и даже, оказывая союзникамъ своимъ существенныя услуги, не требовалъ за нихъ вознагражденія. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ *престижъ* нашъ достигъ необычайныхъ размѣровъ и признавался нашими злѣйшими врагами и упорнѣйшими противниками. Крайне враждебно настроенный въ отношеніи къ намъ Стокмаръ, не безъ основанія признаваемый авторитетомъ въ высшей политикѣ, писалъ въ концѣ 1851 года:

«Когда я былъ молодъ, надъ европейскимъ материкомъ господствовалъ Наполеонъ. Теперь, повидимому, русскій императоръ занялъ мѣсто Наполеона и будетъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, предписывать законы Европѣ.»

Помянувъ о презрѣніи императора Николая къ конституціоннымъ учрежденіямъ и о постоянной готовности его имъ противодѣйствовать, Стокмаръ продолжалъ:

«Конечно, онъ въ 1851 году, много слабѣе Наполеона въ 1810, и нельзя не признать, что Россія вообще страшна для материка лишь тогда, когда у нея на обоихъ флангахъ есть союзники. Но въ настоящую минуту она располагаетъ не однимъ союзникомъ. Я бѣгло перечисляю ихъ:

1) Испуганные соціализмомъ, коммунизмомъ, крайнимъ демократизмомъ, друзья гражданскаго порядка, а также консервативы въ Англіи.

2) Австрія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она останется въ настоящемъ своемъ положеніи.

3) Король прусскій и всѣ его реакціонеры.

4) Нѣмецкія правительства и династіи, за весьма немногими исключеніями.

5) То обстоятельство, что во Франціи всѣ, такъ называемые друзья порядка, считаютъ войну за самую для нихъ гибельную случайность, открыто признавая, что французы не устоятъ противъ соединенной Европы и что послѣдняя, для обезпеченія спокойствія на будущее время, отторгнетъ отъ Франціи значительныя области.

«Но въ особенности выгодно для Россіи то, что для пользованія своею диктатурой внѣ, она не вынуждена, подобно Наполеону, безпрерывно тратить большія военныя силы, а можетъ сохранить ихъ не уменьшая, въ виду того, что она дипломатическимъ дѣйствіемъ и угрозой достигаетъ болѣе значительныхъ результатовъ, чѣмъ посредствомъ выигранныхъ сраженій. Такое могущество едва ли не безпримѣрно[1]).»

Но такое могущество естественно должно было внушать иностраннымъ кабинетамъ и зависть, и страхъ. Всѣхъ недовѣрчивѣе издавна относилась къ намъ Англія. Нашъ старый и заклятый врагъ, лордъ Пальмерстонъ, съ радостью привѣтствовалъ государственный переворотъ во Франціи, именно потому, что провидѣлъ въ Лудовикѣ-Наполеонѣ дѣятельнаго и покорнаго союзника Англіи противъ Россіи. Событіе это хотя и повлекло за собою паденіе англійскаго министра, но ясно было, что какъ только онъ возвратится къ власти,—а Пальмерстонъ не могъ не возвратиться,—онъ снова будетъ стараться возстановить въ ущербъ намъ прежнее «дружеское соглашеніе» между Англіей и Франціей. Мы сами облегчили ему достиженіе этой цѣли, лично оскорбивъ императора французовъ оговорками, сопровождавшими его признаніе и отказомъ въ дарованіи ему обычнаго привѣтственнаго титула. Англо-французскій союзъ потому и состоялся впослѣдствіи такъ легко и скоро, что необходимость создать противовѣсъ

[1]) *Stockmar's Denkwürdigkeiten*, стр. 625.

нашему политическому преобладанію одинаково сознавалась въ Парижѣ и Лондонѣ.

Между тѣмъ, возстановленіе Священнаго Союза было болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Императоръ Николай имѣлъ впрочемъ основаніе заблуждаться на этотъ счетъ. Дворы вѣнскій и берлинскій единогласно признавали его главой союза, осыпали выраженіемъ довѣрія, преданности, признательности, удивленія. Весной 1852 года, онъ посѣтилъ Берлинъ и Вѣну, и въ обѣихъ нѣмецкихъ столицахъ былъ встрѣченъ съ почетомъ, подобающимъ вѣрному другу, испытанному союзнику, умиротворителю Германіи, могучему представителю и защитнику монархическаго начала въ Европѣ. Провозглашая здоровье государя, король прусскій, «отъ собственнаго имени, отъ имени своего войска и всѣхъ вѣрныхъ прусскихъ сердецъ» выразилъ пожеланіе, «чтобы Господь долгіе годы сохранилъ императора той части свѣта, которую далъ ему въ наслѣдственную часть». На парадѣ, въ Вѣнѣ, императоръ Францъ-Іосифъ, предъ фронтомъ своей арміи, торжественно и почтительно салютовалъ своему спасителю. Николай былъ глубоко тронутъ этими изъявленіями дружественной привязанности и высокаго почитанія своихъ союзниковъ. Онъ вполнѣ примирился съ державнымъ зятемъ, къ которому питалъ нѣжную дружбу и который, повидимому, окончательно отрекся отъ прежнихъ политическихъ заблужденій. О молодомъ императорѣ австрійскомъ государь отзывался, что любитъ его какъ родного сына.

Безъ сомнѣнія, и императоръ Францъ-Іосифъ, и король Фридрихъ-Вильгельмъ были искренни, расточая русскому государю свои дружественныя и признательныя чувства. Но, независимо отъ ихъ воли, Священный Союзъ все же былъ не болѣе какъ призракомъ, потому что цѣли его перестали быть общими для всѣхъ его участниковъ.

Пруссія не отказалась отъ притязаній своихъ на первое мѣсто въ объединенной подъ ея главенствомъ Германіи. Она лишь временно подчинилась неизбѣжной необходимости, побороть которую была не въ силахъ. Первый министръ ея прямо объявилъ въ палатѣ, что неудача иначе дѣйствуетъ на сильнаго, иначе на слабаго. «Слабый,» провозгласилъ баронъ Мантейфель, «лишь раздражается ею; сильный же хотя и дѣлаетъ шагъ назадъ, но не спускаетъ глазъ съ цѣли и ищетъ

инаго пути для ея достиженія[1]).» Даже ультра-консервативы были глубоко оскорблены ольмюцскою капитуляціей и, какъ говоритъ въ своихъ запискахъ главный редакторъ *Крестовой Газеты*, «они дѣйствовали только не подобно опьянѣлымъ демагогамъ, а какъ государственные люди, сознающіе свою отвѣтственность и предпочитающіе съѣсть холоднымъ блюдо возмездія[2]).» Самый даровитый представитель этой партіи громко высказавъ убѣжденіе свое, что «единства Германіи хочетъ всякій, кого бы о томъ ни спросили, коль скоро онъ только говоритъ по-нѣмецки[3]),» съ перваго же дня по водвореніи своемъ на мѣстѣ прусскаго посланника при союзномъ сеймѣ, сталъ подготовлять это единство, такъ блистательно осуществленное имъ двадцать лѣтъ спустя.

Австрія, обязанная намъ своимъ спасеніемъ, замышляла уже, по собственному сознанію государственнаго человѣка, руководившаго ея судьбами, «удивить міръ своею неблагодарностью». Самолюбіе ея было задѣто, не только оказанными ей услугами, но и обнаруженнымъ нами при этомъ нравственнымъ превосходствомъ. Она не могла забыть, что венгерцы, побѣдившіе ея армію, сложили оружіе предъ нашею. Великодушіе наше унижало ее, самое безкорыстіе уязвляло.

Итакъ, изъ двухъ союзныхъ намъ дворовъ, одинъ не прощалъ намъ неуспѣха своихъ усилій, направленныхъ къ поглощенію Германіи, другой—ему же оказанныхъ услугъ. Но главною причиной непрочности союза нашего съ ними было могущество Россіи, достигшее небывалыхъ размѣровъ и казавшееся угрозою всей Западной Европѣ. Сосѣдей нашихъ оно тревожило, пугало. Въ виду его, они не считали себя безопасными и мало-по-малу приходили къ выводу, который давно уже руководилъ политикой двухъ остальныхъ великихъ державъ, Франціи и Англіи, а именно, къ сознанію необходимости ослабить насъ, обезсилить, унизить, словомъ, лишить преобладающаго положенія въ совѣтѣ великихъ державъ и вліянія на дѣла Европы. Такимъ образомъ, обще-европейская коалиція противъ Россіи становилась лишь вопросомъ времени,

---

[1]) Рѣчь барона Мантейфеля въ засѣданіи палаты депутатовъ прусскаго ландтага 21 ноября (3 декабря) 1850.

[2]) Wagener: *Erlebtes*, стр. 59.

[3]) Рѣчь Бисмарка-Шёнгаузена въ палатѣ депутатовъ прускаго ландтага 9 (21) апрѣля 1849.

не съ цѣлію, какъ лицемѣрно утверждали наши противники, положить предѣлъ мнимымъ нашимъ завоевательнымъ стремленіямъ, а съ тѣмъ, чтобы низвести насъ съ той степени величія и силы, на которую вознесли насъ мудрость нашихъ государей, доблесть нашихъ войскъ, твердость и самоотверженіе русскаго народа; не для защиты отъ нашего небывалаго посягательства на существующіе международные договоры, а для уничтоженія ихъ, и замѣны новыми, которые послужили бы соединенной Европѣ ручательствомъ противъ нашего естественнаго политическаго роста въ будущемъ.

Оставалось лишь дождаться удобнаго случая и благовиднаго предлога. На Западѣ, европейскія державы никогда не успѣли бы согласовать свои противорѣчивые интересы для совмѣстнаго нападенія на насъ. Гораздо легче было имъ достигнуть этого результата на Востокѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОСТОКЪ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Восточная политика императора Николая въ первые годы его царствованія.

Изо всѣхъ политическихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ первые дни по воцареніи императора Николая, «ни одинъ», выражаясь словами офиціальнаго документа, «не былъ въ основныхъ своихъ началахъ, равно какъ и въ послѣдствіяхъ, болѣе наглядно связанъ съ существенными правами и достоинствомъ имперіи и слѣдовательно не вызывалъ въ одинаковой степени заботливости его императорскаго величества чѣмъ вопросъ Восточный» [1].

«Я бригадный генералъ, мало свѣдущій въ политическихъ дѣлахъ», любилъ повторять молодой государь иностраннымъ дипломатамъ, которые жадно прислушивались къ каждому его слову [2]. Но онъ сразу постигъ и вѣрно оцѣнилъ важность отношеній нашихъ къ Востоку, оставленныхъ предшествовавшимъ царствованіемъ въ самомъ запутанномъ положеніи.

Пять лѣтъ длились несогласія наши съ Портой, которая упорно отказывалась исполнять обязательства, налагаемыя на нее нашими съ нею договорами. Въ теченіе этого же времени южная часть Балканскаго полуострова и весь Архипелагъ были полемъ ожесточенной борьбы возставшихъ грековъ съ мусульманскими ихъ притѣснителями. Императоръ Александръ I, въ заботливости своей о поддержаніи великаго союза европейскихъ державъ, бывшаго его созданіемъ, долго

---

[1]) Циркуляръ графа Нессельроде представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ 17 (29) марта 1826.

[2]) Графъ Зичи князю Меттерниху, 12 (24) апрѣля 1828.

надѣялся привлечь ихъ къ содѣйствію въ полученіи отъ Турціи удовлетворенія, а также въ умиротвореніи Востока. Надежды эти не осуществились. Послѣ многолѣтнихъ безплодныхъ переговоровъ, не только не находя ожидаемой поддержки въ союзникахъ, но встрѣчая въ нихъ холодность и равнодушіе, а въ нѣкоторыхъ и прямую враждебность, худо прикрытую личной дружбы, освободитель Европы въ послѣдніе дни своей жизни пришелъ къ горькому разочарованію. Ему ясно стало, что Россія могла положиться лишь на себя, для выхода изъ затруднительнаго состоянія, въ которое была поставлена своимъ великодушіемъ и постоянною готовностію подчинять свои пользы такъ-называемымъ общимъ интересамъ. тогда какъ союзные намъ дворы привыкли разумѣть подъ послѣдними исключительно собственныя выгоды. Смерть застигла Благословеннаго въ ту самую минуту, когда онъ готовъ былъ двинуть свои войска за предѣлы имперіи, для возстановленія нарушенныхъ правъ своихъ и для спасенія отъ гибели единовѣрнаго намъ народа греческаго.

Такимъ образомъ, однимъ изъ первыхъ вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію императора Николая, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, являлся вопросъ: быть или не быть войнѣ съ Турціей? Разрѣшеніе его представлялось тѣмъ болѣе настоятельнымъ, что долготерпѣніе наше объяснялось въ Константинополѣ слабостью и уже нанесло чувствительный ударъ нашему обаянію на Востокѣ. Съ другой же стороны, силы греческаго возстанія видимо изнурялись, средства истощались, и православнымъ грекамъ оставался лишь выборъ между окончательнымъ истребленіемъ, возвращеніемъ подъ ненавистное иго мусульманъ или отдачей себя подъ покровительство Англіи, правительство коей, руководимое Каннингомъ, одно оказывало имъ нѣкоторе сочувствіе и поддержку, разумѣется, не безкорыстныя.

Прежде, однако, чѣмъ принять рѣшеніе, отъ послѣдствій котораго зависѣла не только участь Востока, но въ значительной степени и сохраненіе мира на Западѣ, государь пожелалъ отдать себѣ ясный отчетъ въ настоящемъ положеніи восточныхъ дѣлъ и съ этою цѣлью познакомиться съ историческимъ ходомъ относившихся къ нимъ переговоровъ нашихъ, какъ съ союзными дворами, такъ и съ Портой, за послѣдніе годы царствованія своего предшественника. Коллегіи иност-

ранныхъ дѣлъ поручено было составить подробное обозрѣніе упомянутыхъ переговоровъ, для личнаго свѣдѣнія его величества. Но, въ ожиданіи окончанія этого труда, государь, съ благородною откровенностію, не считалъ нужнымъ скрывать отъ знатныхъ иностранцевъ, прибывшихъ привѣтствовать его съ воцареніемъ, руководящія начала, положенныя имъ въ основаніе политики своей относительно Востока. Слова его дышали искренностью и правдивостію.

«Я хорошо знаю,» говорилъ онъ графу Сенъ-При, французскому чрезвычайному послу, пользовавшемуся особеннымъ его расположеніемъ, «что въ виду того, что мнѣ всего 29 лѣтъ и что я только-что вступилъ на престолъ и не успѣлъ еще показать себя своему народу, за границей предполагаютъ во мнѣ воинственныя наклонности и желаніе ознаменовать начало моего царствованія какимъ-либо военнымъ подвигомъ. Я знаю также, что вслѣдствіе движенія 14-го декабря, многіе думаютъ, что я хочу занять свою армію и тѣмъ отвлечь ее отъ текущихъ событій. Но обо мнѣ судятъ неправильно. Я люблю миръ, сознаю всю его цѣну и необходимость, столько же для Россіи, гдѣ мнѣ предстоитъ еще много завоеваній, сколько и для Европы. Я буду идти добросовѣстно и твердо по слѣдамъ покойнаго императора. Какъ великій князь и какъ солдатъ, я могъ чувствовать иначе. У императора совсѣмъ не тѣ мысли. Государь смотритъ на предметы въ ихъ совокупности и съ новыхъ точекъ зрѣнія. И безъ греческаго вопроса у меня внутри государства столько дѣла, что хватитъ на все мое царствованіе.»

Перейдя затѣмъ къ главному очередному вопросу, государь продолжалъ: «Братъ мой завѣщалъ мнѣ крайне важныя дѣла, и самое важное изо всѣхъ: восточное дѣло. Онъ былъ готовъ покончить съ нимъ, когда преждевременная смерть похитила у насъ императора Александра. Я непремѣнно долженъ положить скорый конецъ этому дѣлу, ибо иначе оно станетъ для меня источникомъ тяжкихъ усложненій и ни въ какомъ случаѣ не должно оставаться у меня на плечахъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что я примусь за его разрѣшеніе очертя голову. Я очень радъ буду условиться со всѣми моими союзниками въ вопросѣ, важность коего я живо сознаю и для нихъ, и для Россіи. Но я не могу возвратиться къ прежней системѣ аргументаціи. Все уже высказано съ обѣихъ сторонъ, пред-

метъ исчерпанъ. Если они не могутъ или не хотятъ дѣйствовать заодно со мною и сами меня къ тому принудятъ, то мое поведеніе будетъ совсѣмъ иное, чѣмъ поведеніе императора Александра, и я обязанностью почту покончить дѣло. Не обманывайте себя. Не съ однимъ и не съ двумя, а со всѣми моими союзниками желалъ бы я привести его къ окончанію. Я хочу мира на Востокѣ. Миръ нуженъ мнѣ. Въ этихъ видахъ, поймите меня, возвращеніе моего посланника въ Константинополь должно быть дѣйствительнымъ залогомъ искренняго примиренія, а не сигналомъ новыхъ ссоръ или войны. Повторяю, если мнѣ измѣнитъ хотя одинъ изъ моихъ союзниковъ, то я вынужденъ буду дѣйствовать одиноко, и вы можете быть увѣрены, что это не затруднитъ меня.»

Собесѣдникъ его величества выразилъ опасеніе, чтобы война не повлекла за собой измѣненій въ территоріальномъ очертаніи державъ, опредѣленномъ послѣдними договорами. Императоръ прервалъ его: «Что до этого касается,» воскликнулъ онъ, «даю вамъ честное слово, что я готовъ принять на себя тѣ же обязательства, какъ и мой покойный братъ, и что я никогда не захочу, не пожелаю и не вознамѣрюсь прибавить хотя бы единый вершокъ земли къ пространству Россіи, и безъ того уже обширному. Я готовъ дать въ этомъ случаѣ какія угодно формальныя завѣренія, но еще разъ говорю: если всѣ мои союзники не будутъ въ единомысліи и добросовѣстно стремиться къ одной и той же цѣли, скорѣйшему окончанію этого дѣла, то они вынудятъ меня приняться за него и совершить его одному. Считайте даже это рѣшеніе соотвѣтствующимъ пользамъ Европы, ибо для спокойствія ея, я предвижу менѣе неудобствъ отъ того, что я одинъ возьму на себя исполненіе требуемаго обстоятельствами, чѣмъ еслибъ я совершилъ то же самое при участіи одного или двухъ союзниковъ, подвергаясь опасности разъединить ихъ. Какія будутъ послѣдствія? Союзники увидятъ меня за дѣломъ, и если ближе присмотрятся ко мнѣ, то я, быть-можетъ, и ничего не потеряю въ ихъ уваженіи [1]).»

Въ томъ же смыслѣ высказывался государь и съ чрезвычайными представителями дворовъ берлинскаго и вѣнскаго: принцемъ Вильгельмомъ, вторымъ сыномъ прусскаго короля,

[1]) Графъ Лебцельтернъ князю Меттерниху, февраль 1826.

и эрцгерцогомъ Фердинандомъ Эсте австрійскимъ. Въ бесѣдахъ съ послѣднимъ его величество неоднократно возвращался ко внутреннему состоянію Россіи, уврачеванію котораго онъ желалъ бы посвятить всю свою заботливость, указывалъ на безпорядки, сопровождавшіе его вступленіе на престолъ и оставившіе глубокіе слѣды, трудно изгладимые. Главною причиной ихъ государь считалъ проявившееся въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I всеобщее ослабленіе власти въ отношеніяхъ административномъ, судебномъ и военномъ. Онъ выражалъ намѣреніе уменьшить численный составъ арміи, тяжелымъ бременемъ ложащійся на недостаточныя средства государства; установить въ финансовомъ управленіи строгую бережливость, заняться преобразованіемъ системы народнаго воспитанія. «Все это, вы сами видите,» говорилъ онъ своему гостю, «не похоже на человѣка, желающаго войны. Богъ свидѣтель, что я не хочу ея [1]).»

Снабженный наставленіями князя Меттерниха, напрасно старался эрцгерцогъ вызвать молодаго императора на обсужденіе австрійской программы: возобновленія переговоровъ по восточнымъ дѣламъ между великими державами. Государь избѣгалъ спора, и всякій разъ ограничивался общими замѣчаніями, выражая лишь рѣшимость свою покончить съ восточными усложненіями во что̀ бы то ни стало и какъ можно скорѣе, и повторяя, что онъ и одинъ достигнетъ этой цѣли въ томъ случаѣ, если ея нельзя будетъ достичь общимъ соглашеніемъ союзныхъ дворовъ. О грекахъ онъ только однажды упомянулъ эрцгерцогу, но въ выраженіяхъ несочувственныхъ къ нимъ, и тотчасъ прибавилъ, что главная его забота—покончить русско-турецкую распрю и личные разсчеты свои съ султаномъ [2]).

Такія слова императора Николая только разжигали любопытство иностранныхъ дипломатовъ. Они надѣялись вызвать графа Нессельроде на болѣе обстоятельныя объясненія, но, вопреки обыкновенію, статсъ-секретарь на разспросы ихъ отвѣчалъ или общими увѣреніями, сходными съ рѣчами государя, или приглашеніемъ къ терпѣнію. «Предоставьте намъ дѣйствовать,» успокоивалъ онъ ихъ, «мы устроимъ это дѣло, и вы

---

[1]) Генцъ валашскому господарю, князю Гикѣ, 4 (16) марта 1826.

[2]) Графъ Кламъ-Мартиницъ князю Меттерниху, 18 февраля (2 марта) 1826.

сами удивитесь тому, какъ легко выйдемъ мы изъ затрудненія.» Послы великихъ державъ знали, что въ русскомъ министерствѣ составляется, по высочайшему повелѣнію, записка по восточнымъ дѣламъ, но никому изъ нихъ не было извѣстно ни содержаніе, ни заключеніе ея. Общее мнѣніе дипломатовъ было, что Россія готовитъ новое обращеніе къ союзнымъ дворамъ.

Предъ самымъ отъѣздомъ эрцгерцога, императоръ Николай довѣрилъ ему, что не будетъ смѣшивать умиротворенія Греціи съ собственными несогласіями съ султаномъ, замѣтивъ, что у него съ Портой свои счеты, что онъ искренно желаетъ покончить ихъ, не доводя дѣло до разрыва, но что даже если бы таковой и послѣдовалъ, то онъ не примѣшаетъ къ нему греческаго вопроса. Когда же австрійскій посолъ вывелъ изъ словъ государя заключеніе, что вопросъ этотъ вовсе не будетъ возбужденъ, по крайней мѣрѣ по почину России, чего только и добивался вѣнскій дворъ, то графъ Нессельроде предупредилъ Лебцельтерна, чтобы тотъ не создавалъ себѣ преждевременнаго мнѣнія и въ особенности не вводилъ своего правительства въ заблужденіе, пока не узнаетъ окончательныхъ рѣшеній русскаго императора [1]).

Между тѣмъ, министерская записка по восточнымъ дѣламъ была составлена и повергнута на высочайшее усмотрѣніе. При всемъ искусствѣ составителей, въ ней нельзя было скрыть колебаній нашей восточной политики, которая вначалѣ, подъ руководствомъ графа Каподистріи, съ достоинствомъ и твердостью отстаивала права Россіи; по удаленіи же этого министра, въ 1822 году, совершенно подчинила ихъ такъ называемымъ обще-европейскимъ интересамъ, и наконецъ, въ послѣдніе дни жизни Александра, подъ впечатлѣніемъ негодованія, возбужденнаго въ покойномъ государѣ двоедушіемъ и коварствомъ союзниковъ, снова приняла было національное направленіе. Записка ограничивалась сухимъ изложеніемъ фактовъ, и не приходила къ заключенію [2]). Да и трудно было графу Нессельроде высказать опредѣленное мнѣніе о политическихъ затрудненіяхъ, которыхъ онъ былъ главнымъ виновникомъ. Къ

---

[1]) Генцъ валашскому господарю, князю Гикѣ, 14 (26) марта 1826.

[2]) Изложеніе несогласій, возникшихъ въ 1821 году между россійскимъ дворомъ и Портой Оттоманской. Мартъ 1826.

счастію, императоръ Николай имѣлъ предъ собою другіе дипломатическіе документы, менѣе безцвѣтные. То были отвѣты нашихъ представителей при дворахъ великихъ державъ, на запросъ, сдѣланный имъ по высочайшему повелѣнію, незадолго до кончины Александра, который желалъ знать взгляды ихъ на сущность соглашенія, уже состоявшагося, повидимому, между нашими союзниками, съ цѣлью парализовать наши дѣйствія на Востокѣ, на степень силы этого противодѣйствія, на средства воспрепятствовать ему, наконецъ, на мѣры наиболѣе цѣлесообразныя для утвержденія правъ, пользъ и достоинства имперіи, безъ нарушенія всеобщаго мира [1]).

Даже покорный слуга Меттерниха, Татищевъ, не рѣшился въ отвѣтѣ своемъ прямо отсовѣтовать энергическія мѣры, принять которыя уже былъ готовъ императоръ Александръ. Татищевъ прямо заявилъ, что вѣнскій дворъ не будетъ имъ препятствовать, хотя и не могъ не прибавить, что все же было бы лучше предпослать имъ новую попытку соглашенія съ союзными дворами, обѣщая намъ за это, въ крайнемъ случаѣ войны съ Турціей, матеріальную помощь австрійскаго правительства [2]). Алопеусъ же извѣщалъ изъ Берлина, что, въ виду всевозможныхъ случайностей, Россія можетъ разсчитывать на искреннюю поддержку Пруссіи [3]).

Но несравненно опредѣлительнѣе высказались по предложеннымъ имъ вопросамъ послы наши въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Поццо-ди-Борго воспользовался случаемъ, чтобы въ самыхъ яркихъ краскахъ изобразить то унизительное положеніе, къ которому привело насъ на Востокѣ наше потворство западной Европѣ и въ особенности Австріи, и ясно указалъ на единственный, достойный насъ, исходъ. «Долгъ нашъ,» писалъ онъ, «не дѣлать ничего такого, что могло бы подать поводъ къ справедливымъ жалобамъ или отпору. Но если, принявъ въ соображеніе все, что вызывается достоинствомъ имперіи и справедливостью вообще; если, соблюдя со всею тщательностью всѣ правила добросовѣстности и потребовавъ довѣрія, котораго мы въ правѣ ожидать, мы найдемъ, что несправедливость или зависть иностранцевъ намѣрены предъ-

---

[1]) Графъ Нессельроде русскимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ, 6 (18) августа 1825.

[2]) Татищевъ графу Нессельроде, 29 августа (10 сентября) 1825.

[3]) Алопеусъ графу Нессельроде, августъ 1825.

явить намъ непозволительныя требованія, тогда все обязываетъ насъ дѣйствовать непреклонно и силой поддержать тѣ права, которыя захотѣли бы силой же оспаривать у насъ.» Развивая мысль свою далѣе, онъ утверждалъ, что цѣль великаго союза выражена въ международныхъ актахъ, положенныхъ въ его основаніе. Въ нихъ нигдѣ не упоминается о дѣлахъ Востока. Но, кромѣ того, мы одни остались вѣрны началамъ союза. Англія отступилась отъ него, какъ только извлекла изъ него всю ожидаемую для себя пользу. Австрія воспользовалась имъ для осуществленія своихъ видовъ въ Италіи, но явно нарушила его по отношенію къ восточнымъ замѣшательствамъ. Даже Франція тяготится имъ. Въ дѣлѣ греческаго возстанія, каждая изъ великихъ державъ преслѣдуетъ свои цѣли. Англія помогаетъ грекамъ; Франція поддерживаетъ ихъ своими филэллиническими комитетами, и въ то же время посылаетъ инструкторовъ въ Египетъ обучать войска, предназначенныя для усмиренія греческаго возстанія. Австрія принимаетъ участіе въ переговорахъ объ устройствѣ Греціи, и составляетъ планы кампаній для турокъ. Въ этой обще-европейской драмѣ у одной Россіи нѣтъ ни роли, ни мѣста. Ни Европа, ни турки, ни греки, не обращаютъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Посолъ приходилъ къ тому выводу, что мы должны, не теряя ни минуты, привести въ исполненіе выработанный нами и одобренный нашими союзниками планъ умиротворенія Востока, и принять по собственному почину тѣ самыя понудительныя мѣры противъ турокъ, къ которымъ мы хотѣли прибѣгнуть лишь съ предварительнаго согласія великихъ державъ, то-есть занять нашими войсками Дунайскія Княжества. Но на всякій случай намъ слѣдуетъ быть готовыми идти далѣе. Со стороны Турціи силы наши должны быть достаточны, чтобы дать намъ возможность быстро проникнуть до самой ея столицы, причемъ необходимо привлечь на нашу сторону сербовъ, и вообще всѣхъ турецкихъ христіанъ, войти въ непосредственныя сношенія съ возставшими греками и даже стараться вовлечь Персію въ войну съ Портой. Нужно принять военныя мѣры предосторожности и со стороны Австріи, ибо въ вопросахъ такой важности, необходимо полагаться лишь на собственныя силы. «Это,» замѣчалъ Поццо-ди-Борго, «лучшее средство сдерживать силы

прочихъ государствъ, и даже пріобрѣсти ихъ дружбу, ибо тогда она будетъ входить въ ихъ разсчеты.» Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ отнесутся великія державы ко вступленію нашему въ Княжества, посолъ находилъ, что, при враждебномъ расположеніи къ намъ Каннинга, можно ожидать объявленія намъ Англіей войны; но безъ союзниковъ на материкѣ, держава эта безсильна остановить успѣхи нашихъ войскъ и причинить намъ существенный вредъ, а потому, она конечно постарается скоро войти съ нами въ соглашеніе. Австрія была, по мнѣнію его, главною виновницей того затруднительнаго положенія, въ которомъ мы очутились на Востокѣ. Но хотя Меттернихъ и хвалился тѣмъ, что всегда можетъ натравить на насъ Англію, онъ призадумается съ той минуты, какъ ему самому придется принять участіе въ войнѣ противъ насъ. Если въ немъ восторжествуетъ благоразуміе, то онъ уклонится отъ войны; въ противномъ же случаѣ, жестоко поплатится за смѣлость. За Францію Поццо-ди-Борго ручался, что она не пристанетъ къ нашимъ противникамъ, не смотря на вражду къ намъ перваго министра Вильеля, и на личныя связи его съ Меттернихомъ. Того же можно ожидать и отъ Пруссіи. Итакъ, заключалъ посолъ, намъ останется или все бросить и принести въ жертву достоинство, права и пользы имперіи, или принять такое рѣшеніе, которое обезпечило бы эти самыя пользы, права и достоинство. «Право, политика и честь,» восклицалъ онъ, «уже разрѣшили эту дилемму.» Вниманія заслуживаютъ совѣтъ и предостереженія его: не распространяться о нашемъ безкорыстіи и не давать обѣщаній въ этомъ смыслѣ болѣе, чѣмъ нужно для засвидѣтельствованія рѣшимости нашей не отступать отъ системы всеобщаго мира и желанія заручиться содѣйствіемъ нашихъ союзниковъ. Если же они или турки вынудятъ насъ начать войну, *то намъ слѣдуетъ выговорить себѣ полную свободу дѣйствій, сообразно обстоятельствамъ, и ни отъ чего впередъ не отказываться.* Такія отреченія очень мало цѣнятся въ началѣ дѣла, а при завершеніи его, бываютъ крайне вредны, ибо заявившій ихъ кабинетъ уменьшаетъ свои средства къ успѣшному веденію переговоровъ и лишаетъ себя выгодъ, которыя онъ извлекъ бы изъ тѣхъ же самыхъ жертвъ, если бы, рѣшась на нихъ, имѣлъ возможность выго-

воритъ себѣ взамѣнъ иныя преимущества, или даже заставилъ заплатить себѣ полную цѣну своего великодушія [1]).

Посолъ нашъ при сентъ-джемскомъ дворѣ, графъ Ливенъ, безусловно одобрялъ намѣреніе императора Александра, «во вниманіе къ достоинству имперіи и ея пользамъ, отыскивать свое право собственными средства», въ томъ, конечно, предположеніи, что Россія въ силахъ предпринять войну, успѣхъ которой долженъ быть быстрымъ и блестящимъ. Кто же будутъ враги наши, не считая турокъ, и можно ли предотвратить европейскую противъ насъ коалицію? Графъ Ливенъ полагалъ, что при настоящемъ положеніи Европы, ни одна изъ великихъ державъ не посмѣетъ вмѣшаться въ нашу распрю съ Портой, не заручившись содѣйствіемъ одной или нѣсколькихъ другихъ. Такого союза противъ насъ, утверждалъ онъ, нынѣ не существуетъ, или по крайней мѣрѣ, Англія въ немъ не участвуетъ, а безъ нея не можетъ составиться опасной для насъ коалиціи. «Естественно, однако,» продолжалъ посолъ, «что одно вѣроятіе войны Россіи съ Портой вызоветъ союзъ, быть-можетъ и всеобщій. Ибо какое чувство питаетъ къ Россіи Европа? Она съ ужасомъ взираетъ на этотъ колоссъ, исполинскія силы котораго готовы кинуться на нее по первому знаку. Вотъ почему она представляется намъ заинтересованною въ поддержаніи оттоманской державы, этого естественнаго врага нашей имперіи.» Впрочемъ, разсуждалъ посолъ, можно лишь съ большимъ трудомъ допустить, чтобы, при взаимной противоположности своихъ интересовъ, европейскіе кабинеты успѣли прійти къ соглашенію относительно общаго дѣйствія. Съ другой стороны, война наша съ Турціей отвлекла бы наше вниманіе отъ происковъ революціи, и тѣмъ могла бы облегчить ея успѣхъ. Но и эта случайность кажется мало вѣроятною: народы устали отъ революціонныхъ опытовъ и жаждутъ покоя. Дѣйствительнымъ средствомъ противъ всѣхъ этихъ опасностей должно, по мнѣнію графа Ливена, служить «осторожное поведеніе до той минуты, пока пробьетъ для Россіи часъ отмщенія за ея нарушенныя права, и самая быстрота удара, который она вынуждена будетъ нанести». Если, кромѣ того, русскій императоръ заранѣе объявитъ преслѣдуемыя имъ путемъ войны цѣли, если онъ вы-

---

[1]) Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, 4 (16) октября 1825.

кажетъ себя такимъ, каковъ онъ есть, чуждымъ стремленій къ своекорыстнымъ выгодамъ, какой изъ кабинетовъ не отнесется съ полнымъ довѣріемъ къ его честности? «Событія еще выступятъ намъ на встрѣчу,» оканчивалъ посолъ свое донесеніе, «много случайностей могутъ благопріятствовать намъ и избавить насъ отъ необходимости прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Англія уже заискиваетъ въ насъ. Намъ можетъ представиться такое сочетаніе обстоятельствъ, которое недоступно разсчетамъ человѣческой предусмотрительности. Осторожность и глубокій разумъ императора сумѣютъ ихъ взвѣсить. Но я смѣю утверждать, что если будущею весной Россія все еще будетъ находиться въ настоящемъ своемъ положеніи, то война одна можетъ вывести ее изъ затрудненій. И война эта должна захватить Европу врасплохъ. Она должна быть быстрою, дабы къ нравственнымъ преградамъ, замедляющимъ соглашеніе между дворами и пользованіе ихъ силами, прибавилась и матеріальная невозможность предупредить замышляемый нами ударъ.» [1])

Отзывы пословъ нашихъ при дворахъ парижскомъ и лондонскомъ нашли отголосокъ въ душѣ молодаго государя. Онъ считалъ себя связаннымъ союзными обязательствами, завѣщанными ему предшественникомъ, и искренно вѣрилъ въ спасительныя свойства охранительнаго союза великихъ державъ, для поддержанія мира и законнаго порядка въ Европѣ. Онъ готовъ былъ дѣйствовать въ согласіи съ ними при изысканіи средствъ къ прекращенію кровопролитія въ Греціи и къ устройству этой страны на новыхъ основаніяхъ, обезпечивающихъ ея благосостояніе, считая это дѣло обще-европейскимъ и слѣдовательно подлежащимъ совмѣстному обсужденію и рѣшенію союзныхъ дворовъ. Но у насъ были и другія причины несогласій съ Портой. Въ послѣдніе годы она позволила себѣ нарушить обязательства, возлагаемыя на нее нашими съ нею договорами, и упорно отказывалась исполнить основанныя на этихъ договорахъ требованія императорскаго кабинета. Чуткій ко всему, что касалось чести и достоинства Россіи, императоръ Николай въ это чисто русское дѣло не допускалъ ни подъ какимъ видомъ иностраннаго вмѣшательства и рѣшился дѣйствовать, не справляясь даже съ мнѣніемъ своихъ союзниковъ.

[1]) Графъ Ливенъ графу Нессельроде, 18 (30) сентября 1825.

Поступая такимъ образомъ, онъ оставался вѣренъ коренному началу восточной политики своихъ державныхъ предковъ, постоянно съ твердостью отвергавшихъ посредничество западной Европы въ сношеніяхъ нашихъ съ Турціей. Ему ясно представлялась необходимость, не медля долѣе и во что бы то ни стало, заставить турокъ уважать права Россіи и исполнять обязанности свои предъ нею. Въ крайнемъ случаѣ, онъ былъ готовъ занять Дунайскія Княжества русскими войсками. Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ этой крутой мѣрѣ, вѣроятнымъ послѣдствіемъ которой была бы война, государь призналъ возможнымъ въ послѣдній разъ предупредить Порту объ опасности, которую она сама навлекла на себя своимъ упрямствомъ.

Рѣшеніе императора созрѣло въ глубокой тайнѣ. Инструкціи нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ были изготовлены и отправлены безъ вѣдома пребывавшихъ въ Петербургѣ иностранныхъ дипломатовъ[1]). Лишь на девятый день по отъѣздѣ курьера, графъ Нессельроде посвятилъ ихъ въ сдѣланныя распоряженія,[2]) а на двѣнадцатый, извѣстилъ о послѣднихъ и союзные дворы, циркулярною депешей на имя представителей нашихъ въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ.

Изложивъ въ ней ходъ переговоровъ Россіи съ Портой за послѣднее время и взглядъ государя на двѣ различныя стороны нашихъ сношеній съ Турціей, статсъ-секретарь развилъ причины, побудившія насъ приступить къ немедленному разрѣшенію тѣхъ изъ предметовъ спора, которые касались нарушенія Портой заключенныхъ съ нами трактатовъ и непосредственно затрогивали наши права и интересы. Вопросы эти сводились къ тремъ: во-первыхъ, продолженіе противнаго договорамъ пребыванія турецкихъ войскъ въ Дунайскихъ Княжествахъ и отказъ Турціи возстановить въ нихъ порядокъ, существовавшій до 1821 года; во-вторыхъ, содержаніе подъ стражей въ Константинополѣ депутатовъ сербскаго народа и неисполненіе относящихся до Сербіи условій букурештскаго трактата, и въ-третьихъ, оставленіе нашего повѣреннаго въ дѣлахъ безъ отвѣта на его послѣдній протестъ. Сообщивъ содержаніе предъявленнаго нами Портѣ ультиматума по тремъ

---

[1]) Графъ Нессельроде Минчаки, 5 (17) марта 1826.

[2]) Генцъ валашскому господарю, князю Гикѣ, 20 апрѣля (2 мая) 1826.

помянутымъ вопросамъ, графъ Нессельроде выражалъ надежду, что союзные дворы оцѣнятъ его по достоинству. Государь, заявлялъ онъ, не питаетъ честолюбивыхъ замысловъ, и даже въ томъ случаѣ, если будетъ вынужденъ прибѣгнуть къ силѣ, не предложитъ Портѣ иныхъ условій мира, присоединивъ къ нимъ лишь требованіе справедливаго вознагражденія за военныя издержки. Но, разсчитывая на безпристрастную оцѣнку своихъ дѣйствій со стороны союзниковъ, императоръ Николай не проситъ ихъ оказать ему содѣйствіе въ Константинополѣ, такъ какъ рѣчь идетъ о поддержаніи правъ, лично ему принадлежащихъ. Самъ онъ всегда считалъ эту часть несогласій нашихъ съ Портой дѣломъ исключительно русскимъ, и предъявляя дивану непосредственныя требованія, ожидаетъ и непосредственнаго отъ него отвѣта. Союзники наши, впрочемъ, вольны представить султану необходимость удовлетворить насъ безусловно и безотлагательно. Что же касается вопроса объ умиротвореніи Греціи, то государь не считалъ умѣстнымъ касаться его въ настоящую минуту. Если Порта уступитъ нашимъ требованіямъ, то это будетъ означать полную перемѣну въ оттоманской политикѣ и повлечетъ конечно миролюбивое разрѣшеніе и греческаго дѣла, по соглашенію Порты съ великими державами. Въ противномъ случаѣ, война между Россіей и Турціей неизбѣжна, и императоръ намѣренъ направить ее къ достиженію того же результата, то-есть къ умиротворенію Греціи, согласно человѣколюбивымъ видамъ своего покойнаго брата и предшественника. Императорскій кабинетъ предоставлялъ себѣ, по полученіи отвѣта Порты, сообщить союзнымъ дворамъ соображенія свои о будущемъ устройствѣ Греціи, «но», провозглашалъ онъ торжественно, «что̀ не могло терпѣть отлагательства, что̀ государь считалъ еще болѣе необходимымъ, это опредѣленіе особеннаго положенія Россіи по отношенію къ оттоманской имперіи, ибо, пока оно оставалось неопредѣленнымъ, всякіе окончательные переговоры съ Портой представлялись его императорскому величеству невозможными».[1])

Въ этомъ важномъ дипломатическомъ документѣ политика императора Николая обнаружилась во̀ всемъ своемъ нравствен-

---

[1]) Циркуляръ графа Нессельроде представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ, 17 (29) марта 1826.

номъ величіи. Инымъ духомъ повѣяло изъ Россіи на Европу. Твердый, но умѣренный тонъ; строго ограниченныя, но настойчиво выраженныя требованія; признаніе европейскихъ интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и провозглашеніе созданнаго исторіей «особеннаго» положенія нашего на Востокѣ и рѣшимость съ оружіемъ въ рукахъ защищать права, принадлежащія Россіи по договорамъ; желаніе мира, но безстрашіе предъ войной; содѣйствіе союзниковъ, сведенное къ настоянію ихъ предъ Портой на необходимости безусловно подчиниться волѣ русскаго государя; но прежде всего глубокое сознаніе собственныхъ правъ, силы и достоинства: все это произвело на чужеземные дворы неотразимое впечатлѣніе. Они спѣшили поручить представителямъ своимъ въ Константинополѣ, чтобы тѣ совѣтовали министрамъ султана немедленно удовлетворить всѣ наши требованія. Лордъ Веллингтонъ изъ Петербурга пригласилъ Стратфорда Каннинга обратиться къ Портѣ съ энергическою рѣчью по этому поводу. Такія же наставленія далъ берлинскій дворъ своему посланнику. Французскій посолъ получилъ приказаніе представить дивану неизбѣжность подчиненія русскимъ требованіямъ, «каковы бы они ни были, ибо спасеніе Оттоманской имперіи зависитъ отъ ея уступчивости, а великодушіе императора всероссійскаго, въ умѣренности своей, дастъ ей единственное средство продлить ея существованіе» [1]). Всѣхъ усерднѣе хлопоталъ въ Константинополѣ въ нашу пользу князь Меттернихъ, вопреки ясному смыслу нашего циркуляра старавшійся увѣрить и себя, и турокъ, что умолчаніе ультиматума о греческомъ дѣлѣ означаетъ совершенное отреченіе русскаго двора отъ этого вопроса. Австрійскій канцлеръ, съ обычнымъ самодовольствомъ, писалъ интернунцію, что рѣшеніе императора Николая вполнѣ согласно съ неоднократно высказаннымъ имъ самимъ мнѣніемъ; что нѣтъ ничего общаго между требованіями, основанными на договорахъ и возстаніемъ подданныхъ противъ своего государя, и что всякій споръ двухъ державъ всего лучше можетъ быть рѣшенъ непосредственными переговорами заинтересованныхъ сторонъ между собой. Баронъ Оттенфельсъ приглашался передать рейсъ-эфенди совѣтъ самого императора Франца: исполнить безпрекословно волю русскаго государя, въ виду какъ

¹) Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, 27 іюля (8 августа) 1826.

очевидной пользы для Оттоманской имперіи, такъ и серіозной опасности, которую неминуемо вызвалъ бы отказъ [1]).

24-го марта (5-го апрѣля) нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, Минчаки, вручилъ Портѣ ноту съ изложеніемъ нашихъ требованій. Мы настаивали на выводѣ турецкихъ войскъ изъ Дунайскихъ Княжествъ, съ возстановленіемъ въ нихъ порядка, опредѣленнаго договорами и существовавшаго до 1821 года; на немедленномъ освобожденіи сербскихъ депутатовъ и на дарованіи сербамъ слѣдующихъ имъ по букурештскому трактату преимуществъ; и въ видѣ удовлетворенія за неоднократное неисполненіе обѣщаній и оставленіе безъ отвѣта нашего протеста, на отправленіи турецкихъ уполномоченныхъ въ одинъ изъ русскихъ пограничныхъ городовъ для возобновленія переговоровъ, веденныхъ между нами и Портой съ 1816 по 1821 годъ, и для заключенія по нимъ соглашенія, «которое положило бы прочное основаніе миру, дружбѣ и доброму сосѣдству Россіи съ Турціей». Мы хотѣли, чтобы Порта не только дала согласіе на всѣ эти требованія, но и привела ихъ въ исполненіе въ шестинедѣльный срокъ со дня предъявленія нашего ультиматума. Въ противномъ случаѣ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ тотчасъ же выѣдетъ изъ Константинополя «и», заключалъ свою ноту Минчаки, «министрамъ султана не трудно предвидѣть немедленныя послѣдствія этого событія» [2]).

Представители великихъ державъ, исполняя полученныя отъ дворовъ своихъ приказанія, поддержали предъ Портой наши требованія, но долго не могли узнать ничего положительнаго о намѣреніяхъ ея. Даже Минчаки начиналъ уже сомнѣваться въ успѣхѣ, какъ за двѣ недѣли до истеченія срока ультиматума, рейсъ-эфенди, пригласивъ къ себѣ драгомана русскаго посольства, объявилъ ему рѣшеніе, не только принятое диваномъ, но уже и осуществленное. Господарямъ валашскому и молдавскому были отправлены визиріальныя письма съ приглашеніемъ немедленно ввести въ Княжествахъ установленный договорами порядокъ; сербскіе депутаты освобождены, и признано право Сербіи уговориться съ Портой относительно внутренняго устройства; наконецъ, два высшіе чиновника назна-

[1]) Князь Меттернихъ барону Оттенфельсу, 2 (14) апрѣля 1826.
[2]) Минчаки Портѣ, 24 марта (5 апрѣля) 1826.

чены уполномоченными для веденія переговоровъ въ русскомъ пограничномъ городѣ, по указанію императорскаго кабинета. Всѣ эти уступки были офиціально сообщены намъ въ нотѣ, врученной нашему повѣренному въ дѣлахъ [1]) и составленной, по отзыву графа Нессельроде, въ выраженіяхъ, «носившихъ на себѣ отпечатокъ той предупредительности и уваженія, которыя Россія всегда должна внушать въ Константинополѣ».

Императорскій кабинетъ не замедлилъ довести этотъ успѣхъ до свѣдѣнія всѣхъ великихъ державъ. Графъ Нессельроде извѣстилъ ихъ о предстоящемъ открытіи въ Аккерманѣ переговоровъ между русскими и турецкими уполномоченными. Государь, замѣтилъ онъ, хочетъ проявить снова умѣренность, служащую основаніемъ его политики, а единственная цѣль наша—упрочить порядокъ, созданный букурештскимъ договоромъ, и осуществить тѣ изъ его постановленій, которыя еще не были исполнены Портой. «Но,» присовокуплялъ статсъ-секретарь, «его императорское величество намѣренъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ настойчивостью и энергіей, которыя, какъ показалъ счастливый и недавній опытъ, составляютъ необходимое условіе успѣха [2]).» Этимъ и ограничились наши сообщенія союзнымъ дворамъ по вопросу объ аккерманскихъ совѣщаніяхъ. На всѣ разспросы иностранныхъ дипломатовъ, государь приказалъ Нессельроде отвѣчать, что переговоры наши съ Турціей—«чисто русское дѣло» и до нихъ не касаются [3]).

Цѣлью переговоровъ въ Аккерманѣ было прійти къ соглашенію по вопросамъ, обсуждавшимся между барономъ Строгановымъ и Портой съ 1816 по 1821 годъ и вытекавшимъ изъ неясности нѣкоторыхъ постановленій букурештскаго трактата. Султанъ не утвердилъ тайной статьи его, обезпечивавшей намъ извѣстныя преимущества на кавказскомъ берегу Чернаго моря, а мы, въ свою очередь, пріостановились выводомъ нашихъ войскъ изъ трехъ укрѣпленныхъ пунктовъ на этомъ побережьѣ: Онакріи, Сухума и Редутъ-Кале, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не отвоеваны у турокъ, а уступлены намъ мѣстными владѣтелями. Порта настаивала на возвращеніи ей этихъ мѣстностей, мы же жаловались на неправильное разграниченіе по

---

[1]) Порта Минчаки, 1 (13) мая 1826.

[2]) Графъ Нессельроде представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ, 26 мая (7 іюня) 1826.

[3]) Графъ Бомбель князю Меттерниху, 13 (25) іюня 1826.

Дунаю, на невведеніе условленнаго порядка въ Дунайскихъ Княжествахъ и въ Сербіи, на стѣсненіе нашей торговли, на морскіе разбои варварійцевъ, на неудовлетвореніе исковъ и претензій русскихъ подданныхъ. Всѣ эти спорные вопросы имѣли быть разрѣшены въ Аккерманѣ. Совѣщанія открылись въ этомъ городѣ 1-го (13-го) іюля между русскими уполномоченными, генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ и посланникомъ въ Константинополѣ Рибопьеромъ, и турецкими, Хади-эфенди и Ибрагимъ-эфенди. Еще предъ отъѣздомъ изъ Петербурга Воронцовъ признался австрійскому посланнику, что не можетъ быть и рѣчи объ отдачѣ обратно туркамъ занятыхъ нами черноморскихъ укрѣпленій и что если ему не удастся образумить ихъ, то за это дѣло возьмется графъ Витгенштейнъ, главнокомандующій южною арміей. Дѣйствительно, притязаніе Порты грозило помѣшать успѣшному исходу переговоровъ. Наши уполномоченные вынуждены были объявить туркамъ, что государь, предвидя съ ихъ стороны попытки протянуть время въ безплодныхъ преніяхъ, повелѣлъ вручить имъ готовый проектъ конвенціи, съ изложеніемъ въ немъ всѣхъ основанныхъ на договорахъ требованій нашихъ, а также крайнихъ предѣловъ нашей уступчивости. Для принятія этого проекта Портой ей назначался срокъ по 26-е сентября (7-е октября), съ тѣмъ, что если до истеченія его конвенція не будетъ заключена, то турецкимъ уполномоченнымъ предложатъ возвратиться въ Константинополь, мы же примемъ немедленно мѣры, «указываемыя намъ нашимъ правомъ, интересами и достоинствомъ». Въ томъ же смыслѣ высказался предъ Портой и Минчаки[1]).

Твердость наша и на этотъ разъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Внутренніе безпорядки, выразившіеся въ это самое время въ возстаніи янычаръ и вызвавшіе поголовное ихъ истребленіе, не позволяли и думать султану о сопротивленіи. Турецкіе уполномоченные получили изъ Константинополя приказаніе принять безъ измѣненій русскій проектъ договора, и 25-го сентября (6-го октября) подписали аккерманскую конвенцію.

Актъ этотъ занимаетъ важное мѣсто въ ряду договоровъ нашихъ съ Портой. Онъ разъяснилъ, дополнилъ и исправилъ постановленія букурештскаго трактата, заключеннаго на ско-

---

[1]) Генцъ валашскому господарю, князю Гикѣ, 21 сентября (3 октября) 1826.

рую руку, при крайне неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствахъ, и снова обезпечилъ за нами то исключительное положеніе, которое было создано намъ въ Турціи Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Порта удовлетворила всѣ наши требованія, согласилась на удержаніе за нами спорныхъ мѣстностей на восточномъ берегу Чернаго моря, приняла нашу разграничительную черту на Дунаѣ, обѣщала въ теченіе полутора года уплатить иски русскихъ подданныхъ и вознаградить ихъ за потери, понесенныя отъ варварійскихъ корсаровъ, предоставила русскимъ торговымъ судамъ свободное плаваніе въ турецкихъ водахъ, а купцамъ нашимъ право безпрепятственной торговли на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи. Сверхъ того, она обязалась «съ надлежащимъ уваженіемъ и вниманіемъ» принимать наши представленія «о дозволеніи по прежнимъ примѣрамъ входа въ Черное море судовъ дружественныхъ съ оттоманскимъ правительствомъ державъ, которыя не имѣютъ еще сего права, и на такомъ основаніи, чтобы привозъ товаровъ въ Россію посредствомъ сихъ судовъ и вывозъ россійскихъ произведеній на оныхъ не встрѣчали никакихъ препятствій». Такимъ образомъ, Россія открывала Черное море торговлѣ всѣхъ народовъ и принимала ее подъ свою могучую охрану [1]).

Еще важнѣе и знаменательнѣе было торжественное признаніе Турціей нашего права покровительства надъ подвластными ей христіанскими областями: Молдавіей, Валахіей и Сербіей.

Въ Дунайскихъ Княжествахъ имѣло быть водворено снова въ шестимѣсячный срокъ внутреннее устройство, установленное гатти-шерифомъ 1802 года и дополненное постановленіями отдѣльнаго акта, приложеннаго къ конвенціи. Въ этомъ послѣднемъ были перечислены: порядокъ назначенія и смѣны господарей, права ихъ и ихъ дивановъ, численность турецкой стражи, извѣстной подъ названіемъ бешліевъ, возвращеніе владѣльцамъ земель, отобранныхъ подъ турецкія крѣпости, опредѣленіе размѣра ежегодныхъ податей и повинностей, съ освобожденіемъ жителей отъ уплаты ихъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, преимущества мѣстныхъ бояръ, составленіе уставовъ управленія Княжествами. Русскій дворъ получалъ право наблю-

[1]) Конвенція, заключенная въ Аккерманѣ, 25 сентября (7 октября) 1826.

дать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ условій, чрезъ посредство посланника своего въ Константинополѣ и консуловъ въ Княжествахъ. Порта обязывалась предъ нами назначать господарей изъ туземныхъ бояръ, по представленію дивановъ молдавскаго и валахскаго и на семилѣтній срокъ. До истеченія этого срока, господарь не могъ быть отрѣшенъ ею отъ управленія, безъ испрошенія на то согласія императорскаго кабинета. Господарямъ вмѣнялось въ обязанность «принимать со вниманіемъ и уваженіемъ представленія посланника его императорскаго величества, а равно и представленія, кои по его предписанію будутъ дѣлаемы отъ россійскихъ консуловъ» по предмету исполненія основныхъ законовъ, «а также сохраненія иныхъ правъ и преимуществъ сего края» [1]).

Не менѣе опредѣлительно были выражены обязательства, принятыя на себя Портой предъ нами въ отношеніи къ Сербіи. И тамъ она обѣщала въ восемнадцатимѣсячный срокъ условиться съ депутатами сербскаго народа касательно обезпеченія за нимъ правъ и преимуществъ, выговоренныхъ букурештскимъ трактатомъ, и занесенія ихъ въ фирманъ, утвержденный гатти-шерифомъ. Главныя основанія будущаго устройства Сербіи были также перечислены въ отдѣльномъ актѣ, составившемъ второе приложеніе къ конвенціи, а именно: свобода богослуженія, право избранія начальниковъ, независимость внутренняго управленія, возвращеніе отторгнутыхъ отъ Сербіи округовъ, соединеніе разныхъ податей въ одну, предоставленіе сербамъ управлять принадлежащими мусульманамъ имѣніями, съ условіемъ вносить доходы съ нихъ вмѣстѣ съ данью, свобода торговли, дозволеніе сербскимъ купцамъ путешествовать по Турціи съ собственными паспортами, учрежденіе больницъ, училищъ, типографій, запрещеніе селиться въ Сербіи мусульманамъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ гарнизонамъ, занимающимъ крѣпости. Всѣ эти условія подлежали включенію въ фирманъ, который Порта обязалась сообщить русскому двору и почитать составною частью аккерманской конвенціи [2]).

Таковы были важные результаты, достигнутые на Востокѣ твердостью и энергіей императора Николая въ первый же

---

[1]) Отдѣльный актъ, приложенный къ аккерманской конвенціи 25 сентября (7 октября) 1826.

[2]) Второй отдѣльный актъ, приложенный къ той же конвенціи.

годъ его царствованія, результаты, не стоившіе намъ ни единаго рубля, ни единой капли русской крови. Иностранныя державы не только не противились имъ, но употребили все свое вліяніе на Порту, чтобы склонить ее къ подчиненію нашимъ требованіямъ. Столь силенъ былъ страхъ, внушаемый имъ нашимъ могуществомъ, и опасенія ихъ за самое существованіе Оттоманской имперіи, въ случаѣ возникновенія войны между нею и Россіей.

Но вопросы, разрѣшенные въ Аккерманѣ, не были единственнымъ поводомъ несогласій нашихъ съ Турціей. Мы не могли равнодушно относиться къ кровавой расправѣ ея съ возставшими греками, видимо изнемогавшими подъ бременемъ пятилѣтней неравной борьбы. Независимо отъ побужденій человѣколюбія и естественнаго сочувствія къ единовѣрцамъ, намъ нельзя было упустить изъ виду политической стороны вопроса и вредныхъ для насъ самихъ послѣдствій забвенія нашихъ историческихъ преданій по отношенію къ христіанамъ Востока. «Россія покидаетъ свое передовое мѣсто,» писалъ Каннингъ въ 1823 году, «Англія должна воспользоваться этимъ и занять его». Съ этого времени великобританское правительство не переставало оказывать возставшимъ грекамъ поддержку нравственную и матеріальную. Послѣдствіемъ было образованіе въ Греціи вліятельной англійской партіи, слѣдуя внушеніямъ которой, народное собраніе въ Навпліи, 20-го іюля (1-го августа) 1825 года, торжественнымъ актомъ поставило «клейнодъ вольности, независимости и политическаго существованія греческаго народа подъ неограниченный покровъ Великобританіи». Каннингъ хотя и не принялъ предложеннаго протектората, но уполномочилъ племянника своего, Стратфорда Каннинга, назначеннаго посломъ въ Константинополь, по пути туда, посѣтить Грецію, вступить въ личныя сношенія съ вождями возстанія и предложить имъ посредничество англійскаго правительства для примиренія съ Портой.

Пока Англія дѣйствовала одиноко и самостоятельно, сообразуясь исключительно съ пользами и нуждами своей политики, Россія, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преслѣдовала разрѣшеніе греческаго вопроса путемъ обще-европейскаго соглашенія. Къ концу своей жизни, какъ было уже замѣчено выше, даже Александръ I убѣдился въ тщетѣ своихъ усилій достигнуть такого соглашенія. Подъ предлогомъ уваженія

верховныхъ правъ султана, Австрія не допускала понудительныхъ мѣръ, которыя однѣ, какъ показывалъ опытъ, могли заставить Турцію принять посредничество великихъ державъ въ дѣлѣ умиротворенія Греціи. Франція и Пруссія хотя и проявляли до извѣстной степени единомысліе съ нами, но ставили свое согласіе на предложенныя нами мѣры въ зависимость отъ приступленія къ нимъ и вѣнскаго двора. При этихъ условіяхъ, очевидно, нельзя было ожидать успѣха отъ продолженія переговоровъ, которые, еслибы даже и удалось намъ привести ихъ къ желаемому исходу, все же грозили бы остаться безплодными, въ виду рѣшительнаго отказа Англіи не только принять участіе въ общемъ дѣйствіи континентальныхъ державъ, но и признать основанія ихъ вмѣшательства въ греко-турецкую распрю. Съ самаго вступленія Каннинга въ министерство, онъ громко протестовалъ противъ исповѣдуемаго этими державами такъ называемаго права вмѣшательства, и собственное участіе въ умиротвореніи Греціи основывалъ отнюдь не на этомъ правѣ, а на обращеніи къ грековъ къ Англіи съ просьбой о посредничествѣ [1]). Принципіальный вопросъ имѣлъ въ глазахъ англійскаго министра столь важное значеніе, что, продолжая держаться въ сторонѣ отъ совѣщаній великихъ державъ по греческому дѣлу, онъ въ то же время намекалъ послу нашему въ Лондонѣ, что не прочь условиться съ Россіей, но только съ нею одною.

Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ Каннингомъ тотчасъ по вступленіи на престолъ императора Николая. Побудило его къ тому опасеніе, какъ бы молодой государь не началъ войны, которая могла бы повести къ разрушенію Оттоманской имперіи и къ водворенію русскаго господства на ея развалинахъ. Подъ видомъ принесенія поздравленій императору со счастливымъ его воцареніемъ, въ Петербургъ былъ посланъ герцогъ Веллингтонъ съ порученіемъ предложить императорскому кабинету: во-первыхъ, посредничество Англіи въ собственныхъ несогласіяхъ его съ Турціей, и во-вторыхъ, соглашеніе по греческому дѣлу. Герцогъ прибылъ въ нашу столицу, когда первый изъ этихъ вопросовъ былъ уже безповоротно рѣшенъ въ умѣ императора Николая, инструкціи нашему повѣренному Минчаки—изготов-

---

[1]) Каннингъ Темплю, 14 (26) сентября 1826.

лены вмѣстѣ съ проектомъ нашего ультиматума Портѣ, а потому относившееся до сего предложеніе англійскаго чрезвычайнаго посла было вѣжливо отклонено. Тѣмъ внимательнѣе отнесся государь къ сообщеніямъ его по второму вопросу. Веллингтонъ представилъ ему, что Порта безсильна усмирить возстаніе; что единственнымъ къ тому средствомъ можетъ послужить ей совершенное истребленіе греческаго населенія въ Пелопоннезѣ и заселеніе этого полуострова мусульманами изъ Азіи; что на христіанскихъ державахъ лежитъ обязанность положить конецъ кровопролитію и возстановить миръ и порядокъ на Востокѣ. Все это слишкомъ согласовалось съ собственными воззрѣніями императора Николая, чтобы не привести къ скорому и полному соглашенію между кабинетами нашимъ и лондонскимъ. Оно выразилось въ протоколѣ, подписанномъ въ Петербургѣ графами Нессельроде и Ливеномъ съ русской стороны, и герцогомъ Веллингтономъ съ англійской.

Исходною точкой протокола была принята обращенная къ королю великобританскому просьба грековъ о посредничествѣ. Договаривающіяся стороны, «одушевленныя желаніемъ прекратить борьбу, происходящую въ Греціи и въ Архипелагѣ, путемъ исхода, согласнаго съ требованіями религіи, справедливости и человѣколюбія», согласились между собою, что Англія предложитъ Портѣ свое посредничество, а Россія его поддержитъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: греки останутся въ зависимости отъ султана и будутъ платить ему дань въ размѣрѣ, опредѣленномъ разъ навсегда; они будутъ управляться властями, ими же избранными, съ утвержденія Порты, пользоваться независимостью внутренняго управленія, полною свободой вѣроисповѣданія и торговли; они обязаны пріобрѣсти въ собственность земли мусульманскихъ владѣльцевъ, расположенныя какъ на материкѣ греческомъ, такъ и на островахъ. Оба двора уговорились вести сообща переговоры съ Портой и вышеизложенныя условія считать основаніемъ примиренія между сю и возставшими греками, даже въ случаѣ отказа ея принять посредничество. Они предоставляли себѣ опредѣлить впослѣдствіи какъ мѣры необходимыя для приведенія въ исполненіе ихъ рѣшеній, такъ и границы будущей Греціи, отказывались отъ всякихъ выгодъ въ свою пользу, въ видѣ земельныхъ приращеній, пріобрѣтенія исключительныхъ вліянія или преимуществъ относительно торговли на Востокѣ и наконецъ, вы-

ражали намѣреніе предложить дворамъ вѣнскому, парижскому и берлинскому приступить къ протоколу, и совмѣстно съ Россіей гарантировать актъ окончательнаго примиренія Турціи съ Греціей, такъ какъ великобританское правительство не можетъ принять на себя подобное ручательство [1]).

Петербургскимъ протоколомъ императоръ Николай достигалъ важнаго политическаго результата. Онъ пріобщалъ Англію къ традиціонной политикѣ Россіи въ отношеніи къ христіанамъ Востока. При этомъ, онъ далекъ былъ отъ мысли устранить прочихъ своихъ союзниковъ отъ участія въ разрѣшеніи греческаго вопроса. Въ откровенномъ объясненіи съ австрійскимъ посломъ, онъ ясно выразилъ соображенія, руководившія имъ въ данномъ случаѣ. «Видя Англію,» говорилъ онъ, «послѣ многолѣтняго противодѣйствія всѣмъ нашимъ желаніямъ, идущею на-встрѣчу намъ въ этомъ дѣлѣ, предлагающею для его разрѣшенія основанія, признанныя уже остальными союзниками, и въ то же время готовою взять на себя одну веденіе переговоровъ, я полагалъ что окажу союзу нашему услугу, выслушавъ предложеніе Англіи и присоединивъ ее къ тому самому союзу, котораго настоянія она прежде отвергала. Я счелъ себя въ правѣ взять на себя въ эту минуту представительство всѣхъ моихъ союзниковъ, въ твердомъ рѣшеніи соблюдать ихъ пользы. Наконецъ, мнѣ казалось, что они будутъ благодарны мнѣ за то, что я связалъ Англію договоромъ, въ которомъ она заявляетъ, что не будетъ искать достиженія исключительныхъ выгодъ въ свою пользу. Спрашиваю васъ: легко ли согласилась бы она принять на себя подобныя формальныя обязательства относительно прочихъ кабинетовъ? Или они увѣрены, что, дѣйствуя одиноко въ этомъ дѣлѣ, Англія позаботилась бы и объ ихъ интересахъ? Опытъ послѣднихъ лѣтъ могъ ли возбудить подобную надежду? Время было дорого. Герцогъ давалъ мнѣ возможность воспользоваться имъ, и я воспользовался. Допуская даже, что относительно меня существуетъ чувство недовѣрія, о которомъ я искренно сожалѣю, я говорилъ себѣ: съ одной стороны увидятъ Россію полагающею преграды англійскому честолюбію, но съ другой, найдутъ, что и Англія ставитъ ихъ честолюбію Россіи. Намѣре-

---

[1]) Петербургскій протоколъ 23 марта (4 апрѣля) 1826.

нія мои были чисты, и я заявляю вамъ, что искренно дѣйствовалъ въ пользу союза [1]).»

Дѣйствительно, петербургскій протоколъ, какъ и аккерманская конвеція, громко свидѣтельствовали о чистотѣ намѣреній императора Николая, о прямодушіи и честности его политики. Оба акта доказывали, что государь не ищетъ завоеваній, не помышляетъ о разрушеніи Оттоманской имперіи. Онъ, конечно, не могъ допустить продолженія на Востокѣ кровопролитія, грозившаго истребленіемъ единовѣрному намъ народу, но искалъ положить конецъ смутѣ, въ согласіи со всѣми великими державами. Свято самъ соблюдая договоры, онъ требовалъ, чтобъ и Порта уважала ихъ. Въ этихъ видахъ онъ признавалъ необходимымъ, чтобы русское вліяніе было преобладающимъ въ Константинополѣ. Вліяніе это было пріобрѣтено нами рядомъ побѣдоносныхъ войнъ, освящено временемъ, обезпечено торжественными трактатами. Въ сознаніи своего права, государь не считалъ нужнымъ скрывать его отъ кого бы то ни было и открыто исповѣдовалъ его предъ лицомъ всей Европы.

Въ гласной инструкціи, данной Рибопьеру при отправленіи посланникомъ въ Константинополь и сообщенной всѣмъ союзнымъ дворамъ, взглядъ императора Николая на отношенія наши къ Турціи былъ изложенъ съ гордою откровенностью, достойною его и Россіи. «Географическое положеніе государствъ», писалъ графъ Нессельроде, «опредѣляетъ ихъ нужды и пользы. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобъ убѣдиться, что съ того дня, какъ русскія владѣнія коснулись береговъ Чернаго моря, свободное сообщеніе между этимъ моремъ и Средиземнымъ стало однимъ изъ первыхъ интересовъ Россіи, а сильное вліяніе въ Константинополѣ — одною изъ первыхъ ея потребностей. По мѣрѣ того, какъ мы распространяли владѣнія наши въ этихъ странахъ; по мѣрѣ того, какъ заботливость правительства ускоряла въ нихъ успѣхи просвѣщенія, оплодотворяла сѣмена народнаго богатства, помянутыя потребность и интересъ получили еще болѣе существенное и важное значеніе. Въ то же время, естественное сочувствіе направило къ нашимъ государямъ надежды христіанскихъ народовъ Европейской Турціи. Привязанность эта

[1]) Графъ Лебцельтернъ князю Меттерниху, 26 мая (7 іюня) 1826.

зародилась сначала въ тождествѣ исповѣданія: непосредственное соприкосновеніе могло лишь усилить ее и сдѣлать болѣе дѣйствующею. Внушенныя ею желанія не были однако осуществлены, но кайнарджійскій трактатъ и послѣдующіе договоры наши съ диваномъ обезпечили за нами почетное право покровительства. Русскій флагъ получилъ значительныя преимущества. Подъ вліяніемъ ихъ скоро возникъ цвѣтущій городъ[1]); торговля его быстро развилась, и христіанскіе подданные Порты стали въ ней главными посредниками. Такимъ образомъ, сношенія наши съ Востокомъ съ каждымъ днемъ предоставляли намъ новыя выгоды; мы должны были ежедневно тщательно заботиться о сохраненіи элементовъ этихъ сношеній и вольностей нашего судоходства въ Константинопольскомъ проливѣ: мы должны были возвести въ основное государственное правило внушеніе Портѣ почтенія и уваженія, безъ которыхъ намъ было бы невозможно удержать за собою преимущества, тѣсно связанныя съ благосостояніемъ всѣхъ нашихъ южныхъ областей.»

Но эти «неизмѣнныя» основанія восточной политики Россіи были чужды всякихъ честолюбивыхъ замысловъ. «Пока границы наши не были отодвинуты въ направленіи къ западу,» продолжалъ графъ Нессельроде, «пока мы не сдѣлали на берегахъ Чернаго моря пріобрѣтеній, необходимыхъ для безопасности этихъ предѣловъ, сообщеній нашихъ съ Грузіей и потребности открыть гавани для нашей торговли, Россія *могла* не отвергать помышленій о расширеніи, которыя часто наводили на мысль о паденіи оттоманскаго владычества въ Европѣ. Но со времени славнаго царствованія императора Александра, со времени послѣднихъ войнъ, когда Россія возвысилась въ средѣ европейскихъ державъ на степень, удовлетворяющую всѣ ея стремленія, положеніе ея такъ счастливо, что оно не только не внушаетъ ей желанія завоеваній, но заставляетъ взирать на нихъ какъ на бремя. Желаніе мира внушено ей не только благими намѣреніями, отличающими нынѣ дѣйствія всѣхъ правительствъ, но глубокимъ сознаніемъ выгодъ, утверждаемыхъ за нею миромъ, намѣреніемъ покровительствовать въ обширныхъ своихъ владѣніяхъ развитію тѣхъ богатствъ, которыми такъ щедро надѣлило ее Провидѣніе.

[1]) Одесса.

Наконецъ, въ сношеніяхъ съ Турціей, единственная цѣль с.-петербургскаго кабинета должна отнынѣ состоять въ томъ, чтобы пользоваться, при настоящемъ положеніи дѣлъ, всѣмъ нужнымъ ему вліяніемъ и спасти отъ близкаго уничтоженія народъ, гибель коего поразила бы Россію въ ея религіозныхъ идеяхъ и торговомъ благосостояніи; другими словами, чтобы достигнуть точнаго соблюденія турками аккерманской конвенціи и возвращенія Греціи къ счастливому и спокойному существованію черезъ приведеніе въ исполненіе протокола 23-го марта (4-го апрѣля).»

Гласная инструкція заключалась слѣдующими словами: «Мы изложили здѣсь нашу политическую систему относительно Порты. Мы указали на причины и цѣль ея, какъ если бы рѣчь шла о томъ, чтобы въ самомъ кабинетѣ императора разсмотрѣть и установить наилучшія основанія, которыя мы должны были бы принять въ сношеніяхъ нашихъ съ Оттоманскою имперіей. Система эта соотвѣтствуетъ нашимъ правамъ и интересамъ, но она не менѣе того соотвѣтствуетъ и благу Европы, ибо доказываетъ, что въ отношеніи къ константинопольскому дивану мы одушевлены самыми охранительными намѣреніями. Мы не можемъ отвѣчать за событія, сокрытыя въ будущемъ, но мы далеки отъ мысли вызывать тѣ изъ нихъ, которыя могли бы видоизмѣнить положеніе Востока, и лишь съ цѣлью ихъ предотвращенія настаиваемъ на нашихъ желаніяхъ и усиліяхъ, для скораго прекращенія раздирающихъ его смутъ»[1]).

Слова эти не были пылью, пущенною въ глаза европейской дипломатіи. Они выражали дѣйствительные виды императорскаго кабинета. Доказательствомъ тому служитъ, что изложенныя въ гласной инструкціи Рибопьеру начала провозглашались и во второй довѣрительной инструкціи, сопровождавшей первую, «непреложными истинами, въ которыхъ намъ слѣдуетъ постоянно убѣждать прочія державы и которыми сами мы должны проникнуться». Мы совершенно искренно не желали паденія Оттоманской имперіи, хотя и находили, что оно можетъ быть причинено, какъ продолженіемъ греческаго возстанія, такъ и крупными внутренними преобразованіями султана Махмуда, задумавшаго передѣлать государственныя учрежденія Турціи на западно-европейскій ладъ. Вотъ почему посланнику нашему

[1]) Графъ Нессельроде Рибопьеру, 11 (23) января 1827.

въ Константинополѣ было предписано зорко слѣдить за всѣми признаками, предвѣщающими катастрофу, дабы «заблаговременно предоставить императору возможность принять свои мѣры и дѣйствовать съ вліяніемъ, подобающимъ достоинству и потребностямъ Россіи, на политическія комбинаціи, которыя замѣнили бы царство полумѣсяца» [1]).

При тѣхъ признакахъ разложенія, которые тогда уже представляла Турція, естественно было желаніе императора Николая не быть застигнутымъ врасплохъ ея паденіемъ. Но предвидя возможность и даже вѣроятную близость этого событія, онъ очевидно не думалъ ни вызывать, ни ускорять его. Политика его, какъ видно изъ приведенныхъ выше дипломатическихъ документовъ, была единственно направлена къ осуществленію аккерманской конвенціи и къ умиротворенію Востока на началахъ петербургскаго протокола.

Улаженіе нашихъ несогласій съ Портой не представляло особыхъ затрудненій. Напуганная не на шутку, она видимо заискивала въ насъ. Далеко не такъ гладко шло приведеніе въ исполненіе англо-русскаго соглашенія. Король прусскій одинъ выразилъ свое сочувствіе его цѣлямъ, въ дружескомъ письмѣ къ императору Николаю [2]). Первое впечатлѣніе, произведенное протоколомъ на французскій дворъ было неблагопріятно, и лишь мало-по-малу удалось графу Поццо-ди-Борго [3]) склонить его къ болѣе справедливой оцѣнкѣ намѣреній Россіи и Англіи [4]). Всѣхъ враждебнѣе относился къ уговору 23-го марта (4-го апрѣля) князь Меттернихъ, въ разговорахъ своихъ и перепискѣ, прибѣгавшій къ самымъ страстнымъ выраженіямъ, чтобы то заклеймить его, то осмѣять [5]). Обнадеженная австрійскимъ канцлеромъ, Порта выражала непреклонную рѣшимость отвергнуть въ греческомъ дѣлѣ всякое посредничество европейскихъ державъ. Прежде однако, чѣмъ, офиціально предложить его въ Константинополѣ, кабинетамъ нашему и лондонскому предстояло условиться по многимъ вопросамъ, возбужденнымъ,

---

[1]) Графъ Нессельроде Рибопьеру, довѣрительно, отъ того же числа.

[2]) Графъ Лебцельтернъ князю Меттерниху, 26 мая (7 іюня) 1826.

[3]) Поццо-ди-Борго возведенъ въ графское достоинство въ день коронаціи императора Николая, 22 августа (3 сентября) 1826. Въ тотъ же день, графу Ливену пожалованъ титулъ свѣтлѣйшаго князя.

[4]) Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, 27 іюля (8 августа) 1826.

[5]) Татищевъ графу Нессельроде, 5 (17) мая 1826.

но не разрѣшеннымъ въ протоколѣ. Переговоры объ этомъ замедлились, потому что въ теченіе лѣта 1826 года, вниманіе Каннинга было поглощено важными событіями, происходившими на Перинейскомъ полуостровѣ и близко затрогивавшими интересы Англіи; мы же, со своей стороны, выжидали исхода аккерманскихъ совѣщаній. Между тѣмъ, въ Греціи, дѣла принимали крайне опасный для христіанъ оборотъ. Вспомогательное египетское войско въ началѣ года высадилось въ Мореѣ и опустошало огнемъ и мечомъ этотъ несчастный полуостровъ. Миссолонги, послѣдній оплотъ возстанія на материкѣ, палъ послѣ геройской одиннадцатимѣсячной защиты. «Останется ли еще кого спасать изъ грековъ?» спрашивалъ князь Меттернихъ, съ возмущающимъ душу злорадствомъ [1]. Событія эти побудили временное греческое правительство отступиться отъ притязанія на полную независимость и заявить англійскому послу въ Константинополѣ, что оно согласно примириться съ султаномъ, на условіяхъ, сходныхъ съ основаніями протокола: признаніи надъ собою верховной власти падишаха и обязательствѣ платить ему дань [2].

Къ осени, Россія и Англія пришли къ окончательному между собою соглашенію. Рѣшено было, что тотчасъ по прибытіи Рибопьера въ Константинополь, онъ условится со Стратфордомъ Каннингомъ относительно сообщенія Портѣ протокола 23-го марта (4-го апрѣля), съ приглашеніемъ приступить къ нему и заключить съ греками перемиріе; что въ случаѣ отказа Порты, оба дипломата, подъ условіемъ согласія и прочихъ великихъ державъ на эту мѣру, пригрозятъ туркамъ отъѣздомъ изъ Константинополя и сближеніемъ союзныхъ дворовъ съ Греціей; что если по истеченіи назначеннаго срока Порта не уступитъ, то угроза эта будетъ дѣйствительно приведена въ исполненіе [3].

Всѣ эти мѣры были предложены Англіей и вполнѣ одобрены императорскимъ кабинетомъ. Но, спрашивалъ онъ, какъ слѣдуетъ поступить въ томъ случаѣ, если онѣ окажутся недостаточными, и Порта останется при своемъ упорствѣ? Безъ сомнѣнія, разсуждалъ графъ Нессельроде, рѣшившись на пре-

---

[1]) Князь Меттернихъ барону Отенфельсу, 7 (19) мая 1826.

[2]) Временное греческое правительство Стратфорду Каннингу, 17 (29) апрѣля 1826.

[3]) Князь Ливенъ Каннингу, 7 (19) ноября 1826.

рваніе дипломатическихъ сношеній съ Турціей, Англія сама заинтересована въ томъ, чтобы столь крутая мѣра не осталась безплодною. Но во сколько разъ будетъ тогда затруднительнѣе положеніе Россіи? Ей придется поступиться всѣми результатами, добытыми аккерманскою конвенціей, которая возвратила ей прежнее вліяніе въ Константинополѣ, признала границы ея на кавказскомъ берегу Чернаго моря, подтвердила права и преимущества покровительствуемыхъ ею христіанскихъ областей Турціи, оградила отъ произвола торговлю ея на всемъ пространствѣ турецкихъ земель и морей. Въ случаѣ разрыва турки конечно поспѣшатъ взять назадъ всѣ сдѣланныя въ Аккерманѣ уступки, и если, не смотря на эту жертву, Россія не достигнетъ умиротворенія Греціи, то каково будетъ положеніе императорскаго кабинета? «Вы соблаговолите, князь,» обращался Нессельроде къ Ливену, «дружески представить г. Каннингу, что государь ни въ какомъ случаѣ не поставитъ себя въ такое положеніе; что онъ взялся за греческій вопросъ съ твердымъ намѣреніемъ разрѣшить его.» Слѣдовало перечисленіе предлагаемыхъ нами дополнительныхъ мѣръ понужденія Порты: отправленіе консульскихъ агентовъ въ Грецію; содѣйствіе ихъ къ устройству этой страны на началахъ петербургскаго протокола, къ водворенію въ ней порядка и къ установленію авторитетнаго правительства; наконецъ, недопущеніе въ Грецію вспомогательныхъ войскъ паши египетскаго, посредствомъ соглашенія между эскадрами всѣхъ великихъ державъ въ Архипелагѣ. Нашему послу предоставлялось обсудить каждую изъ этихъ мѣръ съ Каннингомъ, въ особенности послѣднюю, какъ наиболѣе легкую и дѣйствительную. «Нынѣшнія рѣчи великобританскаго министерства,» заключалъ графъ Нессельроде, «достаточно доказываютъ, что вы умѣете приводить его постепенно къ цѣли желаній императора, и его величество приглашаетъ васъ ничѣмъ не пренебрегать для того, чтобъ убѣдить г. Каннинга, что если греческія дѣла вызовутъ разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Портой, то слѣдуетъ предвидѣть тотъ случай, когда рѣшеніе это не доведетъ насъ до цѣли, и въ предвидѣніи его условиться, какъ мы уже сказали, о дальнѣйшихъ мѣрахъ дѣйствительныхъ и совмѣстныхъ [1]).»

---

[1]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 15 (27) сентября 1826.

*

Каннингъ долго медлилъ отвѣтомъ на это сообщеніе [1]), наконецъ, въ письмѣ на имя князя Ливена, рѣшился заявить, что великобританское правительство хотя и придаетъ важное значеніе соучастію прочихъ дворовъ, но не ставитъ исполненіе постановленій протокола въ зависимость отъ ихъ согласія или отказа, и готово въ крайнемъ случаѣ вести сообща съ одною Россіей «это дѣло примиренія и мира», считая взаимною обязанностью обоихъ кабинетовъ не щадить усилій для приведенія его къ удовлетворительному исходу [2]).

Дворы русскій и англійскій совмѣстно пригласили правительства австрійское, французское и прусское приступить къ петербургскому протоколу и принять участіе въ предположенныхъ ими мѣрахъ для приведенія его въ исполненіе [3]). Меттернихъ затянулъ опять старую пѣсню о непоколебимыхъ принципахъ императора Франца, недозволяющихъ-де ему прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ противъ султана, въ борьбѣ послѣдняго со своими возставшими подданными. Пруссія отклонила предложеніе Россіи и Англіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что восточныя дѣла мало ея касаются и что лишь единогласіе великихъ державъ могло бы побудить ее приступить къ такого рода соглашенію. Одна Франція не только нашла основанія петербургскаго протокола отвѣчающими чувствамъ и потребностямъ Европы, но и предложила превратить его въ торжественный договоръ между всѣми великими державами.

Французское предложеніе послужило новымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. Мы поспѣшили принять его и, въ свою очередь, предложили уполномочить представителей державъ при лондонскомъ дворѣ, чтобъ они приступили къ совѣщаніямъ о заключеніи трактата. Но мы считали полезнымъ не ограничиваться въ немъ повтореніемъ условій петербургскаго протокола, а занести въ него и мѣры необходимыя для приведенія этихъ условій въ исполненіе. Тѣ изъ мѣръ, которыя уже были рѣшены между нами и Англіей и одобрены Франціей, мы считали недостаточными. Мы сомнѣвались, чтобы

---

[1]) Князь Ливенъ графу Нессельроде, 15 (27) ноября 1826.

[2]) Каннингъ князю Ливену, 8 (20) ноября 1826.

[3]) Татищевъ и Веллеслей князю Меттерниху, 16 (28) ноября, графъ Поццо ди-Борго и лордъ Гранвилль барону Дамасу, того же числа, и Алопеусъ и Темпль графу Бернсторфу, 27 ноября (9 декабря) 1826.

Порта уступила предъ одною угрозой признанія державами независимости Греціи или даже отозванія представителей ихъ изъ Константинополя. Мы изведали на опыте, что, подобно прочимъ народамъ Востока, турки склонны къ уступкамъ лишь въ виду опасности близкой и неотразимой, а потому и не сомневались, что европейскимъ дворамъ придется прибегнуть къ мерамъ более действительнымъ, которыя следовало обсудить и решить заблаговременно. По нашему убежденію, и Европа, и Россія, имели на то полное право, ибо продолженіе смутъ на Востоке вредно отзывалось на ихъ существенныхъ интересахъ. Намъ конечно легко было бы включить умиротвореніе Греціи въ число требованій, предъявленныхъ въ Аккермане, но мы предпочли сохранить делу его европейскій характеръ и подкрепить наше право настаивать на мире общимъ правомъ всехъ великихъ державъ.

Соображенія эти были развиты въ пространной депеше къ послу нашему въ Лондоне. Князю Ливену предписывалось предложить, на тотъ конецъ, еслибъ условленныя меры оказались недостаточными, целый рядъ другихъ меръ, более энергичныхъ и разсчитанныхъ на то, чтобы сломить упрямство Порты. И те, и другія, должны были следовать въ такой постепенности: сначала угроза, въ случае отказа, сблизиться съ Греціей и отправить туда политическихъ агентовъ великихъ державъ; затемъ отозваніе европейскихъ представителей изъ Константинополя; если и это средство не подействуетъ, то отправленіе въ греческія воды эскадръ всехъ державъ, подписавшихъ договоръ, съ приказаніемъ воспрепятствовать прибытію въ Грецію и въ Архипелагъ всякой помощи людьми или оружіемъ и судовъ турецкихъ и египетскихъ; наконецъ, въ крайнемъ случае, взаимное обещаніе стремиться къ достиженію общей цели путемъ иныхъ меръ, еще более действительныхъ, о которыхъ договаривающіяся стороны должны условиться ныне же, и подъ которыми очевидно разумелись военныя действія [1]).

Императоръ Николай искренно желалъ установленія европейскаго соглашенія, которое казалось ему самымъ действительнымъ средствомъ для возстановленія мира и порядка на Востоке. Не смотря на странную враждебность, обнаруженную

---

[1]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 9 (21) января 1827.

княземъ Миттернихомъ въ отношеніи къ возставшимъ грекамъ, на коварство и двоедушіе его политики относительно насъ самихъ, государь не отчаявался въ возможности привлечь и вѣнскій дворъ къ участію въ общемъ дѣлѣ. Въ обращеніяхъ нашихъ къ Австріи не было и тѣни упрековъ или горечи. Мы старались доказать, что отстаиваемая ею мѣра: дарованіе султаномъ независимаго управленія Греціи по собственному почину, минуя посредничество великихъ державъ, осуждена опытомъ, и что условія петербургскаго протокола и истекающія изъ нихъ мѣры понужденія представляютъ единственное разумное основаніе для скораго и прочнаго умиротворенія этой страны. Въ доказательство отсутствія въ насъ своекорыстныхъ побужденій, мы ссылались на статью протокола, исключавшую всякіе виды на земельное приращеніе, на пріобрѣтеніе исключительнаго политическаго вліянія или торговыхъ выгодъ. Стремясь къ водворенію спокойствія на Востокѣ, утверждали мы, мы преслѣдуемъ ту же самую священную цѣль, которая положена была въ основу великаго охранительнаго союза европейскихъ государствъ [1]).

Но какъ ни сильно было желаніе императора Николая достигнуть по греческому дѣлу соглашенія со всѣми своими союзниками и выразить его въ торжественномъ съ ними договорѣ, онъ не допускалъ мысли о заключеніи послѣдняго на началахъ, которыя противорѣчили бы пользамъ или достоинству Россіи. Французскій кабинетъ, слѣдуя тайнымъ внушеніямъ князя Меттерниха, возбудилъ, въ словесномъ объясненіи съ послами русскимъ и англійскимъ, вопросъ о любимой мечтѣ австрійскаго канцлера и предложилъ включить въ договоръ статью о ручательствѣ великихъ державъ за цѣлость и независимость Турціи, якобы «для успокоенія извѣстнаго двора», то-есть вѣнскаго. Лордъ Гранвилль предупредилъ графа Поццо-ди-Борго заявленіемъ, что Англія столь же мало расположена согласиться на это условіе, какъ и Россія [2]). Въ довѣрительномъ наставленіи князю Ливену, графъ Нессельроде, со своей стороны, подтвердилъ этотъ взглядъ и пригласивъ посла «не допускать никакой гарантіи подобнаго рода, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ», воспользовался случа-

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 10 (22) января 1827.
[2]) Stapleton: *Canning and his time*, III, стр. 486.

емъ, чтобы снова самымъ недвусмысленнымъ образомъ опредѣлить «особенное» положеніе Россіи, относительно Турціи. «Оттоманская имперія,» писалъ онъ, «не поименована въ заключительномъ актѣ вѣнскаго конгресса, а также въ послѣдующихъ договорахъ, завершившихъ опредѣленіе поземельнаго владѣнія различныхъ европейскихъ государствъ. Наконецъ, древнее и неизмѣнное правило нашей политики—не допускать, чтобы между нами и турками установлено было такого рода вмѣшательство иностранныхъ дворовъ, которое оправдывалось бы подобнымъ ручательствомъ, ибо, въ этомъ случаѣ, оно неизбѣжно повторялось бы при каждомъ малѣйшемъ несогласіи между петербургскимъ кабинетомъ и Портой. Вслѣдствіе нашего географическаго положенія на югѣ, а также положенія Босфора, служащаго какъ бы ключемъ къ нему, преобладающее вліяніе въ Константинополѣ, составляетъ одну изъ нашихъ потребностей. Мы требуемъ и сумѣемъ удержать его въ Турціи, какъ удерживаетъ Англія вліяніе свое въ Португаліи. Не подлежитъ сомнѣнію, что аккерманская конвенція, сопровождавшій ее урокъ дивану, права, ею намъ обезпеченныя, умиротвореніе Греціи, истекающая изъ него безопасность нашихъ торговыхъ сношеній, вполнѣ насъ удовлетворяютъ, а потому, нѣтъ такого интереса, который побуждалъ бы насъ ускорить паденіе Оттоманской имперіи и намъ быть-можетъ легче пользоваться надъ турками, чѣмъ надъ всякимъ другимъ государствомъ, тѣмъ обаяніемъ, о которомъ мы только-что упоминали. Но между отсутствіемъ интереса и формальнымъ обязательствомъ существуетъ значительная разница. Развѣ могутъ договоры воспрепятствовать совершиться подобному событію? Не видимъ ли мы, что Оттоманская имперія доведена до такой степени слабости, что въ теченіе пяти лѣтъ безуспѣшно борется съ горстью возставшихъ христіанъ, и еслибъ одинъ изъ сосѣдей ея не оказалъ ей помощи, то потерпѣла бы въ этой неравной борьбѣ самыя постыдныя пораженія? Не видимъ ли, что государь этой имперіи пытается совершить въ ней преобразованія, расшатывающія ея основы, разрушающія ея прежнія силы и несозидающія силъ новыхъ, грозящія вызвать ужасную революцію? И въ такое время, когда столько признаковъ возвѣщаютъ прогрессивный упадокъ турецкой власти въ Европѣ, мы должны принять на себя обязательство сохранить ее? При самомъ поверхностномъ взглядѣ на этотъ проектъ,

нельзя не признать, что мы не можемъ приступить къ нему и что онъ не только не въ состояніи упрочить всеобщій миръ, но вскорѣ подвергнулъ бы этотъ миръ дѣйствительнымъ опасностямъ, налагая на насъ обязательство, которое съ минуты на минуту можетъ стать неисполнимымъ [1]).»

Отказываясь отъ ручательства за цѣлость Оттоманской имперіи, мы тѣмъ охотнѣе готовы были принять на себя гарантію того устройства Греціи, которое было бы достигнуто для нея соединенными усиліями союзныхъ дворовъ. Франція настаивала на томъ, чтобы гарантія эта была дана всѣми договаривающимися сторонами, не исключая и Англіи; Великобританскій же кабинетъ не находилъ возможнымъ, строго слѣдуя преданіямъ своеобразной политики своей, взять на себя подобное обязательство. Чтобы разрѣшить это затрудненіе, мы предоставляли Франціи либо вмѣстѣ съ нами гарантировать новое устройство Греціи, либо, по примѣру Англіи, если она находитъ это болѣе выгоднымъ, уклониться отъ гарантіи. Въ послѣднемъ случаѣ мы принимали на себя единоличное ручательство и не колеблясь признавали всѣ истекающія изъ него для насъ послѣдствія [2]).

Князь Меттернихъ, казалось, для того только и разрѣшилъ австрійскому послу въ Лондонѣ принять участіе въ совѣщаніяхъ, имѣвшихъ цѣлью заключеніе трактата по греческому вопросу, чтобы затормозить ходъ переговоровъ и тѣмъ временемъ посѣять взаимное недовѣріе, смуту и раздоръ между прочими участниками [3]). Онъ началъ съ того, что старался озадачить дворы петербургскій и лондонскій вопросами о границахъ будущей Греціи, вопросами о томъ, какъ отнеслись бы дворы къ личному почину султана въ дарованіи грекамъ требуемыхъ ими правъ, и имѣютъ ли они достаточныя основанія къ объявленію войны Портѣ въ случаѣ отказа ея принять посредничество союзниковъ, а также, въ какомъ порядкѣ предложатъ они ей свое посредничество? [4]). Тѣмъ временемъ, онъ выставлялъ на видъ императорскому кабинету революціонныя стремленія Каннинга, Франціи—своекорыстныя цѣли англій-

---

[1]) Графъ Нессельроде князю Ливену, довѣрительно, 9 (21) января 1827.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 13 (25) марта 1827.

[4]) Князь Меттернихъ Татищеву и Веллеслею, 28 ноября (10 декабря) 1826.

ской политики на Востокѣ, англійскимъ министрамъ—мнимые честолюбивые замыслы Россіи, которымъ эти министры будто бы служатъ безсознательными орудіями, наконецъ Портѣ—необходимость предупредить европейское посредничество непосредственною сдѣлкой съ возставшими [1]). Всѣ эти происки не привели къ ожидаемому результату и вызвали лишь циркуляръ русскаго двора, который открыто и гласно заявилъ, что императоръ Николай придаетъ важное значеніе и высокую цѣну соглашенію своему съ великобританскимъ правительствомъ и твердо рѣшился осуществить начала, изложенныя въ петербургскомъ протоколѣ [2]). Сообщеніе этой бумаги привело австрійскаго канцлера въ такую ярость, что онъ тотчасъ же отмѣнилъ разрѣшеніе, данное австрійскому послу принимать участіе въ происходившихъ въ Лондонѣ переговорахъ [3]). Такъ какъ Пруссія не рѣшалась оставить Австрію въ одиночествѣ и рабски слѣдовала ея примѣру, то представители Россіи, Англіи и Франціи одни подписали договоръ, опредѣлявшій вмѣшательство трезъ союзныхъ державъ въ дѣло умиротворенія Востока.

Лондонскій трактатъ выражалъ рѣшимость договаривающихся сторонъ положить конецъ кровопролитной борьбѣ и анархіи, свирѣпствовавшимъ въ Греціи, и упомянувъ объ обращеніи грековъ къ посредничеству, какъ Англіи, такъ и Франціи [4]), повторялъ всѣ статьи петербургскаго протокола. Условіе о гарантіи выражено было такъ, что поручатся за актъ умиротворенія тѣ изъ союзныхъ дворовъ, которые признаютъ это полезнымъ или возможнымъ. Мѣры, условленныя для приведенія въ дѣйствіе договора, были намѣчены въ отдѣльной тайной статьѣ и въ подробности изложены въ присоединенныхъ къ трактату общихъ наставленіяхъ представителямъ трехъ державъ въ Константинополѣ и адмираламъ, начальствующимъ ихъ эскадрами въ Архипелагѣ. Первымъ предписыва-

---

[1]) О тайныхъ попыткахъ Меттерниха перессорить между собою державы см. Gerwinus, *Geschichte des XIX Jahrhunderts*, VI, 2 Theil, стр. 300—304 и 309—317.

[2]) Графъ Нессельроде представителямъ Россіи при дворахъ великихъ державъ, 21 апрѣля (3 мая) 1827.

[3]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 14 (26) мая 1827.

[4]) Замѣчательно, что греки, просившіе о посредничествѣ дворы лондонскій парижскій, не обращались къ намъ съ тою же просьбою. Это отчасти зависѣло и отъ того, что мы не имѣли съ ними прямыхъ сношеній, съ 1821 года не держали консульскихъ агентовъ въ Греціи, а эскадра наша лишь лѣтомъ 1827 года вышла изъ Кронштадта, направляясь въ Архипелагъ.

лось предъявить Портѣ въ совокупной нотѣ предложеніе посредничества и перемирія, и потребовать отвѣта въ мѣсячный срокъ, сокращенный впослѣдствіи до двухъ недѣль; по истеченіи этого времени, въ случаѣ неуспѣха, сообщить ей мѣры, къ которымъ прибѣгнутъ союзники для установленія перемирія, соблюдая при томъ и мирныя отношенія свои къ Турціи. Объ обоихъ сообщеніяхъ послы имѣли поставить въ извѣстность адмираловъ. Въ инструкціяхъ послѣднимъ, имъ поручалось, одновременно съ первымъ обращеніемъ къ Портѣ пригласить и греческія власти, чтобъ онѣ заключили перемиріе, а въ случаѣ отказа султана на требованія державъ,—вступить въ дружественныя сношенія съ греками и принять мѣры, дабы прекратить плаваніе въ Архипелагѣ турецкихъ и египетскихъ военныхъ судовъ и перевозку на нихъ войска или оружія. Адмиралы должны были тщательно избѣгать враждебныхъ дѣйствій противъ турокъ, за исключеніемъ того случая, когда тѣ сами прибѣгли бы къ силѣ для возстановленія прерванныхъ своихъ сообщеній. Въ случаяхъ непредвидѣнныхъ адмираламъ предоставлялось дѣйствовать по усмотрѣнію [1]).

Между тѣмъ, ободренные заступничествомъ трехъ великихъ державъ, греки отступились отъ первоначально выраженнаго ими согласія на признаніе верховной власти султана и на уплату ему дани, и народное собраніе въ Трезенѣ снова провозгласило полную независимость. То же собраніе выработало конституцію, на началахъ народнаго самодержавія, гражданской и политической свободы. Къ счастію, оно же выбрало конституціоннымъ президентомъ Греціи на семилѣтній срокъ графа Іоанна Каподистрію.

Со времени удаленія своего отъ дѣлъ, бывшій министръ Александра I проживалъ въ Женевѣ, содѣйствуя всѣми силами распространенію въ Европѣ сочувствія къ дѣлу своихъ соотечественниковъ и успѣху денежныхъ сборовъ въ ихъ пользу. Уже въ концѣ 1826 года онъ прислалъ императору Николаю пространную записку о своей служебной дѣятельности въ Россіи, съ цѣлью оправдаться отъ наркапій бывшихъ политическихъ противниковъ, и во главѣ ихъ князя Меттерниха, непереставшихъ обвинять его въ злоупотреб-

[1]) Лондонскій договоръ 27 іюня (6 іюля) 1827 и приложенныя къ нему четыре инструкціи: двѣ представителямъ трехъ державъ въ Константинополѣ и двѣ адмираламъ.

леніи довѣріемъ покойнаго государя, въ революціонныхъ стремленіяхъ и происках[1]). Лѣтомъ слѣдующаго года, Каподистріа самъ прибылъ въ Петербургъ. Тамъ получилъ онъ извѣстіе о своемъ избраніи. Онъ принялъ предложенное ему званіе, подъ условіемъ, что греки дадутъ ему обширныя полномочія, необходимыя для успѣшнаго выполненія предстоявшей ему трудной задачи. Въ письмѣ къ императору Николаю, онъ обязался заставить ихъ безпрекословно подчиниться условіямъ лондонскаго договора, какъ выраженію воли трехъ союзныхъ дворовъ[2]).

Признанный Греціей, въ лицѣ ея президента, трактатъ былъ отвергнутъ Портой. Уже на сообщеніе ей представителями Россіи и Англіи петербургскаго протокола, она отвѣчала протестомъ, отрицавшимъ право вмѣшательства европейскихъ державъ въ ея расправу съ мятежными подданными[3]). Совокупную ноту пословъ русскаго, великобританскаго и французскаго, съ извѣщеніемъ о заключеніи лондонскаго договора и съ предложеніемъ посредничества и перемирія, рейсъ-эффенди даже отказался принять, и она была оставлена драгоманами посольствъ у него на диванѣ[4]). Не получая на нее отвѣта, послы черезъ двѣ недѣли вторично обратились къ Портѣ съ нотой, въ коей объявили, что союзные дворы рѣшились прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыя, не нарушая дружественныхъ отношеній ихъ къ турецкому правительству, имѣютъ цѣлью осуществить на дѣлѣ желаемое ими перемиріе[5]). И эту ноту пришлось оставить на диванѣ у рейсъ-эфенди.

Внезапная смерть Каннинга едва не дала дѣлу совершенно неожиданнаго оборота въ противную сторону. Слабому преемнику его, лорду Годричу, показалось, что англійское правительство слишкомъ далеко зашло по пути соглашенія съ Россіей. Онъ искалъ сближенія съ Австріей и готовъ былъ по-

---

[1]) Записка графа Каподистріи хранится въ государственномъ архивѣ и издана Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ III томѣ его *Сборника*, стр. 163—297. Она помѣчена 12 (24) декабря 1826 года, годовщиной рожденія императора Александра I.

[2]) Графъ Каподистріа императору Николаю, 3 (15) іюля 1827.

[3]) Порта представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, 28 мая (9 іюня) 1827.

[4]) Рибопьеръ, Стратфордъ Каннингъ и графъ Гильомино Портѣ, 4 (16) августа 1827.

[5]) Они же Портѣ, 19 (31) августа 1827.

слать Стратфорду Каннингу новыя инструкціи, въ которыхъ послу поручалось сдѣлать, отдѣльно отъ товарищей, попытку склонить Порту къ уступчивости, намекнувъ ей, что какъ только она приметъ условія лондонскаго договора, Англія и Франція охотно возьмутъ на себя защиту ея противъ честолюбивыхъ замысловъ Россіи. Такъ по крайней мѣрѣ писалъ изъ Лондона князь Эстергази князю Меттерниху [1]). Минута эта показалась австрійскому канцлеру благопріятною, чтобы снова выступить впередъ. Онъ внушилъ Портѣ мысль обратиться къ вѣнскому двору съ просьбой о принятіи на себя посредничества между ею и тремя союзными державами [2]). Великій визирь не замедлилъ написать къ нему письмо въ этомъ смыслѣ [3]). Но громъ наваринскихъ пушекъ мгновенно разсѣялъ зловѣщія тучи, угрожавшія Греціи, и далъ дѣлу ея освобожденія могучій и рѣшительный толчекъ.

Турецко-египетскій флотъ былъ сожженъ и уничтоженъ союзными эскадрами русскою, англійскою и французскою, 8-го (20-го) октября, но лишь десять дней спустя извѣстіе о томъ достигло Константинополя. Оно привело европейскихъ дипломатовъ въ смущеніе, султана въ бѣшенство, мусульманское населеніе Стамбула въ ярость. Порта надменно потребовала отъ представителей трехъ державъ не только вознагражденія за истребленный флотъ и удовлетворенія за нанесенное ей оскорбленіе, но и торжественнаго обѣщанія отказаться впредь отъ всякаго вмѣшательства въ греческое дѣло. Въ отвѣтѣ своемъ послы повторили твердую рѣшимость союзныхъ дворовъ, во что бы то ни стало достигнуть умиротворенія Греціи, средствами, указанными въ лондонскомъ договорѣ, присовокупивъ, что Порта не имѣетъ права ни на вознагражденіе, ни на удовлетвореніе, такъ какъ дознано, что нападеніе произведено со стороны ея флота [4]). При личномъ свиданіи съ рейсъ-эфенди они окончательно убѣдились, что султанъ никогда добровольно не допуститъ вмѣшательства державъ въ устройство Греціи на желаемыхъ Европой основаніяхъ. Все,

---

[1]) Князь Эстергази князю Меттерниху, 18 (30) октября 1827.

[2]) Князь Меттернихъ барону Оттенфельсу, 21 сентября (3 октября) 1827.

[3]) Великій визирь Мегметъ-Селимъ-паша князю Меттерниху, 12 (24) октября 1827.

[4]) Рибопьеръ, Стратфордъ Каннингъ и графъ Гильомино Портѣ, 29 октября (10 ноября) 1827.

что Махмудъ соглашался сдѣлать въ пользу грековъ, было обѣщаніе сложить съ нихъ поголовную подать за истекшія шесть лѣтъ и не взыскивать военныхъ издержекъ, а также освободить ихъ ото всякихъ повинностей на одинъ годъ со дня изъявленія ими полной покорности. Послы объявили, что не могутъ удовольствоваться столь незначительными уступками, и что продолженіе пребыванія ихъ въ Константинополѣ зависитъ отъ трехъ условій: чтобы были возобновлены прежнія дипломатическія сношенія между тремя посольствами и Портой, чтобы было отправлено къ войскамъ приказаніе о немедленномъ установленіи перемирія на сушѣ и на морѣ, и чтобы Порта офиціально заявила, что какъ только греки представятъ султану составленное въ приличныхъ выраженіяхъ прошеніе, имъ будутъ дарованы права и преимущества, обозначенныя въ лондонскомъ трактатѣ. Не предвидя, однако, согласія турецкаго правительства на эти условія, послы просили о выдачѣ имъ фирмановъ съ дозволеніемъ выѣзда изъ столицы [1]). Дѣйствительно, собранный султаномъ чрезвычайный диванъ единогласно отвергъ всѣ требованія трехъ представителей, и въ послѣднихъ числахъ ноября они оставили Константинополь.

Такимъ образомъ совершился разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіей, Англіей и Франціей, съ одной стороны, и Турціей—съ другой. Результатъ этотъ былъ достигнутъ благодаря непреклонной твердости императора Николая. Онъ настоялъ на замѣнѣ измышленныхъ западными державами робкихъ и нерѣшительныхъ мѣръ отправкой въ Архипелагъ трехъ союзныхъ эскадръ. Въ Петербургѣ остались чрезвычайно довольны энергіей, проявленною начальниками послѣднихъ. «Что скажетъ нашъ другъ Меттернихъ объ этомъ полномъ торжествѣ?» спрашивалъ графъ Нессельроде Татищева въ письмѣ къ нему, и тутъ же замѣчалъ, что вообще было бы не худо, если бы министры, завѣдывающіе иностранными дѣлами, уступили свое мѣсто адмираламъ, доказавшимъ, что они умѣютъ разрѣшать затрудненія [2]).

Но тройственному союзу угрожала новая опасность. Къ

---

¹) Инструкція Рибопьера, Стратфорда Каннинга и графа Гильомино драгоманамъ трехъ посольствъ, 20 ноября (2 декабря) 1827.

²) Татищевъ не преминулъ показать это письмо Меттерниху. См. донесеніе послѣдняго императору Францу, 27 ноября (9 декабря) 1827.

концу года, въ Парижѣ и въ Лондонѣ состоялись перемѣны министерствъ. Французскій кризисъ произошелъ въ нашу пользу, ибо враждебный намъ Виллель долженъ былъ уступить мѣсто Мартиньяку, въ кабинетѣ котораго постъ министра иностранныхъ дѣлъ занялъ графъ Лаферонне, долго бывшій посломъ въ Петербургѣ и искренній сторонникъ самаго тѣснаго сближенія между Франціей и Россіей. Иное значеніе имѣла замѣна лорда Годрича герцогомъ Веллингтономъ. Министръ этотъ, подписью коего былъ скрѣпленъ петербургскій протоколъ, давно разошелся съ Каннингомъ во взглядахъ на степень пользы, извлекаемой Англіей изъ русскаго союза, и незадолго до заключенія лондонскаго договора вышелъ изъ предсѣдаемаго имъ кабинета. Связанный съ Меттернихомъ давнею дружбой, Веллингтонъ открыто выражалъ порицаніе политикѣ Каннинга въ восточныхъ дѣлахъ, но, ставъ самъ во главѣ правительства, скоро пришелъ къ убѣжденію въ необходимости признать обязательную силу трактата, заключеннаго его предшественникомъ. Старанія его были направлены къ тому, чтобы привлечь къ этому договору дворы вѣнскій и берлинскій и обобщивъ его, тѣмъ самымъ ослабить союзную связь между Великобританіей и Россіей; но они разбились объ упрямство австрійскаго канцлера, нежелавшаго участвовать въ соглашеніи, въ которомъ роль руководителя принадлежала не ему.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Портой исчерпывалъ мѣры, условленныя между тремя союзными дворами, а между тѣмъ, цѣль ихъ далеко еще не была достигнута. Въ виду того, что честь и интересы союзниковъ одинаково требовали не оставлять недовершеннымъ начатаго дѣла, императорскій кабинетъ выступилъ на лондонской конференціи съ предложеніемъ новыхъ понудительныхъ мѣръ противъ Порты. Въ депешѣ князю Ливену, графъ Нессельроде указывалъ на то обстоятельство, что отказъ Россіи отъ преслѣдованія предположенной цѣли подорвалъ бы вліяніе ея въ Константинополѣ. Стѣснительныя мѣры, принятыя Портой противъ русскаго судоходства, тотчасъ по оставленіи нашимъ посланникомъ турецкой столицы, даютъ-де намъ достаточное право прибѣгнуть къ находящимся въ нашемъ распоряженіи средствамъ противъ турокъ. Но государь, подписавъ договоръ со своими союзниками, не намѣренъ отклоняться отъ провозгла-

шенныхъ въ немъ началъ. Первое изъ нихъ—отреченіе союзныхъ дворовъ отъ завоеваній и всякихъ исключительныхъ преимуществъ, какъ торговыхъ, такъ и политическихъ. Его величество готовъ подтвердить это обязательство, если нужно, въ формѣ отдѣльнаго дополнительнаго трактата. Въ рѣшеніи этомъ онъ полагаетъ прямой интересъ Россіи, непредвидящей для себя ни малѣйшей пользы отъ разрушенія Оттоманской имперіи. Даже въ случаѣ ея паденія, императоръ не намѣренъ расширять на ея счетъ своихъ владѣній, разумѣется если и всѣ прочіе дворы будутъ придерживаться того же правила. При соблюденіи этихъ условій, нетрудно будетъ прійти ко всеобщему соглашенію. Таковъ нашъ отвѣтъ на газетныя разглагольствія о гигантскихъ замыслахъ русской политики, о стремленіи ея разрушить царство полумѣсяца и овладѣть Константинополемъ. Залогъ нашей умѣренности—наши истинные интересы и торжественныя обѣщанія. Могутъ ли союзники наши не довѣрять намъ?

«Но,» продолжалъ Нессельроде, «на насъ кромѣ того лежитъ обязанность обсудить съ ними новыя понудительныя мѣры противъ Порты, послѣ того какъ прежде условленныя оказались недѣйствительными. Мы предлагали слѣдующія рѣшенія. Русскія войска займутъ Дунайскія Княжества и останутся въ нихъ, пока Порта не подчинится условіямъ лондонскаго договора. Занятіе состоится отъ имени трехъ союзныхъ державъ, которыя объявятъ, что занятыя области будутъ немедленно возвращены Портѣ, какъ только цѣль занятія будетъ достигнута. Въ манифестѣ, предшествующемъ вступленію русскихъ войскъ въ Княжества, три двора изложатъ причины, побудившія ихъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, снова заявятъ свои безкорыстныя намѣренія и обѣщаютъ соблюдать миръ въ прочихъ частяхъ Европы, уважая поземельное распредѣленіе владѣній, установленное актами 1814, 1815 и 1818 годовъ. Въ то же время, союзные флоты будутъ защищать отъ нападеній территорію будущей Греціи. По нашему мнѣнію, было бы еще лучше, еслибъ эскадрамъ въ Архипелагѣ отдано было приказаніе содѣйствовать скорѣйшему очищенію Пелопонеза отъ египетскихъ войскъ, посредствомъ появленія въ значительныхъ силахъ предъ Александріей, бомбардированія занятыхъ египтянами мѣстностей въ Мореѣ, наконецъ вступленія въ Дарданеллы съ тѣмъ, чтобы подъ стѣнами Констан-

тинополя предписать миръ султану. Въ такомъ случаѣ, мы не остановимъ движенія нашей арміи въ Княжествахъ, но предпишемъ адмиралу графу Гейдену принять съ нашею средиземною эскадрой участіе во всѣхъ помянутыхъ дѣйствіяхъ и поддержимъ ихъ соотвѣтствующими движеніями нашего черноморскаго флота. Союзные дворы предъявятъ Портѣ общій ультиматумъ, въ которомъ повторятъ всѣ свои требованія, объявятъ установленныя ими границы будущаго греческаго государства, предупредятъ, что все пространство его, не исключая крѣпостей, должно быть очищено отъ турецко-египетскихъ войскъ, настоятъ на немедленномъ отозваніи Ибрагима-паши и его арміи изъ Пелопоннеза, наконецъ пригласятъ Порту отправить на одинъ изъ острововъ Архипелага уполномоченныхъ для вступленія въ переговоры съ представителями трехъ державъ и съ делегатами греческаго правительства, относительно всѣхъ частностей умиротворенія Востока. Для принятія ультиматума будетъ назначенъ Портѣ восьмидневный срокъ, по истеченіи коего безъ удовлетворительнаго съ ея стороны отвѣта, русскія войска въ Княжествахъ и союзныя эскадры въ Архипелагѣ начнутъ вышеизложенныя военныя дѣйствія.»

Независимо отъ этого плана, мы обращали вниманіе нашихъ союзниковъ па необходимость оказать графу Каподистріи содѣйствіе къ установленію въ Греціи спокойствія и законнаго порядка. Съ этою цѣлью союзнымъ дворамъ слѣдовало либо назначить греческому правительству ежемѣсячную субсидію, либо помочь ему въ заключеніи займа въ два милліона фунтовъ стерлинговъ, ручательство за который Россія соглашалась принять на себя, въ размѣрѣ одной трети. Но этого мало. Державы должны условиться съ греками насчетъ мѣръ для снабженія провіантомъ греческихъ крѣпостей и скорѣйшаго очищенія Пелопоннеза египтянами; уполномочить при графѣ Каподистріи консульскихъ агентовъ, а также отправить бывшихъ представителей своихъ въ Константинополѣ на одинъ изъ архипелажскихъ острововъ и водворить тамъ прежнюю константинопольскую конференцію. На обязанности ея будетъ лежать убѣжденіе грековъ въ необходимости положить конецъ раздорамъ и анархіи, господствовавшимъ между ними, и осуществленіе въ Греціи постановленій лондонскаго договора. По соглашенію съ графомъ Каподистріей, пользующимся

полнымъ довѣріемъ союзныхъ правительствъ, представители ихъ займутся опредѣленіемъ греческихъ границъ, порядка выдачи грекамъ субсидій и заключенія ими займа, правительственныхъ учрежденій законодательныхъ, исполнительныхъ и судебныхъ, военныхъ силъ, дани и слѣдующаго туркамъ вознагражденія, торговыхъ преимуществъ грековъ, формы ручательства трехъ державъ за будущее устройство Греціи. Они же установятъ сообща съ адмиралами военныя мѣры ко скорѣйшему освобожденію Мореи.

Наконецъ, мы рѣшительно отвергали всякое постороннее вмѣшательство въ распри тройственнаго союза съ Портой [1]).

Предложенныя нами мѣры пришлись по сердцу новому французскому министерству. Оно не только выразило на нихъ согласіе, но и обязалось поддержать ихъ предъ англійскимъ правительствомъ. Не такъ отнеслось къ нашему сообщенію министерство Веллингтона. Изъ отвѣта его мы могли убѣдиться, что времена Каннинга прошли, и что глава торіевъ озабоченъ согласованіемъ истекавшихъ изъ лондонскаго договора союзныхъ обязательствъ съ возвращеніемъ къ традиціонной политикѣ Англіи въ отношеніи къ Оттоманской имперіи. Отвергнувъ наши предложенія, герцогъ противопоставилъ имъ рядъ мѣръ совершенно иного свойства. Онъ доказывалъ, что цѣлью іюльскаго трактата было водвореніе мира на Востокѣ, а не возбужденіе новой войны; что приведеніе въ исполненіе его условій слѣдуетъ ограничить Греціей, подъ которою должно разумѣть лишь Пелопоннезъ и нѣсколько острововъ Архипелага; что задача союзныхъ эскадръ—возстановить спокойствіе въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, и что съ удаленіемъ египтянъ изъ Мореи цѣль союза будетъ достигнута. Но дѣло это будетъ непрочно, пока султанъ не утвердитъ его своимъ согласіемъ. Лондонскій дворъ полагалъ, что необходимо повліять на Порту привлеченіемъ къ лондонскому договору Австріи и Пруссіи и устраненіемъ изъ него неопредѣленностей, возбуждающихъ въ туркахъ справедливыя опасенія. Слѣдуетъ, поэтому, точно установить границы Греціи, размѣръ слѣдующихъ съ нея дани и вознагражденія за турецкія имущества, право надзора Порты за сношеніями ея съ иностранными дер-

[1]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 25 декабря 1827 (6 января 1828).

жавами [1]). Разладъ между англійскими стремленіями и началами восточной политики императорскаго кабинета обнаруживался полный. Но событія шли быстрѣе дипломатическихъ пререканій. Еще прежде врученія нашему послу отвѣтной ноты великобританскаго министерства, происшествія въ Константинополѣ видоизмѣнили положеніе Россіи относительно Турціи, поставивъ обѣ державы лицомъ къ лицу, въ положеніе историческихъ противниковъ, представителей двухъ противоположныхъ началъ, между которыми борьба являлась неизбѣжною.

Вслѣдъ за оставленіемъ Константинополя представителями трехъ державъ, Порта начала принимать мѣры, стѣснительныя для нашей черноморской торговли, полная свобода которой была обезпечена трактатами. Суда подъ русскимъ флагомъ задерживались въ Босфорѣ и принуждались продавать свои грузы турецкому правительству по установленной имъ цѣнѣ. Не менѣе произвольныя мѣры были приняты и противъ русскихъ подданныхъ проживающихъ въ Турціи. Имъ составлялись списки, и замышлялась поголовная ихъ высылка изъ оттоманскихъ предѣловъ. Наконецъ, въ началѣ декабря, собраннымъ въ столицѣ областнымъ начальникамъ былъ розданъ манифестъ, приглашавшій мусульманъ къ священной борьбѣ съ невѣрными. То былъ обвинительный актъ, направленный преимущественно противъ Россіи. Въ немъ провозглашался естественный антагонизмъ мусульманства въ отношеніи къ прочимъ исповѣданіямъ, Россія же выставлялась заклятымъ врагомъ Оттоманской имперіи и всего народа мусульманскаго. Ей приписывалось возбужденіе грековъ къ возстанію и намѣреніе ниспровергнуть турецкую державу. Благодаря ея же интригамъ, Англія и Франція также-де приняли сторону мятежныхъ христіанъ. Въ предъявленныхъ тремя союзными дворами требованіяхъ въ пользу Греціи, Порта проникла тайную цѣль ихъ «простереть руку свою на всѣ обитаемыя греками области Оттоманской имперіи, мало-по-малу поставить раію на мѣсто мусульманъ, мусульманъ на мѣсто раіи, обратить мечети въ церкви, зазвонить въ колокола, словомъ, лишить народъ Ислама всего его достоянія и уничтожить». Убѣдясь въ этихъ замыслахъ чужеземцевъ, Порта предвидѣла, что

---

[1]) Лордъ Дудлей князю Ливену, 23 февраля (6 марта) 1828.

рано или поздно ей-де придется взяться за оружіе, но дабы не нарушать покоя мусульманъ и выиграть время, необходимое для вооруженій, она рѣшилась вступить въ переговоры. Не взирая на то, что предъявленныя Россіей въ Аккерманѣ «чудовищныя» требованія относительно Сербіи и вознагражденій за убытки были неисполнимы, Порта приняла ихъ, тѣмъ болѣе, что они не подлежали немедленному исполненію. За-то всѣ прочія условія аккерманской конвенціи были исполнены. Но русскіе, опасаясь производимыхъ въ турецкой арміи преобразованій, успѣли-де уговорить англичанъ и французовъ, чтобъ они силой поддержали заявленныя ими притязанія, и эскадры трехъ державъ предательски напали на расположенный въ наваринской гавани турецко-египетскій флотъ и сожгли его. Слѣдовалъ разсказъ о дальнѣйшемъ ходѣ переговоровъ, веденныхъ Портой для выигрыша времени и приведшихъ къ отъѣзду представителей трехъ дворовъ изъ Константинополя. Заключеніе составлялъ страстный призывъ мусульманъ къ оружію: «Война эта не будетъ, подобно предшествовавшимъ войнамъ, политическою борьбой изъ-за областей и границъ; цѣль невѣрныхъ, нами разоблаченная, не иная какъ стереть Исламъ съ лица земли и попрать ногами народъ мусульманскій. Намъ предстоитъ сражаться за вѣру и народное наше существованіе. Нужно, чтобы всѣ, сколько насъ ни есть, богатые и бѣдные, большіе и малые, взирали на эту борьбу какъ на священный долгъ [1]).»

Чаша долготерпѣнія императора Николая переполнилась. Если до того онъ медлилъ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, необходимость которыхъ сознавалъ давно, то единственно въ надеждѣ, что мѣры эти будутъ приняты сообща съ нимъ и его союзниками. Но въ виду вызова, дерзко брошеннаго Портой намъ въ лицо, его не могли болѣе удерживать дипломатическія соображенія. Допустить безнаказанное нарушеніе правъ нашихъ, «купленныхъ русскою кровью и признанныхъ договорами», значило бы «забыть нашу славу и самые дорогіе интересы наши». Честь государя и благо государства одинаково требовали перейти наконецъ отъ словъ къ дѣлу.

Рѣшено было привести въ исполненіе тѣ самыя мѣры, ко-

---

[1]) Баянъ-неме султана аянамъ (областнымъ начальникамъ), 8 (20) декабря 1827.

торыя были предположены въ 1826 году, на случай если бы Порта не согласилась на требованія, предъявленныя ей въ Аккерманѣ. Русскія войска получили приказаніе вступить въ Дунайскія Княжества и занять ихъ. Распоряженіе это было заблаговременно сообщено союзнымъ дворамъ. Мы предпосылали ему декларацію, въ которой торжественно заявляли, что не угрожаемъ мусульманской вѣрѣ и не замышляемъ разрушенія Оттоманской имперіи. Россія настолько могущественна, что не нуждается въ земельныхъ приращеніяхъ, не хочетъ завоеваній. Она слишкомъ дорожитъ всеобщимъ миромъ, чтобы подвергать его опасности честолюбивыми замыслами и не отступится отъ умѣренности, отличающей ея политику. «Но,» присовокуплялъ графъ Нессельроде въ депешѣ къ князю Ливену, «она не положитъ оружія, пока не достигнетъ для своихъ интересовъ необходимаго обезпеченія, для своей торговли—нужной ей свободы и безопасности, для покровительствуемыхъ ею христіанскихъ народовъ — всѣхъ обѣщанныхъ преимуществъ, для самой себя—вознагражденія, на которое дадутъ ей несомнѣнное право убытки ея подданныхъ и расходы по предстоящей войнѣ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Николай не скрылъ отъ союзныхъ дворовъ, что̀ во всемъ, что касается нарушенныхъ Портою правъ нашихъ, онъ не измѣнитъ и даже не замедлитъ исполненія принятыхъ имъ рѣшеній. Но въ дѣлѣ исполненія постановленій іюльскаго трактата онъ остается при прежнихъ своихъ предположеніяхъ. Угодно будетъ дворамъ принять ихъ, и Россія станетъ продолжать дѣйствовать съ ними сообща; въ противномъ случаѣ, она все же настоитъ на признаніи Портой условій этого договора, но, приводя его въ исполненіе, будетъ соображаться лишь съ собственными пользами и нуждами [1]).

Незадолго до открытія военныхъ дѣйствій, императоръ Николай имѣлъ случай откровенно высказаться о побужденіяхъ своихъ и намѣреніяхъ, въ бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ. Упорный отказъ Порты принять предложенное посредничество государь приписалъ отсутствію единодушія между европейскими державами, выразившемуся въ неприступленіи Австріи и Пруссіи къ лондонскому трактату. Онъ осудилъ недавнее предложеніе князя Меттерниха признать полную независимость Гре-

[1]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 14 (26) февраля 1828.

ціи, какъ противорѣчащее основнымъ началамъ, которыя всегда исповѣдывалъ вѣнскій дворъ, хотя и прибавилъ, что самъ онъ ничего не имѣетъ противъ такого разрѣшенія вопроса, если только Англія и Франція изъявятъ на него свое согласіе [1]). Упомянувъ о приписываемыхъ ему европейскою молвою завоевательныхъ замыслахъ и сопоставивъ миролюбіе свое съ вызывающими дѣйствіями Порты, сдѣлавшими войну неизбѣжною, императоръ продолжалъ: «Какъ только противники мои отдадутъ мнѣ справедливость, я буду готовъ выслушать отъ нихъ слова мира и примиренія. Я не скрываю отъ себя неудобствъ и опасностей начинаемаго мною предпріятія, но они не заставятъ меня отступить предъ моимъ долгомъ. Я искренно буду сожалѣть, если недоступныя человѣческимъ разсчетамъ обстоятельства доведутъ Порту до края пропасти. Надѣюсь, что ужасная катастрофа эта не совершится. Я стану во главѣ моей арміи, чтобы во всякое время быть готовымъ принять сообщенія султана, съ которыми онъ захочетъ, быть можетъ, обратиться ко мнѣ, когда увидитъ, что рѣшеніе мое безповоротно, и чтобъ имѣть возможность остановить движеніе войскъ моихъ, когда это мнѣ покажется нужнымъ. Я буду вести войну не по-турецки. Если Порта дѣйствительно намѣрена удовлетворить мои требованія, то я приму ея предложенія, каждый разъ, какъ она захочетъ мнѣ ихъ представить. Впрочемъ, никакое препятствіе не заставитъ меня отказаться отъ моего предпріятія, хотя бы оно и имѣло послѣдствіемъ паденіе Оттоманской имперіи. Это было бы конечно новымъ несчастіемъ, гибельнымъ усложненіемъ, ибо я не предвижу никакого средства возстановить зданіе, въ случаѣ еслибъ оно разрушилось. Но и это соображеніе, какъ оно ни важно, не можетъ остановить меня. Я обязанъ предъ Россіею доставить ей то, что

[1]) Предложеніе провозгласить возставшихъ грековъ независимыми отъ Порты было впервые сдѣлано Меттернихомъ на петербургскихъ совѣщаніяхъ 1824 года, съ очевидною цѣлью посѣять раздоръ между державами, принимавшими въ нихъ участіе. Онъ возобновилъ его въ 1828 году, предъ самымъ началомъ войны, въ надеждѣ, если не предотвратить, то по крайней мѣрѣ отдалить ее этимъ отчаяннымъ средствомъ. Гервинусъ (*Geschichte des XIX Jahrhunderts*, VI, ч. 2, стр. 390) называетъ этотъ шагъ австрійскаго канцлера «превосходящимъ все, что довелось испытать до того отъ акробатическаго искусства австрійской дипломатіи». Сентъ-джемскій кабинетъ рѣшительно отвергъ эту мѣру. См. князь Меттернихъ князю Эстергази, 3 (15) и князь Эстергази князю Меттерниху, 16 (28) марта 1828.

признано за нею договорами; я долженъ ясно и положительно опредѣлить права, отъ которыхъ она не можетъ отказаться. Путь мой начертанъ. Я буду слѣдовать ему съ постоянствомъ и твердостью, и если Богъ придетъ мнѣ на помощь и благословитъ мое оружіе, то я получу возможность доказать Европѣ, что отнюдь не намѣренъ дѣлать завоеваній, и умѣю довольствоваться своимъ положеніемъ, каково оно есть.» Въ концѣ разговора, государь озадачилъ своего собесѣдника прямо поставленнымъ вопросомъ: какъ поступитъ Австрія въ случаѣ распаденія турецкаго царства? Разумѣется австрійскій дипломатъ отдѣлался уклончивымъ отвѣтомъ [1]).

2-го (14-го) апрѣля 1828 года изданъ былъ высочайшій манифестъ объ объявленіи войны Россіей Турціи, и въ тотъ же день войска второй арміи, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна, перешли Прутъ. Манифестъ сопровождала декларація императорскаго кабинета, излагавшая событія, предшествовавшія войнѣ, и причины, ее вызвавшія. Такихъ причинъ исчислено было пять, а именно: задержаніе судовъ подъ русскимъ флагомъ, препятствія, чинимыя имъ при проходѣ чрезъ Босфоръ, задержаніе ихъ грузовъ, принудительная продажа послѣднихъ, наконецъ насильственная высылка русскихъ подданныхъ и торговцевъ изъ предѣловъ Оттоманской имперіи. Упоминалось и о проискахъ Порты въ Персіи съ цѣлью возбудить эту державу противъ насъ. Совершенно пройдена молчаніемъ лишь самая важная и единственная настоящая причина войны: нравственный долгъ нашъ прійти на помощь единовѣрному намъ народу греческому, изнемогавшему въ неравной борьбѣ съ вѣковыми его притѣснителями [2]). Не только о ней не было помина въ оффиціальныхъ документахъ, но въ циркулярѣ, разосланномъ всѣмъ нашимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, мы старательно выставляли на видъ, что въ воззваніяхъ нашего главнокомандующаго къ жителямъ Дунайскихъ Княжествъ «мы не подавали имъ никакихъ надеждъ; что ни одно слово въ нихъ не обличало намѣреній, которыхъ сама Порта не могла и не должна была бы одобрить, и что вся наша заботливость

---

[1]) Графъ Зичи князю Меттерниху, 12 (24) апрѣля 1828.

[2]) Высочайшій манифестъ и декларація императорскаго кабинета съ объяснительными къ ней замѣчаніями 2 (14) апрѣля 1828.

посвящена сохраненію спокойствія въ Сербіи, не смотря на враждебныя мѣры, принятыя диваномъ, вѣчно неосторожнымъ и слѣпымъ относительно этой области» [1]. Тѣмъ не менѣе, какъ друзья, такъ и враги наши; прекрасно понимали, что русскій царь не извлекъ бы меча своего изъ ноженъ, если бы не имѣлъ въ виду великой и священной цѣли: освобожденія восточныхъ христіанъ, цѣли, завѣщанной ему державными предками, живо сознаваемой и чувствуемой его народомъ и выражающей призваніе Россіи во всемірной исторіи.

Для достиженія этой цѣли приведены были въ движеніе силы, далеко съ нею несоразмѣрныя. Армія, вступившая въ Дунайскія Княжества, состояла изъ трехъ корпусовъ, при 420 полевыхъ и 48 осадныхъ орудіяхъ, всего въ составѣ 106,000 человѣкъ. За Кавказомъ, дѣйствующія части наши были несравненно малочисленнѣе. Военные начальники указывали на совершенную недостаточность нашихъ войскъ для успѣшнаго осуществленія плана кампаніи, но надъ доводами ихъ одержало верхъ мнѣніе графа Нессельроде, настаивавшаго на возможно меньшихъ вооруженіяхъ, чтобы при заключеніи мира не пришлось требовать отъ Порты вознагражденія за военные расходы, несоразмѣрнаго съ ея средствами. Даже князя Меттерниха удивила такая заботливость объ интересахъ Турціи русскаго вице-канцлера, который, по его выраженію, «былъ бережливъ за счетъ турокъ» [2].

Войска наши не встрѣтили сопротивленія въ Молдавіи и Валахіи и заняли ихъ безъ выстрѣла. 26-го мая (7-го іюня), при Сатуновѣ, состоялся въ высочайшемъ присутствіи переходъ черезъ Дунай. Турецкія крѣпости на обоихъ берегахъ рѣки капитулировали одна за другою. Такимъ образомъ, сдались Мачинъ, Исачка, Браиловъ, Гирсово, Тульча и Кюстендже.

[1]) Циркуляръ графа Нессельроде представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ 2 (14) апрѣля 1828.

[2]) Объ этомъ обстоятельствѣ Меттернихъ упоминаетъ въ письмѣ князю Эстергази, отъ 5 (17) октября 1828 года, со словъ принца Вильгельма прусскаго, прибывшаго въ Вѣну прямо изъ Петербурга. Оно совпадаетъ съ разсказомъ біографа графа Киселева, Заблоцкаго-Десятовскаго, въ книгѣ его: *Графъ П. Д. Киселевъ и его время*, I, стр. 273. Вообще, военные этой эпохи не были расположены къ графу Нессельроде, передъ самымъ началомъ турецкой войны (22 марта [3 апрѣля] 1828 года возведенному въ званіе вице-канцлера имперіи. П. Д. Киселевъ писалъ къ А. А. Закревскому отъ 22 января (3 февраля) 1828: «Нессельроде удаляетъ истину для сохраненія мѣста своего».

Въ шесть недѣль мы овладѣли шестью крѣпостями, вооруженными 800 орудіями, и въ Кюстендже армія вступила въ связь съ черноморскимъ нашимъ флотомъ. Одна Силистрія оказывала упорное сопротивленіе. Главныя силы наши подступили къ Шумлѣ, гдѣ засѣлъ великій визирь со своею арміей; отдѣльный отрядъ предпринялъ осаду Варны. При численной нашей слабости намъ нельзя было ни напасть на Шумлу, ни даже обложить ее, а потому все тамъ ограничивалось отраженіемъ турецкихъ нападеній. Варна сдалась самому государю, и этотъ блестящій успѣхъ завершилъ кампанію. Два корпуса расположились на зимнихъ квартирахъ подъ Варной; остальныя же войска, снявъ осаду съ Силистріи, возвратились за Дунай.

Въ Азіи, подвиги русскихъ войскъ были еще изумительнѣе. Въ самомъ началѣ войны, князь Меншиковъ съ дессантнымъ отрядомъ покорилъ Анапу. Графъ Паскевичъ-Эриванскій съ горстью храбрецовъ, неуспѣвшихъ еще отдохнуть послѣ славнаго, но утомительнаго персидскаго похода, смѣло вторгся въ турецкіе предѣлы и взялъ приступомъ Карсъ, Ахалкалаки и Ахалцыхъ. Между тѣмъ, на правомъ его флангѣ, генералъ Гессе овладѣлъ Поти, а на лѣвомъ, князь Чавчавадзе—Баязедомъ и Топракале.

Если принять во вниманіе малочисленность нашихъ дѣйствовавшихъ силъ, то нельзя не признать побѣдоносными оба похода какъ за Дунаемъ, такъ и въ особенности въ Закавказьѣ. Но недоброжелатели наши въ западной Европѣ, воспользовались снятіемъ осады съ Силистріи и перенесеніемъ главной квартиры дунайской арміи въ Яссы, чтобы протрубить о полномъ нашемъ неуспѣхѣ и объ отраженіи турками нашего нападенія. Меттернихъ спѣшилъ воспользоваться этими слухами, усердно распространяемыми имъ и его агентами, чтобы, подъ видомъ посредничества, возбудить противъ насъ коалицію всѣхъ великихъ державъ. По его совѣту, Порта начала громко заявлять о желаніи своемъ, чтобы будущій миръ ея съ Россіей былъ заключенъ не иначе, какъ за ручательствомъ Европы. Императорскій кабинетъ обнаруживалъ, напротивъ, самое миролюбивое расположеніе. Онъ далъ знать Портѣ, чрезъ посредство датскаго посланника въ Константинополѣ, что въ случаѣ желанія ея вступить въ переговоры о мирѣ, можетъ быть даже заключено перемиріе. Самыя условія

мира были составлены и довѣрительно сообщены нашимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ. Въ отвѣтъ на нихъ раздался снова твердый и мужественный голосъ графа Поццо-ди-Борго, предостерегавшій вице-канцлера отъ всякаго проявленія робости или слабости.

«Новая кампанія,» писалъ онъ ему, «начала которой такъ страшатся наши противники и завистники нашего величія, сдѣлалась необходимою и неизбѣжною. Ея требуютъ достоинство, честь и пользы государя и государства.» Если до войны, доказывалъ посолъ, могли еще сомнѣваться въ ея необходимости, то нынѣ всѣ увѣрены въ ней. Мы испытали силы турокъ, въ самомъ началѣ ихъ новой военной организаціи, которой не имѣли въ виду, и если теперь уже султанъ могъ противопоставить намъ дѣятельное сопротивленіе, то во сколько разъ станетъ онъ сильнѣе, когда довершитъ свои преобразованія? Существуетъ и другая причина, вынуждающая насъ предпринять второй походъ противъ Турціи. Если мы нынѣ же обнародуемъ наши мирныя условія, то вся Европа возопитъ противъ нихъ, находя ихъ жестокими и несправедливыми. Наше требованіе срытія крѣпостей на правомъ берегу Дуная и на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта будетъ считаться направленнымъ противъ самаго существованія Оттоманской имперіи. Ему противопоставятъ обѣщанія наши и не захотятъ выслушивать нашихъ объясненій. Таковы были бы послѣдствія переговоровъ о мирѣ, начатыхъ въ настоящую минуту. «Подобное настроеніе Европы,» продолжалъ графъ, «естественный результатъ той европейской *амальгамы*, къ которой мы вынуждены были пріобщить спеціальную политику имперіи. Интересъ всѣхъ прочихъ—удержать насъ при ней, ибо имъ легче тогда затруднять наши дѣйствія. Нашъ же интересъ—стремиться незамѣтно высвободиться изъ-подъ нея силой обстоятельствъ, и если возможно, то не подавая вида, что мы хотимъ отъ нея отдѣлаться. Вѣрнѣйшимъ средствомъ достигнуть этой цѣли, необходимой для нашей независимости въ настоящемъ и будущемъ, и избѣжать безъ аффектаціи несвоевременныхъ переговоровъ, вызвать которые европейскіе дворы желали бы въ теченіе зимы, представляется готовность наша начать будущую кампанію съ такими приготовленіями и силами, которыя опрокинули бы все предъ собою.»

Посолъ выражалъ надежду, что такое предпріятіе намъ

подъ силу. Опытъ минувшей кампаніи послужитъ намъ въ пользу. Наученные имъ, мы уже не будемъ дѣлать испытаній, но вступимъ въ рѣшительный бой. Умѣренность наша послужила лишь къ тому, чтобъ ободрить непріятеля и подать австрійскому двору и англійскимъ газетамъ поводъ очернить клеветой самые великодушные поступки наши. Мы дозволимъ христіанамъ сражаться противъ своихъ притѣснителей и дадимъ разразиться надъ врагомъ бурѣ, имъ самимъ вызванной. Слѣдуетъ овладѣть остальными турецкими крѣпостями не для того только, чтобы развязать себѣ руки, но и для того, чтобъ обезпечить себя отъ нападенія со стороны Австріи. Съ той минуты, какъ мы утвердимся на Дунаѣ, ей нельзя будетъ спуститься въ Княжества, не имѣя точекъ опоры, и не она намъ, а мы будемъ угрожать ей. Придерживаясь этого плана, мы въ два мѣсяца можемъ поставить Оттоманскую имперію въ полную зависимость отъ воли государя. Тогда Европа начнетъ принуждать султана къ миру, потому что только миромъ можно будетъ спасти его. Единодушіе державъ проявится лишь въ этомъ случаѣ, оно невозможно въ виду враждебныхъ дѣйствій ихъ противъ Россіи. Тогда и мы будемъ въ состояніи показать нашу умѣренность, и имѣя возможность требовать больше, потребуемъ меньше. Цѣлью нашихъ усилій должно быть достиженіе именно такого перевѣса. «Онъ,» по выраженію графа, «сдѣлался нынѣ условіемъ нашего политическаго существованія, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы обязаны установить его и соблюсти въ глазахъ всего міра и въ нашихъ собственныхъ. Въ противникахъ нашихъ —и должно сознаться, что они у насъ есть—зародились иныя надежды; ихъ злонамѣренность взяла верхъ надъ обычнымъ ихъ притворствомъ. Намъ все извѣстно въ этомъ отношеніи. Намъ остается просто опровергнуть ихъ фактами, и мы можемъ это.»

Посолъ находилъ что слѣдуетъ сосредоточить всѣ наши силы на театрѣ войны, не заботясь о нападеніяхъ съ другихъ сторонъ. Одна Австрія можетъ атаковать насъ, но движенія ея предупредятъ насъ о томъ заблаговременно, и мы всегда можемъ такъ расположить нашу армію, чтобы сражаясь съ турками, она могла въ то же время угрожать и австрійцамъ. Выводы свои графъ выражалъ слѣдующими словами:

1. Результатъ минувшаго похода не достаточно рѣшителенъ, чтобы государь могъ вступить въ переговоры съ вѣроятностью

успѣха и даже не повредивъ политической цѣли, преслѣдуемой его величествомъ.

2. Второй походъ неизбѣженъ для пріобрѣтенія перевѣса, необходимаго для успѣха переговоровъ.

3. Когда начнутся эти переговоры, мы должны имѣть возможность предписать наши условія быстро и рѣшительно, такъ, чтобъ европейскія державы узнали, если возможно, объ ихъ заключеніи, одновременно съ ихъ началомъ.

4. Намѣреніе это должно соблюдаться въ тайнѣ, и намъ слѣдуетъ скрывать его подъ предлогами, которые не трудно пріискать и которые мы, по всей вѣроятности, найдемъ съ избыткомъ въ гордости султана.

5. Друзья и враги наши будутъ ожидать, каждый про себя, большого развитія нашихъ средствъ въ началѣ военныхъ дѣйствій, и впечатлѣніе произведенное, событіями этого втораго похода, повліяетъ на понятіе, которое составитъ себѣ Европа «о силахъ имперіи и о способностяхъ, управляющихъ ими, несравненно болѣе, чѣмъ во время перваго похода, по той причинѣ, что на первый походъ смотрѣли лишь какъ на попытку, тогда какъ слѣдующій почтется за nec plus ultra нашихъ нравственныхъ и вещественныхъ средствъ въ примѣненіи къ войнѣ, а потому, намъ предстоитъ начать его не теряя изъ виду всѣхъ этихъ истинъ и обязанностей».

Поццо-ди-Борго не ограничился такимъ смѣло и краснорѣчиво высказаннымъ взглядомъ на военную сторону вопроса. Онъ освѣтилъ его и дополнилъ соображеніями своими о тогдашнихъ отношеніяхъ къ Россіи великихъ державъ.

Обзоръ свой онъ началъ съ Франціи. «Личное расположеніе короля,» писалъ онъ, «заявленія и переписка, въ которыхъ онъ обнаружилъ ихъ императору; политика настоящаго министерства; отсутствіе интересовъ, діаметрально противоположныхъ интересамъ Россіи; неохота защищать интересы Англіи и Австріи и невозможность поддерживать ихъ, не ставя себя въ унизительную зависимость отъ этихъ дворовъ; увѣренность, что дворы эти не дадутъ никакого вознагражденія за жертвы, имъ принесенныя, и надежда, хотя и отдаленная, что въ случаѣ общей войны Россія выкажетъ болѣе снисхожденія,—все это даетъ намъ ручательство въ томъ, что Франція воздержится ото всякой коалиціи которую предложили бы ей противъ нашего августѣйшаго государя.» Лафероннe положительно за-

явилъ ему, что парижскій кабинетъ отвергнетъ безусловно всякое предложеніе Австріи въ этомъ смыслѣ, и тогда же далъ знать князю Меттерниху, что король никогда не присоединится къ какой бы то ни было совокупной мѣрѣ, направленной противъ русскаго императора, съ цѣлью побудить его заключить миръ или вообще вмѣшаться въ дѣла его. Но Франція прежде всего желаетъ мира и будетъ содѣйствовать всему, что только можетъ ему споспѣшествовать. Отсюда согласіе ея возобновить, вмѣстѣ съ Англіей, переговоры въ Константинополѣ по греческому дѣлу. Тѣмъ не менѣе, еслибъ у насъ произошелъ разрывъ съ Англіей, то Карлъ X, по мнѣнію посла, хотя и не рѣшился бы компрометтировать себя, но принялъ бы положеніе, наиболѣе для насъ благопріятное. Въ случаѣ же объявленія намъ войны Австріей, даже въ союзѣ съ Великобританіей, Франція охотно приняла бы въ ней участіе въ качествѣ нашей союзницы, въ особенности еслибъ и Пруссія оказалась на нашей сторонѣ. Предположеніе это зависитъ впрочемъ отъ степени прочности министерства Мартиньяка. Но никогда и ни подъ какимъ видомъ Франція не ополчится на Россію.

Объ Англіи графъ отозвался, что въ началѣ войны, великобританское правительство и общество трепетали за участь Оттоманской имперіи. Имъ грезилось паденіе ея, утвержденіе русскаго господства на Босфорѣ и Дарданеллахъ, русскій флотъ, проникающій чрезъ проливы эти въ Средиземное море и тамъ соединяющійся съ французскимъ противъ Англіи. Но исходъ минувшей кампаніи успокоилъ ихъ. Они рады оказанному турками сопротивленію, на которое не могли рѣшиться сами. Не опасаясь долѣе за существованіе Турціи, они не захотятъ вызвать всеобшей войны ради того или другаго изъ нашихъ мирныхъ условій. Они вѣроятно будутъ всѣми мѣрами стараться расположить какъ насъ, такъ и султана къ миру, и не пойдутъ далѣе въ случаѣ отказа Порты внять ихъ совѣтамъ или нашей рѣшимости начать вторую кампанію.

По поводу Австріи посолъ замѣтилъ, что отъ нея менѣе чѣмъ отъ кого-либо Россія могла ожидать враждебнаго къ себѣ расположенія. Александръ I и войска его такъ-сказать возстановили императора Франца на его престолѣ. Вѣнскій дворъ извлекъ неизмѣримыя выгоды изъ союза своего съ нами. Мы отдали во власть ему всю Италію; дозволили распростра-

нить австрійскія владѣнія въ Германіи и даже возвратили часть Польши. Со времени вѣнскаго конгресса не было границъ оказываемымъ нами ему услугамъ. Въ отплату за нихъ князь Меттернихъ въ греческомъ вопросѣ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, «парализовалъ самыя благородныя чувства и препятствовалъ ихъ проявленію, не обращая вниманія ни на затруднительность положенія Россіи, ни на ея интересы, постоянно злоупотребляя оказываемымъ ему довѣріемъ и давая обѣщанія съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить ихъ.» Когда Россія, Англія и Франція соединились для прекращенія кровопролитія, Австрія не только не приступила къ ихъ союзу, но, расточая имъ увѣренія въ сочувствіи, употребляла все свое вліяніе на Порту, чтобы побудить ее отвергнуть предложенія трехъ державъ. Къ рѣшенію государя объявить Турціи войну Меттернихъ отнесся, какъ къ возмущенію противъ его власти. Онъ старался соединить противъ насъ всѣ государства Европы, съ Англіей во главѣ, и встрѣтивъ во французскомъ министерствѣ сопротивленіе своимъ видамъ, сталъ возбуждать ему затрудненія, заигрывая съ бонапартистами и поддерживая оппозицію ультра-роялистовъ. Онъ же распространялъ самые извращенные слухи о нашихъ неудачахъ и потеряхъ въ минувшую кампанію. Замыслы его обширны. Онъ хочетъ запугать насъ своими вооруженіями, ослабить Францію, натравить на насъ Англію, соблазнить и удалить отъ насъ Пруссію. Но все это слишкомъ неопредѣленно, чтобы внушать намъ серіозныя опасенія, и какъ только начнется вторая кампанія, австрійскій канцлеръ очутится въ совершенномъ одиночествѣ. Тогда представится вопросъ: посмѣетъ онъ или нѣтъ одинъ напасть на Россію? Отвѣтъ можно основать лишь на предположеніяхъ, но такъ какъ не существуетъ иного правила, то слѣдуетъ остановиться на нихъ.

«Я не стану, графъ,» продолжалъ посолъ, обращаясь къ вице-канцлеру, «искать этого правила въ иностранныхъ комбинаціяхъ, но въ мѣрахъ и внутреннихъ средствахъ самой Россіи. Нашъ августѣйшій государь вступилъ на престолъ въ такое время когда она пользовалась большимъ уваженіемъ, и уваженіе это видимо возрасло со времени счастливаго его воцаренія. Самый темный и опасный заговоръ былъ прекращенъ его мужествомъ и наказанъ сообразно справедливости, умѣренной милосердіемъ и человѣколюбіемъ; турки принуждены

подписать аккерманскую конвенцію; Персія побѣждена и стала нашею данницей, вслѣдствіе собственныхъ вызововъ; Англія и Франція озабочены отысканіемъ мѣръ для прекращенія греческихъ смутъ, согласно видамъ его величества; князь Меттернихъ лишенъ всякихъ средствъ, за исключеніемъ интриги и злобы; наконецъ, Пруссія скрѣпила родственныя узы свои съ нами узами политическими. При такомъ положеніи дѣлъ и идей, предъ лицомъ всего міра, Государь былъ вынужденъ начать настоящую войну. Почти всѣ державы признали ея справедливость, и ни одна изъ нихъ не ожидала отъ нея ничего, кромѣ нашихъ успѣховъ. То была Русская имперія, послѣ двухъ лѣтъ наблюденія и приготовленій, воздвигавшаяся противъ турецкаго царства, ограниченнаго мусульманскимъ населеніемъ Европы. При этомъ видѣ всѣ заранѣе составили себѣ сужденіе, но, надо сознаться, оно не было оправдано событіями. Обстоятельство это разоблачило чувства всѣхъ по отношенію къ намъ. Взрывъ послѣдовалъ въ Вѣнѣ и оттуда болѣе или менѣе распространился повсюду. Но тѣ, кто судятъ спокойно, усматриваютъ въ недостаткѣ нашего успѣха причины второстепенныя и думаютъ, что онѣ не возобновятся въ предстоящую кампанію. Отсюда желаніе избѣжать ея и возстановить миръ, если Порта будетъ настолько благоразумна, чтобы просить о немъ, или Россія настолько потеряетъ мужество, чтобы согласиться на него на условіяхъ несовмѣстимыхъ съ ея достоинствомъ.»

При такихъ обстоятельствахъ, посолъ полагалъ, что важно не то, какъ поступитъ Меттернихъ, а какъ сами мы поступимъ, въ какомъ видѣ представимся ему. Стоитъ намъ показаться могучими, непреклонными и рѣшительными, готовыми излить на самую Австрію всѣ, безъ малѣйшаго изъятія, бѣдствія войны, которую она стремится возбудить, и Меттернихъ не предприметъ ничего, и даже, быть можетъ, посовѣтуетъ султану покориться нашей волѣ. Намъ незачѣмъ стараться угадать расположеніе его и всего австрійскаго общества; они достаточно выказали всю свою враждебность къ намъ. Лучшая наша гарантія противъ ихъ козней—мы сами.

«Въ нашей энергіи,» съ жаромъ убѣждалъ Поццо-ди-Борго, «въ силѣ, въ направленіи и въ послѣдовательности нашихъ рѣшеній и мѣропріятій, должны мы искать нашу безопасность. Патріотизма, положенія и средствъ имперіи достанетъ на все.

Вызовемъ же ихъ. Станемъ пользоваться ими въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ, и политика перестанетъ представлять намъ проблемы. Мы увидимъ, что и политика нашихъ враговъ сдѣлается столь же покладистою, сколько она нынѣ представляется надменною, ибо ей пріятно преувеличивать наши потери, унижать наши таланты, подрывать уваженіе къ нашимъ силамъ. Если мы покажемъ себя такими, какими должны и можемъ быть, то правительство и большинство во Франціи станутъ заискивать въ насъ, потому что захотятъ оградить свои интересы и принять участіе въ борьбѣ, въ случаѣ возбужденія ея Австріей и Англіей. Роль Пруссіи начертана заранѣе, и предметы ея честолюбія у нея подъ рукой. Россія не пострадаетъ отъ ея захватовъ, ей вольно будетъ совершить свои, если интересы ея того потребуютъ. Конечно, будетъ прискорбно видоизмѣнить такимъ образомъ status quo Европы, но вина и отвѣтственность падутъ на австрійскій кабинетъ, который хочетъ всѣмъ рисковать и все разстроить, лишь бы императоръ не могъ заключить мира, первою цѣлью котораго была бы честь его, а второю—перемѣны, немогущія произвести малѣйшаго измѣненія въ дѣйствительномъ равновѣсіи, установленномъ вѣнскимъ конгрессомъ.»

Пруссія, по предположенію графа, рада будетъ миру между Россіей и Турціей, но для достиженія его не сдѣлаетъ ничего, что могло бы быть намъ непріятно. Она не переставала обнаруживать искреннее къ намъ расположеніе, и возможность тѣснаго соглашенія между ею и нами служитъ Австріи уздой, Франціи—ободреніемъ. Задача наша—поддерживать эту дружбу и объяснить берлинскому двору, что если Австрія и Англія будутъ угрожать поземельному status quo Европы, замышляя нападеніе на Россію, то король прусскій найдетъ въ союзѣ съ нами такія выгоды, какихъ онъ отнюдь не можетъ ожидать отъ другихъ державъ. Не мѣшаетъ внушать ему также, что если Пруссія получитъ приращеніе, то нельзя требовать и отъ Франціи, чтобъ она сражалась безъ надежды на таковое же. Поццо-ди-Борго выражалъ искреннее желаніе, чтобы предвидимыя имъ комбинаціи не сдѣлались необходимыми. «Нужно было,» замѣчалъ онъ, «непонятное поведеніе князя Меттерниха, чтобы вынудить насъ искать въ столь великихъ перемѣнахъ средство разстроить общій союзъ, замышляемый имъ противъ Россіи. Когда вопросъ сводится къ естественной самозащитѣ,

всѣ средства не только позволительны, но и обязательны, въ силу высшаго долга: сохраненія и спасенія государства.»

Въ заключеніе, посолъ снова настаивалъ на необходимости второй кампаніи. Политика наша должна состоять въ томъ, чтобы въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ не случилось ничего, и намъ нетрудно будетъ этого достигнуть, потому что люди любятъ вообще выжидать; но пятый мѣсяцъ пусть будетъ богатъ событіями. Пусть начало похода изумитъ Европу блескомъ нашихъ успѣховъ. Нельзя ожидать большой пользы отъ угрожающихъ демонстрацій противъ Константинополя, но покореніе всѣхъ дунайскихъ крѣпостей произведетъ сильное впечатлѣніе, устрашитъ Австрію, откроетъ намъ путь внутрь Турціи и дастъ право потребовать срытія ихъ при заключеніи мира. «Сохраните, графъ, сохраните Варну», восклицалъ Поццо-ди-Борго, «это личный трофей государя», и пояснялъ, что опираясь на нее, флотъ нашъ можетъ безпокоить непріятеля вдоль всего побережья. На случай появленія англійскаго флота въ Черномъ морѣ, посолъ совѣтовалъ укрѣпить Севастополь. «Если когда-нибудь,» пророчески прибавлялъ онъ, «Англія вступитъ въ борьбу съ нами, то она поведетъ на этотъ пунктъ свое нападеніе, какъ только сочтетъ его возможнымъ [1]).»

Дѣйствительно, съ начала 1829 года, отношенія къ намъ англійскаго министерства становились все болѣе и болѣе подо-

---

[1]) Графъ Поццо-ди-Борго графу Нессельроде, 28 ноября (10 декабря) 1828. Я не могъ устоять противъ искушенія въ пространныхъ извлеченіяхъ познакомить современное русское общество съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ знаменитаго дипломата, русскаго, не смотря на свое иностранное имя и происхожденіе, по чуткости своей не только къ пользамъ и нуждамъ, но и къ славѣ, чести и достоинству Россіи. Такой правоспособный судья, какъ Ранке, говоритъ про депеши Поццо-ди-Борго, что онѣ могутъ служить образцомъ дипломатическаго искусства и что нельзя было себѣ и представить, чтобы современная дипломатія могла произвести что-либо столь совершенное (См. *Politisches Wochenblatt* 1837 года). Трудно вообразить себѣ болѣе поразительный констрастъ, чѣмъ тотъ, который представляютъ онѣ по сравненію со словообильными, но безцвѣтными писаніями дипломатическаго Молчалина, сорокъ лѣтъ управлявшаго внѣшними сношеніями Россіи. За любовь и преданность къ пріемному отечеству, за важныя оказанныя ему услуги, но въ особенности за истинно русское чувство, русскіе люди охотно простятъ Поццо-ди-Борго незнаніе имъ народнаго языка, въ чемъ онъ такъ чистосердечно и простодушно сознавался при вступленіи въ нашу службу. См. его записку, составленную въ 1804 году для графа Разумовскаго и напечатанную въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, III, стр. 158—163.

зрительными. Въ предшедшемъ году лишь твердый отказъ Франціи разстроилъ планъ герцога Веллингтона, задумавшаго, подъ предлогомъ, что Россія ведетъ войну съ Турціей, устранить ее отъ дальнѣйшаго участія въ исполненіи лондонскаго договора, и порѣшить всѣ истекавшіе изъ него вопросы помимо насъ, путемъ одного соглашенія съ парижскимъ кабинетомъ. Послѣ долгихъ пререканій, было наконецъ рѣшено, что въ водахъ Архипелага Россія на время откажется отъ пользованія правами воюющей стороны, что русская средиземная эскадра не будетъ производить военныхъ дѣйствій противъ турокъ, дѣйствуя заодно съ эскадрами французскою и англійскою «мирными средствами» [1]). Соотвѣтственно этому рѣшенію, бывшіе представители трехъ державъ въ Константинополѣ получили приказаніе соединиться вмѣстѣ, сначала въ Корфу, затѣмъ въ Поросѣ, и тамъ войти въ сношенія съ графомъ Каподистріей, уже вступившимъ въ управленіе страной, а также заняться опредѣленіемъ будущихъ границъ Греціи, размѣра дани и вознагражденія за турецкія имущества и другихъ подробностей, лишь въ общихъ чертахъ намѣченныхъ въ іюльскомъ трактатѣ. Французскій экспедиціонный корпусъ долженъ былъ очистить отъ египетскихъ войскъ Морею, которую, равно какъ и прилежащіе къ ней острова, союзные дворы приняли подъ свое «временное ручательство». Приглашеніе великимъ визиремъ англійскаго и французскаго пословъ возвратиться въ Константинополь, для возобновленія тамъ переговоровъ объ устройствѣ Греціи, было отклонено на томъ основаніи, что вести ихъ признавалось возможнымъ лишь при участіи русскаго представителя и подъ условіемъ предварительнаго принятія султаномъ посредничества трехъ державъ и исполненія ихъ требованія, объ установленіи немедленнаго перемирія въ Греціи [2]).

Уклоненію Англіи отъ началъ тройственнаго союза предшествовала частная перемѣна въ личномъ составѣ велико-

[1]) «Императоръ всероссійскій слагаетъ съ себя въ Средиземномъ морѣ званіе воюющей стороны», какъ выражался протоколъ лондонской конференціи 3 (15) іюня 1828. Ограниченіе это было впрочемъ отмѣнено, съ общаго согласія, въ засѣданіи конференціи 18 (30) сентября того же года, и вслѣдъ затѣмъ адмиралъ графъ Гейденъ объявилъ Дарданеллы въ состояніи блокады.

[2]) Протоколы лондонской конференціи 3 (15) іюня, 20 іюня (2 іюля), 7 (19) іюля, 12 (24) и 18 (30) сентября, 29 сентября (11 октября), 4 (16) ноября и 30 ноября (12 декабря) 1828 года, съ относящимися къ нимъ приложеніями.

британскаго министерства. Министры, представлявшіе преданія политики Каннинга, Гускисонъ, Дудлей, Пальмерстонъ, вышли изъ министерства и были замѣнены чистыми торіями. Мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ занялъ лордъ Абердинъ, извѣстный своимъ пристрастіемъ къ политической системѣ князя Меттерниха. Видоизмѣненный такимъ образомъ, сентъ-джемскій кабинетъ, заручившись предварительно согласіемъ парижскаго, предложилъ нашему двору уполномочить представителей Англіи и Франціи на возобновленіе переговоровъ съ Портой по греческому вопросу, безъ участія русскаго представителя, и на возстановленіе прерванныхъ дипломатическихъ сношеній съ султаномъ, якобы съ цѣлью побудить его къ скорѣйшему заключенію мира съ Россіей. Императорскому кабинету не могло быть пріятно возвращеніе въ Константинополь пословъ морскихъ державъ, въ то самое время, когда мы готовились нанести Портѣ новые удары, чтобы силой принудить ее къ миру, но онъ не счелъ возможнымъ отказать союзникамъ въ просимомъ полномочіи, поставивъ его въ зависимость отъ предварительнаго разрѣшенія на лондонской конференціи главныхъ основаній будущаго устройства Греціи. Въ особенности настаивали мы на необходимости установить въ этой странѣ образъ правленія, наиболѣе близкій къ монархическому, который обуздалъ бы существующія въ ней тайныя общества и уничтожилъ бы сѣмена революціи, встрѣчаемыя тамъ на каждомъ шагу. Сверхъ того, мы требовали, чтобы конференція постановила свое заключеніе по вопросамъ о границахъ Греціи, о размѣрѣ слѣдующей съ нея дани и вознагражденій мусульманскимъ собственникамъ земель, и о будущихъ отношеніяхъ ея къ Портѣ. Требованіе наше было удовлетворено. Не смотря на возраженія англійскаго уполномоченнаго, конференція признала сѣверною границей Греціи линію отъ залива Воло, въ Архипелагѣ, до Артскаго, въ Іоническомъ морѣ. Дань была опредѣлена въ полтора милліона турецкихъ піастровъ, право на вознагражденіе признано лишь за частными лицами. Подъ верховною властью султана долженъ былъ управлять Греціей христіанскій государь, съ наслѣдственною властью, по праву первородства. Первый выборъ его предоставлялся тремъ союзнымъ дворамъ, по соглашенію съ Портой, но союзники условились не выбирать его изъ числа членовъ царствующихъ домовъ русскаго, англійскаго или фран-

цузскаго. Наконецъ, провозглашалась всеобщая амнистія всѣмъ участникамъ возстанія и право добровольнаго выселенія грековъ изъ Турціи или въ нее. На этихъ основаніяхъ, послы англійскій и французскій имѣли, по возвращеніи въ Константинополь, вступить въ переговоры съ Портой, отъ имени трехъ союзныхъ державъ, потребовавъ прежде всего немедленнаго заключенія перемирія [1]).

Но перемиріе это установилось уже само собой. Не дожидаясь прибытія французскаго экспедиціоннаго отряда, Ибрагимъ-паша отплылъ со своимъ войскомъ изъ Мореи въ Египетъ. Малочисленные гарнизоны, оставленные имъ въ Модонѣ, Коронѣ, Наваринѣ и Патрасѣ, сдались французамъ; городъ Миссолонги, съ такимъ трудомъ за три года предъ тѣмъ отвоеванный турками, сдался непосредственно грекамъ. Въ теченіе лѣта 1829 года, турецкія войска добровольно очистили сѣверную Грецію и спѣшили отступить въ Ѳессалію, откуда они должны были направиться къ Адріанополю, чтобы принять участіе въ защитѣ его противъ русскихъ. Такимъ образомъ, перенесеніе нами военныхъ дѣйствій за Балканы было ближайшею причиной удаленія послѣднихъ вооруженныхъ мусульманъ изъ Эллады.

Не менѣе рѣшительное вліяніе имѣли наши побѣды на ходъ константинопольскихъ переговоровъ. По прибытіи въ турецкую столицу, послы англійскій Гордонъ, замѣнившій Стратфорда Каннинга, и прежній же французскій, графъ Гильомино, скоро убѣдились, что имъ нѣчего ожидать отъ уступчивости или благоразумія Порты. Въ оффиціальной нотѣ рейсъ-эфенди заявилъ имъ, что не можетъ быть и рѣчи объ исполненіи предъявленныхъ ими требованій. Жители Мореи, утверждалъ онъ, не что иное, какъ райя, подвластная Портѣ, и должны остаться таковою. Въ продолженіе вѣковъ, головы ихъ привыкли склоняться подъ ярмомъ, и дать этому народу положеніе, на которое онъ не имѣетъ ни права, ни способности, значило бы измѣнить порядокъ, установленный самимъ Богомъ. Законъ Магомета воспрещаетъ султану освобождать райю, а тѣмъ болѣе уступать ей крѣпости или земли, принадлежащія мусульманамъ. Порта не согласится на это никогда. Но изъ

[1]) Протоколъ лондонской конференціи 10 (22) марта 1829, со слѣдующими къ нему приложеніями.

уваженія къ предстательству за грековъ дворовъ англійскаго и французскаго, султанъ издалъ фирманъ, представляющій крайній предѣлъ его снисходительности. Въ немъ обѣщалъ онъ прощеніе и помилованіе мятежникамъ, подъ условіемъ изъявленія раскаянія и покорности и возвращенія ими крѣпостей и земель, принадлежащихъ турецкимъ собственникамъ. Онъ принималъ подъ свою защиту жизнь, честь и имущество морейскихъ грековъ, наравнѣ съ мусульманами, назначалъ имъ правителя, съ мѣстопребываніемъ въ Триполицѣ и предоставлялъ самимъ избирать изъ своей среды уѣздныхъ начальниковъ, которые, въ свою очередь, выбирали бы общаго главу, служащаго помощникомъ турецкому губернатору. Грекамъ прощалась податная недоимка за годы возстанія, и они освобождались отъ платежа дани на одинъ годъ впередъ. Размѣръ дани опредѣлялся на семилѣтній срокъ, и взносъ ея имѣлъ производиться за круговою порукой. Уступки эти, признавался рейсъ-эфенди посламъ, хотя и могутъ показаться недостаточными, но онѣ согласны съ закономъ правды и божественной справедливости. Лишь на такихъ основаніяхъ Порта выражала готовность продолжать переговоры съ представителями морскихъ державъ [1]).

Въ виду такого полнаго уклоненія Порты отъ началъ и условій іюльскаго договора, англійскій и французскій дипломаты отчаялись въ надеждѣ достигнуть съ нею соглашенія, и предложили лондонской конференціи опредѣлить самой окончательно границы Греціи, образовать изъ нея независимое государство, признать его полную самостоятельность и объявить о томъ Портѣ, не требуя ни согласія ея, ни признанія [2]).

Но какъ только получено было въ Константинополѣ извѣстіе о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Балканы, испуганная Порта поспѣшила, покинувъ точку зрѣнія, которую упорно отстаивала въ продолженіе девяти лѣтъ, признать основанія лондонскаго договора. Впрочемъ, признаніе это было обставлено многочисленными оговорками. Порта отвергала границы, назначенныя конференціей, и соглашалась на примѣненіе условій трактата лишь къ Мореѣ и прилежащимъ островамъ. Сверхъ того, она требовала, чтобы дань была опредѣлена въ

---

¹) Порта Гордону и графу Гильомино, 18 (30) іюля 1829.

²) Протоколъ лондонской конференція, 6 (18) августа 1829.

размѣрѣ соотвѣтствующемъ доходу, который прежде получался съ этихъ областей; чтобы Турціи были возвращены оружіе и боевые запасы, находившіеся въ крѣпостяхъ; чтобы будущія сухопутныя и морскія силы Греціи не превышали числа, необходимаго для поддержанія внутренняго порядка; чтобы прочимъ греческимъ подданнымъ султана было воспрещено переселяться въ Пелопоннезъ [1]).

Ограниченія эти, которыя совершенно видоизмѣняли рѣшенія, постановленныя по нашему настоянію лондонскою конференціей, не были непріятны англійскому правительству. Герцогъ Веллингтонъ нехотя уступилъ представленіямъ Россіи и Франціи, относительно необходимости отодвинуть до Өессаліи и Эпира сѣверную границу будущей Греціи, и въ самый день подписанія относившагося до сего протокола, лордъ Абердинъ сообщилъ великобританскому послу въ Вѣнѣ, что, по всей вѣроятности, Порта категорически откажется допустить эту границу и что Англія одобритъ ея отказъ [2]). Также точно лондонскій дворъ былъ расположенъ признать и прочія оговорки, которыми Турція обусловила свое согласіе. Со времени образованія во Франціи новаго министерства, въ предсѣдательствѣ князя Полиньяка, усерднаго и покорнаго клеврета Веллингтона, Англія могла разсчитывать въ этомъ случаѣ и на поддержку парижскаго кабинета. Но событія опять не дали времени состояться, въ средѣ лондонской конференціи, дипломатическому соглашенію двухъ морскихъ державъ въ ущербъ правъ Россіи, какъ третьей участницы тройственнаго союза.

Отношенія наши къ великобританскому двору охлаждались съ каждымъ днемъ. Уступчивость, проявленная императорскимъ кабинетомъ въ вопросѣ о возобновленіи дипломатическихъ сношеній Англіи и Франціи съ Турціей, не могла примирить съ нами герцога Веллингтона. Представитель нашъ въ Лондонѣ вынужденъ былъ объявить, что если государь радъ принести союзникамъ своимъ всякую жертву, испрашиваемую у него во имя дружбы, то онъ никогда не уступитъ предъ ихъ угрозой [3]). Во Франціи положеніе дружественнаго намъ мини-

---

[1]) Порта Гордону и графу Гильомино, 3 (15) августа 1829.

[2]) Лордъ Абердинъ лорду Коулею, 10 (22) марта 1829.

[3]) Князь Ливенъ и графъ Матушевичъ графу Нессельроде, 1 (13) іюня 1829.

стерства Мартиньяка было поколеблено. Австрія хотя и сдѣлала шагъ къ сближенію съ нами, отправленіемъ въ Петербургъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, графа Фикельмонта и даже принесла намъ родъ повинной, увѣряя насъ, что и не думала возбуждать коалиціи державъ противъ Россіи, но намъ слишкомъ хорошо были извѣстны ея интриги, чтобы дать вѣру подобнымъ увѣреніямъ [1]). Одна Пруссія обнаруживала къ намъ искреннее сочувствіе. Весной 1829 года, императоръ Николай короновался въ Варшавѣ вѣнцомъ польскихъ королей и оттуда поѣхалъ вмѣстѣ съ императрицей въ Берлинъ, присутствовать при бракосочетаніи принца Вильгельма прусскаго. «Наконецъ я отдыхаю здѣсь,» писалъ онъ оттуда, «послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ. Всѣ приняли насъ не только съ радостію, но съ восторгомъ» [2]). Король тогда же предложилъ своему августѣйшему зятю послать въ Константинополь генерала барона Мюфлинга, не для посредничества въ дипломатическомъ смыслѣ этого слова, а для заявленія султану о миролюбивыхъ намѣреніяхъ государя и о согласіи его вступить въ мирные переговоры, па основаніяхъ, провозглашенныхъ въ декларацін, сопровождавшей наше объявленіе войны. Отъѣздъ генерала состоялся въ концѣ іюня [3]).

При такомъ положеніи политическихъ дѣлъ, съ наступленіемъ весны, военныя дѣйствія возобновились на обоихъ театрахъ войны.

Они открылись въ Азіи отраженіемъ нападенія турокъ на Ахалцыхъ. Вслѣдъ затѣмъ, войска Паскевича перевалили за Саганлугскій хребетъ и наголову разбили и разсѣяли армію сераскира анатолійскаго. Преслѣдуя его по пятамъ, русскій полководецъ побѣдителемъ вступилъ въ Эрзерумъ, гдѣ самъ сераскиръ сдался ему въ плѣнъ.

Въ европейской Турціи, среди зимы, отрядъ черноморскаго флота овладѣлъ Сизополемъ, гаванью въ Бургасскомъ заливѣ, которая представляла удобную стоянку для нашихъ судовъ. Дунайская армія, главное начальство надъ которою, вмѣсто уволеннаго Витгенштейна, принялъ графъ Дибичъ, открыла кампанію въ маѣ возобновленіемъ осады Силистріи.

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 5 (17) января, и графъ Нессельроде Татищеву, 28 февраля (12 марта) 1829.

[2]) Императоръ Николай графу Дибичу, 26 мая (7 іюня) 1829.

[3]) Графъ Бернсторфъ Брокгаузену, 23 іюня (5 іюля) 1829.

Нападеніе великаго визиря на войска наши, расположенныя между Варною и Праводами, имѣло послѣдствіемъ нанесеніе ему рѣшительнаго пораженія при Кулевчѣ. Визирь самъ едва успѣлъ спастись, армія его разбѣжалась во всѣ стороны, и онъ возвратился въ Шумлу, во главѣ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ. Лишь только сдалась Силистрія, главнокомандующій, оставивъ третій корпусъ для наблюденія за Шумлой, съ остальными частями двинулся тремя колоннами прямо за Балканы. Шестой корпусъ слѣдовалъ изъ Варны на Бургасъ, седьмой изъ Праводъ на Айдосъ, за ними шелъ второй корпусъ, составлявшій резервъ, при которомъ находилась и главная квартира. Переходъ черезъ горы продолжался девять дней. 7-го (19-го) августа, Дибичъ стоялъ уже подъ стѣнами Адріанополя, который на слѣдующій же день отворилъ ему ворота. Передовой отрядъ продолжалъ наступленіе по дорогѣ къ Царьграду и занялъ Чорлу. Лѣвый флангъ арміи вступилъ въ связь съ черноморскимъ флотомъ, правый—съ нашею средиземною эскадрой.

«Спасибо, Забалканскій!» таковъ былъ отвѣтъ императора Николая на донесеніе главнокомандующаго о совершившемся переходѣ черезъ Балканы. Подвигъ этотъ предвѣщалъ близкій конецъ войны, и государь тотчасъ же озаботился отправленіемъ къ Дибичу наставленій, на случай обращенія къ нему Порты съ просьбой о мирѣ. Для веденія переговоровъ былъ посланъ въ армію ближайшій совѣтникъ и личный другъ императора, графъ Орловъ, о которомъ его величество еще ранѣе отозвался въ письмѣ къ главнокомандующему, какъ «о человѣкѣ вѣрномъ, умномъ и истинно русскомъ» [1]). Но послѣ заявленнаго Портой упрямства, государь считалъ маловѣроятною внезапную перемѣну въ ея настроеніи. Онъ полагалъ, что войскамъ его придется дойти до Константинополя и что появленіе ихъ подъ турецкою столицей вызоветъ разрушеніе Оттоманской имперіи. Если нужно приводить доказательство того, въ какой степени подобный исходъ былъ ему нежелателенъ, стоитъ только указать на слѣдующее мѣсто изъ письма его къ графу Дибичу: «Любезный другъ, какъ все это необычайно и мало согласно съ моими желаніями и намѣреніями, и какъ помимо нашей воли, оно можетъ повести къ

---

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу, 9 (21) іюня 1829.

такому результату, который я предвидѣлъ и котораго искренно желалъ избѣжать! Но да будетъ воля Божія! Богъ знаетъ какъ извести насъ изъ этого и все устроить къ лучшему». Въ томъ же письмѣ, государь сообщалъ главнокомандующему, «что наши отношенія хороши со всѣми державами, а съ Франціей превосходны» [1]).

Но, спустя нѣсколько дней, въ Петербургѣ узнали о происшедшей во Франціи перемѣнѣ министерства. «Въ Парижѣ дѣлами управляетъ Полиньякъ,» спѣшилъ увѣдомить Дибича императоръ: «Это истинное несчастіе, и безъ васъ, любезный другъ, безъ всего, что̀ вы сдѣлали и при помощи Божіей еще сдѣлаете, это было бы несчастіемъ непоправимымъ. Хотя меня увѣряютъ, что это не должно произвести никакихъ перемѣнъ въ нашихъ отношеніяхъ къ Франціи, но я не могу сему повѣрить и не повѣрю, пока не испытаю въ дѣйствительности. А до тѣхъ поръ, я приказалъ произвести наборъ по три человѣка съ пяти сотъ, чтобы доказать нашимъ друзьямъ и нѣдругамъ, что я окончу то, что̀ счелъ долгомъ начать. Богъ довершитъ остальное» [2]).

Быстро слѣдовали одна за другою радостныя вѣсти о занятіи Адріанополя и объ обращеніи султана къ великодушію русскаго императора съ мольбой о мирѣ. Графъ Орловъ увезъ изъ Петербурга готовый проектъ договора, но государь продолжалъ сомнѣваться въ принятіи Портой нашихъ условій и повелѣвалъ Дибичу, въ случаѣ неуспѣха переговоровъ, прежде всего озаботиться занятіемъ Дарданеллъ, «дабы быть въ увѣренности, что незванные гости не явятся тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ». Главнокомандующему вмѣнялось въ обязанность отказывать въ пропускѣ чрезъ проливы всякому иному флоту, кромѣ нашего. «Если же будутъ къ тому принуждать,» предписывалъ императоръ, «то вы отвѣтите пушечными выстрѣлами.» Государь получилъ одновременно извѣстіе о выраженномъ Турціей посламъ морскихъ державъ согласіи на принятіе условій лондонскаго договора, съ извѣстными ограниченіями. Онъ и слышать не хотѣлъ про нихъ и въ томъ же письмѣ къ фельдмаршалу писалъ по этому предмету: «Еще слово о греческомъ дѣлѣ. Какое бы

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому, 4 (16) августа 1829.
[2]) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому, 12 (24) августа 1829.

ни было принято рѣшеніе послами въ Константинополѣ, ни на какую иную границу, кромѣ Арты и Воло я не соглашаюсь. Надѣюсь, что когда о томъ узнаютъ въ Парижѣ, то французы меня поддержатъ, а если и нѣтъ, то я стою на своемъ. Мы въ правѣ не нарушать нашего слова, и положеніе наше таково, что мы можемъ наконецъ сказать: я такъ хочу! благодаря успѣхамъ вашимъ въ Европѣ и Паскевича въ Азіи» [1]).

Императора продолжала озабочивать представлявшаяся ему вѣроятною, и едва ли не неизбѣжною, катастрофа. «Перейдемъ,» писалъ онъ Дибичу, «къ случайностямъ, осуществленія которыхъ я молю Бога не допустить: очутиться намъ владыками Константинополя и тѣмъ слѣдовательно вызвать исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако, я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній, на случай, если бы дѣйствительно дѣло дошло до того. При неуспѣшности переговоровъ, вы должны немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ. Не обращайте вниманія на численную вашу недостаточность, она съ избыткомъ уравновѣшивается нашею нравственною силой. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ, положительно откажетесь войти въ какіе-либо переговоры, *какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было* [2]). Тѣмъ болѣе, вы не дозволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданеллы, впредь до приказанія.»

Впечатлѣніе нашихъ побѣдъ на иностранныя правительства было ошеломляющее. Государь передавалъ фельдмаршалу, «что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія, до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога не обходитесь съ нами по-Дибичевски и пощадите нашу честь. Они видятъ и не боятся болѣе паденія Оттоманской имперіи, не боятся узрѣть насъ *владыками* [3]) Константинополя! Словомъ, полное торжество!» Но торжество это ни на минуту не заглушало чувство христіанскаго смиренія предъ Богомъ въ великой душѣ императора Николая.

---

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому, 28 августа (9 сентября) 1829.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Слово «владыками» пять разъ подчеркнуто императоромъ Николаемъ.

«Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо,» восклицалъ онъ въ томъ же письмѣ, «отнесемъ все къ Богу и станемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ когда-либо. Такова искомая мною слава и да воздержитъ меня Господь отъ исканія иной.» Знаменательное письмо свое государь заключалъ слѣдующими словами: «Итакъ, если все кончено, возвращайтесь; не то—впередъ!» [1]).

Въ это самое время, образованный, по высочайшему повелѣнію, особый тайный комитетъ обсуждалъ вопросъ объ опредѣленіи основныхъ началъ нашей политики, по отношенію къ Оттоманской Портѣ. Въ составъ комитета вошло нѣсколько высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея.

Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 4-го (16-го) сентября, вице-канцлеръ прочиталъ составленный имъ и одобренный императоромъ меморандумъ. «Мы всегда придерживались того мнѣнія,» сказано въ этомъ документѣ, «что сохраненіе Турціи болѣе полезно, чѣмъ вредно дѣйствительнымъ интересамъ Россіи; что никакой другой порядокъ вещей, который займетъ ея мѣсто, не возмѣститъ намъ выгоды имѣть сосѣдомъ государство слабое, постоянно угрожаемое революціонными стремленіями своихъ вассаловъ и вынужденное успѣшною войной покориться волѣ побѣдителя.» Графъ Нессельроде находилъ, что если Турція распадется, то возстановленіе ея будетъ невозможно; во всякомъ случаѣ, это не дѣло русскаго императора. Въ минуту наступленія катастрофы, Россія обязана принять самыя энергическія мѣры для охраненія своихъ интересовъ и затѣмъ, вступить въ переговоры съ прочими европейскими державами, для рѣшенія участи областей и населенія нынѣшней Оттоманской имперіи. «Хотѣть разрѣшить вопросъ безъ ихъ участія,» утверждалъ вице-канцлеръ, «тогда какъ онъ затрогиваетъ существеннѣйшіе ихъ интересы, значило бы посягнуть самымъ чувствительнымъ образомъ на ихъ честь и принять на себя слишкомъ большую отвѣтственность.» Онъ предлагалъ, въ такомъ случаѣ, созвать въ Петербургѣ международный конгрессъ, для рѣшенія участи земель, входившихъ въ составъ Турціи.

Вслѣдъ за этимъ меморандумомъ, графъ Нессельроде до-

---

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому, 1 (13) сентября 1829.

ложилъ комитету нѣсколько депешъ нашихъ пословъ въ Лондонѣ и Парижѣ, а также записку, составленную тайнымъ совѣтникомъ Дашковымъ и озаглавленную: «*Обозрѣніе главнѣйшихъ сношеній Россіи съ Турціей и началъ, на коихъ долженствуютъ оныя быть установлены на будущее время.*» Въ запискѣ этой доказывалось, что разрушеніе Турціи должно неминуемо повести къ европейской войнѣ. «Напрасно,» говорилось въ ней, «возразили бы намъ исчисленіемъ тѣхъ выгодъ и пріобрѣтеній, кои достались бы тогда на часть Россіи; ей нужны не новыя пріобрѣтенія, не распространеніе предѣловъ, но безопасность оныхъ и распространеніе ея вліянія между сосѣдственными народами, а сего она удобнѣе достигнуть можетъ, продливъ существованіе Оттоманской имперіи на извѣстныхъ условіяхъ.» Изгнаніе турокъ въ Малую Азію, гдѣ народонаселеніе одной съ ними вѣры, могло бы, по мнѣнію составителя записки, привести къ обновленію турецкаго государства, которое стало бы крайне опасно для нашихъ владѣній на Кавказѣ и за Кавказомъ. Но если Турція распадется одною силой обстоятельствъ? Тогда представятся двѣ случайности: или раздѣлъ Турціи между великими державами, или раздробленіе ея на нѣсколько независимыхъ государствъ. «Было время,» поясняла записка, «когда раздѣлъ Турціи могъ входить въ тайные разсчеты россійской политики. Нынѣ, когда предѣлы имперіи распространены отъ Бѣлаго моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, весьма немногія пріобрѣтенія могутъ быть ей полезны. Обладаніе Босфоромъ и Дарданеллами, конечно, дало бы новую жизнь нашей торговлѣ; но какою цѣной надлежало бы купить оное?» Дашковъ полагалъ, что другія державы, благодаря своему географическому положенію, могутъ сдѣлать гораздо болѣе выгодныя пріобрѣтенія на счетъ Турціи, чѣмъ Россія. Австрія пріобрѣтетъ Сербію, Герцеговину, Боснію, Албанію, даже поработитъ черногорцевъ. Англія и Франція захватятъ греческіе острова, Кандію, Египетъ. Въ такомъ случаѣ, русскій флагъ, вмѣсто безпечныхъ турокъ, встрѣтитъ весьма опасныхъ враговъ на югѣ Европы.

Комитету было сообщено также письмо графа Каподистріи къ императору Николаю, съ изложеніемъ его соображеній о политическомъ переустройствѣ Балканскаго полуострова. Правитель Греціи предлагалъ образовать на развалинахъ Оттоман-

ской имперіи въ Европѣ пять королевствъ: Дакію, изъ Молдавіи и Валахіи; Сербію, изъ княжества Сербскаго, Босніи и Болгаріи; Македонію, изъ собственной Македоніи, Ѳракіи и острововъ Пропонтиды; Эпиръ, изъ Эпира, верхней и нижней Албаніи; Элладу, изъ Пелопоннеза и континентальной Греціи, имѣющей границей на сѣверѣ рѣку Пеней, въ Ѳессаліи, до Артскаго залива, а также изъ острововъ Архипелага. Наконецъ, Константинополь «съ территоріей въ 13 или 14 миль, отъ Деркоса на Черномъ морѣ, до Силиври на Мраморномъ», имѣлъ быть обращенъ въ вольный городъ и служить центромъ и мѣстопребываніемъ конгресса конференціи пяти балканскихъ государствъ. Во главѣ каждаго изъ нихъ предполагалось поставить государя, избраннаго изъ членовъ владѣтельныхъ домовъ Европы, съ согласія великихъ державъ [1]).

Возраженія на проектъ Каподистріи были сдѣланы Поццо-ди-Борго и Дашковымъ. Оба указывали на предположеніе объ обращеніи Константинополя въ вольный городъ, какъ на самую слабую сторону проекта. Оба выражали опасеніе, что такой вольный городъ не будетъ въ состояніи охранять входъ въ Черное море. Дашковъ замѣтилъ, что если Россія изъявитъ согласіе на такую комбинацію, то она должна получить, на обоихъ берегахъ Босфора, «два каменистые уголка,» на которыхъ могли бы быть возведены укрѣпленія, занятыя русскимъ гарнизономъ.

Комитетъ не счелъ удобнымъ заняться разработкой окончательнаго политическаго устройства на Балканскомъ полуостровѣ, прежде чѣмъ паденіе Оттоманской имперіи не стало совершившимся фактомъ. Но всѣ члены его пришли къ убѣжденію, что новый порядокъ не можетъ быть введенъ въ европейской Турціи безъ согласія Россіи и въ ущербъ ея существеннымъ пользамъ. Они находили также, что существованіе въ Константинополѣ турецкаго правительства гораздо выгоднѣе для Россіи и болѣе отвѣчаетъ интересамъ ея торговли и политической безопасности, чѣмъ образованіе изъ оттоманской столицы вольнаго города, который могъ бы сдѣлаться исходною точкой враждебныхъ намъ предпріятій. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, комитетъ единогласно положилъ:

---

[1]) Графъ Каподистріа императору Николаю, 18 (30) марта 1828.

«что выгоды отъ сохраненія Оттоманской имперіи въ Европѣ превышаютъ ея невыгоды;

«что, слѣдовательно, разрушеніе ея было бы противно истиннымъ интересамъ Россіи;

«что, вслѣдствіе сего, благоразуміе требуетъ предупредить ея паденіе, воспользовавшись всѣми обстоятельствами, которыя могутъ еще представиться для заключенія почетнаго мира.«

Но если пробьетъ послѣдній часъ турецкаго владычества въ Европѣ, то комитетъ находилъ, что русское правительство обязано принять самыя энергическія мѣры, дабы входъ въ Черное море не былъ захваченъ какою-либо великою державой. Относительно же опредѣленія окончательной участи земель, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи, Россіи надлежало вступить въ переговоры съ прочими державами.

Второе и послѣднее засѣданіе комитета состоялось въ предсѣдательствѣ самого государя, удостоившаго утвержденія вышеизложенныя рѣшенія, согласно коимъ были составлены наставленія главнокомандующему дѣйствующею арміей [1]). Но они дошли до него слишкомъ поздно, чтобы повліять на его распоряженія. За два дня до перваго совѣщанія комитета, миръ уже былъ подписанъ въ Адріанополѣ.

При вступленіи Дибича въ командованіе дунайскою арміей, ему было внушено пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для заявленія миролюбивыхъ намѣреній государя. Такой случай представился послѣ блистательной побѣды, одержанной имъ при Кулевчѣ, и онъ не упустилъ его, отправивъ одного изъ состоявшихъ при немъ дипломатическихъ чиновниковъ въ турецкій лагерь, съ письмомъ къ великому визирю [2]). Посланный главнокомандующаго имѣлъ нѣсколько объясненій съ назначенными визиремъ комиссарами и объявилъ имъ, что основаніемъ мирныхъ переговоровъ могутъ служить лишь условія,

---

[1]) Свѣдѣнія о комитетѣ, учрежденномъ въ 1829 году по восточнымъ дѣламъ, и о рѣшеніяхъ его, заимствованы изъ статьи профессора Ѳ. Ѳ. Мартенса: «Etude historique sur la politique de la Russie dans la question d'Orient», помѣщенной въ томѣ IX, стр. 49 и слѣд., издаваемой въ Гентѣ *Revue de droit international et de législation comparée*, 1877 г. Статья эта появилась и отдѣльною брошурой, на французскомъ же языкѣ. Въ 1-й части IV тома издаваемаго имъ *Собранія трактатовъ и конвенцій*, на стр. 438—440, г. Мартенсъ значительно дополнилъ свой разсказъ объ этомъ въ высшей степени любопытномъ эпизодѣ нашей дипломатической исторіи.

[2]) Графъ Дибичъ Мегемедъ-Решидъ-пашѣ, 2 (14) іюня 1829.

изложенныя въ письмѣ, написанномъ вице-канцлеромъ къ бывшему великому визирю, въ самый день объявленія войны [1]). Объясненія эти не привели къ желаемому результату. Турки ссылались на неимѣніе инструкцій и обѣщали запросить ихъ въ Константинополѣ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе коихъ, мы не получили опредѣленнаго отвѣта на наше сообщеніе. Дѣло заключалось въ томъ, что Порта, ослѣпленная неожиданнымъ успѣхомъ своего сопротивленія, знать не хотѣла даже аккерманской конвенціи и помышляла о мирѣ на условіяхъ букурештскаго трактата [2]).

Но послѣ появленія нашихъ войскъ по ту сторону Балканъ, визирь обратился къ главнокомандующему съ письмомъ, въ которомъ извѣстилъ его, что вслѣдствіе прибытія въ Константинополь пословъ англійскаго и французскаго, важнѣйшій предметъ несогласій, вопросъ греческій, подлежалъ разрѣшенію на совѣщаніяхъ между этими двумя дипломатами и министрами султана, и что самъ онъ получитъ на дняхъ наставленіе, для мирнаго улаженія всѣхъ прочихъ вопросовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, онъ просилъ графа немедленно прекратить военныя дѣйствія и заключить перемиріе [3]). Дибичъ отвѣчалъ, что взаимное положеніе ихъ измѣнилось, со времени его перваго письма, и «что, перейдя черезъ Балканы, овладѣвъ всею мѣстностью, отъ горъ и до самаго моря, и находясь всего въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Адріанополя, онъ не считаетъ себя въ правѣ остановить движеніе своей арміи прежде, чѣмъ не получитъ въ условіяхъ перемирія ручательствъ, равныхъ тѣмъ, которыя обѣщаетъ ему продолженіе войны». Впрочемъ, онъ прибавилъ, что готовъ будетъ вступить въ переговоры о мирѣ съ уполномоченными Порты, если та пришлетъ ихъ въ одну изъ мѣстностей, занятыхъ русскими войсками [4]).

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ и положеніе видимо измѣнялось въ нашу пользу, европейская дипломатія начала производить давленіе на Порту, съ цѣлью побудить ее къ миру. Французскій посолъ увѣрялъ рейсъ-эфенди, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Парижа, Россія потребуетъ отъ Турціи лишь приступленія къ лондонскому договору и

---

[1]) Графъ Нессельроде Хуссейнъ-пашѣ, 14 (26) апрѣля 1828.
[2]) Графъ Зюиленъ графу Верстольку, 26 іюля (7 августа) 1829.
[3]) Мегеметъ-Решидъ-паша графу Дибичу, 27 іюля (6 августа) 1829.
[4]) Графъ Дибичъ Мегеметъ-Решидъ-пашѣ, 29 іюля (10 августа) 1829.

точнаго соблюденія аккерманскаго соглашенія, а, сверхъ того, гарантій, обезпечивающихъ свободное плаваніе въ Босфорѣ, гарантій дипломатическихъ, никакъ не матеріальныхъ, возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ русскими подданными и уступки Анапы, въ видѣ вознагражденія за военныя издержки. Увѣщанія графа Гильомино были поддержаны всѣми прочими представителями великихъ державъ [1]). Порта уже колебалась, когда, въ концѣ іюля, въ Константинополь прибылъ чрезвычайный посланникъ короля Фридриха-Вельгельма III, баронъ Мюфлингъ. Прусскій генералъ подтвердилъ турецкимъ министрамъ все, что было сказано имъ дипломатами, и прибавилъ, что ему поручено, не вступая въ обсужденіе условій мира, объявить Портѣ, что намѣренія императора Николая продолжаютъ быть миролюбивыми, и что русскій дворъ по-прежнему расположенъ вступить въ переговоры [2]).

Не столько всѣ эти убѣжденія, сколько быстрое движеніе нашихъ войскъ отъ Балканъ къ Адріанополю, сломили наконецъ упрямство Порты. Она рѣшилась на уступки. 3-го (15-го) августа, въ приведенной уже выше нотѣ на имя пословъ англійскаго и французскаго, она признала постановленія лондонскаго договора за основанія умиротворенія Греціи [3]). Въ тотъ же день, рейсъ-эфенди другою нотой извѣстилъ барона Мюфлинга, что «въ полной надеждѣ на миролюбивое расположеніе его величества императора всероссійскаго, Порта обязуется заключить миръ» на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) территоріальная неприкосновенность и цѣлость Оттоманской имперіи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи; 2) соблюденіе Портой всѣхъ прежнихъ договоровъ ея съ Россіей, въ особенности аккерманской конвенціи; 3) приступленіе ея къ лондонскому трактату и готовность вступить въ переговоры на его основаніяхъ; 4) ручательство за свободу плаванія русскихъ судовъ въ Черномъ морѣ, подъ условіемъ ненарушенія начала независимости Турціи; 5) переговоры въ Константинополѣ о возмѣщеніи убытковъ обоюдныхъ подданныхъ [4]).

Турецкая нота, по изложенію своему, представляла весьма отдаленное сходство съ условіями мира, заявленными въ письмѣ

---

[1]) Графъ Зюйленъ графу Верстольку, 26 іюля (7 августа) 1829.

[2]) Гордонъ лорду Абердину, 26 іюля (7 августа) 1829.

[3]) Порта Гордону и графу Гильомино, 3 (15) августа 1829.

[4]) Порта барону Мюфлингу, 3 (15) августа 1829.

графа Нессельроде къ великому визирю отъ 14-го (26-го) апрѣля 1828 года. Одно изъ главныхъ, а именно условіе о вознагражденіи за военныя издержки, было даже вовсе въ ней опущено. Препровождая къ графу Дибичу декларацію рейсъ-эфенди, баронъ Мюфлингъ старался извинить въ ней этотъ пробѣлъ тѣмъ прелогомъ, будто «съ разныхъ сторонъ увѣряли Порту, что великодушіе императора Николая избавитъ ее отъ подобной тягости», хотя и оговаривался, что самъ онъ не могъ ни подтвердить этихъ увѣреній, ни отрицать ихъ, и что, по мнѣнію его, Порта, въ крайнемъ случаѣ, готова будетъ принести и нѣкоторыя жертвы [1]).

Письмо свое, съ приложеніемъ турецкихъ условій мира, прусскій генералъ отправилъ въ нашу главную квартиру съ однимъ изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ, которому послы англійскій и французскій ввѣрили, для доставленія графу Дибичу, и свое коллективное письмо [2]). Главнокомандующій вѣжливо отвѣчалъ барону Мюфлингу, что почитаетъ себя счастливымъ содѣйствовать полному оправданію довѣрія, питаемаго королемъ Прусскимъ къ дружественнымъ чувствамъ его августѣйшаго государя; однако не могъ не выразить удивленія по поводу расточаемыхъ Портѣ увѣреній, относительно мнимаго согласія русскаго двора не требовать отъ нея возмѣщенія военныхъ расходовъ. Оно, напротивъ, стало совершенно необходимо съ тѣхъ поръ, какъ диванъ упорствомъ своимъ вынудилъ насъ перенести войну за Балканы, и какъ ни тяжела для Турціи такая жертва, государь сумѣетъ облегчить ее, коль скоро Порта поведеніемъ своимъ пріобрѣтетъ себѣ право на его снисхожденіе [3]). Но, имѣя въ виду строгій наказъ, отнюдь не допускать иностраннаго вмѣшательства, Дибичъ далъ понять въ отвѣтномъ письмѣ представителямъ морскихъ державъ всю неумѣстность ихъ ходатайства за Порту. Напомнивъ о причинахъ, вызвавшихъ войну, о заявленныхъ нами при самомъ ея началѣ условіяхъ будущаго мира, о собственномъ миролюбіи своемъ, выразившемся въ посылкѣ довѣреннаго лица къ великому визирю съ мирными предложеніями, оставленными послѣднимъ безъ отвѣта, онъ обратилъ вниманіе пословъ на

---

[1]) Баронъ Мюфлингъ графу Дибичу, 5 (17) августа 1829.

[2]) Гордонъ и графъ Гильомино графу Дибичу, 5 (17) августа 1829.

[3]) Графъ Дибичъ барону Мюфлингу, 11 (23) августа 1829.

всѣ выгоды нашего положенія. «Предъ нами нѣтъ болѣе турецкой арміи,» поучалъ онъ ихъ; «побѣдоносныя войска, которыми я имѣю честь начальствовать, владѣютъ всѣмъ пространствомъ отъ Балканъ до Адріанополя и далѣе, тогда какъ графъ Паскевичъ-Эриванскій занялъ Эрзерумъ, главный городъ верхней Азіи, разбивъ и взявъ въ плѣнъ начальствовавшаго въ ней сераскира. И послѣ столькихъ великихъ невзгодъ Порта соглашается заговорить о мирѣ; но я не могу себѣ представить, чтобъ она считала себя въ правѣ предписать его условія.» Главнокомандующій выражалъ въ заключеніе готовность свою вступить въ переговоры съ *турецкими* уполномоченными, если тѣ явятся къ нему на аванпосты снабженными надлежащими полномочіями [1]).

Между тѣмъ, въ Константинополѣ получено было извѣстіе о занятіи русскими войсками Адріанополя и о появленіи нашего передового отряда на дорогѣ въ столицу. Оно возбудило въ совѣтахъ султана совершенную панику. Турецкіе министры окончательно растерялись. Никто и не думалъ о сопротивленіи. Рейсъ-эфенди, пригласивъ къ себѣ на совѣщаніе представителей европейскихъ державъ, спросилъ ихъ: какъ быть и что̀ дѣлать въ виду быстраго наступленія непріятеля? Послы англійскій и французскій признались, что при всемъ желаніи ихъ правительствъ спасти Порту, они безсильны помочь ей въ настоящую роковую для нея минуту, и что единственное средство предотвратить грозу заключается въ немедленномъ отправленіи турецкихъ уполномоченныхъ въ русскій лагерь. Они упрекнули Порту за то, что въ сообщенной графу Дибичу деклараціи не упоминалось о вознагражденіи за военныя издержки, и совѣтовали не только признать это условіе, но и относительно всѣхъ прочихъ вполнѣ подчиниться волѣ русскаго императора [2]).

Порта не замедлила послѣдовать этому совѣту, къ которому присоединились и всѣ прочіе представители. Назначенные уполномоченными: Магометъ-Садыкъ-эфенди и Абдулъ-Кадефъ-бей, были въ тотъ же вечеръ отправлены въ Адріанополь, съ приказаніемъ «во всемъ предаться умѣренности и спра-

---

[1]) Графъ Дибичъ Гордону и графу Гильомино, 11 (23) августа 1829.
[2]) Гордонъ лорду Абердину, 12 (24) августа 1829.

ведливости его величества императора всероссійскаго» [1]). Ихъ сопровождалъ командированный Мюфлингомъ, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ, военный агентъ прусскаго посольства въ Петербургѣ, Кистеръ, для передачи фельдмаршалу общей просьбы дипломатическаго корпуса о пріостановкѣ наступательнаго движенія русскихъ войскъ. Во второмъ письмѣ къ графу Дибичу, сэръ Робертъ Гордонъ и графъ Гильомино объявляли, что, «принявъ заранѣе условія, которыя будутъ предписаны ей отъ имени императора, Порта дала блистательное и безспорное доказательство уваженія своего къ великодушію его императорскаго величества,» и что они, послы, поручились за то, что она не обманется въ своей надеждѣ на него. Они присовокупляли, что миръ одинъ можетъ положить конецъ броженію константинопольской черни и опасностямъ, которыми она угрожаетъ христіанскому населенію этого города [2]).

По прибытіи въ русскій лагерь турецкихъ уполномоченныхъ, тотчасъ начались переговоры между ними и графами Орловымъ и Паленомъ, снабженными полномочіями главнокомандующаго. Турки затруднялись принять заявленное послѣдними условіе о возмѣщеніи какъ военныхъ издержекъ, такъ и убытковъ, понесенныхъ русскими подданными, ссылаясь на полное истощеніе финансовыхъ средствъ Порты. Они сами возбудили вопросъ о замѣнѣ денежнаго вознагражденія земельнымъ, причемъ разумѣли уступку Молдавіи. Вообще было замѣтно въ нихъ гораздо больше расположенія поступиться турецкими землями въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи, гдѣ мы требовали уступки намъ крѣпостей, окаймляющихъ восточный берегъ Чернаго моря [3]). Не смотря на свои неограниченныя полномочія, они не рѣшались подписать договора, не испросивъ предварительнаго разрѣшенія Порты. Для сообщенія окончательнаго отвѣта, имъ былъ назначенъ восьмидневный срокъ по 1-е (13-е) сентября.

Снова собрался у рейсъ-эфенди совѣтъ иностранныхъ дипломатовъ. Всѣ были того мнѣнія, что появленіе русскихъ подъ стѣнами Константинополя неминуемо вызоветъ возстаніе мусульманскаго населенія, низложеніе султана, избіеніе христіанъ

---

[1]) Порта Гордону, графу Гильомино и барону Мюфлингу, 12 (24) августа 1829.

[2]) Гордонъ и графъ Гильомино графу Дибичу, 12 (24) августа 1829.

[3]) Графъ Дибичъ императору Николаю, 24 августа (5 сентября) 1829.

и въ результатѣ, конецъ оттоманскаго владычества въ Европѣ. За отъѣздомъ барона Мюфлинга, положили отправить въ Адріанополь прусскаго посланника Ройе, въ надеждѣ, что ему удастся убѣдить русскаго главнокомандующаго остановить свои войска и смягчить условія мира.

Императоръ Николай съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ издалека за событіями, совершавшимися между Константинополемъ и нашею главною квартирой. Отвѣтъ Дибича посламъ онъ нашелъ превосходнымъ и даже классическимъ. «Вы какъ будто взяли его изъ моихъ устъ,» писалъ онъ фельдмаршалу, «онъ низводитъ ихъ на тотъ тонъ, который имъ подобаетъ, впрочемъ теперь уже довольно покорный [1]).» Но государь не соглашался на выраженное главнокомандующимъ намѣреніе удержать за нами право занятія Молдавіи и Валахіи, впредь до полной уплаты Турціей военной контрибуціи. «Это заставило бы насъ выйти изъ нашей роли,» замѣчалъ онъ, «показало бы, будто мы хотимъ измѣнить нашему слову и ищемъ предлога, чтобы не очищать Княжествъ, и навсегда за собою оставить ихъ.» Императоръ предпочиталъ удержать въ видѣ залога весь западный берегъ Чернаго моря отъ Бургаса до Кюстенджи, а также дунайскую переправу у Сатунова. Онъ готовъ былъ также согласиться на предложенную турками замѣну денежнаго вознагражденія уступкой земель, но не въ Европейской Турціи, какъ того желали они, а въ Азіятской и выражалъ мнѣніе, «что Карсъ и Ахалцыхъ съ Батумомъ намъ необходимы» [2]).

Желая придать бодрости фельдмаршалу, государь обращалъ вниманіе его на всѣ выгоды занимаемой имъ позиціи, съ точки зрѣнія, какъ военной, такъ и политической. «Положеніе ваше,» писалъ онъ ему, «достойно главнокомандующаго русскою арміей, стоящею у воротъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно, и воображеніемъ едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ, отправленный изъ Кронштадта, лѣвый — на севастопольскій флотъ. Прусскій посланникъ, являющійся въ нашу главную квартиру и приносящій мольбы султана и свидѣтельство о гибели его, скрѣпленное подписью пословъ французскаго и ан-

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу, 1 (13) сентября 1829.
[2]) Императоръ Николай графу Дибичу, 10 (22) сентября 1829.

глійскаго. Послѣ этого остается только воскликнуть: великъ Богъ русскій и спасибо Забалканскому!» Положеніемъ этимъ императоръ предписывалъ Дибичу воспользоваться, чтобы непремѣнно добиться уступки Карса и Батума, которую, прибавлялъ онъ, даже англичане находятъ «простою и естественною» [1]).

Но дальность разстоянія и медленность сообщеній были причинами того, что высочайшее повелѣніе не было исполнено. Когда государь отдавалъ его, миръ уже былъ заключенъ. Подписаніе договора ускорило появленіе въ Адріанополѣ прусскаго посланника, положившаго конецъ колебаніямъ турецкихъ уполномоченныхъ. Всѣ усилія его побудить Дибича къ уступкамъ были безуспѣшны. Главнокомандующій самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ заявленное Ройе притязаніе англійскаго и французскаго пословъ въ Константинополѣ оставить за собою исключительное право разрѣшенія греческаго вопроса, въ качествѣ уполномоченныхъ русскаго императора. Все, чего могъ достигнуть прусскій дипломатъ, было выдѣленіе статей о военной контрибуціи въ особый актъ, приложенный къ договору. Самый договоръ былъ подписанъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предъявленъ туркамъ нашими уполномоченными на первомъ же совѣщаніи.

Но въ него не вошла статья объ уступкѣ Карса и Батума. Дибичъ оправдывался предъ государемъ, высказываясь вообще противъ приписываемой имъ Паскевичу мысли «объ увеличеніи имперіи со стороны Азіи». «Основываясь на примѣрѣ римлянъ и англичанъ,» доносилъ онъ, «я убѣжденъ, что завоеванія въ Азіи невольно увлекаютъ отъ одной области къ другой.» Лично онъ предпочиталъ пріобрѣтеніе Дунайскихъ Княжествъ, въ особенности Молдавіи до Серета, но въ виду положительнаго смысла своихъ инструкцій, не считалъ себя въ правѣ заводить о томъ рѣчь [2]). Дѣло объясняется отчасти и тою сравнительною легкостью, съ которою турецкіе уполномоченные готовы были отказаться отъ Княжествъ, считая ихъ какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ, тогда какъ азіятскія владѣнія Порты представлялись имъ кореннымъ и неотъемлемымъ достояніемъ султана.

Какъ бы то ни было, мирный договоръ удостоился полнаго

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу, 12 (24) сентября 1829.
[2]) Графъ Дибичъ императору Николаю, 24 августа (5 сентября) 1829.

одобренія государя. «Адріанопольскій миръ,» отозвался онъ въ письмѣ къ Дибичу, «самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы сумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны. Наша умѣренность зажметъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью [1])».

Главныя основанія мира были слѣдующія:

Порта уступала намъ въ Европѣ устья Дуная, съ островами образуемыми его различными рукавами; въ Азіи—все восточное побережье Чернаго моря, отъ устья Кубани до пристани Св. Николая, съ крѣпостями Анапою, Поти, Ахалкалаки и Ахалцыхомъ. Молдавіи и Валахіи не только подтверждались прежнія права и преимущества, но выговаривались и новыя, весьма существенныя, какъ-то: пожизненное избраніе господарей, срытіе турецкихъ крѣпостей, совершенное очищеніе отъ турецкихъ войскъ и вообще отъ мусульманскихъ жителей, учрежденіе мѣстныхъ ополченій, освобожденіе отъ обязательныхъ поставокъ Портѣ и отъ платежа дани въ теченіе двухъ лѣтъ, право безпошлинной торговли съ Турціей и многія другія. Словомъ, оба Дунайскія Княжества фактически исключались изъ числа турецкихъ областей. Сербіи обезпечивалось исполненіе условій, занесенныхъ въ аккерманскую конвенцію и обѣщалось возвращеніе шести отторгнутыхъ отъ нея округовъ. По отношенію къ Греціи, Порта признала не только основанія лондонскаго договора, но и всѣ состоявшіяся постановленія конференціи о границахъ, образѣ правленія и внутреннемъ устройствѣ этой страны. Русскіе подданные получали право полной и совершенной свободы торговли въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, на сушѣ и на морѣ, и сверхъ того, Порта обязалась, освободивъ торговое судоходство по Черному морю ото всѣхъ препятствій, объявить проходъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы свободнымъ для судовъ подъ торговымъ флагомъ не только русскимъ, но и всѣхъ прочихъ состоящихъ съ нею въ мирѣ державъ. Въ случаѣ нарушенія ею этой статьи, она предоставляла императорскому кабинету считать такой поступокъ непріязненнымъ дѣйствіемъ «и немедленно поступить въ отношеніи къ имперіи Оттоманской по праву возмездій». Размѣръ вознагражденія, слѣдующаго отъ Порты русскимъ под-

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу, 22 сентября (4 октября) 1829.

даннымъ, за понесенные ими по винѣ ея убытки, былъ опредѣленъ въ 1.500.000 голландскихъ червонцевъ, подлежавшихъ уплатѣ по частямъ, въ восемнадцатимѣсячный срокъ. Наконецъ, Порта обязалась выплатить Россіи, въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, 10.000,000 голландскихъ червонцевъ въ сроки по назначенію «его величества императора всероссійскаго, къ щедрости и великодушію котораго взываетъ Блистательная Порта». Выступленіе русскихъ войскъ изъ занятыхъ ими турецкихъ областей было поставлено въ зависимость отъ денежныхъ взносовъ Порты. По уплатѣ первыхъ 100,000 червонцевъ въ счетъ вознагражденія, причитающагося русскимъ подданнымъ, по срытіи крѣпостей въ Княжествахъ и по приведеніи въ исполненіе относящихся до Сербіи условій, войска наши очищали окрестности Адріанополя; вслѣдъ за уплатой, въ счетъ того же вознагражденія, еще 400,000 червонцевъ, отступали за Балканы и дальнѣйшихъ 500,000—за Дунай. Крѣпость Силистрія и вся Молдавія и Валахія оставались занятыми русскими войсками, въ видѣ залога, впредь до окончательной расплаты. Передача турецкимъ войскамъ занятыхъ нами мѣстностей въ Малой Азіи, имѣла быть произведена по взаимному соглашенію съ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ [1]).

Императоръ Николай былъ правъ. Условія мира были почетны и выгодны, но и умѣренны. Въ этомъ вынуждены были сознаться даже заклятые враги наши, къ числу коихъ безспорно принадлежалъ Генцъ. Въ довѣрительномъ письмѣ къ другу онъ такъ отзывался объ адріанопольскомъ трактатѣ: «Умѣренность—понятіе относительное, но въ подобномъ настоящему случаѣ, оно должно одинаково распространяться на побѣдителя, какъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они потребовали мало. Я не говорю, чтобъ у нихъ достало силы разрушить турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствію. Но они могли потребовать уступки Княжествъ и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи, и вмѣсто десяти милліоновъ—пятидесяти, причемъ ни Порта не имѣла бы власти, ни кто-либо изъ добрыхъ друзей ея—серіо-

[1]) Адріанопольскій договоръ 2 (14) сентября 1829 и два дополнительные къ нему акта.

równаго желанія этому воспрепятствовать. Конечно, императоръ неоднократно увѣрялъ, что онъ не хочетъ завоеваній въ этой войнѣ. Но отъ подобныхъ увѣреній легко отречься помощью сотни дипломатическихъ тонкостей, и если бы даже голосъ нѣсколькихъ честныхъ людей обозвалъ его вѣроломнымъ, за то несравненно сильнѣйшая часть глубоко испуганнаго общественнаго мнѣнія со всѣхъ сторонъ громко привѣтствовала бы его. Что побудило императора не переступать границъ, предписанныхъ имъ его генераламъ и дипломатамъ? Любовь ли къ справедливости, великодушіе, мудрость, принятіе въ соображеженіе мѣстныхъ отношеній, или какія-либо иныя причины? Таковы вопросы, въ разсмотрѣніе которыхъ я не войду, хотя для разрѣшенія ихъ у меня нѣтъ недостатка въ средствахъ. Остается несомнѣннымъ, что онъ могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и поклонники его политики имѣютъ въ этомъ случаѣ полное право восхвалять его умѣренность» [1]).

Но поклонники молчали, а въ поносителяхъ не было недостатка. То были прежде всего западно-европейскіе публицисты изъ либеральнаго лагеря. Всякое торжество Россіи вызывало съ ихъ стороны громкія сѣтованія. Про нихъ писалъ Нессельроде графу Дибичу-Забалканскому: «Иностранныя газеты начинаютъ болтать вздоръ по поводу нашего мирнаго договора. Пусть себѣ: на всѣхъ не угодишь!» [2]) Но едва ли еще не болѣе были озлоблены на насъ два европейскіе кабинета. Какіе же?

Не Пруссія. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III принималъ слишкомъ близкое участіе въ дѣлѣ примиренія насъ съ Турціей, чтобы не быть довольнымъ его успѣшнымъ исходомъ. Франція сама замышляла уже алжирскій походъ и заискивала нашего расположенія. Поэтому и берлинскій, и парижскій дворы не думали вступаться за Порту, и болѣе или менѣе искренно поздравляли императорскій кабинетъ съ благополучнымъ окончаніемъ смутъ, столько лѣтъ нарушавшихъ покой не только Востока, но и всей Европы.

Оставались Англія и Австрія.

---

[1]) Это письмо Генца къ неизвѣстному лицу, вѣроятно Прокешу, напечатано послѣднимъ въ т. II его *Geschichte des Abfalls Griechenlands*, стр. 382 и слѣд.

[2]) Графъ Нессельроде графу Дибичу, 13 (25) октября 1829.

Первая изъ этихъ державъ не скрывала своего неудовольствія, хотя и не дѣлала ничего, что могло бы измѣнить принятый событіями столь ненавистный ей оборотъ. Русское вліяніе въ Константинополѣ грозило окончательно вытѣснить оттуда англійское, а потому неудивительно, что лордъ Абердинъ, со свойственною британской дипломатіи рѣзкостью и беззастѣнчивостью, перечислялъ въ депешѣ, предназначенной для сообщенія нашему двору, тѣ изъ послѣдствій адріанопольскаго договора, которыя наиболѣе встревожили и правительство, и общественное мнѣніе въ Англіи: преобладающее положеніе, занятое Россіей на Востокѣ; пріобрѣтенія въ Азіи, устанавливающія русское владычество на восточномъ берегу Чернаго моря и преграждающія доступъ къ турецкимъ и персидскимъ областямъ; возрастающая независимость придунайскихъ земель, несовмѣстимая съ существованіемъ Турціи; статьи о свободѣ судоходства и торговли, ограничивающія державныя права султана; льготы, выговоренныя въ пользу русскихъ подданныхъ; денежное вознагражденіе превышающее финансовыя силы истощенной Порты. Великобританскій министръ не требовалъ впрочемъ измѣненій и еще менѣе отмѣны этихъ условій, а выражалъ лишь мнѣніе, что ими нарушено равновѣсіе, видоизмѣнено взаимное положеніе великихъ державъ на Востокѣ; что они угрожаютъ независимости Порты и не согласуются съ высказаннымъ императоромъ Николаемъ желаніемъ поддержать существованіе Оттоманской имперіи [1]).

Графу Нессельроде нетрудно было опровергнуть всѣ эти обвиненія. Если состояніе Турціи, возражалъ онъ, внушаетъ опасеніе, то вина въ томъ падаетъ не на Россію. Если подданные султана враждебно настроены противъ него, то причина тому ненавистныя народу преобразованія и бѣдствія войны, имъ же самимъ вызванной. Если вознагражденіе за военныя издержки тяжелымъ бременемъ ложится на финансы Порты, то отъ нея зависѣло, послѣ битвы при Кулевчѣ, заключить миръ на болѣе мягкихъ условіяхъ. Требованіе вознагражденія, какъ поземельнаго, такъ и денежнаго, вовсе не было бы предъявлено Россіей, если бы великія державы во-время вступили на указанный нами путь, для умиротворенія

---

[1]) Депеша эта, писанная лордомъ Абердиномъ къ Гейтсбери въ январѣ 1830 года, напечатана впервые въ *Annuaire des Deux Mondes* 1854 года, стр. 345 и слѣд.

Востока, а не предоставили разрѣшеніе этой задачи намъ однимъ. Приращеніемъ своихъ владѣній въ Азіи, Россія впрочемъ не нарушила основныхъ началъ европейскаго права, ибо гарантія территоріальнаго status quo Европы никогда не распространялась на Азію, что доказывается завоеваніями англичанъ въ Остъ-Индіи, противъ которыхъ мы никогда не протестовали. Въ виду произвольныхъ стѣсненій, налагаемыхъ Портой на торговое судоходство въ Константинопольскомъ проливѣ, Россіи оставалось либо связать ее занесенными въ адріанопольскій договоръ обязательствами, либо занять укрѣпленный пунктъ на Босфорѣ и господствовать надъ нимъ, какъ господствуетъ Англія надъ проливомъ Гибралтарскимъ. Что же касается обвиненія въ неисполненіи государемъ обѣщанія содѣйствовать поддержанію Оттоманской имперіи, то для полнаго опроверженія его достаточно указать на великодушіе, явленное побѣдителемъ. Одного лишняго перехода русской арміи было бы довольно, чтобы вызвать паденіе турецкаго царства. Между тѣмъ, оно продолжаетъ существовать. Потерявъ три четверти своихъ европейскихъ владѣній, оно получило ихъ обратно. Сама Порта готова была уступить намъ Молдавію, и мы отказались отъ нея. На основаніи трактата, мы имѣли право въ продолженіе десяти лѣтъ занимать Дунайскія Княжества и добровольно отреклись отъ этого права [1]).

Австрія была не менѣе Англіи встревожена глубокимъ упадкомъ Оттоманской имперіи и полнымъ торжествомъ Россіи надъ Портою. Дипломаты ея предвѣщали близкій конецъ турецкаго владычества въ Европѣ, военные указывали на пагубныя послѣдствія такого событія для положенія самой Австріи, какъ великой европейской державы. Въ теченіе цѣлаго столѣтія монархія Габсбурговъ то соединялась съ Россіей, то соперничала съ нею въ дѣлѣ покровительства христіанскому населенію Балканскаго полуострова. Этимъ путемъ она долго надѣялась распространить предѣлы своего могущества и вліянія въ сосѣднихъ странахъ, лелѣя въ будущемъ мечту о присоединеніи ихъ къ своимъ владѣніямъ. Съ мечтой этою приходилось разстаться. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждалъ высшій военный авторитетъ тогдашней Австріи, графъ Радецкій. Бывшій начальникъ штаба арміи въ эпоху войны за освобо-

[1]) Графъ Нессельроде князю Ливену 21 января (2 февраля) 1830.

жденіе и будущій побѣдитель при Новарѣ, въ составленной имъ запискѣ по этому вопросу, находилъ, что адріанопольскій миръ низводитъ Австрію на степень государства втораго разряда, тогда какъ Россія высоко подняла значеніе свое въ глазахъ восточныхъ христіанъ. Греки ей одной обязаны своимъ освобожденіемъ; благодаря ей же Молдавія, Валахія и Сербія получили независимое существованіе. Политика Россіи уподоблялась системѣ Наполеона, стремившагося окружить Францію рядомъ подчиненныхъ ей государствъ. «Молдавія и Валахія, Сербія и Греція,» спрашивалъ Радецкій, «эти четыре небольшія государства, зависящія отъ Россіи, развѣ не представляютъ основы подчиненнаго ей союза государствъ?» На вопросъ: можно ли задержать дальнѣйшіе успѣхи Россіи, онъ отвѣчалъ отрицательно. Сама Европа виновата въ нихъ, и Россія можетъ пострадать лишь вслѣдствіе собственныхъ ошибокъ. Австрія такъ же точно нуждается въ безпрепятственномъ судоходствѣ по Дунаю, какъ Россія въ свободномъ проходѣ чрезъ проливы. Въ этомъ одинаково заинтересованы всѣ австрійскія земли отъ Трансильваніи и Венгріи до Нижней и Верхней Австріи. Вѣнскому двору слѣдовало бы, сто лѣтъ тому назадъ, овладѣть обоими берегами Дуная и при устьѣ этой рѣки соорудить первоклассную крѣпость, для защиты входа и выхода. Это представляло для него болѣе важности, чѣмъ погоня за римско-императорскою короной, или за испанскимъ наслѣдствомъ. Между тѣмъ, для утвержденія вліянія своего въ придунайскихъ странахъ, Австрія прибѣгала лишь къ палліативамъ, то-есть къ договорамъ съ Портой. Но сила этихъ договоровъ подорвана адріанопольскимъ миромъ. Устья Дуная стали собственностью Россіи, отъ которой всегда зависитъ запереть выходъ изъ него въ море, въ чемъ нельзя ей воспрепятствовать иначе, какъ объявленіемъ войны. Благо Австріи и развитіе ея могущества, отнынѣ въ рукахъ Россіи [1]).

Все это, не менѣе Радецкаго, сознавалъ и князь Меттернихъ, хотя и не высказывалъ такъ громко и опредѣлительно. Австрійская монархія находилась въ состояніи полнаго безсилія политическаго, военнаго и финансоваго, при которыхъ ей нельзя было помышлять, безъ союзниковъ, безъ войска и безъ

---

[1]) Записка Радецкаго, хранящаяся въ архивѣ военнаго министерства въ Вѣнѣ и напечатанная въ извлеченіи Адольфомъ Беромъ въ изслѣдованіи его: *Die Orientalische Politik Oesterreichs.*, стр. 384 и слѣд.

денегъ, о вооруженномъ сопротивленіи Россіи. Скрѣпя сердце принесъ императоръ Францъ поздравленія свои русскому государю, по случаю заключенія мира, предоставивъ своему первому министру сдѣлать послѣднюю, робкую попытку парализовать его результаты. Князь Меттернихъ снова обратился къ излюбленному имъ замыслу: поставить подъ охрану и ручательство всѣхъ великихъ державъ независимость и цѣлость Оттоманской имперіи. По соглашенію съ герцогомъ Веллингтономъ, онъ убѣдилъ берлинскій кабинетъ завести о томъ рѣчь въ Петербургѣ.

Отвѣтъ русскаго двора былъ ясенъ и коротокъ. Вице-канцлеръ объявилъ, что опасности, грозящія существованію Турціи, двоякаго рода: внѣшнія и внутреннія. Европейская гарантія не въ состояніи предотвратить послѣднихъ. Внѣшняя же опасность можетъ угрожать Портѣ лишь со стороны Россіи. Такимъ образомъ, предложеніе державъ равносильно приглашенію насъ принять мѣры противъ насъ самихъ. Императоръ Николай никогда не согласится косвенно признать основательности питаемаго къ нему Европой недовѣрія. Требуемое отъ Россіи ручательство заключается въ договорахъ ея съ Портой [1]).

Взглядъ самого императорскаго кабинета на вытекавшія изъ этихъ договоровъ отношенія Россіи къ Турціи съ полною откровенностью выраженъ въ современномъ письмѣ графа Нессельроде къ цесаревичу Константину Павловичу. Вице-канцлеръ исходилъ въ немъ изъ того положенія, что Оттоманская имперія обязана намъ сохраненіемъ своего существованія. «Отъ нашихъ армій зависѣло,» продолжалъ онъ, «идти на Константинополь и низвергнуть турецкое царство. Ни одна изъ европейскихъ державъ не воспротивилась бы тому, никакая близкая опасность не угрожала бы намъ, если бы мы нанесли послѣдній ударъ Оттоманской монархіи въ Европѣ. Но, по мнѣнію государя, монархія эта, вынужденная отнынѣ существовать лишь подъ покровительствомъ Россіи и повиноваться ея волѣ, болѣе отвѣчаетъ нашимъ политическимъ и торговымъ интересамъ, чѣмъ всякая новая комбинація, которая вынудила бы насъ, либо путемъ завоеваній слишкомъ распространить наши владѣнія, либо замѣнить Оттоманскую им-

---

[1]) Графъ Нессельроде Алопеусу, 23 января (4 февраля) 1830.

перію государствами, которыя не замедлили бы соперничать съ нами въ могуществѣ, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ. На этомъ основномъ правилѣ его императорскаго величества покоятся нынѣ наши сношенія съ диваномъ. Коль скоро мы не хотимъ разрушенія турецкаго правительства, мы должны изыскивать средства поддержать его въ настоящемъ положеніи» [1]).

Итакъ, адріанопольскій миръ открывалъ новую эру въ отношеніяхъ нашихъ къ Турціи. Рѣшенія тайнаго комитета по восточнымъ дѣламъ не имѣли прямаго вліянія на сущность мирныхъ условій, но они опредѣлили тотъ путь, по которому обязана была слѣдовать впредь наша политика, намѣтили тѣ цѣли, къ достиженію коихъ она должна была стремиться. Съ того дня, какъ турецкіе уполномоченные, въ ставкѣ фельдмаршала графа Румянцова, подписали на барабанѣ Кайнарджійскій трактатъ, главною нашею политическою цѣлью въ Турціи было улучшеніе участи христіанскаго ея населенія, посредствомъ постепеннаго освобожденія его отъ тяжкаго ига мусульманъ. Мы и теперь не отказывались отъ этой цѣли, но подчиняли ее иной, а именно, поддержанію существованія Оттоманской имперіи. Едва ли наша тогдашняя дипломатія отдавала себѣ отчетъ въ степени возможности согласовать одну цѣль съ другою иначе, какъ на бумагѣ. Но, разсуждала она, Турція слаба и легче подчинится нашему вліянію, чѣмъ молодые государственные организмы, которые образовались бы изъ ея обломковъ. Въ этомъ отношеніи она была права лишь отчасти, ибо конечно нужно болѣе труда, знаній и умѣнья для водворенія нравственнаго вліянія въ нарождающихся христіанскихъ государствахъ, чѣмъ вліянія чисто матеріальнаго въ разлагающейся Турціи. Однако, и въ послѣднемъ случаѣ успѣхъ былъ возможенъ лишь при настойчивомъ проведеніи нашихъ политическихъ началъ, при непрерывной борьбѣ со вліяніемъ иностранныхъ правительствъ, не менѣе насъ заинтересованныхъ въ утвержденіи своего преобладанія на Босфорѣ.

Такъ и понималъ нашу задачу императоръ Николай. Къ сожалѣнію, ему недоставало того могучаго орудія помощью котораго великая Екатерина такъ высоко подняла въ свое

---

[1]) Графъ Нессельроде цесаревичу Константину Павловичу, 12 (24) февраля 1830.

время значеніе русскаго имени въ Турціи, въ Польшѣ, во всей Европѣ: дипломатовъ, русскихъ умомъ и душой. Представителями Россіи въ Левантѣ являлись, на высшихъ ступеняхъ, лица, хотя и русскія по имени, но подъ вліяніемъ преобладавшихъ въ нашей дипломатіи теченій утратившія всякую связь съ русскою народностью, ея языкомъ, нравами, вѣрованіями, съ историческими судьбами ея въ прошедшемъ и политическими идеалами въ будущемъ. Низшія же должности были почти всѣ, безъ исключенія, заняты инородцами, греками или левантинцами, уроженцами константинопольскихъ предмѣстій Галаты и Перы. Они образовали съ теченіемъ времени цѣлыя династіи, члены которыхъ передавали другъ другу вліятельныя и прибыльныя должности консуловъ и драгомановъ, какъ бы по праву наслѣдства, а между тѣмъ, ничто не связывало ихъ съ Россіей, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, ими изъ нея извлекаемыхъ [1]).

И, не смотря на эти крайне неблагопріятныя условія, воля государя была такъ тверда и непреклонна, такъ сильно впечатлѣніе, произведенное русскими побѣдами на воспріимчивое воображеніе турокъ, что въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, со дня подписанія адріанопольскаго мира, политическая программа императора Николая, во всей полнотѣ своей, была осуществлена на Босфорѣ. Преобладающее вліяніе Россіи въ Турціи стало явленіемъ неоспоримымъ, въ молчаніи признаннымъ Европой, и даже запечатлѣннымъ новымъ торжественнымъ договоромъ [2]).

---

[1]) Корыстолюбіе и продажность находившихся въ русской службѣ левантинцевъ были хорошо извѣстны императору Александру I, который, назначая адмирала Чичагова главнокомандующимъ дунайской арміей въ 1812 году, предостерегалъ его отъ состоявшихъ при главной квартирѣ двухъ драгомановъ нашего константинопольскаго посольства. «Они проданы туркамъ», писалъ о нихъ государь. (Императоръ Александръ I Чичагову, 2 (14) мая 1812). Насколько подобнаго рода люди были плохими проводниками русскаго вліянія на Востокѣ, видно изъ отзыва П. Д. Киселева, въ письмѣ къ А. А. Закревскому, жаловавшагося, «что мы имѣли талантъ населить весь край (Дунайскія Княжества) греками изъ Перы и ими раздражить всѣхъ противъ нашего правительства. Теперь одного плута отозвали и замѣнили другимъ: консула Лели взяли, а Пизани дали, то есть промѣняли кукушку на ястреба". (Киселевъ Закревскому, 12 (24) февраля 1829). По возобновленіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей въ 1829 году, левантинцы наши возвратились на насиженныя ими мѣста.

[2]) Договоръ, заключенный между Россіею и Турціею въ Ункіаръ Искелесси, 26 іюня (8 іюля) 1833.

Но дѣйствительно ли выгоды отъ сохраненія Оттоманской имперіи въ Европѣ превышали для насъ его невыгоды, какъ единогласно утверждали наши государственные люди того времени? Исторія послѣдующихъ событій служитъ прямымъ и неопровержимымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Утрата русскаго вліянія въ Греціи.

Внимательно всматриваясь въ сущность постановленій адріанопольскаго мирнаго договора, нельзя не признать нѣкотораго противорѣчія между основною мыслью, его внушившею, и вызванными имъ политическими результатами. Останавливая побѣдоносныя войска свои предъ воротами Царьграда, русскій дворъ имѣлъ въ виду не наносить смертельнаго удара Оттоманской имперіи, потому что признавалъ существованіе ея полезнымъ для Россіи. Но въ то же самое время, полагая начало полусамостоятельнымъ государственнымъ организмамъ въ фактически отдѣленныхъ отъ Турціи областяхъ, мы ускоряли процессъ внутренняго разложенія этой державы и такимъ образомъ приближали окончательное паденіе мусульманскаго господства надъ христіанскими народностями Балканскаго полуострова.

Начиная со второй половины XVIII столѣтія, въ совѣтахъ европейскихъ государствъ не разъ возбуждался вопросъ о будущей участи земель, входившихъ въ составъ имперіи султановъ. Всего болѣе опасались на Западѣ, какъ бы турецкое наслѣдство въ полномъ своемъ составѣ не досталось на долю Россіи. Дѣйствительно, въ теченіе какихъ-нибудь сорока лѣтъ, она послѣдовательно присоединила къ своимъ владѣніямъ область между Днѣпромъ и Бугомъ, весь Крымскій полуостровъ, участокъ между Бугомъ и Днѣстромъ, наконецъ Бессарабію съ границей по Пруту и Дунаю, не считая обширныхъ пріобрѣтеній на Кавказѣ и за Кавказомъ. Опасность поглощенія Европейской Турціи Россіей казалось до того неотвратимою, что такіе честолюбцы, какъ Іосифъ II и даже Наполеонъ, не

пытались препятствовать намъ и только помышляли объ обезпеченіи за собою, путемъ соглашенія съ нами, извѣстной, разумѣется, возможно большей доли изъ турецкаго раздѣла.

Итакъ, дѣлежъ Оттоманской имперіи между сосѣдними государствами—далѣе этого не шли соображенія западно-европейскихъ политиковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій. Иначе смотрѣла на тотъ же вопросъ императрица Екатерина II. Она находила естественнымъ и законнымъ образованіе на развалинахъ Турціи самостоятельныхъ христіанскихъ государствъ, тѣсно связанныхъ съ Россіей единствомъ вѣры и общностью политическихъ интересовъ. Составленное изъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, Дакійское королевство предназначалось ею для князя Потемкина, а возстановленный въ Царьградѣ престолъ византійскихъ императоровъ былъ обѣщанъ второму внуку ея, цесаревичу Константину Павловичу. Само собою разумѣется, что оба эти государства должны были, по мысли великой императрицы, обязательно входить въ составъ общей политической системы русскаго двора, пользоваться защитой Россіи, но и подчиняться ея вліянію.

Отсюда занесенная въ договоры наши съ Турціей постоянная заботливость русскихъ государей о судьбѣ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ, выговоренныя въ пользу всѣхъ ихъ, безъ различія языка или племени, обширныя права и преимущества, политическое обособленіе ближайшихъ къ намъ областей, Молдавіи и Валахіи, а впослѣдствіи и Сербіи. По адріанопольскому трактату эти три княжества были на самомъ дѣлѣ окончательно выдѣлены изъ состава Оттоманской имперіи, сохранившей надъ ними чисто номинальное господство, а Греція не замедлила даже достигнуть признанія полной своей независимости.

Императоръ Николай никогда не былъ противникомъ провозглашенія Греціи независимымъ государствомъ. Если, по петербургскому протоколу 1826 года и по лондонскому договору 1827, предположено было оставить эту страну подъ верховнымъ владычествомъ султана, обезпечивъ за нею полную свободу внутренняго самоуправленія, то лишь потому, что на такую комбинацію легче было согласить соучастниковъ нашихъ въ тройственномъ союзѣ, дворы англійскій и французскій, и даже, повидимому, получить согласіе самой Порты. Когда, весной 1828 года, незадолго до начала войны нашей

съ Турціей, князь Меттернихъ выступилъ съ предложеніемъ признать грековъ независимыми, въ видѣ понудительной мѣры противъ турокъ, то государь самъ отвѣчалъ австрійскому послу, что ничего не имѣетъ противъ такого рѣшенія, коль скоро оно будетъ признано кабинетами лондонскимъ и парижскимъ [1]). Въ самый разгаръ русско-турецкой войны, графъ Нессельроде писалъ послу нашему въ Лондонѣ: «Мы уже имѣли случай объявить, вслѣдствіе меморандума вѣнскаго двора, что если союзники наши сочтутъ независимость Греціи болѣе способною упрочить миръ Востока, то мы не воспротивимся этой комбинаціи. Повидимому, она заслужила нынѣ просвѣщенное одобреніе герцога Веллингтона, такъ какъ онъ первый воспроизвелъ ее. Вы прекрасно поступили, допустивъ ее въ будущемъ. Мы признаемъ простоту и выгоду ея, и вы приглашаетесь быть наготовѣ принять эту мысль въ соображеніе, и при обсужденіи ея снова въ конференціи, дать ей надлежащее развитіе» [2]).

Сентъ-джемскій кабинетъ трижды возбуждалъ вопросъ о независимости Греціи и трижды же отступался отъ него, какъ только русскій дворъ изъявлялъ свое согласіе. Лишь по заключеніи адріанопольскаго мира, герцогъ Веллингтонъ измѣнилъ взглядъ свой на этотъ предметъ и впалъ въ противоположную крайность: Турція представлялась ему пораженною на смерть, а Греція—призванною замѣнить ее, въ качествѣ оплота противъ распространенія власти Россіи на Востокѣ [3]). Независимость Греціи, по мнѣнію герцога, была необходима въ интересахъ самого султана [4]). Съ послѣднимъ доводомъ соглашался и Меттернихъ, хотя и оговаривался, что «турки еще не умерли, а только сами сочли себя побитыми, греки же не живутъ и долго еще будутъ влачить заимствованное существованіе». «Впрочемъ,» разсуждалъ австрійскій канцлеръ, «главное, чтобъ отнынѣ существенныя перемѣны въ судьбахъ Востока не почитались болѣе исключительною принадлежностью Россіи, но чтобы тѣ изъ нихъ, которыя окажутся необходимыми, производились съ общаго согласія державъ. Прошлое, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, указываетъ на достойныя сожа-

---

[1]) Графъ Зичи князю Меттерниху, 12 (24) апрѣля 1828.
[2]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 16 (28) августа 1828.
[3]) Князь Эстергази князю Меттерниху, 30 сентября (12 октября) 1829.
[4]) Лордъ Абердинъ лорду Коулею, 1 (13) ноября 1829.

ленія уступки, сделанныя Россіи. Учрежденіе новаго греческаго государства должно быть также гарантировано, въ интересахъ мира на Востокѣ и существованія Турціи. Мы предпочитаемъ независимость государства ограниченному подчиненію его другому политическому тѣлу. Верховное владычество надъ Греціей стало бы для султана лишь вѣчнымъ источникомъ придирокъ. Не столь важно опредѣленіе пространства и государственнаго устройства Греціи, сколько обезпеченіе спокойствія Турціи. На первомъ планѣ должны стоять сохраненіе Турціи и окончательная организація греческаго государства.» Препятствіе независимости Греціи Меттернихъ усматривалъ лишь въ непреоборимомъ упорствѣ султана [1]).

Препятствіе это было устранено, благодаря великодушію императора Николая. Онъ не могъ не знать того значенія, которое придавали провозглашенію Греціи независимымъ государствомъ дворы лондонскій и вѣнскій, значенія, прямо враждебнаго Россіи и распространенію ея традиціоннаго вліянія на Востокѣ. Не смотря на то, онъ не только не противился независимости грековъ, но убѣдилъ согласиться на нее короля французскаго, и даже взялъ на себя побудить и султана, чтобы тотъ добровольно отказался отъ верховныхъ правъ надъ Греціей, признанныхъ за нимъ 10-ю статьей адріанопольскаго трактата. Съ этою цѣлью, отправленному въ Константинополь, для возстановленія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей, генералъ-адъютанту графу Орлову предписано было предложить Портѣ скидку одного милліона червонцевъ со слѣдовавшаго намъ съ нея вознагражденія за военныя издержки. въ томъ случаѣ, если она согласится измѣнить статью адріанопольскаго договора, относящуюся до Греціи, и признать полную независимость послѣдней. Султанъ съ благодарностію принялъ благодѣяніе русскаго императора и поспѣшилъ послѣдовать его совѣту. Донося объ этомъ своему государю, прусскій посланникъ въ Константинополѣ восклицалъ: «Я давно мечталъ о политикѣ благородной, великой, великодушной со стороны сильнаго, по отношенію къ слабому, и вотъ уже восемь мѣсяцовъ, какъ испытываю неизъяснимое удовольствіе, видя осуществленіе этой мечты моей жизни въ политикѣ того,

---

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 12 (24) ноября 1829.

кто болѣе чѣмъ зять вашему величеству, будучи вашимъ другомъ»[1]).

Императоръ Николай не боялся независимости Греціи. Онъ видѣлъ въ ней увѣнчаніе зданія, воздвигнутаго собственными его руками, успѣшный исходъ перваго опыта полнаго освобожденія единовѣрной намъ націи отъ вѣковаго ига мусульманъ. Обязанные намъ своею свободой, греки, казалось ему, не могли передаться на сторону нашихъ противниковъ.

«Греція», заявлялъ князю Меттерниху графъ Нессельроде, при свиданіи лѣтомъ 1830 года, въ Карлсбадѣ, «станетъ разъ навсегда дополненіемъ того вліянія, коимъ русскій дворъ долженъ пользоваться во всѣхъ частяхъ Востока и котораго не въ силахъ лишить его ни одна держава въ мірѣ.» Въ этихъ словахъ вице-канцлера несомнѣнно сказывался отголосокъ мнѣній самого государя[2]).

Такъ понималъ императоръ Николай задачу русской дипломатіи по отношенію къ Греціи. Исполненіе ея повидимому не представляло затрудненій. Русское вліяніе среди греческаго населенія Востока покоилось на твердомъ и широкомъ историческомъ основаніи. Чтобъ убѣдиться въ томъ, необходимо оглянуться по меньшей мѣрѣ на четыре вѣка назадъ.

Съ паденіемъ Византійской имперіи не прекратились исконныя сношенія русской церкви съ единовѣрными церквами восточными. Нѣсколько измѣнился лишь характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Не митрополиты московскіе ѣздили теперь ставиться въ Царьградъ, а верховные пастыри православнаго Востока начали пріѣзжать въ Москву за щедрою милостыней, въ которой никогда не отказывали имъ благочестіе и политика русскихъ государей. Съ учрежденіемъ въ Москвѣ всероссійскаго патріаршаго престола, глава русской церкви занялъ въ ряду греческихъ іерарховъ третье мѣсто, ниже патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго, но выше антіохійскаго и іерусалимскаго. Духовное общеніе наше съ Востокомъ тщательно поддерживалось съ обѣихъ сторонъ въ теченіе XVI и XVII столѣтій, проявлялось, между прочимъ, въ живомъ участіи, принимаемомъ восточными святителями въ важнѣйшихъ событіяхъ нашей церковной исторіи. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что со времени утраты

[1]) Ройе королю Фридриху-Вильгельму III, 14 (26) апрѣля 1830.

[2]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) августа 1830.

*

народной независимости греками, православная церковь являлась единственною выразительницей их бытія, не только духовнаго, но и гражданскаго, и политическаго.

При такихъ обстоятельствахъ, на единовѣрной Россіи весьма естественно сосредоточились всѣ надежды восточныхъ христіанъ на освобожденіе отъ тяжкаго мусульманскаго ига. Надежды эти внушали и поддерживали духовные ихъ пастыри, свидѣтели-очевидцы быстро возраставшаго могущества московскихъ государей. Народъ съ глубокою вѣрой передавалъ, отъ одного поколѣнія къ другому, современное паденію Царьграда пророчество Агаоангела: «Бѣлокудрые мужи, именуемые Россъ, придутъ отъ сѣвера, низвергнутъ владычество бусурманъ и снова водрузятъ крестъ надъ полумѣсяцемъ».

Исполненіе этого пророчества показалось близкимъ, когда по всему Востоку пронеслась вѣсть о подвигахъ величайшаго изъ русскихъ государей. Побѣды Петра надъ шведами нашли живой отголосокъ въ сердцахъ несчастныхъ христіанскихъ подданныхъ султана. Турецкій походъ 1711 года привѣтствовали они какъ первый шагъ къ своему освобожденію. Даже прутская неудача не успѣла поколебать въ нихъ чувства удивленія и благоговѣнія къ великому императору, въ богатырской личности коего они видѣли воплощеніе русской мощи и всемірно-историческаго призванія Россіи.

Вынужденная самою Портой вступить въ борьбу съ нею, Екатерина II сразу оцѣнила всю пользу, которую мы могли извлечь изъ такого расположенія подвластныхъ султану христіанскихъ племенъ, возбудивъ возстаніе ихъ въ тылу нападавшаго на насъ непріятеля. Возлагая на графа А. Г. Орлова руководство этимъ дѣломъ, императрица не скрывала отъ себя трудностей предпріятія, но считала его «въ естествѣ, великою затѣей».[1]) Эмиссары были посланы во всѣ концы Балканскаго полуострова: сербы Эздимировичъ и Бѣличъ «въ Черную гору и къ окрестнымъ съ оною народамъ»; болгаринъ Каразинъ «въ Валахію, Молдавію и другія внутреннія турецкія провинціи»; наконецъ, венеціанскій грекъ, Петушинъ, въ Албанію и Майну. Они везли съ собою воззванія, приглашавшія восточныхъ христіанъ возстать противъ «врага имени Христова». «Да будетъ первымъ и верховнымъ вашимъ по-

[1]) Императрица Екатерина II графу Алексѣю Орлову, 6 (17) мая 1769.

печеніемъ,» писала государыня Орлову, «приводить всѣ тамошніе народы или бо̀льшую ихъ часть въ тѣсное между собою единомысліе и согласіе видовъ, а приведя ихъ къ онымъ, яснымъ убѣжденіемъ собственной ихъ временной пользы и надеждой общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, особливо же равною всѣхъ православныхъ христіанъ обязанностью защищать святую церковь и самое благочестіе, распорядить всѣ ваши мѣры и приготовленія въ непроницаемой тайнѣ, такимъ образомъ, чтобы принятіе оружія сколько возможно вездѣ въ одно время или вскорѣ одного народа за другимъ, а съ онымъ и на непріятеля съ разныхъ сторонъ большими и соединенными силами, а не малыми и разсыпанными каждаго народа кучами, вдругъ нечаянное нападеніе послѣдовать могло, съ положеннымъ напередъ намѣреніемъ, какъ и куда продолжать дальнѣйшія дѣйствія и гдѣ основать надежный себѣ пласъ д'армъ, безъ чего, кажется, никакъ обойтиться не можно, какъ для запасенія воюющимъ нужнаго пропитанія, такъ и для надежнаго иногда убѣжища отъ нашествія превосходныхъ силъ» [1]).

Императрицу озабочивалъ не только успѣхъ возстанія «благочестивыхъ и единовѣрныхъ намъ народовъ,» но и будущая ихъ участь, въ особенности же, въ случаѣ достиженія ими независимости, признаніе ея европейскими державами. Орлову вмѣнялось въ обязанность, «соединя въ свое предводительство разные греческіе народы, какъ можно скорѣе составить изъ нихъ нѣчто видимое и между собою къ общему подвигу соединенное, которое бы свѣту представилось новымъ и цѣлымъ корпусомъ, и чтобъ опять сей новый корпусъ, составлялясь публичнымъ актомъ (который какъ можно больше во всѣ стороны разсѣянъ быть имѣетъ) и объявя въ онамъ политическое свое бытіе, отозвался по всей христіанской республикѣ въ слѣдующей напримѣръ силѣ.» Слѣдовало начертанное государыней воззваніе восточныхъ христіанъ къ Европѣ, въ которомъ изъяснялось: «Что многочисленные греческіе народы, бывъ попущеніемъ Божіимъ подвергнуты тяжкому игу злочестія агарянскаго и не возмогши болѣе сносить мучительства, утѣсненія, грабежа и насильствъ тирана своего, которые изо

¹) Императрица Екатерина II графу Алексѣю Орлову, 29 января (9 февраля) 1769.

дня въ день несноснѣе становились и грозили уже имъ явнымъ и конечнымъ истребленіемъ, не только ихъ самихъ, но и самого христіанства, по послѣдней мѣрѣ, въ ихъ земляхъ, нашли себя наконецъ принужденными возстать противу его варварства и низринуть оковы порабощенія; что начатая турками толь беззаконная и вѣроломная война противу имперіи россійской была, съ одной стороны, тѣмъ пунктомъ, въ которомъ горестное ихъ состояніе, по неистовой ненависти сихъ варваровъ къ единозаконію ихъ съ россіянами, становилось отъ часу бѣдственнѣе, но, съ другой, и подало имъ давно желаемый случай къ освобожденію своему; что теперь, призвавъ въ помощь Христа Спасителя, противу котораго нечестіе Магометово толико злости и хулы произноситъ, и принявъ оружіе, соединились они всѣ между собою священнымъ союзомъ присяги, и намѣрены до послѣдней капли крови стоять за вѣру и вольность свою; что они такимъ образомъ совокупясь воедино и составя новый членъ въ республикѣ христіанской, всѣхъ государей и областей молятъ и просятъ, заклиная ихъ ранами и кровію общаго всѣмъ Спасителя, дабы они ихъ въ семъ качествѣ признали и снабдили, по возможности, всякою помощью и покровительствомъ; что они, со своей стороны, всегда и всячески стараться будутъ заслуживать такое благодѣяніе, которое впрочемъ всему христіанству равную пользу принесть можетъ, дѣлая изъ нихъ новую преграду высокомѣрію, хищности и вѣроломству Порты Оттоманской; и что впрочемъ они, вкушая теперь плоды драгоцѣнной вольности и возвращая себѣ свободу христіанскаго исповѣданія, лучше хотятъ всѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, пасть, нежели послѣ видѣть себя подверженными узамъ рабства, оставляя тутъ страшному суду Божію мстить тѣмъ, кои, забывъ христіанство, стали бы, по какимъ-либо неожиданнымъ видамъ собственнаго тщеславія или корысти, способствовать противу ихъ непримиримому врагу имени христіанскаго.»

Въ концѣ іюля 1769 года, русская эскадра подъ флагомъ адмирала Спиридова отплыла изъ Кронштадта, направляясь въ Средиземное море. Она состояла изъ семи линейныхъ кораблей, одного фрегата, одного бомбардирскаго корабля и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Кромѣ экипажа, на ней находилось дессантныхъ войскъ 5,582 человѣка. Въ октябрѣ, за нею послѣдовала вторая эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала

Эльфинстона, въ составѣ трехъ кораблей, двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ транспортовъ. По прибытіи въ Архипелагъ, главное начальство надъ обѣими эскадрами принялъ графъ А. Г. Орловъ, въ силу особыхъ полномочій императрицы поднявшій на своемъ кораблѣ кейзеръ-флагъ [1]).

Внезапное появленіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ поразило современниковъ удивленіемъ. Въ письмѣ къ Екатеринѣ, Вольтеръ сравнивалъ этотъ подвигъ со знаменитымъ походомъ Ганнибалла въ Италію. Турки не вѣрили своимъ глазамъ, ибо, какъ свидѣтельствовалъ французскій посолъ въ Константинополѣ, по невѣжеству своему, считали Средиземное море закрытымъ и не подозрѣвали о существованіи Гибралтарскаго пролива. Трудно описать восторгъ грековъ при появленіи въ Архипелагѣ военнаго флота христіанской державы, невиданнаго въ этихъ водахъ съ того времени, какъ турки отняли у венеціянцевъ моря и окрестные острова.

Первыми появились у береговъ Пелопоннеза два корабля изъ эскадры Спиридова и 17-го февраля (1-го марта) 1770 года, бросили якорь въ заливѣ Витуло, на полуостровѣ Майнѣ. Находившійся на этихъ судахъ братъ главнокомандующаго, графъ Ѳедоръ Орловъ, тотчасъ же высадился на берегъ и началъ формировать изъ мѣстныхъ жителей два легіона, названные имъ *спартанскими*. Начальство надъ восточнымъ легіономъ ввѣрено было капитану Баркову, надъ западнымъ—маіору князю Петру Долгорукову. Каждому изъ нихъ было придано по одному русскому унтеръ-офицеру и по двѣнадцати рядовыхъ. Первыя дѣйствія этихъ легіоновъ были успѣшны. Долгоруковъ пошелъ вдоль берега и занялъ Каламату и Аркадію. Барковъ углубился внутрь полуострова, взялъ Спарту и дошелъ до Триполицы, но здѣсь былъ встрѣченъ превосходнымъ численностью непріятелемъ, разбитъ и тяжело раненъ.

Высадивъ сухопутныя войска въ заливѣ Витуло, графъ Ѳедоръ Орловъ самъ пошелъ на судахъ къ Модону. 10-го (21-го) апрѣля сдалась на капитуляцію крѣпость Наваринъ, атакованная съ моря бригадиромъ Ганнибаломъ, съ суши западнымъ

---

[1]) Въ слѣдующемъ 1770 году, въ подкрѣпленіе находившихся въ Архипелагѣ морскихъ силъ нашихъ, отправлена была изъ Кронштадта третья эскадра, изъ трехъ линейныхъ кораблей и одного фрегата, а въ 1772 году, четвертая, также изъ трехъ кораблей. На первой изъ нихъ находилось 2,600 человѣкъ дессанта.

спартанскимъ легіономъ князя Долгорукова. По сосредоточеніи въ наваринской гавани всей эскадры Спиридова, главнокомандующій отрядилъ генералъ-маіора князя Юрія Долгорукова съ частью дессантныхъ войскъ къ Модону и поручилъ ему произвести осаду этой крѣпости. Но начатая подъ столь счастливыми предзнаменованіями, морейская экспедиція окончилась весьма скоро и плачевно: сильный турецкій отрядъ пришелъ на выручку къ обложенному нами Модону и на голову разбилъ осаждавшій его корпусъ. Мы потеряли 215 человѣкъ убитыми и 304 ранеными, въ числѣ коихъ былъ и самъ князь Юрій Долгоруковъ. Главною причиной этого пораженія была неустойчивость греческихъ легіонеровъ, которые будучи въ числѣ 800 человѣкъ поставлены для охраненія высотъ и тѣснинъ, при приближеніи непріятеля, тайно ночью разбѣжались и, такимъ образомъ, дали ему возможность напасть на наши дессантныя войска врасплохъ. «Сей неблагополучный день,» доносилъ графъ Алексѣй Орловъ императрицѣ, «превратилъ всѣ обстоятельства и отнялъ всю надежду имѣть успѣхи на землѣ.» Не считая возможнымъ удержать за собою занятыя мѣста въ Мореѣ, главнокомандующій посадилъ всѣ войска свои на суда и, взорвавъ Наваринскія укрѣпленія, 26-го мая (6-го іюня) вышелъ въ открытое море.

Впрочемъ, тягостное впечатлѣніе, произведенное на грековъ нашими неудачами въ Пелопоннезѣ и оставленіемъ этого полуострова, не замедлило изгладиться блестящимъ подвигомъ русской эскадры: пораженіемъ и сожженіемъ всего турецкаго флота въ Чесменской гавани, 24-го и 26-го іюня (5-го и 7-го іюля) 1770 года. Послѣдствіемъ этой рѣшительной побѣды было, что до самаго конца войны, турецкій флотъ не смѣлъ болѣе показываться въ Архипелагѣ, и флотъ нашъ, овладѣвъ восемнадцатью въ немъ островами, привелъ ихъ въ подданство императрицы всероссійской.

Такое превосходство русской силы надъ турецкою высоко подняло наше значеніе въ глазахъ христіанскаго населенія Леванта. Попытка вдохнуть въ него мужество и единодушіе и побудить къ поголовному возстанію противъ вѣковыхъ своихъ притѣснителей оказалась преждевременною и потому—неудачною. Но какъ бы ни была, выражаясь словами Екатерины, «свойственна грекамъ или лучше сказать врожденна имъ склонность къ рабству и совершенное въ характерѣ ихъ легко-

мыслie», какъ ни выказали они себя трусами и даже предателями, «особливо подъ Модономъ, толико пакости намъ причинившими» [1]), не подлежитъ сомнѣнію, что весь греческій народъ въ заревѣ чесменскаго боя увидѣлъ зарю близкаго своего освобожденія. Это полное торжество крестоноснаго флага надъ полумѣсяцемъ, коего греки сами были свидѣтелями, до сего времени воспѣвается въ ихъ народныхъ пѣсняхъ.

Скоро кайнарджійскій миръ упрочилъ за нами плоды русскихъ побѣдъ на сушѣ и на морѣ. Порта признала право Россіи покровительствовать православной вѣрѣ на всемъ пространствѣ оттоманскихъ владѣній (ст. 7-я) и въ частности, обязалась предъ нами даровать не только амнистію, но и обширныя льготы и преимущества жителямъ Молдавіи, Валахіи и островъ Архипелага (ст. 1, 16 и 17) [2]). Въ силу этихъ постановленій, русскій представитель въ Константинополѣ сдѣлался законнымъ заступникомъ и защитникомъ значительной части христіанскихъ подданныхъ султана. Такое же назначеніе имѣли, впервые учрежденныя, генеральное консульство въ Архипелагѣ, консульства въ Смирнѣ и Синопѣ, и вице-консульство въ Дарданеллахъ [3]). Полная свобода, предоставленная русской торговлѣ и мореплаванію въ турецкихъ предѣлахъ, побудила грековъ принимать наше подданство или по крайней мѣрѣ заручаться покровительствомъ русскихъ дипломатическихъ и консульскихъ властей. Подъ прикрытіемъ нашего торговаго флага, греческія суда начали свободно ходить по морямъ Средиземному и Черному, а съ приближеніемъ русскихъ границъ къ берегамъ послѣдняго, греки стали естественными посредниками между нашими черноморскими портами и рынками юго-западной Европы. Они забрали въ свои руки всю хлѣбную торговлю южной Россіи съ Австріей, Италіей, Франціей и Испаніей. Богатыя колоніи греческихъ торговцевъ завелись въ приморскихъ городахъ всѣхъ этихъ странъ. Одновременно поднялось и развилось благосостояніе Сиры, Гидры и многихъ другихъ тор-

---

[1]) Императрица Екатерина II графу Алексѣю Орлову, 3 (14) сентября 1770 и 22 марта (2 апрѣля) 1771.

[2]) Мирный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи 10 (21) іюля 1774.

[3]) Вышеперечисленныя консульства значатся по штату иностранной коллегіи 1779 года. По первому же штату ея 1722 года учреждена была лишь постоянная миссія въ Константинополѣ.

говыхъ центровъ Архипелага. Изъ безправной дотолѣ райи стали въ значительномъ числѣ выходить люди зажиточные: шкипера, арматоры, негоціанты. Естественнымъ результатомъ накопленія богатствъ явилось и распространеніе образованія между греками. Все это было прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ кайнарджійскаго договора, и конечно содѣйствовало утвержденію русскаго вліянія во всѣхъ слояхъ греческаго населенія. Высшіе его классы, церковная іерархія и аристократія Фанара, безъ того вынуждены были заискивать въ насъ: первая, чтобы воспользоваться нашимъ правомъ предстательства въ пользу православія въ Турціи, вторая, дабы снискать расположеніе державы, отъ которой въ значительной степени зависѣло назначеніе на прибыльныя должности господарей Валахіи и Молдавіи.

Но не одни матеріальные интересы грековъ находили себѣ удовлетвореніе подъ мощнымъ покровомъ русской державы. Россія благосклонно относилась и къ высшимъ ихъ нравственнымъ стремленіямъ: желанію сбросить съ себя тяжелое иновѣрческое иго и достигнуть полной народной независимости. Знаменитый «греческій проектъ» Екатерины получилъ въ свое время широкую огласку и немало способствовалъ упроченію нашего вліянія и сочувственной преданности намъ на всемъ Востокѣ. Во вторую турецкую войну 1788—1791 годовъ, многочисленные волонтеры изъ грековъ уже храбро сражались въ рядахъ русскихъ войскъ.

Прямо противоположная Екатерининской, восточная политика Павла, которой слѣдовалъ и императоръ Александръ въ первые годы своего царствованія, политика, провозгласившая однимъ изъ основныхъ началъ своихъ поддержаніе Турціи [1]), мало измѣнила отношенія къ намъ нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ. Продолжительное пребываніе русскаго флота въ Архипелагѣ и занятіе русскими войсками Іоническихъ острововъ (1802—1807) создали новую связь между нами и греческимъ населеніемъ, какъ этихъ острововъ, такъ и противоположнаго греко-албанскаго берега. Капитаны Румеліи и Эпира приняли подъ русскими знаменами участіе въ изгнаніи французовъ изъ владѣній Іонической республики, Албаніи и Далмаціи. Вслѣдъ

[1]) См. 5 ст. русско-австрійскаго союзнаго договора 25 октября (6 ноября) 1804.

затѣмъ началась новая война между Россіей и Портой побудившая императора Александра возвратиться къ началамъ политики Екатерины II по отношенію къ Востоку. Состоявшееся въ Тильзитѣ примиреніе съ Наполеономъ какъ бы наталкивало Александра на этотъ путь, ибо по одной изъ тайныхъ статей тильзитскаго договора, Россія и Франція согласились, въ виду извѣстныхъ случайностей, «дѣйствовать сообща противъ Порты и условиться объ изъятіи всѣхъ областей Оттоманской имперіи въ Европѣ изъ-подъ ига и притѣсненій турокъ, за исключеніемъ города Константинополя и Румеліи» [1]. Но соглашеніе наше съ Франціей продолжалось недолго, и мы вынуждены были заключить букурештскій миръ съ турками, вслѣдствіе необходимости сосредоточить всѣ наши силы для отраженія нашествія французовъ на Россію.

Побѣдоносный исходъ Отечественной войны, завершившійся торжественнымъ вступленіемъ императора Александра въ Парижъ, во главѣ войскъ соединенной Европы, произвелъ сильное впечатлѣніе на умы христіанъ Востока. Основанный русскимъ государемъ Священный Союзъ всѣхъ европейскихъ державъ, изъ котораго исключена была одна Турція, они сочли за первый шагъ къ совокупному дѣйствію христіанскихъ монарховъ противъ врага имени Христова; пылкому ихъ воображенію императоръ Александръ представлялся уже въ челѣ крестоносной рати, водружающимъ крестъ надъ храмомъ св. Софіи.

Въ сорокалѣтній промежутокъ, истекшій со дня заключенія кайнарджійскаго трактата и до вѣнскаго конгресса, греки измѣнились во многомъ. Соотвѣтственно развитію ихъ матеріальнаго благосостоянія поднялся и образовательный ихъ уровень, а съ нимъ и жажда политической независимости. Они не остались чужды и вліянію освободительныхъ идей, распространенныхъ французскою революціей по всей Европѣ. Первая гетерія. основанная въ 1796 году поэтомъ Ригасомъ съ цѣлью освобожденія Греціи, искала пріобрѣсти покровительство генерала Бонапарта, только что прославившаго себя блестящими побѣдами надъ австрійцами въ Италіи. Извѣстенъ плачевный конецъ этого предпріятія. Ригасъ былъ схваченъ въ Тріестѣ австрійскими властями, выданъ ими туркамъ и казненъ. Тай-

---

[1]) Тайный договоръ, заключенный въ Тильзитѣ между Россіей и Франціей, 13 (25) іюня и 25 іюня (7 іюля) 1807.

ное общество его распалось, но поданный примѣръ не остался безъ подражателей. Однако, послѣ разгрома наполеоновской Франціи, греки не могли уже ожидать отъ нея какой-либо поддержки или помощи. Взоры большинства снова обратились на Россію. Тамъ, а именно въ Одессѣ, въ 1814 году, три греческіе торговца, Скуфасъ изъ Арты, Цакановъ изъ Янины и Ксанѳосъ изъ Патмоса, учредили, подъ названіемъ «общества друзей», тайное общество, цѣлью коего было освобожденіе всего христіанскаго Востока отъ ига мусульманъ и возрожденіе независимой Греціи. Вскорѣ общество это обширною сѣтью покрыло не только Востокъ, но и Западъ, насчитывая сотнями своихъ членовъ: то были греки, жившіе, какъ въ самой Греціи, такъ и въ чужихъ краяхъ, и стоявшіе на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Успѣху пропаганды немало содѣйствовала таинственность, которою руководители гетеріи сумѣли окружить себя, намекая новобранцамъ, что во главѣ ея стоитъ никто иной, какъ самъ русскій императоръ.

Нѣчего и говорить, что въ дѣйствительности, императоръ Александръ не только не покровительствовалъ «обществу друзей», но и не подозрѣвалъ о его существованіи. Въ эту эпоху своей жизни, онъ тщательно избѣгалъ всякихъ политическихъ осложненій, и задачей своею считалъ сохраненіе въ Европѣ порядка и мира, купленныхъ столь дорогою цѣной и возстановленныхъ съ такимъ трудомъ. Лично онъ былъ расположенъ къ грекамъ и, приближая къ себѣ графа И. А. Каподистрію, назначая его статсъ-секретаремъ своимъ для завѣдыванія иностранными дѣлами, говорилъ ему, что не худо, чтобы соотечественники его имѣли въ немъ ходатая предъ русскимъ государемъ. Но и не болѣе. Когда Каподистрія задумалъ воспользоваться несогласіями нашими съ Портой, возникшими по вопросу объ исполненіи нѣкоторыхъ статей бухарестскаго договора, дабы признать этотъ договоръ для насъ необязательнымъ и потребовать отъ султана болѣе обширныхъ правъ въ пользу Молдавіи, Валахіи и Сербіи, поддержавъ это требованіе движеніемъ войскъ къ южной границѣ, императоръ не утвердилъ такого предположенія. «Все это прекрасно обдумано,» сказалъ онъ Каподистріи, «но чтобъ осуществить вашъ планъ, надо воевать, а я этого не хочу. Довольно съ насъ войнъ на Дунаѣ. Онѣ деморализуютъ арміи. Вы сами были тому свидѣтелемъ. Сверхъ того, миръ въ Европѣ еще не

упроченъ, и зачинщики революціи ничего бы столь не желали, какъ разрыва между мною и турками.» Изъ этихъ словъ государя видно, что уже въ 1816 году, онъ недовѣрчиво относился къ послѣдствіямъ всякаго движенія на Востокѣ, опасаясь, какъ бы оно не послужило цѣлямъ всемірной революціи. Соотвѣтственно сему, вновь отправленному посланникомъ въ Константинополь барону Строганову предписано было: не уклоняясь отъ букурештскаго трактата, вступить съ Портой въ переговоры относительно приведенія всѣхъ постановленій его въ исполненіе [1]).

Въ виду столь опредѣленно высказанной воли императора Александра, Каподистріи оставалось только убѣждать соотечественниковъ своихъ, чтобъ они отложили на нѣкоторое время всякую мысль о вооруженномъ возстаніи и всѣ заботы направили къ распространенію просвѣщенія въ народѣ, въ особенности же, къ воспитанію юношества въ духѣ православной вѣры и эллинизма. По мнѣнію графа, вѣра сохранившая грекамъ народность, призвана была въ недалекомъ будущемъ послужить могущественнѣйшемъ орудіемъ и политическаго ихъ возрожденія. Мысль эта была развита въ окружномъ посланіи, составленномъ имъ при посѣщеніи роднаго своего острова, въ 1819 году, и изъ Корфу разосланномъ во всѣ концы Эллады [2]). Въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ онъ въ слѣдующемъ году вождю майнотовъ, Петру Мавромихали, обратившемуся къ нему за совѣтомъ и помощью. Письмо графа заслуживаетъ вниманія, какъ выраженіе мнѣній его о сущности отношеній Россіи къ ея восточнымъ единовѣрцамъ. Каподистрія писалъ: «Видя, что я удостоенъ благосклоннаго покровительства императора всероссійскаго, хотѣли усмотрѣть во мнѣ орудіе его политики по отношенію къ грекамъ... Я доказывалъ, что это заблужденіе, и возставалъ противъ него. Россія столь велика и могущественна, что ей нѣзачѣмъ прибѣгать къ такимъ мелочнымъ, ненадежнымъ средствамъ. Политика императора Александра сильна своими охранительными началами, а потому, она отвергаетъ всѣ косвенныя и частныя вліянія, неподтверждаемыя правомъ... Россія покровительствуетъ грекамъ, исповѣдуетъ ихъ вѣру, а договоры даютъ ей право на это покровительство...

---

[1]) См. въ III т. *Сборника И. Р. И. О.* записку Каподистріи, отъ 12 (24) декабря 1826 года, озаглавленную: *Обзоръ моего служебнаго поприща.*

[2]) Окружное посланіе это помѣчено 6 (18) апрѣля 1819 года.

Но тѣ же самые договоры утверждают миръ съ турецкимъ правительствомъ, и слѣдовательно не иначе, какъ соблюдая миръ и съ цѣлью охраненія мира на Востокѣ, греки могутъ пользоваться нынѣ благодѣяніями этого августѣйшаго покровительства.» Наставленіе свое майнотскому вождю Каподистрія заключалъ такъ: «Необходимо убѣдиться, что людямъ не дано созидать однимъ словомъ или одною правительственною мѣрой народы или возстановлять тѣ изъ нихъ, которые утратили свой прежній блескъ. Эти великія событія содержатся въ предвѣдѣніи Всевышняго, совершить ихъ можетъ одна Его воля. Отъ насъ зависитъ только помогать другъ другу съ любовью и безо всякой притомъ затаенной мысли, съ чистосердечнымъ желаніемъ содѣлаться добрыми чадами нашей церкви и лучшими сынами нашего отечества. Оно находится подъ скиптромъ оттомановъ. Провидѣнію угодно, чтобы подъ этимъ же скиптромъ вы ему служили; этой высшей волѣ должно повиноваться. Всякое другое внушеніе коварно, или оно есть признакъ самаго гибельнаго заблужденія страстей [1].»

Какъ ни краснорѣчиво звучали эти слова, они были не въ силахъ сдержать возбужденіе, охватившее цѣлый народъ, и затормозить ходъ исторіи. Основатели и руководители гетеріи разочаровались въ Каподистріи, но спѣшили провозгласить верховнымъ вождемъ своимъ другаго грека, также весьма близко стоявшаго къ русскому императору и пользовавшагося его расположеніемъ, бывшаго его флигель-адъютанта и генералъ-маіора русской службы, князя Александра Ипсиланти. Возгорѣвшаяся война между Портой и однимъ изъ могущественнѣйшихъ ея областныхъ правителей, Али-пашой янинскимъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Греціи, представлялась благопріятнымъ условіемъ для немедленнаго поднятія знамени возстанія. Это возстаніе вспыхнуло раннею весной 1821 года, одновременно въ Дунайскихъ Княжествахъ, куда вторгнулся изъ Бессарабіи Ипсиланти, во главѣ вооруженнаго отряда гетеристовъ, и въ Пелопоннезѣ, въ восточной и западной Греціи и на островахъ Архипелага. Легкомысленное предпріятіе фанаріота на румынской почвѣ не могло имѣть успѣхъ и было безъ труда подавлено турецкими войсками, занявшими Молдавію и Валахію. Но искра, воспламенившаяся въ Мореѣ, быстро

[1]) Графъ Каподистрія Петру Мавромихали, 20 февраля (3 марта) 1820.

разгорѣлась въ обширный пожаръ, объявшій весь греческій міръ и въ концѣ концовъ приведшій къ созданію независимой Эллады!

Здѣсь не мѣсто излагать событія, ознаменовавшія десятилѣтнюю упорную и кровопролитную борьбу грековъ за независимость [1]). Выражаясь словами воззванія, обращеннаго къ

[1]) Исторія греческаго возстанія 1821—1829 годовъ имѣетъ обширную литературу. Многіе иностранцы, либо сами принимавшіе въ немъ участіе, либо бывшіе свидѣтелями-очевидцами его, оставили о немъ цѣлый рядъ достопамятностей. Таковы посвященныя ему воспоминанія англичанъ Блакіера и Стангопа, французовъ Кине и Пелліона, нѣмцевъ Тирша и Маурера. Греческое правительство обнародовало на французскомъ языкѣ «*Сборникъ конституцій, законовъ и указовъ народныхъ и законодательныхъ собраній и президента Греціи*» (Аѳины, 1835 года), а Бетанъ—политическую переписку графа Капидострія, въ четырехъ томахъ (Женева, 1839). Два капитальныя эти изданія дополняютъ: Γενικὴ ἐφημερίς τῆς Ἑλλάδος и «*Parliamentary papers relative to the affairs of Greece.*» Кромѣ того, не мало документовъ, относящихся до Греціи, встрѣчается въ составленномъ Стапльтономъ жизнеописаніи Каннинга, въ перепискѣ лорда Касльри и герцога Веллингтона, въ издававшемся въ тридцатыхъ годахъ въ Лондонѣ «*Portfolio,*» и, наконецъ, въ обнародованныхъ недавно запискахъ Меттерниха. Первыя попытки прагматически изложить исторію возстанія современны ему самому: Пуквиля «*Histoire de la régénération de la Grèce*» появилась уже въ 1824 году, Ризоса «*Histore moderne de la Grèce*» въ 1838, Суцо «*Histoire de la révolution grecque*» въ 1829, Эмерсона «*History of the greek revolution*» въ 1832. За ними непосредственно слѣдовали нѣмецкія переработки: Цинкейзена, «*Geschichte Griechenlands vom Anfange geschichtlicher Kunde bis auf unsere Tage*» 1832—40 годовъ и Клюбера «*Pragmatische Geschichte der nationalen und politischen Wiedergeburt Griechenlands,*» 1835 года. Болѣе самостоятельное значеніе имѣютъ: Париша «*The diplomatic history of the Monarchy of Greece*» 1838 года и Финлея «*The History of the greek revolution*» 1861 года. Первая книга по этому предмету, появившаяся на новогреческомъ языкѣ, была «*Исторія гетеріи* Филимона,» напечатанная въ Навпліи въ 1838 году, а въ 1853 году, изданъ въ Лондонѣ почтенный трудъ Спиридона Трикупи: «Ἱστορία Ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως». Еще ранѣе, а именно, въ 1848 году, австрійскій посланникъ въ Аѳинахъ Прокешъ-Остенъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «*Geschichte des Abfalls der Griechen vom turkischen Reich im Jahr 1821 und der Gründung des hellenischen Königreichs vom diplomatischen Sandtpunkte.*» Главное и едва ли не единственное достоинство этого шеститомнаго труда, изданнаго вѣнскою академіей наукъ лишь въ 1867 году, заключается въ приложеніяхъ, которыми наполнены послѣдніе четыре тома, представляющіе сборникъ дипломатической переписки великихъ державъ по дѣламъ Греціи, въ томъ числѣ многочисленныя сообщенія русскаго двора по этому вопросу. Всѣ перечисленные выше источники обработаны Гервинусомъ въ V и VI томахъ его исторіи XIX вѣка, озаглавленныхъ: «*Geschichte des Aufstandes und der Wiedergeburt Griechenlands.*» При составленіи этого труда, появившагося въ 1861—1882 годахъ, знаменитый германскій ученый пользовался, кромѣ того, доставленнымъ ему изъ архивовъ австрійскаго и прусскаго обильнымъ рукописнымъ матеріаломъ. Два года спустя, ученикъ его

эллинамъ первымъ ихъ народнымъ собраніемъ въ Эпидаврѣ, «она была не послѣдствіемъ мятежнаго и демагогическаго движенія, не предлогомъ для партіи честолюбцевъ, но войной національною, предпринятою съ единственною цѣлью отвоевать права, спасти существованіе и честь греческаго народа [1]). Началась она во имя вѣры, подъ знаменемъ креста, при дѣятельномъ участіи духовныхъ пастырей. Епископъ Германъ патрасскій былъ первымъ апостоломъ, архимандритъ Флезасъ—первымъ бойцомъ, константинопольскій патріархъ Григорій—первымъ мученикомъ возстанія. При такихъ условіяхъ, греки твердо уповали на сочувствіе и поддержку Россіи. Помощь ея торжественно обѣщалъ имъ верховный вождь гетеріи, Александръ Ипсиланти, въ первомъ же своемъ воззваніи. Въ ней же обнадеживали ихъ ближайшіе представители Россіи, ихъ же соотечественники, наши консульскіе агенты—сами гетеристы, посвященные въ тайну заговора. Еслибъ и оставалось въ греческомъ народѣ какое-либо сомнѣніе въ степени уча-

Мендельсонъ-Бартольди выступилъ съ пространною біографіей графа Іоанна Каподистріи, которую онъ въ 1870 году развилъ въ исторію Греціи отъ взятія Константинополя турками въ 1453 году, до нашихъ дней. Сочиненіе это представляетъ донынѣ послѣднее слово науки по исторіи современной Греціи. Авторъ имѣлъ возможность заглянуть въ архивы вѣнскій и берлинскій гораздо глубже своего предшественника, Гервинуса. Независимо отъ того, онъ тщательно изучилъ новогреческіе источники, а именно: цѣлый рядъ записокъ и монографій, появившихся послѣ изданія исторіи Трикупи, и во многомъ дополняющихъ и видоизмѣняющихъ разсказъ этого историка, которому безусловно довѣрялъ Гервинусъ. Мендельсонъ воспользовался и обнародованнымъ въ 1867 году, въ С.-Петербургѣ, на русскомъ языкѣ, сочиненіемъ Палеолога и Сивиниса о греческомъ возстаніи и заимствовалъ изъ него интересную переписку бывшаго начальника нашей эскадры въ Средиземномъ морѣ, адмирала Рикорда, съ графомъ Нессельроде въ 1830—1833 годахъ. Странно, что онъ повидимому и не подозрѣвалъ о существованіи другаго, изданнаго въ Россіи, не менѣе важнаго историческаго матеріала по занимавшему его предмету, собственноручной записки, представленной императору Николаю въ 1826 году, графомъ Каподистріей, не смотря на то, что записка эта уже въ 1868 году была напечатана русскимъ историческимъ обществомъ въ III томѣ его сборника. *Всѣ, безъ исключенія*, приведенныя мною сочиненія по новѣйшей греческой исторіи составлены въ духѣ, крайне враждебномъ Россіи, и укореняютъ въ европейской наукѣ и печати самыя ложныя и превратныя понятія о политикѣ русскаго двора, его побужденіяхъ, видахъ и дѣйствіяхъ, по отношенію къ Греціи. Будущимъ русскимъ историкамъ въ тотъ день, когда откроется имъ доступъ въ архивы отечественной дипломатіи, не трудно будетъ опровергнуть эти пристрастныя сужденія, столь противныя истинѣ и причинившія намъ столько вреда.

[1]) Воззваніе къ эллинамъ перваго народнаго собранія въ Эпидаврѣ 15 (22) января 1822.

стія русскаго правительства къ дѣлу его освобожденія, то сомнѣніе это разсѣяли бы турки, единодушно и громогласно обвинявшіе Россію въ возбужденіи возстанія. Искусно распущенная гетеріей молва не даромъ старалась отождествить ея высшую руководящую власть, таинственное 'Αρχή, съ личностью самого императора Александра.

Конечно, мечта не соотвѣтствовала дѣйствительности. Неожиданная вѣсть о вторженіи Ипсиланти въ Княжества разразилась среди собравшихся на конгрессъ въ Лайбахѣ государей и дипломатовъ, въ такое время, когда всѣ усилія ихъ были направлены къ подавленію революцій неаполитанской и піемонтской, когда русскій императоръ снова подпалъ личному вліянію князя Меттерниха, тщательно старавшагося поколебать въ немъ довѣріе ко всѣмъ государственнымъ силамъ Россіи: къ арміи, къ министрамъ, къ дворянству, къ народу. «Въ такомъ положеніи,» самодовольно замѣчалъ австрійскій канцлеръ, «нельзя руководить другими,» и заключалъ: «не Россія ведетъ насъ, а мы ведемъ императора Александра [1].» Возстаніе грековъ, увѣрялъ Меттернихъ государя, «есть безо всякаго сомнѣнія послѣдствіе предумышленнаго плана и прямо направлено противъ силы наиболѣе страшной для мятежниковъ, а именно, противъ единенія двухъ монарховъ въ духѣ охраненія и возстановленія. Да и какъ могло это возстаніе быть задумано въ интересѣ греческаго народа, низведеннаго въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ на крайнюю ступень позорнаго упадка? Это —искра раздора брошенная между Австріей и Россіей, средство поддержать либеральный пожаръ, поставить въ затрудненіе самаго могущественнаго монарха греческаго исповѣданія по отношенію къ своимъ единовѣрцамъ и *возмутить русскій народъ въ смыслѣ противоположномъ тому направленію, которое государь его даетъ своей политикѣ*, наконецъ, средство заставить его отвратить свои взоры отъ Запада и всецѣло направить ихъ на Востокъ [2].» Подъ вліяніемъ такихъ внушеній, императоръ Александръ строго осудилъ предпріятіе Ипсиланти, имѣвшаго къ тому же неосторожность, въ письмѣ своемъ къ государю, съ простодушною откровенностью указать на существованіе «тайнаго общества,

[1]) Князь Меттернихъ графу Стадіону, 10 (22) іюня 1821.

[2]) Меморандумъ Меттерниха о греческихъ дѣлахъ, 26 апрѣля (7 мая) 1821.

основаннаго съ единственною цѣлью освобожденія Греціи» [1]). Каподистрія отвѣчалъ князю, по высочайшему повелѣнію: «Развѣ путемъ темныхъ происковъ, мрачныхъ заговоровъ, народъ можетъ надѣяться возродиться и возвыситься на степень народа независимаго? Государь мыслитъ иначе. Онъ поспѣшилъ обезпечить грекамъ покровительство свое договорами, заключенными между Россіей и Портой. Нынѣ эти мирныя выгоды не принимаются въ соображеніе, законные пути оставлены, и вы, повидимому, хотите связать ваше имя съ событіями, которыя могутъ быть лишь торжественно осуждены его императорскимъ величествомъ... Зная правила, которыя всегда будутъ руководить политикой государя, какъ могли вы впасть въ заблужденіе относительно его будущихъ рѣшеній? Какъ вы смѣли обѣщать обитателямъ Княжествъ поддержку великой державы? Если вы хотѣли обратить ихъ взоры на Россію, то она представится вашимъ соотечественникамъ неподвижною... Никакая помощь, ни прямая, ни косвенная, не можетъ быть оказана вамъ государемъ, ибо, повторяю, подкапываться подъ основанія Турецкой имперіи посредствомъ постыднаго и преступнаго дѣйствія тайнаго общества было бы недостойно его. Еслибъ онъ имѣлъ поводъ къ справедливымъ жалобамъ на Порту и если бы Порта отказала въ ихъ удовлетвореніи, словомъ, если дѣйствіе силой оружія стало бы неизбѣжнымъ, то онъ прибѣгнулъ бы именно къ этому средству. Но обстоятельства далеко не таковы. Вполнѣ мирныя сношенія установились между обѣими державами... [2]).» Александръ Ипсиланти и братья его были исключены изъ списковъ русской арміи. Имъ было воспрещено возвращеніе въ Россію. Посланнику нашему въ Константинополѣ предписывалось извѣстить Порту объ этихъ рѣшеніяхъ, объявивъ ей, «что государь громко и торжественно осуждаетъ революціонныя движенія, угрожающія новыми несчастіями греческимъ областямъ Турціи». Ему разрѣшалось также, если того потребуетъ Порта, сообщить о вышеупомянутомъ высочайшемъ осужденіи циркуляромъ всѣмъ нашимъ консульскимъ агентамъ въ Левантѣ [3]).

Но не успѣлъ баронъ Строгановъ отправить составленный

---

[1]) Князь Ипсиланти императору Александру I, 24 февраля (8 марта) 1821.
[2]) Графъ Каподистрія князю Ипсиланти, 26 марта (8 апрѣля) 1821.
[3]) Графъ Каподистрія барону Строганову, 26 марта (8 апрѣля) 1821.

въ этомъ смыслѣ циркуляръ [1]), какъ уже пламя возстанія охватило всю Грецію. Тотчасъ по полученіи о томъ первыхъ извѣстій въ Константинополѣ, фанатизмъ турокъ разгорѣлся въ свою очередь и заставилъ Порту прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ и жестокимъ мѣрамъ. Провозглашена была священная война, и всѣ мусульмане призваны къ оружію противъ возставшей раіи. Знатнѣйшіе греки изъ Фанара, духовные и свѣтскіе, заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ мятежниками, были арестованы и безъ суда преданы позорной казни. Такъ были казнены драгоманъ Порты князь Мурузи, семейство Ханджери и многіе другіе фанаріоты. Въ самое Свѣтлое Воскресенье, патріархъ Григорій, незадолго предъ тѣмъ уступившій настояніямъ Порты и произнесшій церковное проклятіе надъ Ипсиланти и его сообщниками, былъ схваченъ въ храмѣ, въ полномъ облаченіи, низложенъ съ патріаршаго престола и въ тотъ же день повѣшенъ предъ входомъ въ патріархатъ. Такая же участь постигла трехъ православныхъ митрополитовъ, ефесскаго, никомидійскаго и охіельскаго. Казнь іерарховъ послужила сигналомъ ко всеобщему избіенію христіанъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ. Толпы янычаръ, дервишей, софтъ, безчинствовали, никѣмъ несдерживаемыя, разрушая христіанскія церкви, грабя жилища, убивая мужчинъ, насилуя женщинъ, обращая въ рабство дѣтей. Кровавыя сцены эти повторились въ Молдавіи и Валахіи, куда, не смотря на отступленіе гетеристовъ и на протесты русскаго посланника, Порта ввела свои войска. Въ то же время, диванъ началъ обращаться съ нашею миссіей высокомѣрно и презрительно. «Убѣдясь, что Россія *не смѣетъ* объявить войны,» доносилъ баронъ Строгановъ, «Порта вообразила, что мы тайно разжигаемъ пламя мятежа. Въ этомъ смыслѣ истолковала она содѣйствіе, оказываемое мною несчастнымъ, и убѣжище, которое нашли они во владѣніяхъ его императорскаго величества. Она съ сожалѣніемъ взирала на усилія мои предупредить раззореніе Княжествъ и убійства въ столицѣ; она съ досадой выносила мои представленія по поводу оскорбленій нанесенныхъ христіанской вѣрѣ. Декларація Россіи остановила, насколько было возможно, всеобщій взрывъ. За благодѣяніе это намъ заплатили удвоеніемъ жестокости и преступленій: этимъ

[1]) Баронъ Строгановъ русскимъ консуламъ на Востокѣ, 4 (16) апрѣля 1821

ослаблены средства защиты грековъ, тогда какъ подавленіе становится болѣе кровавымъ чѣмъ когда-либо. Кровь христіанъ течетъ со всѣхъ сторонъ, и невинные избиваются въ отмщеніе нѣсколькимъ виновнымъ. Спасительное вмѣшательство, обезпеченное за Россіей столькими торжественными договорами въ пользу Княжествъ допускается лишь pro forma, въ дѣйствительности же совершенно обходится. Меня ищутъ потѣшать тщетными спорами, а въ то же самое время оттоманскія войска дѣйствуютъ и предаются всякимъ безчинствамъ. Съ презрѣніемъ отвергаются предложенія, справедливыя и гораздо болѣе полезныя притѣснителямъ, чѣмъ притѣсняемымъ; ибо еслибъ они и были приняты, то не представили бы достаточныхъ гарантій великодушнымъ намѣреніямъ государя. Забыты услуги, оказанныя императорскою миссіей. Каждое событіе вызываетъ новое оскорбленіе, и мои усилія, направленныя къ устраненію всего, что могло бы задѣть интересы турокъ, не въ состояніи ихъ образумить. Права русскихъ подданныхъ и торговли явно нарушены. Нашъ флагъ подвергается оскорбленіямъ въ проливахъ, нашихъ матросовъ убиваютъ или ранятъ и оправдываютъ это преступленіе *радостью и усердіемъ мусульманскихъ войскъ*. Принимаютъ мѣры произвольныя и нарушающія наши привилегіи, не испрашивая даже нашего согласія. Входъ въ Дарданеллы воспрещается всѣмъ судамъ, нагруженнымъ зерномъ. Сдѣлано распоряженіе объ общемъ осмотрѣ судовъ, вопреки смыслу трактатовъ и не смотря на законныя ограниченія, потребованныя въ моихъ нотахъ. Исключительному осмотру подвергаются русскія суда въ Дарданеллахъ и по всемъ Архипелагѣ, дабы провѣрить, нѣтъ ли на нихъ военныхъ снарядовъ (на что я согласился), а также убѣдиться *не участвуютъ ли они въ дѣйствіяхъ разбойниковъ* и т. п. [1]).» Когда наконецъ Порта дерзнула воспротивиться свободному сообщенію нашей миссіи съ Одессой посредствомъ русскихъ пакетботовъ, наложить руку на личное имущество посланника, допустить безнаказанное оскорбленіе его прислуги и даже грозить личной свободѣ и безопасности самого барона Строганова, послѣдній вынужденнымъ нашелся объявить ей, что прерываетъ съ нею всякія сношенія, впредь до полученія повелѣнія своего государя [2]).

[1]) Баронъ Строгановъ графу Нессельроде, 28 мая (9 іюня) 1821.

[2]) Баронъ Строгановъ Портѣ, 24 мая (5 іюня) 1821.

Вѣсть эта дошла до императора Александра на возвратномъ пути его изъ Лайбаха въ Петербургъ и совершенно измѣнила взглядъ его на событія, происходившія на Востокѣ. Дѣло шло уже не о предпріятіи нѣсколькихъ злоумышленниковъ, состоящемъ-де въ тѣсной связи съ происками западныхъ революціонеровъ, но о борьбѣ не на жизнь, а на смерть между единовѣрнымъ народомъ и вѣковыми его притѣснителями. Къ тому же, нарушены были права Россіи, затронуты ея интересы, оскорблено ея достоинство. Подъ живымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на государя донесеніями барона Строганова, ему были посланы энергическія инструкціи, составленныя Коподистріей, снова вошедшимъ въ милость и довѣріе императора. Въ нихъ заявлялось, что прогрессивный ходъ событій и въ особенности ошибки самой Порты предвѣщаютъ ей близкую и неизбѣжную катастрофу, и что частныя обязанности Россіи сходятся съ общимъ интересомъ на необходимости удалить поводъ къ усложненіямъ, которыя вызвало бы въ Европѣ паденіе оттоманскаго правительства. «Вмѣсто того, чтобы подавить революціонный духъ,» говорилось въ депешѣ императорскаго кабинета, «Порта распространяетъ его; вмѣсто того, чтобы навсегда погубить дѣло революціи, она повидимому задалась цѣлью его облагородить; наконецъ, вмѣсто того, чтобы доказать греческому народу, что зачинщики смутъ соблазняютъ его и увлекаютъ по ложному пути, она доказываетъ ему, свойствомъ и цѣлью мѣръ своихъ, что ему остается только выборъ между отчаяніемъ и смертью... Извѣстно что̀ сдѣлало турецкое правительство, вмѣсто того, чтобы принять мѣры, внушаемыя осторожностію. Оно сражается не съ одними революціонерами. Указы повелителя правовѣрныхъ вооружаютъ всѣхъ мусульманъ противъ греческаго народа въ совокупности. Султанъ болѣе не помышляетъ о собственной защитѣ и охранѣ. Первый онъ подаетъ сигналъ къ безпорядкамъ, призывая себѣ на помощь неистовство слѣпого фанатизма, забывая всякую пристойность, почти возбраняя отнынѣ самому себѣ *возможность совмѣстнаго существованія съ христіанскими правительствами* и нарушая договоры, обезпечивавшіе ему намѣренія сосѣднихъ державъ, совершенно такъ, какъ если-бы самое греческое возстаніе давало ему совѣты, съ цѣлью натолкнуть его на погибель, или рука Всевышняго увлекала его къ безднѣ, которую напрасно старались указать его предусмотрительности... Если

будутъ продолжаться неистовства, которымъ предаются турки, если въ ихъ владѣніяхъ святая наша вѣра будетъ становиться ежедневно предметомъ новыхъ оскорбленій, если они будутъ стремиться единственно къ истребленію народа греческаго; тогда легко предвидѣть, что ни Россія, ни прочія европейскія державы не будутъ въ состояніи оставаться неподвижными свидѣтельницами этого святотатства и этихъ жестокостей [1].»

Посланнику нашему повелѣвалось предъявить Портѣ ультиматумъ и потребовать отъ нея отвѣта въ восьмидневный срокъ. Строгановъ не преминулъ сообразоваться съ полученнымъ приказаніемъ. Въ пространной нотѣ онъ напомнилъ дивану наше доброжелательство, умѣренность, преподанные нами и отвергнутые турками совѣты, какимъ образомъ потушить возстаніе. Онъ поставилъ на видъ, что принятая Портой система ставитъ ее во враждебныя отношенія ко всему христіанскому міру; что турецкое правительство можетъ совмѣстно существовать съ прочими европейскими державами, лишь уважая ихъ исповѣданіе и не обрекая на истребленіе единовѣрнаго имъ народа; что какъ ни желаетъ Россія сохраненія Оттоманской имперіи, но она рано или поздно вынуждена будетъ совершить то, что ей предписываетъ ея оскорбленная вѣра, ея нарушенные договоры, ея единовѣрцы, подвергающіеся преслѣдованію; что не одна Россія, а все христіанство не можетъ безмолвно взирать на поголовное истребленіе христіанскаго народа, терпѣть постоянное оскорбленіе своего вѣроученія и допускать дальнѣйшее существованіе государства, угрожающаго нарушеніемъ мира, который Европа купила цѣной столькихъ жертвъ. Кайнарджійскій и послѣдующіе договоры Россіи съ Портой даютъ ей несомнѣнное право оказывать покровительство христіанской вѣрѣ на всемъ пространствѣ владѣній султана. Но императорскій кабинетъ предпочитаетъ сослаться на соображенія высшаго свойства, а именно на тѣ, кои истекаютъ изъ обязательства, принятаго на себя всѣми христіанскими державами: поддерживать общее единеніе ихъ и безопасность. Итакъ, пусть Порта возвратитъ христіанской вѣрѣ всѣ прежнія ея преимущества и дастъ ей ручательства въ неприкосновенности ея въ будущемъ, возстановитъ разрушенные или разграбленные храмы, прекратитъ преслѣдованіе не-

[1]) Графъ Нессельроде барону Строганову, 4 (16) іюня 1826.

винныхъ, обѣщаетъ миръ и спокойствіе тѣмъ изъ грековъ, которые либо не выходили изъ покорности къ ней, либо принесутъ ей повинную въ извѣстный срокъ, наконецъ, пусть она исполнитъ всѣ основанныя на договорахъ требованія наши по отношенію къ Молдавіи и Валахіи. Въ противномъ случаѣ, посланникъ имѣетъ объявить ей отъ имени императора, «что она сама ставитъ себя во враждебное положеніе относительно всего христіанскаго міра, *что она узаконяетъ защиту грековъ*, которые отнынѣ будутъ сражаться съ единственною цѣлью избавиться отъ неминуемой гибели, и что, въ виду характера, принятаго этою борьбой, Россія будетъ вынуждена дать имъ убѣжище, ибо они подвергаются преслѣдованію, принять ихъ подъ свое покровительство, ибо она имѣетъ на то право, оказать имъ помощь, совмѣстно со всѣмъ христіанствомъ, ибо ей невозможно отдать братьевъ своихъ по вѣрѣ въ жертву слѣпому фанатизму [1].» Не получивъ отъ Порты отвѣта въ назначенный срокъ, баронъ Строгановъ со всѣми чинами посольства и многими греками, искавшими убѣжища во дворцѣ его, отплылъ въ Одессу на прибывшихъ за нимъ русскихъ военныхъ судахъ.

Легко себѣ представить впечатлѣніе, произведенное прерваніемъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портой и отъѣздомъ русскаго посланника изъ Константинополя на все христіанское населеніе Востока и въ частности на возставшихъ грековъ. Императорскій кабинетъ тѣмъ скорѣе спѣшилъ оправдать эту мѣру предъ союзными дворами и даже заручиться ихъ помощью на случай войны съ Турціей, которая и ему самому казалась неизбѣжною. Точка зрѣнія его въ восточныхъ замѣшательствахъ была развита въ цѣломъ рядѣ депешъ къ представителямъ нашимъ при великихъ державахъ, а также въ довѣрительныхъ письмахъ императора Александра къ императору австрійскому и къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Лондондерри. Ультиматумъ нашъ Портѣ мы основывали въ этой перепискѣ на точномъ смыслѣ нашихъ договоровъ съ нею, по которымъ «Россія являлась поручительницей за покровительство, обѣщанное греческой религіи и націи на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи». Независимо отъ общихъ соображеній, внушаемыхъ единствомъ вѣры и

[1]) Баронъ Строгановъ Портѣ, 6 (18) іюля 1821.

человѣколюбіемъ, «государь императоръ,» утверждали мы, «*несомнѣнно въ правѣ* требовать, чтобы турецкое правительство оказывало покровительство отправленію христіанской религіи, личности ея священнослужителей, неприкосновенности ея храмовъ; чтобъ оно не вносило опустошенія и смерти въ княжества Валахію и Молдавію и чтобъ относительно обитателей какъ этихъ странъ, такъ равно и острововъ Архипелага и остальной Греціи, оно соблюдало справедливое и постоянное различіе между невиновностью и преступленіемъ». Мы доказывали, что право это основано на самыхъ торжественныхъ обязательствахъ, и приводили въ подтвержденіе соотвѣтствующія статьи кайнарджійскаго договора, но тотчасъ же присовокупляли, «что Россія никогда не будетъ дѣйствовать въ исключительныхъ видахъ, не согласясь съ державами, съ которыми связываютъ ее постановленія, служащія обезпеченіемъ всеобщему миру». Поэтому мы просили нашихъ союзниковъ, на случай отказа Порты въ удовлетвореніи нашихъ требованій, откровенно сообщить намъ ихъ намѣренія, желанія и мысли о мѣрахъ наиболѣе пригодныхъ для дарованія Востоку мирнаго и счастливаго существованія. Русскія войска, заявили мы, готовы содѣйствовать осуществленію сообща рѣшеннаго плана, но при этомъ цѣлью нашего вооруженнаго вмѣшательства будетъ не расширеніе границъ имперіи, не пріобрѣтеніе какого-либо преобладанія на Востокѣ, а единственно возстановленіе мира, упроченіе равновѣсія Европы и доставленіе областямъ, составляющимъ Европейскую Турцію, мирнаго и безобиднаго политическаго существованія на началахъ, опредѣленныхъ съ общаго согласія [1]).

Въ письмѣ къ императору Францу государь взывалъ къ чувствамъ своего союзника и друга. Онъ называлъ «равно плачевными» оба представлявшіеся ему возможными исхода восточныхъ замѣшательствъ. «Или,» писалъ онъ, «восторжествуетъ турецкое правительство, и христіанство будетъ свидѣтелемъ истребленія народа, служившаго единственнымъ посредникомъ между Портой и христіанскими державами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, или падетъ Оттоманская имперія и новый очагъ безпорядковъ изольетъ на Европу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ такъ трудно оградить ее.» Государь снова ука-

[1]) Графъ Нессельроде графу Головкину, 22 іюня (4 іюля) 1821.

зывалъ на признанное за Россіей договорами право покровительства нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ, и въ случаѣ если война станетъ неизбѣжною, просилъ императора австрійскаго *поручиться* предъ Европой за намѣренія его, которыя никогда не будутъ преслѣдовать исключительныхъ цѣлей и «сохранятъ за союзными державами право оказать Востоку все то добро, коего жители этихъ прекрасныхъ странъ ожидаютъ отъ ихъ общей мудрости» [1]). Еще опредѣлительнѣе высказался государь въ письмѣ къ лорду Лондондерри. «Если турки,» спрашивалъ онъ англійскаго министра, «будутъ упорствовать въ забвеніи обязательной силы торжественныхъ договоровъ; если они захотятъ обратить въ пустыню пространство между Прутомъ и Дунаемъ, истребить поголовно всю греческую націю и предать закланію, безъ малѣйшаго различія, лицъ, стоящихъ во главѣ ея духовенства и дворянства, то я взываю къ справедливости вашего правительства: на мѣстѣ Россіи и въ виду ея обязательствъ, могло ли бы оно терпѣть подобныя дѣйствія? Или если ихъ допустила бы Россія, то нашло ли бы оно, что она исполнила долгъ свой предъ собою и всѣмъ христіанствомъ?» [2])

Изъ приведенныхъ выписокъ ясно, что въ дѣлѣ умиротворенія Востока императоръ Александръ добросовѣстно старался согласовать права, принадлежащія Россіи на основаніи договора ея съ Портой, съ обязанностями, истекавшими изъ обѣщаній, связывавшихъ ее съ прочими великими европейскими державами. Во имя этихъ обязательствъ государь поступался кореннымъ началомъ восточной политики русскаго двора, никогда дотолѣ недопускавшаго вмѣшательства иностранныхъ государствъ въ наши отношенія съ Портой. Побуждала его къ тому увѣренность, что послѣ стольких услугъ, оказанныхъ имъ его союзникамъ, они также поспѣшатъ откликнуться на призывъ его и ревностнымъ содѣйствіемъ отплатятъ ему за постоянную поддержку. Разсчетъ этотъ оказался ошибочнымъ. Изъ четырехъ великихъ державъ лишь Франція и Пруссія сочувственно отнеслись къ нашимъ предложеніямъ, Англія же и Австрія, не только оставили наши запросы безо

---

[1]) Императоръ Александръ императору Францу, 11 (23) іюля 1821.

[2]) Императоръ Александръ лорду Лондондерри, 29 августа (11 сентября 1821.

всякаго отвѣта, но вошли въ тѣсное соглашеніе между собою дабы во что бы то ни стало предотвратить войну между Россіей и Турціей. Иначе и быть не могло при полной противоположности ихъ политическихъ интересовъ съ нашими на Востокѣ. Всякое расширеніе нашего вліянія какъ на Порту, такъ и на христіанскихъ подданныхъ султана онѣ признавали положительнымъ зломъ и считали себя обязанными ему противодѣйствовать. Вотъ почему, не рѣшаясь открыто отрицать предоставленнаго намъ договорами права покровительства надъ нашими единовѣрцами въ Турціи, дворы лондонскій и вѣнскій остерегались формально признать его за нами. Цѣль ихъ, вполнѣ разгаданная Каподистріей, заключалась въ томъ, чтобы, протянувъ какъ можно больше времени въ безплодныхъ преніяхъ и переговорахъ, предоставить туркамъ возможность расправиться съ греками и въ крови ихъ потушить возстаніе. Напрасно греческій патріотъ, бывшій русскимъ министромъ, старался раскрыть въ этомъ отношеніи глаза императору Александру; напрасно доказывалъ, что, оставаясь на почвѣ европейскаго соглашенія, Россія сама себя лишаетъ вѣковаго вліянія своего на судьбы Востока, охлаждаетъ преданность къ себѣ грековъ и побуждаетъ ихъ передаться на сторону нашихъ противниковъ, подвергая, такимъ образомъ, опасности самые жизненные свои интересы; что слѣдуетъ не переговариваться, а дѣйствовать, и что, желая выиграть время, мы потеряемъ его навсегда [1]). Убѣжденія эти не успѣли поколебать довѣрія и пристрастія императора Александра къ «великому союзу,» бывшему его созданіемъ. Самъ Каподистрія скоро сдѣлался жертвой направленной противъ него англо-австрійской интриги и вынужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ. На веронскомъ конгрессѣ право Россіи вступаться за гонимыхъ своихъ единовѣрцевъ было пройдено молчаніемъ, и Портѣ предоставлено расправиться съ ними по собственному усмотрѣнію [2]).

Таковъ былъ исходъ первой попытки русскаго двора разрѣшить восточныя затрудненія путемъ обще-европейскаго соглашенія. Она не могла, конечно, не отразиться на нашихъ

---

[1]) Приведенная выше записка графа Каподистріи.

[2]) Протоколы веронскаго конгресса, 28 октября (9 ноября), 14 (26) и 15 (27) ноября 1822.

отношеніяхъ къ руководителямъ и участникамъ греческаго возстанія, подорвавъ ихъ вѣру въ историческое призваніе Россіи на Востокѣ и въ самостоятельность ея политики.

Вначалѣ возстаніе грековъ было въ полномъ смыслѣ слова всенароднымъ. Всѣ сословія приняли въ немъ единодушное участіе. Но во главѣ его не замедлили рѣзко обозначиться два противоположныя теченія. Представителями перваго были капитаны, предводители вооруженныхъ отрядовъ, боровшихся съ турками. Они и боевыя дружины ихъ ополчились на защиту вѣры и народности, охотно проливали кровь свою за святое дѣло, но, удивляя міръ геройствомъ своихъ подвиговъ, не помышляли о такъ-называемыхъ юридическихъ правахъ, о гражданской и политической свободѣ. Изо всѣхъ великихъ державъ они возлагали надежды свои лишь на единовѣрную Россію, отъ нея одной ожидали братской поддержки. Къ числу такихъ нашихъ, такъ-сказать, инстинктивныхъ приверженцевъ принадлежали, пріобрѣвшіе впослѣдствіи громкую извѣстность, военные вожди возстанія: Ѳедоръ Колокотрони въ Пелопоннезѣ, Одиссей Андруцосъ въ восточной, Марко Боцарисъ въ западной Греціи. Второе теченіе выражалось въ людяхъ болѣе зажиточныхъ и образованныхъ, крупныхъ земельныхъ собственникахъ на материкѣ, арматорахъ и торговцахъ на островахъ, къ которымъ примыкали выходцы изъ Фанара, большею частью воспитанные на Западѣ и заразившіеся господствовавшими тамъ въ тѣ годы либеральными ученіями. Послѣдніе естественно стали во главѣ партіи, задавшейся мыслью ввести въ Греціи государственное устройство по западному образцу и опиравшейся во внѣшней политикѣ на считавшіяся передовыми государствами въ тогдашней Европѣ Англію и Францію.

Первый годъ возстанія ознаменовался для грековъ рядомъ блестящихъ успѣховъ, превзошедшихъ ихъ собственныя ожиданія. Турки были изгнаны изо всѣхъ возставшихъ округовъ и держались лишь въ нѣсколькихъ прибрежныхъ крѣпостяхъ Пелопоннеза. Греческій флотъ, состоявшій изъ вооруженныхъ на скорую руку торговыхъ судовъ съ острововъ Архипелага, преимущественно Гидры, Ипсары и Спеціи, господствовалъ на моряхъ, поддерживая связь между разрозненными частями Греціи и наводя своими брандерами ужасъ на турецкія эскадры. Къ концу 1821 года, вся Эллада, отъ Пинда до Малеи,

отъ Іоническаго моря до береговъ Анатоліи, торжествовала свое освобожденіе.

Но побѣдители не были согласны между собой. Раздоръ проникъ въ ихъ среду. Для примиренія враждующихъ партій Димитрій Ипсиланти, прибывшій въ Морею въ качествѣ намѣстника брата своего, князя Александра, верховнаго вождя гетеріи, и признанный капитанами архистратигомъ Пелопонеза, рѣшился созвать народное собраніе. Оно сошлось въ Эпидаврѣ, въ самомъ началѣ 1822 года. Здѣсь-то и обнаружился со всею силой антагонизмъ между «гражданскими» и «военными.» Представители послѣднихъ, Колокотрони и самъ Ипсиланти, удалились изъ собранія, подпавшаго преобладающему вліянію главы гражданской партіи, фанаріота Александра Маврокордато. Подъ его руководствомъ собраніе подарило Грецію конституціей, составленною по всѣмъ правиламъ либеральнаго доктринёрства, съ раздѣленіемъ власти на законодательную, исполнительную и судебную, съ народнымъ представительствомъ, отвѣтственными министрами, свободой совѣсти, личности, имущества, печати и проч. Президентомъ временнаго правительства Греціи провозглашенъ былъ Маврокордато.

Александръ Маврокордато, происходя отъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Фанара, принадлежалъ къ числу тѣхъ, тогда еще немногихъ, грековъ, которые, получивъ образованіе на Западѣ, прониклись презрѣніемъ къ самобытнымъ началамъ народной жизни и видѣли спасеніе Греціи лишь въ тѣсномъ сближеніи ея съ Европой, въ усвоеніи ею началъ европейской культуры и въ полномъ подчиненіи политическому вліянію западныхъ державъ, преимущественно Англіи. Уже за нѣсколько лѣтъ до возстанія, состоя на службѣ у валашскаго господаря Ивана Караджи, онъ въ пространной запискѣ, сообщенной дворамъ лондонскому, парижскому, вѣнскому и берлинскому, доказывалъ, что возрожденіе Греціи и образованіе изъ нея независимаго государства одно можетъ избавить Европу отъ честолюбивыхъ замысловъ Россіи и отъ поглощенія послѣднею всего турецкаго наслѣдства. Достигнувъ власти, новый глава греческаго правительства сталъ примѣнять къ дѣлу свои политическія правила. Главными проводниками русскаго вліянія въ Греціи служили военные вожди, капитаны. Онъ отстранилъ ихъ отъ руководства даже военными дѣйствіями и вы-

тался замѣнить ихъ неорганизованныя дружины и первобытный способъ веденія войны образованіемъ регулярныхъ войскъ. Образцомъ для нихъ долженъ былъ служить первый баталіонъ филэллиновъ, выходцевъ изъ разныхъ странъ, большею частью воиновъ всемірной революціи, оставшихся безъ дѣла по усмиреніи возстаній въ Неаполѣ, Піемонтѣ и Испаніи. Баталіоннымъ командиромъ назначенъ былъ италіянецъ Данніа, первою ротой, составленною изъ поляковъ и нѣмцевъ, начальствовалъ полякъ Мицевскій, второю, франко-итальянскою, швейцарецъ Шевалье. Самъ Маврокордато взялся предводительствовать военными силами въ полѣ, а начальникомъ своего штаба назначилъ нѣмца, графа Нормана, бывшаго генерала виртембергской службы, исключеннаго изъ нея за предательское нападеніе на непріятельскій отрядъ, во время перемирія въ 1813 году.

Притязаніе Маврокордато руководить военными дѣйствіями едва не погубило все дѣло греческаго возстанія. Наличныя боевыя силы Греціи онъ повелъ на выручку суліотовъ, но на границѣ Эпира былъ наголову разбитъ турками и вынужденъ съ остатками своей арміи искать убѣжища въ Миссолонги. Между тѣмъ, вторгнувшаяся въ Пелопоннисъ, чрезъ восточную Грецію, турецкая рать, не встрѣчая на пути своемъ сопротивленія, дошла до Аргоса, служившаго мѣстопребываніемъ временному правительству. Съ ея приближеніемъ всѣ новоназначенные министры, сенаторы и другіе правительственные чиновники разбѣжались. Спасеніемъ въ эту критическую минуту Греція была обязана доблестнымъ вождямъ своимъ, устраненнымъ Маврокордато и его «гражданскими» пособниками. Геройская защита аргосской цитадели Димитріемъ Ипсиланти дала время Ѳедору Колокотрони собрать вокругъ себя всѣхъ капитановъ Пелопоннеза и, занявъ крѣпкую позицію въ тылу непріятеля, нанести ему рѣшительное пораженіе. Турки бѣжали чрезъ Коринѳскій перешеекъ, преслѣдуемые паликарами, и изъ многочисленной арміи, незадолго передъ тѣмъ вступившей въ Морею, не спаслось и десятой части. Самъ предводитель ея, Драгали, умеръ въ Коринѳѣ отъ горя и стыда.

Естественнымъ послѣдствіемъ этихъ событій было происшедшее въ началѣ 1823 года, на второмъ народномъ собраніи въ Астросѣ, перемѣщеніе власти отъ «гражданскихъ» къ «военнымъ.» Президентомъ новаго правительства провозглашенъ

былъ Петръ Мавромихали, предводитель Майнотовъ, и самъ Колокотрони занялъ мѣсто въ правительствѣ.

Такимъ образомъ, простою силой вещей, безо всякаго съ нашей стороны участія, представители православно-народнаго направленія и слѣдовательно наши приверженцы, взяли перевѣсъ надъ своими противниками и стали во главѣ управленія Греціей. Къ сожалѣнію, въ это самое время греки узнали объ окончательномъ рѣшеніи императора Александра предать ихъ собственной ихъ участи и потеряли возбужденную было отозваніемъ русской миссіи изъ Константинополя надежду на близкій разрывъ Россіи съ Портой. А между тѣмъ, во всѣхъ странахъ западной Европы широко распространялось сочувственное грекамъ движеніе, извѣстное подъ названіемъ филэллинизма. Общественное мнѣніе вдохновлялось воспоминаніями классической древности и спѣшило протянуть руку помощи потомкамъ тѣхъ грековъ, которымъ человѣчество обязано было высшими благами образованности; филэллинскіе комитеты въ Германіи, Англіи, Франціи, Швейцаріи усердно собирали денежныя приношенія въ пользу возставшихъ. Во главѣ комитетовъ стояли: въ Германіи—король баварскій и наслѣдный принцъ виртембергскій, окруженные цѣлою толпой ученыхъ, филологовъ и историковъ; въ Англіи—лордъ Эрскинъ и выдающіеся члены великобританской аристократіи; во Франціи—передовые дѣятели литературнаго возрожденія: Шатобріанъ, Викторъ Гюго, Монталамберъ; въ Швейцаріи—богатый банкиръ Эйнаръ, личный другъ графа Каподистріи. Комитеты не ограничивались денежною помощью. Они снабжали возставшихъ оружіемъ, боевыми снарядами, вербовали для нихъ офицеровъ. На смѣну филэллинамъ, перебитымъ въ эпирскомъ походѣ, явились новые, превосходившіе ихъ и числомъ, и качествомъ. Во главѣ послѣднихъ стоялъ лордъ Байронъ, самый блестящій представитель литературы того времени. Высадясь въ Миссолонги въ началѣ 1824 года, онъ умеръ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, изнуренный лихорадкой, разочарованный картиной анархіи, которой довелось ему быть свидѣтелемъ.

Подъ вліяніемъ филэллинскаго движенія, преданія языческой древности начали оттѣснять въ возставшей Греціи византійско-христіанскій элементъ, западно-европейскія теченія осиливать традиціонную преданность грековъ къ единовѣрной Россіи. Къ концу 1822 года, военное правительство снова

уступило мѣсто гражданскому, президентомъ котораго сталъ Кондуріоти, одинъ изъ богатѣйшихъ арматоровъ острова Гидры, все состояніе свое принесшій на алтарь отечества, но, подобно большинству греческихъ островитянъ, сторонникъ западнаго направленія въ политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Такому обороту также немало содѣйствовала коренная перемѣна въ направленіи великобританскаго кабинета. Преемникъ Лондондерри, Каннингъ, круто повернулъ въ сторону, совершенно противоположную восточной политикѣ своего предшественника. Тотчасъ по вступленіи его въ управленіе, англійскій представитель въ Константинополѣ получилъ приказаніе объявить Портѣ, что Англія не можетъ сохранить съ нею прежнія дружественныя отношенія, если она не исполнитъ всѣхъ своихъ обѣщаній касательно христіанскихъ подданныхъ [1]). Одновременно сентъ-джемскій кабинетъ призналъ не только права воюющей стороны за греками, но и провозглашенную ими блокаду турецкихъ береговъ [2]). Разгадка этихъ мѣръ Каннинга заключается въ слѣдующихъ словахъ одного изъ его писемъ: «Россія покидаетъ свой передовой постъ; Англія должна воспользоваться этимъ и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что человѣчество этого требуетъ» [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что такой рѣшительный образъ дѣйствій британскаго министра былъ одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ императора Александра снова взять въ свои руки дѣло умиротворенія Востока. На свиданіи, происходившемъ въ октябрѣ 1823 года въ Черновицѣ, между нимъ и императоромъ австрійскимъ, онъ заявилъ, что если «великій союзъ» полагаетъ, что настала пора положить конецъ турецкому владычеству въ Европѣ, то Россія готова содѣйствовать достиженію этой цѣли [4]). Но разумѣется «великій союзъ» былъ далекъ отъ выраженія подобнаго мнѣнія, и Меттернихъ согласился лишь на созваніе въ Петербургѣ конференціи для обсужденія способовъ европейскаго вмѣшательства въ греко-турецкую распрю. Такая конференція дѣйствительно собралась въ русской столицѣ, лѣтомъ 1824 года, но Англія отказалась принять въ ней участіе, и конференція разошлась послѣ двухъ засѣданій, не

[1]) Каннингъ лорду Странгфорду, 2 (14) февраля 1823.
[2]) Декларація лондонскаго двора, 13 (25) марта 1823.
[3]) Каннингъ лорду Странгфорду, апрѣль 1823.
[4]) Графъ Мерси князю Меттерниху, 2 (14) октября 1823.

приведя къ положительному результату. За то она послужила поводомъ къ враждебной противъ Россіи демонстраціи временнаго греческаго правительства.

Императорскій кабинетъ выработалъ планъ замиренія Греціи, который долженъ былъ послужить основаніемъ для совѣщаній конференціи. Въ пространномъ меморандумѣ, графъ Нессельроде опредѣлилъ особенное отношеніе Россіи къ греческому возстанію, продолжавшемуся уже около трехъ лѣтъ. «Россія,» писалъ онъ, «не можетъ равнодушно взирать на продленіе порядка вещей, отъ котораго такъ сильно страдаютъ ея отношенія къ Востоку, ея торговля, ея драгоцѣннѣйшіе интересы. Какъ великодушіе державъ относительно дружественной и союзной имъ державы, такъ и общій имъ интересъ мира требуютъ ихъ совокупнаго вмѣшательства. Предъ ихъ единеніемъ похитители власти разсыпались во прахъ, геній войны и бичъ военныхъ революцій вынуждены были уступить ихъ союзу. Онѣ вступили бы въ противорѣчіе сами съ собою, если бы сложили нынѣ руки и предоставили Греціи служить революціонерамъ всѣхъ странъ убѣжищемъ, изъ котораго они могутъ продолжать свои преступные происки и возмущать народъ противъ правительствъ, обвиняя послѣднія въ томъ, что они-де намѣрены ввергнуть Грецію въ анархію и варварство и одинаково относятся къ магометанству и христіанству.» Предложенія свои императорскій кабинетъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Несомнѣнно, что турки никогда не допустятъ независимости Греціи; также вѣрно и то, что греки никогда не согласятся возвратиться къ положенію, въ которомъ находились до возстанія. Разрѣшеніе задачи лежитъ между этими двумя исходами, и всего правильнѣе искать его на пути, уже извѣстномъ Портѣ изъ примѣровъ собственной ея исторіи. Княжества, подобныя Молдавіи и Валахіи, съ мудрыми мѣропріятіями противъ злоупотребленій, составляющихъ несчастіе этихъ областей, суть понятныя туркамъ учрежденія. А потому державы должны потребовать отъ Порты, чтобы въ Греціи были образованы три княжества, изъ коихъ первое обнимало бы восточную Грецію, а именно Өессалію, Віотію и Аттику; второе—западную Грецію, то-есть бывшее Венеціанское прибрежье, за исключеніемъ доли, доставшейся изъ него Австріи, Эпиръ и Акарнанію; третье—южную Грецію, то-есть Морею, а быть-можетъ и Кандію. Для острововъ Архи-

пелага слѣдуетъ потребовать муниципальнаго устройства, что было бы лишь возобновленіемъ преимуществъ, коими они пользовались въ теченіе вѣковъ. Само собою разумѣется, что Порта сохранитъ верховную власть свою надъ этими землями. Она не будетъ посылать туда правителя, но станетъ получать оттуда ежегодную, разъ навсегда опредѣленную дань. Мѣста и должности въ этихъ княжествахъ должны быть заняты мѣстными уроженцами; имъ присвоится свобода торговли и собственный флагъ; представителемъ ихъ въ Константинополѣ будетъ патріархъ, поставленный подъ охрану народнаго права, подобно агентамъ господарей молдавскаго и валашскаго. Порта занимала бы своими войсками нѣсколько крѣпостей, причемъ былъ бы опредѣленъ районъ, въ коемъ они почерпали бы свое продовольствіе и переступить за который не имѣли бы права. Всѣ подробности о назначеніи князей, срокѣ ихъ правленія, границахъ и способѣ администраціи, расходахъ, опредѣленіи мѣстъ, подлежащихъ занятію турками, правахъ ихъ военныхъ начальниковъ, муниципальномъ устройствѣ острововъ и т. д. были бы условлены посредствомъ дальнѣйшихъ переговоровъ между Портой, союзными державами и греческими уполномоченными, по примѣру того, что происходило въ 1812 году относительно сербовъ. Совокупность этихъ условій должна быть поставлена подъ ручательство всѣхъ союзныхъ державъ или тѣхъ изъ нихъ, которыя пожелаютъ принять на себя такое обязательство [1]).

Со стороны русской дипломатіи, наученной опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, было по меньшей мѣрѣ наивно разсчитывать на принятіе союзными дворами условій нашего меморандума, тѣмъ болѣе на содѣйствіе приведенію его въ исполненіе. Всего труднѣе было ожидать этого отъ князя Меттерниха, который радъ былъ обсуждать какіе угодно проекты, лишь бы не приходить къ окончательному заключенію, не приступать отъ словъ къ дѣлу. А между тѣмъ, меморандумъ не остался безъ послѣдствій, но съ совершенно противоположной стороны. Вскорѣ по сообщеніи его иностраннымъ кабинетамъ, онъ, якобы по нечаянной нескромности, былъ обнародованъ въ одной изъ заграничныхъ газетъ и такимъ путемъ сдѣлался извѣстенъ въ Греціи. Временное правительство воспользовалось

[1]) Меморандумъ графа Нессельроде, 28 декабря 1823 (9 января 1824).

этимъ, чтобы въ обращенной къ англійскому двору нотѣ протестовать противъ предложеннаго Россіей плана замиренія и, главнымъ образомъ, противъ оставленія грековъ подъ верховнымъ владычествомъ султана. Нота оканчивалась обращенною къ Каннингу просьбой помочь грекамъ въ той же степени, въ какой была имъ нѣкогда оказана помощь испанскимъ колоніямъ въ южной Америкѣ [1]).

Послѣ успѣшнаго отраженія въ 1825 году вторичной попытки турокъ возвратить себѣ потерянное господство въ Элладѣ, внутреннія несогласія и раздоръ возобновились въ этой несчастной странѣ, тѣмъ болѣе, что взаимное истощеніе какъ турокъ, такъ и грековъ, вызвало въ теченіе всего слѣдующаго года пріостановку военныхъ дѣйствій. Дѣло дошло до междоусобной войны между правительствомъ Кондуріоти и представителями народной партіи, капитанами и главарями Пелопонеза. Благодаря двумъ займамъ, заключеннымъ въ Англіи, на самыхъ, впрочемъ, хищническихъ условіяхъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ правительства. Старикъ Колокотрони былъ взятъ въ плѣнъ правительственными войсками и заключенъ въ тюрьму на островѣ Гидрѣ. Съ этой минуты полная анархія водворилась въ Греціи. Правительство не въ силахъ было противиться своеволію румеліотскихъ дружинъ и гидріотскихъ моряковъ, доставившихъ ему побѣду надъ мореотами. Какъ ни была незначительна дошедшая до него доля изъ двухъ заключенныхъ въ Лондонѣ займовъ, она пошла не на приготовленія къ оборонѣ противъ ожидавшагося новаго нападенія мусульманъ, а на удовлетвореніе притязаній румеліотовъ и гидріотовъ. По свидѣтельству англичанина-очевидца [2]), члены греческаго правительства были нисколько не лучше явныхъ разбойниковъ по отношенію къ государственной казнѣ. Понятно, какимъ громовымъ ударомъ разразилась надъ ними вѣсть о появленіи въ Пелопонезѣ новаго могучаго противника: сына паши египетскаго, Ибрагима, назначеннаго Портой правителемъ Мореи и высадившагося въ южной части полуострова во главѣ сильнаго и по-европейски дисциплинированнаго египетскаго войска. Въ короткое время, а именно съ половины февраля по конецъ

[1]) Греческое правительство Каннингу, 31 іюля (12 августа) 1824.

[2]) Генерала Гордона. Замѣчательно, что этотъ филэллинъ отзывался такъ про правительство Кондуріоти, большинство членовъ коего принадлежало къ англійской партіи.

мая 1825 года, Ибрагимъ-паша взялъ Наваринъ, разбилъ высланныя ему навстрѣчу греческія силы, проникъ внутрь Пелопоннеза до Триполицы и оттуда направился къ стѣнамъ Навпліи, временной столицы Греціи. Какъ за три года предъ тѣмъ въ подобномъ положеніи правительство Маврокордато, такъ окончательно растерялось теперь и правительство Кондуріоти. Оно спѣшило освободить изъ заключенія Колокотрони и провозгласить его диктаторомъ для спасенія отечества, но, не дожидаясь результата предпринятыхъ послѣднимъ военныхъ дѣйствій, торжественнымъ актомъ отдало себя и всю Грецію подъ защиту и покровительство короля великобританскаго [1]).

Совокупность этихъ происшествій побудила императора Александра дѣйствовать рѣшительно. Видя, что возобновленныя весной 1825 года конференціи въ Петербургѣ лишь обнаруживаютъ разногласіе державъ, не подвигая самаго дѣла ни на единый шагъ впередъ, онъ предложилъ союзнымъ дворамъ высказаться относительно понудительныхъ мѣръ, которыя признавалъ необходимыми принять противъ Порты. Отвѣтъ всѣхъ дворовъ, за исключеніемъ берлинскаго, былъ уклончивый. Князь Меттернихъ даже безусловно отвергалъ всякія мѣры понужденія, совѣтуя намъ «положиться на время, которое укажетъ на исходъ изъ нынѣшнихъ затрудненій». Такъ говорилъ онъ нашему послу, но въ наставленіи собственному представителю въ Петербургѣ злобно и язвительно замѣчалъ: «Русскій дворъ не знаетъ самъ чего хочетъ. Онъ не желаетъ признать несомнѣнной истины, что вліяніе его на грековъ потеряно... Русскій кабинетъ хочетъ невозможнаго, бѣжитъ въ погоню за дѣйствіемъ, для котораго не существуетъ средствъ, борется противъ формы, истекающей изъ основанія, имъ самимъ положеннаго. Нынѣ онъ ищетъ новыхъ путей для возвращенія утраченнаго вліянія, но не находитъ.»

Въ этомъ отношеніи австрійскій канцлеръ могъ считать цѣль свою вполнѣ достигнутою. На политической поверхности Греціи не оставалось и слѣдовъ когда-то столь сильнаго русскаго вліянія. Да и могло ли быть иначе, при той политикѣ нерѣшительности и колебаній, которой мы слѣдовали во все

---

[1]) Актъ подчиненія Греціи великобританскому правительству, 31 іюля (12 августа) 1825.

продолженіе войны за независимость? Къ тому же, съ перерыва нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портой, русскіе консульскіе агенты были также отозваны изъ Греціи. Давно уже крейсировали въ греческихъ водахъ посланныя для наблюденія за событіями эскадры англійская, французская и австрійская, но русскій военный флагъ и не показывался въ Архипелагѣ. Въ Грецію не заѣзжалъ ни одинъ русскій человѣкъ, доброволецъ или частный путешественникъ, тогда какъ западные филэллины изъѣздили ее вдоль и поперекъ, толпами служили въ войскахъ ея и флотѣ. Въ Россіи задержано было болѣе 300,000 рублей, собранныхъ по всенародной подпискѣ на выкупъ христіанъ изъ турецкаго плѣна, въ то самое время, когда возстаніе жило лишь на пособія, доставляемыя ему филэллинскими комитетами на Западѣ. Мудрено ли, что люди забравшіе власть въ свои руки въ Греціи, хвалились непріязнью къ Россіи, въ надеждѣ заслужить тѣмъ благоволеніе прочихъ европейскихъ державъ. И не смотря на все это, русское вліяніе исчезло только съ поверхности. Греческій народъ продолжалъ сохранять въ глубинѣ души преданность къ великой единовѣрной державѣ и отъ нея одной ожидать себѣ спасенія.

Это не замедлило обнаружиться, какъ только, со вступленіемъ на престолъ императора Николая, политика Россіи получила твердое направленіе и снова предъявила свое право на преобладающее значеніе при рѣшеніи участи Востока.

Въ предшедшей главѣ изложены энергическія мѣры принятыя по отношенію къ Греціи молодымъ государемъ тотчасъ по воцареніи своемъ: с.-петербургскій протоколъ, отправленіе русской эскадры въ Архипелагъ, наконецъ лондонскій трактатъ, послужившій началомъ тройственному союзу, заключенному съ цѣлью положить конецъ кровопролитію и возродить Грецію. Мѣры эти были приняты императоромъ Николаемъ какъ нельзя болѣе вòвремя. Истощенная шестилѣтнею борьбой, терзаемая внѣшнимъ врагомъ и внутренними раздорами, Эллада находилась при послѣднемъ издыханіи.

Бóльшая половина Пелопоннеза была въ рукахъ египтянъ, немилосердно опустошавшихъ несчастный полуостровъ. Греки держались только въ Навпліи и нѣсколькихъ другихъ прибрежныхъ городахъ, да въ недоступныхъ непріятелю глубокихъ ущельяхъ Тайгета. Турки господствовали въ восточной Греціи,

обложивъ со всѣхъ сторонъ аѳинскій Акрополь, гдѣ засѣла горсть христіанъ подъ начальствомъ доблестнаго филэллина, француза Фабвье. Наконецъ, въ aпрѣлѣ 1826 года, послѣ одиннадцатимѣсячной геройской защиты, палъ Миссолонги. Вѣсть о гибели этого послѣдняго оплота греческаго владычества въ Акарнаніи нанесла рѣшительный ударъ злосчастному правительству Кондуріоти. Цѣлый годъ въ Элладѣ господствовала полная анархія, и только весной слѣдующаго 1827 года, враждующія партіи рѣшились сойтись въ третьемъ народномъ собраніи.

Трезенское собраніе, подобно двумъ предшедшимъ, эпидаврскому и астросскому, поражало разнообразіемъ выражаемыхъ въ немъ мнѣній и сужденій. Къ тому времени политическіе дѣятели Эллады раздѣлились на три главныя партіи, слѣды которыхъ сохранились и до нашихъ дней. Англійскую партію составляли преимущественно островитяне, французскую—представители западной и восточной Греціи, такъ называемые румеліоты; вожди Пелопоннеза открыто именовали себя русскою партіей, опираясь на весь православный греческій народъ. Главой послѣдней былъ знаменитый «старецъ,» ὁ γέρων, какъ называла вся Греція Ѳедора Колокотрони.

Пока руководимые Колеттисомъ сторонники французскаго вліянія вырабатывали въ Трезенѣ конституцію еще либеральнѣе эпидаврской, въ которой торжественно провозглашалось начало народнаго самодержавія и полная независимость Эллады; пока, благодаря настояніямъ Маврокордато и друзей его, собраніе провозглашало двухъ англичанъ, лорда Кохрена и сэра Ричарда Чёрча, главными начальниками: перваго—морскихъ, а втораго—сухопутныхъ силъ Греціи, русско-народная партія одержала блестящую побѣду надъ своими соперниками, настоявъ на избраніи правителемъ Эллады на семилѣтній срокъ графа Іоанна Каподистріи[1]).

Со времени удаленія своего отъ завѣдыванія нашими иностранными дѣлами въ 1822 году, бывшій министръ Александра I поселился въ Женевѣ. Оттуда онъ внимательно слѣдилъ

---

[1]) Съ легкой руки иностранныхъ публицистовъ и историковъ принято у насъ именовать Каподистрію президентомъ Греціи. Выраженіе это крайне неточно. Греческое κυβερνήτης и по происхожденію, и по значенію соотвѣтствуетъ слову правитель; по-французски также слѣдовало бы переводить его словами gouverneur или régent.

за ходомъ событій въ Греціи, поддерживая оживленныя сношенія со своими тамошними друзьями. Отчужденіе грековъ отъ Россіи глубоко печалило его. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что безъ русской помощи возстаніе не достигнетъ своей цѣли. Не менѣе огорчали его и революціонныя средства борьбы и, какъ послѣдствіе ихъ, демагогическія начала, внесенныя въ государственное устройство Эллады. Онъ хорошо понималъ, что пока дѣла въ ней не примутъ иного направленія, сочувствіе императора Николая не будетъ на сторонѣ грековъ. Въ заключеніи неоднократно упомянутой пространной записки, представленной имъ государю въ концѣ 1826 года, онъ старался разъяснить противорѣчіе между дѣйствительнымъ настроеніемъ греческаго народа и поступками лицъ, самовольно присвоившихъ себѣ названіе его правителей. «Никогда,» утверждалъ онъ, не удастся изгладить изъ воспоминаній и изъ сердца грековъ слѣды прошедшаго, съ тѣмъ, чтобъ уничтожить этотъ народъ или по крайней мѣрѣ исказить его свойства, дабы Россія не имѣла уже болѣе возможности покровительствовать ему.»

Благопріятное впечатлѣніе, произведенное запиской Каподистріи на императора Николая, имѣло послѣдствіемъ разрѣшеніе ему самому прибыть въ Петербургъ. Ближайшею цѣлью предпринятой весной 1827 года поѣздки графа въ Россію было, по выраженію вѣрнаго его друга и сотрудника Стурдзы, «поклониться праху Александра, представиться молодому государю, высказать ему свои надежды и опасенія относительно Греціи и ему же поручить судьбы ея.» Въ Петербургѣ получилъ Каподистрія извѣстіе объ избраніи своемъ въ правители Эллады. Онъ самъ сохранилъ намъ разсказъ о бесѣдѣ съ императоромъ Николаемъ по поводу этого назначенія. Государь сказалъ ему, что главною его задачей должно быть отчужденіе греческаго движенія отъ сопряженныхъ съ нимъ демагогическихъ элементовъ. Тогда опорой ему можетъ служить законное содѣйствіе великихъ державъ. Поэтому пусть приметъ онъ предложенное ему званіе не иначе, какъ подъ условіемъ, что греки подчинятся требованіямъ іюльскаго договора. Актомъ этимъ три союзные двора обезпечиваютъ Греціи всѣ блага вполнѣ свободнаго національнаго существованія. Вассальное отношеніе къ Портѣ ни въ чемъ не стѣснитъ фактической свободы грековъ. Оно будетъ простою формальностью и вы-

разится лишь умѣренною данью, соотвѣтственною средствамъ страны. Внутреннее управленіе, законодательство, торговля не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ. Право принимать и назначать консульскихъ агентовъ достаточно удовлетворяетъ потребностямъ страны, тогда какъ безъ опаснаго права содержать дипломатическихъ представителей и заключать союзы съ иностранными государствами она можетъ легко обойтись, ибо послѣднее сопряжено со значительными расходами. Но, присовокуплялъ государь, если турки по упрямству своему откажутся признать условія лондонскаго договора, то подчиненіемъ своимъ греки получатъ тѣмъ большее право на его, государя, личное участіе. Слова эти несомнѣнно означали, что въ такомъ случаѣ Россія готова будетъ признать полную независимость Эллады. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ внималъ будущій правитель Греціи словамъ своего державнаго собесѣдника и торжественно обѣщалъ не принимать поднесеннаго ему достоинства, не получивъ предварительно такихъ полномочій «которыя дали бы ему возможность основать политическое существованіе Греціи на началахъ, условленныхъ между тремя союзными дворами» [1]).

Согласно прошенію, Каподистрія былъ уволенъ окончательно изъ русской службы, причемъ ему была выражена высочайшая благодарность за строгое исполненіе долга, за приверженность къ славѣ и пользамъ Россіи, за личную преданность императору Александру Павловичу. [2]) Графъ отказался отъ предназначенной ему пенсіи въ размѣрѣ 60,000 франковъ, замѣтивъ, что его должна отнынѣ связывать съ Россіей «лишь признательность, которую всякій честный человѣкъ питаетъ къ своему благодѣтелю».

Радушный и ласковый пріемъ, оказанный государемъ, почерпнутое изъ бесѣдъ съ нимъ убѣжденіе въ его расположеніи къ Греціи и готовности содѣйствовать ея возрожденію, представляли такой контрастъ со впечатлѣніями, вынесенными графомъ изъ прочихъ иностранныхъ столицъ, посѣщенныхъ по пути въ Грецію, что еще до высадки своей на берегъ, онъ заявилъ греческой депутаціи, явившейся встрѣтить его: «Эллада должна отнынѣ обращать взоры свои къ сѣверу и всю надежду возлагать на *юношу*, τὸν νέον!».

---

[1]) Графъ Каподистрія императору Николаю, 3 (15) іюля 1827.

[2]) Указъ правительствующему сенату 2 (14) іюля 1827.

Правитель Греціи остался вѣренъ слову, которое далъ императору Николаю въ Царскомъ Селѣ. Онъ началъ съ того, что побудилъ учрежденный трезенскимъ собраніемъ сенатъ изъ выборныхъ народныхъ представителей добровольно разойтись и замѣнилъ его совѣщательнымъ совѣтомъ изъ 27 членовъ, имъ самимъ назначенныхъ, которому присвоилъ названіе Панэллиніона. Онъ отклонилъ установленную для него тѣмъ же собраніемъ присягу, обязывавшую его соблюдать независимость Греціи и управлять ею на основаніи органическихъ законовъ, изданныхъ народными собраніями. Вмѣсто этой формулы, онъ торжественно обѣщалъ исполнять возложенныя на него націей обязанности, согласно началамъ, положеннымъ въ основу государственнаго устройства Греціи собраніями эпидаврскимъ, астросскимъ и трезенскимъ, и заключилъ свою клятву такими словами: «Клянусь исполнить мой долгъ, впредь до созванія народнаго собранія, на основаніи правилъ, изданныхъ при учрежденіи временнаго правительства, желая способствовать національному и политическому возрожденію Греціи, дабы она какъ можно скорѣе получила возможность воспользоваться преимуществами, обѣщанными ей лондонскимъ трактатомъ».

Развязавъ себѣ руки устраненіемъ конституціонныхъ стѣсненій, онъ съ жаромъ принялся за водвореніе порядка во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Дѣятельность его была поистинѣ изумительна. Плачевное состояніе греческихъ финансовъ нуждалось въ немедленной помощи. Благодаря значительнымъ суммамъ, которыми Каподистрія былъ снабженъ русскимъ дворомъ, а также щедрымъ приношеніямъ богатыхъ капиталистовъ изъ грековъ, жившихъ за границей, которымъ онъ самъ подалъ примѣръ, пожертвовавъ греческой казнѣ всѣмъ своимъ состояніемъ, онъ успѣлъ удовлетворить главнымъ потребностямъ государственнаго бюджета. Уступая усиленной просьбѣ Каподистріи, Россія и Франція обѣщали ему вскорѣ ежемѣсячное пособіе, въ размѣрѣ полумилліона франковъ каждая. Изъ трехъ державъ-покровительницъ, только Англія не ссудила ему ни гроша. Но, не полагаясь на одну иноземную помощь, онъ основалъ греческій національный банкъ, который не разъ впослѣдствіи выручалъ государство изъ денежныхъ затрудненій.

Особенное усердіе проявилъ правитель въ попеченіяхъ

своихъ о реорганизаціи арміи и флота. На нихъ удѣлилъ онъ значительнѣйшую часть иностранныхъ субсидій, говоря, что «имъ предстоитъ отвоевать для Греціи ея естественныя границы». Онъ не оставилъ безъ вниманія находившіяся въ состояніи полнаго застоя торговлю и земледѣліе, учредилъ почту, преобразовалъ судебную часть, положилъ начало народному просвѣщенію и общественной благотворительности. Церковь и ея пастырей онъ окружилъ глубокимъ уваженіемъ. Наконецъ, имъ же введена во всѣхъ областяхъ правильно организованная и строго подчиненная правительственному центру администрація.

При этихъ преобразованіяхъ Каподистрія имѣлъ сотрудниками людей всѣхъ партій, которыхъ назначалъ на должности соотвѣтственно ихъ способностямъ, не взирая на ихъ политическія воззрѣнія. Съ иностранцами-филэллинами, находившимися въ греческой службѣ, онъ обращался любезно и предупредительно, но мало-по-малу успѣлъ лишить ихъ того преобладающаго значенія, коимъ они пользовались прежде, что побудило честолюбивѣйшихъ изъ нихъ, Чёрча и Фабвье, выйти въ отставку. Въ противоположность такому обращенію съ иноземцами, онъ особенно отличилъ народныхъ вождей возстанія: Θедору Колокотрони было возвращено званіе архистратига Пелопоннеза, а Димитрію Ипсиланти ввѣрено начальство надъ войсками, расположенными въ восточной Греціи.

Едва прошло три мѣсяца со дня прибытія Каподистріи, какъ вспыхнула война между Россіей и Турціей. Правитель возвѣстилъ о ней народу восторженымъ воззваніемъ, въ коемъ указалъ, «что умиротвореніе и будущность Эллады составляютъ предметъ постоянныхъ заботъ императора всероссійскаго.» Тогда же обнародовалъ онъ во всеобщее свѣдѣніе, что русскій дворъ ссудилъ греческому правительству два милліона франковъ, а сверхъ того, императрица Александра Θеодоровна отъ себя пожаловала 200,000 серебряныхъ рублей. Греческія войска были приведены въ движеніе, увѣнчавшееся успѣхомъ. Западной арміи сдались турецкіе гарнизоны, занимавшіе крѣпости Лепанто, Анатолико и Миссолонги; восточная нанесла туркамъ при Пѣтрѣ рѣшительное пораженіе.

Въ видахъ понужденія египтянъ оставить Пелопоннезъ, лондонская конференція согласилась на отправленіе туда французскаго экспедиціоннаго корпуса. Но еще не успѣлъ онъ

прибыть на мѣсто, какъ англійскій адмиралъ Кодрингтонъ убѣдилъ Мегмета-Али отозвать сына своего съ войскомъ въ Египетъ. Такимъ образомъ, къ концу 1828 года, почти вся Эллада была освобождена отъ мусульманскихъ ополченій, и благодарный народъ не безъ основанія приписывалъ этотъ результатъ мудрой заботливости своего правителя.

Популярность Каподистріи выразилась самымъ нагляднымъ образомъ при выборахъ въ народное собраніе, созванное имъ весной 1829 года. Въ тридцати шести избирательныхъ округахъ самъ онъ былъ избранъ единственнымъ депутатомъ, съ полномочіемъ поступать по личному усмотрѣнію. Такъ засвидѣтельствовалъ народъ о своемъ неограниченномъ довѣріи къ тому, кого называлъ уже не иначе какъ ласкательнымъ именемъ «дяди Вани.» Сессія четвертаго народнаго собранія, состоявшаяся въ Аргосѣ, была новымъ торжествомъ для правителя. Каподистрія открылъ ее облеченный въ мундиръ русскаго статсъ-секретаря, съ грудью, украшенною русскими орденами. Отчетъ объ его управленіи собраніе привѣтствовало единодушными рукоплесканіями, утвердило всѣ его распоряженія и единогласно изъявило ему признательность отечества.

Не внутри Греціи, а внѣ ея, именно въ засѣдавшей въ Лондонѣ конференціи представителей трехъ державъ-покровительницъ, встрѣтилъ Каподистрія наибольшія затрудненія. Состоявшееся осенью 1828 года постановленіе о взятіи Мореи и прилежащихъ островов подъ охрану тройственнаго союза было ему крайне непріятно, ибо предрѣшало до извѣстной степени вопросъ о будущихъ границахъ Эллады въ самомъ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію конференціи, явились въ Поросѣ, для собранія на мѣстѣ статистическихъ данныхъ, бывшіе представители трехъ союзныхъ державъ въ Константинополѣ: Стратфордъ-Каннингъ, Гильоминно и Рибопьеръ. Они предложили правителю 28 самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, на которые тотъ отвѣчалъ по возможности. Главный изъ нихъ касался границъ Греціи. Каподистрія доказывалъ необходимость отодвинуть ихъ до Пинда и Олимпа, такъ чтобъ Эпиръ и Ѳессалія входили въ составъ будущаго государства. Дипломаты высказались въ пользу болѣе умѣреннаго расширенія къ сѣверу, проведя пограничную черту отъ Арты до Воло. Относительно будущаго образа правленія Эллады, они сошлись съ Каподистріей на преиму-

ществахъ наслѣдственной монархіи, но какъ бы въ укоръ ему присовокупили въ отчетѣ своемъ конференціи, что «было бы несправедливо и опасно, при учрежденіи наслѣдственнаго правительства, лишить грековъ представительнаго начала, такъ какъ они, даже подъ турецкимъ владычествомъ, сами избирали свои общинныя власти, и старѣйшины ихъ пользовались правомъ распредѣленія податей.»

Отвѣтомъ правителя на такое косвенное обвиненіе представителей трехъ покровительствующихъ державъ, въ томъ числѣ и Россіи, было внушенное имъ первому акредитованному при немъ русскому дипломатическому агенту, личному другу и родственнику его, іонійцу графу Булгари, донесеніе послѣдняго вице-канцлеру графу Нессельроде. Въ донесеніи этомъ выставлялось на видъ, что, благодаря тремъ вѣкамъ рабства, вліятельнѣйшіе люди въ Греціи, то-есть именно старѣйшины, не отличались ни качествами, ни познаніями, на какія должно опираться благоустроенное политическое общество. Никакое благосклонное усиліе не въ состояніи возвратить на путь порядка этихъ бывшихъ посредниковъ между мусульманскими притѣснителями и беззащитною райей, и всякое организованное правительство всегда будетъ возбуждать въ нихъ лишь желаніе смутъ и анархіи. Старѣйшины эти естественно враждебно расположены къ правительству Каподистріи, тѣмъ болѣе имъ ненавистному, что оно воспрещаетъ хищенія, караетъ виновныхъ и покровительствуетъ угнетеннымъ. Въ первые годы возстанія они вступили въ союзъ съ политическими теоретиками, надѣлившими Грецію тремя демократическими конституціями, ибо видѣли въ либеральныхъ началахъ средство упрочить свое вліяніе. Они же благопріятствовали зачинщикамъ смутъ, стекшимся въ Грецію со всѣхъ концовъ Европы, чтобъ эксплуатировать въ свою личную пользу греческое возстаніе. Совершенную противоположность имъ представляетъ народъ, отличающійся благодушіемъ, повиновеніемъ, духомъ порядка и справедливости. «Въ высшей степени замѣчательно,» свидѣтельствовалъ Булгари, «видѣть цѣлый народъ, послѣ семилѣтней войны и анархіи, возвращающимся по призыву одного человѣка къ своимъ мирнымъ занятіямъ и трудолюбію, отвергающимъ съ негодованіемъ совѣты многочисленныхъ агентовъ, возбуждавшихъ его къ бунту, и подчиняющимся закону, не будучи принуждаемымъ къ тому никакою силой.» Для

такого народа непригодно правительство, основанное на чисто конституціонныхъ началахъ, несовмѣстимыхъ ни съ соціальными стремленіями Греціи, ни съ покоемъ Европы. Ему нужно правительство монархическое, которое одно способно установить прочный порядокъ въ странѣ, тогда какъ отвлеченнымъ началамъ и догматамъ, такъ называемаго, народнаго самодержавія, она была обязана доселѣ лишь государственнымъ долгомъ въ 70 милліоновъ франковъ, междоусобною войной, раззореніемъ и анархіей. Установить такое правительство въ Греціи—право и обязанность покровительствующихъ державъ. Цѣль ихъ вмѣшательства была положить конецъ не только кровопролитной борьбѣ христіанъ съ турками, но и самой греческой революціи, учрежденіемъ правительства, которое отвѣчало бы великодушнымъ видамъ державъ и условіямъ европейскаго порядка. Лишь первая половина этой задачи исполнена; вторая будетъ осуществлена водвореніемъ въ Греціи наслѣдственной монархіи [1]).

Соображенія эти были, по высочайшему повелѣнію, сообщены нашимъ дворомъ лондонской конференціи и не остались безъ вліянія на ея рѣшенія. Она постановила, что Греція имѣетъ составить подъ верховнымъ владычествомъ султана государство, пользующееся полною свободой внутренняго управленія, и что во главѣ ея будетъ поставленъ наслѣдственный христіанскій князь. Выборъ послѣдняго предоставлялся соглашенію трехъ союзныхъ державъ съ Портой. Сѣверною границей Греціи признавалась черта отъ Арты до Воло, въ составъ Греціи должны были также входить Эвбея и Циклады [2]). На означенныхъ основаніяхъ поручалось возобновить переговоры съ Портой, отъ имени тройственнаго союза, посламъ великобританскому и французскому, которые для этого возвращались въ Константинополь. Но, не ожидая исхода этихъ переговоровъ и едва ли не прежде, чѣмъ они были начаты, англійскій резидентъ сообщилъ греческому правительству рѣшенія конференціи къ свѣдѣнію и исполненію, присовокупивъ, что такъ какъ Порта соблюдаетъ перемиріе de facto, то и греческимъ войскамъ слѣдуетъ прекратить военныя дѣйствія и удалиться за предѣлы, гарантированные ноябрскимъ про-

[1]) Графъ Булгари графу Нессельроде, 2 (14) декабря 1828.
[2]) Протоколъ лондонской конференціи 10 (22) марта 1829.

токоломъ [1]). Это означало, что греки должны очистить всю западную и восточную Грецію и отступить въ Пелепоннезъ, ибо только этотъ полуостровъ былъ помянутымъ протоколомъ принятъ подъ временное ручательство державъ.

Каподистрія съ достоинствомъ отвергъ такое притязаніе англійской дипломатіи. Ему не было разсчета прекращать военныя дѣйствія, пока длилась русско-турецкая война. Онъ отвѣчалъ, что не получалъ оффиціальнаго извѣщенія о принятіи Портой перемирія, фактическая же пріостановка операцій была съ ея стороны ничѣмъ инымъ, какъ переходомъ въ оборонительное положеніе, изъ котораго она всегда могла снова перейти въ наступленіе. Такъ же точно ему неизвѣстна сущность ноябрскаго протокола, но если бы тотъ и былъ ему сообщенъ, то онъ все же не имѣлъ бы средствъ перевести въ Пелопоннезъ и на Циклады несчастное населеніе изъ-за перешейка [2]).

Каподистрія имѣлъ полное право поступить такимъ образомъ. Онъ, правда, обѣщалъ императору Николаю не выходить изъ предѣловъ лондонскаго трактата, но трактатъ этотъ самъ допускалъ участіе грековъ въ переговорахъ объ опредѣленіи окончательной ихъ участи. Мартовскій же протоколъ ставилъ послѣднюю въ зависимость отъ уговора между Портой и послами морскихъ державъ, хотя и дѣйствовавшими отъ имени тройственнаго союза. Правитель Греціи былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, чтобъ ожидать успѣха отъ возобновленія дипломатическихъ совѣщаній съ диваномъ. Всю надежду свою возлагалъ онъ на побѣды русскихъ войскъ, и не обманулся. То, въ чемъ султанъ четырнадцать разъ отказалъ настояніямъ дипломатіи, признаніе начала европейскаго вмѣшательства въ отношенія его къ грекамъ и условленныхъ между союзными дворами основаній будущаго устройства Греціи, было занесено въ адріанопольскій мирный договоръ, страхомъ исторгнутый у Порты нашею побѣдоносною арміей, остановившеюся въ одномъ переходѣ отъ Царьграда. По личному указанію государя, графъ Дибичъ настоялъ и на признаніи пограничной черты отъ Арты до

---

[1]) Доукинсъ графу Каподистріи, 6 (18) мая 1829.
[2]) Графъ Каподистрія Доукинсу, 15 (27) мая 1829.

Воло, поступиться которою уже были готовы великобританскій и французскій послы.

Возстановленное Каподистріей преобладающее вліяніе Россіи въ Греціи, повидимому, должно было на долгіе годы упрочиться адріанопольскимъ миромъ. Прозванный многочисленными своими ненавистниками русскимъ проконсуломъ, правитель Эллады не скрывалъ своей преданности великой единовѣрной державѣ. «Русскій?» повторялъ онъ, говоря про себя, «почему нѣтъ? Но прежде всего я грекъ.» Этими словами онъ ясно выражалъ убѣжденіе свое, что истинно народный государственный человѣкъ Греціи естественно долженъ опираться на Россію. Таковъ и былъ Каподистрія не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Во дни, непосредственно слѣдовавшіе за заключеніемъ мира, обаяніе его среди соотечественниковъ было всесильно. Вѣчный сѣятель смуты и раздора между державами, составлявшими тройственный союзъ, Меттернихъ, не преминулъ обратить на это обстоятельство вниманіе герцога Веллингтона. «Я считаю Каподистрію несокрушимымъ въ Греціи,» писалъ онъ въ Лондонъ. «Если онъ неудобенъ англичанамъ, то имъ не слѣдовало дозволить избраніе его президентомъ. Греція—это онъ [1]).»

Въ виду такого положенія дѣлъ на мѣстѣ, задача русской дипломатіи представлялась повидимому довольно ясною и простою. Ей приходилось не создавать, а только поддерживать вѣковое историческое вліяніе Россіи въ Греціи, вліяніе выражавшееся въ данное время въ лицѣ правителя и въ политикѣ, коей онъ неуклонно слѣдовалъ. Въ Петербургѣ какъ будто сознавали это, и графъ Нессельроде повѣдалъ Меттерниху, «что непрерывность вліянія Каподистріи составляетъ безусловную необходимость для русской политики» [2]).

Такова была наша политическая программа по отношенію къ Греціи, программа разумная и вполнѣ согласная съ преданіями, достоинствомъ и пользами Россіи. Взглянемъ же теперь на ея исполненіе.

Послѣ адріанопольскаго мира, точно также, какъ и до него, высшею инстанціей по греческимъ дѣламъ являлась, въ глазахъ императорскаго кабинета, лондонская конференція. Пер-

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 16 (28) октября 1829.

[2]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) августа 1830.

вымъ ея дѣломъ было потребовать отъ русскихъ уполномоченныхъ заявленія, что относящаяся до Греціи 10 статья мирнаго договора «не упраздняетъ правъ союзниковъ императора, не препятствуетъ совѣщаніямъ министровъ, собранныхъ въ конференціи въ Лондонѣ, и не служитъ препятствіемъ для рѣшеній, которыя три союзные двора, съ общаго согласія, признаютъ наиболѣе полезными и всего лучше соотвѣтствующими обстоятельствамъ». Эта самая 10 статья постановляла, между прочимъ, что Порта не только выражаетъ согласіе на условія лондонскаго договора, но и присоединяется къ мартовскому протоколу конференціи, опредѣлявшему отношенія Греціи къ къ Турціи, образъ правленія ея, границы и т. п. Тѣмъ не менѣе, конференція не сочла возможнымъ принять означенную статью за исходную точку своихъ совѣщаній, а предпочла сослаться на ноту Порты къ посламъ англійскому и французскому, отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года, въ коей Порта обязывалась вполнѣ подчиниться всѣмъ рѣшеніямъ, какія будутъ приняты лондонскою конференціей для приведенія въ исполненіе іюльскаго трактата. Слѣдуетъ замѣтить, что ноту, хотя и помѣченную вышеприведеннымъ числомъ, въ дѣйствительности сообщилъ рейсъ-эфенди сэру Роберту Гордону и графу Гильомино лишь 13-го (25-го) сентября, то-есть цѣлые десять дней по заключеніи адріанопольскаго договора, и то только для свѣдѣнія союзныхъ дворовъ, такъ какъ затронутые въ ней вопросы были уже окончательно разрѣшены мирнымъ трактатомъ. Такому приступу вполнѣ отвѣчали и самыя рѣшенія, принятыя лондонскою конференціей въ засѣданіи 22-го января (3-го февраля) 1830 года. Греція провозглашена была независимымъ государствомъ. Выше было уже указано значеніе этого измѣненія постановленій договоровъ какъ лондонскаго, такъ и адріанопольскаго. Но не даромъ досталось грекамъ признаніе ихъ независимости. Одновременно конференція рѣшила значительно уменьшить территорію вновь созданнаго государства и, выдѣливъ изъ него всю Акарнанію и часть Этоліи, лишить его границы, не только условленной между тремя союзными дворами, но на которую и Порта выразила согласіе свое въ адріанопольскомъ договорѣ, той самой границы, про которую незадолго предъ тѣмъ императоръ Николай писалъ графу Дибичу-Забалканскому: «Ни на какую иную границу, кромѣ Арты и Воло, я не соглашаюсь. Надѣюсь,

что когда о томъ узнаютъ въ Парижѣ, то французы меня поддержатъ, а если и нѣтъ, то я стою на своемъ. Мы въ правѣ не нарушать нашего слова, и положеніе наше таково, что мы можемъ наконецъ сказать: *я такъ хочу*, благодаря успѣхамъ вашимъ въ Европѣ и Паскевича въ Азіи» [1]).

Въ тотъ же день конференція предложила наслѣдственную монархическую власть надъ Греціей съ титуломъ владѣтельнаго князя принцу Леопольду Саксенъ-Кобургскому. Принцъ этотъ былъ женатъ на единственной дочери короля Георга IV великобританскаго и наслѣдницѣ его престола, умершей въ 1817 году; сестра его была матерью принцессы Викторіи, будущей королевы; парламентскимъ актомъ онъ былъ признанъ въ качествѣ англійскаго принца, съ титуломъ королевскаго высочества. Не смотря на это, конференція нашла, что онъ можетъ быть избранъ государемъ Греціи, ибо не состоитъ де членомъ королевскаго дома, царствующаго нынѣ въ Англіи. По брачному договору подтвержденному парламентомъ, принцъ Леопольдъ получалъ изъ англійской казны пожизненное содержаніе въ 50.000 фунтовъ стерлинговъ, что не помѣшало конференціи заявить, что смерть жены его порвала-де узы, связывавшія его съ Англіей, и что, согласно помянутому брачному договору, «онъ совершенно независимъ, каковы бы ни были обстоятельства». Мало того: протоколъ, призывавшій протестанта царствовать надъ православною страной, не заключалъ въ себѣ ни малѣйшаго обезпеченія въ пользу церкви, провозглашенной господствующею въ Греціи даже демагогическими конституціями эпидаврской и трезенской.

За то конференція выказала трогательную заботливость о судьбѣ католическихъ подданныхъ будущаго греческаго государя. Французскій уполномоченный объявилъ, что христіаннѣйшій король готовъ передать въ его руки въ предѣлахъ новаго государства то право покровительства, коимъ Франція съ незапамятныхъ временъ пользуется по отношенію къ католикамъ, подданнымъ султана, но что его величество желаетъ при этомъ, чтобы въ государственномъ устройствѣ Греціи католики, проживающіе въ ней, нашли ручательства, которыя могли бы замѣнить вмѣшательство Франціи въ ихъ пользу. Не спра-

---

[1]) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому, 28 августа (9 сентября) 1829.

вляясь даже, на какихъ договорахъ основываетъ французскій уполномоченный свои притязанія, конференція поспѣшила признать «справедливость его требованія» и опредѣлила, «что католическое вѣроисповѣданіе будетъ пользоваться въ новомъ государствѣ правомъ свободно и всенародно совершать богослуженіе; что ему будутъ обезпечены всѣ его имущества; что епископы его сохранятъ во всей неприкосновенности свои должности, а равно права и преимущества, коими они пользовались подъ покровительствомъ французскихъ королей, и что, наконецъ, на основаніи того же принципа, имущества, принадлежавшія бывшимъ французскимъ духовнымъ миссіямъ или инымъ учрежденіямъ, будутъ признаны и уважены.» Конференція пошла еще дальше и торжественно постановила, «что вообще всѣ греческіе подданные, къ какому бы исповѣданію они ни принадлежали, будутъ имѣть равное право на назначеніе на мѣста, должности и на общественныя почести, не взирая на различіе ихъ вѣры, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ».

Уполномоченные были повидимому крайне довольны совершеннымъ ими дѣломъ и отъ имени своихъ дворовъ поздравили другъ друга «съ полнымъ согласіемъ, достигнутымъ посреди обстоятельствъ самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ.» Поддержаніе ихъ единенія, провозглашали они, въ такое время, «служитъ лучшимъ залогомъ его продолжительности, и три двора льстятъ себя надеждой, что это единеніе, столь же прочное, сколько и благодѣтельное, не перестанетъ содѣйствовать упроченію мира вселенной»[1]).

Событія не оправдали надеждъ самодовольныхъ дипломатовъ. Не успѣлъ минуть годъ, судьба Греціи далеко еще не была устроена, а уже іюльская революція однимъ ударомъ расторгла тройственный союзъ Россіи съ Англіей и Франціей. Острый антагонизмъ между нашими бывшими союзниками и нами занялъ мѣсто пресловутаго единенія, купленнаго столь дорогою цѣной: цѣной добровольнаго отреченія нашего отъ результатовъ, добытыхъ русскими побѣдами по ту сторону Балканъ. Мы допустили, чтобы по крайней мѣрѣ по внѣшности, независимость Греціи не истекала изъ адріанопольскаго договора; чтобъ установленныя этимъ договоромъ границы ея

[1]) Три протокола лондонской конференціи 22 января (3 февраля) 1830.

были съужены, и цѣлыя двѣ области, населенныя греками, отторгнуты отъ новосозидаемаго государства и возвращены подъ владычество турокъ; чтобы правителемъ Греціи сталъ членъ царствующаго дома Великобританіи, состоящій на жалованьѣ у англійской казны, протестантъ по вѣрѣ, либералъ по политическому направленію; наконецъ, чтобы права греческихъ католиковъ были поставлены подъ охрану тройственнаго союза, равно какъ и начало свободы вѣроисповѣданій, а исконныя права православной церкви, господствующей въ странѣ,—пройдены совершеннымъ молчаніемъ. Послѣднее обстоятельство неудивительно, если припомнить, что судьбы единовѣрнаго намъ народа призваны были рѣшать, въ качествѣ представителей Россіи, три иновѣрца: уполномоченные наши на лондонской конференціи, лютеранинъ Ливенъ и католикъ Матушевичъ, и самъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде, принадлежавшій, какъ извѣстно, къ англиканскому исповѣданію. Лишь четыре мѣсяца спустя по подписаніи февральскаго протокола и вѣроятно по личному настоянію императора Николая, русская дипломатія спохватилась и выказала свою запоздалую заботливость о православіи въ дополнительномъ протоколѣ конференціи, коимъ постановлялось, что выговоренныя въ пользу католиковъ преимущества не должны наносить ущерба правамъ господствующей церкви, и что равенство гражданскихъ и политическихъ правъ въ Греціи распространяется лишь на послѣдователей христіанскихъ исповѣданій [1]).

Каподистрія, а съ нимъ и вся Греція, долго оставались въ неизвѣстности относительно рѣшеній конференціи. «Какая страна,» писалъ графъ въ концѣ февраля 1830 года одному изъ ближайшихъ друзей своихъ, «осталась бы въ мирѣ и подчиненіи, еслибъ ей стали непрестанно и внушительнымъ тономъ повторять: правительство, которому ты повинуешься перестало существовать, и есть уже другое, долженствующее замѣстить его...» [2]) Наконецъ, февральскій протоколъ былъ офиціально объявленъ правителю резидентами трехъ державъ, потребовавшими провозглашенія перемирія и вывода греческихъ войскъ изо всѣхъ земель, присужденныхъ обратно Турціи.

---

[1]) Протоколъ лондонской конференціи 20 іюня (1 іюля) 1830.

[2]) Графъ Каподистрія Эйнару, 20 февраля (4 марта) 1830.

Болѣзненно отозвались рѣшенія конференціи въ патріотической душѣ Каподистріи. Конечно, самъ онъ первый высказалъ необходимость ввести въ Греціи монархическій образъ правленія и даже указалъ представителямъ союзныхъ дворовъ на принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, какъ на лицо наиболѣе способное и достойное занять греческій престолъ. Но тогда же онъ въ письмѣ, обращенномъ къ этому принцу, поставилъ два необходимыя предварительныя условія: принятіе новымъ государемъ и всею его династіей православной вѣры и дарованіе Греціи удовлетворительной государственной границы [1]). Хотя объ этихъ условіяхъ не было и помина въ февральскихъ протоколахъ, а съ другой стороны, декретомъ аргосскаго народнаго собранія правитель былъ уполномоченъ вести переговоры съ тремя державами о приведеніи въ исполненіе лондонскаго трактата, съ тѣмъ однако, чтобы результатъ этихъ переговоровъ былъ представленъ на утвержденіе собранія; но Каподистрія, во избѣжаніе нареканій представителей народа на державы - покровительницы и по зрѣломъ размышленіи, взялъ на себя признать отъ имени Греціи состоявшееся въ конференціи рѣшеніе. При этомъ онъ выразилъ надежду, что принцъ Леопольдъ дастъ народу ручательства, на которыя тотъ имѣетъ тѣмъ бо̀льшее право, что «долголѣтнимъ несчастіемъ, кровавыми жертвами и отреченіемъ отъ установленныхъ ея представителями учрежденій, Эллада довольно дорого заплатила за участіе къ ней великихъ державъ» [2]). Какого рода были эти желательныя ручательства, изъяснено въ сообщеніи греческаго сената, возстановленнаго аргосскимъ собраніемъ вмѣсто упраздненнаго панэллиніона, но подобно послѣднему, имѣвшаго лишь значеніе совѣщательнаго учрежденія и состоявшаго изъ членовъ, назначаемыхъ правителемъ. Сенатъ выражалъ принцу Леопольду благодарность за высказанное имъ желаніе, чтобъ избраніе его державами было подтверждено согласіемъ его будущихъ подданныхъ, а также за заявленное намѣреніе ходатайствовать предъ союзными дворами о расширеніи границъ Греціи. Расширеніе это представлялось, по мнѣнію сената, совершенно

[1]) Меморандумъ графа Каподистріи, написанный для принца Леопольда и озаглавленный *Будущность Греціи*, 18 (30) мая 1829.

[2]) Графъ Каподистрія резидентамъ трехъ покровительствующихъ державъ, 4 (16) апрѣля 1830.

*

необходимымъ, ибо оставленіе въ турецкомъ подданствѣ жителей Акарнаніи, Этоліи, Крита, Самоса и Хіоса ввергнетъ ихъ въ отчаяніе, а потому будетъ угрожать новыми опасностями спокойствію Востока. Сенатъ упоминалъ и объ обезпеченіи правъ католиковъ, но съ оговоркой, что оно-то «и служитъ доказательствомъ того, что греческая церковь останется господствующею въ государствѣ.» Самое же надежное ручательство благополучія Греціи сенатъ полагалъ въ принятіи Леопольдомъ православной вѣры. «Какая всенародная радость», восклицалъ онъ, «если бы та вѣра, которой обязаны греки своимъ политическимъ существованіемъ, нѣкоторымъ просвѣщеніемъ и языкомъ своихъ предковъ, составила священную связь, соединяющую народъ съ его государемъ, если бы будущій повелитель приносилъ всевышнему небесному Отцу во храмахъ Эллады одинаковое съ греками поклоненіе» [1]).

Тѣ же самые доводы были повторены и развиты съ необыкновенною силой и убѣдительностью въ цѣломъ рядѣ писемъ Каподистріи къ принцу Леопольду. Онъ не скрывалъ отъ него трудностей предстоявшей ему задачи, и собственнымъ примѣромъ краснорѣчиво доказывалъ необходимость сблизиться съ народомъ, которымъ принцъ былъ призванъ управлять. «Если,» писалъ Каподистрія, «я достигъ нѣкотораго успѣха во мнѣніи этого народа, если онъ продолжаетъ давать мнѣ доказательства искренняго и безусловнаго довѣрія, то потому, что видитъ, какъ я самолично раздѣляю его нужду и страданія, съ единственною цѣлью ихъ облегчить. На бивуакѣ, подъ убогою кровлей хижины, въ которой я пребываю, не взирая на непогоду, на мою старость и слабость, народъ и солдаты часто говорили мнѣ о своихъ нуждахъ; тамъ научались они узнавать меня, тамъ могъ я внушить имъ сознаніе ихъ обязанностей предъ собою, ихъ правительствомъ и всѣмъ образованнымъ міромъ. Да, государь, простите мою смѣлость: на этомъ испытаніи ожидаютъ васъ греки. Если вы выступите предъ ними въ качествѣ важнаго лица, немогущаго выносить бѣдности и лишеній, то, вмѣсто того, чтобы поразить народъ, вы сами добровольно лишите себя лучшаго средства съ пользой вліять на его настроеніе. Вамъ представляется случай принести первую жертву. Пріѣзжайте сами

---

[1]) Меморандумъ греческаго сената 12 (24) апрѣля 1830.

присутствовать при трудной, болѣзненной операціи опредѣленія границъ, не допускайте, чтобы другіе заняли при этомъ ваше мѣсто»... Почти въ каждомъ письмѣ Каподистрія возвращался къ вопросу о переходѣ принца въ православіе, указывая, что мѣра эта одна въ состояніи «связать его и родъ его священными узами съ его народомъ» [1]).

Не столько заявленныя Каподистріей требованія, сколько надежда играть выдающуюся роль въ Англіи по воцареніи въ этой странѣ племянницы принца, Викторіи, побудили Леопольда отказаться отъ званія владѣтельнаго князя Греціи. Императоръ Николай строго осудилъ такое легкомысленное отношеніе принца къ принятымъ на себя предъ Европой обязанностямъ, назвавъ его «постыдною измѣной.» Но русскій посолъ въ Лондонѣ обнаружилъ по этому поводу полное отчаяніе. «Мы теряемъ въ принцѣ Леопольдѣ,» доносилъ князь Ливенъ вице-канцлеру, «государя, который, благодаря личному своему положенію, долженъ былъ удовлетворить насъ болѣе чѣмъ кто-либо» [2]). Иного мнѣнія былъ товарищъ Ливена по конференціи, Матушевичъ. Онъ находилъ, что отреченіемъ своимъ Леопольдъ «опозорилъ себя окончательно» и что подобный ему государь «былъ бы стыдомъ для монархіи» [3]). Оба дипломата, впрочемъ, сходились на томъ, что необходимо избрать новаго монарха для Греціи, и, согласно этому взгляду, конференція постановила, «что отказъ принца Леопольда ничего не измѣнитъ въ рѣшеніяхъ трехъ державъ, не нарушитъ ихъ согласія, и что онѣ твердо намѣрены привести въ исполненіе февральскія постановленія, къ которымъ приступила Порта и греческое правительство» [4]).

Революція, низвергнувшая престолъ старшей вѣтви Бурбоновъ во Франціи, вызвала продолжительный перерывъ въ занятіяхъ лондонской конференціи по греческимъ дѣламъ. Засѣданія были возобновлены лишь осенью 1831 года, послѣ того, какъ Россія признала орлеанскую монархію, а въ Англіи виги замѣнили у власти торіевъ, и лордъ Пальмерстонъ вступилъ въ должность министра иностранныхъ дѣлъ. Но въ

[1]) Графъ Каподистрія принцу Леопольду 25 марта (6 апрѣля), 10 (22) и 12 (24) апрѣля 1830.

[2]) Князь Ливенъ графу Нессельроде, 16 (28) мая 1830.

[3]) Графъ Матушевичъ графу Нессельроде, 12 (24) мая 4830.

[4]) Протоколъ лондонской конференціи 2 (14) іюня 1830.

этотъ промежутокъ времени, продолжавшійся болѣе года, дѣятельность дипломатіи трехъ державъ-покровительницъ не прерывалась въ самой Греціи, чрезъ посредство мѣстныхъ своихъ органовъ. Россія, Англія и Франція имѣли въ Элладѣ представителей двоякаго рода: резидентовъ, акредитованныхъ при временномъ греческомъ правительствѣ, и адмираловъ, командовавшихъ морскими силами ихъ въ Архипелагѣ.

Въ началѣ 1830 года резидентомъ нашимъ въ Греціи былъ баронъ Рикманъ [1]), а начальникомъ русской эскадры, замѣнившій графа Гейдена, адмиралъ Рикордъ. Въ инструкціи, данной послѣднему вице-канцлеромъ, изъяснялось, что цѣль желаній государя императора: посредствомъ русскаго вліянія обезпечить Греціи счастливое и спокойное существованіе. «Соотвѣтственно сему,» продолжалъ графъ Нессельроде, «его императорское величество не желаетъ, однако, чтобъ это вліяніе носило характеръ исключительнаго преобладанія, что впрочемъ могло бы, хотя и безъ основанія, встревожить Европу. Ваше поведеніе относительно союзныхъ адмираловъ должно постоянно быть основано на этомъ соображеніи.» Въ то же время Рикорду предписывалось «стоять къ графу Каподистріи въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и оказывать ему содѣйствіе каждый разъ, когда странѣ будетъ угрожать опасность, отъ которой возможно спасти ее.»

Очень скоро обнаружилось, что первая часть этой задачи была совершенно несовмѣстима со второю. Дѣло въ томъ, что со времени адріанопольскаго мира, Каподистрія находился въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ къ англійскому и французскому резидентамъ, а чрезъ нихъ посредство и къ адмираламъ. И тѣ, и другіе, по выраженію самого графа, «безустанно сѣяли раздоръ и продолжали свои преступные происки съ величайшимъ усердіемъ. Съ дерзостью, придающею себѣ видъ авторитета, они повторяли даже тѣмъ, кто не хотѣлъ внимать имъ, что если Греція должна довольствоваться границей по Астропотамосу, если Критъ и Самосъ станутъ турецкими, и если прочія постановленія протокола столь же мало отвѣчаютъ народнымъ желаніямъ, то единственно потому, что Европа вынуждена была защититься отъ ужасныхъ и честолюбивыхъ

[1]) Рикманъ былъ третьимъ русскимъ резидентомъ, акредитованнымъ при правителѣ Греціи. Предмѣстники его, графъ Булгари и графъ Панинъ, не долго оставались въ этой должности.

замысловъ нынѣшняго временнаго правительства. Но временное правительство,» пояснялъ Каподистрія, «я самъ, и ужасные честолюбивые замыслы—мои мнимыя тайныя сношенія съ Россіей» [1]). Когда стало извѣстно въ Греціи отреченіе принца Леопольда, оно было приписано тѣми же лицами своекорыстнымъ кознямъ правителя.

Нареканія эти находили отголосокъ среди недовольныхъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. «Событія совершаются здѣсь,» доносилъ адмиралъ Рикордъ, «въ силу не убѣжденій, а побужденій самаго низкаго свойства. Каждый, принимавшій участіе въ освобожденіи отечества, желаетъ получить нынѣ вознагражденіе и подарки, которые превышали бы убытки, понесенные во время войны. Каждый забываетъ про бѣдность государственной казны и начало, въ силу котораго лучшія должности должны быть заняты наиболѣе способными. При этомъ у правительства много враговъ. Резиденты англійскій и французскій хотя и порицаютъ гласно оппозицію, но втайнѣ не упускаютъ случая оказывать ей помощь, и такимъ образомъ поддерживаютъ пламя, грозящее развиться во всеразрушающій пожаръ» [2]).

Дѣйствительно, главною причиною возраставшаго недовольства на правителя была заботливость, съ которою онъ оберегалъ государственную казну отъ посягательствъ со стороны всѣхъ, предъявлявшихъ права на вознагражденіе. Въ числѣ послѣднихъ были и отдѣльныя лица, напримѣръ, Петръ Мавромихали, «вѣчный проситель,» какъ называлъ его Каподистрія; были и цѣлыя общины, преимущественно острова, и во главѣ ихъ Гидра, отыскивавшія съ казны вознагражденіе въ нѣсколько милліоновъ. Правитель былъ тѣмъ менѣе въ состояніи удовлетворить всѣ эти требованія, что съ окончаніемъ войны прекратились и субсидіи, получаемыя отъ Россіи и Франціи, и греческая казна совершенно оскудѣла. Къ этимъ, такъ-сказать, домашнимъ причинамъ присоединилось возбужденіе, вызванное въ сторонникахъ конституціонныхъ идей въ Греціи извѣстіемъ объ іюльской революціи. Каподистрія сразу понялъ, что событіе это непремѣнно отзовется на воображеніи воспріимчивыхъ грековъ, тѣмъ болѣе, что въ Мессеніи оставался еще значительный отрядъ французскихъ войскъ. «Извѣ-

[1]) Графъ Каподистрія принцу Леопольду, 12 (24) апрѣля 1830

[2]) Рикордъ графу Нессельроде, 15 (27) іюля 1830.

стія изъ Франціи,» писалъ онъ князю Суцо, агенту своему въ Парижѣ, «покрыли мракомъ нашъ небосклонъ. Они грозятъ кораблику греческаго государства ужаснымъ крушеніемъ. Онъ еще не вошелъ въ пристань. Какимъ же компасомъ возможно будетъ отнынѣ направлять его?» [1]).

Первые признаки революціоннаго броженія обнаружились въ войскахъ, заволновалась Майна, наконецъ, Гидра открыто возстала противъ правителя. Дѣйствительною причиной ея отпаденія были отвергнутыя Каподистріей денежныя притязанія ея; но прикрыто оно было протестомъ во имя якобы нарушенныхъ конституціонныхъ правъ греческаго народа. Вожакъ «англійской» партіи, Маврокордато, прибылъ въ Гидру, чтобы руководить движеніемъ. По его внушенію на островѣ образована была такъ называемыя «конституціонная коммиссія» изъ семи членовъ. Въ нее вошли, кромѣ Маврокордато, бывшій президентъ временнаго правительства въ 1823—1825 годахъ Кондуріоти и знаменитый морякъ Міаулисъ. Вскорѣ примкнули къ гидріотскому возстанію и другіе сосѣдніе острова, въ томъ числѣ богатая и торговая Сира. Мятежники требовали немедленнаго созванія народнаго собранія для введенія конституціи въ странѣ.

На собраніи въ Аргосѣ, состоявшемся весной 1829 года, было рѣшено предоставить правителю выработать планъ государственнаго устройства, отложивъ введеніе его до окончательнаго опредѣленія участи Греціи. Самое собраніе не было распущено, а лишь пріостановлены засѣданія на нѣкоторое время, и Каподистрія рѣшилъ вновь созвать его въ октябрѣ 1830 года. Но гидріотскіе конституціоналисты не хотѣли ждать два мѣсяца. Требованія ихъ поддерживали резиденты западныхъ державъ, въ особенности англійскій, Доукинсъ. Онъ находилъ вполнѣ своевременнымъ немедленное созваніе собранія и намекалъ, что не видитъ опасности для Греціи отъ заведенія конституціонныхъ порядковъ. Только русскій резидентъ доказывалъ необходимость принять противъ мятежниковъ рѣшительныя мѣры.

Но пока въ поросскомъ арсеналѣ дѣлались приготовленія къ вооруженію греческаго флота, предназначеннаго дѣйствовать противъ мятежниковъ, Міаулисъ съ горстью гидрійскихъ

---

[1]) Графъ Каподистрія князю Суцо, 10 (22) августа 1830.

моряковъ нечаянно напалъ на флотъ и овладѣлъ всѣми наличными его судами: фрегатомъ *Эллада*, двумя корветами и двумя пароходами, не считая мелкихъ судовъ. Каподистрія обратился за помощью къ союзнымъ адмираламъ. Французъ и англичанинъ отозвались неимѣніемъ инструкцій. Одинъ Рикордъ направился къ Поросу со своею эскадрой и объявилъ Міаулису, что не допуститъ его вывести захваченныя суда изъ гавани. Греческіе форты, также находившіеся въ рукахъ бунтовщиковъ, открыли огонь по русскимъ судамъ. Рикордъ отвѣчалъ приказаніемъ атаковать мятежную эскадру. Тогда Міаулисъ, не имѣя средствъ сопротивляться, взорвалъ на воздухъ фрегатъ *Элладу* и одинъ изъ корветовъ, самъ же со своими моряками успѣлъ спастись въ Гидру.

Англійскій и французскій резиденты протестовали противъ одинокаго вмѣшательства русскаго адмирала въ распрю правителя Греціи съ гидріотскими конституціоналистами. Удивительно, что мнѣніе ихъ раздѣлялъ и русскій ихъ товарищъ. «Вы не имѣли права,» писалъ баронъ Рикманъ Рикорду, «дѣйствовать одни, и должны были вашу дѣятельность сообразовать съ поведеніемъ вашихъ коллегъ.» Нашъ резидентъ присовокуплялъ, что «не безъ удивленія и огорченія» читалъ письмо адмирала къ начальникамъ англійской и французской эскадръ [1]). Но Каподистрія поспѣшилъ успокоить Рикорда, свидѣтельствуя, что его энергія имѣла спасительныя послѣдствія. «У меня недостаетъ словъ, г. адмиралъ», успокоивалъ онъ его, «чтобы выразить вамъ, сколь много вамъ обязана Греція.» И въ другомъ письмѣ: «Благодарю васъ еще разъ за ваши усилія для спасенія Греціи отъ анархіи и еще большихъ несчастій, которыми угрожалъ ей мятежъ. Вашъ императоръ будетъ вами доволенъ.» Наконецъ, въ третьемъ: «Я объявлю, какъ союзнымъ державамъ, такъ и въ особенности императору, что спасеніемъ Греціи и сохраненіемъ надежды на будущее я обязанъ исключительно вашей энергіи... Прошу васъ снова, оставайтесь энергичны, въ безусловной рѣшимости [2]).»

Могъ-ли Рикордъ, при такихъ условіяхъ, «дѣлать все возможное для греческаго правительства,» какъ продолжалъ со-

---

[1]) Баронъ Рикманъ Рикорду, 28 іюля (9 августа) 1830.

[2]) Графъ Каподистрія Рикорду 28 и 31 іюля (10 и 12 августа) и 6 (18) августа 1830.

вѣтовать ему нашъ резидентъ, «и все же гармонизовать со своими товарищами»? [1]). Очевидно нѣтъ, и послѣ пороскаго происшествія между нашимъ адмираломъ и начальниками эскадръ англійской и французской обнаружилось полное разногласіе. Каподистрія обратился къ лондонской конференціи съ жалобой на послѣднихъ. Въ письмѣ своемъ онъ мрачными красками рисовалъ бѣдственное состояніе Греціи; требовалъ чтобы былъ положенъ конецъ неизвѣстности, въ коей томилась страна, избраніемъ государя и точнымъ опредѣленіемъ границъ; чтобы резидентамъ и начальникамъ эскадръ даны были тождественныя инструкціи; чтобы временному правительству, казна коего была совершенно пуста, союзные дворы ссудили денежное пособіе въ счетъ займа, гарантію коего они обѣщали взять на себя [2]).

Къ этому времени конференція въ Лондонѣ уже возродилась въ совершенно преображенномъ видѣ. Предсѣдателемъ ея былъ лордъ Пальмерстонъ, а французскимъ уполномоченнымъ Талейранъ, оба основателя «сердечнаго соглашенія» между Англіей и Франціей, направленнаго противъ охранительнаго союза трехъ державъ сѣвера, союза, во главѣ котораго стояла Россія. Нашими представителями въ конференціи оставались Ливенъ и Матушевичъ. При такомъ ея составѣ трудно было ожидать согласія въ ея рѣшеніяхъ. Но чѣмъ меньше его было на самомъ дѣлѣ, тѣмъ торжественнѣе, согласно дипломатическому обычаю, возвѣщалось оно на словахъ. Въ засѣданіи 14-го (26-го) октября конференція утвердила просимую Каподистріей общую инструкцію резидентамъ и адмираламъ въ Греціи. Имъ вмѣнялось въ обязанность оказывать поддержку временному правительству и противиться всякому покушенію на возбужденіе безпорядка или возстанія; условиться съ правителемъ относительно средствъ потушить гидріотскій мятежъ и воспрепятствовать его распространенію; вообще, въ рѣчахъ своихъ и дѣйствіяхъ, обнаруживать полное согласіе между собою. Конференція заявляла, «что союзъ трехъ державъ по отношенію къ Греціи неразрывенъ, а единство и согласіе между ними должно служить примѣромъ для ихъ резидентовъ и начальниковъ морскихъ силъ» [3]).

---

[1]) Баронъ Рикманъ Рикорду, 28 іюля (9 августа) 1831.

[2]) Баронъ Оттенфельсъ князю Меттерниху, 14 (26) сентября 1831.

[3]) Инструкція лондонской конференціи резидентамъ и адмираламъ трехъ державъ въ Греціи, 14 (26) октября 1831.

Заявленіе это, заключительныя слова коего звучали горькою ироніей, не застало уже Каподистріи въ живыхъ. 28-го сентября (9-го октября) 1831 года, онъ былъ предательски убитъ, при входѣ во храмъ Св. Спиридона въ Навпліи, братомъ и сыномъ вождя майнотовъ, Константиномъ и Георгіемъ Мавромихали.

Смерть Каподистріи была дѣломъ частной мести Мавромихали за тюремное заключеніе главы этого семейства. Но не подлежитъ сомнѣнію, что косвенными причинами кроваваго дѣла была ненависть къ правителю, возбужденная враждебными ему политическими партіями, съ молчаливаго согласія и не безъ поддержки со стороны дипломатическихъ, военныхъ и морскихъ представителей западныхъ державъ. Въ то самое время, какъ разъяренный народъ разрывалъ на части старшаго изъ убійцъ, Константина, и требовалъ головы младшаго, Георгій Мавромихали искалъ убѣжища въ домѣ французскаго резидента, а защитникомъ его на судѣ явился англійскій юристъ Масонъ. Главнымъ обвиненіемъ Каподистріи въ устахъ его враговъ была преданность его Россіи и ея государю, глубокое и искреннее убѣжденіе въ томъ, что только отъ нихъ Греція можетъ ожидать вполнѣ безкорыстной поддержки. Правителя клеймили именемъ русскаго проконсула и радовались его смерти, какъ предвѣстницѣ окончательнаго паденія вліянія Россіи въ Элладѣ.

Императорскій кабинетъ немедленно призналъ временное правительство, провозглашенное греческимъ сенатомъ и состоявшее изъ Ѳедора Колокотрони и Ивана Колетти, въ предсѣдательствѣ брата покойнаго правителя, графа Августина Каподистріи. Въ письмѣ къ послѣднему вице-канцлеръ извѣщалъ, что русскій дворъ постарается ускорить ходъ ведомыхъ въ Лондонѣ и Парижѣ переговоровъ объ окончательномъ устройствѣ Греціи. «Съ другой стороны,» заявлялъ онъ, «необходимо, чтобы греки всѣхъ сословій и областей были заранѣе увѣрены, что никакая комбинація, относящаяся до ихъ отечества, не можетъ состояться и упрочиться безъ согласія Россіи, и что императоръ никогда не изъявитъ своего согласія на такой порядокъ вещей, который бы ежеминутно угрожалъ обратить эту страну въ позорище смутъ, революціонныхъ попытокъ и преступленій.» По обыкновенію, графъ Нессельроде прибавлялъ, что «чуждый желанію пользоваться пра-

вомъ исключительнаго покровительства надъ Греціей, его величество намѣренъ дѣйствовать не иначе, какъ въ согласіи со своими союзниками» [1]).

Но согласіе это, какъ доказалъ неоднократный опытъ, никогда не шло далѣе дипломатическихъ декларацій. Тѣмъ болѣе, когда послѣ смерти правителя, политическія партіи въ Греціи, долго сдерживаемыя его твердою рукой, снова возстали другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ. Каждая изъ нихъ открыто исповѣдовала преданность свою одной изъ покровительствующихъ державъ, называя себя партіей русскою, англійскою, французскою. Но пока наша мѣстная дипломатія убѣждала друзей нашихъ дѣйствовать примирительно, резиденты и адмиралы западныхъ державъ открыто поддерживали своихъ сторонниковъ, и не смотря на то, что люди русской или народной партіи, «написты» [2]) (какъ называли ихъ въ насмѣшку ихъ противники), составляли законное правительство, признанное лондонскою конференціей и громаднымъ большинствомъ греческаго народа, все же успѣли доставить торжество своимъ друзьямъ надъ нашими.

Предводимые Маврокордато, гидріоты были исключены временнымъ правительствомъ изъ созваннаго имъ въ декабрѣ 1831 года въ Аргосѣ народнаго собранія. Но въ средѣ самаго собранія скоро обнаружился расколъ. Поводомъ къ нему послужило избраніе графа Августина Каподистріи единоличнымъ президентомъ Греціи. Изъ двухъ товарищей его по временному правительству, Колокотрони добровольно отказался отъ власти, но Колетти, опираясь на румелійскихъ депутатовъ, составлявшихъ подъ его водительствомъ ядро французской партіи, заявилъ протестъ противъ этой мѣры. На улицахъ Аргоса произошла кровопролитная схватка между правительственными войсками и румеліотами. Сопротивленіе послѣднихъ было уже сломлено, когда, по настоянію англійскихъ и французскихъ резидентовъ и адмираловъ, вдохновляемыхъ сэръ-Стратфордомъ Каннингомъ, вновь назначеннымъ посломъ въ

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Августину Каподистріи, 15 (27) декабря 1831.

[2]) Слово «написты» въ примѣненіи къ членамъ русской партіи, производится отъ прозвища «Conte Nappo», даннаго графу Августину Каподистріи. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ его австрійскій консулъ Гропіусъ въ донесеніи своемъ князю Меттерниху, отъ 19 сентября (10 октября) 1833.

Константинополь и заѣхавшимъ по пути въ Навплію, графъ Августинъ согласился на выступленіе изъ Аргоса мятежныхъ депутатовъ и ихъ вооруженныхъ спутниковъ. «Прибытіе англійскаго адмирала,» писалъ Рикордъ графу Нессельроде, «и въ особенности сэръ-Стратфорда Каннинга, и убѣжденія, высказанныя этими господами, весьма усилили безпорядки въ Аргосѣ или, правильнѣе сказать, даже вызвали ихъ. Резиденты французскій и англійскій, а также командиры судовъ этихъ державъ не имѣютъ, повидимому, иной цѣли какъ возбуждать смуту въ Греціи. Поведеніе ихъ можетъ дать вамъ точное понятіе о затрудненіяхъ, которыя встрѣчаемъ мы въ усиліяхъ нашихъ примирить противоположныя начала» [1]).

Оставивъ Аргосъ, Колетти и сторонники его удалились въ Мегару. Тамъ примкнули къ нимъ депутаты гидріотскихъ конституціоналистовъ и открыли сообща, въ противоположность засѣдавшему въ Аргосѣ народному собранію, другое собраніе, также присвоившее себѣ названіе народнаго. Пока это послѣднее готовилось къ составленію конституціи, Колетти собиралъ вооруженныя силы въ восточной и западной Греціи съ намѣреніемъ вторгнуться въ Пелопоннезъ и, овладѣвъ Навпліей, низвергнуть пребывавшее въ этомъ городѣ правительство Августина Каподистріи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Греціи, когда получено было резидентами новое постановленіе лондонской конференціи, предписывавшее имъ признать законнымъ правительство навплійское и всѣми силами поддерживать его [2]). Можно себѣ представить, съ какимъ усердіемъ резиденты французскій и англійскій принялись исполнять это приказаніе, заставлявшее ихъ, по собственному ихъ выраженію, «помогать русской крамолѣ.» Они цѣлый мѣсяцъ продержали протоколъ въ тайнѣ и затѣмъ ограничились сообщеніемъ его вожакамъ мятежниковъ въ Мегарѣ и Гидрѣ. Всѣ усилія русскаго адмирала побудить своихъ товарищей къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ бунтовщиковъ оказались тщетными. По свидѣтельству Рикорда, обращенная къ послѣднимъ декларація начальниковъ эскадръ французской и англійской была составлена

---

[1]) Рикордъ графу Нессельроде, 16 (28) декабря 1831.
[2]) Протоколъ лондонской конференціи, 26 декабря 1831 (7 января 1832).

въ выраженіяхъ, «которыя могли лишь прибавить дерзости мятежникамъ» [1]).

Тѣмъ временемъ лондонская конференція приступила къ избранію государя для Греціи. Принцъ Фридрихъ Нидерландскій, коего императоръ Николай считалъ «какъ бы рожденнымъ на это мѣсто,» самъ отказывался отъ своей кандидатуры. Тогда русскій дворъ склонился въ пользу принца Оттона Баварскаго. О соображеніяхъ, коими онъ при этомъ руководился, баронъ Брунновъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Король Лудвигъ постоянно выказывалъ живое сочувствіе къ участи Греціи. Онъ былъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы престолъ новаго государства достался принцу его дома. Съ этою цѣлью онъ съ самаго начала разрѣшилъ барону Гизе, своему министру въ Петербургѣ, дать понять императорскому кабинету, что не встрѣтится препятствій къ воспитанію принца Оттона въ правилахъ греческой православной вѣры, если только императоръ дастъ свое согласіе на избраніе этого молодого принца. Не смотря на опасныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Греція, король баварскій продолжалъ въ 1832 году для своего семейства домогаться престола, окруженнаго столькими трудностями и неустойчивостью. Онъ одинъ соглашался возложить на своего сына задачу, отклоненную другими. Онъ былъ также единственнымъ монархомъ, вліяніе котораго было способно доставить новому государству достаточную поддержку и въ особенности военныя средства, въ коихъ крайне нуждалась Греція для упроченія внутренняго спокойствія, посреди анархіи, въ которую она снова впала. Необходимость поставить въ распоряженіе новаго правительства отрядъ вспомогательныхъ иностранныхъ войскъ должна была даже представиться нашему кабинету вдвойнѣ важною съ тѣхъ поръ, какъ іюльскія событія, измѣнивъ нравственное и политическое положеніе Франціи, указывали намъ на крайнее неудобство продлить пребываніе войскъ, отправленныхъ этою державой въ октябрѣ 1828 года въ Морею, во имя союза. Въ царствованіе Карла X эта французская оккупація имѣла для насъ совершенно иное значеніе, чѣмъ подъ вліяніемъ новыхъ началъ и интересовъ, созданныхъ іюльскою революціей. Итакъ, для насъ было крайне

[1]) Рикордъ графу Нессельроде, 12 (24) января 1832.

важно привести безъ шума и толчковъ къ такой комбинаціи, которая принудила бы французовъ очистить Морею и замѣнила бы ихъ вспомогательнымъ отрядомъ, состоящимъ на жалованьѣ греческаго правительства. Изъ второстепенныхъ державъ одна Баварія способна была осуществить эту комбинацію со всею желательною поспѣшностью, такъ, чтобы лишить іюльское правительство возможности пустить корни и утвердить свою военную позицію въ Мореѣ. Указанныя нами здѣсь соображенія побудили нашъ кабинетъ громко высказаться въ Лондонѣ въ пользу избранія принца Оттона, не смотря на то, что онъ не достигъ еще совершеннолѣтія. Голосъ Россіи увлекъ за собою голоса прочихъ двухъ дворовъ» [1]).

1-го (13-го) февраля лондонская конференція постановила предложить греческую корону принцу Оттону. Когда вѣсть о томъ пришла въ Навплію, засѣдавшее въ этомъ городѣ народное собраніе избрало графа Августина Каподистрію правителемъ, впредь до прибытія молодаго государя. Но и предводимая Колетти партія синтагматиковъ (конституціоналистовъ) рѣшила перейти въ наступленіе, чтобы завладѣть властью ранѣе появленія Оттона въ Греціи.

Составленныя преимущественно изъ румеліотовъ, военныя силы Колетти простирались до 6,000 человѣкъ. Съ ними онъ, оттѣснивъ правительственныя войска, занялъ Аргосъ и подступилъ къ Навпліи. Волей-неволей приходилось резидентамъ, во исполненіе точныхъ предписаній лондонской конференціи, оказать правительству графа Августина поддержку, не только словами, но и дѣломъ. Эскадры союзныхъ державъ уже готовились принять участіе въ защитѣ города, когда англійскій фрегатъ принесъ резидентамъ новыя инструкціи изъ Лондона. Подъ впечатлѣніемъ донесеній, писанныхъ изъ Греціи лорду Пальмерстону Стратфордомъ Каннингомъ, извѣщавшимъ, что онъ ожидаетъ скораго успѣха отъ усилій своихъ примирить правительственную партію съ синтагматиками и учредить изъ тѣхъ и другихъ новое временное правительство, конференція сочла это пожеланіе за совершившійся фактъ и

[1]) Рукописная записка барона Бруннова о сношеніяхъ нашихъ съ Греціей съ воцаренія императора Николая по 1838 годъ, входившая въ составъ курса исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи, читаннаго имъ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

въ этомъ предположеніи, предписала резидентамъ оказывать поддержку такому правительству, котораго въ дѣйствительности вовсе не существовало. Получивъ новыя инструкціи, англійскій резидентъ Доукинсъ воскликнулъ: «это спасетъ насъ!» а французскій, баронъ Руанъ, выразилъ радость, «какъ будто съ шеи его спала петля, затянутая рукой русской дипломатіи.» «Съ этой минуты,» повѣствуетъ Рикордъ, «начинается рядъ анархическихъ происшествій, вызванныхъ планомъ примиренія, которому приведеніе въ исполненіе протокола 7-го марта (н. ст.) служило лишь предлогомъ. Интриги нашихъ союзниковъ имѣли всѣ жалкія послѣдствія, предотвратить которыя я былъ не въ силахъ. Дѣйствія мои и г. Рикмана были парализованы, съ одной стороны, противодѣйствіемъ нашихъ союзниковъ и начальниковъ ихъ эскадръ, съ другой—нечестность и негодность нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства содѣйствовали успѣхамъ мятежниковъ. Инсургенты приближались къ Навпліи въ разсчетѣ на французовъ, опираясь на бездѣйствіе англичанъ и пользуясь страхомъ правительства; поэтому они не встрѣтили препятствій, тѣмъ болѣе, что безоружные и беззащитные граждане при одномъ приближеніи разбойничьихъ шаекъ, среди которыхъ находилась масса турецкихъ дезертировъ съ ихъ турецкими знаменами, бѣжали какъ можно дальше. Между тѣмъ, менѣе значительные интриганы были заняты возбужденіемъ къ мятежу остававшихся въ городѣ солдатъ. Въ числѣ подстрекателей находилось нѣсколько чиновниковъ французской миссіи» [1]).

Резиденты приступили къ графу Августину Каподистріи съ требованіемъ немедленнаго отреченія, пригрозивъ, въ случаѣ отказа, изложеніемъ чрезъ сенатъ. Августинъ исполнилъ это требованіе и отплылъ изъ Навпліи на русскомъ военномъ суднѣ, увозя съ собою останки своего брата, въ тотъ самый день, 29-го марта (10-го апрѣля), когда предводитель мятежниковъ, Колетти, сопровождаемый двадцатью пятью румеліотскими капитанами, торжественно въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ французскаго резидента. Начались продолжительные переговоры между резидентами, сенатомъ и вожаками возстанія объ установленіи временнаго правительства, окончившіеся полнымъ торжествомъ конституціоналистовъ надъ

[1]) Рикордъ графу Нессельроде, 7 (19) апрѣля 1832.

народною партіей. Въ составъ «административной коммиссіи» изъ семи членовъ вошли пять «синтагматиковъ» и только два «каписта»; но въ числѣ первыхъ были столь значительныя лица какъ Колетти, Кондуріотти и Заими, тогда какъ оба последніе, Метакса и Плапутасъ, не играли видной роли въ своей партіи. Первымъ дѣломъ коммиссіи было созвать «въ возможно кратчайшій срокъ» народное собраніе въ Аргосѣ [1]).

Полнымъ хозяиномъ новаго правительства былъ Колетти. Не народъ выбиралъ, а онъ назначалъ депутатовъ въ собраніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ Рикордъ послу нашему въ Парижѣ, прибавляя, что «всемогущій» Колетти «силенъ благодаря французскому вліянію» [2]). Меттернихъ, постоянно внимательно слѣдившій за положеніемъ нашихъ дѣлъ на Востокѣ, полагалъ, что послѣднія событія въ Греціи были издавна подготовлены французскимъ и англійскимъ вліяніемъ и приведены въ исполненіе великобританскимъ агентомъ, генераломъ, командовавшимъ французскими войсками въ Мореѣ, и баварскимъ профессоромъ Тиршемъ [3]). «Это», писалъ онъ австрійскому послу въ Лондонѣ, «безъ сомнѣнія самый чувствительный ударъ, когда-либо нанесенный русской чести» [4]), и тогда же спрашивалъ своего представителя въ Петербургѣ: «Чѣмъ объяснить снисходительность Россіи по отношенію ко дворамъ лондонскому и парижскому въ греческомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ ея преобладающее вліяніе, воплощенное въ семействѣ Каподистріи, было изгнано съ позоромъ изъ Греціи? [5])». Но графъ Нессельроде разсуждалъ иначе. Предоставивъ барону Рикману право «во всякомъ случаѣ» прервать сношенія съ людьми, «силой присвоившими себѣ власть надъ Греціей», онъ предупреждалъ Рикорда, что въ этой мѣрѣ отнюдь не слѣдуетъ «видѣть доказательства разномыслія между союзными державами». Напротивъ, поучалъ адмирала вице-канцлеръ, «мы находимъ въ послѣднихъ рѣшеніяхъ лондонской конференціи полное тождество нашихъ видовъ съ видами прочихъ дворовъ. Намѣреніе наше выразить наше нерасположеніе людямъ, желающимъ разстроить

---

[1]) Воззваніе административной коммиссіи къ эллинамъ 18 (30) апрѣля 1832.

[2]) Рикордъ графу Поццо-ди-Борго 25 мая (4 іюня) 1832.

[3]) Тиршъ, баварецъ, ученый филологъ и филэллинъ, посѣтившій Грецію въ 1832 году.

[4]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 29 апрѣля (10 мая) 1832.

[5]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 19 (31) мая 1832.

эту гармонію, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашего желанія и на будущее время поддержать тождество взглядовъ [1]).»
Гармонія, о которой упоминалъ графъ Нессельроде, выражалась въ новомъ протоколѣ лондонской конференціи, утверждавшей, «что въ намѣреніе ея не входило оправдывать торжество одной партіи надъ другою, или вносить въ сердце Греціи личную месть и реакцію [2]).

Полное согласіе между тремя державами-покровительницами проявилось и въ другомъ вопросѣ: объ окончательномъ опредѣленіи границъ Греціи. Въ февралѣ 1830 года, лондонская конференція, по настоянію герцога Веллингтона, отмѣнила границу отъ Арты до Воло, признанную адріанопольскимъ договоромъ, и постановила возвратить Турціи всю Акарнанію и часть Этоліи. Постановленіе это не было еще приведено въ исполненіе, когда осенью 1831 года, министерство виговъ смѣнило торіевъ у власти въ Англіи. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ вспомнилъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ, въ качествѣ члена оппозиціи, ратовалъ въ парламентѣ за возможно большее территоріальное расширеніе возрождавшейся Греціи. Вскорѣ по вступленіи въ должность, онъ заявилъ австрійскому послу, что назначенныя февральскимъ протоколомъ границы ошибочны и не годятся ни для Греціи, ни для Турціи [3]). Вслѣдъ затѣмъ онъ предложилъ конференціи возвратить Греціи прежнюю пограничную черту отъ Арты до Воло, поручивъ вновь назначенному англійскимъ посломъ въ Константинополь Стратфорду Каннингу склонить Порту на эту уступку. «Было бы нелюбезно со стороны нашего кабинета,» говорится въ приведенной выше запискѣ барона Бруннова, «оспаривать мысль, поддержанную имъ во дни оны, какъ наиболѣе отвѣчающую нуждамъ Греціи и оставленную лишь потому, что Англія оказала ей упорное сопротивленіе. Теперь, когда англійское министерство воспроизвело нашъ собственный проектъ, мы бы вступили въ противорѣчіе сами съ собою, отвергнувъ его единственно по той причинѣ, что лордъ Пальмерстонъ старался обезпечить за нимъ успѣхъ. Нисколько не подражая странному и непостоянному поведенію этого министра, нашъ кабинетъ прямодушно приступилъ къ

[1]) Графъ Нессельроде Рикорду 31 мая (12 іюня) 1832.
[2]) Протоколъ лондонской конференціи, 14 (26) апрѣля 1832.
[3]) Князь Эстергази князю Меттерниху, 2 (14) января 1832.

дѣйствіямъ, которыя Англія предложила намъ предпринять въ Константинополѣ, съ цѣлью убѣдить Порту дать согласіе на расширеніе границъ Греціи, за денежное вознагражденіе [1]).»

Какъ бы то ни было, заслуга возвращенія грекамъ границы отъ Арты до Воло осталась за Англіей. Конечно, еслибы просто была приведена въ исполненіе 10-я статья адріанопольскаго договора, то граница эта досталась бы Греціи даромъ, тогда какъ теперь пришлось заплатить за нее 40 милліоновъ піастровъ изъ суммъ, добытыхъ путемъ займа, гарантію коего взяли на себя державы-покровительницы. Въ конвенціи заключенной по этому предмету, подписавшіе ее представители договаривающихся сторонъ торжественно объявили, «что, въ виду уговора, занесеннаго съ общаго согласія въ настоящій актъ, дѣло лондонскаго трактата 6 іюля (н. ст.) 1827 года и относящихся къ нему отъ разныхъ чиселъ протоколовъ вполнѣ достигнуто; что возникшіе вслѣдствіе этихъ постановленій продолжительные переговоры заключены безъ возможности возобновленія ихъ; словомъ, что греческій вопросъ рѣшенъ неотмѣнно» [2]).

Такъ постановили въ Константинополѣ, а между тѣмъ, въ Греціи царилъ совершенный хаосъ. Междоусобная война снова возгорѣлась внутри Пелопоннеза, откуда Колокотрони вытѣснилъ румеліотскія шайки, главную опору Колетти, разрѣшившаго имъ разсѣяться по всему полуострову и кормиться на счетъ обывателей. Устрашенное успѣхами «старца», временное правительство, не задумалось пригласить французовъ, все еще остававшихся въ Мессеніи, занять Патрасъ и самую столицу, Навплію. Въ Патрасѣ посланный Колокотрони греческій отрядъ предупредилъ французскую колонну, нашедшую ворота крѣпости запертыми. Но въ Навплію вступилъ генералъ Корбе, во главѣ 1,200 человѣкъ, занявшихъ городъ и господствующія надъ нимъ укрѣпленія. Мѣра эта была принята съ согласія резидентовъ, въ числѣ ихъ и нашего. Вообще, баронъ Рикманъ и не думалъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ «прервать сношенія съ людьми, силой присвоившими себѣ власть надъ Греціей», несмотря на то, что, по свидѣтельству Рикорда, «новое правительство, съ самаго начала

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

[2]) Конвенція, заключенная въ Константинополѣ между Россіей, Англіей, Франціей и Турціей 9 (21) іюля 1832.

своего управленія, непрестанно старалось выказать свою ненависть къ русскому правительству, и органъ его, журналъ *Минерва*, усердствовалъ въ распространеніи разнообразнѣйшихъ клеветъ». Адмиралъ доносилъ, что французское войско продолжаетъ покровительствовать революціонной партіи, и что «весь ходъ этого дѣла указываетъ на коренное различіе между помощью оказанною нашими союзниками прежнему и нынѣшнему правительству» [1]).

Графъ Нессельроде допускалъ, что получаемыя имъ изъ Греціи извѣстія крайне прискорбны, но находилъ утѣшеніе въ общемъ нетерпѣніи, съ которымъ всѣ партіи въ этой странѣ ожидали прибытія новаго государя, а также въ согласіи, не перестававшемъ де господствовать въ средѣ лондонской конференціи. Одобряя образъ дѣйствій барона Рикмана, вице-канцлеръ предписывалъ ему: «1) постоянно высказывать твердую рѣшимость нашего кабинета: соблюдать верховную власть короля Оттона и не признавать въ Греціи никакой иной власти, кромѣ отъ него постановленной; 2) не допускать, чтобы въ Греціи, въ промежутокъ времени до прибытія короля или регентства, одна изъ партій присвоила себѣ право созвать законодательное собраніе для изданія какого-либо сборника законовъ для новаго государства; 3) поведеніемъ своимъ всегда доказывать и проявлять, что первые два принципа отвѣчаютъ желанію не только Россіи, но и всѣхъ трехъ державъ и подтверждены рѣшеніями конференціи; 4) насколько будетъ зависѣть отъ васъ, вы будете постоянно стараться о поддержаніи гармоніи съ прочими резидентами; если же это, по несчастію окажется невозможнымъ, то вы докажете вашимъ поведеніемъ, что продолжаете слѣдовать охранительному духу, въ которомъ составлены лондонскія рѣшенія, и что вина падаетъ не на васъ, а на вашихъ товарищей» [2]).

Инструкціи эти оказались запоздалыми ибо, ранѣе чѣмъ онѣ были составлены, созванное временнымъ правительствомъ народное собраніе уже засѣдало въ Проніи, одномъ изъ пригородовъ Навпліи. Провозгласивъ всеобщую амнистію и утвердивъ избраніе конференціей принца Оттона въ короли Греціи, оно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты союзныхъ резидентовъ, приступило къ составленію конституціи.

[1]) Рикордъ графу Нессельроде, 31 іюля (12 августа) 1832.

[2]) Графъ Нессельроде барону Рикману, 9 (21) августа 1832.

Первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ было упраздненіе сената, созданія Каподистріи, послѣдняго оплота русско-народной партіи. Конецъ совѣщаніямъ народнаго собранія былъ положенъ не авторитетомъ представителей державъ-покровительницъ, а нападеніемъ на него румеліотскихъ шаекъ, вытѣсненныхъ Колокотрони изъ Пелопоннеза и требовавшихъ отъ депутатовъ уплаты обѣщаннаго имъ содержанія. Онѣ вторглись въ балаганъ, вмѣщавшій «представителей народа», и увели съ собою президента собранія и семь богатѣйшихъ его членовъ, которые вынуждены были сами откупиться за 10,000 піастровъ. Вслѣдъ за симъ собраніе разошлось, объявивъ что пріостанавливаетъ свои засѣданія впредь до прибытія въ Грецію королевскаго регентства.

Безначаліе усиливалось съ каждымъ днемъ. Колетти произвольно распоряжался административною коммиссіей, число членовъ коей сократилось до трехъ. Онъ съ нетерпѣніемъ выносилъ самостоятельность сената, разумѣется, неподчинившагося указу народнаго собранія о его упраздненіи. Назначенные еще покойнымъ Каподистріей сенаторы по мѣрѣ силъ отстаивали народные интересы отъ покушеній синтагматиковъ. Сами резиденты вынуждены были признать сенатъ законнымъ учрежденіемъ и составною частью временнаго правительства. Тѣмъ не менѣе, члены сената подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ со стороны подстрекаемаго къ тому Колетти французскаго гарнизона, занимавшаго столицу. Дѣло дошло до того, что комендантъ Навпліи, генералъ Корбе, позволилъ себѣ арестовать предсѣдателя сената. Насиліе это вызвало рѣшеніе сенаторовъ оставить Навплію. 8 (20) ноября они, на русскихъ катерахъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе адмираломъ Рикордомъ, тайно отплыли въ Астросъ, увезя съ собою архивъ сената и типографію правительственной газеты. Здѣсь они издали постановленіе, въ которомъ объявили лишенными всякой законной силы всѣ послѣднія распоряженія правительства и народнаго собранія [1]).

Содѣйствіе, оказанное Рикордомъ сенаторамъ, повело къ крупнымъ пререканіямъ между адмираломъ и русскимъ резидентомъ. Потребовавъ его къ себѣ, Рикманъ осыпалъ его столь грубыми упреками, что Рикордъ вынужденъ былъ уда-

[1]) Постановленіе греческаго сената 21 ноября (3 декабря) 1832.

литься, сказавъ: «Я ухожу, баронъ, потому что изъ страстности вашихъ рѣчей заключаю, что сегодня вечеромъ у васъ будетъ лихорадка.» Въ двухъ письмахъ къ адмиралу резидентъ хотя и приписывалъ главную вину флотскимъ субалтернъ-офицерамъ, но выражалъ мнѣніе, что начальникъ до извѣстной степени «отвѣтствуетъ за поступки своихъ подчиненныхъ;» жаловался что «эти происшествія вовлекли его въ непріятныя объясненія съ англійскимъ резидентомъ, объясненія, которыхъ онъ желалъ бы избѣжать ради чести русскаго имени;» признавалъ самый отъѣздъ сенаторовъ «событіемъ крайне вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ;» наконецъ, заключалъ послѣднее письмо утвержденіемъ, «что отъ такихъ происшествій страдаютъ пользы службы его императорскаго величества и честь русскаго имени» [1]).

Но всѣхъ болѣе страдалъ греческій народъ. Особенно въ сельскомъ населеніи росло озлобленіе противъ захватившихъ власть синтагматиковъ. Самое слово «синтагма» (конституція) стало въ народныхъ устахъ чѣмъ-то въ родѣ пугала. Про свои опустошенныя села говорили жители: разрушила ихъ синтагма. Пастухъ жаловался нѣмецкому путешественнику [2]): синтагма пожрала пять моихъ свиней. Матери устрашали дѣтей своихъ возгласомъ: «Синтагма идетъ!» [3]) При такомъ настроеніи народа, правительство Колетти, опиравшееся исключительно на французскіе штыки, опасалось взрыва общественнаго негодованія. Сенатъ, изъ Астроса удалившійся на островъ Спецію, впредь до прибытія короля, провозгласилъ тамъ правителемъ Греціи адмирала Петра Рикорда, которому еще аргосское народное собраніе, за оказанныя странѣ важныя услуги, поднесло званіе почетнаго гражданина Эллады. Адмиралъ, разумѣется, не принялъ предложеннаго ему достоинства, но выведенный изъ терпѣнія Колокотрони все ближе и ближе подвигалъ послушныя свои дружины къ Навпліи, съ цѣлью прогнать оттуда Колетти и его сторонниковъ. Передовой отрядъ паликаровъ занялъ уже Аргосъ. Въ виду этой близкой опасно-

---

[1]) Баронъ Рикманъ, Рикорду 13 (25) и 17 (29) ноября 1832.

[2]) Лудвигу Росу.

[3]) Замѣчательно что эту ненависть народа къ синтагматикамъ такъ рельефно выставляетъ новѣйшій историкъ греческаго возстанія Мендельсонъ-Бартольди, лично сочувствующій цѣлямъ конституціонной партіи. См. его *Geschichte Griechenlands*, II, стр. 420.

сти Колетти убѣдилъ генерала Корбе отправить туда восемь ротъ французской пѣхоты при двухъ горныхъ орудіяхъ. Между французами и вступившими въ городъ паликарами произошла кровавая свалка. Французы вытѣснили грековъ изъ Аргоса, положивъ на мѣстѣ болѣе 300 паликаровъ убитыхъ и раненыхъ. Колокотрони готовился уже отомстить за погибшихъ товарищей, но на другой же день послѣ аргосской рѣзни, въ виду Навпліи показалась эскадра, на коей находился король Оттонъ, регентство и сопровождавшія ихъ баварскія войска. Молодой государь, высадившійся на греческій берегъ 22-го января (3-го февраля) 1833 года, былъ встрѣченъ громомъ пушекъ съ городскихъ укрѣпленій и находившихся въ гавани судовъ и радостными, единодушными восклицаніями народа, ожидавшаго отъ него избавленія отъ всѣхъ томившихъ его бѣдъ.

Надежду эту раздѣлялъ и императорскій кабинетъ. «Отъ королевскаго правительства,» писалъ барону Рикману вице-канцлеръ, «будетъ зависѣть: устранить нужду, успокоить порывы и ввести наконецъ въ Греціи тѣ миръ и благосостояніе, которые великія державы желали бы обезпечить этой странѣ, взявъ на себя установленіе ея самостоятельности и освобожденія... Не смотря на живое свое участіе къ судьбамъ грековъ, императорское правительство вынуждено нынѣ прямо противодѣйствовать всякимъ проискамъ въ Греціи. Мы поспѣшимъ сдѣлать въ Мюнхенѣ надлежащія представленія относительно мѣропріятій, почитаемыхъ нами необходимыми для того, чтобы возстановить въ Греціи правильный порядокъ и положить начало лучшему будущему.» Упомянувъ о необходимости поскорѣе замѣнить остававшіяся въ Элладѣ французскія войска баварскими, графъ Нессельроде возвращался къ любимому предмету о «гармоніи» между резидентами. «Вы будете продолжать,» наставлялъ онъ Рикмана, «подавать странѣ примѣръ уваженія къ законной власти и, такимъ образомъ, противодѣйствовать дерзости партій и новымъ несчастіямъ. Такъ какъ вы были и остаетесь свидѣтелемъ-очевидцемъ восточныхъ событій, то можете лучше другихъ понять, что всего важнѣе основать политическое существованіе Греціи, дабы не увеличивать причиняемыхъ намъ происшествіями въ Левантѣ затрудненій — греческими безпокойствами [1].» Въ томъ же

[1]) Графъ Нессельроде барону Рикману, 24 ноября (6 декабря) 1832.

духѣ были составлены и инструкціи вице-канцлера Рикорду. Сообщивъ, что государь признаетъ совершенную правильность его дѣйствій, не смотря на крайне неблагопріятныя обстоятельства, и выразивъ ему за это высочайшую благодарность, графъ Нессельроде продолжалъ: «Вы такъ хорошо понимаете, г. адмиралъ, важность ввѣренныхъ вамъ полномочій и обязанностей, что я считаю излишнимъ вдаваться въ подробности и обращать ваше вниманіе на необходимость дѣйствовать сообща съ вашими товарищами, а также избѣгать всякаго повода къ ссорамъ и спорамъ. Востокъ, къ сожалѣнію, заключаетъ въ себѣ очень много элементовъ столкновенія, а потому, мы должны, насколько возможно, стараться предотвратить всѣ новыя усложненія, которыя стали бы возможными вслѣдствіе возобновившихся смутъ [1].»

Согласно договору, заключенному въ Лондонѣ между тремя державами-покровительницами и баварскимъ дворомъ, принцъ Оттонъ вступалъ на греческій престолъ, предложенный ему Россіей, Англіей и Франціей, съ титуломъ короля Греціи. Королевское достоинство объявлялось наслѣдственнымъ въ родѣ короля Оттона, по праву первородства, а за неимѣніемъ дѣтей должно было перейти въ томъ же порядкѣ къ младшимъ его братьямъ. Король считался совершеннолѣтнимъ по достиженіи имъ двадцатилѣтняго возраста, а до тѣхъ поръ державныя обязанности его имѣло исполнять въ Греціи регентство изъ трехъ лицъ, назначенныхъ королемъ баварскимъ. Регентству предоставлялось право набрать въ Баваріи 500 человѣкъ войска подъ начальствомъ баварскихъ офицеровъ. Со своей стороны, дворы петербургскій, лондонскій и парижскій обязывались гарантировать сообща заемъ въ 60 милліоновъ франковъ, заключенный въ пользу Греціи [2]. Вопросъ о конституціи былъ пройденъ молчаніемъ въ договорѣ. Но въ воззваніи, обращенномъ къ эллинамъ лондонскою конференціей, они приглашались «содѣйствовать своему монарху въ его усиліяхъ дать государству окончательную конституцію» [3]. Воззваніе это было подписано не только Пальмерстономъ и Талейраномъ, но и Ливеномъ и Матушевичемъ. Независимо отъ

---

[1]) Графъ Нессельроде Рикорду, 24 ноября (6 декабря) 1832.

[2]) Договоръ, заключенный въ Лондонѣ между Россіей, Англіей, Франціей и Баваріей 25 апрѣля (7 мая) 1832.

[3]) Воззваніе лондонской конференціи къ эллинамъ, 18 (30) августа 1832.

того, въ отвѣтѣ своемъ на привѣтствіе греческаго сената и временнаго правительства, баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ поспѣшилъ увѣрить ихъ, что «одною изъ первыхъ заботъ регентства будетъ созваніе народнаго собранія, дабы утвердить связь между королемъ, котораго оно имѣетъ принять, и народомъ, а также выработать конституцію» [1]). Обѣщанія эти не были, впрочемъ, исполнены, не столько вслѣдствіе нашихъ представленій мюнхенскому двору, сколько ради личнаго нерасположенія короля Лудвига къ конституціоннымъ порядкамъ. Въ члены регентства были назначены имъ: бывшій министръ финансовъ въ Баваріи, графъ Армансепргъ, юристъ и профессоръ мюнхенскаго университета Мауреръ и филэллинъ, баварской службы полковникъ Гейдеггъ.

Отъ этого регентства ожидали въ Петербургѣ установленія въ Греціи прочнаго порядка и благосостоянія. Иныя мысли возбуждало оно въ Рикордѣ, ближе знакомомъ съ потребностями и условіями страны, въ которой онъ провелъ болѣе трехъ лѣтъ. Четыре мѣсяца спустя по вступленіи регентовъ въ должность, адмиралъ писалъ графу Нессельроде: «Любопытно видѣть, какъ нѣмцы посреди хаоса греческихъ обстоятельствъ принимаются за дѣло созданія правильнаго государства. При этомъ рождается вопросъ: удастся ли ихъ флегматическому порядку, ихъ медленнымъ распоряженіямъ и всегда запоздалымъ мѣрамъ ограничить неистощимый источникъ бурныхъ порывовъ, чрезмѣрную живость греческаго характера и умѣрить легкомысліе умовъ, короче сказать, удастся ли имъ подчинить Грецію своей системѣ, ту самую Грецію, единственною системой которой былъ до сихъ поръ революціонный духъ? Удивительна судьба Греціи! То, что начато здѣсь горячимъ патріотизмомъ, было увѣнчано волею царей, а мужъ, избранный самимъ Провидѣніемъ для спасенія этой страны, умираетъ случайно на поприщѣ своей величественной дѣятельности. Кому же затѣмъ ввѣряются судьбы Греціи? Министръ финансовъ, потерявшій свой портфель въ качествѣ свободнаго мыслителя [2]), никому неизвѣстный профессоръ права [3]) и офицеръ [4]) рѣшаются взяться за управленіе страной, которая

---

[1]) Баронъ Гизе Трикупи, 19 (31) іюля 1832.

[2]) Графъ Армансепргъ.

[3]) Мауреръ.

[4]) Гейдеггъ.

до тѣхъ поръ была чужда даже ихъ слуху. По всей вѣроятности, задача эта будетъ нѣсколько труднѣе, чѣмъ финансовый разсчетъ, сложный юридическій вопросъ или баталіонное ученье. Мы должны сказать въ похвалу регентству: за нѣсколько дней до своего отъѣзда, оно постаралось собрать всевозможныя свѣдѣнія о Греціи. Такъ, напримѣръ, оно совѣщалось съ тѣми греческими учениками, которые не совсѣмъ еще забыли свой родной языкъ, съ ученымъ антикваріемъ и эллинистомъ Тиршемъ, съ искателями приключеній, которые когда-то были въ Греціи и сбѣжались къ баварскому двору, услыхавъ, что могутъ съ регентствомъ отправиться въ Грецію и заслужить при этомъ лавры и деньги. Мы должны и за то еще похвалить регентство, что оно съумѣло выбрать въ Баваріи тѣхъ, кто призванъ содѣйствовать ему въ его великомъ предпріятіи. Изъ студентовъ взяты имъ съ собою получившіе хорошіе аттестаты по греческому языку, и такимъ образомъ, прибыла въ Грецію эта полуученая толпа, готовая болтать съ воинами Румеліи на языкѣ Гомера. Нельзя передать всего, но возможно ли умолчать о томъ, что регентство милостиво приняло въ качествѣ представителя націи человѣка, который сжегъ греческій флотъ и съ преступною дерзостью оскорбилъ спасшую его самого великую державу? [1]) Хорошо извѣстно, какого свойства было временное правительство въ Греціи. Пріѣзжаетъ регентство и, обѣщавъ, съ одной стороны, полное безпристрастіе по отношенію къ партіямъ, съ другой — утверждаетъ въ должности министерство временнаго правительства. Затѣмъ оно приступаетъ къ перемѣнамъ. Въ чью пользу? Маврокордато, корифею интригановъ, дается полномочіе составить новое министерство. Въ результатѣ получаемъ то, чего слѣдовало ожидать. Новое министерство состоитъ изъ родственниковъ и клиентовъ Маврокордато. Но этого мало. Греція просто отдана на съѣденіе безумной толпѣ фанаріотовъ. Это стадо хищныхъ животныхъ, потерявъ свое древнее достояніе, княжества Молдавію и Валахію, устремило еще ранѣе въ благопріятное время свой жадный взоръ на Грецію. Нынѣ является оно въ лицѣ своего достопочтеннаго главы Маврокордато и управляетъ Греціей, ибо если вышеупомянутое регентство правитъ Греціей, то имъ самимъ правитъ

[1]) Міаулисъ.

Маврокордато. Между тѣмъ, заслуги забываются; раны, украшающія героевъ, участвовавшихъ въ священной борьбѣ, презираются; люди, принесшіе въ жертву отечеству имущество и родныхъ, обмануты въ своихъ надеждахъ. Недовольны всѣ. Надѣются, однако, что это состояніе продлится недолго; что фанаріотской заразѣ, какъ и всякой другой, настанетъ конецъ; что опытъ научитъ регентство и что подъ властью короля Оттона страна увидитъ еще счастливые дни [1].»

Дѣйствительно, въ составъ перваго министерства, образованнаго регентствомъ, не вошло ни одного члена русско-народной партіи. Предсѣдателемъ совѣта, министромъ королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Трикупи, по выраженію прусскаго посланника, «вскормленный молокомъ Англіи»; министромъ финансовъ—Маврокордато, морскимъ—Колетти. Съ представителями Россіи дворъ обходился холодно, даже невѣжливо. Король не пожелалъ принять въ прощальной аудіенціи отозваннаго изъ Греціи, въ концѣ февраля 1833 года, адмирала Рикорда, велѣвъ ему сказать чрезъ адъютанта, что желаетъ ему счастливаго пути [2]). Замѣнившій Рикмана, посланникъ Катакази вынужденъ былъ удалиться изъ дворца, гдѣ дали мѣсто выше его англійскому министру, позднѣе его акредитованному. «При такихъ условіяхъ,» говорилъ онъ своему французскому товарищу, «къ чему здѣсь русскій посланникъ,» и выражалъ надежду, что императорскій кабинетъ удовлетворитъ его ходатайство объ отозваніи [3]). Одною изъ причинъ такого обращенія двора съ русскими было неудовольствіе, возбужденное, какъ въ Мюнхенѣ, такъ и въ Навпліи, нашими напоминаніями объ обѣщаніи баварскаго министерства, что въ случаѣ избранія принца Оттона королемъ греческимъ, послѣдній приметъ православную вѣру. Намъ отвѣчали уклончиво, увѣряя, что перемѣна исповѣданія была возможна, пока молодой принцъ не былъ еще конфирмованъ, но что по совершеніи этого обряда она становилась неосуществимою, и что вообще нельзя было насиловать совѣсть короля Оттона [4]).

---

[1]) Рикордъ графу Нессельроде, май 1833.

[2]) Австрійскій консулъ Гропіусъ князю Меттерниху, 24 февраля (8 марта) 1833.

[3]) Австрійскій консулъ Гропіусъ князю Меттерниху, 29 сентября (11 октября) 1833.

[4]) Рукописная записка барона Бруннова.

Вскорѣ въ средѣ самого регентства возникли раздоръ и несогласія. Графъ Армансепергъ подпалъ вліянію англійскаго посланника, тогда какъ два прочіе его товарища и вліятельный совѣтникъ регентства Абель склонялись на сторону французской партіи. Въ одномъ сходились всѣ—въ глубокой враждебности ко всему тому, что еще сохранило въ Греціи нравственныя связи съ Россіей: къ церкви и къ знаменитѣйшимъ вождямъ борьбы за независимость.

23-го іюля (4-го августа) 1833 года обнародована была декларація о независимости эллинской національной церкви, по выраженію регента Маурера, «мѣра великой, всемірно-исторической важности». Греческая церковь объявлялась независимою отъ константинопольскаго (вселенскаго) престола, путемъ не соглашенія съ патріархомъ, а самовольнаго отпаденія отъ него. Духовнымъ ея главой провозглашался Іисусъ Христосъ, а свѣтскимъ—король-схизматикъ. Изъ 38 епископскихъ каѳедръ правительство упразднило 28, изъ 412 монастырей сохранило лишь 82 мужскіе и 3 женскіе. Упраздненныя обители были обращены въ казармы и конюшни, и доходы ихъ конфискованы въ пользу правительства, къ великому соблазну православнаго населенія.

Оскорблено было не одно религіозное чувство народа, но и достоинство его, въ лицѣ любимѣйшихъ вождей и борцовъ за его освобожденіе. Бо̀льшая часть послѣднихъ была удалена отъ всѣхъ должностей, дѣйствительныхъ или почетныхъ, лишена отличій и наградъ. Невѣроятнымъ кажется, что славнѣйшій изъ нихъ, Колокотрони, былъ обойденъ при первой раздачѣ ордена Спасителя. «У васъ много враговъ,» замѣтилъ ему предсѣдатель регентства, графъ Армансепергъ. — «Да,» отвѣчалъ *старецъ*, «но двое изъ нихъ самые опасные и смертельные.» — «Кто же?» — «Мое имя и заслуги!» [1]).

Пользуясь отъѣздомъ адмирала Рикорда въ Россію, Колокотрони просилъ его передать графу Нессельроде письмо, въ которомъ выражалъ вице-канцлеру опасенія свои, внушенныя враждебными отношеніями регентства къ православной церкви. Русскій министръ отвѣчалъ, что императоръ опечаленъ бѣдственными происшествіями, коихъ онъ не могъ ожидать послѣ постоянныхъ и великодушныхъ жертвъ, принесенныхъ

¹) Изъ воспоминаній Ѳедора Колокотрони.

имъ, сообща съ союзниками, въ пользу независимости и счастія Греціи. Онъ искренно желаетъ, чтобы будущее изгладило печальныя впечатлѣнія минувшаго и чтобы греки всѣхъ сословій и партій сплотились вокругъ престола своего молодаго государя. «Желанія его величества,» продолжалъ графъ Нессельроде, «тѣмъ искреннѣе, что императоръ связанъ съ греческимъ народомъ узами общаго вѣроисповѣданія. Да не забываютъ греки никогда, что подчиненіе ихъ правительству, которое ими руководитъ, и вѣрность ихъ догматамъ ихъ вѣры, этого драгоцѣннаго наслѣдія, завѣщаннаго имъ предками, составляютъ вмѣстѣ условіе и обезпеченіе ихъ національнаго преуспѣянія. Что касается васъ лично, генералъ, то императоръ знаетъ и цѣнитъ вашъ патріотизмъ, равно какъ и высокую честность вашего характера, и не сомнѣвается, что король Оттонъ и уваженіе вашихъ единоземцевъ вознаградятъ ваши отличныя заслуги» [1].

Награда не долго заставила ждать себя. Въ ночь на 7-е (19-е) сентября 1833 года, Колокотрони былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму, въ фортъ Ичъ-Кале, близъ Навпліи. Тогда же было арестовано двѣнадцать другихъ капитановъ, извѣстныхъ своею преданностью Россіи. Шесть мѣсяцевъ продержали ихъ въ заключеніи, наконецъ предъявили обвиненіе. Ихъ обвиняли въ составленіи заговора, направленнаго противъ спокойствія государства, и приписывали имъ всевозможные происки, ложныя обѣщанія, обманы съ цѣлью обезпечить успѣхъ ихъ преступнымъ планамъ, подачу прошенія «иностранной державѣ» съ намѣреніемъ низвергнуть регентство и слѣдовательно нарушить основные законы государства; словомъ, утверждало обвиненіе: «они являлись измѣнниками независимости націи.» Обвинителемъ на судѣ выступилъ, въ качествѣ государственнаго прокурора, англичанинъ Масонъ, бывшій защитникъ убійцы Каподистріи и личный врагъ Колокотрони. Выставлены были лжесвидѣтели, подобраны судьи. И не смотря на всѣ эти мѣры, въ самый день постановленія приговора пришлось замѣнить предсѣдателя и еще одного члена суда, отказавшихся подписать приговоръ, продиктованный имъ министромъ юстиціи. Весь этотъ процессъ былъ, по свидѣтельству прусскаго посланника, «скандаломъ, позоръ котораго бу-

[1]) Графъ Нессельроде Колокотрони, 4 іюля 1833.

детъ неизгладимъ» [1]). Колотрони былъ признанъ государственнымъ измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни.

Старецъ спокойно выслушалъ приговоръ; когда же ему объявили, что король замѣнилъ смертную казнь тюремнымъ заключеніемъ, сначала пожизненнымъ, а потомъ на двадцать лѣтъ, Колокотрони промолвилъ: «я перехитрю короля: столько лѣтъ мнѣ и не прожить» [2]). Колокотрони былъ посаженъ въ тюрьму форта Паламидиса, гдѣ и просидѣлъ одиннадцать мѣсяцевъ. Полное помилованіе его состоялось лишь въ день совершеннолѣтія короля.

Благорасположеніе императорскаго кабинета къ греческому регентству не устояло противъ такихъ испытаній. Но въ Петербургѣ продолжали надѣяться, что положеніе дѣлъ въ Греціи измѣнится съ той минуты, какъ король, достигнувъ совершеннолѣтія, самъ начнетъ править государствомъ. Къ этому торжественному дню былъ посланъ въ Аѳины, новую столицу Греціи, генералъ-адъютантъ графъ А. Г. Строгановъ, съ собственноручнымъ письмомъ императора Николая къ королю. Въ данныхъ Строганову инструкціяхъ предписывалось употребить всѣ усилія, чтобы внушить Оттону правильное понятіе о королевскихъ обязанностяхъ и интересахъ, и склонить его къ переходу въ православіе. Въ отвѣтномъ письмѣ къ государю король, «не предрѣшая въ будущемъ внушеній своей совѣсти», ограничился обѣщаніемъ воспитывать дѣтей своихъ въ правилахъ православной вѣры. То же обѣщаніе было повторено греческому синоду при вступленіи, въ слѣдующемъ 1836 году, короля въ бракъ съ принцессой Амаліей Ольденбургскою.

Впечатлѣнія, вынесенныя графомъ Строгановымъ изъ Аѳинъ, были самаго безотраднаго свойства. Баронъ Брунновъ передаетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ничто не процвѣтаетъ въ Греціи. Администрація впала въ совершенное бездѣйствіе. Графъ Армансмергъ, подчиняясь вліянію англичанъ, удаляетъ отъ престола всѣхъ, кто мужественно служилъ отечеству во время войны за независимость, и въ то же время покровительствуетъ сторонникамъ разрушительныхъ идей, поощряетъ стремленіе извѣстной партіи, желающей введенія въ

[1]) Прусскій посланникъ Лузи королю Фридриху-Вильгельму III, 6 (18) мая 1834.

[2]) Изъ воспоминаній Ѳедора Колокотрони.

Греціи конституціоннаго порядка, словомъ, затрудняетъ всѣми силами ходъ администраціи для того, чтобы все болѣе усложнять препятствія, съ которыми придется встрѣтиться молодому государю въ ту самую минуту, когда онъ попытается взять въ собственныя руки бразды правленія [1].»

Разочарованіе было полное. Та самая Греція, которая должна была дополнить собою систему политическаго преобладанія нашего на Востокѣ, оказалась державой не только намъ не дружественною, но и прямо враждебною. Первый опытъ учрежденія независимаго христіанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ обратился въ явный намъ ущербъ. О причинахъ такого явленія въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ нашей дипломатіи сложился опредѣленный взглядъ, высказанный не безъ нѣкотораго раздраженія барономъ Брунновымъ въ посвященной Греціи главѣ обзора нашихъ внѣшнихъ сношеній, читаннаго имъ въ 1838 году наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

Вступленіемъ на нее служатъ слѣдующія строки: «Было бы ошибочно думать, что основаніе этого новаго государства явилось послѣдствіемъ основаннаго на политическомъ интересѣ разсчета, или дѣломъ личнаго предпочтенія нашего августѣйшаго государя. Его величество отнесся къ греческому вопросу какъ къ крайне трудному, завѣщанному ему предшедшимъ царствованіемъ. Не отъ императора зависѣло избѣжать этого затрудненія. Оно было налицо до вступленія его на престолъ. Надлежало разрѣшить его. Россія не могла оставаться неподвижнымъ свидѣтелемъ истребленія единовѣрнаго народа, привыкшаго въ теченіе цѣлаго столѣтія ожидать отъ нашихъ монарховъ залога своего спасенія. Итакъ, глубокое чувство человѣколюбія и религіи, а не простой политическій разсчетъ, побудило нашъ кабинетъ вступиться за Грецію въ ту самую минуту, когда она изнемогала подъ мечомъ оттомановъ. Мы должны были отдать себѣ отчетъ, что̀ мы и сдѣлали, въ происхожденіи нашего вмѣшательства. Проистекающія изъ него послѣдствія, быть можетъ, и не вполнѣ соотвѣтствуютъ нынѣ нашимъ желаніямъ. Греція, освобожденная нашими усиліями, не питаетъ къ намъ той благодарности, на которую мы имѣемъ право; но мы можемъ по всей справедливости сказать,

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

что императоръ никогда не будетъ сожалѣть объ оказанныхъ имъ благодѣяніяхъ. Еслибъ ему предстояло дѣйствовать снова, онъ не могъ бы поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ.»

Изложивъ затѣмъ дипломатическіе акты, относившиеся къ Греціи съ воцаренія императора Николая и до достиженія королемъ Оттономъ совершеннолѣтія, баронъ Брунновъ приходилъ къ слѣдующему заключенію: «Отсутствіе единенія между тремя дворами должно необходимо отразиться самымъ серіознымъ образомъ на внутреннемъ положеніи Греціи. Несчастіе это неизбѣжно. Не отъ насъ зависитъ пособить ему. Англія хочетъ навязать новому государству, во что̀ бы то ни стало, конституціонный порядокъ. Нашъ кабинетъ противится этому всѣми зависящими отъ него средствами, ибо онъ питаетъ глубокое убѣжденіе, что опытъ представительныхъ формъ, который съ трудомъ выносятъ самыя древнія монархіи, несомнѣнно былъ бы гибелью для страны, подобной Греціи. Мнѣнія наше и Англіи по этому предмету не могутъ быть соглашены. Франція, не раздѣляя желаній великобританскаго министерства, тѣмъ не менѣе, становится на сторону послѣдняго каждый разъ, какъ только приходится бороться съ тѣмъ, что̀ оба двора называютъ безусловнымъ вліяніемъ Россіи. Отсюда постоянное столкновеніе интересовъ и противоположныхъ принциповъ, посреди коего Греція, къ сожалѣнію, поставлена такъ, что не можетъ никогда удовлетворить одновременно три державы. Положеніе это, къ несчастію, таково, что мы не можемъ предвидѣть ни предѣла его, ни результата. Но, не предрѣшая будущаго, полезно для насъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего хотятъ наши противники и что совѣтуютъ намъ интересы наши. Обѣ морскія державы желали бы обратить Грецію въ самый передовой постъ конституціонной Европы, установивъ въ ней порядокъ, враждебный принципамъ Россіи и противный нашему вліянію на Востокѣ. Подобное направленіе не можетъ укрыться отъ нашего вниманія. Вслѣдствіе сего, мы должны, не пренебрегая ничѣмъ, бороться съ этими злонамѣренными планами нашихъ противниковъ, пока на то хватитъ нашихъ силъ. Въ особенности же вѣрно понятые нами интересы наши совѣтуютъ намъ никогда не допускать, чтобы Греція распространила свою территорію и свое политическое значеніе за предѣлы, нынѣ ей положенные. Увеличивать матеріальныя силы греческой державы, подчиняющейся вліянію

ученій, управляющихъ политикой морскихъ державъ, было бы изо всѣхъ возможныхъ комбинацій наиболѣе для насъ вредною. Удерживать Грецію въ территоріальныхъ предѣлахъ, ей назначенныхъ, содѣлать ее безвредною, а если можно, то и благодѣтствующею подъ мудрою и умѣренною администраціей; подавить въ ней развитіе революціонныхъ идей, сѣмя коихъ ищутъ распространить морскія державы; постепенно установить между новымъ государствомъ и Портой мирныя и торговыя сношенія; наконецъ, пріучить Грецію находить отнынѣ залогъ безопасности и благосостоянія въ охранительной системѣ, основанной нами на Востокѣ—такова цѣль политики императора. Она одна можетъ предупредить въ Греціи великія несчастія и не допустить, чтобъ этотъ вопросъ, полученный имъ по наслѣдству, противъ воли, при вступленіи на престолъ, сдѣлался современемъ накладнымъ [1]).»

Въ словахъ этихъ проглядываетъ сознаніе неудачи, постигшей нашихъ дипломатовъ при примѣненіи къ Греціи указанной имъ волей государя политической програмы, и желаніе отклонить падающую на нихъ въ томъ отвѣтственность, ссылкой на противодѣйствіе морскихъ державъ, и въ особенности, на неподатливость и неблагодарность самихъ грековъ. Обвиненіе въ негодности орудія—пріемъ, свойственный людямъ, неумѣющимъ съ нимъ обращаться.

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Востокъ подъ покровительствомъ Россіи.

«Восточный вопросъ,» утверждалъ баронъ Бруновъ, приступая къ изложенію нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей въ царствованіе императора Николая, «занимаетъ помыслы государя съ первыхъ дней его воцаренія и не переставалъ съ тѣхъ поръ обращать на себя самое серіозное его вниманіе. Да сего времени онъ привлекаетъ взоры всѣхъ дворовъ и, нѣкоторымъ образомъ, господствуетъ надъ настоящими и будущими интересами европейской политики [1].» Гораздо яснѣе и откровеннѣе опредѣлилъ сущность того же вопроса австрійскій дипломатъ, Прокешъ-Остенъ, первый представитель вѣнскаго двора въ Греціи, впослѣдствіи интернунцій въ Константинополѣ,—въ слѣдующихъ словахъ: «То, что по отношенію къ Турціи называютъ восточнымъ вопросомъ, есть только вопросъ между Россіей и остальною Европой» [2]).

Въ Греціи наша дипломатія старалась сгладить эту коренную противоположность между Россіей и прочими державами и раздѣлить съ двумя изъ нихъ традиціонное вліяніе наше въ этой странѣ. Изъ предшедшей главы видно, къ чему привела насъ эта попытка: къ полному отчужденію Греціи отъ насъ и какъ бы къ нашему отъ нея отреченію. Но въ остальныхъ частяхъ Балканскаго полуострова положеніе наше было иное. Право нашего вмѣшательства и покровительства было признано за нами торжественными договорами. Мы ни съ кѣмъ

[1]) Рукописная записка барона Брунова: *Обзоръ политики русскаго двора въ нынѣшнее царствованіе.*

[2]) Эпиграфъ къ изданному графомъ Прокешъ-Остеномъ, сыномъ посла, сборнику писемъ, подъ заглавіемъ: *Zur Geschichte der orientalischen Frage.*

*

его не дѣлили. Императоръ Николай ясно сознавалъ и особенное положеніе Россіи по отношенію къ Оттоманской имперіи, и необходимость преобладающаго вліянія нашего на Босфорѣ, *такого вліянія, какимъ пользовалась Англія въ Португаліи.* Высказывалъ онъ это гласно и открыто, не скрывая отъ Европы, что лишь подъ этимъ условіемъ онъ воздержался отъ нанесенія Портѣ смертельнаго удара. Предоставляя ближайшимъ своимъ союзникамъ, Австріи и Пруссіи, направлять по своему усмотрѣнію общую политику охранительнаго союза на Югѣ и Западѣ, государь ревниво оберегалъ свое право руководить судьбами Востока и по отношенію къ нему, какъ и къ Польшѣ, даже не считалъ нужнымъ соображать свои мѣры съ союзными дворами, ни предварять о нихъ Вѣну и Берлинъ [1]). Всю область отъ Нѣмана до Босфора онъ признавалъ непосредственно соприкасающеюся съ государственными интересами Россіи, въ которые не допускалъ посторонняго вмѣшательства. Политика его относительно Оттоманской имперіи была вполнѣ русскою, самостоятельною. Какъ ни расходились съ нею личныя воззрѣнія графа Нессельроде, министръ этотъ долго еще вынужденъ былъ на Востокѣ слѣдовать путемъ, указаннымъ ему высочайшею волей.

Но если цѣль нашей политики была намѣчена самимъ государемъ, то отъ вице-канцлера въ значительной степени зависѣлъ выборъ средствъ къ ея достиженію. Его вліянію слѣдуетъ приписать утвержденное императоромъ Николаемъ рѣшеніе нашего двора поддерживать всѣми силами существованіе Турціи. Впрочемъ, государь согласился дать политикѣ своей это направленіе только потому, что графъ Нессельроде успѣлъ убѣдить его, будто Турція, обязанная покровительству Россіи бытіемъ своимъ, вынуждена будетъ покоряться ея волѣ. Такой оборотъ государь во всякомъ случаѣ считалъ временнымъ, скоропреходящимъ, ибо самъ не вѣрилъ въ долговѣчность Оттоманской имперіи, конецъ коей казался ему близкимъ и неизбѣжнымъ. Въ виду этого соображенія онъ и не думалъ поступаться обезпеченнымъ за нимъ договорами правомъ покровительства надъ христіанскимъ населеніемъ, какъ въ непосредственныхъ владѣніяхъ султана, такъ и въ полунезависимыхъ княжествахъ, какъ ни «неудобно» казалось графу Нес-

---

[1]) См. главу I настоящаго изслѣдованія: «Политическая система Священнаго Союза».

сельроде и его дипломатическимъ сотрудникамъ пользовались этимъ правомъ.

Въ ряду балканскихъ народовъ, связанныхъ съ Россіей единствомъ не только вѣры, но и племени, и узами глубокой, искренней, вѣковой привязанности, первое мѣсто занимаютъ безспорно черногорцы. Начальное знакомство ихъ съ нами относится къ царствованію Петра, когда великій монархъ, отправляясь въ прутскій походъ, послалъ въ Черную Гору герцеговинскаго выходца Михаила Милорадовича съ призывомъ къ обитателямъ принять участіе въ борьбѣ православной Россіи съ врагами имени Христова. Съ этого времени каждая война наша съ Турціей служила сигналомъ для нападенія черногорцевъ на сосѣднія турецкія области, Герцеговину и Албанію. Управлявшіе этимъ народомъ владыки пріѣзжали ставиться въ Россію и были осыпаемы благодѣяніями нашихъ государей. Черногорцы явились нашими союзниками во время наполеоновскихъ войнъ, въ 1805 году осаждали вмѣстѣ съ нами Дубровникъ, а въ 1815 прогнали французовъ изъ Боки Которской, которую потомъ, покоряясь волѣ императора Александра I, они скрѣпя сердце передали австрійцамъ. Правившій Черногоріей около полустолѣтія (1782—1830), владыка Петръ I Нѣгошъ въ завѣщаніи своемъ изрекъ проклятіе тому изъ своихъ преемниковъ, который осмѣлился бы нарушить долгъ преданности и благодарности къ великой, единовѣрной Россіи.

Политическая сторона отношеній къ намъ черногорцевъ далеко не исчерпываетъ глубины и искренности чувствъ, питаемыхъ этимъ геройскимъ племенемъ къ русскому царю и его народу. Чувства эти высказываются съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, въ которыхъ исторія Черной Горы является тѣсно связанною съ судьбами Россіи и ея призваніемъ служить покровомъ и защитой меньшихъ своихъ братьевъ на Востокѣ. Если бы не было Россіи, нѣтъ черногорецъ, не было бы на свѣтѣ и трехперстнаго креста. Сила и величіе русскаго царя, доблесть и непобѣдимость русскаго войска, торжество русскихъ надъ невѣрными, любовь и расположеніе къ Черногоріи, наконецъ, право Россіи на наслѣдство византійскихъ императоровъ и православныхъ царей Сербіи и Болгаріи, таковы любимыя темы этихъ пѣснопѣній, находящихъ сочувственный отголо-

сокъ въ душѣ каждаго черногорца и чуждыхъ искусственности или неискренности. Преемникъ Петра I Нѣгоша, владыка Петръ II, правившій съ 1830 по 1851 годъ, былъ самъ поэтъ, воспѣвшій послѣднюю изъ тогдашнихъ русско-турецкихъ войнъ и взятіе Варны. Онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Россію, гдѣ удостоивался самаго почетнаго и ласковаго пріема со стороны императора Николая, прозваннаго черногорцами «милостивымъ» и осуществлявшаго въ ихъ глазахъ идеалъ великаго русскаго государя.

Но русская дипломатія мало принимала Черногорію въ разсчетъ при своихъ политическихъ соображеніяхъ. Мы не содержали въ Цетиньѣ дипломатическаго агента, а сношенія наши съ Черногоріей были поручены консулу, имѣвшему пребываніе въ австрійскомъ Дубровникѣ. За все время царствованія императора Николая должность эту занималъ мѣстный уроженецъ, Гагичъ, личность, лишенная всякаго политическаго значенія. Обязанность его ограничивалась, впрочемъ, передачей ежегоднаго, весьма незначительнаго пособія, назначеннаго черногорскому народу еще императоромъ Павломъ въ 1798 году, и доставленіемъ богослужебныхъ книгъ и принадлежностей, жертвуемыхъ св. синодомъ черногорскимъ церквамъ. Самому владыкѣ нашъ дворъ внушалъ необходимость жить въ ладахъ съ австрійскимъ правительствомъ, которое косо и подозрительно смотрѣло на сочувствіе къ намъ черногорцевъ, считая ихъ страну входящею въ составъ доли, предназначенной для Австріи изъ турецкаго наслѣдства.

Постоянная забота о томъ, какъ бы не задѣть или не встревожить вѣнскій дворъ, тяготѣла и надъ нашими отношеніями къ Сербіи, не смотря на то, что это княжество было договорами букурештскимъ и адріанопольскимъ поставлено подъ нашу охрану и покровительство.

Земли, входящія въ составъ нынѣшней Сербіи, были по Пожаревацкому миру уступлены Портой Австріи и оставались въ ея владѣніи вплоть до 1738 года, когда австрійскій домъ вынужденъ былъ возвратить ихъ туркамъ. Это помнили въ Вѣнѣ и не покидали надеждъ возмѣстить потерянное. По вышеупомянутому австро-русскому соглашенію 1782 года, Сербія должна была отойти снова къ Австріи, но неудачный исходъ войны, предпринятой Іосифомъ противъ Турціи въ союзѣ съ Россіей, принудилъ преемника его отказаться отъ

всякихъ завоеваній. Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1804 году, вспыхнуло возстаніе сербовъ подъ водительствомъ Георгія Чернаго. Возставшіе обратились за поддержкой и помощью къ Россіи и Австріи. Но, занятыя борьбой съ Наполеономъ, обѣ имперіи отвѣчали на эту просьбу отказомъ. Въ послѣдующіе годы сербы долго заискивали покровительства то Авсріи, то Россіи, предлагая по очереди каждой отдаться въ ея подданство. Возобновленіе въ 1808 году войны нашей съ Турціей, пріостановленной было тильзитскимъ договоромъ и посредничествомъ Франціи, и появленіе нашихъ войскъ въ Сербіи рѣшило дѣло въ нашу пользу. Русское вліяніе восторжествовало въ странѣ надъ австрійскимъ, и самый Бѣлградъ былъ занятъ русскимъ гарнизономъ. При заключеніи букурештскаго мира мы позаботились и объ обезпеченіи участи нашихъ союзниковъ. Они получили полную амнистію. Порта хотя и занимала снова сербскія крѣпости своими гарнизонами, но обязывалась, во избѣжаніе притѣсненій со стороны мусульманскихъ войскъ, «принять на сей конецъ съ народомъ сербскимъ мѣры, нужныя для его безопасности». Сербамъ, сверхъ того, обѣщались тѣ же выгоды, какими пользуются жители острововъ Архипелага, другими словами, право внутренняго самоуправленія, дань въ опредѣленномъ размѣрѣ и полученіе ея изъ собственныхъ ихъ рукъ, причемъ «всѣ эти предметы имѣли быть распоряжены обще съ народомъ сербскимъ» [1]). Условія эти, правда, не вполнѣ отвѣчали надеждамъ возставшаго народа, но представляли для него то важное преимущество, что были занесены въ международный договоръ и тѣмъ самымъ поставлены подъ охрану великой державы, получившей право наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ [2]).

Пользуясь, однако, обстоятельствами, препятствовавшими Россіи, поглощенной гигантскою борьбой своей съ Наполеономъ, вступиться за сербовъ, турки не исполнили ни одного изъ приведенныхъ обязательствъ, а вторгнувшись въ Сербію успѣли въ одно лѣто покорить ее и возстановить въ ней свое господство на прежнихъ основаніяхъ. Народъ возсталъ вторично въ 1815 году подъ водительствомъ Милоша Обреновича.

---

[1]) Ст. VIII договора между Россіей и Турціей, заключеннаго въ Букурештѣ 16 (28) мая 1812.

[2]) Важность этого обстоятельства указываетъ Ранке въ своей *Die Serbische Revolution.*

Опасаясь вмѣшательства Россіи, стоявшей на вѣнскомъ конгрессѣ во главѣ всѣхъ европейскихъ державъ, Порта вступила въ переговоры съ вождемъ возстанія, и подъ извѣстными условіями признала его главой сербскаго народа. По назначеніи русскимъ посланникомъ въ Константинополь барона Строганова, Милошъ вступилъ съ нимъ въ дѣятельную переписку, прося его содѣйствія къ понужденію Порты въ точности исполнить букурештскія условія. Но въ то же время онъ поддался обѣщаніямъ бѣлградскаго паши, питавшаго въ немъ надежду на признаніе его наслѣдственнымъ княземъ, если только онъ выкажетъ относительно Порты бо̀льшую уступчивость. Обстоятельство это возбудило негодованіе нашего посланника. «Порта видитъ,» писалъ онъ Милошу, «сильное желаніе ваше получить наслѣдственный санъ княжескій; она рѣшилась воспользоваться симъ благопріятнымъ для нея обстоятельствомъ, дабы, льстя видамъ вашимъ, посредствомъ васъ совершенно поработить Сербію и лишить всѣхъ способовъ къ улучшенію жребія угнетенныхъ. Ужели вы мыслите, что она сдержитъ все обѣщаемое вамъ, когда приметъ отъ васъ требуемую присягу? Ужели вы согласитесь купить княжество цѣной счастія своихъ соотечественниковъ? Должно прежде всего устроить дѣла общественныя, а потомъ уже ласкаться успѣхомъ своихъ собственныхъ: безъ того послѣдуютъ однѣ неудачи и позднее раскаяніе [1].»

Увѣщанія эти подѣйствовали. Портѣ было крайне желательно отстранить русское вмѣшательство въ улаженіи ея несогласій съ сербами. Съ этою цѣлью, не дожидаясь исхода переговоровъ съ барономъ Строгановымъ, султанъ издалъ фирманъ, коимъ, признавая Милоша верховнымъ княземъ сербскаго народа, опредѣлялъ слѣдующую съ него дань, не упоминая о порядкѣ ея взиманія, и ограничилъ власть начальниковъ турецкихъ войскъ въ Сербіи раіономъ занятыхъ ими крѣпостей. Но тотъ же фирманъ заключалъ въ себѣ и унизительныя для сербовъ ограниченія: они должны были оставаться въ положеніи райи, доставлять продовольствіе оттоманскому войску при слѣдованіи его чрезъ страну; пройдено было молчаніемъ право собственности мусульманскихъ владѣльцевъ на сербскія земли; наконецъ, отъ сербовъ требовалось, чтобъ они

[1]) Баронъ Строгановъ Милошу Обреновичу, 1 (13) декабря 1819.

обязались не предъявлять впредь Портѣ никакихъ дальнѣйшихъ требованій. Фирманъ былъ посланъ въ Сербію съ особымъ чиновникомъ и сообщенъ Милошу и его совѣтникамъ; но они отвѣчали посланцу Порты, что не могутъ удовлетвориться такими уступками, а требуютъ всесторонняго исполненія относящихся до Сербіи постановленій букурештскаго договора. Съ этимъ отвѣтомъ отправилъ Милошъ въ Царьградъ особую депутацію, состоявшую изъ двухъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ, при одномъ секретарѣ.

Прибытіе сербской депутаціи совпало со смутами, вызванными въ турецкой столицѣ извѣстіемъ о возстаніи грековъ. Раздраженная Порта, не вступая въ переговоры съ депутатами, распорядилась взятіемъ ихъ подъ стражу. Они были освобождены лишь весной 1824 года, по настоянію русскаго двора, включившаго это требованіе въ предъявленный имъ Портѣ ультиматумъ. Вслѣдъ затѣмъ, аккерманскою конвенціей и приложеннымъ къ ней отдѣльнымъ актомъ были подтверждены и точно опредѣлены всѣ условія, выговоренныя въ Букурештѣ въ пользу сербовъ [1]).

Но Порта и не думала исполнять принятыхъ ею въ Аккерманѣ обязательствъ. Тѣ изъ нихъ, которыя касались Сербіи, были въ оффиціальномъ документѣ прямо названы чудовищными и неисполнимыми. Не смотря на это, сербы не приняли участія въ войнѣ Россіи съ Турціей. Русскій дворъ самъ не желалъ этого, во-первыхъ, чтобы не тревожить Австріи, которая всегда недовѣрчиво относилась къ нашимъ дѣйствіямъ въ Сербіи; во-вторыхъ, чтобы не раздроблять нашихъ и безъ того незначительныхъ силъ на Нижнемъ Дунаѣ, отдѣленіемъ вспомогательнаго отряда для поддержки сербскихъ войскъ. Задача, возложенная нами на Милоша, сводилась къ удержанію въ бездѣйствіи паши боснійскаго и мусульманскаго ополченія этой области [2]).

Адріанопольскимъ договоромъ Порта обязалась «безъ малѣйшаго отлагательства и со всею возможною точностью» исполнить постановленія приложеннаго къ аккерманской конвенціи отдѣльнаго акта о Сербіи, а также возвратить ей часть

---

[1]) О содержаніи сего отдѣльнаго акта, приложеннаго къ аккерманской конвенціи, см. главу IV настоящаго изслѣдованія.

[2]) Графъ Дибичъ графу Ланжерону, 17 февраля (1 марта) 1829.

спорныхъ округовъ. Гатти-шерифъ о приведеніи въ дѣйствіе этихъ обязательствъ имѣлъ быть изданъ и сообщенъ русскому двору въ мѣсячный срокъ со дня подписанія мирнаго трактата [1]). Въ зависимость отъ исполненія этого послѣдняго условія было поставлено выступленіе нашихъ войскъ изъ Адріанополя [2]).

На этотъ разъ Порта сдержала свое слово въ срокъ, кратчайшій условленнаго. Спустя двѣ недѣли по заключеніи мира, былъ обнародованъ утвержденный гатти-шерифомъ фирманъ, обращенный къ бѣлградскимъ пашѣ и муллѣ и повторявшій слово въ слово условія аккерманской конвенціи. Черезъ годъ появился другой фирманъ, дополнявшій постановленія перваго. Согласно ему, турецкіе гарнизоны должны были оставаться въ сербскихъ крѣпостяхъ, но за-то внутреннее управленіе страной отдавалось въ руки сербовъ; Милошъ провозглашался княземъ и имѣлъ раздѣлить власть свою съ совѣтомъ старшинъ; опредѣлялась дань и къ ней присовокуплялось вознагражденіе, слѣдующее мусульманскимъ собственникамъ земель, уступленныхъ сербамъ; туркамъ, за исключеніемъ гарнизоновъ крѣпостей, воспрещалось жить въ Сербіи. Объявляя объ этомъ сербскому народу, Милошъ съ особою торжественностью поставилъ на видъ, что отнынѣ богослуженіе можетъ быть снова возвѣщаемо священнымъ звономъ колоколовъ. Тотъ же фирманъ разрѣшилъ сербамъ самимъ избирать изъ своей среды митрополитовъ и епископовъ, съ тѣмъ, чтобъ избраніе ихъ утверждалось константинопольскимъ патріархомъ.

Достойно вниманія, что первый фирманъ 1829 года, сообщенный Портой русскому правительству, во исполненіе адріанопольскаго договора, касается правъ и имуществъ сербскаго народа, умалчивая о достоинствѣ князя и не упоминая имени Милоша. Второй же фирманъ 1830 года, изданный Портой по собственному почину, не только признаетъ послѣдняго сербскимъ княземъ, но и провозглашаетъ княжеское достоинство наслѣдственнымъ въ его семьѣ. «Это постановленіе,» говоритъ баронъ Бруновъ, «не было формально признано

---

[1]) Ст. 6-я мирнаго договора между Россіей и Турціей, заключеннаго въ Адріанополѣ 2 (14) сентября 1829.

[2]) Ст. 4-я акта о платежахъ и очищеніи турецкой территоріи русскими войсками, 2 (14) сентября 1829.

нашимъ кабинетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ наши виды не входитъ давать слишкомъ большое развитіе власти народнаго начальника, неправильная администрація котораго уже вызвала много жалобъ со стороны сербовъ. Объявленное Милошу неудовольствіе государя внушаетъ ему опасенія, наталкивающія его на ложную дорогу, и побуждаетъ его искать у иностранныхъ державъ опоры противъ Россіи.» Баронъ разумѣлъ при этомъ учрежденіе въ Бѣлградѣ, въ 1835 году, англійскаго консульства и переговоры Милоша съ великобританскимъ правительствомъ о сближеніи политическомъ и торговомъ. «Надо признаться,» замѣчаетъ онъ, «что вообще Россія получаетъ мало доказательствъ признательности за благодѣянія, оказанныя ею народамъ, которые она изъяла изъ-подъ деспотизма Порты. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы сожалѣли о доставленномъ имъ нами благосостояніи; но это служитъ намъ поводомъ къ тому, чтобы не идти далѣе и не эманципировать вполнѣ областей, которыя даже въ настоящемъ ихъ состояніи административной независимости не признаютъ руки, даровавшей имъ это благодѣяніе [1].»

Ближе прочихъ балканскихъ земель находились къ намъ Дунайскія Княжества. Съ начала XVIII столѣтія, на ихъ судьбѣ отражалась каждая изъ непрерывныхъ войнъ нашихъ съ Турціей. Когда Екатерина II стала помышлять о распространеніи къ югу границъ имперіи, Княжества представились ей пріобрѣтеніемъ желательнымъ и полезнымъ. Занятыя нашими войсками въ 1769 году, оба они были приведены къ присягѣ на подданство императрицѣ, и вступая въ переговоры о мирѣ съ Портой, мы потребовали ихъ уступки отъ нея. Не столько турки, сколько вѣнскій дворъ, съ 1718 по 1739 годъ самъ владѣвшій Малою Валахіей до Ольты, воспротивился этому пріобрѣтенію. Австрія даже заключила съ Турціей союзный договоръ, по которому получила Буковину, и со своей стороны обязалась отстоять Дунайскія Княжества отъ притязаній Россіи. Но вмѣшательство Фридриха II не допустило войны между Австріей и нами. Прусскій король сумѣлъ примирить обѣ близкія къ разрыву стороны, разумѣется не безъ выгоды для себя, возбудивъ вопросъ о раздѣлѣ Польши между тремя сосѣдними державами. Львиная часть, доставшаяся намъ по

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

первому раздѣлу побудила Екатерину отказаться отъ Молдавіи и Валахіи. По уговору ея съ Іосифомъ II, княжества эти уже не отходили къ Россіи, а должны были образовать Дакійское королевство подъ властью государя православнаго исповѣданія, иначе сказать, Потемкина. Ясскій миръ 1791 года оставилъ ихъ за Портой, но постоянное нарушеніе ею относившихся къ нимъ договоровъ внушило императору Александру I мысль сначала занять ихъ русскими войсками, а когда, подстрекаемая наполеоновскою дипломатіей, Порта объявила намъ войну, то не заключать мира иначе, какъ на условіи уступки намъ Молдавіи и Валахіи. Провозглашено было торжественное присоединеніе обѣихъ областей къ имперіи, признанное въ Эрфуртѣ и Франціей. Но предвидѣніе близкаго разрыва съ Наполеономъ дѣлало необходимымъ примиреніе съ Портой, и заключая букурештскій миръ, мы удовольствовались присоединеніемъ Бессарабіи съ границей по Пруту и Нижнему Дунаю.

Такимъ образомъ, въ теченіе неполнаго полустолѣтія Дунайскія Княжества, три раза завоеванныя русскимъ оружіемъ, были три раза возвращены нами Портѣ, впрочемъ на извѣстныхъ, занесенныхъ въ трактаты условіяхъ.

Прочное основаніе нашему вліянію въ Молдавіи и Валахіи положилъ кучукъ-кайнарджійскій договоръ. Въ 16-й статьѣ его перечислялись десять «кондицій», которыя Порта давала намъ торжественное обѣщеніе ненарушимо соблюдать. Онѣ касались правъ христіанской церкви и духовенства, порядка взиманія податей, разрѣшенія свободнаго выѣзда жителямъ, допущенія въ Константинополь молдавскаго и валашскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ. «Порта соглашается также,» гласила 10-я и послѣдняя кондиція, «чтобы по обстоятельствамъ обоихъ сихъ княжествъ министры россійскаго императорскаго двора, при блистательной Портѣ находящіеся, могли говорить въ пользу сихъ двухъ княжествъ, и обѣщаетъ внимать оныя со сходственнымъ дружескимъ и почтительнымъ державамъ уваженіемъ [1]).» Установленное кайнарджійскимъ договоромъ право покровительства Россіи надъ Дунайскими Княжествами было развито и дополнено въ цѣломъ рядѣ конвенцій

[1]) Ст. 16-я кучукъ-кайнарджійскаго договора 10 (21) іюля 1774.

русскаго двора съ Портой [1]), и въ особенности подтверждено мирными трактатами ясскимъ и букурештскимъ [2]).

Значеніе основнаго закона для Княжествъ имѣлъ гатти-шерифъ 1802 года, изданный по соглашенію между нами и Портой. Въ силу помянутаго акта, было положено назначать господарей на семилѣтній срокъ. Нарушеніе этого условія послужило ближайшимъ поводомъ къ войнѣ 1806 года, разрывъ же нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей въ 1821 году былъ вызванъ, между прочимъ, вступленіемъ турецкихъ войскъ въ Княжества, безъ предварительнаго соглашенія съ нами. Возстановленіе въ Княжествахъ порядка, обезпеченнаго договоромъ и существовавшаго до 1821 года, было главнымъ требованіемъ ультиматума, предъявленнаго нами Портѣ тотчасъ по вступленіи императора Николая на престолъ. Аккерманскою конвенціей мы признали назначенныхъ Портой безъ нашего согласія господарей молдавскаго и валашскаго, и притомъ не изъ фанаріотовъ, какъ то было заведено до тѣхъ поръ, но изъ мѣстныхъ бояръ. Съ другой стороны, Порта допустила, чтобы впредь господари избирались диванами обоихъ княжествъ на семь лѣтъ и лишь утверждались ею. Она обязалась въ шестимѣсячный срокъ снова ввести въ дѣйствіе постановленія гатти-шерифа 1802 года, дополнивъ его постановленіями, исчисленными въ отдѣльномъ актѣ, приложенномъ къ конвенціи. Право дѣлать представленія по дѣламъ Княжествъ признавалось въ немъ не только за русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, но и за мѣстными нашими консулами, имѣвшими наблюдать за неприкосновенностію правъ и преимуществъ края, а господарямъ вмѣнялось въ обязанность «принимать со вниманіемъ и уваженіемъ» ихъ представленія. «Но такъ какъ,» говорилось въ томъ же актѣ, «бывшими въ послѣднее время въ Молдавіи и Валахіи смятеніями нарушенъ порядокъ въ разныхъ весьма важныхъ частяхъ внутренняго управленія, и потому господари будутъ обязаны приступить безъ малѣйшаго замедленія, вмѣстѣ со своими диванами, къ принятію мѣръ, нужныхъ для улучшенія положенія Княжествъ, ввѣренныхъ попеченію ихъ. Изъ сихъ распоряженій соста-

---

[1]) Изъяснительная конвенція 1779 года и актъ верховнаго визиря 1783.

[2]) Ст. 4-я ясскаго договора 29 декабря 1791 (9 января 1792) и ст. 5-я букурештскаго, 16 (28) мая 1812.

вится общій для каждаго княжества уставъ, который немедленно приведенъ будетъ въ дѣйствіе [1]).»

Порта, какъ извѣстно, не исполнила ни одной изъ статей аккерманской конвенціи. Но, начиная войну съ Турціей, русскій дворъ заранѣе объявилъ, что отказывается отъ всякихъ завоеваній, а по отношенію къ Дунайскимъ Княжествамъ поставилъ на видъ, что въ воззваніи, обращенномъ къ жителямъ ихъ главнокомандующимъ нашею арміей, «мы не подавали имъ никакихъ надеждъ и ни одно слово въ нихъ не обличало намѣреній, которыхъ сама Порта не могла и не должна была бы одобрить [2]).

Императоръ Николай остался вѣренъ этимъ обязательствамъ, даже когда, по прибытіи его въ армію, знатнѣйшіе бояре Молдавіи и Валахіи представили ему адресы съ увѣреніями въ «вѣчной вѣрности»... «Мнѣ ея не нужно,» сказалъ государь начальнику штаба арміи Киселеву, докладывавшему ему эти адресы; «я имъ буду отвѣчать, чтобъ и въ головѣ не имѣли присоединенія къ Россіи» [3]). Дѣйствительно, когда во время адріанопольскихъ переговоровъ о мирѣ, турецкіе уполномоченные сами предложили, взамѣнъ денежной контрибуціи, уступить намъ Молдавію до Серета, Дибичъ, въ силу данныхъ ему высочайшихъ инструкцій, не счелъ себя въ правѣ войти въ обсужденіе этого вопроса. Императоръ Николай не одобрилъ даже условія, въ силу коего мы получали право не выводить войскъ нашихъ изъ Молдавіи и Валахіи впредь до полной уплаты Турціей слѣдующаго намъ вознагражденія за военныя издержки. Рыцарски честному характеру государя не нравилась мѣра, которая, по его выраженію, «заставила бы насъ выйти изъ нашей роли, показала бы будто мы хотимъ измѣнить нашему слову и ищемъ предлога, чтобы не очищать Княжествъ, а навсегда за собою оставить ихъ» [1]).

Но, не желая присоединенія двухъ дунайскихъ областей,

---

[1]) Аккерманская конвенція и первый дополнительный къ ней актъ 25 сентября (7 октября) 1826. Подробное содержаніе сего акта см. въ IV главѣ настоящаго изслѣдованія.

[2]) Циркуляръ графа Нессельроде представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ 2 (14) апрѣля 1828.

[3]) Изъ дневника П. Д. Киселева 10 (22) мая 1828.

[4]) Императоръ Николай графу Дибичу-Забалканскому, 10 (22) сентября 1829.

главнымъ образомъ изъ опасенія, чтобъ онѣ не послужили яблокомъ раздора между нами и Австріей, государь тѣмъ съ бо́льшею твердостью настоялъ на подтвержденіи и обезпеченіи издавна принадлежавшаго Россіи права покровительства надъ ними. Адріанопольскій договоръ предоставлялъ имъ «свободу богослуженія, совершенную безопасность, народное независимое управленіе и право безпрепятственной торговли». Эти основныя начала были развиты въ дополнительномъ актѣ который, подтвердивъ постановленія аккерманской конвенціи, шелъ еще далѣе ея. Избранные диванами изъ мѣстныхъ бояръ, господари утверждались Портой въ семъ званіи уже не на семь лѣтъ, а пожизненно, и не могли быть смѣнены иначе, какъ въ случаѣ добровольнаго отреченія, или въ наказаніе за учиненныя преступленія, и непремѣнно съ согласія русскаго двора. Не только срывались лежавшія на лѣвомъ берегу Дуная турецкія крѣпости, Браиловъ и Журжево, и навсегда выводились изъ Княжествъ турецкія войска, но и воспрещалось мусульманамъ проживать на ихъ терроторіи. Опредѣлялась дань, слѣдующая Портѣ, которая отказывалась ото всѣхъ дополнительныхъ поборовъ деньгами или припасами. Господари получали право содержать ополченіе, учреждать карантины и санитарные кордоны вдоль Дуная. Въ заключеніе, Порта обязывалась «утвердить учрежденія касающіяся управленія княжествъ и начертанныя согласно съ желаніемъ, изъявленнымъ собраніями почетнѣйшихъ жителей края, во время занятій княжествъ войсками императорскаго россійскаго двора» [1].

Въ началѣ войны, тотчасъ по вступленіи русской арміи въ Дунайскія Княжества, господари молдавскій, Иванъ Стурдза, и валашскій, Григорій Гика, были удалены отъ управленія за то, что, какъ изъяснялось въ высочайшемъ рескриптѣ главнокомандующему, «и одинъ и другой обратили на себя крайнее наше неудовольствіе» [2]. Мѣстная администрація была сохранена, но во главѣ ея поставленъ русскій начальникъ, носившій званіе полномочнаго предсѣдателя дивановъ Молдавіи и Валахіи. Въ инструкціи данной самимъ государемъ этому должностному лицу, «попеченію его ввѣрялось благосостояніе жителей упомянутыхъ княжествъ, тѣсно сопряженное съ вы-

[1]) Ст. 5 адріанопольскаго мирнаго договора и дополнительный актъ къ нему 2 (14) сентября 1829.

[2]) Императоръ Николай графу Витгенштейну, 10 (22) февраля 1828.

годами дѣйствующей арміи нашей». [1]) Первымъ полномочнымъ предсѣдателемъ былъ дипломатъ, графъ Ѳ. П. Паленъ, но вскорѣ его замѣнилъ кіевскій военный губернаторъ, генералъ Желтухинъ. Наконецъ, по заключеніи адріанопольскаго мира, на мѣсто это былъ назначенъ генералъ-адъютантъ П. Д. Киселевъ.

Положеніе, въ которомъ новый, умный и дѣятельный начальникъ нашелъ ввѣренный ему край, было самое плачевное. Мѣстнаго правительства не только не существовало, но и не имѣлось сколько-нибудь годныхъ элементовъ для его образованія. Въ администраціи, въ судѣ, въ финансовомъ управленіи, царилъ невообразимый хаосъ. Главная бѣда заключалась въ томъ, что русская власть не пользовалась въ странѣ ни любовью, ни довѣріемъ. Причину этого слѣдуетъ искать въ неудачномъ составѣ нашего консульскаго представительства за послѣдніе годы. Генеральное консульство въ Княжествахъ было учреждено еще Екатериной, вскорѣ послѣ кайнарджійскаго мира. Въ царствованіе великой императрицы, при Павлѣ, и даже въ первые годы правленія Александра, послѣдовательно управляли имъ Северинъ, Малиновскій, Жерве и Болкуновъ, люди русскіе по имени, принадлежавшіе къ старой екатерининской дипломатической школѣ и оставившіе по себѣ добрую память среди жителей края, успѣвъ снискать полное ихъ уваженіе. Но послѣ букурештскаго мира, ихъ замѣнили греки-фанаріоты, о которыхъ посланный въ Молдавію съ секретнымъ порученіемъ наканунѣ войны, полковникъ Липранди отзывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Они были совершенно чужды врожденныхъ свойствъ русскимъ. Почти всѣ родившись турецкими подданными и получивъ воспитаніе свойственное духу фанаріотовъ, они не могли поселить въ боярахъ приверженности и благодарности къ Россіи; имущество, родственники и друзья ихъ, всѣ находились въ Константинополѣ; благосостояніе ихъ зависѣло болѣе отъ благосостоянія Турецкой имперіи [2])». Еще строже судилъ о дѣятельности этихъ чиновниковъ самъ Киселевъ, писавшій ранѣе назначенія своего на постъ полномочнаго предсѣдателя своему другу, Закревскому: «Безпорядки дошли до такой крайности, что ни-

[1]) Императоръ Николай графу Палену, 10 (22) февраля 1828.
[2]) Полковникъ Липранди генералу Киселеву, марта 1828.

какая сила съ нынѣшними дипломатами и греками не сладитъ; ихъ всѣхъ безъ изъятія должно смѣнить и выгнать изъ сихъ несчастныхъ провинцій.» Генералъ даже сомнѣвался въ возможности возстановить порядокъ, «ибо, съ одной стороны, край сей чрезвычайно обѣднѣлъ, а съ другой австрійцы отклонили уже отъ русскихъ, которые имѣли талантъ населить весь сей край греками изъ Перы, и ими раздражить всѣхъ противу нашего правительства».

Тѣмъ не менѣе, вступивъ въ должность, Киселевъ съ энергіей принялся за возстановленіе порядка во всѣхъ отрасляхъ управленія, и въ короткое время въ значительной степени успѣлъ достигнуть цѣли. Главнымъ дѣломъ онъ, по собственнымъ словамъ, считалъ «пріобрѣсти для Россіи богатство оваго края торговлей, и покорить молдаванъ и валаховъ на будущее время нашимъ воспитаніемъ и введеніемъ нашихъ обычаевъ и нравовъ. Для сего нужно: 1) облегчить торговый нашъ тарифъ, и замѣнить австрійскія издѣлія русскими, и 2) размѣстить въ военныя и гражданскія наши учебныя заведенія 200 молодыхъ людей, и столько же дѣвицъ въ монастыри. Симъ образомъ, безъ переворотовъ Европы, безъ издержекъ на содержаніе здѣсь военной силы, наша граница будетъ на Дунаѣ и съ земскими отъ заразы охраненіями».

Къ сожалѣнію, полномочный предсѣдатель былъ лишенъ прямаго вліянія на комитетъ, учрежденный для составленія того органическаго устава, который долженъ былъ служить основнымъ закономъ для обоихъ княжествъ и ввести въ ихъ законодательство всѣ признанныя нами необходимыми преобразованія. Инструкція этому комитету была написана, по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретаремъ Дашковымъ, командированнымъ въ Княжества въ концѣ 1828 года, для соображенія ея съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Самый комитетъ учрежденъ былъ въ Букурештѣ изъ членовъ по избранію дивановъ валашскаго и молдавскаго, въ предсѣдательствѣ бывшаго нашего генеральнаго консула въ Княжествахъ, Минчаки. Двѣ первыя главы устава объ избраніи господарей и о составѣ областныхъ собраній были выработаны комитетомъ до назначенія Киселева полномочнымъ предсѣдателемъ и одобрены министерствомъ. Увѣдомляя объ этомъ Киселева, вице-канцлеръ писалъ ему: «Русскій дворъ никогда не имѣлъ въ виду благопріятствовать одному какому-либо классу

въ ущербъ другимъ, ни замѣнить произвола и притѣсненій предшествовавшаго режима смятеніями анархіи или сложнымъ механизмомъ представительной системы, установленной въ другихъ странахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ этими областями. Улучшенія кои желаетъ ввести русскій дворъ, состоятъ главнымъ образомъ въ замѣнѣ непрочной и безобразной администраціи господарей семилѣтнихъ—князьями пожизненными, избираемыми большинствомъ голосовъ и въ замѣненіи дивановъ (доступъ въ кои открывался интригами и фаворитизмомъ и въ которыхъ обязанности не были ни точно опредѣлены, ни правильно исполняемы) совѣтами или собраніями, созываемыми въ опредѣленныя эпохи и составленными изъ людей, наиболѣе достойныхъ общественнаго довѣрія».

Букурештскій комитетъ окончилъ свои занятія весной 1830 года и предсѣдатель Минчаки, въ сопровожденіи бояръ Стурдзы и Валлори, повезъ въ Петербургъ составленный проектъ устава. Тамъ, для разсмотрѣнія его, назначена была особая комиссія въ предсѣдательствѣ Дашкова, въ которую вошли чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Катакази, Минчаки и два его спутника. Пройдя эту инстанцію, уставъ былъ возвращенъ Киселеву для пересмотра «собраніемъ именитѣйшихъ бояръ», въ каждомъ изъ княжествъ. Графъ Нессельроде напомнилъ при этомъ полномочному предсѣдателю, что императоръ Николай «хочетъ видѣть ихъ администрацію устроенною на основаніяхъ, столь же твердыхъ и постоянныхъ, какъ и гарантіи, обезпеченныя имъ адріанопольскимъ трактатомъ». «Государь,» заключалъ вице-канцлеръ, «желаетъ, чтобы по разсмотрѣніи, измѣненіи и утвержденіи устава были приняты мѣры для приведенія его въ дѣйствіе, ко времени оставленія Княжествъ нашими войсками; тогда, согласно адріанопольскому договору, Портѣ ничего не останется, какъ лишь утвердить преобразованія гатти-шерифомъ [1].» Валашское собраніе приняло органическій уставъ въ апрѣлѣ, а молдавское въ октябрѣ 1831 года. Рескриптомъ на имя Киселева императоръ Николай выразилъ свое удовольствіе, что при пересмотрѣ устава собраніями были взяты въ соображеніе нужды

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву, 27 ноября (9 декабря) 1830.

всѣхъ сословій и соблюдены обязанности страны въ отношеніи къ Портѣ [1]).

Главныя основанія органическаго устава для княжествъ Молдавіи и Валахіи были слѣдующія:

Первая глава опредѣляла порядокъ избранія господарей; они избирались пожизненно чрезвычайнымъ собраніемъ, составленнымъ изъ епископовъ, бояръ перваго и втораго разрядовъ, депутатовъ отъ именитѣйшихъ поземельныхъ собственниковъ и городовъ, въ числѣ 190 членовъ въ Валахіи, и 132 въ Молдавіи.

Вторая глава установляла обыкновенное собраніе изъ меньшаго числа депутатовъ (въ Валахіи 43, а въ Молдавіи 34). Въ кругъ дѣятельности его входили: составленіе бюджета, повѣрка отчетовъ, обсужденіе законопроектовъ. Въ адресахъ, представляемыхъ господарю, оно имѣло право ходатайствовать о нуждахъ страны и приносить жалобы.

Третья глава вводила новую финансовую систему. Въ ней опредѣлялись подати съ землевладѣльцевъ, ремесленниковъ и купцовъ и вообще начала государственнаго хозяйства.

Четвертая глава была посвящена организаціи исполнительной власти. Для текущихъ дѣлъ учреждался административный совѣтъ изъ предсѣдателя, ворника (министра внутреннихъ дѣлъ), вистіара (министра финансовъ) и постельника (государственнаго секретаря). Въ болѣе важныхъ случаяхъ къ нимъ присоединялись логоѳетъ (министръ юстиціи и духовныхъ дѣлъ), начальникъ земской стражи и главный контролёръ. Рѣшенія совѣта подлежали утвержденію господаря.

Пятая глава касалась торговли и путей сообщенія; шестая, карантиновъ и мѣръ къ огражденію отъ чумы.

Седьмая глава излагала основанія устройства судебной части. Послѣдняя провозглашалась отдѣленною отъ администраціи и распредѣлялась на три инстанціи. Въ той же главѣ опредѣлялся порядокъ судопроизводства.

Восьмая глава заключала въ себѣ постановленія: 1) о порядкѣ службы гражданской; 2) объ имѣніяхъ, принадлежащихъ духовенству; 3) о народномъ образованіи; 4) о связи обоихъ Княжествъ.

---

[1]) Императоръ Николай Киселеву, 21 декабря 1831 (2 января 1832).

*

Наконецъ, девятая и послѣдняя глава опредѣляла порядокъ образованія народнаго ополченія [1]).

Изъ этого краткаго перечня видно, что органическій уставъ былъ чисто кабинетнымъ произведеніемъ, одною изъ тѣхъ конституцій, которыя рождаются на свѣтъ въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, не истекаютъ изъ исторіи страны, не соображаются съ ея нуждами и потребностями, и разрѣшаютъ самые жизненные вопросы на основаніи чисто теоретическихъ соображеній. Не смотря на заявленную русскимъ дворомъ рѣшимость ни подъ какимъ видомъ не вводить въ Княжества представительной системы, уставъ воспроизводилъ всѣ главныя основанія европейскаго парламентаризма: начало раздѣленія властей законодательной, исполнительной и судебной; выборныя собранія, ежегодно созываемыя для обсужденія бюджета и изданія законовъ, судебную организацію по западному образцу и т. п. Зато въ немъ нѣтъ и помина о согласованіи новосозданныхъ государственныхъ учрежденій съ русскими, о введеніи въ законодательство русскихъ нравовъ и обычаевъ, словомъ, о всемъ томъ, что̀ Киселевъ считалъ «главнымъ дѣломъ» вступая въ отправленіе новыхъ своихъ обязанностей. Киселевъ съ самаго начала замѣтилъ, что букурештскій учредительный комитетъ «желаетъ сохранить зловредныя привилегіи бояръ, противу коихъ онъ (Киселевъ) дѣйствуетъ какъ исполнитель воли государя и какъ христіанинъ» [2]). Его настойчивости удалось включить въ уставъ постановленія о введеніи общей поголовной подати и объ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ поземельнымъ собственникамъ. Но способъ разрѣшенія этого послѣдняго вопроса не удовлетворялъ Киселева, и онъ хлопоталъ объ измѣненіи его въ смыслѣ обезпеченія крестьянъ отъ произвола владѣльцевъ даже тогда, когда уставъ былъ уже представленъ на утвержденіе Порты. «Не найдете ли вы возможнымъ,» писалъ онъ нашему посланнику въ Константинополѣ, «подъ какимъ-либо предлогомъ взять регламентъ изъ рукъ турокъ и расположить ихъ ко включенію впослѣдствіи нѣкоторыхъ исправленій въ статьяхъ, касающихся административныхъ распоряженій въ

---

[1]) Содержаніе органическаго устава Молдавіи и Валахіи заимствовано изъ сочиненія Заблоцкаго-Десятовскаго: *Графъ П. Д. Киселевъ и его время*. I, стр. 361 и слѣд.

[2]) Киселевъ Закревскому, 20 февраля (4 марта) 1830.

пользу народа, котораго нельзя предоставить произволу дворянскаго класса безъ того, чтобы не вызвать печальныхъ безпорядковъ для страны и затрудненій для обоихъ дворовъ: сюзеренпаго и покровительствующаго. Я знаю, что эти интриганы столь же трусливы, сколько и наглы; что если исключить двухъ или трехъ, то всѣ прочіе сдѣлаются совершенно мягкими; но здѣсь крикуны всѣхъ націй поднимутъ вопль о московской тиранніи, а интернунцій будетъ ихъ поддерживать въ Портѣ, чтобы, какъ говорится, ловить рыбу въ мутной водѣ [1]).» Цѣлью Киселева было при этомъ расположить въ пользу Россіи крестьянское сословіе, такъ какъ привиллегированные классы въ обоихъ княжествахъ обнаруживали явную къ намъ враждебность и искали поддержки въ Австріи, неперестававшей обнадеживать ихъ, что русская оккупація скоро окончится и что тогда все снова пойдетъ по-старому [2]).

Но главною заботой Киселева было достигнуть скорѣйшаго утвержденія устава Портой, дабы введеніе его въ дѣйствіе и самое избраніе господарей состоялось до выступленія русскихъ войскъ изъ Княжествъ. А между тѣмъ, срокъ нашего ухода уже наступилъ. Конвенціей, заключенной въ Петербургѣ въ апрѣлѣ 1830 года, мы согласились поставить удаленіе нашихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи въ зависимость отъ уплаты Портой не всей военной контрибуціи, какъ то было уговорено въ Адріанополѣ, а лишь послѣдняго взноса вознагражденія, выговореннаго въ пользу понесшихъ убытки русскихъ подданныхъ. До окончательнаго разсчета, мы сохраняли за собою лишь Силистрійскую крѣпость и военную дорогу къ ней чрезъ Княжества [3]). Это графъ Нессельроде находилъ достаточнымъ, дабы, по выраженію его, «обезпечить матеріальное вліяніе, въ которомъ власти, установленныя подъ нашимъ покровительствомъ, будутъ имѣть нужду на нѣкоторое время, чтобы заставить исполнять и уважать мѣры новой администраціи» [4]).

Киселевъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія. Онъ горячо доказывалъ, что будущая судьба Княжествъ составляетъ

---

[1]) Киселевъ Бутеневу, 20 декабря 1832 (1 января 1833).

[2]) Киселевъ графу Нессельроде, 26 сентября (8 октября) 1832.

[3]) Конвенція между Россіей и Турціей, заключенная въ С.-Петербургѣ 14 (26) апрѣля 1830.

[4]) Графъ Нессельроде Киселеву, 27 ноября (9 декабря) 1830.

вопросъ, далеко не второстепенный, и еще менѣе чуждый политикѣ русскаго двора; что новою организаціей, обезпечивая благосостояніе жителей Молдавіи и Валахіи, мы тѣмъ самымъ даемъ всѣмъ восточнымъ христіанскимъ народамъ нравственное доказательство великодушнаго покровительства Россіи и поддерживаемъ наше вліяніе на нихъ; что дѣло существенное— приказать вести переговоры о военной контрибуціи рядомъ съ утвержденіемъ регламентовъ Портой и не оставлять Княжествъ прежде, чѣмъ эти акты будутъ ратификованы и исполненіе ихъ предписано господарямъ, какъ основной законъ страны; наконецъ, что такой ходъ дѣла укрѣпитъ довѣріе молдаванъ и валаховъ, коихъ $^{9}/_{10}$ преданы Россіи, уничтожитъ проекты противниковъ ихъ благосостоянія и возстановитъ вліяніе Россіи на христіанскіе народы Востока, призванные, быть можетъ, скоро къ новымъ судьбамъ, которымъ Россія не будетъ чужда, не смотря на усилія тѣхъ, кто съ нѣкоторыхъ поръ старается отдалить отъ нея умы [1]).

Доводы эти шли въ разрѣзъ съ мнѣніями, господствовавшими по этому предмету въ Петербургѣ. Тамъ и слышать не хотѣли о продленіи занятія Дунайскихъ Княжествъ нашими войсками, находя такую мѣру въ высшей степени для насъ неудобною. Еще осенью 1831 года графъ Нессельроде писалъ Киселеву: «Что касается гарантіи, которую можетъ для насъ представить занятіе Княжествъ, то независимо отъ того, что это подниметъ противъ насъ крикъ въ Европѣ, турки могутъ, взамѣнъ уплаты контрибуціи, отказаться отъ верховенства надъ Княжествами, уже и теперь номинальнаго и безплоднаго. Но тогда, что мы сдѣлаемъ? Будетъ ли это выгодно для насъ? Доходы Княжествъ покроютъ ли издержки управленія и доставятъ ли, сверхъ того, въ наше казначейство сумму, равную турецкой контрибуціи? Мы въ этомъ сомнѣваемся. Объявимъ ли мы эти провинціи присоединенными къ Имперіи? Но въ виды государя вовсе не входитъ намѣреніе отодвигать границы своей имперіи до Дуная, и еще менѣе желаетъ его величество подобнымъ рѣшеніемъ дать поводъ къ безпокойству своимъ союзникамъ и къ клеветѣ своимъ врагамъ... Мнѣ остается повторить то, что я писалъ вамъ въ прежнихъ мо-

[1]) Киселевъ графу Нессельроде, 8 (20) марта и 26 сентября (8 октября) 1832.

ихъ депешахъ: что для насъ важно видѣть сколь возможно скорѣе Княжества организованными, господарей на своихъ мѣстахъ и наши войска готовыми выйти изъ Княжествъ, сохранивъ за нами Силистрію и военную дорогу до Прута [1].» Всегда осмотрительный, Киселевъ не съ разу рѣшился оспаривать эти разсужденія. Онъ отвѣчалъ вице-канцлеру, что и не помышлялъ о продолженіи занятія послѣ того, какъ Порта исполнитъ всѣ свои обязательства, но полагалъ полезнымъ воспользоваться медленностью веденныхъ Бутеневымъ въ Константинополѣ переговоровъ, чтобы сохранить наше положеніе на Дунаѣ до слѣдующей весны, съ цѣлью имѣть внушительное вліяніе на Порту, въ томъ случаѣ, если бы событія въ Польшѣ и усложненіе дѣлъ въ Европѣ заставили насъ придвинуть всѣ наши силы къ западнымъ границамъ. «Что касается присоединенія Княжествъ къ Имперіи,» извинялся онъ, «то я никогда не считалъ его полезнымъ для Россіи, даже и въ томъ случаѣ, если бы Порта отказалась отъ верховенства надъ ними... [2]).»

Высказываясь въ такомъ смыслѣ, Киселевъ не былъ искрененъ, не выражалъ дѣйствительнаго своего мнѣнія, а только подлаживался подъ тѣ мысли, которыя имѣли ходъ въ нашихъ высшихъ дипломатическихъ сферахъ. Зато, какъ только обстоятельства на Востокѣ приняли угрожающій оборотъ и на горизонтѣ его показалась новая туча, въ видѣ зарождавшейся распри между султаномъ и однимъ изъ его могущественнѣйшихъ вассаловъ, пашой египетскимъ, русскій правитель Княжествъ смѣло возвысилъ голосъ, чтобъ убѣдить свой дворъ не жертвовать, въ виду столь неопредѣленныхъ случайностей, сильною позиціей, занимаемою нами на рубежѣ Оттоманской имперіи. Въ секретной запискѣ, сообщенной одновременно вице-канцлеру и посланнику нашему въ Константинополѣ, онъ развивалъ слѣдующія положенія, мало заботясь о противорѣчіи ихъ со взглядомъ, высказаннымъ имъ же за полгода предъ тѣмъ.

«Несмотря на проявленное нами великодушіе и на дарованныя облегченія, Порта не исполнила еще всѣхъ обязательствъ, истекающихъ изъ адріанопольскаго договора: спорные округи не возвращены Сербіи, контрибуція не вносится въ установленные сроки, органическій уставъ не утвержденъ.

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву, 29 сентября (11 октября) 1831.
[2]) Киселевъ графу Нессельроде, 29 октября (10 ноября) 1831.

Если Порта поступаетъ такимъ образомъ, пока еще Княжества заняты нашими войсками, то чего же ожидать отъ нея по удаленіи войскъ? Петербургская конвенція, сократившая срокъ оккупаціи, не предвидѣла этого уклоненія турокъ отъ исполненія своихъ обязанностей. Поэтому имъ слѣдуетъ объявить, что въ виду нарушенія ими самими ея постановленій, дворъ нашъ не считаетъ себя болѣе связаннымъ ею и требуетъ исполненія условій адріанопольскаго договора и опредѣленнаго имъ десятилѣтняго срока оккупаціи нашими войсками Молдавіи и Валахіи. Выговаривая столь продолжительный срокъ, графъ Дибичъ имѣлъ въ виду, что будучи крайне неудобнымъ, не только для Турціи, но и для Австріи, срокъ этотъ побудитъ первую поторопиться исполненіемъ прочихъ постановленій мирнаго трактата, вторую же — содѣйствовать успѣшному исходу нашихъ переговоровъ съ турками, вмѣсто того, чтобы всячески тормозить и затруднять ихъ. Если же, по истеченіи десяти лѣтъ, разсуждалъ покойный фельдмаршалъ [1]), турки все же не исполнили бы принятыхъ на себя обязательствъ, то Россія получила бы право искать вознагражденія въ присоединеніи Дунайскихъ Княжествъ, а Европа, свыкнувшаяся съ нашимъ продолжительнымъ занятіемъ, не стала бы противиться этой мѣрѣ.

«Если бы мнѣ стали возражать,» заключилъ Киселевъ свою записку, «что цѣль русской политики состоитъ не въ расширеніи территоріи, то я отвѣтилъ бы, что ходъ событій сильнѣе нашихъ предвидѣній, и что Россія въ теченіе *столѣтія подвигалась впередъ съ береговъ Днѣпра не для того, чтобъ остановиться на берегахъ Прута*. Впрочемъ, чтобы не удаляться отъ предмета и возвращаясь къ преслѣдуемой мною цѣли, я изложу вкратцѣ мои выводы:

«1) Опасно даться въ обманъ хитрой политикѣ Порты, поддерживаемой нашими мнимыми друзьями.

«2) Петербургская конвенція предполагаетъ исполненіе адріанопольскаго договора, и слѣдуетъ воспользоваться неакуратностью турокъ въ осуществленіи условій этого дополнительнаго акта, чтобы вступить въ пользованіе правомъ, обезпеченнымъ статьей IV той же конвенціи.

«3) Нужно удержать Княжества въ видѣ залога, впредь

---

[1]) Графъ Дибичъ.

до исполненія главныхъ адріанопольскихъ условій, если мы не хотимъ лишиться плодовъ войны и всякаго вліянія на оттоманское министерство.

«4) Въ ожиданіи результата всѣхъ дѣйствій, начатыхъ въ этомъ смыслѣ, слѣдовало бы постараться извлечь наибольшую выгоду изъ занятія Княжествъ.

«5) Только этимъ способомъ мы можемъ заставить Порту и самую Австрію поступать согласно духу нашего послѣдняго договора, *на всякій же случай, линія Дуная такой наихудшій исходъ, коимъ пренебрегать не должно* [1].»

Нельзя было яснѣе высказаться въ пользу совершеннаго удержанія нами Дунайскихъ Княжествъ, хотя и трудно было разсчитывать на то, чтобы взглядъ этотъ былъ одобренъ въ Петербургѣ. Тамъ ублажали себя надеждой, «что, и не содержа въ нихъ войскъ, мы можемъ располагать ими по усмотрѣнію, въ мирное и военное время» [2]. Къ счастію, Порта медлила утвержденіемъ уставовъ, а еще болѣе уплатой контрибуціи. Въ маѣ 1832 года графъ Нессельроде выражался уже уклончиво объ оставленіи Молдавіи и Валахіи нашими войсками, говоря, что рѣшеніе по этому предмету можетъ быть принято лишь по утвержденіи регламента султаномъ [3]; осенью же онъ вынужденъ былъ написать Киселеву, что самъ государь раздѣляетъ взглядъ его и находитъ, что намъ не слѣдуетъ ослаблять наше положеніе въ Княжествахъ, пока продолжается турецко-египетскій кризисъ. «Мы должны знать, что станется съ Оттоманскою имперіей,» тономъ глубокаго убѣжденія прибавлялъ отъ себя вице-канцлеръ, «прежде чѣмъ двинуться изъ Княжествъ [4].»

Но кризисъ, какъ извѣстно, былъ непродолжителенъ. Лѣтомъ 1833 года онъ разрѣшился, съ одной стороны, миромъ между султаномъ и Мегеметъ-Али, съ другой—ункіяръ-искелесскимъ договоромъ, установившимъ тѣсныя союзническія отношенія между Россіей и Турціей.

---

[1]) Секретная записка Киселева, отъ 21 апрѣля (3 мая) 1832. Біографъ Киселева, И. П. Заблоцкій-Десятовскій, хотя и напечаталъ записку эту цѣликомъ въ приложеніяхъ, составляющихъ четвертый томъ жизнеописанія, но въ самомъ текстѣ своего труда не упоминаетъ о ней ни единымъ словомъ.

[2]) Графъ Нессельроде великому князю Константину Павловичу 12 (24) февраля 1830.

[3]) Графъ Нессельроде Киселеву, 5 (17) мая 1832.

[4]) Графъ Нессельроде Киселеву, 31 октября (12 ноября) 1832.

Даже при этихъ измѣнившихся обстоятельствахъ Киселевъ считалъ необходимымъ не покидать Молдавіи и Валахіи, а стремиться къ полному удержанію ихъ. Онъ не вѣрилъ въ прочность положенія, созданнаго ункіяръ-искелесскимъ трактатомъ. «Ты говоришь,» писалъ онъ творцу его, графу Орлову, находившемуся въ Константинополѣ въ званіи чрезвычайнаго посла и съ которымъ онъ состоялъ въ самыхъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, «что сомнѣваешься въ дружбѣ турецкихъ министровъ, а я увѣренъ, что они насъ ненавидятъ; не надо разсчитывать и на дружбу султана, который при первомъ поворотѣ вѣтра перемѣнится въ чувствахъ своихъ къ намъ. То, что ты говоришь о Княжествахъ, недостаточно; надо разсѣчь узелъ, отсрочить уплату контрибуціи, оставить за нами провинціи въ теченіе десяти лѣтъ. Я думаю такъ, потому что считаю Дунай границей имперіи, и, не смотря на Нессельроде и всѣхъ вашихъ петербургскихъ политиковъ, сила вещей возьметъ верхъ надъ системой, и мы будемъ тамъ, гдѣ намъ должно быть. Продолжая оккупацію, мы пріучимъ умы насъ видѣть, и присоединеніе сдѣлается удобнѣе. Оставить добровольно выгодное положеніе, въ которомъ мы находимся, будетъ глупостью, которую вы, я увѣренъ, не потерпите [1]).»

Орловъ отозвался, что въ инструкціяхъ его ничего не упоминается о Молдавіи и Валахіи, но обѣщалъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, дѣйствовать въ смыслѣ Киселева [2]). Послѣдній навѣстилъ друга на возвратномъ пути его изъ Константинополя, во время пребыванія въ одесскомъ карантинѣ. Тамъ передалъ онъ ему записку, въ которой снова и подробно излагалъ свои соображенія. Въ частномъ письмѣ, отправленномъ въ догонку за Орловымъ въ Петербургъ, Киселевъ жаловался, между прочимъ, на то, что министерство иностранныхъ дѣлъ намекаетъ, будто имъ, Киселевымъ, руководятъ своекорыстныя цѣли и желаніе сохранить за собою видное положеніе правителя цѣлаго края. Онъ ѣдко насмѣхался надъ письменными замѣчаніями, составленными въ министерствѣ, въ опроверженіе проекта, имъ представленнаго. «Я бы прямо сказалъ,» замѣчалъ онъ, «на мѣстѣ редактора: «мы, Божіею милостію,

---

¹) Киселевъ графу Орлову, 8 (20) іюня 1833.

²) Графъ Орловъ Киселеву, 19 іюня (1 іюля) 1833.

чиновники дипломатической канцеляріи, не хотимъ спорить ни съ кѣмъ, а жить въ мирѣ со всѣми; генералъ же Киселевъ—честолюбецъ, желающій сохранить за собою мѣсто и власть, хотя бы на нѣсколько мѣсяцевъ еще, и вотъ почему онъ говоритъ намъ, что впрочемъ уже предсказывалъ въ прошломъ году, а именно: положеніе Турціи не позволяетъ намъ оставить нашу военную позицію на Дунаѣ, и позиція эта, если она будетъ признана необходимою, требуетъ соединенія гражданской и военной власти въ одномъ лицѣ, дабы онѣ въ рѣшительную минуту не пришли между собою въ столкновеніе и не стали требовать инструкцій, одна изъ Константинополя, другая—изъ Петербурга». Все же остальное совершенно излишне, это такая чепуха, въ которой я ровно ничего не понимаю, но которая мнѣ непріятна потому, что пытается навязать мнѣ непослѣдовательность въ мнѣніяхъ, каковой я никогда не имѣлъ.» Одновременно Киселевъ отправилъ къ Нессельроде просьбу объ увольненіи отъ занимаемаго имъ мѣста полномочнаго предсѣдателя и объ отозваніи изъ Княжествъ [1]).

Несогласія Киселева съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ по вопросу о продленіи нашей оккупаціи были доложены Орловымъ государю. Императоръ Николай сказалъ по этому поводу: «Никто болѣе меня не воздастъ справедливости Киселеву; я цѣню заявленныя имъ соображенія; они всѣ въ моемъ интересѣ, равно какъ и въ интересѣ имперіи, но нельзя ни отъ кого требовать невозможнаго, и въ общей политикѣ существуютъ высшія соображенія, преодолѣть которыя нельзя [2]).» Въ Петербургъ ожидали турецкаго чрезвычайнаго посла Ахметъ-пашу и предпочли отложить до его прибытія окончательное разрѣшеніе возбужденныхъ Киселевымъ вопросовъ. Между тѣмъ, государь отправился въ Мюнхенгрецъ, въ Чехіи, на свиданіе съ императоромъ австрійскимъ. По возвращеніи его величества, графъ Нессельроде увѣдомилъ Киселева въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, что императоръ благосклонно принялъ его просьбу объ отозваніи и въ томъ же письмѣ прибавилъ: «Я читалъ посланную вами Орлову записку о дѣлахъ Княжествъ и счелъ долгомъ представить ее государю, тѣмъ болѣе, что вашъ взглядъ на дѣла несогласенъ съ моимъ. Во всѣхъ воп-

---

[1]) Киселевъ графу Орлову, 27 іюля (8 августа) 1833.
[2]) Графъ Орловъ Киселеву, 29 іюля (10 августа) 1833.

росахъ, по которымъ я долженъ вести переговоры, я стараюсь прежде всего, чтобы государь могъ высказаться съ полнымъ знаніемъ дѣла, взвѣсивъ за и противъ, прежде чѣмъ постановить рѣшеніе. Въ особенности я люблю такъ поступать въ дѣлахъ, идущихъ отъ васъ, потому что всегда умѣю цѣнить ваши мнѣнія [1])».

Рѣшеніе не замедлило послѣдовать. 17-го (29-го) января 1834 года заключена была въ Петербургѣ конвенція съ Ахметъ-пашой. Въ силу ея, Порта обязывалась утвердить органическій уставъ и обнародовать его посредствомъ гатти-шерифа, по изданіи коего, спустя два мѣсяца, русскія войска должны были очистить Княжества, сохранивъ гарнизонъ въ Силистріи, впредь до окончательной уплаты контрибуціи. Мы же, со своей стороны, согласились, чтобы на первый разъ, господари были не избираемы собраніями, а назначены султаномъ изъ лицъ, предложенныхъ русскимъ дворомъ [2]). «Итакъ, дорогой другъ, наше дѣло съ турками окончено,» писалъ Киселеву Орловъ: «По собственному моему убѣжденію, въ виду положенія нашей общей политики, мы не могли, не должны были дѣйствовать иначе. Я не войду въ споръ на письмѣ, ибо въ настоящее время полемика была бы не только безполезною, но и вредною. Императоръ самъ занимался дѣломъ, ни одна подробность переговоровъ не ускользнула отъ него, и все было окончено согласно его рѣшенію [3].»

Не подлежитъ сомнѣнію, что поѣздка въ Чехію не осталась безъ вліянія на это рѣшеніе государя. Въ Мюнхенгрецѣ, Меттернихъ, успѣвшій разгадать его рыцарскій характеръ, взывалъ къ его великодушію и лучше достигъ своихъ цѣлей, чѣмъ прежде, во время русско-турецкой войны, переходя отъ убѣжденія къ угрозѣ. Княжества были оставлены нами, потому что оккупація наша возбуждала страхъ и тревогу вѣнскаго двора, трепетавшаго при одной мысли о возможности утвержденія нашего на Дунаѣ. Уступку эту государь сдѣлалъ Австріи, покорной, и притворявшейся намъ искренно дружественною. Такимъ образомъ, существенный русскій интересъ, самимъ императоромъ Николаемъ признанный за таковой,

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву, 21 ноября (2 декабря) 1833.

[2]) С.-Петербургская конвенція, заключенная между Россіей и Турціей 17 (29) января 1834.

[3]) Графъ Орловъ Киселеву, 26 января (7 февраля) 1834.

былъ принесенъ въ жертву соображеніямъ общей политики, покоившейся на предположеніи полной взаимности чувствъ, одушевлявшихъ союзныхъ монарховъ, русскаго и австрійскаго. Но то, что было для нашего государя нравственнымъ догматомъ, со стороны императора Франца и его министра было лишь политическимъ разсчетомъ. Неспособный къ обману, императоръ Николай не допускалъ и мысли, чтобы въ комъ и когда-либо разсчетъ могъ прикрываться личиною дружбы.

По назначеніи, въ апрѣлѣ 1834 года, Михаила Струдзы господаремъ молдавскимъ и Александра Гики валашскимъ, русскія войска выступили изъ Княжествъ. Составленный нами органическій уставъ былъ еще ранѣе введенъ въ дѣйствіе какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи. Новые господари были указаны Портѣ императорскимъ кабинетомъ. Не смотря на все это, въ Петербургѣ не были довольны положеніемъ дѣлъ въ Дунайскихъ Княжествахъ. Нѣкоторое разочарованіе звучитъ въ заключительныхъ строкахъ, посвященныхъ барономъ Бруновымъ, въ извѣстной запискѣ, изложенію нашей дипломатической дѣятельности по отношенію къ Молдавіи и Валахіи: «Органическій уставъ составляетъ нынѣ основное правило молдавской и валашской администраціи. По соглашенію, состоявшемуся между нашимъ дворомъ и Портой, условлено, что никакое измѣненіе не можетъ быть внесено господарями въ этотъ регламентъ безъ предварительнаго согласія обоихъ дворовъ. Таково основаніе настоящаго внутренняго порядка въ Княжествахъ въ силу адріанопольскаго трактата. Обязанность наша наблюдать, дабы ихъ преимущества строго сохранялись и воспрепятствовать тому, чтобъ они пользовались либо большими, либо меньшими правами, сравнительно съ тѣми, которыя допускаются настоящимъ способомъ ихъ политическаго существованія. Ихъ полное освобожденіе отнюдь не согласовалось бы съ намѣреніями императора. Напротивъ, его величество пользуется всякимъ случаемъ, чтобы подавить и разочаровать тайную надежду молдаванъ и валаховъ на достиженіе совершенной независимости [1].»

Подводя итоги нашей дипломатической дѣятельности въ единовѣрныхъ намъ христіанскихъ княжествахъ Балканскаго полуострова въ первое десятилѣтіе по заключеніи адріаноноль-

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

скаго трактата, нельзя не признать ихъ крайне неудовлетворительными. Не смотря на впечатлѣніе, произведенное нашими побѣдами, на обширныя права, предоставленныя намъ мирнымъ договоромъ, русское вліяніе отнюдь не усилилось ни въ Дунайскихъ Княжествахъ, ни въ Сербіи, и если оно не упало тамъ окончательно, какъ въ Греціи, то благодаря исключительно той, чисто внѣшней зависимости, въ которую области эти были поставлены трактатами относительно русскаго двора. Не было сдѣлано ни малѣйшей попытки связать ихъ интересы нравственные и матеріальные съ нашими, развить и упрочить тѣ задатки общенія, которые заключались въ единствѣ вѣры, отчасти въ племенномъ родствѣ, наконецъ, въ историческихъ преданіяхъ. Единственными представителями и проводниками русскаго вліянія въ балканскихъ земляхъ были, по выступленіи нашихъ войскъ, дипломатическіе чиновники, большею частію не русскіе по воспитанію и всему умственному складу, чуждые народнымъ вѣрованіямъ, стремленіямъ, обычаямъ, нравамъ. Они не только не сочувственно, но какъ бы недовѣрчиво и враждебно относились къ православному населенію, слѣдуя въ данномъ случаѣ примѣру, подаваемому имъ самими руководителями нашей дипломатіи. Не даромъ графъ Нессельроде въ числѣ причинъ, побудившихъ императорскій кабинетъ предпочитать сохраненіе Турціи ея распаденію выставлялъ опасеніе, что государства, образованныя на развалинахъ Оттоманской имперіи, не замедлятъ соперничать съ нами въ могуществѣ, цивилизаціи, промышленности и богатствѣ [1]). Не даромъ стремленія христіанскихъ подданныхъ султана сбросить ненавистное иго мусульманъ онъ объяснялъ происками «апостоловъ французской и польской пропаганды, прикрывающихся личиной славянства» [2]).

Сердце его лежало гораздо болѣе къ придуманной имъ политической комбинаціи, заключавшейся въ томъ, чтобы всячески содѣйствовать сохраненію Оттоманской имперіи. «Если,» писалъ онъ, «мы не хотѣли погибели турецкаго правительства, то мы должны искать средства поддержать его въ настоящемъ его видѣ.» Онъ убѣдилъ императора Николая обратить это по-

[1]) Графъ Нессельроде цесаревичу Константину Павловичу, 12 (24) февраля 1830.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ вице-канцлера за 1845 годъ.

ложеніе въ основное правило своей восточной политики, обѣщая, что, обязанная намъ своимъ существованіемъ, Порта подчинится нашему вліянію, которое такимъ образомъ станетъ преобладающимъ въ Константинополѣ и на всемъ Востокѣ.

Такимъ образомъ, на обращеніи турокъ изъ вѣковыхъ нашихъ враговъ въ нашихъ друзей и кліентовъ, были преимущественно сосредоточены усилія современной русской дипломатіи.

Подобный оборотъ предвидѣли въ западной Европѣ. «Или я сильно ошибаюсь,» пророчилъ Меттернихъ, «или мы увидимъ императора Николая, разыгрывающимъ съ этой минуты роль покровителя турокъ. Неужели герцогъ Веллингтонъ непремѣнно желаетъ бросить султана въ объятія его вѣчнаго врага, подъ условіемъ стать не болѣе какъ русскимъ господаремъ въ Константинополѣ? Во всякомъ случаѣ султанъ предпочтетъ остаться тамъ въ этомъ званіи, чѣмъ быть изгнаннымъ оттуда [1].» Основываясь на этомъ разсчетѣ, представители великихъ державъ единогласно совѣтовали Портѣ, тотчасъ по ратификаціи адріанопольскаго мира, отправить въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, съ цѣлью вымолить смягченіе наиболѣе суровыхъ условій мирнаго договора. Такимъ посломъ былъ отправленъ къ намъ Халиль-паша, въ то самое время, какъ въ Константинополь прибылъ для возстановленія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей генералъ-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ.

Орловъ прибылъ въ Константинополь изъ нашей главной квартиры 13-го (25-го) ноября 1829 года. Въ дипломатической свитѣ его находились баронъ Брунновъ и совѣтникъ константинопольской миссіи Бутеневъ, тотчасъ же вступившій въ управленіе ею, въ ожиданіи пріѣзда посланника, графа Рибопьера. Турки приняли Орлова съ почетомъ и предупредительностью, не только какъ чрезвычайнаго посла, но и какъ лицо, близкое къ государю и пользовавшееся неограниченнымъ его довѣріемъ. Въ честь его были даны блестящія празднества, на одномъ изъ коихъ, а именно на балѣ у Капуданъ-паши, присутствовалъ самъ султанъ, случай безпримѣрный въ обиходѣ турецкаго двора [2]). Въ инструкціяхъ графу, ему пору-

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 16 (28) октября 1829.

[2]) Баронъ Оттенфельсъ князю Меттерниху, 29 ноября (10 декабря 1829. Рейсъ-эфенди старался извинить оказанное русскому послу отличіе желаніемъ султана собственными глазами увѣриться, въ какой мѣрѣ пригодны для

чалось пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ убѣдить султана Махмуда, его министровъ и приближенныхъ, что собственная польза побуждаетъ ихъ въ точности исполнить обязательства свои предъ Россіей и этимъ заслужить расположеніе императора Николая, никогда неотказывающаго въ поддержкѣ тѣмъ, кто полагается на его царское слово. Посолъ доказывалъ туркамъ, что система недовѣрія и вражды, которой такъ долго держались они въ отношеніи къ Россіи, привела ихъ къ цѣлому ряду несчастій и едва не причинила совершенной ихъ гибели. Такъ не лучше ли де отказаться отъ своихъ политическихъ преданій и испытать на дѣлѣ, что полное довѣріе къ намѣреніямъ русскаго двора болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ самой Порты, чѣмъ одушевлявшія ея доселѣ зависть и злоба [1]. Въ томъ же смыслѣ выражался и прибывшій къ своему посту въ самый новый годъ, 1-го (13-го) января 1830 года, посланникъ графъ Рибопьеръ. И Орловъ, и онъ близко сошлись съ сераскиромъ Хозревъ-пашой, наиболѣе вліятельнымъ изъ тогдашнихъ турецкихъ министровъ и любимымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ Махмуда въ дѣлѣ предпринятыхъ султаномъ коренныхъ государственныхъ преобразованій. Послѣдствіемъ было удаленіе отъ должности рейсъ-эфенди (министра иностранныхъ дѣлъ) Пертева, извѣстнаго своею непримиримою ненавистью къ иностранцамъ, въ особенности къ русскимъ. Уже вслѣдъ за подписаніемъ адріанопольскаго мира, Пертевъ на предложенія австрійскаго интернунція содѣйствовать Портѣ въ заключеніи займа, съ цѣлью скорѣйшей уплаты намъ военной контрибуціи, отвѣчалъ, что если бы Порта и была въ состояніи собрать столь значительныя суммы, то она лучше поступила бы, употребивъ ихъ на обновленіе своихъ военныхъ силъ, съ тѣмъ, чтобы возобновить войну съ исконнымъ врагомъ своимъ [2]). Оставленіе Пертева въ должности рейсъ-эфенди не соотвѣтствовало новой политикѣ, начинавшей проникать въ совѣты султана, и онъ былъ замѣщенъ Гамидъ-беемъ, бывшимъ вторымъ турецкимъ уполномоченнымъ во время адріанопольскихъ переговоровъ о мирѣ.

турокъ европейскіе нравы и обычаи, но въ успокоеніе интернунція прибавилъ: «съ Австріей мы дружны издавна, и между нами не предстоитъ надобности въ такихъ изъявленіяхъ вѣжливости».

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

[2]) Баронъ Оттенфельсъ, князю Меттерниху, 26 октября (10 ноября) 1829.

Возникшій вскорѣ вопросъ о признаніи султаномъ провозглашенной лондонскою конференціей полной независимости Греціи послужилъ къ еще большему сближенію между нашимъ дворомъ и Портой. Въ предшедшей главѣ изложено это рѣшеніе, основанное не на 10-й статьѣ адріанопольскаго договора, а на нотѣ, обращенной Портою къ посламъ англійскому и французскому, и которою она обязалась подчиниться приговору конференціи въ надеждѣ, что та улучшитъ условія 10-й статьи. На дѣлѣ вышло наоборотъ, и конференція не задумалась лишить султана верховныхъ правъ надъ Греціей, признанныхъ за нимъ въ Адріанополѣ. Турки считали себя обманутыми обѣими морскими державами и долго колебались признать февральскій протоколъ. Между тѣмъ, русскій посланникъ сообщилъ имъ готовность императора Николая уступить Портѣ одинъ милліонъ червонцевъ изъ контрибуціонныхъ суммъ, въ видѣ вознагражденія за добровольный отказъ отъ верховенства. Великодушное предложеніе это побудило министровъ султана обратиться за совѣтомъ, не къ Рибопьеру, товарищу мѣстныхъ англійскаго и французскаго пословъ, а къ Орлову, въ которомъ они видѣли проводника личныхъ воззрѣній государя. Рейсъ-эфенди признался ему въ затруднительномъ положеніи, въ которое поставило Порту неожиданное требованіе лондонской конференціи, и взывая къ его честности и къ тому участію, въ которыхъ графъ далъ уже столько доказательствъ Турціи, просилъ его указать на исходъ изъ столь критическихъ обстоятельствъ. Турецкій министръ выразилъ надежду, что государь не будетъ настаивать, чтобы Порта дала согласіе на условія болѣе тяжкія, чѣмъ выговоренныя адріанопольскимъ трактатомъ, такъ какъ послѣднія были признаны его величествомъ достаточными. Онъ не скрылъ негодованія, внушеннаго султану поведеніемъ дворовъ лондонскаго и парижскаго, обращающихъ нынѣ въ ущербъ Портѣ декларацію, которую послы ихъ выманили у нея, какъ средство улучшить положеніе, созданное 10-ю статьей адріанопольскаго договора. Итакъ, заключилъ онъ, друзья наши поступили съ нами какъ враги, враги же какъ друзья, а потому естественно съ нашей стороны обратиться къ недавнимъ врагамъ за совѣтомъ: какимъ образомъ выйти изъ настоящаго затрудненія? Графъ Орловъ отвѣчалъ крайне сдержанно, но ловко и умно. Греческій вопросъ, сказалъ онъ рейсъ-эфенди, не

входитъ въ кругъ возложеннаго на него порученія, тѣмъ не менѣе, онъ готовъ высказать по этому предмету мнѣніе свое, не какъ представитель государя, а какъ частное лицо, дорожащее всякимъ случаемъ доказать султану преданность свою и признательность за оказанное ему довѣріе. Онъ считаетъ долгомъ предупредить Порту, что она заблуждается полагая, что императоръ Николай можетъ въ дѣлѣ окончательнаго устройства Греціи отдѣлиться отъ союзниковъ своихъ; что, безъ сомнѣнія, еслибъ обязательства Порты истекали изъ одного адріанопольскаго трактата, государь никогда и не подумалъ бы измѣнить хотя бы одно изъ его условій, въ смыслѣ неблагопріятномъ для Турціи; но что рядомъ съ этимъ договоромъ существуетъ декларація, совершенно добровольно данная Портой посламъ морскихъ державъ, и которою она обязалась безусловно подчиниться рѣшеніямъ конференціи. Государь не можетъ воспрепятствовать своимъ союзникамъ сдѣлать изъ этой деклараціи то употребленіе, которое они почтутъ наиболѣе соотвѣтствующимъ общему благу. Напротивъ, лондонскимъ трактатомъ, его величество обязался всячески содѣйствовать приведенію въ исполненіе рѣшеній конференціи, и Порта можетъ быть увѣрена, что никакая власть въ мірѣ не въ состояніи заставить императора Николая нарушить данное слово. Въ виду этого обстоятельства, Портѣ не остается ничего другаго, какъ, со своей стороны, исполнить обязательство, принятое въ нотѣ ея къ англійскому и французскому посламъ и притомъ съ видомъ наибо̀льшей готовности, чтобъ извлечь сколько возможно выгоды изъ того, что̂ стало для нея неизбѣжною необходимостью. Русскій посолъ отказался войти въ разбирательство справедливости жалобъ, предъявленныхъ рейсъ-эфенди, противъ лондонскаго и парижскаго дворовъ, считая это совершенно безполезнымъ въ такую минуту, когда обстоятельства требовали немедленнаго подчиненія повелительной необходимости, и только замѣтилъ, что всякая попытка турокъ отвергнуть предъявленныя имъ условія можетъ лишь сдѣлать послѣднія еще болѣе тяжелыми, и единственное средство улучшить ихъ—какъ можно скорѣе и откровеннѣе вступить въ соглашеніе съ союзными дворами. Тотъ же совѣтъ повторилъ русскій посолъ и сераскиру, котораго нашелъ крайне опечаленнымъ и озабоченнымъ. Хозревъ прямо заявилъ Орлову, что единственное остающееся Портѣ средство

къ спасенію заключается въ тѣсномъ единеніи съ Россіей. Турки попросили было, чтобъ обѣщанный имъ милліонъ былъ вычтенъ не изъ военной контрибуціи, а изъ вознаграждения, выговореннаго въ пользу потерпѣвшихъ русскихъ подданныхъ. Но имъ объяснили, что послѣдняя сумма составляетъ собственность частныхъ лицъ и что правительство распоряжаться ею не въ правѣ. Они не настаивали, и послѣ того, какъ графъ Рибопьеръ оффиціально подтвердилъ обѣщаніе Орлова о сложеніи со счетовъ одного милліона червонцевъ, короткою нотой извѣстили представителей трехъ союзныхъ дворовъ о согласіи султана на постановленія конференціи; нашимъ же дипломатамъ объявили въ самыхъ признательныхъ выраженіяхъ, что Порта не можетъ болѣе сомнѣваться въ искренности участія, принимаемаго императоромъ Николаемъ, въ сохраненіи и благосостояніи Оттоманской имперіи, и что султанъ глубоко убѣжденъ, что русскій государь, бывшій доселѣ сильнѣйшимъ врагомъ его, станетъ отнынѣ его лучшимъ и могущественнѣйшимъ другомъ [1]).

Пока событія эти происходили въ Константинополѣ, въ Петербургѣ, чрезвычайный посланникъ Порты, Халиль-паша, получалъ новыя доказательства благосклоннаго расположенія государя къ побѣжденной Турціи. Въ первоначальныхъ инструкціяхъ, которыми снабженъ былъ Халиль, ему поручалось представить русскому двору о неудобоисполнимости всѣхъ условій адріанопольскаго договора и ходатайствовать о полномъ пересмотрѣ послѣдняго. Но Порта вынуждена была отмѣнить эти инструкціи, вслѣдствіе нашего категорическаго заявленія, что императорскій кабинетъ согласенъ вступить въ переговоры съ оттоманскимъ уполномоченнымъ исключительно по вопросу о военной контрибуціи. Такіе дополнительные переговоры предвидѣлись самымъ актомъ, посвященнымъ этому предмету въ Адріанополѣ. 3-ею его статьей вознагражденіе за военныя издержки опредѣлялось въ 10 милліоновъ голландскихъ червонцевъ, «способъ уплаты коихъ будетъ назначенъ его величествомъ императоромъ всероссійскимъ, вслѣдствіе обращенія, сдѣланнаго блистательною Портой къ его щедрости и великодушію». Значительное облегченіе даровалъ туркамъ главно-

---

¹) Прусскій посланникъ Ройе королю Фридриху-Вильгельму III, 14 (26) апрѣля 1830.

*

командующій графъ Дибичъ, согласясь первый взносъ въ счетъ вознагражденія, слѣдовавшаго русскимъ подданнымъ за понесенные ими убытки, принять не червонцами, а турецкою золотою монетой, считая по 30 піастровъ за червонецъ, стоившій по курсу 32$^{1}/_{2}$. Но въ Петербургѣ Халиль успѣлъ достигнуть еще бóльшихъ облегченій. Конвенціей, заключенною имъ съ графомъ Нессельроде, государь уменьшилъ военную контрибуцію на два милліона червонцевъ, не считая третьяго милліона, подареннаго Портѣ за признаніе независимости Греціи. Остальная сумма имѣла быть выплачиваема ежегодными взносами по одному милліону каждый. Но этимъ не ограничивалась милость императора Николая. Онъ, какъ уже было выше замѣчено, добровольно отказался отъ выговореннаго въ Адріанополѣ десятилѣтняго права оккупаціи Дунайскихъ Княжествъ русскими войсками, обѣщая вывести ихъ оттуда тотчасъ по уплатѣ Портой вознагражденія за убытки русскихъ подданныхъ. До окончательной же расплаты мы удерживали за собою крѣпость Силистрію, съ правомъ пользоваться проложенною чрезъ Княжества военною дорогой [1]).

Такое безпримѣрное великодушіе русскаго государя превзошло ожиданія самой Порты и поразило удивленіемъ всю Европу. Одинъ Меттернихъ отозвался о немъ саркастически, замѣтивъ, «что царь,—посредствомъ денежной сдѣлки, безъ существенной жертвы, окружившій себя ореоломъ великодушія, доказалъ, что умѣетъ простирать далеко искусство пользоваться ложными положеніями» [2]). Послѣдствія не замедлили сказаться въ Константинополѣ. Австрійскій интернунцій съ сокрушеннымъ сердцемъ доносилъ, «что русская миссія возвратила себѣ тамъ свое прежнее вліяніе; ничего-де не дѣлается безъ ея согласія, и всѣ народности, единовѣрныя Россіи и покровительствуемыя ею, наперерывъ заискиваютъ ея поддержки, дабы лучше преуспѣть въ своихъ дѣлахъ» [3]).

Можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что въ адріанопольскомъ договорѣ, долженствовавшемъ, по словамъ самого графа Нессельроде, «упрочить преобладающее вліяніе Россіи

[1]) Конвенція между Россіей и Турціей, заключенная въ С.-Петербургѣ 14 (26) апрѣля 1830.

[2]) Князь Меттернихъ барону Оттенфельсу, 8 (20) мая 1830.

[3]) Баронъ Оттенфельсъ князю Меттерниху, 14 (26) іюля 1830.

на Востокѣ» [1]), русскій дворъ удовольствовался подтвержденіемъ постановленій прежнихъ трактатовъ, а не выговорилъ особыхъ условій въ пользу православной церкви и ея послѣдователей въ Оттоманской имперіи. Такое упущеніе представляется весьма естественнымъ со стороны графа Нессельроде, который не могъ даже назвать единовѣрцевъ государя своими единовѣрцами. Но что императоръ Николай не былъ безучастенъ къ положенію послѣднихъ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ значеніемъ, которое онъ придавалъ распространенному въ то время по всей Европѣ слуху, будто султанъ Махмудъ, встрѣтивъ въ своихъ преобразованіяхъ противодѣйствіе со стороны высшаго магометанскаго духовенства и вообще фанатиковъ-мусульманъ, помышляетъ о принятіи христіанства и объ объявленіи христіанской вѣры господствующимъ исповѣданіемъ въ имперіи. Въ этомъ событіи государь видѣлъ наиболѣе угодный ему исходъ для всего Восточнаго вопроса, исходъ, который въ одинаковой степени удовлетворилъ бы и глубокому религіозному его чувству, и усвоенному имъ понятію о взаимныхъ отношеніяхъ монарха и подданныхъ. Разумѣется, онъ хотѣлъ, чтобы султанъ обратился въ православіе, отнюдь не въ католицизмъ или протестантство, и вотъ на прощальной аудіенціи Халиль-паша самъ подалъ ему поводъ затронуть этотъ вопросъ.

Турецкій посланникъ откланивался императору въ присутствіи директора азіятскаго департамента, Родофиникина, и старшаго драгомана нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, Фонтона. Принявъ изъ рукъ его величества письмо его къ султану, Халилъ спросилъ государя, не имѣетъ ли онъ возложить на него какого-либо словеснаго порученія, такого, которое не можетъ быть довѣрено бумагѣ. Подумавъ немного, императоръ отвѣчалъ: «Да, есть такія вещи, писать о которыхъ нельзя. Величайшее доказательство дружбы моей къ вашему повелителю былъ бы именно подобный совѣтъ, но я сомнѣваюсь въ возможности для васъ передать его.» Посланникъ молча поклонился. Государь продолжалъ: «Если такъ, то будемъ вполнѣ откровенны. Я поручаю вамъ сдѣлать словесное сообщеніе, впрочемъ условное. Вы передадите его другу мо-

[1]) Графъ Нессельроде цесаревичу Константину Павловичу, 12 (24) февраля 1830.

ему, султану, лишь при удобномъ случаѣ, если вамъ представится возможнымъ повторить мои слова его величеству, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе его. Я нахожу, что лучшее средство для государя утвердить свое государство, престолъ, династію, состоитъ въ томъ, чтобъ исповѣдовать религію великаго большинства своихъ подданныхъ.» Халиль, видимо смущенный, безмолвствовалъ. «Можете ли вы передать эти слова султану?» спросилъ его императоръ. «Ваше величество», возразилъ турокъ, «соблаговолили дать мнѣ условное приказаніе. Быть-можетъ, когда-нибудь и представится случай повторить дословно моему государю эти слова, которыя запечатлѣются въ моей памяти, какъ самое очевидное доказательство благоволенія вашего величества къ моему отечеству и дружбы къ моему повелителю [1]).»

Дошелъ ли до Махмуда совѣтъ императора Николая и какое произвелъ на него впечатлѣніе? Вопросъ этотъ не допускаетъ положительнаго отвѣта. Какъ бы то ни было, если подобное намѣреніе когда-либо и зародилось въ умѣ султана-преобразователя, то онъ вынужденъ былъ вскорѣ позабыть о немъ, въ виду грозной опасности, поколебавшей въ основаніи престолъ его, и спасеніемъ отъ коей онъ былъ исключительно обязанъ великодушію русскаго царя.

Въ числѣ признаковъ, обнаруживающихъ внутреннее разложеніе Оттоманской имперіи, независимо отъ стремленія ея христіанскаго населенія освободиться изъ-подъ власти турокъ, не лишены значенія часто повторяющіяся попытки мусульманскихъ правителей ея окраинъ отдѣлиться отъ нея и образовать независимыя отъ Порты государства. Такія попытки возобновились тотчасъ по заключеніи адріанопольскаго мира, пролившаго яркій свѣтъ на слабыя стороны константинопольскаго правительства. Въ Багдадѣ Даудъ-паша, а въ западныхъ областяхъ Европейской Турціи Мустафа-паша Скодрскій, отказали въ повиновеніи султану, но были безъ большаго

---

[1]) Разсказъ объ этомъ разговорѣ императора Николая съ Халилемъ заимствованъ изъ мало извѣстной книги, изданной въ 1877 году на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *l'Empire Ottoman 1839—1877 par un ancien diplomate.* Свидѣтельство автора заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ подъ этимъ псевдонимомъ скрывается одинъ изъ заслуженнѣйшихъ ветерановъ нашей дипломатіи на Востокѣ.

труда усмирены высланными противъ нихъ турецкими войсками. Совершенно иной исходъ имѣло возстаніе третьяго и самаго могущественнаго изъ вассаловъ Порты, правителя Египта, Мегметъ-Али.

Истребитель мамелюковъ, почти съ начала столѣтія, пользовался всѣми правами независимаго владѣтеля. Положеніе это онъ завоевалъ себѣ, частью важными услугами, оказанными султану, усмиреніемъ непокорныхъ аравійскихъ племенъ и дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ съ возставшими греками, частью страхомъ, внушаемымъ Портѣ его многочисленною арміей, устроенною и обученною на европейскій ладъ, сильнымъ флотомъ и богатою казной. Въ Африкѣ онъ счастливыми войнами распространилъ свои границы, покоривъ Нубію, Сенааръ, Донголу и Дарфуръ; въ Азіи султанъ ввѣрилъ его охранѣ отвоеванные имъ священные города Мекку и Медину; напослѣдокъ, по окончаніи русско-турецкой войны, въ его управленіе былъ отданъ Критъ, исключенный лондонскою конференціей изъ состава будущей Греціи. Но все это не удовлетворяло честолюбиваго старца, простиравшаго несравненно далѣе свои властные замыслы. Онъ настойчиво требовалъ отъ султана уступки всей Сиріи, предлагая за нее уплатить сполна контрибуцію, должную Турціей Россіи. Господство же надъ обширнымъ пространствомъ отъ Нила до Тавра имѣло подготовить возведеніе его самого на степень правителя всей Оттоманской имперіи, возрожденіе коей въ прежней силѣ и блескѣ было его любимою мечтою.

Махмудъ чуялъ опасность, угрожавшую ему со стороны столь ненасытнаго подручника, тѣмъ болѣе, что подозрѣнія его были возбуждены противъ Мегметъ-Али-паши Хозревомъ, давнимъ и непримиримымъ врагомъ послѣдняго. Султанъ не только не былъ расположенъ усиливать египетскаго пашу отдачей ему хотя бы за возвышенную дань обширной и богатой области, какова Сирія, но помышлялъ лишь о томъ, какъ бы ограничить его могущество. Со своей стороны, Мегметъ-Али, искусившійся въ хитрости и притворствѣ, не хотѣлъ гласнаго разрыва съ султаномъ, называя себя вѣрнымъ и преданнымъ его слугой. Поводомъ ко вторженію въ Сирію послужили ему личныя несогласія съ Абдулла-пашой Акскимъ. Осенью 1831 года египетское войско и флотъ, подъ начальствомъ сына Мегметъ-Али, Ибрагима, обложили Акку съ суши и съ моря и, благо-

даря содѣйствію ливанскаго эмира Бешира, овладѣли всѣми южными округами Сиріи. Порта потребовала немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій между обоими сосѣдними пашами, предписавъ имъ предстать на ея судъ; но Мегметъ-Али отказался повиноваться такому приказу и предъявилъ притязаніе на отдачу ему въ управленіе Аккской области. Махмудъ рѣшился воспользоваться случаемъ, чтобы смирить заносчиваго и опаснаго вассала. Изданъ былъ фирманъ, объявлявшій Мегметъ-Али-пашу и сына его Ибрагима лишенными ихъ званій и достоинствъ и предававшій ихъ проклятію. Сильное турецкое войско вступило въ Сирію, но не поспѣло на выручку Аккѣ, въ маѣ 1832 года вынужденной сдаться Ибрагиму. Вслѣдъ за тѣмъ, полководецъ этотъ сразился съ турецкою арміей при Гомсѣ и на голову разбилъ ее и разсѣялъ. Послѣдствіемъ было покореніе Ибрагимомъ всей Сиріи и занятіе имъ горныхъ проходовъ въ Таврскомъ хребтѣ, открывавшихъ ему доступъ въ Малую Азію.

Во время этихъ событій, отношенія къ намъ Порты успѣли измѣниться во многомъ. Она далеко уже не выказывала намъ прежняго вниманія и покорности. Со времени іюльской революціи, враждебныя намъ вліянія, англійское и французское, стали брать перевѣсъ надъ нашимъ на Босфорѣ. Преданный намъ рейсъ-эфенди, Гамидъ, былъ смѣщенъ и замѣненъ западникомъ Неджибомъ. Порта была даже не прочь воспользоваться затрудненіями, причиненными намъ возстаніемъ въ Польшѣ, чтобъ измѣнить, или по меньшей мѣрѣ отсрочить исполненіе обязательствъ, наложенныхъ на нее адріанопольскимъ договоромъ. «Такая политика, не совсѣмъ честная, не удивляетъ насъ», писалъ графъ Нессельроде, «но государь остается вѣрнымъ своей политикѣ, и поэтому она пріобрѣтаетъ ту нравственную силу, что принадлежитъ странѣ, ничего неполучающей изворотами и которая все, что пріобрѣла — пріобрѣла трактатами и побѣдами... Мы будемъ требовать съ твердостью и настойчивостью отъ Порты исполненія ея обязательствъ и, если нужно, выждемъ полнаго усмиренія Польши, чтобы напомнить турецкому правительству его обязанности, и опасности, отъ которыхъ адріанопольскій договоръ избавилъ султана и его имперію [1]).»

---

[1]) Графъ Нессельроде Киселеву 29 сентября (11 октября) 1831.

Начальствовавшій въ Дунайскихъ Княжествахъ П. Д. Киселевъ довольно основательно приписывалъ такой оборотъ направленнымъ противъ насъ интригамъ прочихъ великихъ державъ, нашихъ «такъ-называемыхъ» друзей и союзниковъ. Противодѣйствовать имъ онъ предлагалъ, съ самаго начала турецко-египетской распри, совершеннымъ измѣненіемъ въ нашей восточной политикѣ. Онъ считалъ вполнѣ доказаннымъ, что Оттоманская имперія переживаетъ кризисъ, который неминуемо приведетъ ее къ погибели; что три великія державы, «наши соперницы», Англія, Франція и Австрія, предвидя этотъ кризисъ, приняли мѣры къ созданію на Востокѣ интересовъ, враждебныхъ нашему вліянію; что Россія лишена средствъ, кромѣ разумѣется войны, чтобы настоять на осуществленіи своихъ договоровъ, другими словами, что она не пользуется ровно никакимъ вліяніемъ на восточныя дѣла. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Киселевъ полагалъ необходимымъ: 1) чтобы миссія наша въ Константинополѣ разъяснила Портѣ враждебные ея цѣлости замыслы западныхъ державъ и убѣдила ее, что противопоставить врагамъ своимъ она можетъ лишь союзъ съ Россіей; 2) чтобы въ доказательство искренности нашего къ ней расположенія была ей предложена нами матеріальная помощь, въ видѣ отсрочки контрибуціонныхъ платежей, уступки военныхъ судовъ и другихъ флотскихъ принадлежностей, и даже обѣщана поддержка войсками, въ случаѣ угрозъ или насилія со стороны прочихъ великихъ державъ по египетскому дѣлу; 3) но, чтобы Порта дала намъ также нѣкоторыя гарантіи, какъ, напримѣръ, признаніе нашего права покровительства восточнымъ христіанамъ и уступку гавани при входѣ въ Босфоръ, которая послужила бы надежною охраной нашей черноморской торговлѣ, этому постоянному предмету зависти европейскихъ правительствъ по отношенію къ намъ. Мѣры эти, утверждалъ Киселевъ, обезпечили бы исполненіе договора, купленнаго цѣной тяжкихъ жертвъ, отъ «посредничества протоколовъ» и, въ случаѣ окончательнаго распаденія Турціи, утвердили бы за нами неоспоримое преобладаніе на Востокѣ [1]).

Но въ Петербургѣ иначе смотрѣли на отношенія къ Россіи великихъ державъ. Безусловно враждебною намъ считали одну орлеанскую Францію, скорбѣли о «чудовищномъ» согла-

---

[1]) Киселевъ графу Нессельроде, 21 апрѣля (3 мая) 1832.

шеніи съ нею Великобританіи, но вѣрили въ искренность дружественныхъ чувствъ, въ которыхъ, тотчасъ послѣ іюльскаго переворота 1830 года, снова принялись увѣрять насъ Пруссія и въ особенности Австрія. Меттернихъ всячески заискивалъ въ насъ и, нуждаясь въ нашей помощи со стороны революціоннаго Запада, притворялся что вполнѣ раздѣляетъ и одобряетъ нашу восточную политику. По выраженію его, «между мнѣніями императора всероссійскаго и его августѣйшаго государя не существовало ни малѣйшей разницы въ воззрѣніяхъ на турецко-египетскій вопросъ и въ оцѣнкѣ опасности, которую вызвало бы для обѣихъ державъ распаденіе Оттоманской имперіи» [1]).

Австрійскій канцлеръ былъ отчасти правъ. Императоръ Николай желалъ содѣйствовать сохраненію Турціи безъ всякой задней мысли, потому, во-первыхъ, что обѣщалъ это султану чрезъ Халиль-пашу; во-вторыхъ, потому, что въ турецко-египетской распрѣ Махмудъ являлся законнымъ государемъ, а Мегметъ-Али мятежнымъ его подданнымъ. Какъ только узналъ императоръ о первомъ столкновеніи египетскихъ войскъ съ турецкими въ Сиріи, онъ приказалъ отозвать русскаго консула изъ Александріи, снять гербъ съ воротъ консульства, спустить русскій флагъ и вызвать всѣхъ проживающихъ въ Египтѣ русскихъ подданныхъ [2]).

Консульскимъ представителемъ нашимъ въ Египтѣ былъ мѣстный житель и торговецъ, французъ по происхожденію, Лавизонъ. Онъ сообщилъ Мегметъ-Али-пашѣ о полученномъ имъ высочайшемъ повелѣніи и о причинахъ, его вызвавшихъ. Паша хотя не выразилъ ему своего сожалѣнія, но не могъ не признать, что мѣра эта доказываетъ, что Россія неизмѣнно вѣрна своимъ основнымъ началамъ и строго соблюдаетъ договоры. «Ужъ не хочетъ ли она», спросилъ онъ, «оказать помощь султану Махмуду? Это разстроило бы всѣ мои разсчеты.» При вторичномъ свиданіи съ консуломъ Мегметъ-Али сказалъ ему, что императорскій кабинетъ вѣроятно не отозвалъ бы его, если бы зналъ объ успѣхахъ египетскихъ войскъ въ Сиріи; что по всѣмъ вѣроятностямъ египетское сухопутное войско будетъ разбито турками, но флотъ восторжествуетъ

[1]) Князь Меттернихъ Прокешу. 11 (23) февраля 1833.
[2]) Бутеневъ Лавизону, 18 (30) іюля 1832.

надъ турецкимъ; что онъ сожалѣетъ объ отъѣздѣ Лавизона, который могъ бы остаться въ качествѣ простаго торговаго агента, дабы доносить своему двору о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Египтѣ. Паша распространился о причинахъ, вызвавшихъ вторженіе войскъ его въ Сирію, о неисполненіи Портой обѣщаній, о необходимости для него самому добыть то, что должно ему принадлежать. Онъ упомянулъ о сочувствіи къ нему населенія Сиріи и Малой Азіи, о вѣроятномъ паденіи Махмуда; но увѣрялъ, что самъ не хочетъ замѣстить его, а будетъ уважать права дѣтей его, наслѣдниковъ Пророка. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ возвратился къ вопросу о союзной помощи, которую одна Россія можетъ оказать султану. «Я не думаю, чтобъ ей это было удобно,» замѣтилъ паша. «Султанъ Махмудъ никогда не будетъ имѣть средствъ расплатиться съ нею, потому что государь этотъ самъ безсиленъ поддержать Исламъ, тогда какъ небрежность министровъ его причинитъ распаденіе его державы. Впрочемъ, я все предвижу и готовъ на все [1].»

Донесеніе Лавизона о мнѣніяхъ, высказанныхъ Мегметъ-Али-пашой при прощаніи съ нимъ, дошло до Петербурга одновременно съ сообщеніями нашего посланника въ Константинополѣ о побѣдахъ Ибрагима надъ турками, покореніи всей Сиріи и овладѣніи таврскими перевалами, откуда египетскій военачальникъ угрожалъ Малой Азіи и самому Константинополю. Преемникъ Рибопьера, А. П. Бутеневъ, доносилъ, что мусульманское населеніе занятыхъ египтянами областей, высказывается въ ихъ пользу, и что въ случаѣ приближенія ихъ къ Царьграду, въ самой столицѣ можно опасаться возстанія противъ Махмуда. Получивъ эти извѣстія, государь хотѣлъ было немедленно предложить военную помощь султану. Но мѣра эта показалась вице-канцлеру слишкомъ рѣшительною, въ особенности вслѣдствіе тѣхъ подозрѣній, которыя она могла внушить европейскимъ державамъ. Тогда государь настоялъ на отправленіи особаго уполномоченнаго съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Константинополь и Александрію.

Выборъ его величества палъ на генералъ-лейтенанта Н. Н. Муравьева, неоднократно исполнявшаго уже дипломатическія

---

[1]) Лавизонъ Бутеневу, 11 (23) сентября 1832.

порученія въ Персіи и въ Хивѣ, и къ тому же говорившаго по-турецки. Ему предписывалось отплыть на русскомъ военномъ суднѣ изъ Севастополя въ Царьградъ, и заручившись тамъ согласіемъ султана, отправиться въ Александрію и словесно передать Мегметъ-Али-пашѣ выраженіе неудовольствія русскаго императора.

Вице-канцлеръ снабдилъ Муравьева пространною инструкціей. Изложивъ опасный оборотъ, принятый послѣдними событіями на Востокѣ, графъ Нессельроде высказывалъ опасеніе, какъ бы они не привели къ окончательному распаденію Турціи. Такой исходъ лишилъ бы насъ выгодъ, обезпеченныхъ за нами адріанопольскимъ договоромъ и вынудилъ бы насъ снова взяться за оружіе. Если бы Мегметъ-Али-пашѣ удалось низвергнуть султана и самому замѣнить его, то и это обстоятельство имѣло бы самыя вредныя для насъ послѣдствія. Французское вліяніе, преобладавшее въ совѣтахъ паши египетскаго, вмѣстѣ съ нимъ перенеслось бы въ Константинополь. Столица эта стала бы убѣжищемъ всѣхъ революціонныхъ выходцевъ, злоумышляющихъ противъ Россіи. Да и вообще, замѣна сосѣда слабаго и побѣжденнаго торжествующимъ и сильнымъ могла бы состояться только намъ во вредъ. «Всѣ эти соображенія,» продолжалъ вице-канцлеръ, «привели нашего августѣйшаго государя къ убѣжденію, что вѣрно понятыя пользы его имперіи требуютъ съ нашей стороны содѣйствія къ предупрежденію паденія султана Махмуда и къ поддержанію Турціи въ ея нынѣшнемъ положеніи. Будучи проникнутъ важностью этой истины, императоръ рѣшился громко высказаться противъ возстанія вице-короля египетскаго и употребить все свое нравственное вліяніе, дабы остановить его успѣхи. Принявъ это рѣшеніе, его величество избралъ васъ, генералъ, возвѣстителемъ своей воли. Вамъ надлежитъ объявить ее безъ замедленія. Величіе Россіи требуетъ, чтобъ она первая высказывалась въ Европѣ каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о судьбахъ Востока.»

Упомянувъ о выраженной Мегметъ-Али-пашой нашему консулу увѣренности, что послѣдній не былъ бы отозванъ, если бы въ Россіи знали объ успѣхахъ египтянъ въ Сиріи, графъ Нессельроде заявлялъ, что порученіе, возлагаемое на Муравьева, должно было служить отвѣтомъ на это дерзкое предположеніе. Генералу вмѣнялось въ обязанность, съ одной

стороны, разъяснить султану истинное значеніе своего посольства, съ другой—расположить пашу къ миру. Ему слѣдовало по прибытіи въ Константинополь вручить Махмуду собственноручное письмо государя и, дѣйствуя въ согласіи съ нашимъ посланникомъ, стараться внушить какъ султану, такъ и его министрамъ, полное довѣріе къ нашимъ намѣреніямъ. Онъ долженъ былъ разъяснить имъ, что мы отнюдь не имѣемъ въ виду, подъ предлогомъ замиренія Египта, вмѣшиваться въ распрю Порты съ пашой и искать случая распространить наше вліяніе на Востокѣ. Еще менѣе хотимъ мы опередить Англію въ предложеніи туркамъ нашей матеріальной помощи. Государь считаетъ лишь своимъ долгомъ произнести громкое осужденіе дѣлу возстанія и дать новое доказательство дружескаго расположенія своего къ султану, или, выражаясь словами императорскаго письма, заявить, что какой бы оборотъ ни приняли событія, императоръ «всегда останется врагомъ мятежа и вѣрнымъ другомъ султана».

Египетскому пашѣ Муравьевъ приглашался высказать въ выраженіяхъ умѣренныхъ, но твердыхъ, что императоръ, считая себя охранителемъ мира на Востокѣ, не можетъ равнодушно относиться къ происшествіямъ, угрожающимъ этому миру; что онъ торжественно осуждаетъ возстаніе, клонящееся къ нарушенію покоя Оттоманской имперіи; наконецъ, что только немедленнымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ паша можетъ снова возвратить себѣ расположеніе государя. Но генералу не разрѣшалось принимать на себя посредничества между пашой и султаномъ; онъ долженъ былъ ограничиться совѣтомъ первому обратиться съ примирительными предложеніями непосредственно къ Портѣ. Въ случаѣ же, если бы Мегметъ-Али не поддался убѣжденіямъ, Муравьевъ имѣлъ объявить ему, что императоръ Николай никогда не измѣнитъ своихъ рѣшеній, что если возстанію даже удастся низвергнуть султана, то и тогда государь не признаетъ новаго порядка въ Турціи, и что, въ виду такой случайности, Россія сумѣетъ отстоять и заставить признавать права, принадлежащія ей по заключеннымъ съ Портой договорамъ [1]).

Инструкціи эти не удовлетворили Муравьева. Онъ нашелъ ихъ «боязливыми, исполненными изворотливыхъ выраженій,

[1]) Графъ Нессельроде Муравьеву, 1 (13) ноября 1832.

неопредѣлительностей и двусмысленностей, какъ обыкновенно пишутся у насъ дипломатическія бумаги». Недоумѣніе его возбуждали два обстоятельства: во-первыхъ, успѣхъ, ожидаемый отъ угрозы, неподдержанной движеніемъ войскъ и умолчаніе о томъ, какъ ему слѣдуетъ поступить въ случаѣ, если бы паша отказался даже принять его; во-вторыхъ, приказаніе объявить пашѣ, что въ случаѣ низверженія султана, Россія будетъ силой оружія отстаивать права свои, пріобрѣтенныя адріанопольскимъ трактатомъ. «Что бы мнѣ оставалось дѣлать,» разсуждалъ онъ, «если бы паша отвѣтилъ мнѣ на сіе, что онъ съ низверженіемъ султана счелъ бы обязанностью сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портой и доказалъ бы мнѣ собственными моими словами, что на меня возлагалось защищать не султана, а трактатъ адріанопольскій, что было бы совершенно противно всей цѣли посольства, ибо мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтали именно то, чего опасались, то-есть, вмѣсто султана, сосѣда сильнаго и безпокойнаго [1].» За разрѣшеніемъ этихъ недоумѣній онъ обратился къ вице-канцлеру. Тотъ въ дополнительной инструкціи извѣстилъ его, что посланникъ нашъ въ Константинополѣ офиціальнымъ письмомъ увѣдомитъ Мегметъ-Али-пашу о порученіи, возложенномъ на генерала, но что если бы паша, подъ предлогомъ перерыва нашихъ сношеній съ Египтомъ, отказался вступить съ нимъ въ переговоры, то ему остается сущность своего словеснаго сообщенія изложить въ письменной деклараціи на имя паши [2]. Проектъ этой деклараціи, составленной въ смягченныхъ выраженіяхъ (Мегметъ-Али-пашѣ давался въ ней, между прочимъ, непринадлежавшій ему титулъ вице-короля), былъ приложенъ къ инструкціи. Второе же и самое важное возраженіе Муравьева такъ и осталось безъ разъясненія. Вице-канцлеръ отозвался, что хотя замѣчаніе генерала и справедливо, но что такъ какъ инструкція уже читана и утверждена государемъ, то онъ не рѣшился измѣнить ее [3]. За то, въ другомъ дополненіи къ главному наставленію, графъ Нессельроде предвидѣлъ двѣ случайности: во-первыхъ, что султанъ не согласится на поѣздку Муравьева въ Александрію; во-вторыхъ, что султанъ пожелаетъ чрезъ него передать Мегметъ-Али-

[1]) Н. Н. Муравьевъ: «*Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*», стр. 6.
[2]) Графъ Нессельроде Муравьеву, 1 (13) ноября 1832.
[3]) Н. Н. Муравьевъ: «*Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*», стр. 15.

нашѣ свои условія мира и примиренія. Въ первомъ случаѣ генералу надлежало почесть свое порученіе оконченнымъ и возвратиться въ Петербургъ прямо изъ Константинополя; во второмъ — просить султана отправить вмѣстѣ съ нимъ собственнаго уполномоченнаго въ Александрію [1]).

Бумаги, которыми снабдилъ вице-канцлеръ Муравьева дополнялись копіями съ предписанія нашему посланнику въ Константинополѣ объ оказаніи генералу полнаго содѣйствія въ исполненіи возложеннаго на него порученія [2]) и съ собственноручнаго письма императора Николая къ султану. Насколько дипломатическія депеши были многорѣчивы и неопредѣленны, настолько императорское письмо отличалось краткостью, ясностью и достоинствомъ. Государь изъявлялъ желаніе доказать падишаху, что переданныя ему чрезъ Орлова и Халиля увѣренія въ дружбѣ не пустыя слова, а выражаютъ чувство истинное и прочное. Напомнивъ объ осужденіи египетскаго возстанія, выраженномъ отозваніемъ изъ Александріи русскаго консула, его величество заявлялъ свое намѣреніе доказать предъ лицомъ всей Европы, что успѣхъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ ни поколебать его политики, ни измѣнить его дружбы. Цѣль отправленія въ Александрію генерала Муравьева—сообщить Мегметъ-Али-пашѣ взглядъ государя на его преступное предпріятіе и на тѣ послѣдствія, которыя ожидаютъ его въ случаѣ упорства. Слѣдовали приведенныя уже выше слова, что каковъ бы ни былъ ходъ событій, султанъ всегда найдетъ въ императорѣ врага мятежа и своего вѣрнаго друга. «Уповаю на Бога,» заключилъ государь письмо свое. «Надѣюсь, что онъ придастъ силу словамъ моимъ и благословитъ пожеланія мои въ пользу возстановленія мира на Востокѣ [3]).»

Столь же выразительны и откровенны были словесныя наставленія, коими императоръ Николай напутствовалъ своего чрезвычайнаго посланца. «Я хочу показать султану мою дружбу», сказалъ онъ Муравьеву. «Надобно защищать Константинополь отъ нашествія Мегметъ-Али. Вся эта война не что иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европой и въ особенности Франціей. Самое завоеваніе

[1]) Графъ Нессельроде Муравьеву, 1 (13) ноября 1832.
[2]) Графъ Нессельроде Бутеневу 1 (13) ноября 1832.
[3]) Императоръ Николай султану Махмуду 1 (13) ноября 1832.

Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбудили египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царьграда мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ оставаться въ покоѣ. Они нынѣ окружаютъ Мегметъ-Али-пашу, наполняютъ флотъ и армію его. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка, *надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока.*» Упомянувъ о волненіяхъ, производимыхъ разглашеніями египетскаго паши въ средѣ даже крымскихъ татаръ, государь продолжалъ: «Помни же, какъ можно больше вселять турецкому султану довѣренности, а египетскому пашѣ страху. Я еще хотѣлъ сообщить тебѣ одну вещь, которую ты долженъ хранить въ большой тайнѣ. Когда у меня былъ послѣ войны съ посольствомъ Халилъ-паша, мнѣ казалось изъ словъ его, что султанъ склоненъ къ принятію христіанской вѣры въ случаѣ крайности. Не говорю тебѣ о томъ, какъ о вещи рѣшенной. Но мнѣ такъ казалось, и предваряю тебя на случай, если бы ты въ разговорахъ съ султаномъ услышалъ или замѣтилъ что-либо подобное. Наконецъ, еслибъ онъ былъ изгнанъ изъ своего царства, то онъ найдетъ у меня пріютъ. Будь простъ въ обхожденіи, отъ сего зависитъ успѣхъ дѣла; ты тогда получишь довѣренность султана и угрозишь пашѣ. Ты знаешь по-турецки: это тебѣ много поможетъ. Конечно, трудно получить согласіе на участіе мое въ дѣлахъ его. Мнѣ также предлагали постороннее участіе, когда Польша взбунтовалась; но я не принялъ ничьихъ предложеній и самъ управился. Если султанъ будетъ въ крайности, онъ, можетъ быть, и согласится на примиреніе, чего бы я однакожъ на его мѣстѣ не сдѣлалъ. Въ такомъ случаѣ избѣгай посредничества. Мнѣ недавно писалъ князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ быть, настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства.» Муравьевъ спросилъ, что государю вѣроятно не угодно входить въ разбирательство ссоры султана съ пашой. «Нисколько,» отвѣчалъ императоръ, «дѣло ихъ, а мнѣ все равно, даже еслибъ египетскому пашѣ была уступлена вся Сирія [1].»

Письменныя инструкціи свои Муравьеву графъ Нессель-

---

[1]) Н. Н Муравьевъ: «*Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*», стр. 9—13.

роде также дополнилъ указаніями на словахъ. Генералу разрѣшалось при отправленіи изъ Константинополя въ Египетъ взять съ собою изъ тамошней миссіи драгомана, а если признаетъ нужнымъ, то и консула Лавизона; на обратномъ пути, въ случаѣ просьбы о томъ Мегметъ-Али-паши, привезти въ Константинополь египетскаго уполномоченнаго; принять отъ паши письмо, но только на имя вице-канцлера, а не государя; по возвращеніи въ Константинтинополь заѣхать въ турецкую армію, въ Малую Азію; наконецъ, требовать отъ Бутенева денежныя суммы на предвидѣнные расходы. Не смотря на такую предусмотрительность, Муравьевъ замѣтилъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ, сомнѣваясь въ успѣхѣ порученія, тщательно отстраняло отъ себя всякую отвѣтственность. «Оно,» жалуется генералъ въ своихъ запискахъ, «не принимало на себя никакихъ съ пашой письменныхъ сношеній, коими бы я признавался довѣреннымъ лицомъ его величества. Самую декларацію должно было подписать мнѣ, какъ бы во избѣжаніе отказа со стороны паши на имя министерства, или во избѣжаніе послѣдствій неудачи, которыхъ никто на себя не хотѣлъ принять [1]).»

При Муравьевѣ назначены были состоять генеральнаго штаба полковникъ Дюгамель и флота капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ. Генералъ выѣхалъ изъ Петербурга 5-го (17) ноября 1832 года, а ровно чрезъ мѣсяцъ отплылъ со своими спутниками изъ Севастополя на фрегатѣ *Штандартъ*.

Данныя Муравьеву инструкціи были тотчасъ же сообщены дворамъ вѣнскому и берлинскому, «во вниманіе тождественности ихъ видовъ съ нашими». Онѣ были скрыты отъ французскаго правительства. Что же касается до Англіи, то императорскому кабинету было извѣстно, что Порта отправила въ Лондонъ чрезвычайнаго посла съ просьбой о помощи. Увѣдомивъ англійскій дворъ о порученіи, возложенномъ на Муравьева, мы въ то же время объявили, что обращеніе къ нему Порты не внушаетъ намъ ни зависти, ни безпокойства; что намъ было бы пріятно, еслибъ Англія согласилась дать султану просимую помощь противъ паши, но что мы никогда не изъявимъ согласія на совокупное вмѣшательство великихъ державъ, будь оно матеріальное или только дипломатическое [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 14 и 17.

[2]) Графъ Нессельроде барону Рикману, 24 ноября (5 декабря) 1832.

Муравьевъ былъ еще въ пути, когда пришли въ Петербургъ донесенія Бутенева о новыхъ успѣхахъ египтянъ въ Азіи. Посланникъ извѣщалъ, что турецкій флотъ не рѣшился сразиться съ египетскимъ и возратился безъ боя въ Дарданеллы, и что Ибрагимъ, перешагнувъ чрезъ Тавръ, шелъ на Иконію и уже находился всего во 108 часовъ отъ Константинополя. Вѣсти эти побудили русскій дворъ не медлить долѣе предложеніемъ туркамъ военной помощи. «Государь,» писалъ графъ Нессельроде Бутеневу, «какъ вамъ извѣстно, не хотѣлъ взять на себя съ самаго начала предложеніе султану помощи прежде, чѣмъ тотъ ея попроситъ. Его величество не предлагаетъ ея и въ настоящую минуту, а ограничивается сообщеніемъ чрезъ ваше посредство, что Россія, предупрежденная объ опасностяхъ, повидимому угрожающихъ Портѣ, приняла мѣры къ тому, чтобы поспѣшить на помощь оттоманскому правительству, лишь только султанъ признаетъ, что этого требуетъ его безопасность.» Въ такомъ, но только въ такомъ случаѣ, посланнику предписывалось прямо предупредить командовавшаго нашимъ черноморскимъ флотомъ адмирала Грейга о выраженномъ султаномъ желаніи, послѣдствіемъ чего будетъ немедленное появленіе въ виду Константинополя эскадры, состоящей изъ пяти линейныхъ караблей и четырехъ фрегатовъ, на обязанности коей будетъ лежать защита столицы отъ нападенія египетской арміи. «Мѣра эта,» присовокуплялъ вице-канцлеръ, «засвидѣтельствуетъ предъ очами султана Махмуда спасительную истину, что дружба государя служитъ твердою опорой всѣмъ тѣмъ, кто умѣетъ съ довѣріемъ предаться ей [1]).» Это распоряженіе было сообщено и Муравьеву, которому разрѣшалось, въ случаѣ упорства Мегметъ-Али-паши, «не скрыть отъ него», что нашему черноморскому флоту приказано изготовиться къ походу и по первому призыву султана плыть ему на помощь [2]).

Одновременно, на отправленнаго съ Муравьевымъ полковника Дюгамеля возлагалось особое порученіе. На основаніи инструкціи, составленной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, онъ долженъ былъ слѣдовать изъ Константинополя въ Александрію, не моремъ, а чрезъ Малую Азію, и заѣхавъ въ

¹) Графъ Нессельроде Бутеневу, 21 ноября (6 декабря) 1832.
²) Графъ Нессельроде Муравьеву, 24 ноября (6 декабря) 1832.

лагерь Ибрагима, подъ видомъ частнаго путешественника, сообщить ему «безъ малѣйшей аффектаціи, одушевленія и въ тонѣ простаго разсказа» о порученіи, возложенномъ на Муравьева, а также о готовности черноморскаго флота отплыть въ Босфоръ, какъ только султанъ выразитъ желаніе [1]). Этимъ не ограничилась заботливость императорскаго кабинета объ оглашеніи мѣръ, предположенныхъ нами въ пользу Турціи. Главноуправляющему въ Грузіи и командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, барону Розену, было предписано объявить о нихъ сосѣднимъ турецкимъ пашамъ и нравственно повліять на нихъ въ томъ смыслѣ, чтобъ они оставались вѣрными султану [2]). Въ предвидѣніи возможности вооруженнаго столкновенія нашихъ силъ съ египтянами, начальнику нашей эскадры въ Архипелагѣ было приказано, не оставляя греческихъ водъ, избѣгать боя съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, сосредоточить свои суда близъ береговъ Пелопоннеза и, въ случаѣ надобности, искать убѣжища въ одномъ изъ греческихъ портовъ [3]).

Между тѣмъ, событія на Востокѣ съ каждымъ днемъ принимали для Турція все болѣе грозный оборотъ. Султанъ не падалъ духомъ, и собравъ новое сильное войско, поставилъ во главѣ его назначеннаго великимъ визиремъ Решидъ-пашу, который считался лучшимъ военачальникомъ въ турецкой арміи. Ему было приказано, сосредоточивъ войска свои въ Караманіи, двинуться навстрѣчу Ибрагиму и сразиться съ нимъ. Въ то же время отправленъ былъ въ Лондонъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла Намыкъ-паша, просить у великобританскаго правительства помощи военными судами въ подкрѣпленіе турецкаго флота. Проѣздомъ чрезъ Вѣну, Намыкъ видѣлся съ княземъ Меттернихомъ, который прямо объявилъ турецкому дипломату, что султану слѣдовало бы прежде всего спросить самого себя: достаточно ли у него силъ, чтобы совладать съ Мегметъ-Али-пашой? Если да, то необходимо приняться за это дѣло, не медля ни минуты; въ противномъ же случаѣ, не ставить на карту самаго существованія Оттоманской имперіи, а отдавъ Сирію пашѣ, съ терпѣніемъ выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Австрійскій канц-

[1]) Проектъ инструкціи полковнику Дюгамелю 24 ноября (6 декабря) 1832.
[2]) Графъ Нессельроде барону Розену, того же числа и года.
[3]) Графъ Нессельроде Рикорду, того же числа и года.

*

леръ сомнѣвался въ готовности Англіи оказать Портѣ просимую помощь и совѣтовалъ удовольствоваться декларацiей лондонскаго двора, что онъ не признаетъ египетскаго флота и военныя суда египтянъ будетъ считать за корсаровъ, стоящихъ внѣ закона [1]). Предсказанія Меттерниха исполнились. Вопреки личному мнѣнію лорда Пальмерстона [2]), англійское министерство отклонило заявленную ему Намыкомъ просьбу. Отказъ Англіи достигъ Константинополя одновременно съ извѣстіемъ о рѣшительной побѣдѣ, одержанной Ибрагимомъ надъ турками при Иконіи, 9-го (21-го) декабря 1832 года. Самъ великій визирь былъ взятъ въ плѣнъ побѣдителями, армія его разсѣяна, путь къ Константинополю открытъ.

Вѣсть о разгромѣ послѣдней арміи султана произвела сильное впечатлѣніе на западно-европейскіе кабинеты и побудила ихъ выйти изъ того равнодушія, съ которымъ они до того созерцали событія, совершавшіяся на Востокѣ. Конечная гибель грозила имперіи султановъ. Чтобы предотвратить ее, Талейранъ, бывшій въ то время французскимъ посломъ при лондонскомъ дворѣ, первый забилъ тревогу и предложилъ Пальмерстону отправить въ Средиземное море соединенную англо-французскую эскадру, объявивъ какъ Портѣ, такъ и Мегметъ-Али-пашѣ, что обѣ морскія державы берутъ на себя посредничество между ними. Основаніемъ примиренія должна была служить уступка Сиріи пашѣ. Россію союзные дворы увѣдомили бы о своемъ рѣшеніи, не спрашивая ея мнѣнія, и въ случаѣ противодѣйствія съ ея стороны, условились бы дѣйствовать противъ нея сообща. Великобританскій кабинетъ не принялъ французскаго предложенія. Поддаваясь внушеніямъ князя Меттерниха, который давалъ знать подъ рукой, что если Россія попытается присвоить хотя бы одну пядь турецкой земли, то Австрія объявитъ ей войну [3]), лордъ Пальмерстонъ предпочиталъ привлечь и русскій дворъ къ общему дѣйствію въ дѣлахъ Востока, связавъ его обязательствами предъ прочими державами. Франція вынуждена была уступить, и императорскому кабинету было предложено присое-

---

[1]) См. Графа Прокеша-Остена: *Mehmet-Ali*, стр. 25.

[2]) Это видно изъ письма, писаннаго Пальмерстономъ лорду Мельборну, 23 іюня (5 іюля) 1840.

[3]) Это положительно утверждаетъ Пальмерстонъ въ письмѣ къ брату, сэръ-Вильяму Темплю, отъ 26 сентября (8 октября) 1833.

динить русскую эскадру къ морскимъ отрядамъ прочихъ великихъ державъ, для произведенія демонстраціи у египетскихъ береговъ, съ цѣлью принудить Мегметъ-Али-пашу къ миру. Меттернихъ краснорѣчиво убѣждалъ насъ одобрить эту мѣру. Онъ видѣлъ въ ней осуществленіе завѣтной мечты своей о разрѣшеніи восточныхъ дѣлъ путемъ совокупнаго вмѣшательства великихъ державъ, и увѣрялъ насъ, что только дѣйствуя сообща, Россія Австрія, Англія и Франція (о Пруссіи не упоминалось) могутъ обезпечить неприкосновенность Турціи и спасти миръ Европы [1]).

Но въ Петербургѣ не были еще расположены въ пользу такого совокупнаго вмѣшательства, несогласнаго съ вѣковыми преданіями нашей восточной политики и съ личными воззрѣніями на нее императора Николая. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ вице-канцлеръ допускалъ, что побѣды Мегметъ-Али-паши могутъ привести Турцію къ окончательному распаденію; какъ же въ такомъ случаѣ должна поступить Россія? «Дѣйствуя согласно заключенію комитета 1829 года,» писалъ вице-канцлеръ, «мы со времени адріанопольскаго мира стремились не къ разрушенію Оттоманской имперіи, а къ утвержденію правъ и преимуществъ областей, входящихъ въ составъ ея и состоящихъ подъ нашимъ покровительствомъ. Такимъ образомъ, Сербія и Дунайскія Княжества получили извѣстную долю самостоятельности, Греція была возведена на степень независимаго государства. Къ сожалѣнію, при современныхъ условіяхъ трудно убѣдить европейскія державы дѣйствовать именно въ этомъ направленіи. Франція и Англія слишкомъ враждебно къ намъ относятся, Австрія же хотя и въ дружбѣ съ нами, но именно съ нею слѣдуетъ быть осторожными при переговорахъ о восточныхъ дѣлахъ.» «Австрія,» говорилось въ докладѣ, «желаетъ, какъ и мы, сохранить турецкое правительство; она отдаетъ ему предпочтеніе предо всякимъ другимъ порядкомъ вещей, который могъ бы замѣнить его на Востокѣ. Въ этомъ пунктѣ мы совершенно согласны другъ съ другомъ.» «Но,» заключалъ графъ Нессельроде, «Россія не можетъ также допустить, чтобы Турція стала сильна настолько, что получила бы возможность служить постоянною угрозой русскимъ владѣніямъ и интересамъ. Такова основная цѣль русской политики, и ее не слѣ-

[1]) Татищевъ графу Нессельроде, 26 января (7 февраля) 1833.

дуетъ упускать изъ виду при наступленіи окончательной развязки на берегахъ Босфора» [1]).

Согласно этому взгляду, императорскій кабинетъ отклонилъ поддержанное Австріей предложеніе морскихъ державъ и заявилъ, что находитъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы каждая держава, дѣйствительно желающая сохраненія Турціи, преслѣдовала эту цѣль отдѣльно отъ другихъ [2]). По странному совпаденію, одинаковаго мнѣнія съ нами придерживалась и наиболѣе заинтересованная сторона въ дѣлѣ—Порта. Представитель ея въ Лондонѣ объявилъ лорду Пальмерстону, что султанъ никогда не допуститъ непрошеннаго совокупнаго вмѣшательства державъ въ свои дѣла [3]). Въ отвѣтъ на это сообщеніе лордъ Пальмерстонъ заявилъ, со своей стороны, Намыкъ-пашѣ. что отказывается отъ французскаго проекта, считаетъ вооруженное посредничество ненужнымъ и будетъ сообразоваться съ дѣйствіями дворовъ петербургскаго и вѣнскаго [4]). На другой день онъ въ слѣдующихъ пунктахъ формулировалъ австрійскому повѣренному въ дѣлахъ рѣшенія свои по восточному вопросу: 1) необходимо воспрепятствовать разрушенію Турціи или отпаденію отъ нея составныхъ ея частей; 2) Англія обязана платить султану не только дружбой, но и признательностью за согласное ея желанію окончаніе греческаго вопроса; 3) она доведетъ этотъ взглядъ до свѣдѣнія Мегметъ-Али чрезъ нарочнаго посланнаго [5]).

Князь Меттернихъ былъ очень доволенъ такимъ оборотомъ въ намѣреніяхъ англійскаго правительства. Онъ писалъ въ Лондонъ, что въ дѣлахъ Востока нужды и пользы Австріи вполнѣ совпадаютъ съ интересами Великобританіи, и что обѣ державы одинаково желаютъ сохраненія Оттоманской имперіи. За императора Николая австрійскій канцлеръ ручался, что и онъ желаетъ того же, и просилъ сентъ-джемскій кабинетъ не сомнѣваться въ этомъ утвержденіи. «То, что держава, наиболѣе прямо заинтересованная въ разъясненіи факта и доказательствѣ его очевидности,» говорилъ Меттернихъ своимъ обычнымъ туманнымъ и вычурнымъ слогомъ, «то, что дворъ, не

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ графа Нессельроде 7 (19) января 1833.

[2]) Графъ Нессельроде Татищеву, 13 (25) февраля 1833.

[3]) Намыкъ-паша лорду Пальмерстону, 17 (29) января 1833.

[4]) Лордъ Пальмерстонъ Намыкъ-пашѣ, 18 (30) января 1833.

[5]) Баронъ Нейманъ князю Меттерниху, 19 (31) января 1833.

привыкшій предаваться достойнымъ порицанія безпечности или легкомыслію, смѣетъ утверждать, какъ вещь, имѣющую въ глазахъ его значеніе несомнѣнности, все это можетъ внушать довѣріе старинному союзнику, котораго не только нѣтъ разсчета вводить въ заблужденіе, но положительно выгодно удержать на ряду общаго дѣйствія. Итакъ, изо всѣхъ великихъ державъ только со стороны Франціи могла угрожать опасность султану. Но Англія, какъ и Австрія, не можетъ допустить подчиненія Египта французскому вліянію. Изъ этого слѣдуетъ, что по отношенію къ турецко-египетской распрѣ, Австрія, Англія и Россія хотятъ одного и того же и могутъ дѣйствовать сообща; Франція же стоитъ особнякомъ и дѣйствуетъ одиноко въ отдѣльномъ направленіи [1].» Узнавъ объ отправленіи лондонскимъ дворомъ полковника Камбелля политическихъ агентомъ въ Александрію, Меттернихъ послалъ туда въ томъ же званіи подполковника Прокеша. Тюильрійскому кабинету пришлось подражать этому примѣру и также командировать къ Мегметъ-Али-пашѣ дипломатическаго чиновника Буа-ле-Конта. Но, прибывъ въ Александрію, агенты трехъ державъ не застали уже тамъ генерала Муравьева.

Фрегатъ на которомъ Муравьевъ плылъ изъ Севастополя бросилъ якорь въ Босфорѣ противъ Буюкъ-дере, лѣтней резиденціи нашего посланника, 9 (21) декабря, то-есть въ самый день битвы при Иконіи. По совѣщаніи съ Бутеневымъ, генералъ вмѣстѣ съ нимъ, на слѣдующій же день, посѣтилъ рейсъ-эфенди и сераскира. Внѣшними сношеніями Порты управлялъ съ весны 1832 года уже не враждебный намъ Неджибъ, а другая личность, вполнѣ безцвѣтная, по имени Акифъ. Муравьевъ въ короткихъ, ясныхъ словахъ изложилъ рейсъ-эфенди цѣль и сущность возложеннаго на него государемъ порученія, а Бутеневъ сообщилъ о вооруженіи Черноморскаго флота и о готовности его по первому требованію двинуться на помощь султану. Смущенный Акифъ отвѣчалъ обоимъ выраженіями признательности, но не вымолвилъ ничего опредѣлительнаго. И Муравьевъ, и Бутеневъ слово въ слово повторили свое сообщеніе сераскиру. Лукавый старикъ обнаружилъ большую радость, въ особенности, когда узналъ, что рѣчь идетъ не о средиземной эскадрѣ Рикорда, а о Черно-

[1]) Князь Меттернихъ барону Нейману, 3 (15) февраля 1833.

морскомъ флотѣ. Онъ взялъ на себя ускорить представленіе Муравьева султану. Тѣмъ не менѣе генералу пришлось цѣлые три дня дожидаться пріемной аудіенціи. Махмудъ принялъ его 15-го (27-го) декабря, былъ очень привѣтливъ, требовалъ, чтобы Муравьевъ говорилъ съ нимъ по-турецки, но за отвѣтомъ отослалъ его къ реисъ-эфенди. Муравьевъ, однако, воспользовался случаемъ доложить султану, что порученіе его къ Мегметъ-Али-пашѣ заключается лишь въ нѣсколькихъ словахъ. «Я объявлю ему,» вставилъ онъ, «что государь врагъ мятежа и другъ вашего величества; что если паша, упорствуя въ неповиновеніи вамъ, станетъ продолжать военныя дѣйствія, то онъ будетъ имѣть дѣло съ Россіей». Султанъ началъ излагать условія примиренія, предложенныя пашой. Генералъ прервалъ его замѣчаніемъ, что ему велѣно не вступать въ переговоры съ Мегметъ-Али, а исключительно требовать отъ него вѣрноподданнической покорности своему законному государю. «Слышите», воскликнулъ Махмудъ, обращаясь къ присутствовавшимъ при пріемѣ, «каковы первыя обязанности подданнаго къ своему государю. И я ихъ такими разумѣю».

Муравьевъ несомнѣнно произвелъ на султана благопріятное впечатлѣніе, но Порта долго колебалась, прежде чѣмъ приняла окончательное рѣшеніе по предмету нашихъ предложеній. Причиной было крайнее недовѣріе огромнаго большинства турецкихъ сановниковъ къ видамъ русской политики и дѣятельныя интриги французскаго посольства. Послѣднимъ управлялъ, въ ожиданіи назначенія преемника послу, графу Гильомино, повѣренный въ дѣлахъ Варенпъ. Многочисленнымъ друзьямъ своимъ въ диванѣ онъ ручался, что если Порта отклонитъ русскую помощь, то при французскомъ посредничествѣ, не трудно будетъ отъ Ибрагима добиться пріостановленія его наступательныхъ движеній, а отъ самого Мегметъ-Али выгодныхъ условій мира. Порта уже рѣшилась было вовсе отказаться отъ нашего содѣйствія, когда пришло въ Константинополь извѣстіе о неуспѣхѣ усилій Намыкъ-паши получить отъ Англіи помощь. Уныніе и страхъ овладѣли султаномъ и его министрами. Они перестали и думать объ оборонѣ и помышляли только о мирѣ. Положено было отправить въ Александрію съ мирными предложеніями Халиль-пашу, того самаго, который послѣ адріанопольскаго договора ѣздилъ посланникомъ въ Петербургъ. Онъ долженъ былъ предложить пашѣ всю

Сирію отъ Акки до Дамаска включительно. Тотчасъ же былъ отмѣненъ и фирманъ, предававшій проклятію Мегметъ-Али пашу и его сына. Въ то же время Порта согласилась на отправленіе въ Александрію генерала Муравьева моремъ, а полковника Дюгамеля чрезъ Малую Азію, но дозволила и французскому посланному ѣхать въ лагерь Ибрагима съ письмомъ Варенна, требовавшаго отъ египетскаго военачальника немедленной остановки военныхъ дѣйствій. Не только пройдено было совершеннымъ молчаніемъ наше заявленіе о данномъ Черноморскому флоту приказаніи спѣшить по первому призыву на помощь султану, но и самыя условія мира, посылаемыя съ Халилемъ въ Александрію, были установлены по соглашенію съ французскимъ посольствомъ и скрыты какъ отъ Муравьева такъ и отъ Бутенева. «Повидимому,» разсказываетъ первый въ своихъ запискахъ, «Порта хотѣла пользоваться вліяніемъ нашимъ; но она всячески уклонялась отъ совмѣстныхъ переговоровъ, во избѣжаніе зависимости отъ насъ. Могло быть и то что посылаемымъ лицамъ приказывалось наблюдать за дѣйствіями нашими въ Александріи и въ египетскомъ станѣ; впрочемъ, объ отправленіи ихъ носились только слухи [1].»

Муравьевъ оставилъ Константинополь въ одинъ день съ Дюгамелемъ, а именно 23-го декабря (4-го января). Онъ заходилъ въ Поросъ, для свиданія съ адмираломъ Рикордомъ, и въ самый Новый годъ вошелъ въ александрійскую гавань. Мегметъ-Али принялъ его на другой день, выслушалъ его сообщеніе и просилъ дать нѣсколько дней на размышленіе. При второмъ свиданіи, 4-го (16-го) января, генералъ повторилъ нашѣ сказанное на первомъ: «Государь желаетъ, чтобы вы, немедленно прекратили кровопролитіе и покорились султану. Его величество не измѣнилъ мыслей своихъ послѣ отъѣзда Лавизона, и какіе бы ни были успѣхи ваши, еслибы вы даже покорили Царьградъ и удалось вамъ свергнуть съ престола самого султана, то и въ такомъ случаѣ воля государя останется непоколебимою». Мегметъ-Али отвѣчалъ: «Я никогда не думалъ свергать султана; какъ мнѣ можно было это предпринимать? Я никогда не переставалъ называть себя слугой его, и довольно громко кричу о томъ чтобы весь свѣтъ могъ слышать, а въ доказательство искренняго расположенія моего

[1]) Н. Н. Муравьевъ: *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, стр. 78.

соотвѣтствовать видамъ государя, я сей же часъ прикажу остановить военныя дѣйствія.» Позванъ былъ секретарь. Паша приказалъ ему послать Ибрагиму предписаніе въ обѣщанномъ смыслѣ, и въ присутствіи Муравьева приложилъ къ нему свою печать.

Цѣль посольства казалась достигнутою, воля государя исполненною, но только съ виду. Достигнутъ былъ, правда, важный результатъ: военныя дѣйствія пріостановлены, опасность, угрожавшая Константинополю, отстранена. Но покориться султану Мегметъ-Али и не думалъ, или скорѣе, готовъ былъ покориться только на словахъ. Суть дѣла заключалась въ томъ: каковы будутъ условія мира? Императоръ Николай не придавалъ, повидимому, важности этому предмету, полагая, что между Портой и ея возставшимъ вассаломъ вовсе не будетъ посредниковъ. А между тѣмъ, такой посредникъ явился, да къ тому же въ лицѣ представителя враждебной намъ Франціи. «Нужно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока», сказалъ государь, отпуская Муравьева. Еслибы русскіе дипломаты прониклись этими словами императора, они не допустили бы дипломатію французскую взять въ свои руки разрѣшеніе вопроса о томъ, кому должна принадлежать Сирія. Но, ни посольство въ Константинополѣ, ни министерство иностранныхъ дѣлъ и не помышляли о борьбѣ съ французами, на почвѣ дипломатическаго вліянія. Мы даже не воздержались отъ заявленія правительству Лудовика-Филиппа, что отнюдь не будемъ противиться усиліямъ его возстановить миръ на Востокѣ. Такія дѣйствія нашей дипломатіи Муравьевъ не безъ основанія называетъ «мутными». Послѣдствіемъ ихъ было то, что французы воспользовались перемиріемъ, достигнутымъ русскою угрозой. Вышло, какъ будто Муравьевъ лишь за тѣмъ только и ѣздилъ въ Александрію, чтобы прекращеніемъ военныхъ дѣйствій облегчить французское посредничество между двумя враждующими сторонами.

Отнюдь нельзя винить за это генерала Муравьева. Ему было вмѣнено въ обязанность отстранять себя отъ всякаго посредничества, не заживаться въ Александріи. Въ бесѣдахъ своихъ съ Мегметъ-Али онъ неоднократно убѣждалъ его покориться султану. Паша не противорѣчилъ и только повторялъ: «Будьте покойны, увѣряю васъ, что мы все кончимъ и скоро!» Очевидно паша уже зналъ о томъ, что было еще тайной для

Муравьева: о готовности самого султана подчиниться его требованіямъ. Французы предваряли его не только о предстоявшемъ прибытіи Халиля, но и о содержаніи турецкихъ мирныхъ предложеній. Русскій генералъ еще находился въ Александріи, когда прибылъ туда уполномоченный султана. И что же? Халилъ не только не обратился къ содѣйствію Муравьева, но и не навѣстилъ его, не далъ даже ему знать о своемъ пріѣздѣ. Съ удивленіемъ узналъ Муравьевъ, что при встрѣчѣ съ Мегметъ-Али, Халилъ бросился лобызать полукафтанъ паши египетскаго, а когда тотъ удержалъ его, то дважды поцѣловалъ у него руку. Муравьеву оставалось лишь сняться съ якоря и отплыть обратно въ Константинополь.

Въ отсутствіе его тамъ совершился новый переворотъ въ намѣреніяхъ султана и его ближайшихъ совѣтниковъ. Ибрагимъ, неуспѣвшій еще получить приказанія отца объ остановкѣ своего наступательнаго движенія, все приближался къ столицѣ, занялъ Кутахію и угрожалъ Бруссѣ. Въ припадкѣ ужаса, султанъ приказалъ своимъ министрамъ потребовать отъ Бутенева обѣщанной помощи и не только флотомъ, но и сухопутными войсками. Посланникъ отвѣчалъ, что отнесется къ адмиралу Грейгу и не сомнѣвается, что готовыя къ отплытію суда черноморскаго флота скоро поспѣютъ въ Босфоръ; пригласить же генерала Киселева перейти черезъ Дунай съ войсками, занимающими Княжества, и привести ихъ подъ стѣны Царьграда, онъ не имѣетъ права, но о такомъ желаніи султана не преминетъ донести своему двору [1]).

Отправленныя изъ Константинополя 21-го января (8-го февраля) донесенія Бутенева дошли въ Петербургъ на двадцать вторыя сутки, а именно 12-го (24-го) февраля, въ послѣдній день масляницы. День этотъ дворъ проводилъ на праздникѣ у князя Кочубея. Не смотря на это, въ тотъ же вечеръ военный министръ послалъ въ Букурештъ къ Киселеву курьера съ соотвѣтственными распоряженіями. На другой день графъ Нессельроде уже извѣщалъ нашу миссію о рядѣ мѣръ, принятыхъ по высочайшему повелѣнію въ удовлетвореніе ходатайствъ султана.

«Вы легко себѣ можете представить,» писалъ вице-канцлеръ, Бутеневу, «удивленіе нашего августѣйшаго государя, вызванное

[1]) Порта Бутеневу и Бутеневъ Портѣ, 21 января (2 февраля) 1833.

столь быстрою перемѣной въ рѣшеніяхъ Порты. Тѣмъ не менѣе, намѣренія его остаются неизмѣнными. Какого бы свойства ни были происшествія, повлекшія за собой столь позднее обращеніе къ помощи Россіи, его величество, оставаясь вѣренъ своимъ обѣщаніямъ, разъ уже высказаннымъ, не колеблясь исполнитъ ихъ. Ему остается только сожалѣть, что помощь, которую онъ въ состояніи предложить Портѣ, не можетъ дойти до н-я такъ же быстро, какъ это было бы въ случаѣ, еслибъ ее приняли въ то самое время, когда она была предложена». Слѣдовало извѣщеніе объ отплытіи изъ Севастополя эскадры контръ-адмирала Лазарева. Но такъ какъ суда его не были приготовлены къ принятію дессанта, то отдано приказаніе о немедленномъ отправленіи въ Константинополь на транспортныхъ судахъ, въ сопровожденіи второй эскадры, пяти тысячъ человѣкъ, собранныхъ въ Одессѣ. Въ то же время предписано Киселеву принять мѣры къ скорѣйшему движенію за Дунай корпуса отъ 25 до 30 тысячъ человѣкъ подъ его начальствомъ. Порта должна, однако, заготовить для этого корпуса провіантскіе запасы и содѣйствовать Киселеву въ устройствѣ по пути этапныхъ и складочныхъ пунктовъ, въ виду враждебнаго намъ настроенія пашей рущукскаго и виддинскаго. «Таковы мѣры,» кончалъ графъ Нессельроде свою депешу, «которыя вамъ поручается довести до свѣдѣнія Порты. Она найдетъ въ нихъ блестящее доказательство великодушія императора. Мы благодарны за принятую ею иниціативу въ отношеніи къ Франціи, которой она объявила объ обращеніи своемъ къ содѣйствію Россіи. Государь находитъ также, что вы поступили осторожно, потребовавъ отъ рейсъ-эфенди письменнаго изложенія просьбъ Порты. Документъ этотъ намъ необходимъ, чтобъ оправдать предъ Европой отправку нашего флота и вступленіе войскъ нашихъ на оттоманскую территорію. Я тотчасъ примусь за составленіе сообщеній главнымъ державамъ, для извѣщенія ихъ о принятыхъ императоромъ рѣшеніяхъ и точнаго опредѣленія причинъ и цѣли послѣднихъ. Вы потщитесь внести въ ваши сношенія со всѣми вашими товарищами безъ исключенія величайшую откровенность. Намѣренія наши чисты, чужды всякой задней мысли, и слѣдовательно, нѣтъ надобности ихъ скрывать даже предъ тѣми, кто, безъ основанія и вопреки

справедливости питаетъ относительно насъ самую жалкую зависть [1]).»

Въ депешѣ Киселеву вице-канцлеръ настаивалъ на необходимости для насъ отнять у иностранныхъ державъ всякій предлогъ къ воспрепятствованію принятымъ нами военнымъ мѣрамъ. Нужно, чтобъ Европа объясняла ихъ исключительно нашимъ желаніемъ содѣйствовать защитѣ Оттоманской имперіи и сохраненію власти султана. Эта единственная причина, которая можетъ узаконить въ глазахъ европейскихъ дворовъ наше вмѣшательство въ дѣла Турціи и вступленіе нашихъ войскъ на турецкую территорію. Мы не имѣемъ другаго средства для успокоенія морскихъ державъ и предупрежденія ихъ противодѣйствія. Въ особенности намъ важно внушить Австріи довѣріе къ прямотѣ нашихъ намѣреній, ибо вліяніе вѣнскаго двора можетъ парализовать враждебные намъ замыслы дворовъ лондонскаго и парижскаго [2]).

Независимо отъ войскъ, которыя Киселевъ долженъ былъ сухимъ путемъ привести къ Константинополю чрезъ Болгарію и Румелію, сдѣлано было распоряженіе о посадкѣ на суда въ Одессѣ и о доставленіи моремъ на берега Босфора дессантнаго отряда, состоявшаго изъ двухъ бригадъ пѣхоты съ ихъ артиллеріей, одной саперной роты и сотни казаковъ, всего 10,000 человѣкъ; начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрялось Муравьеву, которому надлежало съ нимъ охранять Босфоръ и помогать турецкимъ войскамъ при защитѣ столицы султана. По прибытіи туда же отряда Киселева, послѣдній имѣлъ принять главное начальство надо всѣми русскими войсками сосредоточенными въ окрестностяхъ Царьграда [3]).

Но едва были отправлены изъ Петербурга всѣ эти приказанія, какъ послѣдовали новыя распоряженія, вызванныя вѣстью о данномъ Мегметъ-Али-пашой Муравьеву обѣщаніи прекратить военныя дѣйствія. Войска, расположенныя въ Княжествахъ, рѣшено было подкрѣпить вмѣсто двухъ лишь одною дивизіей, и отправивъ въ Константинополь моремъ одну бригаду, задержать отправленіе второй, впредь до полученія дальнѣйшихъ извѣстій [4]).

---

[1]) Графъ Нессельроде Бутеневу, 13 (25) февраля 1833.
[2]) Графъ Нессельроде Киселеву, 14 (26) февраля 1833.
[3]) Графъ Чернышевъ Муравьеву, 14 (26) февраля 1833.
[4]) Графъ Чернышевъ Муравьеву, 17 февраля (1 марта) 1833.

Въ концѣ января Муравьевъ возвратился въ Константинополь, и отдавъ отчетъ самому султану въ успѣшномъ исходѣ своего порученія, принялся дѣятельно обсуждать съ турецкими генералами мѣры, необходимыя для обороны турецкой столицы на тотъ конецъ, если бы Мегметъ-Али, отмѣнивъ свое распоряженіе о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, снова предписалъ Ибрагиму двинуться къ Константинополю. При этомъ случаѣ русскій генералъ сблизился съ новымъ любимцемъ Махмуда, начальникомъ его гвардіи, муширомъ Ахметъ-пашой. Отъ него узналъ онъ много любопытныхъ подробностей о личномъ желаніи султана воспользоваться русскою помощью, вопреки мнѣнію большинства его совѣтниковъ. Французское посольство не прекращало своихъ интригъ, стараясь убѣдить турокъ, что появленіе русскихъ морскихъ и военныхъ силъ подъ стѣнами Константинополя подвергнетъ Оттоманскую имперію опасности, несравненно бо̀льшей, чѣмъ та, которую они призваны предупредить. По увѣренію французовъ, ихъ вліянію на Мегметъ-Али и на Ибрагима, а отнюдь не угрозамъ Муравьева обязана была Порта остановкой наступательнаго движенія египетской арміи; отъ нихъ же зависѣло де и доставить миръ Портѣ на выгодныхъ для нея условіяхъ. Варенъ усердно работалъ въ этомъ направленіи, стараясь достигнуть блестящаго дипломатическаго успѣха до прибытія въ Константинополь вновь назначеннаго французскимъ посломъ адмирала Руссена. И дѣйствительно, въ самый день пріѣзда этого дипломата, 5-го (17-го) февраля, Бутеневъ получилъ отъ рейсъ-эфенди ноту, въ которой тотъ просилъ его, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, отмѣнить сообщенное имъ черноморскому флоту приказаніе плыть къ Босфору, а также остановить движеніе сухопутныхъ войскъ генерала Киселева. Въ нотѣ не было недостатка въ выраженіяхъ признательности за великодушную готовность императора Николая придти на помощь своему другу и союзнику; дипломатическому искусству Муравьева приписывалось установленное перемиріе съ египетскими войсками и въ заключеніи выражалось желаніе, чтобы какъ флотъ, такъ и сухопутный отрядъ, оставались въ готовности выступить въ походъ, въ случаѣ надобности, по первому требованію Порты [1]). Бутеневъ отвѣтилъ на эту

[1]) Порта Бутеневу, 5 (17) февраля 1833.

ноту, что сообщитъ о ней въ Петербургъ и Севастополь; но въ виду того, что первая эскадра, по всей вѣроятности, уже находилась на пути, въ морѣ, спросилъ: «какъ намѣрена поступить Порта въ случаѣ появленія русскаго флота въ верховьяхъ Босфора?» Рейсъ-эфенди поспѣшилъ заявить, что для предупрежденія его будетъ посланъ навстрѣчу турецкій пароходъ. Но пароходъ оказался въ неисправности и не поспѣлъ во-время. Три дня спустя, а именно 8-го (20-го) февраля, четыре линейные корабля, столько же фрегатовъ и одинъ бригъ, подъ флагомъ начальника штаба черноморскаго флота, контръ-адмирала Лазарева, торжественно вошли въ Босфоръ и остановились на якорѣ предъ самымъ зданіемъ русской миссіи въ Буюкъ-дере. Бутеневъ пробовалъ было задержать ихъ при входѣ въ проливъ, но адмиралъ сослался на свѣжесть вѣтра, непозволившаго ему остаться въ открытомъ морѣ.

Турки перепугались не на шутку. Руссенъ грозилъ имъ, что въ случаѣ если русская эскадра тотчасъ же не удалится изъ Босфора, Ибрагимъ снова перейдетъ въ наступленіе, а французскій флотъ придетъ сразиться съ русскимъ въ виду турецкой столицы. Если же Порта настоитъ на удаленіи нашихъ судовъ, то Франція приметъ на себя вооруженное посредничество между нею и египетскимъ пашой и принудитъ послѣдняго къ миру. Устрашенные турецкіе министры рѣшились подписать съ французскимъ посломъ соглашеніе въ вышеозначенномъ смыслѣ [1]). Руссенъ отправилъ двухъ изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ съ письмами къ Мегметъ-Али и Ибрагиму. Въ этихъ письмахъ онъ настаивалъ на немедленномъ заключеніи мира на основаніи уступки пашѣ двухъ округовъ Сиріи: Акскаго и Трипольскаго и требовалъ отъ Мегметъ-Али безусловнаго подчиненія этимъ условіямъ. Руссенъ хвалился что вырвалъ Оттоманскую имперію изъ рукъ Россіи, предохранилъ Европу отъ всеобщей войны и заключалъ угрозой, что Франція сумѣетъ поддержать оружіемъ признанныя ею справедливыми условія мира [2]).

Нѣсколько часовъ спустя послѣ появленія нашей эскадры въ Босфорѣ, къ Бутеневу явился посланный султана, муширъ Ахметъ-паша, съ просьбой отослать эскадру въ Сизополь, съ

---

[1]) Протоколъ подписанный французскимъ посломъ и рейсъ-эфенди 9 (21) февраля 1833.

[2]) Баронъ Руссенъ Мегметъ-Али-пашѣ и Ибрагиму, 10 (22 февраля 1833.

тѣмъ, чтобъ она оставалась тамъ готовою возвратиться по первому призыву. Посланникъ обѣщалъ исполнить это требованіе, какъ только перестанетъ дуть сѣверный вѣтеръ, препятствующій выходу судовъ въ Черное море. На пятый день Порта повторила свою просьбу письменно. Въ нотѣ рейсъ-эфенди было прямо заявлено, что побудило къ тому желаніе «удовлетворить французскаго посла», который принялъ де на себя довершеніе мирныхъ переговоровъ съ пашой египетскимъ. Терпѣливый Бутеневъ на этотъ разъ вышелъ изъ себя. Онъ отвѣчалъ Акифу, что хотя и не отказывается отъ обѣщанія отправить эскадру обратно съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, но не принимаетъ ноты, въ которой упоминается объ участіи иностраннаго посла; что писать о томъ въ офиціальной бумагѣ неприлично послѣ великодушія, оказаннаго государемъ, и что какъ призывъ эскадры, такъ и возвращеніе ея, зависятъ отъ одного султана [1]). Драгоману русской миссіи велѣно было, вмѣстѣ со врученіемъ отвѣта посланника, возвратить рейсъ-эфенди и собственную его ноту, а въ случаѣ отказа принять ее, бросить ноту къ нему на софу.

Энергическій поступокъ нашего посланника сопровождался благопріятными послѣдствіями, чему немало содѣйствовало конечно и полученное извѣстіе о занятіи Ибрагимомъ Смирны, снова возбудившее паническій страхъ въ совѣтахъ султана. Ахметъ-паша явился къ Муравьеву и увѣрялъ его, что содержаніе послѣдней ноты рейсъ-эфенди противно желаніямъ самого Махмуда, который, напротивъ, съ удовольствіемъ взираетъ на присутствіе русской эскадры въ Босфорѣ. При этомъ онъ выразилъ надежду, что вѣтеръ не перемѣнится. «Если же,» прибавилъ онъ шутя, «и подулъ бы вѣтеръ съ юга, то мы ему поставимъ преграду, противъ султанскаго дворца въ Чиреганѣ, чтобъ онъ не дошелъ до вашихъ кораблей.» Такіе намеки довѣреннаго любимца султана побудили Бутенева, Муравьева и Лазарева, на общемъ совѣтѣ, принять рѣшеніе: не удалять эскадры изъ Босфора. На другой день какъ разъ подулъ южный вѣтеръ, и всѣ иностранные дипломаты, населявшіе Буюкъ-дере и сосѣднюю Терапію, высыпали на берегъ, чтобы, по выраженію Муравьева, «насладиться зрѣлищемъ отплывающихъ судовъ». Но, къ величайшему ихъ изумленію и досадѣ, часы проходили, а эскадра не трогалась. Прусскій посланникъ Мертенсъ, женатый на француженкѣ, прибѣжалъ

изъ французскаго посольства въ русскую миссію съ вопросомъ: въ которомъ часу назначено эскадрѣ сниматься съ якоря? «Эскадра не возвратится,» хладнокровно отвѣтилъ ему Бутеневъ [1]).

Прошло двѣ недѣли. 4-го (16-го) марта рейсъ-эфенди пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе Бутенева, Муравьева и Лазарева и снова сталъ просить ихъ удалить эскадру въ Сизополь, утверждая, что флотъ не можетъ воспрепятствовать Ибрагиму овладѣть Константинополемъ, что для этого нужны сухопутныя войска. Въ отвѣтъ на эти слова ему было объявлено, что первый десантный отрядъ уже отплылъ изъ Одессы и прибудетъ на дняхъ въ Константинополь. Рейсъ-эфенди замолчалъ, а сераскиръ выразилъ даже свою радость, равно какъ и Ахметъ-паша. Оба послѣдніе наперерывъ изъявляли готовность содѣйствовать устройству удобной лагерной стоянки для ожидаемыхъ войскъ, въ особенности, когда возвратился изъ Александріи посланный Руссена съ отказомъ паши принять предъявленныя ему французскимъ посломъ условія мира. Мегметъ-Али настаивалъ на тѣхъ условіяхъ, которыя были сообщены имъ самимъ Портѣ чрезъ Халиль-пашу, все еще остававшагося въ Александріи, и заключались въ уступкѣ ему не только всей Сиріи, но и Аданскаго округа, лежащаго по сю сторону Таврскаго хребта и считающагося ключемъ Малой Азіи. Въ случаѣ непринятія Портой этихъ основаній должна была возобновиться война.

Печальный исходъ французскаго вмѣшательства оправдывалъ предъ Портой недовѣріе къ нему султана и рѣшимость обратиться къ русской помощи. Руссенъ былъ приглашенъ въ засѣданіе дивана и спрошенъ: что намѣренъ онъ предпринять въ виду отказа египетскаго паши уважить его посредничество? Посолъ объявилъ, что не въ состояніи сдержать слова и прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, что разсчетъ его на уступчивость Мегметъ-Али не оправдался и что сама Порта поступила бы благоразумно, принявъ египетскія условія. Конечно, прибавилъ онъ, если бы султанъ положился исключительно на Францію, то правительство ея сумѣло бы смирить непокорнаго вассала; но съ той минуты, какъ онъ предпочелъ русскую помощь, Франція предаетъ его судьбѣ

[1]) Н. П. Муравьевъ: *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, стр. 197.

его [1]). Въ тотъ же день Махмудъ приказалъ просить Бутенева, чтобы тотъ ускорилъ присылку обѣщанныхъ сухопутныхъ войскъ.

Французское вліяніе повидимому совершенно упало, и можно было надѣяться на прочное утвержденіе русскаго въ совѣтахъ султана. 23-го марта (4-го апрѣля) прибылъ первый нашъ дессантный отрядъ, три недѣли спустя послѣдовалъ за нимъ и второй. Принявъ надъ ними начальство, Муравьевъ расположилъ ихъ лагеремъ на азіятскомъ берегу Босфора, вокругъ горы Исполиновъ, служившей ключемъ занятой нами позиціи. Къ нимъ присоединился турецкій отрядъ, состоявшій изъ одного баталіона и одного же эскадрона султанской гвардіи, при двухъ орудіяхъ, и также подчиненный Муравьеву. Такое расположеніе войскъ не вполнѣ отвѣчало полученнымъ отъ военнаго министра приказаніямъ. Генералу предписывалось прежде всего избрать на обоихъ берегахъ Босфора по одному укрѣпленному пункту, которые защищали бы входъ въ Черное море и, вооруживъ ихъ крѣпостными пушками, занять каждый изъ нихъ гарнизономъ въ тысячу человѣкъ. Остальными войсками онъ могъ располагать по усмотрѣнію, или по обстоятельствамъ. Требовалось, чтобъ избраны были такіе два пункта, надъ которыми не господствовали бы близлежащія высоты, и чтобы на занятіе ихъ было испрошено согласіе Порты [2]).

Распоряженіе это, основная мысль коего самимъ Муравьевымъ приписывается генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, было гораздо важнѣе, чѣмъ показалось въ свое время начальнику нашего вспомогательнаго отряда. Оно свидѣтельствуетъ о вниманіи, обращенномъ въ нашихъ высшихъ военныхъ кругахъ на предположеніе, высказанное еще въ 1829 году, въ одномъ изъ засѣданій тайнаго комитета по восточнымъ дѣламъ—о важности для Россіи овладѣть «двумя каменистыми уголками» на обоихъ берегахъ Босфора, на случай паденія Оттоманской имперіи [3]). Въ 1833 году паденіе это представлялось болѣе, чѣмъ когда-либо вѣроятнымъ и близкимъ. Военное министерство кажется вѣрно оцѣнило значеніе для Россіи этихъ воротъ въ Черное море и предписы-

---

[1]) Graf Prokesch-Osten: *Mehmet-Ali*, стр. 36.

[2]) Графъ Чернышевъ Муравьеву, апрѣль 1833.

[3]) См. объ этомъ предметѣ въ IV главѣ, стр. 204.

вало Муравьеву оставить въ обоихъ укрѣпленіяхъ гарнизоны, снабженные всѣмъ необходимымъ и способные отразить нападеніе, даже въ томъ случаѣ, еслибъ ему пришлось съ остальными войсками отступить въ виду превосходныхъ силъ Ибрагима на соединеніе съ отрядомъ генерала Киселева. Къ сожалѣнію, министерство не рѣшилось пояснить Муравьеву дѣйствительный смыслъ указанной ему мѣры, какъ перваго шага къ прочному водворенію нашему на обоихъ берегахъ Босфора. Быть можетъ, оно и само не сознавало ея всемірноисторическаго значенія, а Муравьевъ не сумѣлъ отгадать его. Напрасно Лазаревъ обращалъ его вниманіе на самое узкое мѣсто пролива, издавна укрѣпленное на берегахъ европейскомъ и азіятскомъ замками: Румили и Анатоли-Гиссаръ. Бутеневъ выразилъ сомнѣніе въ возможности получить на ихъ занятіе согласіе Порты, а Муравьевъ сослался на недостатокъ въ нихъ воды и справедливо замѣтилъ, что надо всѣмъ прибрежьемъ Босфора господствуютъ сосѣднія высоты, а потому и не представляется возможности оборонять его съ сухаго пути [3]). Въ этомъ смыслѣ начальникъ отряда и составилъ свое донесеніе военному министру, который не настоялъ на своемъ предписаніи. Оно такъ и осталось неисполненнымъ.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость Муравьеву, что, за исключеніемъ этой оплошности, онъ оказался вполнѣ на высотѣ своей задачи. Трудныя обязанности начальника русскаго вспомогательнаго отряда онъ исполнилъ съ замѣчательнымъ тактомъ, энергіей и достоинствомъ. Онъ дѣятельно занимался изысканіемъ средствъ къ защитѣ турецкой столицы, упражнялъ свои войска, изучалъ мѣстность, укрѣплялъ берега Босфора. Полковникъ Дюгамель былъ даже командированъ имъ для приведенія въ оборонительное положеніе дарданельскихъ замковъ. Онъ сумѣлъ пріобрѣсть не только уваженіе, но и любовь турецкихъ начальниковъ, поддерживая съ ними самыя дружественныя отношенія, поучая ихъ, вселяя въ нихъ мужество и въ то же время щадя ихъ самолюбіе. Войска его возбуждали удивленіе и друзей, и недруговъ, примѣрнымъ порядкомъ, бодрою и щеголеватою внѣшностью, добродушіемъ и ловкостью въ обращеніи съ турецкими солдатами и вообще

[1]) Муравьевъ графу Чернышеву, 20 апрѣля (2 мая) 1833.

*

съ мѣстными жителями. Они въ блестящемъ видѣ представились султану на смотру, при которомъ присутствовали всѣ оттоманскіе сановники и находившіеся въ Константинополѣ иностранные дипломаты. Все это высоко подняло въ глазахъ впечатлительныхъ турокъ значеніе Россіи и утвердило въ нихъ глубокую вѣру въ несокрушимое могущество русскаго царя.

Но пока войска наши оказывали столь важныя услуги русскому дѣлу на Босфорѣ, мѣстная наша дипломатія бездѣйствовала въ полномъ смыслѣ слова, предоставляя французамъ, скоро оправившимся отъ постигшихъ ихъ неудачъ, направлять политику Порты и руководить ею. Поддержанный вновь прибывшимъ англійскимъ посломъ, лордомъ Понсонби, адмиралъ Руссенъ и дѣятельный Вареннъ внушали турецкимъ министрамъ, что въ интересахъ Порты не доводить до столкновенія между русскими и египетскими войсками; что такое столкновеніе можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія, въ высшей степени пагубныя для Турціи; что лучше потерять Сирію, чѣмъ дать русскимъ утвердиться на Босфорѣ. Султанъ лично не раздѣлялъ этихъ опасеній, но былъ безсиленъ въ виду единогласія своихъ министровъ, не исключая и сераскира. Одинъ Ахметъ-паша открыто держалъ нашу сторону. Большинство осилило, и прежде чѣмъ первый нашъ отрядъ успѣлъ высадиться на азіятскомъ берегу, Порта приняла уже рѣшеніе подчиниться египетскимъ требованіямъ. Въ лагерь Ибрагима, въ Кутахію, отправился Вареннъ въ сопровожденіи амеджи Порты, столь извѣстнаго впослѣдствіи Решида, будущаго обновителя Оттоманской имперіи. Имъ было поручено увѣдомить египетскаго военачальника о согласіи султана отдать Мегметъ-Али-пашѣ всю Сирію и только попытаться отстоять Аданскій округъ. Руссенъ снова обратился къ пашѣ съ письмомъ, въ которомъ вторично угрожалъ ему французскимъ флотомъ въ случаѣ отказа принять турецкія мирныя предложенія. «Уступки достигнутыя Франціей,» писалъ адмиралъ, «не могутъ простираться далѣе. Адана исключается изъ нихъ... Франція рѣшилась положить конецъ тому, что происходитъ въ Константинополѣ и тревожитъ всю Европу; шесть линейныхъ кораблей и столько же фрегатовъ будутъ готовы въ первыхъ числахъ мая, дабы вынудить скорое разрѣшеніе дѣла, на основаніи выговоренныхъ условій.»

Не дожидаясь отвѣта Мегметъ-Али-паши, Порта поспѣшила обнародовать такъ-называемый тевджигатъ или ежегодное распредѣленіе областей между правителями. Паша былъ признанъ въ немъ намѣстникомъ Египта и Сиріи и начальникомъ ходжей, а Ибрагимъ утверждался въ званіи правителя Абиссиніи, Джедды и надзирателя священныхъ городовъ, Мекки и Медины. Собравшіеся въ Александріи дипломатическіе агенты всѣхъ западныхъ державъ: англійскій Кампбеллъ, французскій Буа-ле-Контъ, австрійскій Прокешъ, даже прусскій Рокербъ (не было только русскаго), всѣ убѣждали пашу удовольствоваться Сиріей и не требовать Аданы. Упорный старикъ долго стоялъ на своемъ, но наконецъ поддался единодушнымъ представленіямъ европейскихъ дипломатовъ: онъ согласился отказаться отъ Аданскаго округа. Но было поздно. Покоряясь давленію французскаго посольства, султанъ уже уступилъ эту область въ личное владѣніе Ибрагима, и миръ былъ подписанъ въ Кутахіи, на основаніи полнаго подчиненія Порты всѣмъ требованіямъ ея побѣдоноснаго вассала. Въ новомъ письмѣ къ Мегметъ-Али-пашѣ, Руссенъ приписывалъ этотъ результатъ своимъ усиліямъ. «То, что происходитъ на Босфорѣ,» утверждалъ онъ, «убѣдило Францію въ необходимости усилить Египетъ; Франція доставила вамъ всю Сирію и сдѣлала для васъ болѣе, чѣмъ всѣ другія державы.»

Когда, при первомъ появленіи нашей эскадры въ Константинопольскомъ проливѣ, французскій посолъ заключилъ свое соглашеніе съ Портой, онъ позаботился разгласить по всей Европѣ, что благодаря его настояніямъ, русскій флотъ вынужденъ будетъ возвратиться восвояси. Въ Парижѣ успѣхъ этотъ торжествовали какъ побѣду. Сочувственно отозвался о немъ и лордъ Пальмерстонъ, выразившій мнѣніе, что Руссенъ хорошо поступилъ «отправивъ обратно русскаго адмирала съ блохой въ ухѣ» [1]). Тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, когда узнали въ Парижѣ и Лондонѣ, что русская эскадра и не думала удаляться, что вслѣдъ за нею прибыла въ Босфоръ вторая, потомъ третья, высадившія на азіятскомъ берегу 10,000 человѣкъ вспомогательнаго войска. Англія и Франція вооружила каждая по эскадрѣ и отправили ихъ къ Дарданелламъ. Но англійскій флотъ былъ удержанъ отъ входа въ этотъ

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Вильяму Темплю, 9 (21) марта 1833.

проливъ самимъ великобританскимъ посломъ при Портѣ, лордомъ Понсонби; французскій же остановился въ заливѣ Вурла, вслѣдствіе категорическаго заявленія, сдѣланнаго нами тюильрійскому кабинету, что появленіе французской эскадры въ Мраморномъ морѣ мы сочтемъ за объявленіе войны.

Тѣмъ печальнѣе былъ для насъ исходъ турецко-египетской распри, заключившейся миромъ, по которому султанъ уступилъ цѣлую треть своихъ азіятскихъ владѣній покровительствуемому Франціей египетскому пашѣ.

Въ Петербургѣ давно уже были недовольны ходомъ дѣлъ на Востокѣ. Муравьева обвиняли въ томъ, что, принудивъ Мегметъ-Али-пашу къ прекращенію военныхъ дѣйствій, онъ не воспользовался произведеннымъ на него устрашающимъ впечатлѣніемъ, не остался долѣе въ Александріи, не взялъ подъ свое покровительство турецкаго уполномоченнаго Халиля и не покончилъ совмѣстно съ нимъ всего дѣла заключеніемъ мира между султаномъ и пашой. Находили, что и Бутеневъ оплошалъ, не потребовавъ сообщенія инструкціи, коими снабженъ былъ Халиль предъ отправленіемъ въ Александрію, а главное, такъ легко согласился на заявленное ему требованіе объ удаленіи нашей эскадры, тогда какъ ему слѣдовало объявить Портѣ, что эскадра отплыветъ не прежде, чѣмъ Ибрагимъ отступитъ за Таврскій хребетъ [1]). Всѣ эти ошибки приписывали отсутствію единства и согласія между тремя нашими мѣстными представителями: дипломатическимъ, военнымъ и морскимъ. Въ виду такихъ соображеній, въ особенности же съ цѣлью «придать болѣе силы ходу дипломатическихъ дѣлъ», императоръ Николай рѣшилъ отправить въ Константинополь генералъ-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла при султанѣ и главнаго начальника всѣхъ нашихъ военныхъ и морскихъ силъ въ Турціи. «Я посвященъ во всѣ самыя сокровенныя мысли государя,» писалъ Орловъ Киселеву, извѣщая его о своемъ назначеніи; «я присутствовалъ при всѣхъ обсужденіяхъ происходившихъ по этому предмету; министерство не скрыло отъ меня ничего изъ сношеній своихъ съ иностранными кабинетами относительно сего великаго дѣла.» Орловъ, который съ самаго начала полагалъ, что слѣдовало приказать отряду Ки-

[1]) Графъ Орловъ Киселеву, 15 (27) марта 1833.

селева перейти Дунай и двинуться сухимъ путемъ къ Константинополю, не дожидаясь вторичнаго приглашенія Порты, выражалъ этому генералу удивленіе, отчего «наши константинопольскіе господа» медлятъ еще такимъ приглашеніемъ. «Я не постигаю,» разсуждалъ онъ, «какъ эти господа не хотятъ понять, что дессантныя войска составляютъ лишь гарнизонъ Константинополя, и что только отъ вашего отряда зависитъ, благодаря его организаціи, разрѣшить дѣло.»

Но, когда Орловъ 6-го (18-го) мая прибылъ въ Константинополь, тамъ все уже было покончено. Извѣстіе о подписаніи мира въ Кутахіи пришло туда какъ разъ наканунѣ его пріѣзда. «Я пріѣхалъ сюда,» сообщалъ онъ Киселеву изъ Буюкъ-дере, «когда, не смотря на постоянныя усилія Бутенева, уступка Аданы уже совершилась. Настойчивыя представленія его рейсъ-эфенди объ устройствѣ этаповъ и вашемъ походѣ, такъ сказать, ускорили уступку, и до такой степени испугали диванъ, что онъ скорѣе готовъ уступить все, чѣмъ подвергнуться опасности сухопутной оккупаціи. Я видѣлъ султана и сказалъ ему всю правду въ очень сильныхъ выраженіяхъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что дѣло сдѣлано и даже подписано и что невозможно его передѣлать. Съ другой стороны, мнѣ извѣстны намѣренія государя, который на предложеніе мое силой воспротивиться уступкѣ, возразилъ, что султанъ независимъ въ своихъ владѣніяхъ и властенъ, если захочетъ, подарить половину своей имперіи. Вы говорите въ письмѣ вашемъ къ Бутеневу, что послѣдствія неисчислимы, и я говорю то же самое и въ моихъ депешахъ, и въ моихъ совѣщаніяхъ, какъ съ султаномъ, такъ и съ министрами его. Итакъ, слѣдуетъ нынѣ признать въ принципѣ, что вольною-волей турки не позовутъ васъ, и что если вы придете, то это будетъ равносильно объявленію имъ войны, причемъ вы были бы только авангардомъ арміи, которая должна была бы за вами послѣдовать. Въ настоящее время миръ будетъ лишь искусственнымъ, и скоро нужно будетъ приготовиться къ очень сильной борьбѣ; французы не займутъ нынѣ Дарданеллъ; мы объяснились съ ними по этому вопросу въ Парижѣ и даже объявили, что появленіе въ Дарданеллахъ французскаго флота будетъ сочтено нами за враждебное дѣйствіе, прямо направленное противъ насъ. Итакъ, невозможно требовать отъ турокъ, разъ уже заключенъ миръ, чтобъ они устроили запасные магазины

для будущаго похода. Придется, въ случаѣ если вамъ нужно будетъ выступить, получать вашъ провіантъ моремъ, какъ получала его армія въ 1829 году. Тѣмъ не менѣе, я не упущу мысль эту изъ виду и буду стараться извлечь изъ нея пользу при султанѣ, для грядущихъ событій. Таково, любезный другъ, положеніе дѣлъ. Фактически наше вліяніе здѣсь громадно; султанъ и даже диванъ его чувствуютъ, что вмѣшательство государя спасло султана и имперію, но боязнь нашей оккупаціи заставляетъ ихъ предвидѣть конецъ блистательной Порты; существующее же между нами и Австріей полное согласіе все болѣе и болѣе внушаетъ имъ мысль о раздѣлѣ имперіи. Я полагаю, что по подписаніи мира намъ будетъ необходимо удалиться, и тогда довѣріе возродится и насъ призовутъ вторично. Послѣ этого втораго призыва, я думаю намъ слѣдуетъ прійти уже такъ, чтобы занять все. Впрочемъ, я объявилъ Портѣ, что не оставлю Константинополя съ войсками и флотомъ прежде, чѣмъ Ибрагимъ переступитъ обратно за Тавръ и возвратитъ малоазіятскія области. Я даже далъ понять, что если Ибрагимъ, ослѣпленный своими успѣхами, поставитъ отступленіе свое въ зависимость отъ предварительнаго оставленія нами нашихъ позицій, то, въ такомъ случаѣ, я, не зная его дальнѣйшихъ намѣреній, подкрѣплю генерала Муравьева 1-ю бригадой, 26-й дивизіи, уже готовою къ отплытію въ Одессѣ, и приглашу васъ идти впередъ, не испрашивая ни у кого позволенія, ибо тогда дѣло пойдетъ объ усиленіи нашемъ для удержанія нашей позиціи, предоставивъ государю принять мѣры, какія онъ признаетъ нужными. Тогда не должно скрывать отъ себя, что это будетъ всеобщая война, и война не на животъ, а на смерть. Дѣла не представляются въ розовомъ свѣтѣ, но, не смотря на это, мы всетаки одолѣемъ, благодаря нашему географическому положенію. Слѣдуетъ, однако, не засыпать, а быть готовыми къ дѣйствію [1].»

Не смотря на заключеніе мира, присутствіе Орлова въ Константинополѣ снова подняло наше дипломатическое значеніе въ глазахъ Порты. Онъ отправилъ адъютанта своего, барона Ливена, въ лагерь Ибрагима удостовѣриться въ отступленіи египтянъ за Таврскій хребетъ, а между тѣмъ, ловко пользовался всякимъ случаемъ, чтобы возстановить наше влія-

---

[1]) Графъ Орловъ Киселеву, 29 апрѣля (11 мая) 1833.

ніе на султана и его министровъ. Достиженію этой цѣли немало содѣйствовали несогласія между французскимъ и англійскимъ послами, которые оба начали заискивать расположеніе своего русскаго товарища. Явясь къ Орлову, Руссенъ увѣрялъ его, что по полученнымъ изъ Парижа извѣстіямъ, всѣ тучи разсѣялись, и выражалъ удовольствіе, что «этому чорту Мегметъ-Али-пашѣ» не удалось разсорить Францію съ Россіей. «Тѣмъ болѣе,» отвѣчалъ ему нашъ посолъ, «что такая ссора была бы весьма серьозна; мы принимали войну со всѣми ея послѣдствіями, и намъ не нужно было къ ней готовиться.» Лордъ Понсонби выказывалъ намъ дѣйствительную дружбу, не подражая Руссену, который втайнѣ продолжалъ интриговать противъ насъ. Послѣ объясненій съ Орловымъ, великобританскій посолъ не только предписалъ своей эскадрѣ не вступать въ Дарданеллы, но потребовалъ того же и отъ французскаго [1]). Впрочемъ, и англійская и французская эскадры ушли недалеко, и первая вскорѣ снова появилась предъ Тенедосомъ, куда ожидали и французовъ. Въ письмѣ къ Киселеву Орловъ сообщилъ по этому случаю: «Сдѣлано это ради газетныхъ статей, и чтобы сказать, что мы уходимъ, потому что боимся ихъ. Между тѣмъ, офиціальная декларація государя, мои послѣдующія деклараціи, посылка офицера для удостовѣренія въ отступленіи Ибрагима, все это несомнѣнно доказываетъ, что мы будемъ дѣйствовать исключительно сами по себѣ, и что для приведенія въ исполненіе великодушнаго плана, отъ котораго мы никогда не отступали, политика императора такъ величественна, что силы нашихъ противниковъ обратятся противъ нихъ самихъ и возмогутъ обмануть лишь людей злонамѣренныхъ или такихъ, которые сами заинтересованы въ порицаніи нашего поведенія. Тѣмъ не менѣе, здѣсь нѣтъ другаго вліянія, кромѣ русскаго, самые ярые изъ министровъ вынуждены были спустить флагъ предъ непоколебимою волей султана; даже общественное мнѣніе отчасти за насъ, таковъ плодъ удивительнаго поведенія нашихъ войскъ и флота. Французы печатаютъ въ своихъ газетахъ, что Турція въ полной отъ насъ зависимости, и что морская демонстрація имѣетъ цѣлью освободить султана отъ нашего присутствія и поддержать его. Англичане говорятъ, что они выжидаютъ оконча-

[1]) Графъ Орловъ Киселеву, 25 мая (6 іюня) 1833.

нія событій и прибыли на пользу блистательной Порты въ качествѣ ея друзей. Турція благодаритъ и тѣхъ, и другихъ, но безусловно воспретила имъ входъ въ Дарданеллы. Такъ какъ лордъ Понсонби и Руссенъ объявили, что они не намѣрены войти въ этотъ проливъ, а извѣстія изъ Вѣны положительно меня въ томъ удостовѣрили, то меня и не безпокоитъ нисколько присутствіе ихъ внѣ Дарданеллъ, и какъ я уже сказалъ прежде, я ни на одинъ день не ускорю и не отложу моего отъѣзда. Впрочемъ, я имѣю удовольствіе извѣстить васъ, любезный другъ, что пока эти господа притворяются храбрецами и истинными друзьями и опорой Порты, мы накапунѣ того, чтобы подписать оборонительный договоръ, всѣ условія коего уже обсуждены и утверждены. Это удалой отвѣтъ на французскія родомонтады и великій шагъ для будущаго [1].»

Графъ Орловъ разумѣлъ союзный нашъ договоръ съ Портой извѣстный подъ названіемъ ункіяръ-искелесскаго.

По словамъ барона Бруннова, первая мысль о такомъ союзѣ зародилась въ умѣ государя по полученіи извѣстія о разговорѣ, происходившемъ между любимцемъ султана, Ахметъ-пашой, и генераломъ Муравьевымъ. Посѣтивъ начальника нашего отряда, въ первый день по прибытіи дессантныхъ войскъ, муширъ выразилъ надежду Махмуда на продолженіе дружбы «государя, столь существенно ему покровительствующаго». Султанъ, объявилъ онъ, «желаетъ связать эти узы дружбы оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ съ императоромъ и сдѣлать союзъ сей гласнымъ предо всѣми дворами Европы». «Скажите, какихъ вы мыслей на этотъ счетъ?» заключилъ Халилъ рѣчь свою вопросомъ. Муравьевъ, не имѣвшій инструкціи по такому предмету, высказалъ лишь личное свое мнѣніе, что подобный союзъ, конечно, можетъ только утвердить дружественную связь государя съ султаномъ, и поспѣшилъ сообщить о турецкомъ запросѣ нашему посланнику [2].

«Мысль эта,» разсказываетъ Брунновъ, «была принята государемъ благосклонно, ибо его величество считалъ осуществленіе проекта новымъ ручательствомъ за спокойствіе Востока

---

[1]) Графъ Орловъ Киселеву, 19 іюня (1 іюля) 1833.

[2]) Н. Н. Муравьевъ, *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, стр. 274.

и, слѣдовательно, комбинаціей, отвѣчавшею вѣрно понятымъ интересамъ Россіи. Исходя изъ такого убѣжденія, онъ разрѣшилъ графу Орлову подписать, совмѣстно съ г. Бутеневымъ, союзный договоръ, редакція коего была установлена въ Петербургѣ и удостоилась предварительнаго одобренія императора.»

Орловъ быстро и умѣло исполнилъ порученное ему. Переговоры надлежало вести въ глубокой тайнѣ, ибо государь не нашелъ нужнымъ предупредить о предположенномъ трактатѣ даже ближайшихъ своихъ союзниковъ, дворы вѣнскій и берлинскій, не говоря уже о морскихъ державахъ. «Я придерживался съ турками,» говоритъ самъ Орловъ, «системы ласкать одною рукой, сжимая другую въ кулакъ, и это привело меня къ счастливому успѣху. Министерство склонилось предъ крѣпкою волей султана. Вчера подписанъ оборонительный договоръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ мнѣ предписанъ изъ Петербурга. Мнѣ пришлось бороться съ глупостью турокъ и въ особенности съ иностранными интригами... [1])»

Подписаніе договора состоялось 26-го іюня (8-го іюля). Содержаніе его было слѣдующее:

Между Россіей и Турціей установлялись вѣчные миръ, дружба и союзъ. Цѣлью союза провозглашались взаимная защита ихъ противъ всякаго покушенія. Договаривающіяся стороны обязывались «согласоваться откровенно, касательно всѣхъ предметовъ, которые относятся до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности, и на сей конецъ подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрѣпленіе». Договоръ подтверждалъ во всей полнотѣ всѣ прежніе трактаты наши съ Портой. Императоръ всероссійскій, «вслѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость блистательной Порты», обѣщалъ, въ случаѣ надобности, предоставить въ ея распоряженіе необходимое число сухопутныхъ и морскихъ силъ и содержать ихъ на свой счетъ. Обѣ стороны выражали «чистосердечное намѣреніе, чтобъ ихъ взаимное обязательство сохранило силу до отдаленнѣйшаго времени», но, въ виду перемѣнъ, которыя могли быть вызваны обстоятельствами, оно было заключено лишь на восемь лѣтъ, причемъ условлено, до истеченія этого срока,

[1]) Графъ Орловъ Киселеву, 27 іюня (9 іюля) 1833.

«вступить во взаимные переговоры относительно возобновленія трактата сообразно положенію дѣлъ того времени». Всѣ эти постановленія были гласными, а отдѣльною и тайною статьей Порта обязывалась, вмѣсто союзной вооруженной помощи, слѣдующей Россіи на основаніи взаимности, «ограничить дѣйствія свои въ пользу императорскаго россійскаго двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, то-есть не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ» [1]).

На слѣдующій же день по подписаніи договора, графъ Орловъ, убѣдясь, вслѣдствіе донесеній барона Ливена, возвратившагося изъ лагеря Ибрагима, что послѣдній египетскій солдатъ перешелъ обратно за Таврскій хребетъ, отдалъ приказъ о посадкѣ нашихъ войскъ на суда. 28-го іюня (10-го іюля) они вышли изъ Босфора въ Черное море.

«Никогда,» пишетъ баронъ Брунновъ, «ни одни переговоры не были ведены въ Константинополѣ съ бо́льшею тайной, ни окончены съ бо́льшею быстротой. Искусство графа Орлова заключалось въ особенности въ томъ, что онъ привлекъ къ нимъ (чтобы не сказать увлекъ) главныхъ совѣтниковъ султана. Каковы бы ни были оттѣнки ихъ личныхъ мнѣній, всѣ они были вынуждены сообща принять на себя отвѣтственность за договоръ, подписанный ими вмѣстѣ, причемъ они продолжали опасаться другъ друга и удивлялись, видя имена свои одни возлѣ другихъ [2]).»

Разсматривая совокупность рѣшеній, принятыхъ русскимъ дворомъ во все продолженіе турецко-египетской распри, нельзя не прійти къ убѣжденію, что посылка генерала Муравьева въ Александрію, отправленіе въ Босфоръ русскихъ вспомогательныхъ войскъ, наконецъ союзный договоръ нашъ съ Портой суть безусловно личное дѣло императора Николая. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ отражаются возвышенныя свойства ума и характера государя: ясность, смѣлость, сознаніе своей силы и достоинства, въ соединеніи съ безупречною рыцарскою честностью. Онъ нашелъ достойныхъ исполнителей своихъ предначертаній въ генералахъ Орловѣ и Муравьевѣ, сумѣвшихъ

---

[1]) Союзный договоръ между Россіей и Турціей, заключенный въ Константинополѣ 26 іюня (7 іюля) 1833.

[2]) Подъ договоромъ 26 іюня, въ качествѣ турецкихъ уполномоченныхъ, подписались: сераскиръ Хозревъ, муширъ Ахметъ и рейсъ-эфенди Акифъ.

не только загладить ошибки, совершенныя вялою и безцвѣтною нашею дипломатіей, но и обратить ихъ къ вящему торжеству русскаго имени. Трактатъ, извѣстный подъ названіемъ ункіяръ-искелесскаго [1]), достойно довершаетъ рядъ славныхъ договоровъ нашихъ съ Портой, обезпечившихъ Россіи преобладающее положеніе на Востокѣ. Императоръ Николай дорожилъ этимъ положеніемъ, считалъ его своимъ неотъемлемымъ правомъ и открыто исповѣдовалъ его предъ лицомъ всей Европы. Съ той минуты, какъ Порта перестала его оспаривать, признала его и сама отдалась подъ покровительство русскаго царя, государь искренно отказался отъ всякихъ завоевательныхъ намѣреній на ея счетъ. «Странно,» говорилъ онъ Муравьеву по возвращеніи послѣдняго въ Петербургъ, «что общее мнѣніе приписываетъ мнѣ желаніе овладѣть Константинополемъ и Турецкою имперіей. Я уже два раза могъ сдѣлать это, если бы хотѣлъ: въ первый разъ—послѣ перехода черезъ Балканы, а во второй—нынѣ; но я отъ того весьма далекъ. Мнѣніе это осталось еще со временъ императрицы Екатерины и такъ сильно вкоренилось, что самые умные политики въ Европѣ не могутъ въ томъ разубѣдиться. Какія мнѣ выгоды отъ завоеванія Турціи? Держать тамъ войска? Да допустила ли бы еще меня къ этому Австрія? Какія выгоды произошли бы отъ того для нашей матушки-то Россіи, то-есть для губерній: Ярославской, Московской, Владимірской и прочихъ? Мнѣ и Польши довольно. Такъ, мнѣ выгодно держать Турцію въ томъ слабомъ состояніи, въ которомъ она нынѣ находится; это и надобно поддержать, и вотъ настоящія отношенія, въ коихъ я долженъ оставаться съ султаномъ.» Государь упускалъ изъ виду, что именно эти «настоящія» отношенія оказались не подъ силу дипломатическимъ представителямъ его. Муравьевъ выразилъ сомнѣніе, чтобы Порта была способна защитить Дарданеллы, согласно принятымъ на себя предъ нами обязательствамъ. «А я готовъ буду поддержать эти обязательства войсками,» возразилъ государь [2]).

Какъ громовой ударъ изъ безоблачнаго неба, разразилась надъ Европой вѣсть объ ункіяръ-искелесскомъ договорѣ. Съ

---

[1]) Ункіяръ-искелесскимъ называютъ договоръ иностранцы потому, что въ долинѣ этого имени были расположены наши войска. Но трактатъ подписанъ не въ нашемъ лагерѣ, а въ самомъ Константинополѣ.

[2]) Н. Н. Муравьевъ: *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, стр. 449.

точки зрѣнія права, трудно было что либо признать въ немъ незаконнымъ. Порта, въ качествѣ независимой державы, властна была заключать союзы съ кѣмъ хотѣла, никому не отдавая отчета въ ихъ условіяхъ. Къ тому же, договоръ не создавалъ новаго положенія, а лишь узаконялъ фактъ союзной помощи, дѣйствительно поданной Россіей султану. Но во всѣхъ столицахъ Западной Европы онъ пробудилъ исконное чувство зависти и недовѣрія къ намъ. Князь Меттернихъ промолчалъ, притворялся даже, что его нисколько не тревожитъ новое проявленіе русскаго вліянія на Босфорѣ. Но въ Лондонѣ и въ особенности въ Парижѣ громко кричали, что трактатъ силой исторгнутъ у султана; что Россія превратила въ верховенство и покровительство (suzeraineté et protectorat) преобладаніе, коимъ она давно пользовалась въ Константинополѣ. Въ офиціальной депешѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ выражалъ мнѣніе, что союзнымъ трактатомъ съ Портой «петербургскій кабинетъ хотѣлъ предъ лицомъ всей Европы открыто провозгласить, возвести въ принципъ народнаго права свое исключительное, выходящее изъ ряда преобладаніе въ дѣлахъ Оттоманской имперіи» [1]). Гизо идетъ еще далѣе, и въ своихъ запискахъ увѣряетъ, что договоромъ этимъ Турція обращена была въ офиціальнаго кліента Россіи, Черное море въ русское озеро, входъ въ которое охранялся де означеннымъ кліентомъ противъ враговъ Россіи, тогда какъ выходъ оставался свободнымъ для нея, и она могла во всякое время направлять въ Средиземное море свои суда и войска [2]).

Морскія державы снова придвинули свои эскадры къ Дарданелламъ и предъявили Портѣ торжественный протестъ противъ трактата 26-го іюня (8-го іюля). Онѣ повторили его и въ Петербургѣ. Въ нотѣ, обращенной къ вице-канцлеру повѣренными въ дѣлахъ англійскимъ, Бляйемъ, и французскимъ, Лагрене, было сказано, «что ункіаръ-искелесскій договоръ придаетъ взаимнымъ отношеніямъ Оттоманской имперіи и Россіи совершенно новый характеръ, противъ котораго европейскія державы имѣютъ право высказаться». Нота кончалась словами: «Если условія этого акта вызовутъ впослѣдствіи вооруженное вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла Турціи, то ан-

[1]) Герцогъ Броль к французскому послу въ Петербургѣ, маршалу Мезону, 16 (28) октября 1833.

[2]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, IV, стр. 49.

глійское и французское правительства почтутъ себя совершенно въ правѣ слѣдовать образу дѣйствій, внушенному имъ обстоятельствами, поступая такъ, какъ если бы помянутаго трактата не существовало» [1]). На дерзкую эту выходку послѣдовалъ столь же рѣзкій отвѣтъ. Графъ Нессельроде, доказавъ, что ункіяръ-искелесскій договоръ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что превышало бы права обѣихъ договаривающихся сторонъ, объявилъ, что «государь императоръ рѣшился исполнить въ точности, если къ тому представится случай, обязательства, возложенныя на него трактатомъ 26-го іюня (8-го іюля), поступая такъ, какъ если бы не существовало нотъ англійскаго и французскаго повѣренныхъ въ дѣлахъ» [2]).

Въ твердомъ убѣжденіи, что Турція совершенно измѣнила свою вѣковую политическую систему и надолго связала себя съ нами узами дружбы и признательности, императоръ Николай осыпалъ новую свою союзницу знаками благоволенія и попечительности. Съ прибывшимъ, осенью 1833 года, благодарить государя отъ имени султана за оказанную помощь чрезвычайнымъ посломъ Ахметъ-пашой заключена была конвенція, снова предоставлявшая Турціи важныя преимущества. По счетамъ военной контрибуціи, за Турціей еще оставалось въ долгу шесть милліоновъ червонцевъ. Два милліона были опять сложены съ нея, а уплата остальныхъ четырехъ разсрочена на восемь лѣтъ. До полнаго разсчета, русскія войска должны были оставаться въ Силистріи, но очищали Дунайскія Княжества немедленно по утвержденіи Портою органическаго устава и назначеніи господарей. За это турки соглашались на незначительное исправленіе азіятской нашей границы въ окрестностяхъ Ахалцыха [3]). Спустя два года, за Портой было еще долгу $3^3/_4$ милліона червонцевъ, или по турецкому счету 168.000,000 піастровъ. Снисходя на просьбу султана, государь подарилъ ему болѣе половины этой суммы, подъ условіемъ, чтобъ остатокъ въ 80.000,000 піастровъ былъ уплаченъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ [4]). Порта внесла въ срокъ

---

1) Бляй и Лагрене графу Нессельроде, 16 (28) октября 1833.

2) Графъ Нессельроде Бляю и Лагрене, 24 октября (5 ноября) 1833.

3) Конвенція между Россіей и Турціей, заключенная въ Петербургѣ 14 (26) апрѣля 1834.

4) Конвенція между Россіей и Турціей, заключенная въ Константинополѣ 15 (27) марта 1836.

эту сумму, и 30-го августа (11-го сентября) 1836 года, русскій гарнизонъ выступилъ изъ Силистріи, передавъ ее туркамъ со всею крѣпостною артиллеріей, состоявшею изъ 70 орудій, и значительнымъ количествомъ оружія и боевыхъ припасовъ всякаго рода.

Такимъ образомъ было исполнено послѣднее изъ условій адріанопольскаго договора. Въ 1838 году баронъ Бруновъ завершилъ читанное имъ наслѣднику цесаревичу изложеніе нашихъ дипломатическихъ актовъ, относящихся до Востока, слѣдующими словами:

«Нынѣ между нами и Портой не осталось ни одного подлежащаго обсужденію вопроса. Съ царствованія Петра Великаго, въ исторіи нашихъ дипломатическихъ сношеній не встрѣчается ни одной эпохи, когда бы въ нашихъ прямыхъ отношеніяхъ къ Турціи не было какого либо обвиненія или жалобы противъ нея, какой либо войны съ нею и, прибавимъ мы, какого либо упрека самимъ себѣ. Нашъ августѣйшій государь можетъ сказать нынѣ съ болѣе сильнымъ, чѣмъ когда бы то ни было, убѣжденіемъ: «Я буду наблюдать за сохраненіемъ моихъ договоровъ, ибо я сознаю свое право». Такова политика, основанная императоромъ на Востокѣ. Она всего болѣе приличествуетъ достоинству, равно какъ и истиннымъ пользамъ Россіи [1].»

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Колебанія восточной политики русскаго двора.

Въ договорѣ 26-го іюня (8-го іюля) 1833 года, узаконившемъ наше преобладаніе въ Турціи, вѣковая, историческая, народная политика Россіи на Востокѣ достигла своего высшаго выраженія. Договоръ этотъ былъ, какъ мы видѣли, личнымъ дѣломъ императора Николая, совершеннымъ помимо и даже вопреки собственной его дипломатіи. Актъ этотъ свидѣтельствуетъ намъ, что государь, ставъ изъ грознаго противника мощнымъ покровителемъ Оттоманской имперіи, хотѣлъ измѣнить лишь средства, отнюдь не цѣль восточной политики, завѣщанной ему державными предками. Цѣлью оставалось попрежнему утвержденіе за Россіей первенствующаго положенія на Востокѣ, положенія, основаннаго на правѣ, поддержаннаго силой, гласно исповѣдуемаго предъ лицомъ Европы. И цѣль эта была блистательно достигнута. Союзнымъ договоромъ съ Портой Россія пріобрѣла въ Царьградѣ то «сильное вліяніе», которое въ самомъ началѣ своего царствованія императоръ Николай провозгласилъ «одною изъ первыхъ ея потребностей» [1]), и требовалъ для себя въ размѣрѣ, одинаковомъ съ тѣмъ, «коимъ пользуется Англія въ Португаліи» [2]), съ гордою откровенностью предупреждая лондонскій дворъ, что Россія столько же въ правѣ охранять входъ въ Черное море, сколько Англія въ Средиземное, и господствовать надъ Босфоромъ, какъ Англія надъ проливомъ Гибралтарскимъ [3]).

---

[1]) Графъ Нессельроде Рибопьеру, 11 (23) января 1827.

[2]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 9 (21) января 1827 года.

[3]) Графъ Нессельроде князю Ливену, 21 января (2 февраля) 1830.

Рѣшаясь на такую важную мѣру, государь не счелъ нужнымъ справляться съ мнѣніемъ иностранныхъ державъ, не исключая и ближайшихъ своихъ союзниковъ, дворовъ берлинскаго и вѣнскаго, съ которыми онъ въ это самое время скрѣплялъ нѣсколько ослабѣвшія узы прежней дружбы и единенія. Смѣлый шагъ Россіи не встрѣтилъ противодѣйствія нигдѣ и ни въ комъ. Англія и Франція ограничились безсильнымъ протестомъ и вынуждены были, по требованію самой Порты, удалить свои эскадры отъ Дарданеллъ. Пруссія и Австрія даже поздравили насъ съ блестящимъ дипломатическимъ успѣхомъ. «Меттернихъ въ восторгѣ отъ русскаго договора съ султаномъ,» восклицалъ съ досадой Пальмерстонъ, «угодить ему легко! [1]).»

Чѣмъ же объясняется такая внезапная и коренная перемѣна въ воззрѣніяхъ австрійскаго канцлера на положеніе Россіи на Востокѣ?

«Въ первые годы царствованія императора Николая,» повѣтствуетъ баронъ Брунновъ, «отношенія наши къ Австріи были замѣтно поколеблены жалкимъ поведеніемъ вѣнскаго двора, усвоеннымъ имъ противъ насъ въ восточныхъ дѣлахъ. Живо заинтересованная въ сохраненіи Оттоманской имперіи, Австрія съ безпокойствомъ и недовѣріемъ слѣдила за развитіемъ нашихъ приготовленій къ войнѣ, будучи увѣрена, что цѣлью ея было разрушеніе Турціи. Предубѣжденіе это, все болѣе и болѣе усиливаясь въ продолженіе походовъ 1828 и 1829 годовъ, побудило вѣнскій дворъ совершить поступки, которые не могли не компрометировать его серіозно предъ нами. Самая ложная изъ его комбинацій заключалась въ поднятіи вопроса о противоположеніи европейскаго посредничества приписываемой намъ Австріей системѣ захватовъ и завоеваній. Планъ этотъ, существованіе коего было намъ извѣстно, потерпѣлъ однако крушеніе въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Пруссія была намъ слишкомъ вѣрна, чтобы примкнуть къ подобному проекту. Франція, тогда еще союзная и дружественная намъ держава, относилась съ подозрѣніемъ къ намѣренію, внушившему его. Англія была слишкомъ нерѣшительна, чтобы пойти на столь рискованное дѣло. Исходъ кам-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 22 августа (3 сентября) 1833.

паніи 1829 года и адріанопольскій трактатъ застали Европу врасплохъ посреди всей этой дипломатической агитаціи и положили конецъ направленнымъ противъ насъ комбинаціямъ. Но воспоминанія о происшедшемъ оставили въ обоихъ императорскихъ дворахъ тягостныя впечатлѣнія. Нужна была совокупность совершенно неожиданныхъ обстоятельствъ для того, чтобъ изгладить эти воспоминанія и замѣнить искреннимъ довѣріемъ обоюдное настроеніе, только-что указанное нами. Причины, вызвавшія перемѣну, были слѣдующія. Прежде всего, іюльскія событія 1830 года, пробудивъ революціонный духъ на западѣ и югѣ Европы, дали почувствовать Австріи необходимость опереться на Россію. Вѣнскій дворъ понялъ ее вдвойнѣ, съ того времени, какъ Англія, увлеченная вліяніемъ преобразовательныхъ идей, послѣдовала политическому и нравственному импульсу Франціи. Тогда Австрія въ одиночествѣ своемъ вынуждена была искать опоры со стороны Россіи. Во-вторыхъ, положеніе, принятое императоромъ по отношенію къ Турціи послѣ адріанопольскаго мира, и въ особенности великодушная помощь, оказанная его величествомъ султану въ теченіе египетскаго мятежа, доказали вѣнскому двору, что нашъ августѣйшій государь желаетъ не разрушенія, а сохраненія Оттоманской имперіи. Съ этой минуты, довѣріе Австріи было обезпечено за нами. Въ помянутыхъ обстоятельствахъ поведеніе ея, надо признаться, было честно и ловко. Когда флотъ нашъ и войска получили приказаніе занять Босфоръ, Австрія вызвалась нравственно поручиться за насъ предъ морскими державами и засвидѣтельствовала полное довѣріе, внушаемое ей благородствомъ и безкорыстіемъ намѣреній императора. Затѣмъ, когда въ Константинополѣ подписанъ былъ союзный договоръ нашъ съ Портой, планъ и негоціація коего были содержимы втайнѣ отъ Австріи, она снова не только не выразила намъ ни малѣйшаго неудовольствія, но первая воздала должную справедливость великодушнымъ побужденіямъ, вызвавшимъ этотъ трактатъ. Поведеніе вѣнскаго двора въ виду этихъ двухъ обстоятельствъ было оцѣнено государемъ по достоинству [1].»

На это именно впечатлѣніе разсчитывалъ Меттернихъ, по мѣткому замѣчанію Гизо, «отлично умѣвшій пользоваться вызывае-

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

*

мыми временемъ перемѣнами въ положеніи событій и умовъ, чтобы внушать истины, которыя онъ сначала не хотѣлъ выговорить, и умѣрять опасности, съ коими не смѣлъ бороться въ самую минуту кризиса» [1]). Другими словами, австрійскій канцлеръ рѣшился на попытку, подъ личиной дружбы, выманить у императора Николая тѣ уступки, достигнуть коихъ не успѣли его враждебные происки и угрозы, и подъ видомъ тѣснаго соглашенія, связать свободу нашихъ дѣйствій на Востокѣ. Въ этомъ смыслѣ, поправкой къ ункіяръ-искелесскому договору должно было служить, назначенное на осень 1833 года, свиданіе императоровъ русскаго и австрійскаго въ Мюнхенгрецѣ, въ Чехіи.

Какъ бы то ни было, государь повѣрилъ искренности расточаемыхъ намъ вѣнскимъ дворомъ увѣреній въ дружбѣ и полной политической солидарности. Достиженію этого результата немало содѣйствовалъ и вновь назначенный австрійскимъ посломъ въ Петербугѣ графъ Фикельмонтъ, успѣвшій въ короткое время снискать расположеніе и довѣріе его величества. За полгода до мюнхенгрецкаго свиданія, въ то самое время, когда русскіе эскадра и десантъ готовились выступить на помощь султану Махмуду и преградить египетской арміи доступъ къ Царьграду, императоръ Николай въ довѣрительной бесѣдѣ съ австрійскимъ представителемъ высказалъ ему свой личный взглядъ на положеніе дѣлъ Востока. Нарисовавъ картину полнаго внутренняго разложенія Оттоманской имперіи и упомянувъ о поддержкѣ, которую онъ рѣшился оказать султану, «я не скрою отъ васъ,» сказалъ государь, «что это жертва мною приносимая. Она слишкомъ противорѣчитъ нашимъ прежнимъ отношеніямъ къ Турціи, чтобы Россія могла съ удовольствіемъ взирать на эту помощь. Препятствіемъ тому служатъ наши религіозные принципы. Итакъ, вотъ все, что я въ состояніи сдѣлать. Не отъ меня зависитъ воскресить Оттоманскую имперію, коль скоро она перестанетъ существовать. Между тѣмъ, самые важные интересы Россіи и Австріи требуютъ, чтобы будущая судьба турецкихъ владѣній не рѣшалась помимо ихъ участія и вопреки ихъ желаній.» Императоръ напомнилъ, что вопросъ о раздѣлѣ Турціи не въ первый разъ уже стоитъ на очереди, что были составлены самые

[1]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, IV*, стр. 52.

разнообразные проекты, но что они не могли быть приведены въ исполненіе, вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія и соперничества державъ. Нынѣ, замѣтилъ онъ, Австрія и Россія находятся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и соглашеніе между ними весьма возможно, въ особенности потому, что Россія «отреклась отъ цѣли», намѣченной Екатериной II. «Я желалъ бы поддержать Турецкую имперію,» заключилъ государь; «если она падетъ, то я ничего не хочу изъ ея обломковъ. Мнѣ ничего не нужно... Какъ же поступить? Мысль о раздѣлѣ всегда занимала державы...» Посолъ возразилъ, что раздѣлить всю Турцію фактически невозможно. Императоръ съ нимъ согласился. «Турецкая имперія,» продолжалъ онъ, «заняла мѣсто имперіи греческой путемъ завоеванія; корни ея сидятъ не глубоко. Населеніе областей древней греческой имперіи, даже на азіятскомъ берегу Босфора, въ большинствѣ христіанское. Отчего бы, если турецкая имперія сама себя разрушитъ, благодаря собственной неспособности, намъ не искать возстановленія имперіи греческой? Начало греческому государству уже положено. Я не знаю короля Оттона, не знаю по силамъ ли ему придется такая будущность. Со своей стороны, я не вижу лучшаго исхода [1].» Слѣдуетъ замѣтить, что слова эти были сказаны государемъ еще до полученія въ Петербургѣ извѣстій о первыхъ распоряженіяхъ баварскаго регентства, только-что успѣвшаго прибыть въ Грецію, и о враждебномъ намъ общемъ направленіи его политики.

Происходившій 1-го (13-го) февраля 1833 года разговоръ императора Николая съ графомъ Фикельмонтомъ заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Онъ доказываетъ, что государь, соглашаясь на отстаиваемую вице-канцлеромъ политику, состоявшую въ поддержкѣ существованія Турціи, самъ не вѣрилъ въ ея долговѣчность и предвидѣлъ необходимость заблаговременно принять мѣры въ виду близкаго распаденія Оттоманской имперіи. Ревниво оберегая свои, основанныя на договорахъ съ нею, права отъ всякаго вмѣшательства иностранныхъ державъ, онъ относительно созданія новаго порядка на Востокѣ желалъ, однако, уговориться съ ближайшими своими союзниками и прежде всего съ вѣнскимъ дворомъ. Въ основаніе этого соглашенія было положено имъ на-

[1]) Графъ Фикельмонтъ князю Меттерниху, 1 (13) февраля 1833.

чало полнаго и совершеннаго безкорыстія, подъ условіемъ, конечно, что и союзные дворы ничего не потребуютъ въ свою пользу. Наконецъ, религіозное чувство русскаго народа, врожденныя симпатіи его къ восточнымъ единовѣрцамъ упомянуты государемъ въ числѣ побужденій руководившихъ личною политикой его величества.

Ничто не могло быть противнѣе всему складу ума и привычекъ австрійскаго канцлера, какъ прямо поставленные императоромъ Николаемъ вопросы: что дѣлать въ томъ случаѣ, если Турція распадется сама собою, чѣмъ ее замѣнить, не возстановить ли греческую имперію? Послу нашему въ Вѣнѣ поручено было пригласить Меттерниха дать на нихъ опредѣленные отвѣты. Князь попытался отдѣлаться возраженіемъ, что вѣнскій дворъ не можетъ согласиться на возстановленіе греческой имперіи на развалинахъ Турціи, потому что на престолѣ греческомъ возсѣдаетъ баварскій принцъ, «и было бы неосторожно со стороны Австріи допустить у себя въ тылу того же самаго противника, котораго она имѣетъ уже спереди» [1]. Татищевъ не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не разъ возвращался, въ бесѣдахъ своихъ съ Меттернихомъ, къ возбужденнымъ государемъ важнымъ вопросамъ. Канцлеръ продолжалъ уклоняться, отвѣчалъ общими мѣстами, настаивалъ на предварительномъ выводѣ русскихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, какъ на доказательствѣ того, что Россія не намѣрена присвоить этихъ областей. Въ другой разъ онъ распространился о приписываемомъ Франціи желаніи замѣнить Турцію Арабскою имперіей, подъ верховною властью Мегметъ-Али-паши, и выразилъ мнѣніе, что ни Россія, ни Австрія не могутъ допустить осуществленія этого плана, равно опаснаго для обѣихъ имперій. Наконецъ, уступая настояніемъ нашего посла, онъ рѣшился высказаться окончательно. По словамъ его, вѣнскій дворъ будетъ до послѣдней возможности поддерживать Оттоманскую имперію; если же ей суждено пасть, то не допуститъ учрежденія изъ ея обломковъ единаго сильнаго государства, существованіе коего было бы одинаково противно интересамъ обоихъ императорскихъ дворовъ. Онъ присовокупилъ, что готовъ отдать предпочтеніе предъ всѣми прочими комбинаціями учрежденію вполнѣ

[1]) Татищевъ графу Нессельроде, 27 февраля (11 марта) 1833.

независимыхъ государствъ изъ областей, составляющихъ нынѣ Европейскую Турцію, по современнымъ ихъ названіямъ. Такъ, Молдавія, Валахія, Сербія, Боснія, Болгарія и Албанія могутъ де составить столько же государствъ, отдѣльныхъ другъ отъ друга, изъ коихъ христіанскія будутъ управляться князьями, а мусульманскія ханами. «Ни въ какомъ случаѣ,» утверждалъ Меттернихъ, «государь, которому достанутся берега Босфора и столицей коего будетъ Константинополь, не долженъ носить титулъ императора [1]).»

Въ концѣ августа, состоялось наконецъ свиданіе между государями русскимъ и австрійскимъ въ Мюнхенгрецѣ. Оно, по выраженію Бруннова, «открываетъ новую эпоху въ исторіи нашихъ политическихъ сношеній съ Австріей». «Съѣздъ продолжался,» говоритъ баронъ, «всего лишь десять дней, но этого короткаго срока было достаточно для обоихъ государей и ихъ кабинетовъ, чтобъ установить соглашеніе по всѣмъ важнымъ политическимъ вопросамъ, обращавшимъ на себя въ то время вниманіе Европы [2]).»

Въ ряду этихъ вопросовъ первое мѣсто несомнѣнно занималъ вопросъ Восточный. Ему была посвящена цѣлая конвенція, заключенная при этомъ случаѣ между обоими императорскими дворами.

Во вступленіи къ означенному акту императоры всероссійскій и австрійскій заявляли, что «тѣсный ихъ союзъ въ продолженіе послѣднихъ событій въ Египтѣ могущественнымъ образомъ содѣйствовалъ предохраненію Оттоманской имперіи отъ угрожающихъ ей опасностей, а Европы отъ усложненій, которыя могли бы отъ того послѣдовать», и выражали намѣреніе, «дѣйствуя въ духѣ охраненія, руководящемъ ихъ общею политикой, и желая обезпечить безопасность и спокойствіе собственныхъ сопредѣльныхъ съ Турціей владѣній, принять это начало единенія за основное правило ихъ будущаго образа дѣйствій, по отношенію къ дѣламъ Востока. Соотвѣтственно сему, ихъ величества признали нужнымъ установить особою конвенціей возможныя въ будущемъ рѣшенія, необходимость коихъ могла бы быть вызвана примѣненіемъ этого начала».

---

[1]) Татищевъ графу Нессельроде, 23 апрѣля (5 мая) 1833.
[2]) Рукописная записка барона Бруннова.

Конвенція состояла изъ трехъ гласныхъ и двухъ отдѣльныхъ и тайныхъ статей. Гласныя статьи выражали принятое договаривающимися сторонами обязательство «поддерживать существованіе Оттоманской имперіи подъ властью нынѣшней династіи, и въ совершенномъ согласіи, посвятить этой цѣли всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства вліянія и дѣйствія». Оба императорскіе двора обязывались «не допускать общими силами никакой комбинаціи, которая наносила бы ущербъ независимости верховной власти въ Турціи, либо учрежденіемъ временнаго регентства, либо совершенною перемѣной династіи». Они не только не признаютъ ни того, ни другаго случая, но въ виду ихъ «войдутъ въ соглашеніе относительно принятія сообща мѣръ наиболѣе дѣйствительныхъ для предотвращенія тѣхъ опасностей, кои могли бы быть вызваны совершившеюся въ существованіи Оттоманской имперіи перемѣной, а именно для сохранности и интересовъ собственныхъ ихъ пограничныхъ съ Турціей владѣній».

Но центръ тяжести конвенціи заключался въ ея отдѣльныхъ и тайныхъ статьяхъ. Первая поясняла, что вышеизложенныя гласныя обязательства должны быть примѣнены къ египетскому пашѣ, которому договаривающіяся стороны воспрепятствуютъ распространить власть свою прямо или косвенно на европейскія области Оттоманской имперіи. Вторая тайная статья гласила: «Подписывая гласную конвенцію, заключенную сего числа, оба императорскіе двора не могли исключить изъ своего предвидѣнія и тотъ случай, когда не взирая на общія ихъ желанія и усилія, нынѣшній порядокъ все же былъ бы ниспровергнутъ въ Турціи, и намѣреніе ихъ заключается въ томъ, чтобы случай этотъ не произвелъ никакого измѣненія въ началѣ единенія по восточнымъ дѣламъ, установленіе коего между обоими дворами имѣетъ цѣлью настоящая конвенція. Вслѣдствіе сего условлено, что въ этомъ случаѣ оба императорскіе двора будутъ дѣйствовать не иначе какъ въ согласіи и въ духѣ совершенной солидарности, во всемъ что касается установленія новаго порядка, имѣющаго замѣнить нынѣ существующій, и что они будутъ сообща имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы перемѣна, совершившаяся во внутреннемъ положеніи этой имперіи не могла нанести ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни пра-

вамъ, обезпеченнымъ каждому изъ нихъ договорами, ни европейскому равновѣсію [1]).»

Такова была мюнхенгрецкая конвенція, распространившая на Востокъ дѣйствіе скрѣпленнаго личнымъ сближеніемъ монарховъ русско-австрійскаго союза. Заключая ее, императорскій кабинетъ имѣлъ въ виду, на случай новыхъ замѣшательствъ въ Левантѣ, отвлечь Австрію отъ морскихъ державъ и обезпечить за нами ея дипломатическое содѣйствіе. По крайней мѣрѣ такъ объясняетъ цѣль русскаго двора баронъ Брунновъ, говоря: «Разстроить этотъ планъ, который рано или поздно недоброжелательная политика могла бы обратить намъ во вредъ; разстроить элементы тройнаго союза, въ которомъ Англія, Франція и Австрія стали бы дѣйствовать сообща въ восточныхъ дѣлахъ; пріобщить, напротивъ, эту послѣднюю къ нашимъ интересамъ и къ нашей политикѣ,—такова мысль, которую нашъ августѣйшій государь сумѣлъ осуществить, подписавъ съ императоромъ Францемъ мюнхенгрецкую конвенцію [2])».

Побужденія эти не выдерживаютъ, къ сожалѣнію, и самой снисходительной критики. Мы не имѣли въ дѣйствительности ни малѣйшаго повода опасаться совмѣстнаго дѣйствія на Востокѣ вѣнскаго двора съ дворами лондонскимъ и парижскимъ, доколѣ виги находились у власти въ Англіи, а іюльская монархія во Франціи дружила съ революціонными элементами въ Польшѣ, Германіи и Италіи. Что при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ соглашеніе Австріи съ морскими державами было совершенно невозможно, всего лучше доказывало поведеніе ея во время послѣдней турецко-египетской распри и вынужденное обстоятельствами одобреніе нашего вооруженнаго вмѣшательства и даже союзнаго договора, ставившаго Порту въ прямую зависимость отъ насъ. Мюнхенгрецкая конвенція заключала въ себѣ обязательство направить всѣ силы обѣихъ имперій къ поддержанію Турціи, но цѣлость и неприкосновенность послѣдней составляли гораздо болѣе австрійскій интересъ, нежели русскій. Къ тому же императоръ Николай самъ не вѣрилъ въ возможность продлить существованіе расшатаннаго и со всѣхъ сторонъ подкопаннаго зданія Порты,

[1]) Конвенція, заключенная между Россіей и Австріей въ Мюнхенгрецѣ 6 (18) сентября 1833.

[2]) Рукописная записка барона Бруннова.

и въ этомъ убѣжденіи поддержалъ его по возвращеніи изъ Константинополя творецъ ункіяръ-искелесскаго трактата, Орловъ. Въ Мюнхенгрецѣ и государь, и этотъ наиболѣе довѣренный его совѣтникъ, не скрывали отъ австрійцевъ увѣренности своей въ томъ, что дни Турціи сочтены, что она не въ силахъ устоять, ни въ виду внутренняго своего разложенія, ни противъ ударовъ паши египетскаго, могущество коего удвоилось со времени присоединенія къ Египту всей Сиріи и Аданскаго округа [1]). Что же было рѣшено въ предвидѣніи этой случайности, представлявшейся столь близкою и неотвратимою? Дѣйствовать сообща. Но какъ и на какихъ основаніяхъ? Конвенція не давала отвѣта на эти вопросы, и не безъ причины. Меттернихъ былъ глубоко убѣжденъ, что на Востокѣ, пригодное для Россіи непригодно для Австріи, и наоборотъ. Ему важно было, до поры до времени, связать Россію обязательствомъ ничего не предпринимать безъ предварительнаго уговора съ Австріей, стѣснить свободу ея дѣйствій на Востокѣ, и цѣль эта вполнѣ достигалась мюнхенгрецкою конвенціей. Не даромъ будущее соглашеніе императорскихъ дворовъ обставлено было столькими оговорками и ограниченіями, приведено въ зависимость и отъ безопасности ихъ владѣній, и отъ правъ, принадлежащихъ имъ по договорамъ, наконецъ отъ условій европейскаго равновѣсія. Самая же сущность соглашенія тщательно была пройдена молчаніемъ. Меттернихъ не рѣшился даже занести въ уговоръ предположеній своихъ объ образованіи независимыхъ государствъ изъ отдѣльныхъ областей Турціи, — комбинаціи, вполнѣ соотвѣтствовавшей пользамъ Россіи и преданіямъ ея политики. Дѣло въ томъ, что онъ никогда серіозно и не помышлялъ о такомъ способѣ разрѣшенія восточнаго вопроса. Съ его точки зрѣнія, ужъ если нельзя было вдохнуть жизнь въ разлагающееся государственное тѣло Оттоманской имперіи, то слѣдовало замѣнить ее такимъ порядкомъ вещей, при которомъ вліяніе Россіи было бы вытѣснено съ Балканскаго полуострова. Какъ только австрійскій канцлеръ убѣдился во враждебности къ намъ новосозданнаго греческаго королевства, оно тотчасъ же представилось ему законнымъ наслѣдникомъ султана въ обладаніи едва ли не всею Европейскою Турціей. Забывъ свое

[1]) Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, p. 52.

противодѣйствіе образованію на ея развалинахъ единаго христіанскаго государства, забывъ опасенія, внушаемыя ему баварскимъ происхожденіемъ короля Оттона, Меттернихъ, въ концѣ 1839 года, прямо заявилъ австрійскому посланнику въ Аѳинахъ, Прокешъ-Остену: «Планъ мой составленъ. Константинополь можетъ быть только греческимъ». «А также и всѣ земли, лежащія между Константинополемъ и Аѳинами?» спросилъ его посланникъ. «Всѣ,» отвѣчалъ Меттернихъ, «доколѣ простирается греческій языкъ. Аѳины слѣдуетъ перенести въ Константинополь.» [1]) Выражая такое мнѣніе, австрійскій канцлеръ какъ бы забывалъ о самомъ существованіи мюнхенгрецкой конвенціи.

Послѣ этого позволительно сказать, что австро-русское соглашеніе по дѣламъ Востока было только кажущимся, что оно было разсчитано на великодушную довѣрчивость императора Николая, на австрійскія симпатіи и личный интересъ большинства русскихъ дипломатовъ того времени. Въ сущности не мы пріобщали Австрію къ нашимъ нуждамъ и пользамъ, къ нашей политикѣ, а она связывала насъ по рукамъ и по ногамъ, предоставляя себѣ полную свободу дѣйствій въ будущемъ. Дѣйствительно, ей всегда было легко отклонить наши предложенія объ установленіи новаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ, подъ предлогомъ, что они не согласуются съ ея безопасностью, съ ея правами, съ высшими требованіями европейскаго равновѣсія, А безъ ея согласія мы обѣщали ничего не предпринимать на Востокѣ. Съ понятнымъ самодовольствіемъ высказался Меттернихъ о результатахъ мюнхенгрецкаго свиданія. «Когда Россія шла со мною разными дорогами, я ее покинулъ. Нынѣ я иду съ нею, потому что она идетъ со мной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ греческомъ вопросѣ я не шелъ съ нею. За это меня порицали. Нынѣ, когда она хочетъ и поневолѣ должна хотѣть сохраненія Турецкой имперіи, я иду съ нею и меня порицаютъ снова. Я не соображаюсь ни съ кѣмъ и иду своимъ путемъ, тѣмъ путемъ, который признаю за истинный. Кого я нахожу на этомъ пути, того беру съ собой. Я мало-по-малу заставилъ примкнуть ко мнѣ самыхъ рьяныхъ моихъ противниковъ [2]).»

---

[1]) *Aus dem Nachlasse des Grafen Prokesch-Osten.* II, p. 182.

[2]) Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, p. 55.

Наша дипломатія выражала не меньше удовольствія. Она, повидимому, была дѣйствительно убѣждена, что одержала въ Мюнхенгрецѣ блестящую дипломатическую побѣду. Конвенція, заключенная въ этомъ городѣ, доносилъ государю вице-канцлеръ, «обѣщаетъ намъ, что во всѣхъ будущихъ замѣшательствахъ на Востокѣ мы будемъ видѣть Австрію *съ нами, а не противъ насъ* [1])».

Мюнхенгрецкія условія сохранялись въ глубокой тайнѣ, и непосвященные въ нихъ дворы терялись въ догадкахъ о содержаніи этихъ условій. Лордъ Пальмерстонъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что при свиданіи обоихъ императоровъ былъ возбужденъ вопросъ о раздѣлѣ Турціи между Россіей и Австріей. Онъ разразился по этому случаю въ упрекахъ австрійскому послу, который оправдывался, отрицая это предположеніе и увѣряя англійскаго министра, что хотя русскій дворъ и не разъ обращался къ австрійскому съ вопросомъ: чѣмъ слѣдуетъ замѣнить разлагающуюся Турцію, но Меттернихъ всегда де избѣгалъ этого разсужденія, по той причинѣ, что цѣль канцлера—поддержаніе существующаго, и что слѣдовательно ему нѣтъ нужды знать, чѣмъ оно можетъ быть замѣнено [2]).

Затаешую злобу и безсильный гнѣвъ свой морскія державы обратили на Россію. Эскадры англійская и французская крейсировали въ Архипелагѣ, готовыя вторгнуться въ Дарданеллы при первомъ извѣстіи о возвращеніи нашего черноморскаго флота въ Босфоръ. Въ тронной рѣчи короля великобританскаго, при открытіи парламента, заявлена была твердая рѣшимость сентъ-джемскаго двора «тщательно наблюдать за событіями, которыя могли бы подвергнуть опасности настоящее положеніе или будущую независимость Оттоманской имперіи». Слова эти Вильгельмъ IV произнесъ съ особеннымъ одушевленіемъ и при этомъ покосился на нашего посла, который вмѣстѣ съ прочими членами дипломатическаго корпуса присутствовалъ при торжествѣ открытія [3]). Не подлежитъ сомнѣнію, что скрѣпленное на мюнхенгрецкомъ съѣздѣ соединеніе трехъ сѣверныхъ державъ въ охранительномъ смыслѣ было одною изъ побудительныхъ причинъ, такъ называемаго, «четвернаго» союза, заключеннаго между Англіей, Франціей,

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1833 годъ.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 26 сентября (8 октября) 1833.

[3]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 24 августа (3 сентября) 1833.

Испаніей и Португаліей. Союзъ этотъ, созданіе Пальмерстона, хотя и имѣлъ ближайшею цѣлію установленіе конституціонныхъ порядковъ лишь въ обѣихъ послѣднихъ странахъ, но, по собственному сознанію англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ также служить противсвѣсомъ «Священному Союзу».—«Я желалъ бы взглянуть на лицо Меттерниха,» писалъ Пальмерстонъ брату, «когда онъ прочтетъ нашъ трактатъ [1].»

Франція скоро отказалась отъ всякаго поползновенія затѣять съ нами ссору въ турецкихъ водахъ. Чтобъ умѣрить воинственный пылъ Лудовика-Филиппа, достаточно было заявленія нашего посла, дряхлаго тѣломъ, но все еще бодраго духомъ старика, Поццо-ди-Борго, безъ обиняковъ сказавшаго королю французовъ: «Вы говорите о морской войнѣ. Это мнѣ смѣшно. За морской войной, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли, послѣдуетъ война всеобщая. Я не знаю, предложитъ ли вамъ Англія на этотъ конецъ хоть одного солдата и хоть единый грошъ, но склоненъ въ томъ усомниться. Подумайте объ этомъ [2].»

Съ Англіей отношенія наши долго оставались натянутыми. Пальмерстонъ подозрѣвалъ императора Николая въ цѣломъ рядѣ честолюбивыхъ и завоевательныхъ замысловъ, какъ нельзя болѣе чуждыхъ дѣйствительнымъ намѣреніямъ государя. «Россія,» читаемъ въ одномъ изъ писемъ его къ брату, «слѣдуетъ системѣ нападенія огуломъ, на всѣ стороны, частью благодаря личному характеру императора, частью вслѣдствіе постоянной системы ея правительства. Она воздвигаетъ на Аландскихъ островахъ, въ тридцати миляхъ разстоянія отъ Стокгольма, укрѣпленный лагерь, имѣющій вмѣстить двадцать тысячъ человѣкъ — мѣра явно и исключительно наступательная. Она строитъ крѣпости вдоль Вислы, очевидно съ цѣлью угрожать Австріи и Пруссіи; она интригуетъ въ видахъ завладѣнія какою-либо турецкою крѣпостью на Дунаѣ, и она никогда не спокойна со стороны Персіи. Всѣ эти германскія конференціи и мѣры кажутся мнѣ столько же русскими, сколько и австрійскими. Но Турція самый вѣроятный поводъ къ столкновенію [3].» Впрочемъ, въ другомъ письмѣ, англійскій министръ выражалъ

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 9 (21) апрѣля 1834.
[2]) Prokesch-Orten: *Mehmet-Ali*, p. 55.
[3]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 21 ноября (3 декабря) 1833.

мнѣніе, что Россія еще не готова къ войнѣ съ Турціей и быть можетъ предпочитаетъ овладѣть крѣпостью путемъ сапы, а не приступа. «Поэтому,» разсуждалъ онъ, «у насъ не будетъ войны ранѣе года, а выиграть годъ времени очень важно въ подобномъ дѣлѣ. Австрія можетъ прозрѣть, и если она дѣйствительно соединится съ нами для противодѣйствія русскимъ видамъ, то мы дадимъ шахъ-и-мать Николаю. А Австрія приступитъ къ нашему союзу, если увидитъ, что мы серіозно рѣшились на бой [1]).»

Но Меттернихъ и не думалъ о присоединеніи къ Англіи противъ Россіи, во-первыхъ, прекрасно зная, что императоръ Николай не питаетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ относительно Турціи; во-вторыхъ, по той причинѣ, что самъ онъ ненавидѣлъ виговъ и въ особенности Пальмерстона за покровительство, оказываемое ими революціоннымъ стремленіямъ во всѣхъ странахъ европейскаго материка. Однако, онъ настаивалъ предъ нами на необходимости «объясниться» съ морскими державами по вопросу о направленіи нашей восточной политики или, по крайней мѣрѣ, уполномочить его на «полемику» съ ними [2]). Русскій дворъ не согласился ни на то, ни на другое. Вице-канцлеръ писалъ по этому поводу нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ: «Мы имѣли случай убѣдиться что умѣренныя и примирительныя объясненія съ нашей стороны не только не успокоиваютъ раздраженія морскихъ державъ, но даже усиливаютъ ихъ враждебное настроеніе. Поэтому, мы предпочли, вмѣсто довѣрительныхъ сообщеній, хранить полнѣйшее молчаніе обо всемъ, что касается дѣлъ Турціи.» Замѣтивъ что Англія не прощаетъ намъ нашего преобладанія на Востокѣ, графъ Нессельроде продолжалъ: «Словомъ, чувство, господствующее въ англійской политикѣ, не безпокойство, но зависть. Великобританское правительство не нуждается въ успокоеніяхъ насчетъ мнимыхъ нашихъ наступательныхъ и завоевательныхъ замысловъ, потому что само не вѣритъ серіозно въ ихъ существованіе, но оно исключительно проникнуто желаніемъ унизить наше политическое значеніе [3]).»

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ то время, какъ вѣнскій дворъ могъ ожидать и дѣйствительно ожидалъ улуч-

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 19 февраля (3 марта) 1834.
[2]) Князь Горчаковъ графу Нессельроде, 3 (15) іюня и 6 (18) іюля 1834.
[3]) Графъ Нессельроде князю Горчакову, 8 (20) августа 1834.

шенія своихъ отношеній къ Англіи отъ замѣны въ этой странѣ либеральнаго министерства консервативнымъ, мы ничего не выигрывали въ случаѣ возвращенія торіевъ ко власти. Глава ихъ, герцогъ Веллингтонъ, едва ли не болѣе самого Пальмерстона ненавидѣлъ Россію, и не прощалъ нашему двору положенія дѣлъ, созданнаго на Востокѣ адріанопольскимъ миромъ. «Герцогъ,» писалъ Пальмерстонъ, «относится къ Россіи еще враждебнѣе меня, если только это возможно, не менѣе меня проникнутъ сознаніемъ необходимости сдержать ея ненасытное честолюбіе и также точно рѣшился направить къ этой цѣли всѣ средства, какими располагаетъ Англія. Дѣло въ томъ, что Россія есть *великій обманъ* (a great humbug), и еслибъ Англія захотѣла серіозно раздѣлаться съ нею, то мы въ одну кампанію откинулибы ее на цѣлое полустолѣтіе назадъ[1]).

Въ февралѣ 1835 года скончался императоръ Францъ, а въ августѣ состоялось въ Теплицѣ свиданіе преемника его, Фердинанда, съ монархами русскимъ и прусскимъ. При этомъ случаѣ, Меттернихъ возобновилъ предложеніе свое сообщить дворамъ лондонскому и парижскому содержаніе мюнхенгрецкой конвенціи по восточнымъ дѣламъ. Оно было снова отклонено императорскимъ кабинетомъ, по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, мы находили, что образъ дѣйствій морскихъ державъ не оправдывалъ такого знака уваженія и довѣрія къ нимъ. Съ другой, сообщивъ лондонскому и парижскому дворамъ помянутую конвенцію, мы сами дали бы имъ поводъ, предложить намъ свое приступленіе къ этому договору. Между тѣмъ, императоръ Николай никогда бы не изъявилъ согласія на такое предложеніе. Послѣдствіемъ было бы заключеніе между обѣими морскими державами отдѣльнаго акта по дѣламъ Востока, въ видѣ противовѣса мюнхенгрецкой конвенціи, и такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы примирить ихъ съ нами, и съ нашими союзниками, мы бы еще больше ихъ раздражили, а вмѣсто ослабленія ихъ союза, только скрѣпили бы его. Меттернихъ убѣдился этими доводами и согласился, по собственному выраженію, «продолжать слыть въ глазахъ Англіи за обманутаго или сообщника русской политики на Востокѣ[2])».

Австрійскій канцлеръ уже потому не особенно настаивалъ

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 26 февраля (10 марта) 1835.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1835 годъ, и рукописная записка барона Бруннова.

на принятіи нами его предложенія, что пріятели его, англійскіе консерватины, хотя и достигли власти въ концѣ 1834 года, но не могли удержаться у дѣлъ, и уже въ апрѣлѣ слѣдующаго года, вынуждены были снова уступить мѣсто либеральному министерству, въ которомъ Пальмерстонъ, вторично занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но иныя заботы отвлекли его вниманіе отъ Востока. Онъ начиналъ разочаровываться во французскомъ союзѣ, заподазривать Францію въ интригахъ, направленныхъ противъ англійскаго вліянія въ Португаліи, Испаніи, Греціи [1]). Особенно раздражало его, проявившееся во французскомъ правительствѣ, со времени образованія министерства Молэ, стремленіе порвать связи съ революціонными силами, и сблизиться съ тремя охранительными державами Сѣвера. «Франція,» писалъ онъ не безъ досады, «потеряетъ свой кредитъ у либеральной партіи въ Европѣ, которую она собирается покинуть, а люди Священнаго Союза никогда не будутъ ей довѣрять или благопріятствовать, развѣ она приноровитъ свое правительство къ ихъ образцу, что невозможно. Поэтому, она будетъ ненавидима первыми и презираема послѣдними. Такова будетъ ея участь во внѣшнихъ сношеніяхъ, и не болѣе счастливыми окажутся послѣдствія ея политики по отношенію къ ея внутреннему положенію. Народное мнѣніе отождествитъ политику ея правительства, съ европейскою партіей произвола и съ врагами свободныхъ учрежденій [2]).» Въ Испаніи, дѣло вскорѣ едва не дошло до открытаго разрыва между двумя недавними союзницами.

Все это было причиной того, что лондонскій дворъ сталъ относиться къ намъ сдержаннѣе, можно даже сказать вѣжливѣе. Не чуждъ былъ этого результата и новый англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Дургамъ, лично очарованный императоромъ Николаемъ и усердно старавшійся разсѣять укоренившееся предубѣжденіе своего правительства противъ Россіи. Доказательствомъ перемѣны, происшедшей въ настроеніи сентъ-джемскаго кабинета, служитъ примирительный образъ дѣйствій его, по дѣлу о взятіи нами въ призъ англійскаго торговаго судна *Виксена*, выгружавшаго военную контрабанду, въ новороссійской бухтѣ на Кавказѣ.

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ Астону, 7 (19) августа 1836.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвиллю, 8 (20) сентября 1836.

Обстоятельства этого дѣла были слѣдующія. Великобританское посольство въ Константинополѣ и, въ частности, домъ старшаго секретаря этого посольства, Давида Уркварта, служили сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ враждебныхъ Россіи элементовъ, пребывавшихъ въ столицѣ Турціи. Тамъ представители польской эмиграціи сближались съ посланцами кавказскихъ горцевъ, еще не усмиренныхъ, и при посредствѣ и подъ покровительствомъ англичанъ, условливались съ ними о доставкѣ на Кавказъ оружія и военныхъ снарядовъ, разумѣется, контрабанднымъ путемъ. Происки эти не могли укрыться отъ нашего посольства, которое, осенью 1836 года, предувѣдомило начальника черноморскаго флота объ отплытіи изъ Константинополя англійской торговой шхуны *Виксенъ* съ грузомъ военной контрабанды, предназначенной для возставшихъ горцевъ. 14-го (26-го) ноября шхуна эта была задержана у кавказскихъ береговъ бригомъ *Аяксъ*, подъ командой капитанъ-лейтенанта Вульфа. Военной контрабанды на ней не нашлось, но было доказано, что таковая уже выгружена и передана горцамъ.

Виксенъ былъ объявленъ законнымъ призомъ, обращенъ въ военное судно, вооруженъ двѣнадцатью орудіями и занесенъ въ списки черноморскаго флота подъ именемъ, *Сунджукъ-Кале*. Англійское правительство потребовало его возвращенія. Переговоры, возникшіе по этому предмету между дворами петербургскимъ и лондонскимъ, привели, по словамъ барона Бруннова, къ слѣдующему результату.

«Нашъ дворъ удержалъ шхуну *Виксенъ* и настоялъ на принципѣ, въ силу коего было конфисковано это судно. Со своей стороны, англійское правительство признало законность конфискаціи въ этомъ особомъ случаѣ, потому что шхуна была взята по уличеніи въ контрабандѣ, на береговомъ пунктѣ, коимъ издревле владѣли турки, который они уступили намъ по адріанопольскому договору, а мы заняли русскимъ гарнизономъ. Тамъ, гдѣ соединены всѣ эти условія, англійское министерство не оспариваетъ у Россіи пользованія державными правами. Но молча оно предоставляетъ себѣ не допускать примѣненія этихъ правъ безразлично ко всему восточному побережью Чернаго моря. По мнѣнію его, территоріальное право надъ областью черкесовъ не принадлежало намъ ни de jure, ни de facto: de jure — потому, что турки не могли передать

намъ правъ, коими сами не пользовались; de facto—потому, что мы не были мирными обладателями этой страны. Вотъ на чемъ остановился споръ. Было бы безполезно продолжать его посредствомъ дипломатическихъ объясненій, которыя могли бы лишь обострить наши сношенія съ Англіей, не давая намъ возможности навязать ей нашихъ мнѣній противъ ея воли. Главное для насъ—овладѣть всѣмъ побережьемъ. Когда фактическій вопросъ ясно разрѣшится въ нашу пользу, то вопросъ о правѣ падетъ самъ собою, и англичане помирятся съ этимъ порядкомъ вещей, съ той минуты, какъ онъ получитъ въ ихъ глазахъ несомнѣнное значеніе совершившагося факта» [1]).

Изъ приведенныхъ заключительныхъ словъ старшаго совѣтника нашего министерства иностранныхъ дѣлъ явствуетъ, что у насъ рады были мирному исходу щекотливаго дѣла, и притомъ, въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Когда Англія, въ союзѣ съ Франціей, заявила протестъ противъ правъ, предоставленныхъ намъ ункіаръ-искелесскимъ договоромъ, императоръ Николай готовъ былъ отстаивать ихъ даже съ оружіемъ въ рукахъ отъ посягательства морскихъ державъ. Пока сильныя эскадры англійская и французская угрожали Дарданелламъ, а именно, въ 1834—1835 годахъ, у насъ дѣятельно готовились къ войнѣ. Расположенный въ Новороссійскомъ краѣ пятый пѣхотный корпусъ былъ предназначенъ къ посадкѣ на суда и къ отправленію въ Босфоръ, по первому сигналу. Начальство надъ нимъ было ввѣрено генералъ-адъютанту Н. Н. Муравьеву, бывшему начальнику нашего вспомогательнаго отряда, высланнаго на помощь султану въ 1833 году. Отпуская его къ новому мѣсту назначенія, государь приказалъ ему держать войска въ такой готовности, чтобы, по присылкѣ фельдъегеря съ предписаніемъ выступить, они могли тотчасъ же отплыть. «Намъ бы только захватить Дарданеллы,» говорилъ онъ Муравьеву, «если англичане, которые со своею системой затѣваютъ все вздоръ, захотятъ завладѣть симъ мѣстомъ. Лишь бы намъ высадить туда русскіе штыки: ими

[1]) Рукописная записка барона Бруннова. Офиціальное изложеніе фактовъ относящихся къ дѣлу *Виксена*, напечатано въ *Journal de St.-Petersbourg* 2 (14) января 1837 года. Оно перепечатано въ томѣ V *Portfolio*, стр. 51. Тамъ же (стр. 73. 78 и 114) обнародованы: показаніе данное при допросѣ купцомъ Белломъ, собственникомъ груза, и письма его къ контръ-адмиралу Эсмонту и къ издателю *Times*. Ср. помѣщенное въ апрѣльской книжкѣ *Морскаго Сборника* за 1886 годъ интересное изслѣдованіе по тому же предмету П. Н. Вульфа.

все возьмемъ, а тамъ найдешь, чѣмъ продовольствоваться. Впрочемъ, все это надо изготовлять исподоволь и втихомолку.» Въ военномъ министерствѣ составлены были и поднесены на высочайшее утвержденіе подробныя соображенія о снаряженіи какъ дессантнаго отряда, такъ и сухопутнаго корпуса для предполагавшихся военныхъ дѣйствій въ проливахъ. Въ нихъ предвидѣлись три случая: 1) еслибъ англичане заняли одни Дарданеллы, угрожая только Царьграду, и султанъ остался вѣренъ союзу съ Россіей; 2) если бы Порта, по слабости своей, допустила англичанъ овладѣть Босфоромъ; 3) если бы Турція заключила союзъ съ Англіей и соединенный англо-турецкій флотъ вступилъ въ Черное море. Эти же самыя соображенія имѣлись въ виду и въ началѣ 1837 года, когда русскій дворъ, принявъ рѣшеніе ни въ какомъ случаѣ не возвращать *Виксена*, могъ ожидать объявленія намъ за это Англіей войны. Муравьевъ вызванъ былъ въ Петербургъ и получилъ отъ государя слѣдующія словесныя наставленія: «Не полагаю англичанъ столь глупыми, чтобы начать войну изъ-за этого дѣла; но еслибъ они ее затѣяли, то тебя я перваго пошлю съ войсками въ Проливы, почему надобно держаться въ этой готовности, чтобы можно было выступить въ 24 часа. Все зависитъ отъ быстроты. Ты пойдешь моремъ, а между тѣмъ, часть твоего корпуса двинется сухимъ путемъ, и мы эту часть усилимъ твоими резервами и запасными баталіонами. Если же бъ англичане вздумали сюда показаться, то ручаюсь, что ни одинъ изъ вышедшихъ на берегъ не сядетъ обратно на суда. Вотъ вамъ будетъ случай заслужить георгіевскихъ крестовъ и нижнимъ чинамъ и офицерамъ. Тебѣ надобно будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Лазаревымъ, душа въ душу.» Но лондонскій дворъ не рѣшился на войну изъ-за столь ничтожнаго предлога, въ такое время, когда онъ уже не могъ разсчитывать на поддержку Франціи, и—уступилъ. Государь былъ этому искренно радъ, и Муравьевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что встрѣтивъ его лѣтомъ 1837 года на маневрахъ въ Вознесенскѣ, его величество, крестясь и въ шуткахъ отплевываясь, сказалъ: «Не дай Богъ войны [1])».

---

[1]) Н. Н. Муравьевъ: *Русскіе на Босфорѣ*, стр. 456—459. Интересная записка о предполагаемомъ движеніи 5-го пѣхотнаго корпуса за границу, съ замѣчаніями на нее Муравьева, помѣщена въ концѣ книги, въ приложеніи подъ лит. К. К.

Понятны причины, побуждавшія императора Николая не желать столкновенія съ Англіей, въ особенности такого, главнымъ полемъ коего былъ бы Востокъ. Если Англія въ 1837 году не могла положиться на Францію, то и государь уже убѣдился, что въ случаѣ войны, ему нечего ожидать помощи отъ союзныхъ дворовъ, берлинскаго и вѣнскаго. Пруссія дѣйствовала откровенно и не скрывала отъ насъ рѣшимости своей не вмѣшиваться въ восточныя дѣла. Она хотя и приложила свою подпись къ заключенной осенью 1833 года въ Берлинѣ конвенціи, провозглашавшей, подъ извѣстными условіями, право вмѣшательства трехъ сѣверныхъ державъ въ дѣла сосѣднихъ странъ и полную солидарность ихъ между собою [1]), но успокоилась лишь послѣ того, какъ государь собственноручнымъ письмомъ подтвердилъ королю Фридриху-Вильгельму III словесное обѣщаніе графа Нессельроде, что «Востокъ будетъ изъятъ изъ круга общихъ вопросовъ, къ которымъ относятся прямыя взаимныя обязательства Пруссіи и Россіи» [2]). Австрія, по обыкновенію, поступала уклончиво. Ее связывалъ съ нами формальный договоръ именно по дѣламъ Востока. Но это не мѣшало Меттерниху, въ предвидѣніи «серіозныхъ недоразумѣній между морскими державами, съ одной стороны, и Россіей, съ другой», ограничиться заявленіемъ лондонскому двору, что «въ такомъ случаѣ Австрія усмотритъ корень зла не на Востокѣ, а на Западѣ» [3]). Три года спустя, князь А. М. Горчаковъ, исправляя должность временнаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, доносилъ вице-канцлеру, что сомнѣвается въ прочности нашего союза съ Австріей въ восточномъ вопросѣ; что вѣнскій дворъ тяготится мюнхенгрецкою конвенціей, и что въ случаѣ войны, все, чего мы можемъ ожидать отъ него, это соблюденія нейтралитета. «Что же касается содѣйствія намъ Австріи,» заключалъ молодой дипломатъ, «то оно всегда будетъ болѣе кажущимся чѣмъ дѣйствительнымъ [4]).» Это впрочемъ хорошо знали и въ Петербургѣ и находили совер-

---

[1]) Конвенція, заключенная въ Берлинѣ между Россіей, Австріей и Пруссіей 3 (15) октября 1833.

[2]) Императоръ Николай королю Фридриху-Вильгельму III, 24 сентября (5 октября) 1833.

[3]) Князь Горчаковъ графу Нессельроде, 6 (18) іюля 1834.

[4]) Выписки изъ донесеній князя А. М. Горчакова приведены профессоромъ Мартенсомъ въ т. IV ч. I его *Собранія трактатовъ и конвенцій*, стр. 478. Онѣ отнесены къ 1837 году безъ ближайшаго указанія чиселъ.

шенно въ порядкѣ вещей, вполнѣ довольствуясь тѣмъ, что называли «отрицательною» помощью нашихъ союзниковъ [1]).

Императоръ Николай имѣлъ и другія причины не доводить дѣла до разрыва съ Англіей. Онъ питалъ нѣкоторое пристрастіе къ этой странѣ, которую считалъ прирожденнымъ членомъ великаго охранительнаго союза. Уклоненіе ея отъ него, сближеніе съ орлеанистскою Франціей, онъ приписывалъ мимолетнымъ заблужденіямъ людей, руководившихъ ея политикой, и не сомнѣвался, что рано или поздно Англія снова примкнетъ къ тремъ сѣвернымъ державамъ, ея сподвижницамъ въ достопамятную эпоху борьбы за освобожденіе Европы отъ французскаго насилія [2]). Нужно было только дождаться удобнаго случая, чтобы переманить ее въ нашъ лагерь, и случай этотъ не замедлилъ представиться. Но прежде чѣмъ излагать переговоры, вызванные новою распрей между султаномъ и пашой египетскимъ, и приведшіе къ полной перемѣнѣ во взаимныхъ сочетаніяхъ великихъ державъ, необходимо оглянуться на положеніе дѣлъ Востока въ періодъ времени съ 1833 по 1838 годъ.

Послѣ кутахійскаго мира, унизившаго и ослабившаго Турцію, лишившаго ее богатѣйшихъ ея областей въ Азіи и вынудившаго искать спасенія въ защитѣ и покровительствѣ вѣковаго противника—Россіи, Константинополь сталъ болѣе чѣмъ когда-либо ристалищемъ, на которомъ иностранныя вліянія состязались между собою, стараясь обратить Порту въ послушное орудіе своекорыстныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ на Востокѣ большинствомъ великихъ державъ. Этимъ какъ нельзя лучше доказывается ошибочность разсчета нашей дипломатіи, построившей свое заключеніе о пользѣ искусственнаго поддержанія Оттоманской имперіи на томъ предположеніи, что намъ легко будетъ влиять на правительство слабое, нуждающееся въ чужой помощи и направлять его дѣйствія въ смыслѣ нашихъ желаній и потребностей [3]). Изобрѣтатель означенной политической теоріи, графъ Нессельроде, совершенно забывалъ при этомъ, что та же мысль могла зародиться и у другихъ дворовъ, не менѣе насъ заинтересованныхъ въ утвержденіи сво-

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

[2]) Графъ Нессельроде Татищеву 12 (24) февраля 1834.

[3]) Графъ Нессельроде цесаревичу Константину Павловичу, 12 (24) февраля 1830.

его вліянія на Востокѣ, и что чѣмъ меньше сила сопротивленія Порты, тѣмъ труднѣе намъ будетъ бороться съ усиліями иностранныхъ кабинетовъ, направленными къ подчиненію турокъ ихъ видамъ и намѣреніямъ. При такихъ условіяхъ дипломатическая борьба изъ-за вліянія на Босфорѣ между великими державами представлялась неизбѣжною, и побѣда должна была естественно принадлежать тѣмъ изъ нихъ, которыя проявятъ наиболѣе искусства, послѣдовательности, настойчивости, и въ особенности, энергіи и силы, ибо, по справедливому замѣчанію одного изъ знатоковъ турецкаго Востока, «весь источникъ вліянія въ Константинополѣ заключается въ силѣ и въ страхѣ, внушаемомъ туркамъ» [1]).

Пруссія, уклоняясь отъ принятія на себя какихъ бы то ни было обязательствъ по восточнымъ дѣламъ, никогда не упускала совершенно изъ виду Турціи, которую со временъ Фридриха Великаго постоянно принимала въ разсчетъ въ политическихъ своихъ комбинаціяхъ. Вскорѣ по заключеніи ункіаръ-искелесскаго договора, берлинскій дворъ отозвалъ изъ Константинополя своего посланника, барона Мертенса, человѣка слабаго и безхарактернаго, женатаго на француженкѣ и, подъ вліяніемъ жены, подчинявшагося внушеніямъ французскаго посольства. Его замѣнилъ графъ Кёнигсмаркъ, дипломатъ умный и дѣятельный, въ короткое время успѣвшій поднять значеніе Пруссіи на Босфорѣ. Надо, впрочемъ, признаться, что въ достиженіи этой цѣли ему много содѣйствовали обстоятельства и русская дипломатія. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, стоявшихъ въ то время на очереди въ Турціи, былъ вопросъ о преобразованіи арміи и объ обученіи ея иностранными офицерами. Султанъ близко принималъ его къ сердцу, въ надеждѣ, что войско, устроенное и обученное по-европейски, доставитъ ему одолѣніе надъ ненавистнымъ Мегметъ-Али-пашой. Махмудъ намѣренъ былъ испросить инструкторовъ для арміи у французскаго правительства и у англійскаго для флота. Русскому посланнику удалось убѣдить его въ неприличности этой мѣры, при союзническихъ отношеніяхъ между Портой и Россіей, съ одной стороны, и при самыхъ натянутыхъ и даже враждебныхъ отношеніяхъ между нами и обѣими морскими державами, съ другой. Впрочемъ,

---

[1]) Сэръ-Генри Булверъ лорду Пальмерстону, 18 (30) іюля 1838.

мы не предложили Портѣ своихъ инструкторовъ, а посовѣтовали ей обратиться за ними къ Австріи или Пруссіи. Вѣнскій дворъ былъ не прочь откомандировать въ Константинополь потребное число австрійскихъ офицеровъ, но султанъ и министры его не благоволили къ Австріи, безсиліе коей наглядно выразилось во время недавнихъ событій и не могло внушать туркамъ уваженія. Случайный проѣздъ въ Константинополь путешествовавшихъ по Востоку офицеровъ прусскаго генеральнаго штаба, Мольтке и Берга, рѣшилъ дѣло въ пользу Пруссіи. Они произвели самое благопріятное впечатлѣніе на сераскира и на самого султана, тотчасъ же обратившагося къ королю Фридриху-Вильгельму III съ просьбой дозволить имъ остаться въ Турціи и предпринять переустройство турецкихъ войскъ. Король сначала соглашался лишь продлить отпускъ Мольтке на три мѣсяца, но вскорѣ, уступая настояніемъ Порты и успокоенный заявленіемъ императора Николая, что мѣра эта ему не будетъ непріятна, разрѣшилъ тремъ другимъ офицерамъ генеральнаго штаба, Финке, Мюльбаху и Фишеру, вмѣстѣ съ Мольтке, поступить на службу Махмуда и заняться обученіемъ его арміи. Осень 1837 года, и всю зиму прусскіе офицеры провели въ Константинополѣ, а слѣдующею весной были распредѣлены по армейскимъ корпусамъ, расположеннымъ въ различныхъ областяхъ, въ Европѣ и Азіи. Особенное вліяніе на султана пріобрѣлъ Мольтке, сопровождавшій его въ путешествіи по Болгаріи и Ѳракіи и ставшій его довѣреннымъ совѣтникомъ не по однимъ военнымъ, но и по общимъ политическимъ дѣламъ. Въ томъ же 1837 году, присутствовавшіе на маневрахъ русскихъ войскъ въ Вознесенскѣ принцы Августъ и Адальбертъ прусскіе отправились оттуда чрезъ Одессу въ Константинополь, гдѣ былъ имъ оказанъ самый почетный и предупредительный пріемъ. Видимымъ знакомъ происшедшаго между Турціей и Пруссіей сближенія было учрежденіе въ Берлинѣ турецкаго посольства, подобнаго тѣмъ, какія существовали уже въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ, а между тѣмъ, въ Петербургѣ Порта не имѣла постояннаго представительства.

Выше уже было замѣчено, что въ разсматриваемый нами промежутокъ времени вліяніе Австріи въ Константинополѣ находилось въ состояніи полнаго упадка. Турки не могли забыть, что вѣнскому двору они въ значительной степени были

обязаны постигшими ихъ бѣдствіями, такъ какъ въ теченіе греческаго возстанія, Меттернихъ не переставалъ подстрекать ихъ къ сопротивленію требованіямъ тройственнаго союза, а когда упрямство ихъ вызвало войну, со всѣми ея гибельными для Порты послѣдствіями, то онъ уклонился отъ подачи имъ помощи, въ которой неоднократно обнадеживалъ. Послѣ же 1830 года, австрійская политика представлялась туркамъ вполнѣ подчиненною политикѣ русскаго двора. Все это ставило представителя Австріи въ крайне затруднительное положеніе. Должность интернунція исправлялъ баронъ Штюрмеръ, бывшій австрійскій коммиссаръ, сопровождавшій Наполеона на островъ Эльбу, типъ дипломата Меттерниховской школы, свѣтскій, весьма образованный, но вялый, безцвѣтный и нерѣшительный. Впрочемъ, стушевываясь предъ своими иностранными товарищами въ вопросахъ чисто политическихъ, онъ втихомолку сумѣлъ положить начало развитію матеріальныхъ интересовъ Австріи на Востокѣ, добившись отъ Порты значительныхъ привиллегій, въ пользу Вѣнскаго общества пароходства по Дунаю, и въ особенности, вновь учрежденнаго Австрійскаго Лойда, скоро оказавшагося могучимъ проводникомъ торговаго и промышленнаго вліянія монархіи Габсбурговъ во всѣхъ водахъ и гаваняхъ Леванта.

Явное пристрастіе, выказанное Франціей къ дѣлу Мегметъ-Али-паши и выразившееся въ горячемъ содѣйствіи его притязаніямъ, поколебало въ основаніи традиціонное значеніе французскаго дипломатическаго представительства въ Константинополѣ. Посолъ, адмиралъ Руссенъ, былъ довольно простодушный морякъ, но энергичный и настойчивый. Его постоянно озабочивала возможность появленія русскихъ войскъ подъ стѣнами турецкой столицы, и каждое утро, покидая постель, онъ прежде всего спѣшилъ къ окну, чтобъ убѣдиться: не развѣвается ли снова русскій военный флагъ на Босфорѣ? Онъ старался увѣрить Порту въ необходимости искренно примириться съ Мегметъ-Али-пашой, чтобъ освободиться отъ русской опеки; но навязчивыя представленія его не только не вредили намъ, а прямо обращались въ нашу пользу. Однако, онъ не оставлялъ безъ вниманія и положенія католиковъ въ Турціи, искони пользовавшихся покровительствомъ Франціи, и успѣлъ настоять на признаніи турками самостоятельности

армянской католической общины и на дозволеніи ей имѣть своего отдѣльнаго патріарха.

Главнымъ и опаснѣйшимъ соперникомъ нашимъ по вліянію на Порту являлась Англія, въ лицѣ своего престарѣлаго представителя, лорда Понсонби. По отзыву хорошо знавшаго его сэръ-Генри Булвера, дипломатъ этотъ, не смотря на нѣсколько небрежное воспитаніе, обладалъ замѣчательными способностями. Лѣнивый отъ природы, онъ мало занимался текущими дѣлами посольства; но если какой-нибудь предметъ въ яркихъ краскахъ представлялся его воображенію, то Понсонби былъ способенъ стремиться къ цѣли съ неудержимою силою воли, твердой и непоколебимой [1]). Такими предметами являлись ему, съ одной стороны, униженіе султана предъ могущественнымъ вассаломъ, овладѣвшимъ лучшими и доходнѣйшими областями Оттоманской имперіи, съ другой, утвержденная ункіаръ-искелесскимъ трактатомъ политическая зависимость Порты отъ Россіи. Въ устраненіи этихъ двухъ золъ, по мнѣнію его, равно бѣдственныхъ для Турціи, полагалъ онъ свою дипломатическую задачу.

Первые шаги его въ Константинополѣ были неудачны. Въ отвѣтъ на заявленный отъ имени лондонскаго двора протестъ противъ союзнаго договора съ нами, послу пришлось выслушать строгую отповѣдь Порты, прямо заявившей, что, вступая въ новыя обязательства съ Россіей, султанъ воспользовался лишь несомнѣннымъ правомъ каждаго независимаго государя. Вскорѣ послѣ того, турки встрѣтили отказомъ ходатайство посла о томъ, чтобы въ пользу англійскаго правительства отчужденъ былъ участокъ земли вдоль береговъ Оронта и Евфрата, русла коихъ, по проекту полковника Шеснея, должны были образовать кратчайшій водяной соединительный путь между Европою и Индіею. Но Понсонби удалось получить отъ Порты разрѣшеніе на открытіе пароходнаго сообщенія по Евфрату отъ Басры до Бира. Къ несчастію для англичанъ, попытка установить такое сообщеніе не удалась, вслѣдствіе затрудненій и препятствій, представляемыхъ природой.

Скоро нечаянный случай поставилъ лицомъ къ лицу посольства великобританское и наше на скользкой почвѣ дипломатическаго вліянія и обнаружилъ во всей наготѣ слабость и податливость Порты, государственная мудрость коей не

---

[1]) Lord Dalling, *The life of Viscount Palmerston*, II. p. 226.

простиралась дальше болѣе или менѣе искуснаго лавированія между двумя противоположными теченіями: русскимъ и англійскимъ.

Весною 1836 года, нѣкто Чэрчилъ, великобританскій подданный, поселившійся въ Константинополѣ, по неосторожности на охотѣ, ранилъ турецкаго мальчика изъ ружья. Задержанный на мѣстѣ происшествія, Чэрчилъ былъ отведенъ сначала въ близлежащую караульню, гдѣ начальствовавшій офицеръ велѣлъ дать ему 50 палочныхъ ударовъ, затѣмъ препровожденъ къ рейсъ-эфенди и, по распоряженію послѣдняго, посаженъ въ тюрьму. Лишь нѣсколько дней спустя, удалось англійскому посольству не безъ труда высвободить его оттуда. Случай этотъ взволновалъ всѣхъ европейскихъ жителей турецкой столицы и побудилъ представителей державъ обратиться къ Портѣ съ совокупною нотою, протестовавшею противъ частныхъ насилій со стороны оттоманскихъ властей надъ иностранными подданными. Независимо отъ этого представленія, лордъ Понсонби потребовалъ въ видѣ удовлетворенія не только смѣны рейсъ-эфенди, но и удаленія отъ командованія султанскою гвардіей Ахмедъ-Февзи-паши, какъ главнаго начальника того офицера, который посмѣлъ подвергнуть англійскаго гражданина тѣлесному наказанію.

Такое необычайное требованіе, совершенно несоразмѣрное съ происшествіемъ, подавшимъ къ нему поводъ, объяснялось желаніемъ великобританскаго посла воспользоваться первымъ представившимся случаемъ для устраненія двухъ сановниковъ, ненавистныхъ ему въ качествѣ открытыхъ сторонниковъ Россіи, вмѣстѣ съ сераскиромъ Хозревомъ подписавшихся подъ ункіаръ-искелесскимъ договоромъ. Въ отвѣтѣ своемъ Порта, выразивъ сожалѣніе о случившемся, замѣтила, однако, что Чэрчилъ самъ отчасти виноватъ уже тѣмъ, что охотился въ такой мѣстности, гдѣ воспрещена была охота. «Названный офицеръ, «значится въ турецкой нотѣ,» наказанъ разжалованіемъ и ссылкой, но изъ министровъ султана никто не хотѣлъ оскорбить ни самого посла, ни британскую націю, а потому и не имѣется причины къ удаленію ихъ отъ должностей.» Отвѣтъ Порты до того разсердилъ Понсонби, что онъ въ офиціальномъ, хотя и довѣрительномъ сообщеніи не затруднился объявить ей, будто на происходившемъ въ предшедшемъ году въ Теплицѣ свиданіи

государей русскаго, австрійскаго и прусскаго они условились о раздѣлѣ Турціи между собою, и планъ этотъ доселѣ не осуществленъ де единственно благодаря противодѣйствію Великобританіи, но, что лондонскій дворъ лишитъ Порту своего покровительства и предоставитъ ее собственной участи, если та не поспѣшитъ дать потребованное удовлетвореніе. Какъ ни нелѣпа была эта угроза, она подѣйствовала. Преданный Россіи Акифъ былъ замѣненъ въ должности рейсъ-эфенди старикомъ Хулусси, приверженцемъ Англіи. Впрочемъ, султанъ счелъ нужнымъ предупредить нашего посланника, что отставка Акифа вызвана разстроеннымъ состояніемъ его здоровья.

Извѣстія объ этихъ происшествіяхъ, дойдя до Петербурга, возбудили негодованіе императора Николая. Бутеневу было предписано сообщить Портѣ, что обстоятельства, сопровождавшія увольненіе Акифа отъ должности рейсъ-эфенди, крайне удивили государя, а проявленная при этомъ диваномъ непростительная слабость, навлекла на него неудовольствіе его величества. Дабы не увеличивать затрудненій султана, посланнику нашему разрѣшалось войти въ сношеніе съ новымъ рейсъ-эфенди, но онъ долженъ былъ потребовать, чтобы Порта чрезъ своего представителя въ Лондонѣ настояла на отозваніи Понсонби, осмѣлившагося угрожать ей раздѣломъ Оттоманской имперіи, предупредивъ лорда Пальмерстона, что оставленіе этого посла въ Константинополѣ неминуемо повлечетъ за собою возвращеніе Акифъ-эфенди на мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Государь, писалъ графъ Нессельроде, считалъ такую развязку необходимою для возстановленія въ глазамъ всей Европы достоинства своего союзника и друга, послѣ того, какъ его независимости былъ нанесенъ тяжкій ударъ, увольненіемъ вѣрнаго слуги по требованію иностраннаго представителя. Въ томъ же смыслѣ высказывался самъ императоръ Николай въ собственноручномъ письмѣ своемъ къ султану.

Событія эти совпали какъ разъ съ окончательною ликвидаціей турецкой контрибуціи и сопряженнымъ съ нею выводомъ русскихъ войскъ изъ Силистріи. Въ такую минуту Порта не рѣшилась ослушаться и заявила намъ, что послѣдуетъ нашему совѣту. Дѣйствительно, замѣнивъ своего посланника въ Лондонѣ Нури-эфенди Решидъ-беемъ, считав-

шимся самымъ искуснымъ изъ тогдашнихъ турецкихъ дипломатовъ, она поручила ему «для утвержденія дружественныхъ сношеній и сердечнаго соглашенія Турціи съ Англіей, потребовать отозванія Понсонби, дальнѣйшее пребываніе коего на посту его въ Константинополѣ грозитъ вызвать охлажденіе во всѣхъ отношеніяхъ». Нашему посланнику Порта поставила на видъ, что она съ умысломъ умолчала о томъ, что требованіе ея внушено ей Россіей, ибо въ противномъ случаѣ, едва ли оно увѣнчалось бы успѣхомъ. Въ отвѣтномъ письмѣ государю, султанъ повторилъ увѣреніе, еще прежде данное Бутеневу, о слабости здоровья Акифа, какъ о единственной причинѣ его увольненія, и заключилъ утвержденіемъ, что всѣ его министры безъ исключенія убѣждены въ пользѣ для Турціи русскаго союза.

Решидъ тотчасъ по прибытіи въ Лондонъ исполнилъ возложенное на него порученіе, но лордъ Пальмерстонъ не только не согласился отозвать Понсонби, а объявилъ турецкому посланнику, что оскорбленіе, нанесенное Англіи, можетъ быть удовлетворено лишь немедленнымъ смѣщеніемъ Ахмета-Февзипаши. Послѣдній не былъ отставленъ, а напротивъ, въ награду за услуги, оказанныя при заключеніи съ Россіей конвенціи объ окончательномъ разсчетѣ, получилъ въ управленіе лучшую въ имперіи Брусскую область; но и Хулусси остался на своемъ мѣстѣ, а первоначальный виновникъ всѣхъ этихъ замѣшательствъ Чэрчилъ удовольствовался денежнымъ вознагражденіемъ [1]).

Значеніе англійскаго посольства въ Константинополѣ быстро возрасло, послѣ того, какъ осенью 1836 года, главный поборникъ союза съ Россіей, сераскиръ Хозревъ-паша, десять лѣтъ бывшій правою рукой султана, ближайшимъ и довѣреннѣйшимъ его совѣтникомъ, былъ, вслѣдствіе дворцовой интриги, лишенъ своего званія и удаленъ въ ссылку. Мѣсто его было предоставлено его же пріемному сыну, зятю султана, Халилю, но душой дивана сталъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Пертевъ-

---

[1]) Я не имѣлъ, къ сожалѣнію, возможности ознакомиться съ подлинными документами по дѣлу Чэрчила. Изложеніе мое основано на разсказѣ Розена въ его «*Geschichte der Türkei,*» I, стр. 243—251. Авторъ этого сочиненія, самъ прусскій дипломатъ, писалъ его на основаніи хранящихся въ берлинскомъ государственномъ архивѣ донесеній изъ Константинополя прусскихъ посланниковъ, а потому и заслуживаетъ нѣкотораго довѣрія.

паша, бывшій рейсъ-эфенди во время греческаго возстанія, смѣненный, по нашему настоянію, послѣ адріанопольскаго мира, турокъ стараго закала, отъявленный и заклятой врагъ европейцевъ и въ особенности русскихъ. Но господство его въ совѣтахъ султана продолжалось не долго. И онъ, и Хуссеи умерли въ 1837 году, и на мѣсто послѣдняго министромъ иностранныхъ дѣлъ—званіе рейсъ-эфенди было уничтожено Махмудомъ—назначенъ былъ не разъ уже упомянутый Решидъ.

Решидъ-паша можетъ считаться родоначальникомъ той школы турецкихъ государственныхъ людей, которая спасеніе имперіи полагала въ преобразованіи ея на западно-европейскій ладъ, во введеніи заимствованныхъ у европейцевъ не только законовъ, но и нравовъ и обычаевъ. Онъ долгое время былъ дипломатическихъ представителемъ Порты при дворахъ парижскомъ и лондонскомъ и тамъ усвоилъ всѣ внѣшніе пріемы цивилизаціи. Вдохновителемъ и руководителемъ его былъ его частный секретарь, французъ Косъ, прибывшій съ нимъ въ Константинополь въ качествѣ воспитателя дѣтей его. Тотчасъ по вступленіи въ должность, въ декабрѣ 1837 года, Решидъ придалъ, такъ-называемое, либеральное направленіе турецкой политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, не смотря на то, что вскорѣ послѣ того, старецъ Хозревъ былъ уже прощенъ султаномъ, возвращенъ изъ ссылки и снова поставленъ во главѣ правительства со званіемъ рейсъ-и-шура, предсѣдателя совѣта; Акифъ вторично занялъ мѣсто въ правительствѣ и должность министра внутреннихъ дѣлъ, а третій участникъ ункіаръ-искелесскаго договора, Ахметъ-Февзи, получилъ главное начальство надъ флотомъ и званіе капуданъ-паши. Решидъ превосходилъ ихъ всѣхъ умомъ, образованіемъ, ловкостью, и скоро получилъ преобладающее вліяніе на султана, здоровье котораго было расшатано излишествами всякаго рода, а умъ занятъ исключительною мыслью объ отмщеніи Мегеметъ-Али-пашѣ. Для выработки плана внутреннихъ реформъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ учредилъ особую коммиссію, подъ названіемъ «совѣта общественной пользы», и членами ея назначилъ Коса и другаго француза, Барашена, бывшаго секретаря турецкаго посольства въ Парижѣ. Первыя распоряженія Решида по внѣшнимъ дѣламъ носили уже отпечатокъ сочувствія къ морскимъ державамъ и свидѣтельство-

вали о намѣреніи согласоваться съ ихъ общею политикой. Порта заключила дружественный договоръ съ Бельгіей и признала королеву Изабеллу въ Испаніи. Но явнымъ знакомъ полнаго подчиненія Решида англійскому вліянію былъ торговый трактатъ, заключенный имъ съ Великобританіей и открывшій новую эру въ матеріальныхъ отношеніяхъ Оттоманской имперіи къ державамъ Запада.

Подписанный 4-го (16-го) августа 1839 года, торговый договоръ былъ не столько дѣломъ Понсонби, сколько старшаго секретаря посольства, молодаго и способнаго сэръ-Генри Булвера, выработавшаго его въ мельчайшихъ подробностяхъ. Впрочемъ, самъ посолъ считалъ этотъ актъ важною побѣдой, одновременно удовлетворявшею интересы англійскихъ торговцевъ и льстившею господствующей страсти султана Махмуда, ибо договоръ распространялся на всю Оттоманскую имперію, а слѣдовательно былъ обязателенъ и для египетскаго паши, не смотря на то, что послѣдній не былъ привлеченъ къ участію въ его составленіи. Лордъ Пальмерстонъ былъ въ восторгѣ отъ трактата, называлъ его «превосходною вещью», «capo d'opera!» [1]). Дѣйствительно, трактатъ разомъ устранилъ тысячу стѣсненій, тяготѣвшихъ до того времени надъ иностранною торговлей въ Турціи. Имъ отмѣнялись всѣ монополіи, установлялась единая пошлина на ввозные и вывозные товары; иностранцамъ разрѣшалось производить внутреннюю торговлю на одинаковыхъ правахъ съ турками и даже вносить слѣдующія съ нихъ пошлины не деньгами, а товаромъ. Всѣ эти облегченія, дарованныя англичанамъ, были вскорѣ распространены на подданныхъ и другихъ государствъ Запада, поспѣшившихъ заключить съ Портой торговые договоры по образцу и на условіяхъ англійскаго.

Сопоставляя эти осязательные успѣхи иностранной дипломатіи съ дѣятельностью нашего константинопольскаго посольства, нельзя не признать послѣдней совершенно безплодною. Со вступленіемъ Решидъ-паши въ управленіе, мы потеряли всякое вліяніе на внѣшнюю политику Порты въ настоящемъ, и еще болѣе въ будущемъ, такъ какъ срокъ ункіаръ-искелесскому договору истекалъ въ 1841 году, а новый министръ иностранныхъ дѣлъ обязался предъ англійскимъ посломъ не

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу. 1 (13) сентября 1838.

возобновлять его ни въ какомъ случаѣ. Матеріальныхъ интересовъ у насъ какъ бы вовсе не существовало на Востокѣ. Всѣ преимущества, выговоренныя прежними трактатами въ пользу русскаго судоходства и торговли, обращались въ выгоду для мѣстныхъ жителей, левантинцевъ или грековъ, пріобрѣтавшихъ русское подданство путемъ подкупа или кумовства отъ тѣхъ изъ своихъ единоземцевъ, которые занимали во всемъ Левантѣ должности консульскихъ представителей Россіи и играли первостепенную роль въ самой канцеляріи константинопольскаго посольства. Русскій паспортъ охранялъ ихъ личность и собственность, русскій флагъ прикрывалъ ихъ суда, русская дипломатія отстаивала въ Портѣ ихъ опереціи, часто весьма сомнительнаго свойства. Но, за неимѣніемъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ, у насъ несомнѣнно были на Востокѣ интересы нравственные, вѣковые, историческіе: общеніе нашей церкви съ восточными, единовѣріе и единоплеменность, связывавшія насъ съ мѣстнымъ христіанскимъ населеніемъ; наконецъ, преданія исторіи, свидѣтельствовавшія объ участіи Россіи въ дѣлѣ постепеннаго освобожденія турецкой райи. Можно утвердительно сказать, что въ десятилѣтній періодъ съ 1830 по 1840 годъ, когда наше политическое вліяніе было наиболѣе могущественно въ Константинополѣ, для поддержанія и развитія этихъ нравственныхъ интересовъ нашею дипломатіей не было сдѣлано ровно ничего. Пока англійское посольство съ жаромъ вступалось за протестантовъ, французское за католиковъ, мы предоставляли охраненіе правъ и преимуществъ православнаго населенія иниціативѣ султана Махмуда, питавшаго къ нему дѣйствительное расположеніе. Съ господарями валашскимъ и молдавскимъ, съ сербскимъ княземъ Милошемъ Обреновичемъ, мы находились въ отношеніяхъ самыхъ натянутыхъ и чуть ли не враждебныхъ. О Греціи и говорить нечего. Въ областяхъ (европейскихъ и азіятскихъ) Оттоманской имперіи число нашихъ консуловъ было крайне ограниченное, а должности ихъ, какъ было уже неоднократно упомянуто, занимались преимущественно инородцами изъ мѣстныхъ жителей. И если, не смотря на все это, въ сердцахъ христіанъ Востока продолжала коренится вѣра въ Россію, ея государя и историческое ея призваніе, то, конечно, не по винѣ этихъ недостойныхъ представителей ея, а благодаря свѣжему еще воспоминанію о длин-

номъ рядѣ русскихъ побѣдъ надъ невѣрными, о торжествѣ крестоноснаго знамени Россіи надъ ненавистнымъ полумѣсяцемъ.

Отвѣтственность предъ исторіей за такое извращеніе нашихъ традиціонныхъ отношеній къ Турціи, ея правительству и христіанскому населенію, падаетъ прежде всего на русскаго дипломатическаго представителя при Портѣ. А. П. Бутеневъ считался дипломатомъ искуснымъ и опытнымъ, и несомнѣнно обладалъ цѣнными качествами умственными и нравственными. Онъ былъ трудолюбивъ, добросовѣстенъ, скроменъ, но качества эти оказались далеко не достаточными для русскаго посланника, призваннаго вести постоянную борьбу съ такими энергичными дѣятелями, какъ Понсонби или Руссенъ. Внѣшнее хладнокровіе, мягкое, ровное обращеніе, къ сожалѣнію, прикрывали внутреннюю немощь, отсутствіе рѣшительности и смѣлости, боязнь отвѣтственности предъ министерствомъ, которое само не отличалось помянутыми качествами. Недостатокъ этотъ чувствителенъ вездѣ, въ особенности на Востокѣ, гдѣ уважается только сила, и главною побудительною причиной является страхъ. Кромѣ того, совершенно непонятно, какимъ образомъ, проведя столько лѣтъ въ Турціи и будучи хорошо знакомъ съ безобразіемъ той среды, въ коей мы исключительно вербовали нашихъ консуловъ и драгомановъ, Бутеневъ не только ничего не сдѣлалъ для отстраненія грековъ и левантинцевъ отъ присвоенной ими наслѣдственной монополіи, но самъ всецѣло подчинялся вліянію тѣхъ изъ нихъ, которые занимали при немъ мѣсто старшихъ драгомановъ. Объ одномъ изъ послѣднихъ, Франкини, долгіе годы исправлявшемъ эту вліятельную должность, Н. Н. Муравьевъ говоритъ въ своихъ *Запискахъ:* «Изо всѣхъ жителей Перы, Франкини, безъ сомнѣнія, былъ самый ловкій и лукавый. Онъ имѣлъ обширныя связи, узнавалъ всѣ вѣсти, *служилъ во многихъ миссіяхъ*, имѣлъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ, числился въ нашей службѣ въ высокомъ классѣ, имѣлъ близъ шестидесяти лѣтъ, пользовался неограниченною довѣренностью посланника, *нажилъ большія богатства* и всегда говорилъ испорченнымъ французскимъ языкомъ, съ итальянскимъ нарѣчіемъ, что ему денегъ надобно, что ордена и чины считалъ онъ только запахомъ приготовляемой яствы, коей теперь надѣялся вкусить, разумѣя подъ симъ значительное денежное возна-

гражденіе. Онъ же повторялъ общую тамъ поговорку, что Турція не скоро погибнетъ, потому что она имѣетъ особеннаго бога своего, который ее хранитъ [1].» Не лучше отзывъ будущаго покорителя Карса и о прочихъ нашихъ чиновникахъ левантинскаго происхожденія. «Многія должности въ миссіи нашей,» повѣствуетъ генералъ, «какъ и зависящія отъ оной прибыльныя званія консуловъ и вице-консуловъ, въ портахъ Леванта, наполняются перотами, жителями константинопольскаго предмѣстія Перы. Родъ сей, оставшійся тутъ на жительствѣ послѣ паденія генуэзскаго владычества, и поступившій въ подданство Порты, сохранилъ обычаи европейскіе, но по торговымъ оборотамъ и мѣстной зависимости отъ Турціи, сроднился съ новымъ отечествомъ своимъ. Часто ловкость сихъ людей доставляетъ имъ вліяніе въ Портѣ. Всѣ они знаютъ разговорный турецкій языкъ, почему занимаютъ должности драгомановъ, или переводчиковъ въ разныхъ европейскихъ миссіяхъ, чрезъ что имѣютъ случай давать дѣламъ такое направленіе, какое признаютъ за лучшее и служатъ настоящими проводниками въ дѣлахъ дипломатическихъ. Порта даетъ имъ полную свободу и пользуется отъ нихъ такимъ же образомъ. Пероты низки, искательны и всего болѣе боятся, по старой памяти, турокъ, роняя страхомъ своимъ въ присутствіи ихъ, все достоинство миссіи, въ которой служатъ. Поводомъ къ такимъ преимуществамъ сего презрѣннаго племени, оставшагося послѣ упадка генуэзскаго владычества въ Левантѣ, служитъ единственно знаніе турецкаго языка, въ коемъ пероты однако не имѣютъ никакихъ основательныхъ свѣдѣній и знаютъ только разговорный языкъ. Они способны къ открытію связей между сановниками, почему и употребляются за переводчиковъ, и подъ пышнымъ титломъ драгомана разумѣютъ обязанность управлять и помышленіями лицъ, и самымъ дѣломъ на совѣщаніяхъ. Зная турецкій языкъ, я имѣлъ болѣе одного случая удостовѣриться въ справедливости сего, и нѣсколько разъ останавливалъ ихъ, когда они при переводахъ выражались неправильно и даже находили излишнимъ и невозможнымъ передавать мысли, несоотвѣтствующія ихъ понятіямъ, замѣняя ихъ другими. Въ австрійской миссіи важный недостатокъ сей уже устраняется. Чиновники ея

[1]) Н. Н. Муравьевъ: *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, стр. 31.

должны непремѣнно быть изъ числа приготовленныхъ на сей предметъ молодыхъ людей, образовавшихся въ Вѣнѣ, въ устроенномъ для сего заведеніи, гдѣ преподаются восточные языки. Подобно сему училищу есть у насъ въ Петербургѣ институтъ; но студенты наши не пріобрѣтаютъ знанія разговора турецкаго языка и, по прибытіи къ миссіи, не приносятъ ожидаемой пользы; притомъ же число ихъ такъ мало, и опытность ихъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ такъ ограничена, что они исчезаютъ въ толпѣ ловкихъ и примѣнившихся къ дѣламъ и лицамъ перотовъ [1].»

Чтобы не возвращаться болѣе къ этой язвѣ русской дипломатіи, причинившей намъ на Востокѣ еще болѣе вреда, чѣмъ нѣмцы и другіе инородцы, столь часто представлявшіе Россію на Западѣ, замѣтимъ, что прислужничество и угодливость, составляющія, наравнѣ со своекорыстіемъ и полнымъ равнодушіемъ къ русскимъ государственнымъ интересамъ, отличительную черту левантинцевъ, къ сожалѣнію, обезпечивали имъ и отчасти донынѣ продолжаютъ доставлять быстрое повышеніе по службѣ и прибыльныя дипломатическія должности, занимаемыя ими, опять-таки выражаясь словами Муравьева, *къ стыду Россіи*. Мы, разумѣется, говоримъ здѣсь не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а объ общемъ правилѣ, по которому неразумно и опасно ввѣрять *наемникамъ* охрану высшихъ нуждъ и пользъ и самаго достоинства государства.

Но не одинъ Бутен въ и дипломатическій штабъ его были виновны въ неправильномъ направленіи, данномъ нашимъ дѣламъ на Востокѣ. Причиной тому было и крайне небрежное отношеніе къ нимъ министерства иностранныхъ дѣлъ и тогдашняго главы его, графа Нессельроде. Все вниманіе этого министра было, какъ извѣстно, устремлено на Западъ, на борьбу съ революціей и на утвержденіе самыхъ тѣсныхъ отношеній русскаго двора съ союзными дворами вѣнскимъ и берлинскимъ. Востокъ являлся ему предметомъ второстепеннымъ, а часто и помѣхой, такъ какъ именно на Востокѣ религіозные и національные интересы Россіи шли въ разрѣзъ съ австрійскими. О призваніи нашемъ, болѣе того, о нашемъ правѣ покровительствовать православной вѣрѣ на всемъ пространствѣ владѣній султана мы тщательно умалчивали, боясь

---

[1]) Тамъ же, стр. 27.

возбудить ревнивыя подозрѣнія австрійскаго правительства. Тѣмъ менѣе принимали мы въ разсчетъ племенное родство наше со славянами. Славизмъ, утверждалъ вице-канцлеръ въ одномъ изъ донесеній своихъ государю, есть не что иное, какъ маска, которою прикрывается революціонная пропаганда французовъ и поляковъ, ищущихъ возмутить славянскихъ подданныхъ австрійскаго императора и султана [1]). Права, истекавшія для Россіи изъ трактатовъ ея съ Портой, тяготили его; онъ прямо называлъ ихъ «неудобными» въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами. Предписанія его нашимъ дипломатическимъ представителямъ въ Константинополѣ отличались неопредѣленностью и часто заключали въ себѣ двусмысленныя выраженія, скрашенныя гладкою французскою фразой. Все это, по замѣчанію генерала Муравьева, «ставило исполнителя въ затруднительное положеніе, такъ что приступъ къ каждому дѣлу неминуемо подвергалъ безотчетной отвѣтственности то лицо, которое облечено въ званіе повѣреннаго» [2]).

Согласовался ли такой ходъ нашей восточной политики съ личными воззрѣніями императора Николая, съ высочайшею волей его? Очевидно нѣтъ. Государь былъ русскимъ человѣкомъ въ полномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, и слѣдовательно, вѣрнымъ сыномъ православной церкви. Сочувствіе его было на сторонѣ нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи, коихъ онъ считалъ себя естественнымъ и законнымъ покровителемъ. Права его по трактатамъ онъ признавалъ неотъемлемою принадлежностью своего престола, наслѣдіемъ предковъ, которое онъ имѣлъ передать неприкосновеннымъ своему преемнику. Онъ чутко относился ко всякому ихъ нарушенію, доходившему до его свѣдѣнія, немедленно и грозно требовалъ удовлетворенія. О дѣйствительномъ направленіи нашей дипломатіи на Востокѣ онъ знать не могъ. Во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ и отчетахъ министерство иностранныхъ дѣлъ объявляло, что все обстоитъ благополучно и что само оно полно заботливости объ единовѣрцахъ императора, которыхъ графъ Нессельроде не могъ назвать своими. Лишь къ концу царствованія государю ясно стало, что западныя державы далеко опередили насъ на Востокѣ, что вліяніе, купленное потоками русской крови, обез-

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1845 годъ.

[2]) Муравьевъ: *Русскіе на Босфорѣ въ 1833 году*, стр. 29.

печенное торжественными международными актами, обратилось въ призракъ. Рѣшимость императора Николая мгновенно возвратить потерянное и снова упрочить за нами новымъ обязательствомъ султана права, которыя мы сами упустили изъ рукъ и была главною причиной столкновенія, изъ-за котораго возникла война Россіи съ ополчившеюся на нее половиной Европы.

Но не станемъ опережать событія и займемся отношеніями султана Махмуда къ его могущественному вассалу, пашѣ египетскому, въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись европейскимъ кабинетамъ послѣ перемирія въ Кутахіи.

Сдѣлкой, по которой Турція уступила Мегметъ-Али-пашѣ всю Сирію и Таврскіе перевалы, открывавшіе ему свободный путь въ Малую Азію, не могла завершиться турецко-египетская распря. Или султанъ долженъ былъ отвоевать потерянныя области, или паша овладѣть Константинополемъ и смѣнить Махмуда на оттоманскомъ престолѣ. Оба хорошо сознавали неизбѣжность такого исхода, и тотчасъ по подписаніи мира начали дѣятельно готовиться къ новой войнѣ. Предупредить эту войну было задачей, общею всѣмъ великимъ державамъ. Россія не могла желать новыхъ замѣшательствъ на Востокѣ, которыя легко могли привести ее въ столкновеніе съ Англіей и Франціей. Прочія державы опасались, какъ бы, занявъ вторично Босфоръ, по призыву султана, русскія войска не остались тамъ навсегда. Отсюда единогласные совѣты, подаваемые европейскою дипломатіей въ Константинополѣ и Александріи, съ цѣлью убѣдить и султана, и пашу не нарушать мира и опредѣленнаго имъ status quo. Исключеніе составлялъ одинъ лордъ Понсонби, глубоко убѣжденный въ необходимости для султана снова низвести Мегметъ-Али-пашу на степень простаго областнаго правителя Египта и подстрекавшій Махмуда къ войнѣ, впрочемъ отъ себя лично, а не отъ имени своего правительства.

Уже въ 1834 году турецкій флотъ направился къ египетскимъ берегамъ съ враждебными намѣреніями. По совѣту вѣнскаго двора, императорскій кабинетъ остановилъ въ зародышѣ эту первую попытку султана затѣять ссору съ ненавистнымъ вассаломъ, объявивъ ему, что, въ случаѣ нападенія турокъ на Египетъ, Порта лишится права на союзную помощь, обѣщанную ей Россіей по ункіаръ-искелесскому договору, который

имѣетъ-де исключительно оборонительный характеръ [1]). Въ то же самое время Мегметъ-Али сообщилъ дворамъ австрійскому, великобританскому и французскому о рѣшимости своей отложиться отъ Турціи. Единственное средство для Оттоманской имперіи обезпечить себя отъ неизбѣжныхъ войнъ внутреннихъ и отъ вооруженнаго вмѣшательства извнѣ, писалъ онъ князю Меттерниху, состоитъ въ распаденіи на двѣ половины: арабскую и турецкую. Признанное султаномъ независимымъ, арабское царство станетъ ревностнымъ союзникомъ царства турецкаго и поможетъ ему сбросить съ себя иго Россіи. Всѣ мусульманскіе народы, не исключая и персіянъ, сплотятся-де воедино для достиженія этой цѣли [2]). Разумѣется, австрійскій канцлеръ отвѣчалъ пашѣ чрезъ своего посланника въ Аѳинахъ, Прокеша, что намѣренія его представляются плодомъ мимолетнаго раздраженія; что всѣ великія державы одинаково желаютъ сохраненія мира на Востокѣ, какъ бы ни были различны побудительныя ихъ къ тому причины; что предположенія Мегметъ-Али объ опасности, будто бы угрожающей Портѣ отъ Россіи, ни на чемъ не основаны; что обращеніе его къ тремъ дворамъ можетъ только поставить его въ ложное положеніе, ибо основаніе арабскаго царства было бы равносильно разрушенію турецкаго, и слѣдовательно являлось бы угрозой европейскому миру [3]). Въ томъ же приблизительно смыслѣ отвѣчали пашѣ и кабинеты морскихъ державъ.

Осторожный Мегметъ-Али не рѣшился дѣйствовать наперекоръ совѣтамъ трехъ великихъ державъ и, отложивъ на время всякую мысль о независимости, всѣ старанія свои направилъ къ установленію дружественныхъ отношеній съ Портой. Въ этомъ направленіи поддерживалъ его и вновь назначенный въ Александрію первый русскій генеральный консулъ, полковникъ Дюгамель. Помянутой цѣли ему до извѣстной степени удалось достигнуть, благодаря готовности увеличить платимую имъ дань, но въ особенности удаленію отъ дѣлъ въ Константинополѣ личнаго врага его, сераскира Хозрева. Руководимая Пертевъ-пашей, Порта даже поручила отправленному въ 1837 году въ Александрію съ особымъ порученіемъ Сарымъ-эфенди справиться у паши, не согласится ли

[1]) Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, p. 63.

[2]) Богосъ-бей князю Меттерниху, сентябрь 1834.

[3]) Прокешъ Богосъ-бею, 6 (18) октября 1834.

онъ, за признаніе наслѣдственнаго права на обладаніе Египтомъ и округами Аксимъ и Саидскимъ, возвратить султану остальные округа Сиріи и Адану? Предложеніе это было отклонено Мегметъ-Али-пашой, а съ возвращеніемъ Хозрева къ власти снова обострились отношенія его къ Портѣ. Безпрестанныя волненія въ Сиріи и Палестинѣ, направленныя противъ египетскихъ властей, тайно поддерживались султаномъ, также точно, какъ египетскій паша содѣйствовалъ возстаніямъ, происходившимъ въ Босніи и Албаніи. Махмудъ сосредоточилъ въ Анатоліи сильную армію, обученную прусскими офицерами, и ввѣрилъ начальство надъ нею Гафизъ-пашѣ, считавшемуся лучшимъ турецкимъ полководцемъ. Со своей стороны, Мегметъ-Али усиливалъ войска, занимавшія Адану, и дѣятельно готовился отразить нападеніе.

Въ такомъ положеніи находились оба противника въ началѣ 1838 года. Столкновеніе между ними было неизбѣжно. Великія державы пытались снова предупредить его. Порта жаловалась на вооруженія паши. Европейскіе консулы потребовали отъ него объясненій. Мегметъ-Али сослался на понесенныя имъ потери во время недавнихъ возстаній, на враждебное ему настроеніе въ Константинополѣ. «Поручитесь мнѣ,» сказалъ онъ консуламъ, «что на меня не будетъ совершено нападенія, и я отмѣню наборъ.» Но консулы не удовлетворились этимъ отвѣтомъ, всѣхъ менѣе англійскій. Онъ получилъ отъ лорда Пальмерстона предписаніе возобновить требованіе о разоруженіи. Требованіе это было поддержано и французскимъ консуломъ. «Англія и Франція,» возразилъ Мегметъ-Али, «думаютъ сегодня такъ, а завтра иначе. Нынче онѣ возбуждаютъ Порту. Что было бы со мною, еслибъ я не имѣлъ своего войска?»—«Я пришелъ къ убѣжденію,» жаловался онъ австрійскому консулу, «что въ Константинополѣ рѣшена погибель моя и моего семейства и что ручательство державъ за Кутахію совершенно для меня безполезно, ибо онѣ держатъ слово лишь пока держитъ его Порта.» И въ другой разъ: «Пусть дарують мнѣ независимость, и я тотчасъ же отзову войска мои изъ Сиріи и употреблю ихъ на полезныя работы въ Саидѣ; тогда не нужно мнѣ будетъ и набора. Египетъ процвѣтетъ, а султанъ можетъ обратить свои силы на возрожденіе царства своего и не будетъ вынужденъ испрашивать помощи ни у русскихъ, ни у морскихъ державъ.

Тогда я стану его естественнымъ союзникомъ. Нынѣшнія колебанія вредны для обѣихъ сторонъ». Консулъ сослался на державы. «Франція и Англія,» продолжалъ паша, «могутъ только блокировать Александрію съ моря, а если Россія пришлетъ войска на помощь, то это послужитъ на пользу мнѣ болѣе, чѣмъ султану. Русское войско въ Малой Азіи возбудитъ зависть прочихъ державъ и расположитъ ко мнѣ правовѣрныхъ мусульманъ во всѣхъ азіятскихъ областяхъ, даже во всей Азіи. Морская блокада не страшна, ибо Египетъ не нуждается въ морѣ для своего существованія, а море черезчуръ опасно, чтобы дозволить слишкомъ долгое пребываніе предъ Александріей. Къ тому же, я успѣю подготовиться къ нападенію [1].»

Въ первыхъ числахъ мая, замѣнившій Дюгамеля, русскій генеральный консулъ, графъ Медемъ, потребовалъ отъ паши уменьшенія военныхъ силъ его въ Сиріи. Паша отвѣчалъ отказомъ, но тогда же спросилъ австрійскаго консула, не похлопочетъ ли Австрія въ Константинополѣ о томъ, чтобы за уступку Сиріи ему была предоставлена наслѣдственная власть надъ Египтомъ. «Европа хочетъ мира и сохраненія Оттоманской имперіи,» отвѣчалъ вѣнскій дворъ. «Она хочетъ непосредственнаго соглашенія между султаномъ и вассаломъ. Независимости Египта она не хочетъ.» Собравъ консуловъ, Мегметъ-Али объявилъ имъ, что пріобрѣтенное имъ значеніе, преклонный его возрастъ и будущность его дѣтей вынуждаютъ его настаивать на независимости Египта. Онъ просилъ довести это рѣшеніе до свѣдѣнія ихъ дворовъ, обѣщая дождаться ихъ отвѣта [2].

Въ европейскихъ столицахъ забили тревогу. Лордъ Пальмерстонъ рѣшился не повторять ошибки, совершенной въ 1833 году, и поддержать султана «ото всего сердца и всѣми силами,» съ Франціей или даже безъ нея [3]. По предложенію его, англійское министерство постановило не допускать Мегметъ-Али до провозглашенія независимости и до отдѣленія Египта и Сиріи отъ Оттоманской имперіи, такъ какъ послѣдствіемъ было бы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ неминуемое столкновеніе между имъ и султаномъ. Въ такомъ случаѣ, разсуждалъ Пальмерстонъ, турецкія войска будутъ

[1]) Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, p. 70.

[2]) Тамъ же, стр. 73.

[3]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвилю, 24 мая (5 іюня) 1838.

вѣроятно побиты, русскіе прилетятъ на помощь султану, русскій гарнизонъ займетъ Константинополь и Дарданеллы, и разъ завладѣвъ этими пунктами, уже никогда ихъ не покинетъ. Для предупрежденія такихъ событій Англія готова была оказать султану содѣйствіе морскими силами и совмѣстно съ Франціей послать эскадру въ самую Александрію. «То, чего желалъ бы я,» писалъ Пальмерстонъ великобританскому послу въ Парижѣ, «и на что̀ я могъ бы получить согласіе кабинета, это краткая конвенція между Англіей и Франціей, съ одной стороны, и Турціей, съ другой, по которой двѣ первыя державы обязались бы на опредѣленный срокъ подать послѣдней морскую помощь въ томъ случаѣ, если бы та ея потребовала, для защиты территоріи своей отъ нападенія, и редакція конвенціи должна была бы быть такова, чтобъ одинаково относиться къ Россіи и къ Мегметъ-Али-пашѣ. Я увѣренъ, что конвенція, подобная изложенной мною, спасла бы Турцію и сохранила бы миръ Европы однимъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, не вынуждая насъ дѣйствовать на ея основаніи.» Обращаясь съ этимъ предложеніемъ къ французскому правительству, англійскій министръ не былъ увѣренъ въ принятіи его графомъ Молэ, то̀гдашнимъ главой парижскаго кабинета, который не разъ обнаруживалъ уже склонность освободиться отъ исключительнаго союза съ Англіей и сблизиться съ прочими великими державами материка. Поручая лорду Гранвилю довѣрительно освѣдомиться о настроеніи французскаго министра, Пальмерстонъ замѣчалъ: «*Не слѣдуетъ забывать, что величайшую опасность для Европы представляетъ возможность комбинаціи между Франціей и Россіей* [1]), которая хотя и устранена нынѣ личными чувствами императора, но впослѣдствіи можетъ оказаться не столь невозможною, какъ теперь. А потому было бы хорошо установить политику Франціи на правильномъ пути по отношенію къ дѣламъ Востока, пока мы властны это сдѣлать [2]).»

Скоро выяснилось, что всѣ великія державы одинаково расположены принять сторону султана противъ паши, и лондонскій кабинетъ спѣшилъ пригласить Францію уже не къ одинаковому дѣйствію двухъ морскихъ державъ, а къ со-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвилю, 27 мая (8 іюня) 1838.

вмѣстному осуществленію соглашенія пяти главнѣйшихъ государствъ Европы. Дѣло представлялось ему въ слѣдующемъ видѣ. Если Мегметъ-Али замѣтитъ хотя бы малѣйшее разногласіе среди великихъ державъ, то непремѣнно попытается провозгласить себя независимымъ, послѣдствіемъ чего будетъ война его съ султаномъ, вмѣшательство Россіи и вѣроятно столкновеніе послѣдней съ Англіей и Франціей. Въ противномъ случаѣ обѣ морскія державы вынуждены были бы остаться безучастными зрительницами дѣлъ, совершаемыхъ Россіей, чего невозможно допустить, не роняя достоинства ихъ правительствъ. Пальмерстонъ ставилъ французскому кабинету два вопроса: какимъ путемъ всего лучше заставить Мегметъ-Али-пашу отказаться отъ замышляемаго имъ поступка, а если это не удастся, то какимъ образомъ предупредить бѣдственныя его послѣдствія? «Наше мнѣніе,» сообщалъ англійскій министръ лорду Гранвилю, «что въ виду обѣихъ случайностей, въ высшей степени желательно предварительное соглашеніе пяти державъ между собою. Мы полагаемъ, вопервыхъ, если бы мы могли объявить Мегмету, что такое соглашеніе установилось и что всѣ мы готовы сообща помочь султану противъ него, то онъ оставилъ бы свое намѣреніе и успокоился бы. Но далѣе мы находимъ, что если бы не смотря на предостереженіе, онъ все же двинулся, то такое соглашеніе явилось бы лучшимъ ручательствомъ для приведенія дѣла къ окончанію, безо всякаго нарушенія мира́ Европы. Мы желаемъ, подобно Себастіани [1]), чтобы представители пяти державъ собрались въ Лондонѣ; чтобы мы изложили имъ сущность дѣла и предложили совокупную систему дѣйствія; чтобъ, если Портѣ понадобится помощь на морѣ и на сухомъ пути, три морскія державы (то-есть Англія, Франція и Россія) оказали ей морскую помощь, а Австрія сухопутную. Мы заявили бы безъ прикрасъ, что одиночное вмѣшательство Россіи, какъ бы она ни считала себя на то въ правѣ или обязанною, возбудило бы великую зависть въ этой части свѣта; а такъ какъ въ *интересѣ общей гармоніи* желательно избѣжать такой зависти съ честію для всѣхъ сторонъ и безъ принесенія въ жертву важныхъ интересовъ, то мы предлагаемъ поручить военное вмѣшательство Австріи, ибо оно, вслѣдствіе тѣснаго союза,

---

[1]) Французскій посолъ при лондонскомъ дворѣ.

существующаго между Австріей и Россіей, было бы соверш. нно совмѣстимо съ честью Россіи, тогда какъ, съ другой стороны, благодаря географическому положенію Австріи, оно не стало бы источникомъ подобной же зависти для Англіи и Франціи. По всей вѣроятности, одно объявленіе о соглашеніи такого рода побудило бы Мегмета остаться спокойнымъ; въ противномъ случаѣ, оно по меньшей мѣрѣ вызвало бы результатъ совмѣстимый съ сохраненіемъ всеобщаго мира [1])».

Заявленный англійскимъ министромъ планъ европейскаго согласія по турецко-египетскимъ дѣламъ поражаетъ своею не то наивною, не то циническою откровенностію. Нельзя было яснѣе выразить, что главная забота въ Англіи состоитъ вовсе не въ улаженіи распри между султаномъ и его васалломъ, а въ устраненіи вооруженнаго вмѣшательства Россіи, другими словами, въ упраздненіи ункіаръ-искелесскаго договора. Согласиться на ограниченіе нашей помощи султану присоединеніемъ нѣсколькихъ судовъ къ сильнымъ эскадрамъ, содержимымъ Англіей и Франціей въ Средиземномъ морѣ, допустить появленіе австрійскихъ войскъ подъ стѣнами Константинополя, значило бы добровольно отказаться отъ правъ, признанныхъ за нами союзныхъ трактатомъ нашимъ съ Портой, и предоставить западной Европѣ рѣшеніе участи Востока помимо насъ. Такое предложеніе, конечно, не могло быть принято императорскимъ кабинетомъ. Даже князю Меттерниху оно показалось страннымъ и нелѣпымъ. «Если,» писалъ онъ графу Нессельроде, «лордъ Пальмерстонъ полагаетъ, что Сирія есть область, сопредѣльная съ Австріей, то онъ можетъ, безъ сомнѣнія, извиниться извѣстнымъ невѣжествомъ мнимыхъ государственныхъ людей стоящихъ порой во главѣ управленія въ Англіи [2])».

Первая часть аглійской программы была приведена въ исполненіе въ Александріи одними представителями морскихъ державъ. Въ концѣ іюля, англійскій консулъ сообщилъ пашѣ депешу лорда Пальмерстона, служившую отвѣтомъ на выраженное имъ намѣреніе провозгласить себя независимымъ. Англійскій министръ высказывалъ по этому поводу сожалѣніе и надежду, что Мегметъ-Али измѣнитъ свое рѣшеніе. «Если,»

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвилю, 24 іюня (6 іюля) 1838.
[2]) Князь Меттернихъ графу Нессельроде, 24 іюля (3 августа) 1838.

писалъ онъ, «паша пользуется нынѣ всеобщимъ уваженіемъ въ Европѣ, то потому, что самъ уважаетъ верховное право султана. Попытка отложиться отъ Турціи не можетъ содѣйствовать обезпеченію участи его дѣтей, а только компрометируетъ ее, ибо удача подобной попытки невозможна. Всѣ державы держатъ сторону султана, Англія твердо рѣшилась защищать его, и въ данномъ случаѣ нѣтъ причины разсчитывать на взаимную зависть державъ» [1]). Нѣсколько дней спустя, французскій консулъ прочелъ Мегметъ-Али-пашѣ депешу своего двора, по содержанію сходную съ англійскою. Въ ней графъ Молэ объявлялъ, что Франція никогда не признаетъ независимости Египта, будетъ всѣми силами ей противодѣйствовать и начнетъ съ того, что объявитъ берега Египта и Сиріи въ состояніи блокады [2]). Оба консула потребовали письменнаго отвѣта, но паша отказался дать его. Онъ ограничился словеснымъ заявленіемъ, что искренно желалъ бы, чтобы Порта не вынуждала его къ самозащитѣ; что вооруженія его вызваны лишь необходимостью обороны; что первый онъ не нарушитъ мира; но при этомъ надѣется, что державы не откажутся поддержать въ Константинополѣ ходатайство его о предоставленіи ему наслѣдственной власти во ввѣренныхъ его управленію областяхъ. Если помянутое желаніе его будетъ удовлетворено султаномъ, то онъ этимъ удовольствуется; если же дѣло дойдетъ до войны, то будетъ настаивать уже не на наслѣдственности, а на полной независимости. Рѣчь свою Мегметъ-Али завершилъ угрозой: скорѣе погибнуть, чѣмъ отказаться отъ своихъ требованій. «Я хорошо знаю,» присовокупилъ онъ, «что если четыре державы противостанутъ мнѣ сообща, то я погибну; но я знаю также, что слава ихъ стоитъ слишкомъ высоко, чтобъ увеличиться отъ моей погибели и что противъ меня девяносто пять шансовъ, а только пять за меня. Исходъ войны все же сомнителенъ, и если случай рѣшитъ дѣло въ мою пользу, то предоставляю державамъ обсудить послѣдствія.» Мысль эту паша пояснилъ въ довѣрительной бесѣдѣ съ австрійскимъ консуломъ, перечисливъ ему свои силы и воскликнулъ: «Кто изъ насъ, думаете вы, популярнѣе: султанъ, склоняющійся предъ волей

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ полковнику Кампбеллу, 25 іюня (7 іюля) 1838.

[2]) Графъ Молэ генеральному консулу Кошелэ, 12 (24) іюля 1838.

иноземцевъ и ищущій ихъ защиты, или я, опирающійся на мой народъ и дѣлающій все, чтобы создать его могущество? Коль скоро услышатъ мусульмане, что я далъ франкамъ отрицательный отвѣтъ, всѣ они сплотятся вокругъ меня [1])».

Рѣшимость свою не нападать первому на Турцію Мегметъ-Али доказалъ тѣмъ, что осенью 1836 года отправился въ отдаленный Суданъ, куда призывали его работы по добыванію золота и мирные переговоры съ Абиссиніей. Для обезпеченія мира, державамъ оставалось убѣдить султана отказаться отъ вторженія въ Сирію. Въ этомъ смыслѣ высказался Пальмерстонъ предъ турецкимъ посломъ въ Лондонѣ, Ахметъ-пашой. Но онъ не ограничился совѣтомъ воздержаться отъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока оттоманская армія и флотъ не будутъ приведены въ лучшее состояніе, а воспользовался случаемъ изложить взглядъ свой на союзныя отношенія Порты къ Россіи. Султанъ, говорилъ онъ послу, не долженъ разрывать съ Россіей или подавать ей справедливый поводъ къ ссорѣ. Но нѣтъ также причины, чтобы Порта дозволяла Россіи вмѣшиваться во всѣ внутреннія подробности администраціи Турецкой имперіи и въ частности разстраивать всякую мѣру, имѣющую цѣлью улучшеніе турецкихъ порядковъ. «Я сказалъ, что такая практика постояннаго вмѣшательства со стороны Россіи,» увѣдомлялъ министръ англійскаго представителя въ Константинополѣ, «ищетъ себѣ оправданія въ той статьѣ ункіаръ-искелесскаго договора, по которой императоръ и султанъ обязались взаимно довѣреннымъ образомъ совѣтоваться другъ съ другомъ о своихъ дѣлахъ. Было бы въ высшей степени важно въ интересахъ Порты и ея независимости отдѣлаться отъ этого трактата; но вопросъ въ томъ: какъ отдѣлаться отъ него, прежде истеченія ему срока? Единственнымъ средствомъ представляется мнѣ *погруженіе его въ какой либо болѣе общій уговоръ такого же рода* [2]). Настоящія угрозы Мегметъ-Али, повидимому, представляютъ удобный предлогъ для такой попытки, и Порта можетъ основать на этихъ угрозахъ обращеніе къ Англіи, Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи о вступленіи сообща въ обязательство съ нею, съ цѣлью поддержать независимость Оттоманской имперіи. Та-

[1]) Prokesch-Osten *Mehmed-Ali*, p. 78—80.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

кимъ трактатомъ, замѣтилъ я, если только его можно было бы достигнуть, упразднялся бы договоръ ункіаръ-искелесскій, и Порта была бы поставлена въ положеніе сравнительной независимости [1]).»

Убѣжденія лорда Пальмерстона не произвели никакого дѣйствія въ Константинополѣ. Тамъ дѣятельно готовились къ рѣшительной борьбѣ съ Мегметъ-Али-пашой и, конечно, всего менѣе могли быть расположены въ эту минуту ослабить союзную связь съ Россіей. «Ни одинъ турецкій министръ,» доносилъ оттуда сэръ-Генри Бульверъ, «не посмѣетъ сказать нашему послу ничего другаго, какъ то, что Мегметъ долженъ быть низложенъ и что турецкое правительство можетъ легко низложить его, потому что султанъ ненавидитъ пашу сосредоточенною ненавистью, и всякій, кто сказалъ бы ему, что послѣдній не будетъ или не можетъ быть усмиренъ, потерялъ бы, по всей вѣроятности, не одну только милость его блистательнаго высочества, но и собственную голову. Не смотря на это, турки для пораженія Мегмета не заключатъ съ Англіей трактата, который скомпрометировалъ бы ихъ относительно Россіи... [2]).» Дѣйствительно, всѣ помыслы султана были поглощены приведеніемъ въ исполненіе давно задуманнаго плана. Сорокъ тысячъ отборнаго турецкаго войска подъ предводительствомъ Гафизъ-паши были собраны въ Анатоліи и готовы перейти границу Сиріи по первому сигналу. Въ декабрѣ 1839 года, самъ министръ иностранныхъ дѣлъ отправился чрезвычайнымъ посломъ въ Англію и Францію съ цѣлью склонить въ пользу Турціи дворы лондонскій и парижскій и заручиться ихъ содѣйствіемъ.

Основываясь на донесеніяхъ Бутенева, въ Петербургѣ продолжали думать, что нападеніе произойдетъ со стороны Мегметъ-Али. По соглашенію съ вѣнскимъ дворомъ, графъ Нессельроде предписалъ нашему генеральному консулу въ Александріи объявить пашѣ, что мѣры, принятыя имъ въ Сиріи, сосредоточеніе войскъ въ Халебѣ, устройство складовъ оружія и припасовъ въ Аинтабѣ и возведеніе укрѣпленій на берегахъ Евфрата могутъ послужить туркамъ поводомъ для вторженія въ Сирію. Императорскій кабинетъ требовалъ немедленной от-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Понсонби, 1 (13) сентября 1838.
[2]) Сэръ-Генри Булверъ лорду Пальмерстону, 18 (30) іюля 1838.

мѣны всѣхъ этихъ распоряженій и отступленія египетскихъ войскъ къ Дамаску, а со своей стороны, обѣщалъ поддержать ходатайство паши въ Константинополѣ. Фельдъегерь, привезшій это предписаніе въ Александрію, долженъ былъ дождаться тамъ отвѣта [1]). Но помѣченное 29-го марта (10-го апрѣля) 1839 года, оно было получено графомъ Медемомъ лишь около двухъ мѣсяцевъ спустя. Между тѣмъ, армія Гафизъ-паши уже 9-го (21-го) апрѣля вступила въ Сирію, 19-го апрѣля (1-го мая) перешла Евфратъ у эль-Бира и открыла военныя дѣйствія съ египтянами. Когда, 26-го мая (7-го іюня), консулы русскій и австрійскій явились къ пашѣ, чтобы передать ему ноты своихъ дворовъ, Мегметъ-Али ограничился отвѣтомъ, что не онъ напалъ на турокъ, а турки на него, и что онъ вынужденъ защищаться [2]).

Разрывъ Порты съ пашой египетскимъ послужилъ исходною точкой къ продолжительнымъ и сложнымъ переговорамъ между великими державами, приведшимъ къ такъ-называемому европейскому соглашенію по дѣламъ Востока. Соглашеніе это имѣло неисчислимыя послѣдствія, какъ для общаго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ, такъ и въ частности, для отношеній Россіи къ Турціи, положивъ начало совокупному вмѣшательству великихъ державъ въ пользу послѣдней. Лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ были предтечами трактатовъ парижскаго и берлинскаго, окончательно узаконившихъ европейскую опеку надъ Портой, съ одной стороны, надъ христіанскими ея подданными—съ другой, и лишившихъ Россію не только плодовъ ея вѣковой политики, но и всякой свободы дѣйствій на Востокѣ. Тщательное изученіе переговоровъ, предшествовавшихъ помянутымъ конвенціямъ, приводитъ насъ къ непреложному убѣжденію, что зло, отъ котораго мы страдаемъ до сихъ поръ, и которое парализуетъ историческое развитіе судебъ русскаго народа, вызвано впервые на свѣтъ почином нашей собственной дипломатіи, уклонившейся отъ пути, указываемаго ей преданіями исторіи, народнымъ сознаніемъ и вѣрованіями. Такова причина, побудившая насъ изложить во всей подробности ходъ вышеозначенныхъ переговоровъ, дабы полнымъ разоблаченіемъ нашихъ дипломатиче-

[1]) Графъ Нессельроде графу Медему, 29 марта (10 апрѣля) 1839.

[2]) Prokesch-Osten: *Mehmed-Ali*, p. 94

скихъ промаховъ и грѣховъ въ прошломъ предостеречь отъ повторенія такихъ же или имъ подобныхъ въ настоящемъ и будущемъ.

Извѣстіе о вторженіи турокъ въ Сирію получено было 9-го (21-го) мая въ Вѣнѣ и 12-го (24-го) въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Его нельзя было назвать неожиданнымъ. Не смотря на это, оно застало европейскіе кабинеты врасплохъ и не на шутку ихъ встревожило. Князь Меттернихъ громко выражалъ досаду свою на турокъ, обвиняя ихъ въ отсутствіи здраваго смысла, но сдѣланный ими рѣшительный шагъ приписывалъ подстрекательствамъ Понсонби—«иллюмината, помѣшаннаго на томъ, что русскій императоръ постоянно замышляетъ покореніе Константинополя [1].» Лордъ Пальмерстонъ спѣшилъ объясниться съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и установить основанія общаго дѣйствія съ Франціей, гдѣ вмѣсто нелюбимаго имъ Молэ главой кабинета сталъ старый маршалъ Сультъ, послушное орудіе личной политики короля Лудовика-Филиппа. Англійскій министръ выразилъ мнѣніе, что двѣ морскія державы желаютъ сохраненія Оттоманской имперіи, «какъ наименѣе дурной гарантіи европейскаго равновѣсія», но указалъ и на различіе въ ихъ взглядахъ, заключающееся въ сочувствіи Франціи къ развитію могущества Египта, сочувствіи, нераздѣляемомъ англійскимъ правительствомъ. Напомнивъ, что Англія никогда не ручалась за соблюденіе условій мира, заключеннаго въ Кутахіи, и что Мегметъ-Али не болѣе, какъ васаллъ султана, Пальмерстонъ находилъ, что обѣ державы не могутъ допустить ни того, чтобы побѣдоносный паша снова принудилъ султана броситься въ объятія Россіи, ни даже, чтобы самъ султанъ, въ случаѣ успѣха, подвергалъ опасности миръ Европы на все то время, которое ему потребуется для отнятія у паши его завоеваній, а быть можетъ и самаго Египта. Далѣе, Пальмерстонъ предлагалъ соединить средиземныя эскадры англійскую и французскую и снабдить адмираловъ общими инструкціями. Въ случаѣ побѣды египтянъ надъ турками, адмиралы должны потребовать отъ Мегметъ-Али-паши немедленнаго пріостановленія наступательныхъ дѣйствій, пригрозивъ ему перерывомъ морскаго сообщенія между Александріей и берегомъ Сиріи. Если бы паша вздумалъ упор-

[1]) Князь Меттернихъ графу Аппоньи, 9 (21) мая и 2 (14) іюля 1839.

ствовать, то соединенныя эскадры объявили бы александрійскій портъ въ состояніи блокады, воспрепятствовали бы выходу изъ него египетскаго флота или возвращенію въ портъ, если бы флотъ этотъ оказался уже вышедшимъ въ открытое море. То же требованіе имѣло быть предъявлено и турецкому главнокомандующему, въ случаѣ одержанныхъ имъ успѣховъ надъ арміей Ибрагима. Пальмерстонъ настаивалъ на немедленномъ принятіи этой мѣры, но независимо отъ нея, предлагалъ объявить сообща дворамъ вѣнскому и берлинскому, что Англія и Франція согласны между собой въ необходимости поддержанія Оттоманской имперіи и пригласить ихъ присоединиться къ условленному между двумя морскими державами дѣйствію. «Здѣсь,» продолжалъ онъ, «намъ слѣдуетъ предвидѣть два различные случая: или что Порта уже *испросила* и *получила* помощь отъ Россіи людьми и судами; или, что она запросила ее, а Россія колеблется исполнить эту просьбу. Въ первомъ случаѣ, мы должны предложить вѣнскому двору объявить вмѣстѣ съ нами, что западная Европа требуетъ, во имя европейскаго равновѣсія, чтобы русскія вспомогательныя войска возвратились въ свои предѣлы, тотчасъ по достиженіи цѣли ихъ вмѣшательства, изъ коего русское правительство отнюдь не должно извлечь ни завоеваній, ни какихъ либо условленныхъ преимуществъ, торговыхъ или политическихъ. Декларація эта, какова бы ни была ея форма, должна быть рѣшительна по существу, и не оставлять Россіи ни малѣйшаго сомнѣнія въ послѣдствіяхъ, кои неминуемо навлекло бы на нее поведеніе, отличное отъ поведенія ея союзниковъ. Во второмъ случаѣ, мы пригласимъ вѣнскій дворъ вмѣстѣ съ нами предложить въ Петербургѣ предварительное соглашеніе между пятью великими державами, цѣлью коего будетъ поддержаніе независимости Оттоманской имперіи, а дѣйствія должны быть опредѣлены сообща. Тогда мы установимъ вспомогательную помощь Россіи и замкнемъ ее въ предѣлы общаго уговора. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы ослабимъ, насколько это зависитъ отъ насъ, гибельныя послѣдствія судебъ Оттоманской имперіи, ввѣренныхъ исключительно Россіи [1].» Всѣ предположенія лорда Пальмерстона были одобрены англійскимъ министерствомъ, которое дополнило ихъ двумя важ-

[1]) Баронъ Буркене маршалу Сульту, 13 (25) мая 1839.

ными рѣшеніями. Первымъ установлялось, въ основу примиренія между враждующими сторонами, предоставленіе Мегметъ-Али-пашѣ наслѣдственной власти въ Египтѣ и возвращеніе имъ всѣхъ прочихъ областей султану. Второе рѣшеніе предвидѣло появленіе русскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ подъ стѣнами Константинополя. Въ послѣднемъ случаѣ, эскадры англійская и французская должны были также войти въ Дарданеллы, съ согласія султана или даже силой, если бы Порта рѣшилась тому воспротивиться. И эти мѣры были переданы Пальмерстономъ на заключеніе французскаго правительства [1]).

Во Франціи сочувствіе министерства и всего общественнаго мнѣнія страны было на сторонѣ Мегметъ-Али, къ которому такъ враждебно относился лондонскій дворъ. А потому, по полученіи перваго извѣстія о разрывѣ, маршалъ Сультъ принялъ мѣру самостоятельную, отправивъ одного изъ своихъ адъютантовъ въ Александрію, а другаго въ Константинополь, съ порученіемъ убѣдить султана и пашу пріостановить движеніе войскъ своихъ. Одновременно Сультъ обратился съ изложеніемъ взгляда парижскаго кабинета на восточныя событія не къ одному лондонскому двору, но также и ко дворамъ петербургскому, берлинскому и вѣнскому. Маршалъ приглашалъ всѣ великія державы войти между собою въ соглашеніе для скораго и прочнаго замиренія Востока. Пруссія отвѣчала, по обыкновенію, мягко, но довольно уклончиво, объявивъ, что охотно поддержитъ мѣры, рѣшенныя сообща ея союзниками. За то Меттернихъ съ жаромъ ухватился за французское предложеніе и въ отвѣтѣ своемъ вступилъ въ пространныя разсужденія о томъ, какъ слѣдуетъ поступить великимъ державамъ, чтобы потушить въ самомъ началѣ возгорѣвшійся пожаръ. По мнѣнію его, нельзя было и думать о возстановленіи status quo ante, бывшаго источникомъ столькихъ безпокойствъ и недоразумѣній, и равно ненавистнаго обѣимъ сторонамъ. Къ сожалѣнію, нельзя де надѣяться на возможность для Порты отвоевать Сирію собственными силами, и въ случаѣ продолженія борьбы, всѣ шансы успѣха будутъ на сторонѣ Мегметъ-Али. Поэтому, на великихъ державахъ лежитъ обязанность остановить военныя дѣйствія и уравновѣсить, по возможности, притязанія воюющихъ. Имъ не трудно будетъ

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 5 (17) іюня 1839.

прійти къ соглашенію между собою, такъ какъ ни одна изъ нихъ не желаетъ паденія султана, не вѣритъ въ возможность изгнанія Мегметъ-Али изъ Египта и не стремится расширить собственные предѣлы на счетъ Оттоманской имперіи. У нихъ нѣтъ также недостатка въ средствахъ для приведенія рѣшеній своихъ въ исполненіе: эскадры французская и англійская въ Средиземномъ морѣ, русскія войска и флотъ. Твердая рѣчь въ Константинополѣ и Александріи, поддержанная демонстраціей на морѣ, будетъ вполнѣ достаточна для обезпеченія успѣха европейскаго посредничества. «Австрійская депеша,» сообщалъ маршалъ Сультъ французскому представителю въ Лондонѣ, «оканчивается замѣчаніемъ, поразившимъ меня, ибо я усмотрѣлъ въ немъ робкое изложеніе мысли, постоянно ласкаемой австрійскимъ кабинетомъ и столь же постоянно отвергаемой Россіей, а именно, объ учрежденіи въ австрійской столицѣ конференціи по дѣламъ Востока. Вѣна, говоритъ князь Меттернихъ, по отношенію къ этому великому вопросу, представляетъ пунктъ на столько центральный, что отвѣты могутъ доходить туда, такъ сказать, въ одно и то же время [1])».

Получивъ англійскія предложенія, маршалъ Сультъ выразилъ въ принципѣ свое согласіе на нихъ. Раздѣляя взглядъ лорда Пальмерстона на необходимость соглашенія между великими державами для поддержанія общими силами Оттоманской имперіи, онъ предлагалъ, согласно желанію князя Меттерниха, открыть въ Вѣнѣ совѣщанія по этому важному предмету. Онъ одобрялъ также предположенныя Англіей мѣры относительно совмѣстнаго дѣйствія англійской и французской эскадръ въ Средиземномъ морѣ, но совѣтовалъ пріобщить къ нимъ нѣсколько австрійскихъ судовъ. Такое развитіе морскихъ силъ, утверждалъ онъ, сдѣлаетъ войну невозможною и отниметъ у Россіи предлогъ для посылки, какъ сухопутныхъ войскъ своихъ, такъ и черноморскаго флота. «Но если,» разсуждалъ маршалъ, «наши совѣщанія и положеніе, принятое нашими эскадрами, не удержатъ обѣ стороны отъ вооруженій, то необходимость общаго дѣйствія станетъ очевидною. И при этомъ не представляется надежды на возможность убѣдить Россію, чтобъ она не вмѣшивалась матеріально въ вопросъ, столь прямо затрогивающій ея интересы. Тогда слѣдовало бы до-

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 1 (13) іюня 1839.

стигнуть того, чтобы вмѣшательство ея было опредѣлено и ограничено сообща съ прочими дворами; чтобъ она дѣйствовала одинаково съ Франціей и Англіей; чтобы, наконецъ, ео ipso европейская конвенція замѣнила ункіаръ-искелесскія условія. Мнѣ извѣстны всѣ препятствія, которыя подобный проектъ встрѣтитъ со стороны петербургскаго кабинета; однако, онъ найдетъ не много благовидныхъ доводовъ, чтобъ отвергнуть комбинаціи, очевидно внушенныя желаніемъ мира и поддержанныя всѣми союзными державами.» Коснувшись такимъ образомъ вопросовъ, по которымъ между Англіей и Франціей существовало полное единомысліе, французскій министръ не умолчалъ и о предметѣ, возбудившемъ ихъ разногласіе. Онъ находилъ, что нельзя не предоставить пашѣ наслѣдственной власти, по крайней мѣрѣ надъ нѣкоторою частью подчиненныхъ ему областей, но опредѣленіе этой части предоставлялъ будущему соглашенію между державами [1]).

Французское сообщеніе удовлетворило лорда Пальмерстона. Онъ сказалъ французскому повѣренному въ дѣлахъ: «Мы согласны во всемъ. Соглашеніе наше будетъ полное. Принципъ, цѣль, средства исполненія—все разумно, просто, прозорливо. Это не сообщеніе одного правительства другому, а скорѣе совѣщаніе, происходящее между товарищами, членами одного и того же кабинета.» Пальмерстонъ выразилъ нѣкоторое сомнѣніе только по вопросу объ избраніи Вѣны мѣстомъ для международныхъ совѣщаній по восточному вопросу. Онъ опасался, чтобы Меттернихъ не оказался болѣе доступенъ русскому вліянію въ Вѣнѣ, чѣмъ, напримѣръ, Аппоньи въ Парижѣ или Эстергази въ Лондонѣ [2]). Баронъ Буркенэ, молодой дипломатъ, за отсутствіемъ посла, графа Себастіани, временно исправлявшій должность французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, замѣтилъ англійскому министру, что князь Меттернихъ будетъ, напротивъ, лично польщенъ созваніемъ конференціи въ Вѣнѣ; что чувство это расположитъ его въ пользу западныхъ державъ; что въ вопросѣ, чуждомъ принципіальной политикѣ, и въ которомъ къ тому же австрійскій интересъ прямо противоположенъ русскому, Меттернихъ самъ будетъ въ Вѣнѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, подъ контролемъ австрійскаго обществен-

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 5 (17) іюня 1839.

[2]) Графъ Аппоньи и князь Эстергази—австрійскіе послы, первый при французскомъ, второй при англійскомъ дворѣ.

наго мнѣнія; что, наконецъ, Вѣна представляетъ самый центральный пунктъ. Доводы эти убѣдили Пальмерстона. Рѣшено было уполномочить англійскаго и французскаго пословъ при австрійскомъ дворѣ вступить въ совѣщаніе съ княземъ Меттернихомъ и представителями Россіи и Пруссіи для установленія общаго соглашенія по турецко-египетскимъ дѣламъ. Желаніе Пальмерстона идти рука объ руку съ Франціей простиралось такъ далеко, что онъ призналъ предложенное сюоснованіе этого соглашенія, а именно, предоставленіе наслѣдственной власти Мегметъ-Али-пашѣ, взамѣнъ территоріальной уступки въ пользу султана, съ тѣмъ, чтобы границы послѣдней были опредѣлены съ общаго согласія великихъ державъ [1]).

Дворы лондонскій и парижскій сообщили другъ другу инструкціи предназначенныя для адмираловъ, командующихъ ихъ средиземными эскадрами. Инструкціи эти были вполнѣ сходны по вопросу о вооруженномъ посредничествѣ между султаномъ и пашой. Но лордъ Пальмерстонъ предлагалъ, чтобъ оба адмирала потребовали отъ Порты разрѣшенія вступить въ Дарданеллы лишь въ томъ случаѣ, если бы русскія войска и флотъ, занявъ Босфоръ, не удалились оттуда по отступленіи египетской арміи изъ Малой Азіи. Маршалъ Сультъ находилъ эту мѣру недостаточною. По его словамъ, «въ ту самую минуту, когда русскіе появятся подъ Константинополемъ, великіе интересы европейскаго равновѣсія, а еще болѣе щекотливость общественнаго мнѣнія, имѣющаго право высказаться, потребуютъ, чтобъ англійскій и французскій флаги также показались тамъ». Маршалъ полагалъ, что не слѣдуетъ, въ ожиданіи событій, предоставлять инпціативу въ этомъ дѣлѣ адмираламъ или посламъ въ Константинополѣ, а нужно, не теряя ни минуты, и заручившись, если возможно, содѣйствіемъ Австріи, просить Порту о дозволеніи эскадрамъ французской, англійской и австрійской войти въ Дарданеллы одновременно со вступленіемъ русскихъ силъ въ Босфоръ и, совмѣстно съ послѣдними, принять участіе въ защитѣ султана. Въ случаѣ крайне впрочемъ невѣроятнаго отказа Порты, обѣ морскія державы условятся о дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ [2]). Получивъ на эту мѣру согласіе лондонскаго двора, парижскій кабинетъ

---

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 8 (20) іюня 1839.
[2]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 15 (27) іюня 1839.

пошелъ еще далѣе въ виду личныхъ разногласій между представителями Англіи и Франціи въ Константинополѣ не счелъ удобнымъ предоставлять Портѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, призвать себѣ на помощь эскадры морскихъ державъ, что дало бы ей право и удалить ихъ изъ Дарданеллъ, подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ. Маршалъ Сультъ предпочиталъ «придать мѣрѣ европейскій характеръ», просто потребовавъ отъ Порты немедленнаго распоряженія о пропускѣ англо-французской эскадры чрезъ Дарданелльскій проливъ, тотчасъ по ихъ появленіи у входа, «послѣ того, какъ состоится условіе, оправдывающее ихъ появленіе», другими словами вслѣдъ за прибытіемъ русскаго флота въ Босфоръ [1]). Пальмерстонъ согласился и на это, и нарочные курьеры были отправлены съ инструкціями въ вышеизложенномъ смыслѣ въ Константинополь чрезъ Вѣну, гдѣ представители морскихъ державъ должны были попытаться привлечь и князя Меттерниха къ участію въ условленной мѣрѣ [2]).

Австрійскій канцлеръ былъ въ восторгѣ. Осуществлялась его давняя, завѣтная мечта. Вѣна становилась центромъ европейскаго соглашенія по восточнымъ дѣламъ. Съ самаго начала турецко-египетской распри онъ опасался, чтобы мѣстомъ совѣщаній не былъ избранъ Лондонъ. Онъ напоминалъ французскому правительству о продолжительности и неудовлетворительности лондонской конференціи по голландско-бельгійскому вопросу и заключалъ, что неосторожно предоставлять руководство международнымъ дипломатическимъ собраніемъ англійскимъ министрамъ. «Будемъ дѣлать дѣло въ Вѣнѣ и въ Константинополѣ,» писалъ онъ довѣрительно австрійскому послу въ Парижѣ, «не давая стѣснять себя формальностями. Линія эта и географически самая прямая, а кратчайшія линіи всегда наилучшія для тѣхъ, кто серіозно хочетъ дѣла [3]).» Заручившись предварительнымъ согласіемъ тюильрійскаго двора, онъ офиціально предложилъ великимъ державамъ собраться на совѣщаніе въ Вѣнѣ. Только со свойственнымъ ему педантизмомъ онъ не хотѣлъ присвоивать этому собранію названія конференціи. «Нужно дѣло, а не форма», говорилъ онъ и мысль свою пояснялъ слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ должно быть

---

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 24 іюня (6 іюля) 1839.
[2]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 27 іюня (9 іюля) 1839.
[3]) Князь Меттернихъ графу Аппоньи, 2 (14) іюня 1839.

дозволено имѣть опредѣленное мнѣніе о значеніи собраній, которыя въ новѣйшія времена происходили подъ названіемъ *конференцій*. Первые опыты были моимъ дѣломъ, и съ 1813 по 1823 годъ, не было такихъ собраній, въ коихъ я не былъ бы призванъ принимать непосредственное участіе. Они, по всей справедливости, возбудили ненависть революціонеровъ. Дѣйствительно, собраніямъ кабинетовъ, происходившимъ въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ, въ значительной степени слѣдуетъ приписать соблюденіе всеобщаго мира и сохраненіе нѣсколькихъ государствъ, коимъ угрожало внутреннее разложеніе. Протоколомъ, подписаннымъ въ 1818 году пятью великими державами въ Ахенѣ, установлены для собраній кабинетовъ мудрыя правила, основанныя на справедливомъ уваженіи независимости государствъ. Пять дворовъ условились между собою, что они никогда не приступятъ въ конференціи къ обсужденію вопросовъ, касающихся правъ или интересовъ какого-либо государства, не пригласивъ заинтересованнаго правительства къ участію въ собраніи. Примѣняя это полезное правило къ настоящему случаю, слѣдовало бы привлечь оттоманскаго уполномоченнаго въ мѣсто, избранное державами для учрежденія конференціи, и въ одномъ этомъ фактѣ заключается уже неодолимое препятствіе для успѣха предпріятія. Никогда Порта не снабдитъ своего посланника полномочіемъ, достаточнымъ для того, чтобы подвинуть дѣло [1]).»

Изъ этихъ словъ Меттерниха ясно, что созваніе въ Вѣнѣ международнаго совѣщанія по восточнымъ дѣламъ, хотя и не украшеннаго именемъ «конференціи», представлялось ему дѣломъ первостепенной важности, блестящимъ дипломатическимъ успѣхомъ. Онъ уже видѣлъ себя снова во главѣ великихъ державъ, руководящимъ ихъ мнѣніями, направляющимъ ихъ дѣйствія, рѣшающимъ въ австрійской столицѣ судьбы Востока, какъ нѣкогда, за четверть столѣтія предъ тѣмъ, была рѣшена въ ней участь Запада. Онъ былъ убѣжденъ въ согласіи берлинскаго двора, пріучившаго его къ безусловной покорности. Съ тюильрійскимъ дворомъ онъ уже нѣсколько лѣтъ тщательно поддерживалъ самыя дружественныя сношенія, плодомъ коихъ явилось не только присоединеніе Франціи къ

---

[1]) Циркуляръ князя Меттерниха австрійскимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ 2 (14) іюня 1839.

предложенной имъ мѣрѣ, но и давленіе ея на лорда Пальмерстона, съ цѣлью побудить и его согласиться на предпочтеніе Вѣны Лондону. Мы видѣли, что англійскій министръ далъ убѣдить себя въ преимуществахъ австрійскаго центра. Оставалась Россія. Меттернихъ старался увѣрить морскія державы что не сомнѣвается въ готовности русскаго двора принять участіе въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ. «Я прошу короля французовъ,» писалъ онъ графу Аппоньи, «быть увѣреннымъ что русскій императоръ занимаетъ во всемъ этомъ вопросѣ одинаковое съ нами положеніе.» И въ другой разъ: «Дабы правильно судить объ истинномъ поведеніи дворовъ въ вопросѣ дня, считайте несомнѣннымъ, что между нами и Россіей полное сходство въ сужденіяхъ и желаніяхъ, что мы по совѣсти вѣримъ въ намѣреніе Франціи условиться и дѣйствовать заодно съ нами, что Англія пойдетъ съ нами и что она убѣждена, что не могла бы идти съ Франціей. Изо всего этого позволительно заключить, что такъ какъ три двора пребываютъ въ единомысліи, то легко будетъ установить между ними соглашеніе, въ чемъ я дѣйствительно и не сомнѣваюсь... Пусть четыре христіанскія державы обяжутся другъ предъ другомъ ничего не дѣлать въ ущербъ Оттоманской имперіи; затрудненія ограничатся тогда одними турецкими затрудненіями [1]).»

Но, вселяя въ кабинеты парижскій и лондонскій увѣренность въ полномъ подчиненіи русской политики вліянію австрійскаго двора, Меттернихъ самъ не раздѣлялъ этой увѣренности. Не безъ тревоги ожидалъ онъ извѣстій о впечатлѣніи, какое произведетъ на императора Николая стачка его, союзника Россіи, связавшаго съ нею письменнымъ обязательствомъ по восточнымъ дѣламъ, съ двумя морскими державами, справедливо считавшимися явными противницами охранительнаго союза трехъ державъ Сѣвера. Признакомъ его замѣшательства служатъ доводы, приведенные имъ нашему повѣренному въ дѣлахъ, въ оправданіе предлагаемой имъ мѣры. Онъ старался увѣрить Струве [2]), что убѣдилъ морскія державы стремиться къ достиженію тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя были условлены между Россіей и Австріей и занесены въ мюнхенгрецкую конвенцію,

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Аппоньи 2 (14) іюня и 21 іюня (3 іюля) 1839.

[2]) Совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, временно завѣдывавшій имъ въ отсутствіе посла Татищева.

а именно, сохраненія Оттоманской имперіи. Если русскія войска и флотъ будутъ отправлены въ Константинополь на помощь султану, то нельзя отказать западнымъ державамъ въ правѣ послать туда же и свои сухопутныя и морскія силы. Впрочемъ, успокоивалъ онъ, въ концѣ концовъ не подлежитъ сомнѣнію, что Англія и Франція разссорятся между собой, и тогда Россіи и Австріи останется лишь удачно эксплуатировать эту ссору [1]). Верхомъ дипломатическаго нахальства можно назвать предложеніе, обращенное къ намъ чрезъ австрійскаго посла въ Петербургѣ, чтобы сама Россія пригласила великія державы созвать въ Вѣнѣ конференцію по восточнымъ дѣламъ. Подобною инициативой, утверждалъ Меттернихъ, русскій дворъ значительно уменьшилъ бы распространяемыя на его счетъ клеветы [2]).

Въ ожиданіи русскаго отвѣта, австрійскій канцлеръ обмѣнивался мыслями съ пребывающими въ Вѣнѣ представителями, англійскимъ, лордомъ Бовеломъ, и французскимъ, графомъ Сентъ-Олеромъ, объ основаніяхъ будущаго европейскаго соглашенія по Восточному вопросу. Онъ внушалъ обоимъ дипломатамъ, что если состоится морская демонстрація западно-европейскихъ эскадръ у береговъ Сиріи, то полезно допустить къ участію въ ней и нѣсколько судовъ русскаго черноморскаго флота. По мнѣнію его, уступка эта должна была польстить Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, связать ее, приковавъ къ «европейскому концерту»; она отняла бы у нея всякій предлогъ воспротивиться въ Константинополѣ допущенію въ Дарданеллы эскадръ англійской, французской и австрійской; наконецъ, русскія суда посреди этихъ эскадръ послужили бы западнымъ державамъ немаловажнымъ залогомъ [3]). Но въ особенности настаивалъ Меттернихъ на необходимости воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобъ исправить промахъ вѣнскаго конгресса и въ будущее обще-европейское соглашеніе включить обязательство всѣхъ великихъ державъ уважать и сообща гарантировать цѣлость и независимость Оттоманской имперіи. Наиболѣе удобною формой такого обязательства представлялся ему обмѣнъ

---

[1]) Струве графу Нессельроде, 17 (29) іюня 1839.

[2]) Князь Меттернихъ графу Фикельмонту, 15 (27) іюня 1839.

[3]) Доводы эти приводятся въ донесеніи лорда Бовела лорду Пальмерстону отъ 19 іюня (1 іюля) 1839.

между участвующими въ совѣщаніи дворами составленныхъ въ этомъ смыслѣ декларацій [1]).

Мысль эта, несомнѣнно направленная противъ Россіи, возбудила живѣйшее сочувствіе въ Парижѣ и Лондонѣ. Французское правительство, во избѣжаніе замедленій, а вѣроятно также уступая довѣрительной просьбѣ вѣнскаго двора, приняло на себя обращеніе съ подобнымъ предложеніемъ ко всѣмъ прочимъ державамъ. Лордъ Пальмерстонъ, несчитавшій возможнымъ допустить участіе нашего черноморскаго флота въ морской демонстраціи у сирійскихъ береговъ, «дабы не нарушить принципа о закрытіи Дарданеллъ», не только вполнѣ одобрилъ придуманный Меттернихомъ обмѣнъ декларацій, но предложилъ, по сосредоточеніи ихъ въ Вѣнѣ, облечь ихъ въ торжественную форму международной конвенціи [2]). Кабинеты парижскій и лондонскій немедленно обмѣнялись между собой условленными декларaціями. Предлогомъ къ нимъ послужило извѣстіе о смерти султана. «При опасномъ кризисѣ, вызванномъ въ Оттоманской имперіи,» писалъ барону Буркенэ маршалъ Сультъ, «и кончиной султана Махмуда, послѣдовавшею посреди событій, ознаменовавшихъ послѣдніе мѣсяцы его царствованія, только единеніе великихъ европейскихъ державъ можетъ послужить достаточною гарантіей для успокоенія сторонниковъ мира. Сообщенія, коими дворы обмѣнялись нѣсколько недѣль тому назадъ, доказали, къ счастію, что единеніе это такъ полно, какъ только возможно желать. Всѣ кабинеты хотятъ сохранить цѣлость и независимость Оттоманской имперіи подъ властью нынѣ царствующей династіи; всѣ расположены прибѣгнуть къ своимъ средствамъ дѣйствія и вліянія, дабы обезпечить этотъ необходимый элементъ политическаго равновѣсія и готовы не колеблясь высказаться противъ всякой комбинаціи, направленной къ его нарушенію. Подобнаго согласія чувствъ и рѣшеній будетъ достаточно, коль скоро никто не возможетъ въ немъ усомниться, не только для предупрежденія всякой попытки, противной этому великому интересу, но и для разсѣянія безпокойствъ, одно существованіе коихъ представляетъ несомнѣнную опасность, вслѣдствіе броженія, возбуждаемаго имъ въ умахъ. А потому правительство короля полагаетъ, что

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 5 (17) іюля 1839.

[2]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 29 іюня (11 іюля) 1839.

кабинеты совершат важное дѣло въ пользу утвержденія мира, подтвердивъ изложеніе упомянутыхъ мною намѣреній письменными документами, которые должны быть сообщены отъ кабинета кабинету и, по необходимости, подлежали бы вскорѣ болѣе или менѣе полному обнародованію. Что до васъ касается, господинъ баронъ, то я формально объявляю, что таковы суть и неизмѣнно пребудутъ наши намѣренія, и разрѣшаю вамъ, прочтя лорду Пальмерстону настоящую депешу, оставить ему съ нея копію. Я не сомнѣваюсь, что великобританское правительство, въ отвѣтѣ, который оно, безъ сомнѣнія, сочтетъ нужнымъ дать на письмо, при коемъ вы передадите ему эту депешу, со своей стороны, самымъ положительнымъ образомъ примкнетъ къ сему исповѣданію нашихъ мнѣній, столь совершенно согласному съ часто повторенныкъ выраженіемъ его политики. Если, какъ я имѣю поводъ надѣяться, кабинеты вѣнскій, берлинскій и петербургскій одинаковымъ образомъ отвѣтятъ на такія же сообщенія, которыя будутъ имъ доставлены мною, то цѣль, преслѣдуемая правительствомъ короля, окажется достигнутою [1]). Увѣдомивъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ о полученіи копіи съ приведенной депеши, лордъ Пальмерстонъ выразилъ ему удовольствіе великобританскаго правительства по поводу этого сообщенія и «безъ потери времени» уполномочилъ его передать своему двору, что, подобно французскому, англійскій кабинетъ желаетъ сохранить цѣлость и независимость Оттоманской имперіи подъ властью настоящей династіи; что онъ готовъ направить свое вліяніе и средства дѣйствія къ поддержанію этого необходимаго условія равновѣсія силъ въ Европѣ, и что, по примѣру французскаго правительства, онъ не поколеблется открыто высказаться противъ всякой комбинаціи, которая могла бы быть соображена въ духѣ враждебномъ вышеупомянутымъ принципамъ [2]).» Радость свою по случаю такого обмѣна декларацій англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ выразилъ въ слѣдующей запискѣ къ великобританскому послу въ Парижѣ: «Сультъ просто перлъ! Ничто не можетъ быть удовлетворительнѣе его обращенія съ нами, и единеніе Англіи и Франціи по этимъ турецкимъ дѣлахъ ободритъ Меттерниха и спасетъ Европу!» [3]).

---

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 5 (17) іюля 1839.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ барону Буркенэ, 10 (22) іюля 1839.

[3]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвилю, 7 (19 іюля) 1839.

Но пока на Западѣ дипломаты торжественно провозглашали цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, событія на Востокѣ, быстро слѣдуя одно за другимъ, угрожали самому ея существованію. Въ началѣ іюня, адъютанты маршала Сульта прибыли, капитанъ Калье въ Александрію, а полковникъ Фольцъ въ Константинополь. Оба успѣшно исполнили возложенное на нихъ порученіе. И султанъ, и паша, согласились пріостановить военныя дѣйствія въ Сиріи, чтобы предупредить столкновеніе. Но было поздно. За пять дней до пріѣзда Калье въ главную квартиру Ибрагимъ-паши, 9 (21) іюня, турецкая и египетская арміи встрѣтились подъ Низибомъ. Послѣ двухчасоваго боя турки были разбиты и разсѣяны, причемъ оставили въ рукахъ непріятеля около 10,000 плѣнныхъ, артиллерію, обозъ и весь лагерь. 18-го (30-го), не зная еще о постигшемъ его бѣдствіи, умеръ султанъ Махмудъ, передавъ свой престолъ шестнадцатилѣтнему сыну своему, Абдулъ-Меджиду. Двѣ недѣли спустя, капуданъ-паша Ахмедъ-Февзи, выступивъ изъ Дарданеллъ со всѣмъ турецкимъ флотомъ, состоявшимъ изъ девятнадцати кораблей, отплылъ въ Александрію, и тамъ передался съ нимъ на сторону Мегметъ-Али. Менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ Турція, по выраженію Гизо, лишилась своихъ государя, арміи и флота [1]).

Въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, снова забили тревогу. Князь Меттернихъ писалъ князю Эстергази, австрійскому послу при сентъ-джемскомъ дворѣ, что нечего терять времени въ рыданіяхъ, и что настала минута скрѣпить узы великихъ державъ въ переговорахъ, имѣющихъ открыться въ Вѣнѣ [2]). На мнѣніе это ссылался маршалъ Сультъ, утверждая, что для Англіи, какъ и для Франціи, и даже для Австріи, хотя послѣдняя держава и не признается въ этомъ, главная цѣль соглашенія — сдержать Россію и пріучить ее обсуждать сообща восточныя дѣла [3]). Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ находилъ, что необходимо поторопиться заключеніемъ мира между Турціей и Египтомъ подъ наблюденіемъ великихъ державъ, на основаніи признанія наслѣдственныхъ правъ за Мегметъ-Али-пашой и возвращенія Портѣ всей Сиріи. Англійскій по-

---

[1]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, IV, p. 342.

[2]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 15 (27) іюля 1839.

[3]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 14 (26) іюля 1839.

солъ въ Вѣнѣ былъ снабженъ на этотъ предметъ достаточными инструкціями и полномочіями [1]).

Но препятствіе возникло какъ разъ съ той стороны, откуда его всего меньше ожидали. Русскій дворъ наотрѣзъ отказался принять участіе въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ по восточнымъ дѣламъ.

Со времени возобновленія турецко-египетской распри, императорскій кабинетъ занялъ выжидательное положеніе. Въ инструкціяхъ, данныхъ вице-канцлеромъ графу Поццо-ди-Борго, замѣнившему, еще въ 1836 году, князя Ливена въ званіи русскаго посла въ Лондонѣ, Нессельроде писалъ: «Мы далеки отъ желанія вызвать усложненіе на Востокѣ, и всѣ наши старанія направлены къ предупрежденію его. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить воспользоваться нашимъ союзнымъ договоромъ съ Портой, мы сами первые желаемъ отдалить возобновленіе кризиса, который заставилъ бы насъ, вопреки нашей волѣ, занять военную позицію на берегахъ Босфора.» Вице-канцлеръ предлагалъ содѣйствовать великобританскому двору въ локализаціи борьбы между двумя воюющими сторонами [2]). Англійскому представителю въ Петербургѣ, лорду Кланрикарду, онъ говорилъ, что императоръ Николай искренно желаетъ избѣжать casus foederis, основаннаго на ункіаръ-искелесскомъ договорѣ [3]). Пальмерстонъ по обыкновенію недовѣрчиво отнесся къ нашимъ заявленіямъ и отвѣчалъ графу Нессельроде, что слѣдуетъ прежде всего предупредить въ будущемъ возможность повторенія столкновенія султана съ пашой, столкновенія угрожающаго миру Европы, и что единственнымъ средствомъ представляется къ тому пересмотръ кутахіійскихъ условій и установленіе новаго modus vivendi между сюзереномъ и вассаломъ [4]). Когда въ Петербургѣ было получено предложеніе австрійскаго двора созвать въ Вѣнѣ совѣщаніе изъ представителей великихъ державъ, мы отнеслись къ нему довѣрчиво и, какъ кажется, подали князю Меттерниху надежду на принятіе его проекта [5]).

Сравнивая неопредѣленный образъ дѣйствій император-

---

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 15 (27 іюля) 1839.

[2]) Графъ Нессельроде графу Поццо-ди-Борго, 5 (17 іюня) 1839.

[3]) Лордъ Кланрикардъ лорду Пальмерстону, 26 іюня (8 іюля) 1839.

[4]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 30 іюня (12 іюля) 1839.

[5]) Лордъ Бовелъ лорду Пальмерстону, 29 іюня (11 іюля) 1839.

скаго кабинета въ началѣ второй турецко-египетской распри съ рѣшительною и твердою политикой, проявленною имъ во время перваго столкновенія Махмуда съ Мегметъ-Али-пашой, нельзя не признать, что въ шестилѣтній промежутокъ времени взглядъ русской дипломатіи на положеніе Россіи на Востокѣ измѣнился во многомъ. Въ 1833 году мы дѣйствовали самостоятельно, и отправляя въ Босфоръ нашъ флотъ и десантное войско, не спрашивались ни у кого, даже ни съ кѣмъ не совѣтовались, руководясь лишь требованіями нашего положенія и сознавая наше право, столь опредѣлительно выраженное въ словахъ, сказанныхъ императоромъ Николаемъ при отправленіи генерала Муравьева въ Александрію: «Надобно показать вліяніе мое въ дѣлахъ Востока»; въ 1839 году мы сами не принимали никакихъ мѣръ, а только высказывали то Англіи, то Австріи готовность содѣйствовать имъ въ замиреніи Леванта. Тогда мы смѣло заключили съ Турціей союзный договоръ, ставившій ее въ положеніе нашей подручницы, а насъ уполномочивавшій защищать ее ото всякихъ нападеній; теперь мы тяготились этимъ договоромъ, признавали его для себя неудобнымъ и старались избѣжать необходимости приведенія въ исполненіе его условій. Чѣмъ же объясняется такое уклоненіе отъ нашей традиціонной восточной политики, высшимъ выраженіемъ коей именно былъ ункіаръ-искелесскій трактатъ? Очень просто. За шесть лѣтъ предъ тѣмъ, мы были свободны ото всякихъ обязательствъ предъ державами Запада; нынѣ мюнхенгрецкій уговоръ съ Австріей связывалъ насъ по рукамъ и по ногамъ, и приковывалъ къ ея собственной неподвижности. Но стѣсняя наши дѣйствія, этотъ же самый уговоръ отнюдь не препятствовалъ князю Меттерниху, не спрашивая насъ, вступать въ сдѣлку съ враждебными намъ Англіей и Франціей, и post facto приглашать насъ на совѣщаніе, для котораго улаженіе турецко-египетскаго спора служило лишь предлогомъ, а истинною цѣлью было принятіе Турціи подъ охрану Европы, провозглашеніе ея независимости и цѣлости основнымъ началомъ европейскаго народнаго права и слѣдовательно, узаконеніе вмѣшательства великихъ державъ въ международныя отношенія Оттоманской имперіи.

Впрочемъ, русская дипломатія, создавшая это положеніе, не сознавала или, правильнѣе, не хотѣла сознать всѣхъ его невыгодъ. Слѣпо довѣряя Австріи, послушная голосу Меттер-

ниха, она готова была откликнуться на зовъ его и отправить уполномоченнаго въ Вѣну, для принятія участія въ европейскомъ совѣщаніи, повидимому, и не подозрѣвая о томъ, что тамъ замышлялось противъ насъ. Случайное обстоятельство открыло ей глаза. То было полученіе французскимъ посломъ въ Петербургѣ, Барантомъ, съ приказаніемъ сообщить вице-канцлеру, инструкцій, данныхъ парижскимъ и лондонскимъ дворами адмираламъ, начальствующимъ ихъ средиземными эскадрами. У насъ съ изумленіемъ узнали о приказаніи англо-французскому флоту, во что бы то ни стало вступить въ Дарданеллы, и такимъ образомъ нарушить древнее правило Порты, скрѣпленное торжественнымъ обязательствомъ ея предъ Россіей, о безусловномъ воспрещеніи входа въ этотъ проливъ военнымъ судамъ иностранныхъ государствъ. Такое прямо противъ насъ направленное враждебное дѣйствіе морскія державы предпринимали въ ту самую минуту, когда онѣ же приглашали насъ, сообща съ ними, заняться изысканіемъ мѣръ для водворенія мира на Востокѣ. Австрійскій посолъ, графъ Фикельмонтъ, хорошо изучившій личный характеръ императора Николая и предвидѣвшій впечатлѣніе, какое произведетъ на него извѣстіе о намѣреніи Англіи и Франціи ввести свои флоты въ Мраморное море, успѣлъ убѣдить своего французскаго товарища, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, скрылъ отъ вице-канцлера, что въ случаѣ отказа Порты въ добровольномъ пропускѣ, адмираламъ предписано силой ворваться въ Дарданеллы. Но вслѣдъ за первымъ, послѣдовало второе сообщеніе парижскаго кабинета, предлагавшаго нашему обмѣняться съ нимъ деклараціями о совокупномъ ручательствѣ великихъ державъ за цѣлость и независимость Турціи. Одновременно стало извѣстно, что подобный обмѣнъ уже состоялся, не только между Парижемъ и Лондономъ, но и между Вѣной, Берлиномъ и Парижемъ, и что на вѣнскихъ совѣщаніяхъ предполагается торжественно провозгласить вышеозначенное начало, включивъ его въ формальный договоръ между великими державами.

Негодованіе государя выразилось въ отправленномъ Бутеневу предписаніи немедленно оставить Константинополь, въ случаѣ изъявленія Портой согласія на англо-французское требованіе о пропускѣ чрезъ Дарданеллы эскадръ морскихъ державъ. Тогда же австрійскому двору было объявлено, что Рос-

сія не приметъ участія въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ по Восточному вопросу.

«Нынѣ, какъ и прежде,» писалъ Нессельроде русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, «государь твердо рѣшился: 1) посвятить всѣ имѣющіяся въ распоряженіи его средства вліянія и дѣйствія, дабы поддержать существованіе Оттоманской имперіи подъ властью царствующей династіи; 2) противиться всякой комбинаціи, которая могла бы посягнуть на независимость власти султана; 3) не признавать порядка, способнаго возмутить нынѣшнее положеніе Оттоманской имперіи; наконецъ, 4) согласиться съ Австріей относительно наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ, имѣющихъ быть принятыми сообща, съ цѣлью предупредить опасность, истекающую изъ измѣненія условій существованія Оттоманской имперіи для *безопасности* и *интересовъ* ихъ собственныхъ, сопредѣльныхъ съ Турціей, владѣній.» Слова эти, повторявшія самыя выраженія мюнхенгрецкой конвенціи, должны были напомнить вѣнскому двору, что онъ связанъ съ нами, и съ нами одними, формальнымъ договоромъ по восточнымъ дѣламъ. Не смотря на явное нарушеніе его княземъ Меттернихомъ, мы продолжали вѣрить въ его спасительную силу. Графъ Нессельроде убѣждалъ австрійскаго канцлера, что пока Россія и Австрія пребудутъ въ согласіи насчетъ *единственной* цѣли ихъ политики—сохраненія Турціи, Европѣ нечего бояться Мегметъ-Али-паши. Центръ тяжести нынѣшняго кризиса не въ Константинополѣ, а въ Александріи, и великимъ державамъ слѣдовало бы обращаться къ пашѣ, какъ къ зачинщику всѣхъ замѣшательствъ, и угрожать ему своими эскадрами. Между тѣмъ, онѣ помышляютъ о введеніи флотовъ своихъ въ Мраморное море. Такая мѣра явно направлена противъ Россіи, которая не можетъ допустить ея. «Вопросъ о закрытіи Дарданеллъ составляетъ для насъ вопросъ чести,» объявлялъ вице-канцлеръ, «и мы обязаны защищать его, во что бы то ни стало, никогда не останавливаясь ни предъ какой жертвой... Рѣшенія государя по этому предмету приняты безповоротно, разъ навсегда [1].»

Но главною причиною нашего отказа участвовать въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ было включенное въ программу ихъ установленіе совокупнаго ручательства Европы за цѣлость и не-

[1]) Графъ Нессельроде Струве, 4 (16) іюля 1839.

зависимость Оттоманской имперіи. Мѣру эту императорскій кабинетъ считалъ измышленіемъ дворовъ лондонскаго и парижскаго, не зная или не желая знать, что она была имъ внушена княземъ Меттернихомъ. Вотъ почему, въ инструкціяхъ своихъ нашему представителю въ Вѣнѣ, графъ Нессельроде противополагалъ единеніе наше съ Австріей полному разладу между нами и морскими державами. «Есть въ политикѣ вопросы,» писалъ онъ Струве, «которые не допускаютъ теоретическихъ разсужденій. Благоразуміе требуетъ избѣгать ихъ возбужденія безъ крайней необходимости, и этого-то именно мы и желаемъ избѣжать нынѣ.» Вице-канцлеръ находилъ, что совѣщанія могли бы принести пользу лишь въ томъ случаѣ, если бы происходили между государствами, которыя проникнуты одинаковыми цѣлями и имѣютъ тождественные интересы. Такъ Россія и Австрія могли заключить мюнхенгрецкую конвенцію, потому что обѣ желали сохраненія status quo на своихъ южныхъ границахъ. Иныя желанія руководятъ Англіей и Франціей. Въ сущности, и та, и другая, отнюдь не хотятъ сохраненія независимости Турціи, какъ залога безопасности для Россіи. Цѣль ихъ, напротивъ, установить на Востокѣ порядокъ, какъ можно болѣе намъ враждебный. Вотъ почему онѣ съ подозрѣніемъ относятся къ дружбѣ нашей съ Портой и къ законному нашему вліянію на нее; задача ихъ—освободить Порту изъ-подъ вліянія Россіи и поставить ее подъ совокупную опеку Европы, поручившись за цѣлость ея владѣній, которой никто не угрожаетъ, за исключеніемъ Мегметъ-Али-паши. Но Россія не можетъ допустить, чтобы Порта снова подпала вліянію ея враговъ; она не можетъ согласиться на то, чтобы западно-европейскія эскадры прошли чрезъ Дарданеллы въ Черное море, съ цѣлью оскорблять русскій флагъ и угрожать русскимъ берегамъ. Опытъ убѣдилъ насъ, что Турція до тѣхъ только поръ исполняетъ свои обязательства, пока имѣетъ поводъ бояться наказанія за ихъ неисполненіе. Слѣдовательно, придуманное морскими державами совокупное ручательство Европы за цѣлость Турціи направлено просто противъ Россіи, и требовать отъ насъ, чтобы мы сами приняли въ немъ участіе, значитъ желать «невозможнаго и безразсуднаго». Императорскій кабинетъ вполнѣ постигъ заднюю мысль Англіи и Франціи. Предлагаемая ими сдѣлка только повидимому направлена въ пользу Турціи; дѣйствительная же цѣль ея нанести ударъ

Россіи. Къ тому же, разрѣшать вопросъ о гарантіи безъ участія самой Турціи значитъ умышленно подкапываться подъ расшатанное зданіе этого государства [1]).

Нельзя не согласиться съ разумностью доводовъ, приведенныхъ графомъ Нессельроде въ объясненіе рѣшимости русскаго двора устранить себя отъ предположенныхъ въ Вѣнѣ совѣщаній. Поражаетъ въ нихъ лишь то обстоятельство, что коренная противоположность во взглядахъ и намѣреніяхъ по отношенію къ Востоку признается лишь между Россіей, съ одной стороны, и Англіей и Франціей—съ другой, тогда какъ въ дѣйствительности, въ восточныхъ дѣлахъ и другія державы всегда считали и продолжаютъ считать себя солидарными въ противодѣйствіи видамъ нашей политики. Поведеніе Австріи въ эпоху втораго турецко-египетскаго кризиса служитъ тому явнымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ. Какъ только представилась возможность сойтись съ морскими державами, князь Меттернихъ забылъ объ обязательствахъ, связывавшихъ его съ Россіей, и не только помимо насъ заключилъ сдѣлку со враждебными намъ дворами парижскимъ и лондонскимъ, но и самъ внушилъ имъ, прямо направленную противъ нашихъ интересовъ, мысль о совокупномъ ручательствѣ за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, а насъ, между тѣмъ, заманивалъ, во имя дружбы и политической солидарности, въ дипломатическую западню, имъ же самимъ приготовленную для насъ въ Вѣнѣ.

Легко понять затруднительное, чтобы не сказать смѣшное положеніе, въ которое поставилъ австрійскаго канцлера нашъ отказъ. Со свойственнымъ ему оптимизмомъ, онъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, убаюкивалъ себя самыми розовыми надеждами. Занося въ свой дневникъ извѣстіе о разрывѣ султана съ пашой, княгиня Меттернихъ замѣчала: «Со времени Мюнхенгреца случайность эта имѣлась въ виду, и согласіе между Россіей, Австріей и Пруссіей—полное.» Отказъ нашъ поразилъ канцлера какъ громъ. Онъ совершенно растерялся и даже опасно заболѣлъ. «Пока онъ ожидалъ отвѣта изъ Петербурга,» читаемъ въ дневникѣ княгини, «съ нетерпѣніемъ, какого я еще никогда въ немъ не замѣчала, и все упованіе свое возлагалъ на русскаго императора и на Фикельмонта, послѣдній

---

[1]) Графъ Нессельроде Струве, 18 (30) іюля 1839.

вдругъ прибылъ сюда. Онъ утверждалъ, что считаетъ восточное дѣло оконченнымъ, что таково также мнѣніе русскаго императора и т. д. Проработавъ нѣсколько дней съ моимъ мужемъ, онъ вполнѣ увидѣлъ, какъ онъ далъ обмануть себя. Онъ призналъ «постыдную измѣну» русскихъ, которые не хотятъ нынѣ прійти на помощь Порты, даже въ самой невинной формѣ, и желаютъ гибели этой державы...» Въ первомъ порывѣ отчаянія Меттернихъ осыпалъ упреками нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, Струве, съ трепетомъ внимавшаго запальчивымъ рѣчамъ австрійскаго министра, въ которомъ, подобно большинству русскихъ дипломатовъ того времени, привыкъ видѣть родъ начальства. «Друзья мои меня оставляютъ,» восклицалъ канцлеръ, «и препятствія воздвигаются какъ разъ съ той стороны, откуда бы не должно было быть мнѣ отказа въ поддержкѣ и опорѣ. Но я все же рѣшился идти впередъ по пути, мною себѣ начертанному, и съ Божіею помощію, не отчаиваюсь въ успѣхѣ. Если я паду, то у меня, по крайней мѣрѣ, останется утѣшеніе, что мною было сдѣлано все, что человѣчески возможно для мирнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса.» О рѣшеніи русскаго двора онъ отозвался, что пора Россіи сбросить маску, которою она-де прикрывается каждый разъ, когда рѣчь заходитъ о Востокѣ. Онъ отклонилъ наше предложеніе дѣйствовать сообща, вдвоемъ, объяснивъ, что не можетъ отступить отъ обязательствъ, принятыхъ предъ морскими державами, но тутъ же съ обычнымъ двоедушіемъ замѣтилъ: не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Англія и Франція очень «больны» и что вызвать разрывъ между ними нетрудно.

Гнѣвъ свой онъ излилъ на кабинеты лондонскій и парижскій, въ особенности на послѣдній, взваливая на нихъ всю отвѣтственность за постигшую его неудачу. «Несвоевременная выходка двухъ морскихъ державъ,» писалъ онъ австрійскому послу въ Парижѣ, «по поводу вопроса, коего не слѣдовало возбуждать, испортила дѣло, которое безъ нея не встрѣтило бы затрудненій. Французскій кабинетъ обыкновенно *безпокоенъ* и въ то же время замѣчательно *неловокъ*. Съ этими двумя качествами нельзя подвигаться въ дѣлахъ, а не подвигаться впередъ значитъ отступать назадъ. Если бы кабинетъ этотъ подвергалъ такой участи только самого себя, то можно было бы терпѣть это, ибо всякій самъ въ правѣ распоряжаться своими дѣйствіями и несетъ за нихъ отвѣтственность. Другое дѣло,

когда рѣчь идетъ объ общемъ интересѣ и о помощи, оказываемой совокупному предпріятію. Въ Парижѣ видятъ лишь *себя* и забываютъ, что этимъ самымъ побуждаютъ поступать такимъ же образомъ съ Франціей и тѣхъ, съ кѣмъ намѣрены предпринимать дѣло. *Все для Франціи и чрезъ нее*—фраза, прекрасно звучащая въ ушахъ французовъ, но рѣжущая всякій другой слухъ... Оставьте все это про себя, но воспользуйтесь этимъ, чтобъ убѣдить маршала меньше *рубить съ плеча* тамъ, гдѣ нужно идти къ цѣли, которой никто не можетъ достигнуть одинокими своими усиліями. Всѣ хотятъ одного и того же, но этого недостаточно для осуществленія желанія. Что общаго между вопросомъ о Дарданеллахъ и споромъ Порты съ Мегметъ-Али-пашой? Бога ради! Пусть оставятъ этотъ вопросъ въ покоѣ тамъ, гдѣ его естественное мѣсто. Настанетъ время поставить и его на очередь, но часъ этотъ еще не пробилъ. Поступать иначе значило бы совершать величайшую глупость [1].»

Любопытно, что, упрекая Францію за то, что она помѣшала ему достигнуть «общей цѣли», самое притязаніе морскихъ державъ на запятіе Дарданеллъ объявляя лишь вопросомъ несвоевременнымъ, Меттернихъ увѣрялъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, что хотя онъ, канцлеръ, и поставленъ на стражу для предупрежденія опасности, грозящей всеобщему миру, но ни на что не рѣшится, не заручившись согласіемъ русскаго императора. «Я умоляю его величество», говорилъ онъ, «относиться ко мнѣ съ довѣріемъ, на которое я имѣю счастіе отвѣчать ему взаимностью при всякомъ случаѣ. Для него нѣтъ у меня тайной мысли.» Въ заключеніе, канцлеръ обѣщалъ попрежнему идти съ Россіей, хотя ему крайне прискорбно видѣть раздѣленіе великихъ державъ на два враждебные лагеря [2]). Однако онъ не скоро примирился съ разрушеніемъ надеждъ своихъ, и злоба его на насъ ясно видна изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ Прокешу, спросившему его, какъ судить объ образѣ дѣйствій Россіи въ Восточномъ вопросѣ. «Европа», сентенціозно отвѣчалъ Меттернихъ, «состоитъ изъ трехъ племенъ: германскаго, романскаго и славянскаго. Въ германскомъ племени слово *честь* имѣетъ могущественное значеніе; въ романскомъ оно вырождается въ понятіе о point d'honneur; въ сла-

---

¹) Князь Меттернихъ графу Аппоньи, 26 іюля (7 августа) 1839.

²) Струве графу Нессельроде, 30 іюля (11 августа) 1839.

*

вянскомъ его даже не существуетъ въ языкѣ (!). Въ русскомъ кабинетѣ и германское и славянское племя имѣютъ своихъ представителей, и политика направляется, смотря потому, на чьей сторонѣ перевѣсъ. Въ императорѣ живутъ оба принципа, но онъ склоняется на сторону славянскаго [1]).» Сопоставляя это нелѣпое сужденіе съ приведенными выше сладкорѣчивыми увѣреніями, расточаемыми нашему дипломатическому представителю, о полномъ довѣріи, внушаемомъ де императоромъ Николаемъ вѣнскому двору, можно составить себѣ вѣрное понятіе о томъ чувствѣ «германской чести», которое австрійскій канцлеръ вносилъ въ собственную политику.

О рѣшеніи своемъ не принимать участія въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ императорскій кабинетъ непосредственно увѣдомилъ дворы лондонскій и парижскій. Онъ отклонялъ европейское вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи, во имя уваженія къ правамъ ея, какъ независимаго государства. До послѣднихъ событій въ Сиріи, до смерти султана, когда кромѣ войны не имѣлось въ виду инаго исхода для турецко-египетскаго столкновенія, мы могли раздѣлять мнѣніе прочихъ великихъ державъ о пользѣ совмѣстныхъ совѣщаній, съ устраненіемъ изъ нихъ сторонъ, непосредственно заинтересованныхъ. Но съ того времени, какъ, по полученнымъ изъ Константинополя извѣстіямъ, Порта, тотчасъ по воцареніи новаго султана, сама обратилась къ Мегметъ-Али-пашѣ съ мирными предложеніями, слѣдуетъ предоставить какъ ей, такъ и пашѣ, полную свободу для веденія непосредственныхъ переговоровъ, поддерживая Турцію лишь добрыми услугами въ Александріи. Отрицать это значило бы посягнуть на самую независимость Оттоманской имперіи [2]).

Лордъ Пальмерстонъ былъ удивленъ быстрою и неожиданною перемѣной въ настроеніи русскаго двора. Онъ приписалъ ее тому обстоятельству, что хотя Россія и не готова вступить въ борьбу со всею Европой на почвѣ Восточнаго вопроса, но что императоръ Николай рѣшился противодѣйствовать дипломатическимъ путемъ письменному совокупному ручательству державъ, которое могло бы стѣснить его въ будущемъ. Въ совѣтѣ министровъ лордъ Пальмерстонъ выразилъ мнѣніе о

[1]) *Aus dem Nachlasse des Grafen Prokesch-Osten*, II, p. 181.

[2]) Графъ Нессельроде Н. Д. Киселеву, 15 (27) іюля 1839.

необходимости продолжать переговоры, начатые по послѣднему вопросу съ Франціей и Австріей, и если окажется невозможнымъ побудить къ тому же Россію и Пруссію, то подписать втроемъ актъ гарантіи цѣлости Оттоманской имперіи. Кабинетъ согласился съ этимъ взглядомъ министра иностранныхъ дѣлъ, находя, «что такимъ образомъ было бы положено начало дѣлу мира и равновѣсія, осуществить которое равно стремятся Англія и Франція», но что переговоры о томъ слѣдуетъ вести быстро и съ крайнею осторожностью, дабы не встревожить Россію и не дать ей возможности помѣшать успѣшному ихъ исходу [1]).

Но не успѣлъ сентъ-джемскій дворъ снестись по означенному предмету съ парижскимъ, какъ было получено изъ Константинополя извѣстіе, совершенно измѣнявшее характеръ отношеній Россіи къ турецко-египетскому дѣлу.

Тотчасъ по кончинѣ отца, молодой султанъ Абдулъ-Меджидъ назначилъ старика Хозрева великимъ визиремъ и ввѣрилъ ему управленіе государствомъ. Тотъ обратился къ Мегметъ-Али-пашѣ съ письмомъ, въ коемъ, увѣдомивъ его о смерти Махмуда, сообщилъ: «Его султанское высочество, одаренный прямодушіемъ и прозорливостью, качествами, коими отличило его небо, сказалъ, немедленно по вступленіи на престолъ: «Паша египетскій, Мегметъ-Али, дозволилъ себѣ нѣ«которые оскорбительные для покойнаго и славнаго родителя «моего поступки, вслѣдствіе чего произошло много событій и «еще недавно предприняты были приготовленія. Но я не хочу, «чтобы былъ нарушенъ покой моихъ подданныхъ и чтобы про«ливалась кровь мусульманъ. Поэтому, я предаю прошлое забве«нію, и если только Магметъ-Али тщательно исполнитъ обя«занности свои, какъ подданный и какъ вассалъ, то дарую ему «мое державное прощеніе. Я назначаю ему, подобно прочимъ «моимъ свѣтлѣйшимъ визирямъ, блестящее отличіе и жалую «ему право передать по наслѣдству сыновьямъ своимъ упра«вленіе Египтомъ [2]).» Письмо это и знаки *Нишани Ифтикаръ* повезъ въ Александрію секретарь Порты, Акифъ-эфенди. О рѣшеніи султана временный замѣститель Решидъ-паши въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Нури, извѣстилъ дипло-

---

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 5 (17) августа 1839.

[2]) Хозревъ Мегметъ-Али-пашѣ, 23 іюня (5 іюля) 1839.

матическихъ представителей великихъ державъ, которые приняли его къ свѣдѣнію.

Со своей стороны, Мегметъ-Али, узнавъ почти одновременно и о побѣдѣ при Низибѣ, и о смерти Махмуда, послалъ сыну своему Ибрагиму приказаніе прекратить военныя дѣйствія и остановить наступательное движеніе египетскихъ войскъ. Онъ принялъ съ почетомъ посланца Порты, но не удовлетворился предложенною ему наслѣдственною властью надъ Египтомъ. Ободренный успѣхами своей арміи, безпомощностью молодаго султана, мирнымъ захватомъ всего турецкаго флота, паша мечталъ не только объ утвержденіи за собою наслѣдственныхъ правъ надо всѣми подчиненными ему областями, то-есть, кромѣ Египта, надъ Сиріей, Аданою, Критомъ и священными городами Аравіи, но и о возведеніи своемъ въ званіе верховнаго визиря и о врученіи ему Абдулъ-Меджидомъ управленія цѣлою имперіей. Онъ отвѣчалъ Хозреву, что, преслѣдуя своекорыстныя цѣли, тотъ ставитъ султана въ ложное положеніе и что только немедленнымъ удаленіемъ своимъ великій визирь можетъ поправить разстроенныя дѣла государства [1]). Въ томъ же смыслѣ писалъ Мегметъ-Али и султаншѣ-валиде, матери Абдулъ-Меджида, а также циркулярно всѣмъ областнымъ правителямъ Турціи.

Дерзкое требованіе паши Хозревъ сообщилъ представителямъ державъ. Хотя между ними лично былъ полный разладъ, но имъ извѣстно было, что въ Вѣнѣ предположено созвать совѣщаніе для постановленія европейскаго рѣшенія по восточнымъ дѣламъ. Собравъ у себя товарищей, интернунцій увѣдомилъ ихъ, что прибывшій изъ Вѣны курьеръ привезъ ему депеши отъ князя Меттерниха, извѣщавшія объ установленіи полнаго соглашенія между пятью дворами. Съ тѣмъ же курьеромъ послы великихъ державъ при вѣнскомъ дворѣ подтвердили константинопольскимъ представителямъ извѣщеніе австрійскаго канцлера. Это показалось послѣднимъ достаточнымъ, чтобъ обратиться къ Портѣ съ совокупною нотой. 15-го (27-го) іюля нота эта была составлена французскимъ посломъ, подписана всѣми прочими, и отправлена къ Нури-эфенди. Она гласила: «Нижеподписавшіеся получили сегодня поутру инструкціи отъ своихъ правительствъ, въ силу коихъ они имѣютъ честь

[1]) Мегметъ-Али Хозреву, 3 (15) іюля 1839.

сообщить блистательной Портѣ, что согласіе по Восточному вопросу обезпечено между пятью великими державами, и пригласить ее пріостановить какое бы то ни было окончательное рѣшеніе, въ ожиданіи послѣдствій участія, ими къ ней питаемаго». Лордъ Понсонби первый подписалъ ноту, воскликнувъ: «Наконецъ-то мы вступили на правый путь.» Рядомъ съ нимъ приложили къ ней свои подписи представители: французскій—Руссенъ, русскій—Бутеневъ, австрійскій—Штюрмеръ и прусскій—Кёнигсмаркъ.

Донося объ этомъ лорду Пальмерстону, англійскій посолъ писалъ ему: «Баронъ Штюрмеръ получилъ утромъ 27-го числа (нов. ст.) инструкціи князя Меттерниха, и въ тотъ же вечеръ нота была подписана и доставлена. Я прошу позволенія смиренно высказать одобреніе дѣятельности и быстротѣ, проявленнымъ барономъ; я считаю эту мѣру наиболѣе спасительною изо всѣхъ, какія только было возможно принять. Она была также весьма своевременна, ибо турецкіе министры согласились было сдѣлать египетскому пашѣ уступки, которыя въ настоящую минуту находились бы уже на пути въ Александрію, и самымъ жалкимъ образомъ усложнили бы дѣла этой имперіи. Наше обращеніе придало великому визирю силу и мужество, чтобы противостоять пашѣ и защищать права и интересы султана. Оно, надѣюсь, также обезпечитъ спокойствіе столицы, а слѣдовательно, и безопасность проживающихъ въ ней иностранцевъ и христіанъ. Оно открываетъ путь для всего, что правительство ея величества найдетъ нужнымъ и полезнымъ предпринять. Оно поставило правительство ея величества въ положеніе, предоставляющее ему возможность гарантироватъ будущія цѣлость и независимость Турціи [1].»

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда императорскій кабинетъ, разгадавъ враждебное намъ значеніе замышляемаго западными державами общеевропейскаго соглашенія по дѣламъ Востока, громко высказался противъ такого соглашенія и въ пользу улаженія турецко-египетской распри путемъ непосредственныхъ переговоровъ между Портой и Мегметъ-Али-пашой; даже въ тотъ самый день, какъ вице-канцлеръ отправилъ сообщеніе именно въ этомъ смыслѣ лондонскому двору, русскій дипломатическій представитель въ Константинополѣ подписалъ

---

[1]) Лордъ Понсонби лорду Пальмерстону 17 (29) іюля 1839.

совокупную ноту, приглашавшую Порту прервать начатые переговоры съ нашей и предоставить какъ установленіе мирныхъ условій, такъ и приведеніе ихъ въ исполненіе вмѣшательству пяти великихъ державъ. Поступкомъ этимъ Бутеневъ поставилъ русскій дворъ въ прямое противорѣчіе съ самимъ собою.

Какъ могъ поступить такимъ образомъ агентъ, неотличавшійся обыкновенно иниціативой и всю свою дипломатическую дѣятельность ограничивавшій всегда точнымъ исполненіемъ получаемыхъ изъ министерства предписаній? Какъ рѣшился онъ въ столь важномъ случаѣ не испросить инструкцій, а взять на себя отвѣтственность, и подписью своей связать императорскій кабинетъ въ смыслѣ, противномъ видамъ и намѣреніямъ его и гласнымъ заявленіямъ предъ Европой? Разгадку этого недоразумѣнія даетъ намъ весь ходъ переговоровъ нашего двора съ иностранными по Восточному вопросу. Съ самаго начала ихъ мы были расположены добровольно отказаться отъ самостоятельной политики и дѣйствовать сообща съ прочими великими державами. Когда князь Меттернихъ взялся быть руководителемъ европейскихъ совѣщаній, мы готовы были безпрекословно подчиниться этому притязанію, и русскій уполномоченный выѣзжалъ уже въ Вѣну, но неосторожныя заявленія Франціи, сперва о предположенномъ вступленіи союзныхъ эскадръ въ Дарданеллы, а затѣмъ и о совокупномъ ручательствѣ Европы за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, разоблачили коварные замыслы не только враговъ, но и ложныхъ друзей нашихъ, и побудили насъ взять назадъ выраженное согласіе на европейское вмѣшательство въ турецко-египетскую распрю. Не подлежитъ сомнѣнію, что министерство иностранныхъ дѣлъ тотчасъ же увѣдомило всѣхъ нашихъ дипломатическихъ представителей о такой перемѣнѣ въ направленіи русской политики. Но въ дотелеграфное время, когда и желѣзный путь не соединялъ еще насъ съ Западною Европой, сообщенія между Петербургомъ и иностранными столицами были крайне медленны. Новыя инструкціи, отправленныя къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ 4-го (16-го) іюля, дошли до него лишь чрезъ двѣ недѣли, а между тѣмъ, въ тотъ же день, то-есть 4-го (16-го), онъ, уступая давленію Меттерниха, и слѣдуя примѣру пословъ англійскаго, французскаго и прусскаго, написалъ Бутеневу съ австрійскимъ курье-

ромъ что полное согласіе по восточнымъ дѣламъ установилось между всѣми великими державами и что Вѣна избрана ими «центромъ соглашенія». Фразы эти ничего не выражали въ сущности, кромѣ свойственнаго дипломатамъ Меттерниховской школы пріема—провозглашать зарапѣе согласіе по вопросамъ, къ обсужденію коихъ еще не было приступлено. Но ихъ оказалось достаточно, чтобъ опи побудили Бутенева поддаться внушеніямъ интернунція, какъ представителя державы-руководительницы, единогласно признанной де въ этомъ качествѣ Европой, и подписать безъ дальнихъ разсужденій ноту, составленную французскимъ посломъ въ домѣ посольства австрійскаго, и прямо противоположную рѣшеніямъ, которыя въ это самое время принималъ императорскій кабинетъ.

Итакъ, съ одной стороны, колебанія нашего министерства иностранныхъ дѣлъ при согласованіи русскихъ интересовъ на Востокѣ съ дружественнымъ влеченіемъ къ Австріи, съ другой—склонность русскихъ дипломатовъ замѣнять выраженіе опредѣленнаго факта или сужденія цвѣтистою французскою фразой, послужили первоначальными причинами того, что восточная политика Россіи потекла не по тому руслу, которое мы сами признавали соотвѣтствующимъ нашимъ нуждамъ, пользамъ и достоинству, а по другому, прорытому руками нашихъ недруговъ, явныхъ и тайныхъ, нашихъ вѣковыхъ соперниковъ. Совершилось это вопреки волѣ государя и даже положительнымъ предписаніямъ вице-канцлера. Чтобы поправить дѣло, стоило только выразить порицаніе самовольному поступку Бутенева, въ крайнемъ случаѣ отозвать его, и вырвавшись изъ тисковъ Европы, снова вернуться на путь самостоятельной политики. Къ несчастью, графъ Нессельроде былъ, повидимому, самъ не твердо убѣжденъ въ необходимости такой политики и почти безъ сопротивленія далъ увлечь себя знакомому европейскому теченію.

Таковъ скорбный, но поучительный генезисъ пресловутаго «европейскаго концерта», донынѣ тяготѣющаго надъ историческими судьбами Россіи на Востокѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Европейское соглашеніе по дѣламъ Востока.

Извѣстный подъ названіемъ европейскаго «концерта» или соглашенія способъ рѣшать важные политическіе вопросы сообща, въ совѣтѣ пяти, а нынѣ шести великихъ державъ, сравнительно недавняго происхожденія. Онъ хотя и зародился въ XVII вѣкѣ въ умѣ политическихъ мечтателей въ родѣ аббата Сенъ-Пьера, одного изъ первыхъ провозвѣстниковъ вѣчнаго мира на землѣ, но государственные люди какъ этого такъ и послѣдующаго столѣтія были люди практическіе по преимуществу, и не увлекались умозрительными ученіями, не жертвовали имъ существенными пользами своихъ странъ. Положимъ, и они провозглашали европейское равновѣсіе руководящимъ началомъ политики, но каждый понималъ его по-своему, или вѣрнѣе, прикрывалъ имъ преслѣдованіе частныхъ цѣлей и выгодъ того государства, которому служилъ. Когда какая либо держава чрезмѣрно усиливалась, прочія вступали другъ съ другомъ въ союзъ противъ нея. Такъ, въ началѣ XVII вѣка, Франція стояла во главѣ коалиціи, образовавшейся для противодѣйствія притязаніямъ австрійскаго дома на всемірное господство, а въ концѣ этого столѣтія, соединенныя усилія Австріи и Англіи были направлены противъ возраставшаго могущества величайшаго изъ французскихъ королей. Въ теченіе XVIII столѣтія, въ то самое время, когда философы-гуманисты краснорѣчиво проповѣдовали родство и солидарность народовъ, государи, возсѣдавшіе на европейскихъ престолахъ, и ихъ руководящіе министры придерживались, на-

противъ, самой эгоистической политики, помышляя исключительно о расширеніи своихъ предѣловъ, о развитіи силъ и могущества государствъ своихъ. Въ послѣднее десятилѣтіе вѣка, французская революція провозгласила было всеобщую свободу, равенство и братство; но скоро она воплотилась въ лицѣ могучаго завоевателя, поработившаго всѣ народы Западной Европы, начиная со своего собственнаго, и едва не осуществившаго мечту всемірной монархіи.

Полную національную обособленность представляла Россія въ періодъ московскихъ царей. Вступая въ соприкосновеніе съ Западомъ, Петръ и не помышлялъ объ измѣненіи традиціонной политики своихъ предшественниковъ. Во внѣшнихъ предпріятіяхъ своихъ онъ явился продолжателемъ ихъ начинаній, осуществителемъ ихъ замысловъ. Каковы бы ни были средства, къ коимъ онъ прибѣгалъ, цѣль его постоянно оставалась одна и та же: созданіе могущества Россіи на незыблемо твердомъ основаніи государственнаго единства и самодержавія. Всѣ его сношенія съ иностранными державами были соображены съ этою цѣлью, вполнѣ ей подчинены. При слабыхъ преемникахъ великаго императора, иноземцы, стоявшіе во главѣ правленія, впервые отступили отъ этого руководящаго начала и, повинуясь корыстнымъ побужденіямъ, стали отдавать силы Россіи въ распоряженіе сосѣднихъ государствъ, наперерывъ стремившихся заручиться нашимъ союзомъ. Но уже въ царствованіе императрицы Елизаветы народное направленіе взяло снова перевѣсъ въ политикѣ русскаго двора; иностранцы были устранены отъ завѣдыванія нашими внѣшними сношеніями, и въ войнахъ шведской и семилѣтней мы преслѣдовали реальные русскіе интересы: удаленіе нашей сѣверной границы отъ столицы имперіи и укрощеніе безпокойнаго сосѣда, слишкомъ неразборчиваго въ средствахъ для расширенія своего разъединеннаго государства. Направленіе это окончательно упрочилось въ царствованіе Екатерины, этой, по счастливому выраженію Карамзина, истинной преемницы величія Петрова. Съ изумленіемъ и не безъ досады замѣчали чужеземные дипломаты, что при русскомъ дворѣ укореняется «предразсудокъ», будто Россія сильна собственными силами и не нуждается ни въ комъ. Именно такое сознаніе своего могущества и достоинства, глубокая вѣра въ себя и въ свой народъ были главною причиной блестящихъ успѣховъ Екате-

рининской политики. Какою царственною гордостью, каким истиннымъ величіемъ проникнуты слѣдующія слова великой государыни въ одномъ изъ писемъ ея къ графу Кейзерлингу, писанномъ всего лишь на второй годъ по ея воцареніи: «Какъ бы ни были дерзки выходки враговъ моей славы и кто бы ни были друзья моихъ недруговъ, скажите моимъ друзьямъ и врагамъ, что я русская императрица, что нѣтъ другой воли, кромѣ моей, которая могла бы устоять, когда я хочу чего либо съ твердостью [1].»

При Павлѣ русская политика снова, хотя и ненадолго, уклонилась отъ народно-историческаго направленія, и впервые задалась цѣлью возстановить въ Европѣ ниспровергнутый насиліями французской революціи порядокъ, безо всякаго отношенія къ нашимъ государственнымъ пользамъ, во имя отвлеченныхъ началъ законности и справедливости. Но, обманутый союзниками, злоупотреблявшими его довѣріемъ и подъ видомъ общаго блага преслѣдовавшими лишь собственныя своекорыстныя выгоды, государь этотъ скоро разочаровался въ осуществимости своихъ великодушныхъ намѣреній, и сближеніе его съ первымъ консуломъ Бонапартомъ было возвращеніемъ на путь національной политики.

Мы уже имѣли случай указать, подъ вліяніемъ какихъ побужденій императоръ Александръ I выступилъ на политическое поприще. Теоріи мечтателей о солидарности правительствъ и братствѣ народовъ нашли отголосокъ въ воспріимчивой душѣ русскаго государя. Послѣ долгаго ряда неудачъ, ему наконецъ удалось повидимому осуществить завѣтную цѣль своихъ усилій. Вѣнскій конгресъ, актъ Священнаго Союза, ахенскіе протоколы установляли высшій совѣтъ изъ пяти главныхъ державъ, для совмѣстнаго обсужденія и разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся мира и равновѣсія Европы. Но результатъ этотъ былъ только кажущимся. Александръ I одинъ былъ искрененъ, когда на веронскомъ конгрессѣ говорилъ Шатобріану: «Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской; есть одна только политика общая, которая должна быть принята и народами, и государями для общаго счастья». Въ

---

[1]) Императрица Екатерина II графу Кейзерлингу, 7 (18) апрѣля 1764.

первой главѣ нашего изслѣдованія мы собрали и привели несомнѣнныя доказательства этого роковаго заблужденія, столь долго тяготѣвшаго надъ внѣшними судьбами Россіи.

Замѣчательно, однако, что основывая такъ-называемый европейскій «концертъ» или соглашеніе, императоръ Александръ тщательно ограничилъ его дѣйствіе христіанскою Европой, не простирая онаго на мусульманскій Востокъ. Дѣйствительно, ни въ Вѣнѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Ахенѣ, ни единымъ словомъ не было упомянуто о Турціи, не смотря на то, что живѣйшее желаніе вѣнскаго двора заключалось именно въ распространеніи на эту державу общеевропейскаго ручательства. Мѣру эту Меттернихъ считалъ необходимою «для обузданія честолюбія Россіи». Еще «великій союзъ» не успѣлъ одолѣть Наполеона, какъ, въ самомъ началѣ 1814 года, Генцъ, по порученію австрійскаго министра, писалъ валашскому господарю Яшко Караджѣ, личному другу и довѣренному лицу султана Махмуда, что поддерживаніе справедливаго равновѣсія между державами всегда будетъ руководящимъ началомъ австрійскаго правительства; что послѣднее не намѣрено промѣнять одну опасность на другую и разрушить преобладаніе Франціи, чтобы подготовить преобладаніе Россіи или содѣйствовать ему; что Меттернихъ считаетъ Порту однимъ изъ главныхъ противовѣсовъ въ системѣ европейскаго равновѣсія и что онъ не только не допуститъ Россію посягнуть на нее, но въ данномъ случаѣ не побоится самъ разсориться съ этой державой [1]. Съ вѣнскаго конгресса тотъ же посредникъ сообщалъ о намѣреніи руководителя австрійской политики воспользоваться случаемъ, чтобы занести въ заключительный актъ гарантію цѣлости всѣхъ владѣній султана, обезпеченіе коей составляетъ-де интересъ всѣхъ европейскихъ государствъ [2]. За неимѣніемъ у Порты собственныхъ представителей на конгрессѣ, Меттернихъ самъ брался провести эту мѣру, одинаково вызываемую-де пользами какъ Турціи, такъ и Австріи [3]. Но, прямо направленный противъ Россіи, планъ этотъ не удался. На стражѣ Екатерининскихъ преданій нашей восточной политики стоялъ Каподистрія. Онъ предостерегъ императора Але-

[1]) Генцъ князю Караджѣ, 24 января (5 февраля) 1814.
[2]) Генцъ князю Караджѣ, 16 (28) сентября 1814.
[3]) Генцъ князю Караджѣ 26 октября (7 ноября) 1814.

ксандра, разъяснивъ ему что замыселъ Меттерниха заключается въ узаконеніи этимъ путемъ вмѣшательства всей Европы въ истекающія изъ договоровъ нашихъ съ Портой отношенія ея къ Россіи [1]). Въ актахъ вѣнскаго и послѣдующихъ конгрессовъ Турція и положеніе ея въ Европѣ пройдены совершеннымъ молчаніемъ.

Къ сожалѣнію, шесть лѣтъ спустя, когда вспыхнуло возстаніе эллиновъ, императоръ Александръ далъ увлечь себя сладкорѣчивыми доводами австрійскаго канцлера и призналъ правоспособность европейскаго соглашенія для разрѣшенія не только греческаго вопроса, но и частныхъ несогласій нашихъ съ Портой, вызванныхъ нарушеніемъ обязательствъ ея предъ нами. Въ предшедшихъ главахъ мы видѣли, какъ тотчасъ по вступленіи на престолъ, императоръ Николай провозгласилъ свое право разсчитаться съ Турціей безо всякаго иностраннаго посредничества; какъ онъ объявилъ войну и заключилъ миръ, не справляясь съ мнѣніемъ прочихъ великихъ державъ; какъ адріанопольскимъ договоромъ онъ вынудилъ Порту торжественно подтвердить всѣ прежніе трактаты, обезпечивавшіе за Россіей право покровительства нѣкоторымъ областямъ и всему христіанскому населенію Оттоманской имперіи, а ункіаръ-искелесскимъ—поставилъ Турцію въ прямую отъ себя зависимость. Поступая такимъ образомъ, государь несомнѣнно дѣйствовалъ въ духѣ традиціонной исторической политики Россіи, завѣщанной ему величайшими изъ его державныхъ предшественниковъ, Петромъ и Екатериной.

Но мы видѣли также, что политика эта оказалась не по силамъ современной русской дипломатіи. Тамъ, гдѣ личная и энергическая инціатива императора Николая не давала ей могучаго толчка, она неохотно двигалась въ указанномъ ей высочайшею волей направленіи и, не смѣя открыто ей противорѣчить, всячески старалась отвлекать вниманіе государя съ Востока на Западъ. Туда тяготѣла она по всему своему умственному и нравственному складу, оттуда заимствовала свои политическіе взгляды и сужденія. Православіе, самодержавіе, народность, эти три руководящія начала, торжественно провозглашенныя императоромъ Николаемъ, были для тогдашнихъ

[1]) Записка графа Каподистріи: «Обзоръ моего служебнаго поприща», *Сборникъ И. Р. И. О.*, III, стр. 193.

нашихъ дипломатовъ звуками безъ содержанія, въ крайнемъ случаѣ пригодными лишь для округленія звонкой французской фразы какого-либо всеподданнѣйшаго доклада, донесенія или отчета. Православіе—они его не исповѣдывали; русская народность—они къ ней не принадлежали; историческія начала русской жизни—они ихъ не разумѣли. Для нихъ какъ бы не существовало тысячелѣтней исторіи Россіи съ ея вѣрованіями, стремленіями, уроками и принципами. По мнѣнію ихъ, русская исторія заслуживала изученія даже не со временъ Петровскихъ или Екатерининскихъ, а только съ той минуты, когда, по выраженію барона Бруннова, «императоръ Александръ изгладилъ послѣдніе слѣды разъединенія между кабинетами и основалъ на базисѣ полной солидарности систему великаго европейскаго союза». Политика Екатерины въ особенности была у нихъ не въ чести, и сравнивая съ нею политическую систему, которой сами держались, они съ высокомѣрнымъ самодовольствомъ отдавали послѣдней предпочтеніе предъ государственными началами великой императрицы.

«Иные интересы,» поучалъ наслѣдника всероссійскаго престола старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, излагая исторію Екатерининскаго царствованія, «обращали на себя вниманіе нашего кабинета, иныя идеи руководили его дѣйствіями, иные принципы внушали его рѣчи.

«Тогда онъ поддерживалъ взаимное недовѣріе въ Австріи и Пруссіи; теперь онъ заботится о сохраненіи тѣснаго между ними союза.

«Тогда онъ былъ заинтересованъ въ распространеніи неудовольствія въ средѣ шведскаго дворянства; теперь онъ желаетъ лишь утвержденія спокойствія въ этой сосѣдней державѣ.

«Тогда онъ стремился распространить свое вліяніе на внутреннія дѣла Германіи; теперь онъ предоставляетъ государствамъ, входящимъ въ составъ Германскаго союза, заботу о свободномъ установленіи взаимныхъ своихъ отношеній и избѣгаетъ вмѣшательства въ нихъ.

«Тогда онъ поощрялъ христіанское населеніе Турціи къ достиженію освобожденія и политической независимости; теперь онъ внушаетъ ему необходимость соблюдать миръ и спокойно пользоваться благодѣяніями и преимуществами, коими оно обязано Россіи.

«Тогда онъ колебалъ Оттоманскую имперію въ основаніяхъ ея; теперь онъ содѣйствуетъ огражденію ея отъ паденія, въ томъ убѣжденіи, что поддержаніе безвредной державы на нашихъ границахъ и на берегахъ Босфора всего лучше соотвѣтствуетъ нашимъ истиннымъ пользамъ.

«Тогда онъ искалъ расширить наши предѣлы; теперь онъ вмѣняетъ себѣ въ единственную славу сохранять и управлять съ мудростью обширными принадлежащими ему краями, все болѣе и болѣе укрѣпляя неразрывное ихъ единство.

«Таковы отличительныя черты, характеризующія обѣ эпохи.»

Баронъ Брунновъ допускалъ, что Екатерина II оставила Россіи «наслѣдство силы и величія», но тутъ же оговаривался, что въ жизни государствъ «не бываетъ наслѣдствъ безъ тягостей или сожалѣній,» и что царствованіе ея «завѣщало намъ трудности, которыя еще долго будутъ удручать политику Россіи». «Съ этого времени,» пояснялъ онъ, «начинается, какъ мы уже замѣтили выше, печальная для насъ необходимость вмѣшиваться, даже помимо нашей воли, въ административныя дѣла Молдавіи и Валахіи, вмѣшательство часто затрудняющее насъ и всегда непроизводительное, ибо мы вынуждены наблюдать за страной, намъ не принадлежащею. Къ этой эпохѣ относятся также первыя попытки освобожденія Греціи, усилія, въ прежнее время поощрявшіяся Россіей, которымъ она вынуждена была покровительствовать съ тѣхъ поръ, и которыя привели насъ къ созданію новаго государства, въ коемъ мы съ трудомъ боремся нынѣ со вторженіемъ революціонныхъ ученій.» Дипломатъ, преподававшій цесаревичу исторію нашихъ внѣшнихъ сношеній, не прощалъ повидимому Екатеринѣ и раздѣла Польши, ибо восклицалъ по поводу этого событія: «Политика 1772 года завѣщала также Россіи, Австріи и Пруссіи серіозныя затрудненія, вызванныя польскимъ раздѣломъ, затрудненія, весь размѣръ коихъ мы познали въ наши дни, и которыя могла побороть лишь энергія государя, нашего повелителя». Послѣ такой выходки невольно вызываетъ улыбку слѣдующій приговоръ, снисходительно изрекаемый геніальной императрицѣ *отъ имени Россіи* саксонскимъ юристомъ, случайно преобразившимся въ русскаго дипломата: «Слѣдуя другъ за другомъ, царствованія передаютъ такимъ образомъ одно другому наслѣдіе добра и зла, успѣха и испы-

тапіи. Вѣрная государямъ своимъ, Россія сохраняетъ лишь воспоминаніе о ихъ славѣ [1]).»

Стараніе набросить тѣнь на политическіе результаты, добытые Екатериной Великой на Востокѣ, еще яснѣе проглядываетъ въ тѣхъ соображеніяхъ, коими Брунновъ сопровождалъ изложеніе цесаревичу кучукъ-кайнарджійскаго трактата, этой, по сознанію самого барона, «точки отправленія всѣхъ послѣдующихъ договоровъ нашихъ съ Портой». Перечисливъ всѣ его условія, баронъ замѣчаетъ: «Таковы были главныя постановленія кайнарджійскаго трактата. Какъ ни славенъ этотъ договоръ для Россіи, онъ тѣмъ не менѣе представлялъ то важное неудобство, что заключалъ въ себѣ условія, которыя съ тѣхъ поръ подавали поводъ ко многимъ спорамъ съ Турціей, открывая, такъ сказать, двери тысячамъ жалобъ, которыя оба правительства должны были приносить другъ на друга и которыя не могли не поддерживать въ нихъ задатковъ постояннаго недовѣрія и несогласія. Мы должны поименовать въ первомъ ряду этихъ спорныхъ условій тѣ, кои касались Княжествъ. Дѣйствительно, право вмѣшательства, предоставленное императорскому кабинету въ этихъ областяхъ, придавало, такъ сказать, крайнюю эластичность его притязаніямъ. Отъ произвола его зависѣло умножать причины несогласій съ Портой, по мѣрѣ того, какъ политическія потребности императорскаго кабинета совѣтовали ему возбуждать затрудненія дивану болѣе или менѣе серіозными ссорами. Такова, надо признаться, одна изъ наичаще повторявшихся причинъ нашихъ послѣдовательныхъ осложненій съ Турціей, результатъ тѣмъ болѣе печальный для императорскаго кабинета, что часто въ слѣдующія царствованія, не отъ него даже зависѣло избѣжать этихъ осложненій и что онъ неоднократно бывалъ насильственно втянутъ въ серіозный споръ, единственно потому, что былъ принужденъ наблюдать за исполненіемъ правъ вмѣшательства и покровительства, пріобрѣтенныхъ ему нашими предшедшими договорами. Такимъ образомъ, тѣ самыя *права*, которыя императрица Екатерина выговорила въ пользу *своей политики*, въ послѣдующія царствованія обратились до извѣстной степени

---

[1]) Всѣ вышеприведенныя выписки заимствованы мною не изъ имѣющихся у меня рукописныхъ записокъ барона Бруннова, а изъ напечатанной ихъ части. Каждый можетъ провѣрить ихъ точность въ *Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества,* XXXI, стр. 232 и 233.

въ ущербъ Россіи. Такъ императорскій кабинетъ унаслѣдовалъ противъ своей воли покровительство надъ Княжествами, ставшее для него источникомъ важныхъ затрудненій; но онъ не можетъ отвергнуть это наслѣдство, ибо оно тѣсно связано съ договорами, служащими нынѣ основаніемъ нашихъ сношеній съ Оттоманскою Портой. Размышленія эти являются здѣсь естественнымъ послѣдствіемъ анализованнаго нами договора. Да будетъ намъ позволено вывести изъ нихъ заключеніе, въ высшей степени важное для общаго направленія политическихъ дѣлъ, а именно, что договоръ только тогда бываетъ дѣломъ мира, когда онъ елико возможно полагаетъ конецъ минувшимъ пререканіямъ, послужившимъ поводомъ къ разрыву между воюющими государствами, но что онъ не долженъ преднамѣренно держать открытою дверь для будущихъ осложненій между договаривающимися сторонами. Къ несчастью, какъ мы уже замѣтили выше, не эта мысль руководила въ ту эпоху совѣтами русскаго двора, и зародыши раздора, которые заключалъ въ себѣ кайнарджійскій трактатъ, не замедлили принести плодъ.»

Такое сужденіе, произнесенное авторитетнымъ представителемъ нашей дипломатіи конца тридцатыхъ годовъ, надъ первоначальнымъ источникомъ политическихъ правъ и вліянія, принадлежавшихъ Россіи на Востокѣ, объясняетъ многое въ ходѣ и направленіи восточной политики императорскаго кабинета въ эту переходную эпоху. Оно обличаетъ въ тогдашнихъ нашихъ дипломатахъ полное непониманіе важнаго для насъ значенія кайнарджійскаго договора, столь вѣрно оцѣненнаго нашими противниками. По единогласному отзыву государственныхъ людей, историковъ и публицистовъ западной Европы, договоръ этотъ признанъ «верхомъ русскаго дипломатическаго искусства и турецкой глупости». Плодами его были: присоединеніе Крыма, распространеніе нашихъ границъ въ Европѣ сначала до Днѣстра, потомъ до Прута и Дуная, въ Азіи пріобрѣтеніе Кавказа и Закавказья, узаконеніе нашего вліянія въ Молдавіи, Валахіи и Сербіи, освобожденіе Греціи, свобода торговли въ Черномъ Морѣ, право русскихъ государей покровительствовать своимъ единовѣрцамъ на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи, наконецъ, на разстояніи шестидесяти лѣтъ, ункіаръ-искелесскій трактатъ, ставившій дальнѣйшее существованіе Турціи въ зависимость отъ нашей помощи, и

закрытіемъ Дарданеллъ для военныхъ судовъ всѣхъ прочихъ державъ обезпечивавшій отъ непріятельскаго нападенія русское черноморское побережье.

Но людямъ, неразумѣвшимъ историческаго смысла кайнарджійскаго трактата, естественно представлялся «неудобнымъ» и договоръ ункіаръ-искелесскій, не смотря на то, что сами они принимали въ заключеніи его нѣкоторое участіе, впрочемъ весьма ограниченное и едва ли не невольное. Въ Петербургѣ находили, что актъ этотъ возлагаетъ на насъ тяжелое бремя, ничего не давая намъ взамѣнъ, кромѣ фикціи недоступности Дарданельскаго пролива для иностранныхъ флотовъ, и словно не видѣли безчисленныхъ его выгодъ, столь ясныхъ для завистливыхъ и подозрительныхъ взоровъ чужеземной дипломатіи.

Однажды, а именно при обсужденіи во французскомъ государственномъ совѣтѣ вопроса о приглашеніи папы въ Парижъ, для возложенія вѣнца на голову перваго консула, провозглашеннаго императоромъ, Наполеонъ воскликнулъ: «Господа, вы обсуждаете этотъ вопросъ въ Парижѣ, въ тюильрійскомъ дворцѣ; предположите, что обсужденіе его происходитъ въ Лондонѣ, въ средѣ англійскаго кабинета, словомъ, что вы министры короля великобританскаго и узнали, что папа въ эту самую минуту переходитъ черезъ Альпы для вѣнчанія на царство императора французовъ. Взглянули бы вы на это какъ на тріумфъ для Англіи или для Франціи?» [1]) Графъ Нессельроде придерживался какъ разъ противоположнаго правила, и лишь то считалъ полезнымъ для Россіи, что удостоивалось одобренія иностранныхъ кабинетовъ, тщательно устраняя все, что вызывало неудовольствіе въ Вѣнѣ и Берлинѣ, и даже въ Парижѣ и Лондонѣ.

Вотъ почему, какъ только въ 1839 году настало время привести въ исполненіе ункіаръ-искелесскій договоръ, вице-канцлеръ поспѣшилъ отречься отъ него, увѣряя чужеземныхъ дипломатовъ, что искренно желаетъ избѣжать установленнаго имъ casus foederis [2]). Онъ шелъ еще дальше въ инструкціяхъ нашимъ представителямъ, поручая имъ заявить иностраннымъ дворамъ, что Россіи *крайне нежелательно*, во исполненіе

[1]) Thiers, *Histoire du Consulat et de l'Empire*, V стр. 227.
[2]) Лордъ Кланрикардъ лорду Пальмерстону, 26 іюня (8 іюля) 1839.

своихъ союзныхъ обязательствъ, снова занять военную позицію на берегахъ Босфора [1]).

Такое отреченіе русскаго двора отъ самостоятельной политики на Востокѣ было само по себѣ равносильно согласію его дѣйствовать тамъ не иначе, какъ сообща съ прочими великими державами, другими словами, распространить на Оттоманскую имперію дѣйствіе пресловутаго европейскаго «концерта» или соглашенія. Такъ и поняли это въ Вѣнѣ, не сомнѣваясь что Россія не затруднится прислать уполномоченнаго на совѣщаніе, созванное Австріей въ своей столицѣ по турецко-египетскому дѣлу. Однако хвастливая нескромность французскаго правительства заранѣе обнаружила сущность мѣръ, предрѣшенныхъ нашими недругами, въ согласіи съ нашими такъ называемыми друзьями, и подъ предлогомъ обузданія паши египетскаго, направленныхъ прямо противъ насъ. Императоръ Николай наотрѣзъ отказался принять участіе въ вѣнской конференціи, и министерство его возвратилось къ нашей традиціонной точкѣ зрѣнія о непримѣнимости къ Востоку начала соглашенія между всѣми державами. Къ несчастію, тѣмъ временемъ, посланникъ нашъ въ Константинополѣ, повинуясь внушеніямъ своего австрійскаго товарища и безъ разрѣшенія императорскаго кабинета, самопроизвольно, приступилъ къ торжественному провозглашенію этого самаго начала, осужденнаго нашимъ дворомъ.

Императорскій кабинетъ счелъ себя связаннымъ помянутою ошибкой своего представителя и, забывъ всѣ свои недавнія возраженія, рѣшился допустить разрѣшеніе восточныхъ затрудненій путемъ совмѣстнаго обсужденія ихъ великими державами и общаго между ними соглашенія. Такимъ образомъ, правоспособность «европейскаго концерта» была распространена на Востокѣ въ то самое время, когда совершенно прекратилось дѣйствіе его на Западѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по справедливому замѣчанію Поццо-ди-Борго, великій союзъ, основанный на конгрессахъ вѣнскомъ и ахенскомъ, распался, какъ только входившія въ составъ его державы извлекли изъ него всѣ ожидаемыя выгоды въ свою пользу. Первая выдѣлилась изъ него Англія, еще въ 1820 году, во время троппаускихъ совѣщаній; примѣру ея вскорѣ послѣдовала Франція. Послѣ

[1]) Графъ Нессельроде графу Поццо-ди-Борго, 5 (17) іюля 1839.

іюльской революціи обѣ морскія державы вошли въ тѣсную связь одна съ другою; со своей стороны, три сѣверные двора возобновили свой союзъ берлинскою конвенціей 1833 года. Итакъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, европейскаго «концерта» не существовало вовсе, и замышлялось его возстановленіе исключительно по отношенію къ восточнымъ дѣламъ.

Не трудно было предвидѣть, что, вступая въ европейскій «ареопагъ», призванный рѣшать дѣла Востока, Россія очутится въ немъ въ меньшинствѣ, если не въ совершенномъ одиночествѣ. Средствомъ для предупрежденія такого исхода, императорскій кабинетъ считалъ предварительный уговоръ съ одною изъ главныхъ державъ, который обезпечилъ бы намъ принятіе въ соображеніе и нашихъ требованій конференціей. Возможность такого уговора зависѣла отъ степени общности нашихъ политическихъ видовъ съ видами того или другаго изъ членовъ этого собранія.

Какъ же относились великія державы къ положенію дѣлъ на Востокѣ, какъ взирали на его будущее?

Пруссія не преслѣдовала тамъ никакихъ прямыхъ цѣлей, хотя, въ силу своихъ политическихъ преданій, и не упускала Турцію окончательно изъ виду, постоянно принимая ее въ разсчетъ, какъ средство воздѣйствія на другія государства. Въ послѣдній годъ жизни короля Фридриха-Вильгельма III, всѣ усилія его были направлены къ поддержанію единенія между Россіей и Австріей, залогомъ коего по отношенію къ Востоку представлялась и ему мюнхенгрецкая конвенція. Что бы ни предприняли оба императорскіе двора сообща на Балканскомъ полуостровѣ, берлинскій дворъ былъ готовъ согласиться на все, лишь бы между ними самими не произошло размолвки или столкновенія.

Англія не только хотѣла продлить существованіе Оттоманской имперіи и утвердить турецкое владычество надъ ея христіанскимъ населеніемъ, но и твердо вѣрила въ осуществимость такого желанія. Руководитель внѣшней политики великобританскаго кабинета, лордъ Пальмерстонъ, былъ глубоко убѣжденъ въ живучести турецкаго государственнаго тѣла и упорно отрицалъ проявленіе въ немъ несомнѣнныхъ признаковъ разложенія. Онъ находилъ, что тогда лишь настанетъ время подумать объ образованіи федеративнаго порядка на Востокѣ, когда будетъ доказана невозможность поддерживать

долѣе мусульманское единство. «Люди,» писалъ онъ по этому поводу, «разсуждаютъ о неизбѣжномъ и прогрессивномъ упадкѣ Турецкой имперіи, говоря, что она распадается на части. Во-первыхъ, никакое государство не распадается будучи предоставлено самому себѣ, если только добрые сосѣди насильственно не раздираютъ его въ клочки. Во-вторыхъ, для меня это еще большой вопросъ: происходитъ ли въ Турецкой имперіи какой либо процессъ разложенія? Я склоненъ подозрѣвать, что утверждающіе, будто Турецкая имперія быстро переходитъ отъ худаго къ худшему, должны были бы скорѣе признать, что прочія страны Европы годъ отъ году все лучше и ближе знакомятся съ очевидными и разнообразными недостатками организаціи Турціи. Но я расположенъ думать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ были по меньшей мѣрѣ положены основанія улучшеній и не подлежитъ сомнѣнію, что ежедневно развивающіяся сношенія между Турціей и прочими странами Европы должны въ непродолжительный срокъ, если только удастся сохранить миръ, бросить много свѣта на недостатки и слабости турецкой системы и повести къ различнымъ въ нихъ улучшеніямъ [1]). Главную опасность для Турціи благородный лордъ полагалъ въ зависимости ея отъ Россіи. По мнѣнію его, стоило только поставить Порту подъ общее покровительство великихъ державъ и обезпечить ей десять лѣтъ мира, чтобъ она снова стала могущественнымъ государствомъ. Развивая эту тему практическій Пальмерстонъ увлекался до того, что вдавался въ пространныя умозрительныя разсужденія. «Половина неправильныхъ выводовъ, къ коимъ приходятъ люди,» доказывалъ онъ, «происходитъ отъ злоупотребленія метафорой, а также отъ того, что они ошибочно принимаютъ общее сходство или кажущееся подобіе за дѣйствительное тождество. Такъ они сравниваютъ древнюю монархію со старою постройкой, старымъ деревомъ, старымъ человѣкомъ, а такъ какъ постройка, дерево или человѣкъ должны въ силу природныхъ свойствъ своихъ развалиться, изсохнуть или умереть, то они воображаютъ, что та же участь постигаетъ человѣческое общество, и что тѣ же законы, которые управляютъ неодушевленнымъ тѣломъ или растительною и животною жизнью, управляютъ и народами и государствами. Между

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 10 (22) сентября 1838.

тѣмъ, не можетъ быть ошибки, болѣе грубой и противорѣчащей философскому взгляду. Ибо, независимо отъ всѣхъ прочихъ различій, слѣдуетъ припомнить, что составныя части постройки, дерева или человѣка, остаются тѣ же, и либо разлагаются, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, либо видоизмѣняются во внутреннемъ строеніи своемъ, въ силу жизненнаго процесса, такъ что наконецъ становятся непригодными для своего первоначальнаго назначенія, тогда какъ, напротивъ, составныя части общины подвергаются ежедневно процессу физическаго обновленія и нравственнаго совершенствованія [1].»

Обновленія и совершенствованія Турціи, не менѣе англійскаго министра, желалъ и престарѣлый глава вѣнскаго кабинета, Меттернихъ, съ тою лишь разницей, что самъ онъ не вѣрилъ въ ихъ возможность. Твердя намъ постоянно о необходимости всѣми силами и во что бы то ни стало поддерживать status quo на Востокѣ, австрійскій канцлеръ сознавался, однако, что Оттоманская имперія представляетъ разлагающееся тѣло, и что такое положеніе ея объясняется, съ одной стороны, основнымъ порокомъ Ислама, лишеннаго всякой творческой силы, съ другой же — случайнымъ и чисто механическимъ соединеніемъ входящихъ въ составъ имперіи народностей, неимѣющихъ ничего общаго между собою. Реформы на европейскій ладъ, въ коихъ Пальмерстонъ видѣлъ единственное спасеніе Турціи, Меттернихъ, напротивъ, признавалъ «самымъ опаснымъ для нея ядомъ» [2]. Но расходясь въ этомъ вопросѣ во взглядахъ съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, австрійскій канцлеръ все же соглашался съ нимъ въ желаніи поставить Турцію подъ совокупную охрану великихъ державъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ взяли на себя ручательство за цѣлость ея владѣній.

Точка зрѣнія Франціи въ Восточномъ вопросѣ была совершенно иная и рѣзко отличалась отъ мнѣній, коихъ держались въ немъ кабинеты лондонскій и вѣнскій. Политика, которой слѣдовала іюльская монархія на Востокѣ, очень наглядно и краснорѣчиво изложена въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ лѣтомъ 1839 года въ палатѣ депутатовъ знаменитымъ Гизо, тогда уже готовившимся занять въ совѣтахъ короля Лудо-

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 20 августа (1 сентября) 1840.
[2]) Князь Меттернихъ барону Мейзенбугу, 14 (26) мая 1841.

вика-Филиппа то преобладающее положеніе, въ которомъ онъ оставался до самаго паденія орлеанской династіи. «И Франція,» говорилъ Гизо, «желаетъ продлить существованіе Оттоманской имперіи, въ интересѣ равновѣсія Европы, но только сообразаясь съ требованіями времени и въ предѣлахъ возможнаго. Такова была традиціонная политика знаменитѣйшихъ изъ французскихъ государственныхъ людей: Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV, Наполеона. Но возможно ли поддержаніе Турціи? Вопросъ этотъ зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ положенія самой Турціи и отъ поведенія великихъ державъ. Упадокъ Турціи несомнѣнный и отрицать его нельзя. Но государства умираютъ нескоро. Пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ наступитъ окончательная катастрофа. На томъ же мѣстѣ, которое нынѣ занимаетъ Турція, Византійская имперія просуществовала болѣе тысячи лѣтъ въ состояніи близкомъ къ паденію. Впрочемъ, едва ли гибель Турціи произойдетъ тѣмъ же путемъ, путемъ завоеванія. Прошло полстолѣтія со времени покоренія Крыма, послѣдней турецкой области, отторгнутой оружіемъ. Съ тѣхъ поръ Турція лишилась многихъ другихъ областей, но не войной. Дунайскія Княжества почти потеряны для нея, Греція совершенно, Египетъ на половину. Они отпали отъ нея, какъ падаютъ камни, отдѣляясь отъ ветхаго зданія. Однихъ внѣшнихъ толчковъ было бы недостаточно, чтобы вызвать этотъ результатъ. Названныя области отпали вполнѣ естественно сами собою; въ силу внутренняго стремленія, онѣ отдѣлились отъ Оттоманской имперіи, которая была не въ состояніи удержать ихъ. А затѣмъ, онѣ не подпали подъ власть ни одной изъ сосѣднихъ державъ, но образовали изъ себя государства, болѣе или менѣе самостоятельныя, новые члены великой семьи народовъ. Франція помогала имъ въ этомъ стремленіи. Она помогала освобожденію Греціи, помогаетъ нынѣ Египту.» «Присмотритесь хорошенько, господа,» заключилъ рѣчь свою знаменитый ораторъ, «ко всему, что въ продолженіе тридцати лѣтъ совершилось на Востокѣ и въ предѣлахъ Оттоманской имперіи; вы признаете всюду одно и то же явленіе: вы увидите, что имперія эта распадается естественнымъ путемъ, на томъ или другомъ пунктѣ, не въ пользу какой либо изъ великихъ европейскихъ державъ, но основывая или, по крайней мѣрѣ, пытаясь образовать новыя и независимыя государства. Никто въ Европѣ не захотѣлъ

бы допустить, чтобы такое расширеніе досталось путемъ завоеванія на долю той или другой изъ прежде существовавшихъ державъ. Такова истинная причина направленія, принятаго прогрессивною дезорганизаціей Оттоманской имперіи, и Франція содѣйствовала ему лишь на этомъ условіи и въ такихъ предѣлахъ. Поддерживать Оттоманскую имперію для поддержанія равновѣсія Европы, а когда, по самой силѣ вещей, по естественному ходу событій, совершается какое либо отпаденіе, какая либо область отдѣляется отъ этой разлагающейся имперіи, то содѣйствовать превращенію этой области въ новое и независимое государство, которое заняло бы мѣсто свое въ семьѣ прочихъ государствъ и со временемъ послужило бы въ пользу новаго европейскаго равновѣсія, предназначеннаго замѣнить равновѣсіе прежнее, составныя части коего перестанутъ существовать: вотъ политика, пригодная Франціи, политика, которой она естественно призвана слѣдовать и, по мнѣнію моему, она поступитъ разумно продолжая проводить ее [1].»

Сличая эти воззрѣнія вліятельнѣйшаго изъ государственныхъ людей іюльской монархіи съ изложенными выше взглядами на Восточный вопросъ Пальмерстона и Меттерниха, нельзя не признать, что первыя несравненно ближе подходили къ традиціонной политикѣ Россіи на Востокѣ и въ частности, къ мыслямъ самого императора Николая о будущей участи земель, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи. Ужъ если мы не рѣшались держаться нашего вѣковаго правила и вовсе устранить иностранныя державы отъ вмѣшательства въ наши отношенія къ Турціи, то казалось бы всего естественнѣе было искать сближенія съ тою изъ нихъ, коей виды и намѣренія наиболѣе соотвѣтствовали нашимъ собственнымъ. Такъ и поступилъ государь въ 1826 году, войдя въ одинокое соглашеніе по греческому дѣлу съ руководимою Каннингомъ Англіей, соглашеніе къ коему не колеблясь приступилъ и парижскій дворъ. Русско-турецкая война 1828—1829 годовъ доказала, что изъ всѣхъ великихъ державъ Франція одна расположена идти съ нами рука объ руку на Востокѣ, легко согласуя тамъ свои интересы съ нашими. Но этого-то именно

---

[1]) Рѣчь, произнесенная Гизо во французской палатѣ депутатовъ 20 іюня (2 іюля) 1839.

и опасались Англія и Австрія. Меттернихъ, не смотря на страхъ, возбужденный въ немъ іюльскою революціей, былъ ей отчасти радъ, ибо видѣлъ въ ней наиболѣе дѣйствительное средство для расторженія «законнаго» политическаго союза между Россіей и «новѣйшею Франціей» [1]). Самъ кокетливо заискивая благосклонности Лудовика-Филиппа и его министровъ, онъ старался выставить намъ въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ революціонное происхожденіе ихъ и направленіе, и всячески поддерживалъ въ умѣ императора Николая врожденное отвращеніе его къ правительству, народившемуся изъ уличныхъ баррикадъ. Строго послѣдовательный въ своемъ исповѣданіи чистыхъ монархическихъ началъ, государь не допускалъ и мысли о сближеніи съ Франціей Орлеановъ, но неоднократно обнаруженнаго имъ нерасположенія къ ней не было достаточно для успокоенія, какъ австрійцевъ, такъ и англичанъ, относительно возможности совокупнаго дѣйствія Россіи и Франціи на Востокѣ. Невозможное въ настоящемъ, это совокупное дѣйствіе тревожило и пугало ихъ въ будущемъ, такъ какъ неминуемымъ результатомъ его было бы, по мнѣнію лорда Пальмерстона, распаденіе Турецкой имперіи на два отдѣльныя государства, изъ коихъ одно, Египетъ съ Сиріей и Аравіей, впало бы въ зависимость отъ Франціи, а другое, то-есть Европейская Турція съ Малою Азіей, стало бы сателлитомъ Россіи [2]).

Нечего и говорить, что такой оборотъ, если и представлялся когда либо воображенію графа Нессельроде, то долженъ былъ казаться ему чудовищною нелѣпостью. Франція была у нашихъ дипломатовъ того времени, вполнѣ проникнутыхъ духомъ меттерниховой системы, еще въ бо́льшей немилости, чѣмъ у самого государя, и излагая наслѣднику цесаревичу современныя наши къ ней отношенія, баронъ Брунновъ составилъ противъ нея цѣлый обвинительный актъ, заслуживающій быть приведеннымъ здѣсь дословно.

«Сношенія наши съ тюильрійскимъ дворомъ,» объяснялъ старшій совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, «нынѣ какъ бы вовсе не существуютъ. Государь не довѣряетъ прочности существующаго во Франціи порядка вещей. Но, вѣр-

---

[1]) Князь Меттернихъ князю Эстергази, 2 (14) августа 1830.
[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Мельборну, 23 іюня (5 іюля) 18[illegible].

ный основнымъ своимъ началамъ, онъ не вмѣшивается во внутреннія дѣла этой страны и не дѣлаетъ ничего, что могло бы вызвать въ ней перемѣну. Повинуясь чувствамъ долга и совѣсти, онъ воздерживается отъ всякаго ободренія партіи, противной нынѣшнему правительству. Съ той минуты, какъ государь вступилъ въ сношенія съ послѣднимъ, онъ строго исполняетъ относительно его обязанности, налагаемыя трактатами на государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

«Его величество будетъ, такимъ образомъ, жить въ мирѣ съ Франціей, доколѣ она останется вѣрна договорамъ, на коихъ покоится народное право Европы. Нашъ августѣйшій государь согласился вступить съ этимъ правительствомъ въ сношенія, существующія между обѣими странами со времени событій 1830 года. Они слишкомъ хорошо извѣстны, и намъ не зачѣмъ ближе характеризовать ихъ. На нихъ необходимо отражается упадокъ уваженія къ королевской власти, обнаружившійся во Франціи при настоящемъ ея правительствѣ. Обстоятельство это огорчаетъ государя, потому что онъ вполнѣ сознаетъ, насколько распаденіе общественнаго порядка на Западѣ вліяетъ на остальную Европу, все болѣе и болѣе ослабляя въ ней обаяніе законной власти.

«Никому не дано предвидѣть предѣлы нравственнаго безпорядка, господствующаго во Франціи. Нельзя не признаться, что король Лудовикъ-Филиппъ проявляетъ много ловкости въ борьбѣ съ окружающими его трудностями. Величайшую изъ нихъ представляетъ необходимость противодѣйствовать нынѣ тѣмъ самымъ принципамъ и людямъ, которые помогли возведенію его на престолъ. Король желалъ бы отдѣлаться отъ нихъ, не высказывая имъ громко осужденія. Ибо, произнося надъ ними приговоръ, онъ тѣмъ самымъ изрекъ бы порицаніе происхожденію собственной власти. Соображеніе это вліяетъ на поведеніе его, какъ внутри страны, такъ и внѣ. Всюду онъ вынужденъ лавировать между двумя подводными камнями: соблюдать кажущійся видъ правильнаго правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ ласкать проявленіе народныхъ сочувствій; словомъ, постоянно вступать въ компромиссы съ тѣмъ, что принято называть *требованіями его положенія*. Все это причиняетъ въ ходѣ дѣлъ тюильрійскаго двора вѣчное колебаніе между двумя противоположными началами, препятствующее

прочимъ дворамъ относиться къ нему съ дѣйствительнымъ довѣріемъ.

«Во всѣхъ важныхъ политическихъ вопросахъ съ 1830 года французское правительство никогда не шло прямымъ путемъ, оно всегда прибѣгало къ изворотамъ; его дѣйствія находились въ безпрестанномъ противорѣчіи съ его словами, и увѣренія, данныя имъ наканунѣ, отрицались поступками, совершенными на другой же день.

«Въ польскомъ дѣлѣ оно избѣгало явнаго столкновенія съ Россіей, въ случаѣ открыто оказанной мятежникамъ помощи. Но оно приняло посланцевъ варшавскаго повстанскаго правительства, давало имъ совѣты, возбуждало въ нихъ надежды. Пока графъ Себастіани внушалъ графу Платеру продолжать борьбу, избѣгая сраженій, и организовать партизанскую войну, герцогу Мортемару поручалось играть въ Петербургѣ роль посредника и предложить какъ Россіи, такъ и повстанцамъ, добрыя услуги Франціи. Предложеніе это было безусловно отвергнуто нашимъ дворомъ. Вскорѣ послѣ того, взятіе Варшавы положило конецъ попыткамъ тюильрійскаго кабинета вмѣшаться въ дѣло, судьей коего императоръ, какъ и было объявлено имъ съ самаго начала, считалъ одного себя. Со времени возстановленія порядка въ Царствѣ Польскомъ, поведеніе французскаго министерства по отношенію къ обломкамъ возстанія продолжаетъ соотвѣтствовать тому, чего мы должны были ожидать отъ правительства слабаго, постоянно находящагося подъ вліяніемъ страха, внушаемаго ему палатами и газетами. Вслѣдствіе требованія предъявленнаго посломъ нашимъ въ Парижѣ, польскіе выходцы подчинены нѣкоторому надзору; время отъ времени тамъ запрещаютъ польскую газету, когда та выходитъ изъ предѣловъ уваженія, подобающаго нашему правительству. Но на другой день, тотъ же листокъ появляется подъ другимъ названіемъ, и повторство второстепенныхъ чиновниковъ часто парализуетъ самыя положительныя увѣренія министерства.»

Едва ли не болѣе отношеній французскаго кабинета къ полякамъ возмущала Бруннова политика, которой тотъ слѣдовалъ въ Италіи. Баронъ строго осуждалъ анконскую экспедицію и порицалъ вѣнскій дворъ за допущеніе ея. Не менѣе безпощадной критикѣ подверглись французскіе происки въ Испаніи и Германіи. Попытка Лудовика-Филиппа распростра-

нить семейныя связи, уже соединявшія его съ Бельгіей, на нѣмецкія династіи, объяснялась желаніемъ его расширить сферу французскаго вліянія, для обезпеченія собственной безопасности и усиленія своего политическаго значенія.

«На Востокѣ», заключалъ баронъ, «тюильрійскій кабинетъ признаетъ необходимость поддержанія status quo; но рядомъ съ этою, всѣми одинаково чувствуемою потребностью, онъ не въ силахъ противостоять искушенію, время отъ времени льстить честолюбію Мегметъ-Али-паши и поощрять проявленіе революціоннаго духа въ Греціи.

«Политика Франціи, въ томъ видѣ, какъ мы ее изобразили, представляетъ любопытное смѣшеніе противорѣчій всякаго рода. Въ ней соединяются преданія самыхъ отдаленныхъ эпохъ и самыхъ разнообразныхъ системъ. Притязанія вѣка Лудовика XIV, рядомъ съ симпатіями іюльской революціи; воспоминанія, честолюбіе и надменность имперіи, возлѣ робости реставраціи; желаніе преобладать внѣ Франціи, вмѣстѣ съ чувствомъ слабости и деморализаціи внутри ея. Словомъ, правительство, лишенное прочности, посреди страны неуправимой; престолъ, основанный на обломкахъ революціи,—такова современная Франція. Таковы также причины, объясняющія намъ, почему императоръ всероссійскій въ письмахъ къ королю французовъ не называетъ его: *государь, братъ мой!* [1]).»

При такихъ отношеніяхъ нашихъ къ тюильрійскому двору, нечего было и помышлять о частномъ соглашеніи съ нимъ по турецко-египетскому дѣлу, соглашеніи, которое, подобно петербургскому протоколу 1826 года, могло бы послужить основаніемъ для дальнѣйшихъ переговоровъ съ прочими великими державами. Двусмысленная политика князя Меттерниха поколебала наше, столь недавно еще неограниченное довѣріе къ Австріи, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Восточному вопросу, въ коемъ слишкомъ явно проглядывало намѣреніе австрійскаго канцлера дѣйствовать заодно съ нашими противниками. Тогда, въ средѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ зародилась мысль: не попытаться ли намъ условиться сначала

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова. Ср. личный отзывъ императора Николая о Лудовикѣ-Филиппѣ и его правительствѣ, въ статьѣ моей: «Императоръ Николай въ Лондонѣ въ 1844 году». *Историческій Вѣстникъ* 1886 года, мартъ, стр. 616 и 617.

съ Англіей и затѣмъ, опираясь на нее, соглашенныя съ нею мѣры провести въ общемъ совѣтѣ великихъ державъ?

Мысль эта не можетъ не показаться нѣсколько странною, если припомнить, что съ незапамятныхъ временъ, Англія всегда была самою ярою противницей нашею, именно на Востокѣ, гдѣ интересы ея, какъ политическіе, такъ и торговые, были прямо противоположны нашимъ интересамъ. Но политика «принциповъ», которой держался императорскій кабинетъ, отодвигала на второе мѣсто пользы и нужды Россіи. На сколько мы расположены были поступиться послѣдними въ угоду великобританскому правительству, видно изъ слѣдующаго изложенія нашихъ къ нему отношеній, заимствованнаго изъ неоднократно уже приведенной записки барона Бруннова:

«Пререканія, въ которыя мы въ теченіе восьми лѣтъ вступали съ англійскимъ министерствомъ, не повліяли на личное расположеніе государя въ Англіи. Оно продолжало быть благосклоннымъ. Его величество находитъ, что взаимные интересы обѣихъ странъ должны побуждать ихъ къ поддержанію другъ съ другомъ отношеній дружбы и добраго согласія. Въ этомъ убѣжденіи нашъ августѣйшій государь воспользовался недавно нѣсколькими случаями, чтобы выразить королевѣ Викторіи свое уваженіе и участіе. Порученія, возложенныя на графа Орлова и графа Строганова, служатъ тому доказательствомъ [1]).

«Не смотря на столь благосклонное расположеніе государя, существуетъ много причинъ, недозволяющихъ намъ надѣяться на скорое сближеніе между обоими дворами:

«1) Лондонскій дворъ считаетъ Россію самою опасною противницей конституціонныхъ началъ, покровительствуемыхъ и распространяемыхъ Англіей. Лорду Пальмерстону въ особенности кажется, что наше вліяніе повсюду противодѣйствуетъ его собственному. Отсюда нелѣпое предубѣжденіе, которое не можетъ быть исцѣлено или ослаблено ничѣмъ.

«2) Общественное мнѣніе въ Англіи обвиняетъ наше правительство въ честолюбивыхъ и завоевательныхъ видахъ по отношенію къ Востоку. Оно приписываетъ намъ намѣреніе, съ одной стороны, овладѣть Константинополемъ, съ другой,

[1]) Графы Орловъ и Строгановъ были отправлены въ Лондонъ для присутствованія: одинъ при коронаціи королевы, другой при ея вступленіи въ бракъ.

угрожать безопасности великобританскихъ владѣній въ Индіи. Это двойное опасеніе страннымъ образомъ занимаетъ всѣ умы, даже въ средѣ людей, наиболѣе просвѣщенныхъ и умѣренныхъ въ Англіи. Въ особенности торговля поражена этимъ страхомъ, и наши политическіе противники стараются эксплуатировать его, дабы возбудить противъ насъ мнѣніе большинства, всегда довѣрчиваго и склоннаго къ заблужденію.

«3) Прецеденты политики русскаго двора въ царствованіе императрицы Екатерины слишкомъ оправдываютъ, къ несчастію (sic), подозрѣніе, которое понынѣ ищутъ распространить насчетъ намѣреній нащего правительства. Англичане помнятъ постоянно, что страны, находившіяся нѣкогда подъ покровительствомъ Россіи, кончили тѣмъ, что подпали ея власти; что она покровительствовала Польшѣ, съ цѣлью совершить ея раздѣлъ, изъяла изъ-подъ взадычества Порты грузинскія племена для того, чтобы подчинить ихъ себѣ; признала независимость Крыма съ тѣмъ, чтобы присоединить его къ имперіи. Такимъ образомъ, примѣры прошлаго вредятъ настоящему, и благородство нашей нынѣшней политики отрицается, потому что слѣды отдаленнаго отъ насъ прошлаго не изгладились еще изъ памяти кабинетовъ, встревоженныхъ нашимъ могуществомъ и завидующихъ ему.

«Этимъ объясняется, почему возвышенныя чувства государя не пользуются повсюду тѣмъ довѣріемъ, которое они должны были бы внушать. Соображеніе это, какъ оно ни прискорбно. должно вызывать нашу снисходительность по отношенію къ тѣмъ, кто не понимаетъ нашей политики. Еслибъ они могли отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ предубѣжденій, забыть исторію минувшаго, дабы устремить свои взоры исключительно на современныя событія, то они не колеблясь отреклись бы отъ своихъ несправедливыхъ подозрѣній, и единогласно воздали бы хвалу прямодушію и, смѣю сказать, политической честности нашего августѣйшаго государя.

«Размышленіе это въ особенности примѣнимо къ англичанамъ, обладающимъ сообразительностью, болѣе живою, чѣмъ обыкновенно думаютъ, для того, чтобы здраво судить о предметахъ, различать истинное отъ ложнаго и правильно оцѣнивать то, что ихъ интересуетъ. Не видѣли ли мы лицъ принадлежащихъ къ этой націи, крайне противоположныхъ другъ другу во мнѣніяхъ и принципахъ своихъ, вполнѣ сходящимися

въ одномъ, а именно, въ чувствѣ безусловнаго довѣрія, внушеннаго имъ благородствомъ государя, съ той минуты, какъ имъ довелось увидѣть и услышать его. Убѣжденіе это поразило насъ въ представителяхъ двухъ крайнихъ мнѣній англійской верхней палаты. Лордъ Дургамъ и маркизъ Лондондерри оставили Петербургъ съ одинаковымъ чувствомъ уваженія къ политикѣ нашего августѣйшаго государя.

«Я привелъ этотъ примѣръ, ибо онъ доказываетъ, что откровенная и положительная рѣчь естественно цѣнится англичанами, вопреки даже ихъ національнымъ предубѣжденіямъ и зависти. Не будемъ же никогда упускать случая, который можетъ представиться къ тому, чтобъ освѣтить, какъ слѣдуетъ безкорыстіе и великодушіе императора.

«Одно время можетъ дать восторжествовать истинѣ. Но нашъ долгъ: ничѣмъ не пренебрегать для подготовленія торжества ея, и конечно, то былъ бы крайне важный результатъ, достигнутый въ пользу покоя всей Европы, еслибъ удалось возстановить въ Англіи нравственное довѣріе, коего заслуживаетъ слово государя, и постепенно изгладить предубѣжденія разъединяющія нынѣ оба кабинета [1]).»

Итакъ, по мнѣнію барона Бруннова, вѣковая враждебность къ намъ англійскаго правительства и народа покоилась главнымъ образомъ на недоразумѣніи. Стоило только объясниться, разсѣять ихъ предразсудокъ о мнимыхъ честолюбивыхъ и завоевательныхъ замыслахъ Россіи на Востокѣ, торжественно отречься отъ преданій Екатерининской политики, чтобы полное согласіе между дворами нашимъ и сентъ-джемскимъ установилось само собою. Такова была въ дѣйствительности задача, возложенная осенью 1839 года не на кого иного, какъ на самого Бруннова. Въ началѣ сентября, онъ отправился съ чрезвычайнымъ и довѣрительнымъ порученіемъ въ Лондонъ.

Рѣшеніе это выражало знаменательный переломъ въ восточной политикѣ русскаго двора. Первымъ шагомъ къ сближенію съ Англіей необходимо должно было быть съ нашей стороны отреченіе отъ ункіаръ-искелесскаго трактата, а слѣдовательно, и отъ правъ и преимуществъ, имъ намъ предоставленныхъ по отношенію къ Турціи вообще, и въ частности, къ проливамъ. Мы рѣшились принести эту жертву въ надеждѣ

---

[1]) Рукописная записка барона Бруннова.

сойтись съ великобританскимъ правительствомъ по всѣмъ прочимъ политическимъ вопросамъ, не только на Востокѣ, но и на Западѣ. Послѣднимъ, какъ уже было замѣчено выше, императорскій кабинетъ придавалъ преимущественное значеніе, и лично императоръ Николай никогда не согласился бы поступиться исключительнымъ положеніемъ, пріобрѣтеннымъ имъ на Босфорѣ въ силу трактата, если бы сдѣлка съ Англіей не обѣщала ему расторгнуть соглашеніе этой державы съ орлеанскою Франціей и возстановить направленный противъ тюильрійскаго кабинета «великій союзъ» прочихъ четырехъ державъ, на основаніи договора, заключеннаго между ними въ Шомонѣ въ 1814 году.

Надежда эта до извѣстной степени оправдывалась глубокимъ различіемъ, начинавшимъ обнаруживаться во взглядахъ лондонскаго и парижскаго дворовъ на турецко-египетскую распрю. Съ самаго ея возникновенія лордъ Пальмерстонъ высказалъ убѣжденіе свое, что миръ до тѣхъ поръ не будетъ обезпеченъ на Востокѣ, пока пустыня снова не отдѣлитъ владѣній султана отъ областей, принадлежащихъ пашѣ египетскому; другими словами, что необходимо отобрать Сирію у Мегметъ-Али и возвратить ее султану. Между тѣмъ, въ Парижѣ привыкли считать правителя Египта вѣрнымъ союзникомъ и кліентомъ Франціи, на котораго, въ случаѣ войны съ Англіей, она имѣла бы возможность опереться въ Средиземномъ морѣ. Поэтому тамъ не могли допустить такого уменьшенія его могущества. Лордъ Пальмерстонъ и маршалъ Сультъ, тогдашній предсѣдатель совѣта министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи, легко пришли къ соглашенію относительно мѣръ, направленныхъ противъ предполагаемыхъ ими честолюбивыхъ замысловъ Россіи, и рѣшили сообща, въ случаѣ появленія русскаго флота въ Босфорѣ, ввести и свои эскадры въ Дарданеллы, а также примкнуть къ австрійскому предложенію о принятіи Оттоманской имперіи подъ совокупное ручательство Европы; но вопросъ о размежеваніи между султаномъ и пашой грозилъ разстроить ихъ согласіе.

«Чѣмъ болѣе я размышляю объ этомъ Восточномъ вопросѣ,» убѣждалъ великобританскій министръ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при лондонскомъ дворѣ, «причемъ я утверждаю, что у меня нѣтъ въ умѣ ни единой исключительно англійской заботы, — тѣмъ болѣе прихожу къ заключенію, что

Франція и Англія не могутъ не желать одного и того же, а именно, безопасности и силы Оттоманской имперіи, или, если слова эти слишкомъ притязательны, то возвращенія ея къ такому состоянію, которое представляло бы какъ можно менѣе шансовъ для иностраннаго вмѣшательства. Ну, такъ цѣль эта можетъ быть достигнута нами лишь въ томъ случаѣ, если мы отдѣлимъ султана отъ его *пустыннаго* васалла. Пусть Мегметъ-Али продолжаетъ владѣть своимъ Египтомъ, пусть получитъ онъ тамъ право наслѣдованія, эту постоянную цѣль его усилій, но пусть также устранится всякая возможность столкновенія и, слѣдовательно, прекратится сосѣдство между двумя державами-соперницами. Россія стремится въ будущемъ овладѣть европейскими областями и съ радостью въ душѣ взираетъ на отпаденіе областей азіятскихъ отъ оттоманскаго государственнаго тѣла. Можемъ ли мы благопріятствовать этимъ замысламъ? Очевидно, нѣтъ. Говорятъ о матеріальныхъ трудностяхъ, съ которыми мы встрѣтимся въ преслѣдованіи нашей цѣли. Я думаю, что Мегметъ-Али не будетъ въ силахъ противиться единодушно высказанной волѣ всѣхъ великихъ державъ. Но еслибъ онъ и оказалъ сопротивленіе, то права его не увеличатся, вслѣдствіе презрѣнія имъ совѣтовъ Европы, и если нужно будетъ прибѣгнуть къ силѣ, то результатъ не можетъ быть ни продолжителенъ, ни сомнителенъ.» Въ другой разъ, разсуждая о послѣдствіяхъ, которыя повлекло бы за собою признаніе Европой наслѣдственныхъ правъ Мегметъ-Али надъ Египтомъ и Сиріей, Пальмерстонъ предсказывалъ, что паша этимъ не удовольствуется и потребуетъ полной независимости. «А знаете ли,» восклицалъ онъ, «что скажутъ въ Европѣ, когда Россія возвратится къ своимъ посягательствамъ на европейскія области? Скажутъ, что Оттоманская имперія, расчлененная отпаденіемъ части владѣній ея въ Азіи, не стоитъ того, чтобъ изъ-за ея сохраненія начинать войну [1].»

Англійскіе доводы не убѣждали парижскаго кабинета. Въ свою очередь, онъ старался увѣрить лорда Пальмерстона, что вопросъ о будущихъ границахъ между Турціей и Египтомъ совершенно второстепенный, и что главная задача всѣхъ ве-

---

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 19 (31) іюля и 28 іюля (9 августа) 1839.

ликихъ державъ состоитъ въ сдерживаніи Россіи и въ пріученіи ея обсуждать и рѣшать сообща дѣла Востока. Относительно Мегметъ-Али-паши онъ высказывалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ оскорблять ни его гордости, ни честолюбія. Побѣды, одержанныя пашой надъ войсками султана, даютъ ему право на пріобрѣтеніе новыхъ преимуществъ и исключаютъ возможность уменьшенія тѣхъ, коими онъ пользовался до войны. Никогда Мегметъ-Али не откажется добровольно отъ Сиріи, а если державы захотятъ принудить его къ тому силой, то онъ будетъ защищаться до послѣдней крайности, возбудитъ возстаніе во всѣхъ мусульманскихъ областяхъ и подвергнетъ опасности самое существованіе Оттоманской имперіи. Съ этой точки зрѣнія маршалъ Сультъ отклонилъ и англійское предложеніе о принятіи сообща понудительныхъ мѣръ противъ паши, съ цѣлью заставить его возвратить султану передавшійся ему турецкій флотъ [1].»

Извѣстіе о присоединеніи русскаго посланника въ Константинополѣ къ совокупной нотѣ, которою представители великихъ державъ возвѣстили Портѣ о полномъ согласіи, будто бы установившемся между ихъ дворами по восточнымъ дѣламъ, и пригласили ее предоставить имъ улаженіе ея распри съ мятежнымъ пашой, было не одинаково встрѣчено въ различныхъ европейскихъ столицахъ. На сколько обрадовались ему въ Вѣнѣ и Лондонѣ, на столько же произвело оно въ Парижѣ удручающее впечатлѣніе. Французскій повѣренный въ дѣлахъ доносилъ своему правительству изъ Лондона: «Ни депеши г. Баранта къ вашему превосходительству, ни донесенія лорда Кланрикарда лорду Пальмерстону, ни даже послѣднія сообщенія князя Меттерниха не подготовили наши дворы къ внезапному присоединенію русскаго посланника къ столь важной мѣрѣ. Въ Лондонѣ, конечно, какъ и въ Парижѣ, исходили изъ общаго предположенія, что русскій дворъ не только отклоняетъ переговоры въ Вѣнѣ, но и старается сдѣлать ихъ безполезными, благопріятствуя заключенію непосредственной сдѣлки между султаномъ и васалломъ безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства, *по крайней мѣрѣ явнаго*. Здѣсь, г. маршалъ, не дали себѣ большого труда объяснить явленіе, находящееся

---

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 14 (26) іюля, 20 и 25 іюля (1 и 6 августа) 1839.

въ прямомъ противорѣчіи съ намѣреніями, въ коихъ не сомнѣвались еще наканунѣ. Повторяли: «Россія не хочетъ, Россія не можетъ. Г. Бутеневъ услышалъ, какъ произносятъ слово *Дарданеллы*, и рѣшился подписать ноту». (Послѣдняя гипотеза требуетъ того, чтобы прежде чѣмъ произнести окончательное сужденіе, дождались одобренія дѣйствія посланника его дворомъ). Но всѣ эти объяснительныя соображенія были принесены въ жертву самому факту и здѣсь сказали себѣ: «Россія приступила къ общему соглашенію посредствомъ офиціальнаго акта. Она не можетъ выйти изъ соглашенія не вызвавъ осложненій, къ которымъ *она не готова*.»

Въ Лондонѣ собранъ былъ совѣтъ министровъ, постановившій, что слѣдуетъ воздержаться на время отъ угрозъ и подозрительности въ сношеніяхъ съ русскимъ дворомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы возвратиться къ нимъ, если того потребуютъ обстоятельства. Продолжая считать Вѣну «центромъ соглашенія», Пальмерстонъ рѣшилъ передать на обсужденіе тамошняго двора и предложеніе свое о принятіи понудительныхъ мѣръ противъ паши египетскаго. «Ваше превосходительство,» писалъ маршалу Сульту баронъ Буркенэ въ томъ же донесеніи, «можете судить поэтому о перемѣнѣ, происшедшей въ теченіе тридцати восьми часовъ въ мысляхъ членовъ англійскаго кабинета. Прежде не допускали возможности содѣйствія Россіи, нынѣ разсчитываютъ на него; не надѣялись на содѣйствіе Австріи *до конца*, теперь не сомнѣваются въ немъ». Подъ словомъ «до конца» слѣдовало разумѣть намѣреніе англійскаго правительства осуществить планъ принятія Турціи подъ общее ручательство великихъ державъ и, по выраженію Буркенэ, «увѣнчать актъ мира въ настоящемъ дипломатическимъ актомъ, обезпечивающимъ также будущее» [1]).

Въ Парижѣ не скрывали своего неудовольствія по поводу неожиданной перемѣны въ рѣшеніяхъ русскаго двора. Участіе Бутенева въ совокупной нотѣ хотя и признавали «счастливою случайностью», но притворялись, что не понимаютъ радости, вызванной ею въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Маршалъ Сультъ старался возбудить исконную подозрительность сентъ-джемскаго кабинета въ отношеніи Россіи. «Мнѣ кажется,» писалъ онъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, «болѣе чѣмъ преуве-

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 6 (18) августа 1839.

личнымъ заключеніе, будто изъ того, что г. Бутеневъ присоединился къ этой мѣрѣ, слѣдуетъ уже, что Россія рѣшилась отнынѣ связать свои дѣйствія въ Восточномъ вопросѣ съ дѣйствіями союзныхъ дворовъ. Въ виду результата такой важности, въ виду столь значительнаго уклоненія отъ преданій политики, доселѣ неизмѣнной, не достаточно простого предположенія. Чтобъ увѣровать въ нихъ, необходимы самыя безспорныя доказательства, а ихъ-то я и не вижу. Напротивъ, переписка г. Баранта изображаетъ петербургскій кабинетъ, настаивающимъ болѣе чѣмъ когда либо на своихъ одинокихъ видахъ, хотя онъ и считаетъ себя вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторыя чисто формальныя уступки. Сверхъ того, для правильной оцѣнки акта, коему хотятъ приписать столь важныя послѣдствія, достаточно припомнить, что въ числѣ доводовъ, заявленныхъ русскимъ правительствомъ противъ проекта учрежденія конференціи въ Вѣнѣ, находилось возраженіе, что естественное мѣсто для переговоровъ есть Константинополь, и это потому, что Россія, вслѣдствіе естественнаго вліянія на Порту своего посланника, находится тамъ въ несравненно лучшемъ положеніи для того, чтобы мѣшать переговорамъ или вліять на нихъ. Я потому настаиваю на неосновательности надеждъ, возбужденныхъ, повидимому, въ лондонскомъ кабинетѣ, что опасаюсь, какъ бы недоразумѣніе это не придало ложнаго направленія его политикѣ и не заставило его упустить изъ виду главную цѣль, къ коей должны стремиться Франція и Англія, и которая заключается въ изысканіи средствъ для воспрепятствованія Портѣ снова подпасть подъ исключительное и преобладающее покровительство одной изъ великихъ державъ [1].»

Заступничество Франціи за Мегметъ-Али-пашу, желаніе ея выговорить въ его пользу новыя преимущества, сильно раздражали нетерпѣливаго отъ природы Пальмерстона, твердо рѣшившагося «замкнуть пашу въ его первоначальной раковинѣ», то-есть въ Египтѣ. Онъ поручилъ британскому послу въ Парижѣ дать понять французскому правительству, что какъ ни сильно желаніе Англіи идти съ нимъ рука объ руку, но въ угоду ему, она не можетъ остаться неподвижною. Франція должна принять одно изъ трехъ рѣшеній: или по-прежнему

---

[1]) Маршалъ Сультъ барону Буркенэ, 10 (22) августа 1839.

дѣйствовать въ согласіи съ Англіей, исполняя обязательство, принятое на себя предъ всею Европой, участіемъ въ совокупной нотѣ 15-го (27-го) іюля; или воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ восточныя дѣла; или, наконецъ, открыто стать на сторону Мегметъ-Али-паши и помогать ему въ сопротивленіи понудительнымъ мѣрамъ, принятымъ противъ него Англіей въ союзѣ со всѣми прочими великими державами. Хорошо изучивъ характеръ Людовика-Филиппа, англійскій министръ полагалъ, что государь этотъ предпочтетъ держаться строгаго нейтралитета, хотя и допускалъ возможность присоединенія его къ соглашенію Англіи съ тремя сѣверными державами [1]). Дѣлая парижскому кабинету подобное заявленіе, Пальмерстонъ уже зналъ, что взгляды дворовъ берлинскаго и вѣнскаго на турецко-египетскую распрю сходятся съ его собственнымъ. Пруссія хотя и уклонялась отъ принятія какой либо иниціативы по восточнымъ дѣламъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ короля Фридриха-Вильгельма III, баронъ Вертеръ, въ письмѣ къ сыну, исправлявшему обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ, сообщалъ ему частное мнѣніе свое, что примиреніе между султаномъ и пашой должно бы состояться на основаніи признанія наслѣдственныхъ правъ Мегметъ-Али надъ Египтомъ и возвращенія имъ Сиріи султану [2]). Въ циркулярной депешѣ на имя австрійскихъ представителей при дворахъ великихъ державъ, князь Меттернихъ объявилъ, что вѣнскій дворъ желаетъ утвержденія наслѣдственности Мегметъ-Али-паши въ Египтѣ; по вопросу же о разграниченіи его съ султаномъ примкнетъ ко всякому рѣшенію, принятому сообща великими державами, отдавая впрочемъ предпочтеніе «minimum'у уступокъ, требуемыхъ отъ Порты» [3]).

Со своей стороны, императорскій кабинетъ, соглашаясь снова на возобновленіе переговоровъ съ прочими великими державами по дѣламъ Востока, счелъ нужнымъ согласовать это рѣшеніе съ доводами, столь недавно высказанными имъ противъ такой мѣры, поставивъ его въ зависимость отъ нѣкоторыхъ предварительныхъ условій. Въ концѣ августа, условія эти были сообщены имъ вѣнскому двору. Цѣль великихъ дер-

1) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 20 августа (1 сентября) 1839.
2) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 19 (31) іюля 1839.
3) Циркуляръ князя Меттерниха 26 іюля (7 августа) 1839.

жавъ, сказано въ русской депешѣ, должна быть двоякая: во-первыхъ, спасти Турцію отъ гибели; во-вторыхъ, уже по достиженіи этого результата, гарантировать ея существованіе на будущее время. По мнѣнію императорскаго кабинета, смѣшно было бы начинать со второй цѣли, не достигнувъ первой. А потому, Россія готова приступить къ обще-европейскому соглашенію, если морскія державы обяжутся: 1) отказаться отъ проекта *общаго* ручательства за цѣлость всѣхъ владѣній Оттоманской имперіи; 2) признать закрытіе Дарданеллъ и Босфора, какъ во время войны, такъ и во время мира, основнымъ началомъ народнаго права Европы; 3) не вводить эскадръ своихъ въ Мраморное море, одновременно съ появленіемъ на Босфорѣ русскихъ военныхъ и морскихъ силъ. Подъ этими условіями дворъ нашъ изъявлялъ готовность: гарантировать сообща съ прочими державами *спеціальный* уговоръ между ними по отношенію къ Египту; не возобновлять союзнаго трактата своего съ Портой, и въ случаѣ поданія нами вооруженной помощи султану противъ паши, дѣйствовать не отъ своего имени, а по уполномочію Европы [1]).

Съ этими наставленіями возвратился въ Вѣну изъ продолжительнаго отпуска Татищевъ. Сообщеніе ихъ, еще не успѣвшему оправиться отъ своей болѣзни, Меттерниху возбудило въ немъ живѣйшую радость. Для опредѣленія положенія, въ какомъ стояли къ нему наши дипломатическіе представители, характерны слѣдующія замѣтки, занесенныя женой канцлера въ свой дневникъ. «Восточныя дѣла,» писала она, «принимаютъ благопріятный оборотъ. Наконецъ, Россія выражаетъ желаніе дѣйствовать заодно съ нами, послѣ того, какъ она столь долго вліяла зловреднымъ образомъ. На десятый или пятнадцатый день болѣзни моего мужа, Татищевъ прибылъ изъ Петербурга. Онъ былъ смущенъ, а Струве (совѣтникъ посольства, временно исполнявшій должность повѣреннаго въ дѣлахъ) казался болѣе мертвъ, чѣмъ живъ, ибо хорошо зналъ, что онъ много виноватъ въ этой болѣзни [2]).» Меттернихъ усмотрѣлъ въ сообщеніи русскаго посла родъ повинной, и съ торжествомъ извѣщалъ австрійскаго представителя въ Парижѣ: «Настоящее затрудненіе въ восточномъ дѣлѣ лежитъ между Парижемъ и Лон-

---

[1]) Графъ Нессельроде Татищеву, 24 августа (5 сентября) 1839.
[2]) Изъ дневника княгини Меттернихъ въ *Mémoires de Metternich*, VI, стр. 330.

доном, ибо Россія—наша» [1]). Канцлеръ и не подозрѣвалъ, что въ это самое время, императорскій кабинетъ рѣшился перенести центръ тяжести европейскаго соглашенія изъ Вѣны въ Лондонъ.

Въ 1834 году отозванъ былъ изъ Англіи князь Ливенъ, болѣе двадцати лѣтъ занимавшій тамъ должность русскаго посла, и съ тѣхъ поръ мы не имѣли при сентъ-джемскомъ дворѣ постояннаго представителя, ибо хотя преемникомъ Ливена и былъ назначенъ Поццо-ди-Борго, но этотъ ветеранъ нашей дипломатіи не долго оставался на своемъ новомъ посту, а проживалъ бо̀льшею частію въ Парижѣ, ссылаясь на старость свою и недуги. Лондонскимъ посольствомъ управляли за этотъ періодъ временные повѣренные въ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, отправляя барона Бруннова съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Лондонъ, графъ Нессельроде сохранилъ за нимъ званіе посланника при гессенъ-дармштатскомъ дворѣ (полученное имъ незадолго предъ тѣмъ), что̀ означало, что посылка его въ Англію, имѣетъ лишь временный характеръ.

Англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Кланрикардъ, предупредилъ Пальмерстона о благопріятномъ расположеніи русскаго двора и о желаніи его сойтись съ Англіей по турецко-египетскому вопросу. Въ разговорѣ съ французскимъ посломъ при сентъ-джемскомъ дворѣ, графомъ Себастіани,—въ виду серіознаго оборота, принимаемаго событіями, поспѣшившимъ возвратиться къ своему посту изъ временной отлучки, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ далъ понять своему собесѣднику, что въ крайнемъ случаѣ, онъ готовъ допустить прибытіе русскихъ войскъ на защиту Константинополя, одновременно съ появленіемъ подъ стѣнами турецкой столицы флотовъ всѣхъ прочихъ великихъ державъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы число русскихъ силъ и время ихъ ухода были опредѣлены заранѣе. «Мы бы вмѣстѣ пришли,» говорилъ онъ, «и вмѣстѣ же ушли. Будьте покойны: Россія связана нынѣ. Я прекрасно знаю, что это зависитъ отъ того, что она не готова; но все же это фактъ, и мы должны имъ воспользоваться. Она не будетъ дѣйствовать безъ насъ, а только съ нами, и такъ же, какъ и мы [2]).»

---

[1]) Князь Меттернихъ графу Аппоньи, 1 (13) сентября 1839.
[2]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 24 августа (5 сентября) 1839.

Когда, въ началѣ сентября, Брунновъ прибылъ въ Лондонъ, Себастіани былъ въ гостяхъ у лорда Пальмерстона въ загородномъ замкѣ его Бродландсѣ. Пальмерстонъ повѣдалъ своему гостю, что изо всѣхъ европейскихъ столицъ получены извѣстія о готовности великихъ державъ, за исключеніемъ Франціи, дѣйствовать съ Англіей заодно и въ указанномъ ею направленіи. Особенную важность придавалъ онъ донесеніямъ лорда Кланрикарда, сообщавшаго, что петербургскій кабинетъ совершенно раздѣляетъ виды лондонскаго и мнѣнія его объ условіяхъ примиренія султана съ пашой и предлагаетъ свое содѣйствіе. «Посудите сами,» убѣждалъ гостя хозяинъ, «возможно ли намъ отказаться отъ принятой нами системы, въ ту самую минуту, когда на ней сходятся желанія и усилія почти всѣхъ державъ, съ коими мы предприняли мирное разрѣшеніе Восточнаго вопроса.» Себастіани замѣтилъ, что поспѣшность, съ которою Россія шла на встрѣчу Англіи, внушаетъ ему большое подозрѣніе, что союзъ съ нею крайне эфемеренъ и что Англія врядъ ли поступитъ благоразумно, принеся этому союзу въ жертву многолѣтнюю связь свою съ Франціей, связь, основанную на общности принциповъ и чувствъ. «Что же вы хотите,» возразилъ Пальмерстонъ, «намъ хорошо извѣстно, что соглашеніе съ Россіей чисто случайное и что оно не помѣшаетъ въ будущемъ обѣимъ политикамъ возратиться на свойственный каждой изъ нихъ путь. Но какъ оттолкнуть Россію, когда она выступаетъ на помощь интересамъ, которые мы рѣшились защищать, и когда, допуская содѣйствіе свое и наше, она какъ бы отрекается отъ оспариваемаго нами исключительнаго протектората, и почти даже отъ преобладающаго своего вліянія. Говорю вамъ, однако, откровенно, что далеко этому не радуюсь. Я не сомнѣваюсь, что русскій дворъ, въ своемъ слѣпомъ и безразсудномъ нерасположеніи къ Франціи, озабоченъ прежде всего желаніемъ хорошенько выставить на видъ наше разногласіе съ вами, и затѣмъ высказаться въ пользу нашей точки зрѣнія противъ вашей. Нѣтъ такихъ любезностей, которыхъ Россія не испробовала бы съ нами въ теченіе цѣлаго года, дабы только разъединить оба наши правительства; мы остались холодны ко всѣмъ ея заискиваньямъ. Съ вами мы начали дѣло, съ вами желали продолжать его. Но какъ же вы хотите, чтобы мы покинули нашу точку зрѣнія въ то

самое время, когда Россія собирается къ ней приступить, а двѣ прочія державы уже приняли ее? [1]).»

Въ такомъ настроеніи находился лордъ Пальмерстонъ, когда явился къ нему баронъ Брунновъ съ предложеніями императорскаго кабинета. Они превзошли всѣ ожиданія англійскаго министра, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ передавалъ ихъ содержаніе великобританскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ: «Брунновъ говоритъ, что императоръ вполнѣ согласится съ нашими видами по отношенію къ дѣламъ Турціи и Египта и приметъ участіе во всѣхъ мѣрахъ, признанныхъ необходимыми для приведенія этихъ видовъ въ исполненіе; что онъ соединится съ нами, Австріей и Пруссіей, при участіи Франціи или безъ нея; что хотя, по политическимъ соображеніямъ, онъ признаетъ выгоду французскаго участія, но лично предпочитаетъ обойтись безъ него; что, если мы довѣряемъ ему, какъ онъ на то разсчитываетъ и того заслуживаетъ, то онъ надѣется, что довѣріе это будетъ полное и что мы не выкажемъ зависти, сами ея не чувствуя; что поэтому, если мѣры, принятыя Мегметомъ, будутъ угрожать опасностью Константинополю и вызовутъ какія-либо морскія или военныя операціи на Босфорѣ или въ Малой Азіи, то онъ надѣется, что операціи эти мы предоставимъ ему, а сами возьмемъ на себя исполненіе того, что окажется нужнымъ въ Средиземномъ морѣ или вдоль береговъ Сиріи и Египта; что онъ не только согласенъ признать всѣ дѣйствія своихъ армін и флота результатомъ соглашенія, а не исключительнаго вмѣшательства Россіи, но даже готовъ начать съ подписанія конвенціи, которая опредѣлила бы наши цѣли, установила бы наши средства исполненія и назначила бы каждой изъ державъ причитающуюся ей долю участія; что въ силу такой конвенціи, русскія войска удалятся такъ же, какъ пришли, лишь только будетъ достигнута условленная цѣль; наконецъ, Брунновъ довѣрилъ мнѣ въ заключеніе, что если дѣла пойдутъ вышеизложеннымъ порядкомъ, то договоръ ункіаръ-искелесскій возобновленъ не будетъ [2]).»

Лордъ Пальмерстонъ не замедлилъ передать сущность русскихъ предложеній посламъ австрійскому и французскому.

---

[1]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 5 (17) сентября 1839.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 12 (24) сентября 1839.

Князь Эстергази объявилъ, что испроситъ по этому предмету инструкцій своего двора, хотя лично находитъ, что слѣдуетъ принять заявленныя Брунновымъ условія. Сообщеніе ихъ графу Себастіани произвело на послѣдняго ошеломляющее впечатлѣніе. Пальмерстонъ добавилъ, что онъ не можетъ предрѣшить мнѣнія министерства, но что, по его убѣжденію, русскія предложенія не должны быть отвергнуты; что по главному поводу англо-французскаго разногласія, то есть по вопросу объ основаніяхъ примиренія паши съ султаномъ, баронъ Брунновъ засвидѣтельствовалъ полное согласіе своего двора со взглядомъ англійскаго правительства на безусловную необходимость возвращенія Портѣ Сиріи и всѣхъ прочихъ, ввѣренныхъ Мегметъ-Али-пашѣ областей, за исключеніемъ Египта, и что самъ онъ, Пальмерстонъ, желалъ бы дополнить русскій проектъ понудительныхъ мѣръ предоставленіемъ Австріи отправить въ Сирію вспомогательный сухопутный отрядъ для содѣйствія туркамъ къ овладѣнію этою провинціей.

Тщетно пытался Себастіани возражать, подвергая рѣзкой критикѣ цѣль, средства, всѣ подробности русской программы. Онъ скоро убѣдился, что англійскій министръ считаетъ уничтоженіе ункіаръ-искелесскаго договора достаточнымъ успѣхомъ для своей восточной политики и даже готовъ купить его цѣной согласія Англіи на появленіе русскихъ силъ въ Босфорѣ, тѣмъ болѣе, что мѣра эта можетъ быть вызвана лишь наступленіемъ египетской арміи на Константинополь и представляетъ такимъ образомъ весьма мало вѣроятную гипотезу. Предлагаемая Россіей конвенція, утверждалъ лордъ Пальмерстонъ, узаконитъ совокупное вмѣшательство пяти великихъ державъ въ дѣла Востока и отмѣнитъ исключительное право покровительства, которое доселѣ присвоивалъ себѣ русскій дворъ. На вопросъ французскаго посла, гдѣ имѣетъ быть условлена и подписана означенная конвенція, «объ этомъ я еще не подумалъ», съ кажущеюся небрежностью отвѣчалъ министръ; «если угодно, то хоть въ Лондонѣ» [1]).

Такъ доносилъ своему двору о разговорѣ своемъ съ Пальмерстономъ графъ Себастіани, но изъ письма перваго къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ мы знаемъ, что этимъ не ограничилась бесѣда двухъ государственныхъ лю-

---

[1]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 11 (23) сентября 1839.

дей. На выраженное французским дипломатом опасеніе, какъ бы возложеніе на одну Россію защиты Константинополя не усилило ея вліянія и преобладанія въ Турціи, послѣдовалъ уже приведенный выше отвѣтъ Пальмерстона, но со слѣдующимъ дополненіемъ: «Впрочемъ, мнѣ кажется, что нѣтъ разумной середины между довѣріемъ и подозрѣніемъ; и если мы свяжемъ Россію договоромъ, то можемъ довѣрять ей, а довѣряя, хорошо поступимъ, не примѣшивая явной подозрительности къ нашему довѣрію.» Требованіе Себастіани, чтобы въ случаѣ появленія русскихъ подъ Константинополемъ, два или три французскія и англійскія судна были допущены въ Дарданеллы, Пальмерстонъ обозвалъ ребячествомъ. Вообще поведеніе тюильрійскаго двора возбуждало въ немъ досаду. Онъ ставилъ ему въ вину его недомолвки, выражая мнѣніе, что французы потому не высказываются вполнѣ, что имъ стыдно признаться въ дѣйствительныхъ своихъ видахъ и намѣреніяхъ. Правительство Людовика-Филиппа обвинялъ онъ въ нарушеніи обязательства дѣйствовать въ турецко-египетскомъ вопросѣ не иначе, какъ сообща съ прочими державами, и велѣлъ англійскому дипломатическому представителю предупредить французскій кабинетъ, что, по всей вѣроятности, великобританское министерство рѣшится войти въ соглашеніе съ тремя сѣверными державами, независимо отъ того, примкнетъ къ нему Франція или нѣтъ [1]).

Но принять такое рѣшеніе зависѣло не отъ одного Пальмерстона. Какъ ни выгодны были русскія предложенія, какъ ни сильно неудовольствіе англичанъ на парижскій дворъ, Пальмерстону не удалось убѣдить своихъ товарищей по министерству въ необходимости разорвать связь съ Франціей и войти въ соглашеніе съ Россіей. Слишкомъ глубокіе корни успѣло пустить въ Англіи убѣжденіе въ выгодахъ, истекающихъ для нея изъ тѣснаго союза съ Франціей, слишкомъ свыклись англійскіе государственные люди съ мыслью о честолюбивыхъ и своекорыстныхъ замыслахъ Россіи на Востокѣ. Кабинетъ рѣшилъ продолжать дѣйствовать не иначе, какъ по соглашенію съ тюильрійскимъ дворомъ, а русскому двору отвѣчать, что предложенія его могутъ быть приняты, только со значительными измѣненіями. Согласно такому постановленію, Паль-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 12 (24) сентября 1839.

мерстонъ сообщилъ Бруннову, что Франція не соглашается на недопущеніе союзныхъ флотовъ въ Мраморное море въ случаѣ появленія рускихъ силъ въ Босфорѣ; Англія же не желаетъ отдѣляться отъ Франціи, съ которою она дѣйствовала-де въ совершенномъ единомысліи, съ самаго начала переговоровъ. Вмѣсто предложенной русскимъ дворомъ конвенціи, септъ-джемскій кабинетъ предлагалъ другую, коею опредѣлялась бы степень участія каждой изъ великихъ державъ въ дѣлахъ Востока, съ тѣмъ, чтобы русскому военному флагу не предоставлялось никакихъ преимуществъ предъ флагами англійскимъ, французскимъ или австрійскимъ. Поэтому, въ случаѣ сопротивленія Мегметъ-Али-паши рѣшеніямъ великихъ державъ, русскія войска призваны будутъ дѣйствовать въ Малой Азіи исключительно по сю сторону Тавра. Державы поручатся за цѣлость и независимость Турціи и торжественно провозгласятъ начало закрытія Босфора и Дарданеллъ для военныхъ судовъ всѣхъ націй [1]).

Брунновъ принялъ англійскія предложенія ad referendum и 1-го (13-го) октября отплылъ изъ Лондона въ Роттердамъ [2]).

Путь свой онъ направилъ въ замокъ Іоганнисбергъ на Рейнѣ, гдѣ проводилъ осень князь Меттернихъ. Австрійскій канцлеръ былъ крайне огорченъ и встревоженъ попыткой нашего министерства сблизиться съ Англіей, помимо его, путемъ непосредственныхъ переговоровъ. Онъ предвидѣлъ, что какъ только состоится соглашеніе по восточнымъ дѣламъ между Петербургомъ и Лондономъ, Вѣнѣ ничего не останется, кромѣ подчиненія ихъ рѣшенію. Еще недавно питаемая имъ надежда самому стать во главѣ европейскаго концерта улетала навсегда. Сначала онъ принялъ Бруннова очень холодно, осыпалъ его упреками. Не только князь, но и княгиня Меттернихъ прямо заявили «молодому», дипломату (Бруннову было тогда 42 года), что считаютъ поведеніе русскаго двора «постыдною политическою измѣной», и предсказывали ему полную неудачу стараній его обратить Пальмерстона «на правый путь». Хитрый и вкрадчивый баронъ притворился, что онъ самъ опечаленъ оборотомъ, который принимали дѣла Востока, и «неудовольствіемъ» австрійскаго канцлера на императора Николая.

[1]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 21 сентября (3 октября) 1839.
[2]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 28 сентября (10 октября) 1839.

Государь, увѣрялъ Брунновъ, крайне дорожитъ мнѣніемъ о себѣ не только князя, но и княгини. Меттернихъ не устоялъ противъ льстивыхъ заискиваній Бруннова. И онъ, и жена его рѣшили, что дипломатъ этотъ «очень любезенъ и очень добръ, и что онъ гораздо болѣе нѣмецъ, нежели русскій» [1]). Канцлеръ, обѣщая ему содѣйствіе австрійскаго представителя въ Лондонѣ, отказался отъ мысли устроить «морской пикникъ» изъ соединенныхъ эскадръ въ Мраморномъ морѣ и даже отъ общей гарантіи Турціи, признавая вполнѣ достаточнымъ допущенное нами спеціальное ручательство за соглашеніе, имѣющее состояться между державами по турецко-египетскому дѣлу [2]).

Пока Брунновъ самодовольно доносилъ въ Петербургъ: «Странная вещь, но я не думаю, чтобъ князь Меттернихъ болѣе боялся лишиться милости своего собственнаго двора, чѣмъ онъ добивается удержать за собою благорасположеніе нашаго» [3]), руководитель австрійской политики выбивался изъ силъ, чтобы примирить противоположные взгляды кабинетовъ лондонскаго и парижскаго. «Мои послѣднія сообщенія дворамъ французскому и великобританскому,» писалъ онъ австрійскому послу въ Парижѣ, «должны были убѣдить ихъ, что мы стоимъ на почвѣ правды и умѣренности, то-есть на единственной почвѣ вмѣщающей въ себѣ истину. Я еще не потерялъ надежды на торжество ея; вопросъ слишкомъ важенъ для всѣхъ, чтобы второстепенныя соображенія, съ нимъ сопряженныя, не стушевались предъ главнымъ интересомъ, и это такъ и будетъ. Только послѣ того, какъ Франція и Англія сговорятся между собою, дѣло можетъ подвинуться впередъ [4]).» А между тѣмъ, въ Петербургѣ были твердо убѣждены, что Австрія снова съ нами, и что «если въ Лондонѣ главный двигатель союза, то въ Вѣнѣ, по-прежнему, его сила и нравственный рычагъ» [5]).

Главною причиной разногласія между дворами лондонскимъ и парижскимъ былъ вопросъ о Сиріи. Въ Лондонѣ настаивали на возвращеніи ея султану; въ Парижѣ хотѣли утвержденія ея вмѣстѣ съ Египтомъ за Мегметъ-Али пашой и притомъ на

---

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 7 (19) и 10 (22) окрября 1839.
[2]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 10 (22) октября 1839.
[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 30 октября (11 ноября) 1839.
[4]) Князь Меттернихъ графу Аппоньи, 1 (13) октября 1839.
[5]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде, за 1840 годъ.

наслѣдственномъ правѣ [1]). Уступая убѣжденіямъ Меттерниха, а также просьбамъ большинства товарищей своихъ по министерству, ревностныхъ сторонниковъ соглашенія съ Франціей, Пальмерстонъ рѣшился на значительную уступку въ смыслѣ французскихъ требованій. Онъ заявилъ графу Себастіани, что въ придачу къ Египту, Англія соглашается на отдачу пашѣ, также въ наслѣдственное владѣніе, южной части Сиріи, или аккскаго пашалыка, за исключеніемъ лишь крѣпости того же имени, съ тѣмъ, чтобы паша возвратилъ султану остальные сирійскіе округи, Адану, Кандію и священные города Аравіи, Медину и Мекку, а Франція обязалась, въ случаѣ отказа Мегметъ-Али-паши на такую сдѣлку, принять вмѣстѣ съ прочими державами участіе въ понудительныхъ противъ него мѣрахъ [2]).

Но, ободренное неуспѣшнымъ исходомъ миссіи Бруннова и отъѣздомъ его изъ Лондона, увѣренное, что русскій дворъ не приметъ англійскихъ поправокъ къ своему проекту, французское правительство отвергло уступку великобританскаго кабинета, находя ее совершенно недостаточною и присовокупивъ, что отклонило бы ее даже и тогда, еслибъ отказъ Франціи послужилъ сигналомъ къ соглашенію между Англіей и Россіей, чего, однако, «къ счастію, нѣтъ» [3]). Когда французскій посолъ сообщилъ этотъ отвѣтъ двора своего Пальмерстону, тотъ, со вниманіемъ выслушавъ его, сказалъ: «Объявляю вамъ отъ имени совѣта министровъ, что мы беремъ назадъ сдѣланную нами уступку части аккскаго пашалыка.» На всѣ дальнѣйшіе доводы и возраженія Себастіани Пальмерстонъ отвѣчалъ «вѣжливымъ, но ледянымъ молчаніемъ» [4]).

Съ этой минуты окончательная размолвка между Англіей и Франціей стала неминуема. Въ Парижѣ еще надѣялись, что соглашеніе лондонскаго двора съ русскимъ невозможно и что первый не рѣшится покинуть свою старую союзницу, не заручившись новою. Разсчетъ этотъ не оправдался. Уже въ концѣ ноября (началѣ декабря), лордъ Кланрикардъ извѣстилъ Пальмерстона, что императорскій кабинетъ соглашается на появле-

---

[1]) Циркуляръ лорда Пальмерстона отъ 26 іюня (8 іюля) и маршала Сульта отъ 15 (27) сентября 1839.

[2]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 21 сентября (3 октября) 1839.

[3]) Маршалъ Сультъ графу Себастіани, 2 (14) октября 1839.

[4]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 6 (18) октября 1839.

ніе флотовъ западныхъ державъ въ Дарданеллахъ, одновременно съ занятіемъ Босфора русскими силами, и что Брунновъ немедленно возвратится въ Лондонъ для заключенія конвенціи въ этомъ смыслѣ. «Это даетъ намъ возможность припугнуть Францію,» писалъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ британскому послу въ Парижѣ, «и привести въ исполненіе наши собственные виды по отношенію къ Турціи и Египту; ибо Австрія и Пруссія будутъ дѣйствовать съ нами и съ Россіей; Франція же, если уединится, то будетъ предоставлена самой себѣ [1]).»

Неожиданное извѣстіе привело тюильрійскій дворъ въ совершенное смущеніе, отразившееся на инструкціяхъ, которым маршалъ Сультъ счелъ нужнымъ снабдить графа Себастіани. Послѣднему было предписано попытаться еще разъ возбудить подозрѣнія Англіи противъ Россіи, воскресивъ ея традиціонное недовѣріе къ видамъ и намѣреніямъ русскаго двора. Маршалъ утверждалъ прежде всего, что если только Россія дѣйствительно отрекается отъ своего исключительнаго положенія въ Константинополѣ, и какое-либо тайное или косвенное условіе не парализуетъ ея уступокъ, то рѣшеніе императорскаго кабинета, каковы бы ни были его побужденія, будетъ съ радостью привѣтствовано французскимъ правительствомъ. Этимъ рѣшеніемъ достигается цѣль, къ коей давно стремилась Франція и въ которой едва не отчаялась. Съ самаго начала переговоровъ, Франція имѣла-де въ виду упраздненіе протектората Россіи надъ султаномъ и указывала на эту задачу своимъ союзникамъ. Тюильрійскій кабинетъ постоянно повторялъ имъ, что узелъ вопроса въ Константинополѣ, что тамъ слѣдуетъ обезпечить независимость Порты, а между тѣмъ, прочія державы придавали значеніе обстоятельствамъ, второстепеннымъ для Европы, именно спору султана со своимъ васалломъ. Нынѣ, повидимому, всѣ намѣрены вступить на истинный путь, и если предложенія Россіи таковы, какими изображаетъ ихъ лордъ Пальмерстонъ, то Франція готова примкнуть къ нимъ. «Я иду далѣе,» продолжалъ маршалъ. «Правительство короля, признавая съ обычною откровенностью, что конвенція, заключенная на подобныхъ основаніяхъ, значительно видоизмѣнила бы положеніе дѣлъ, нашло бы въ томъ достаточную причину для новаго изслѣдованія совокупности Восточнаго вопроса, даже въ тѣхъ

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвиллю. 24 ноября (6 декабря) 1839.

частяхъ его, о коихъ каждая изъ державъ уже составила себѣ, повидимому, столь безусловное мнѣніе, что не представлялось возможности продолжать переговоры.» Это означало, что, испуганная англо-русскимъ соглашеніемъ, Франція сама была готова на уступки. Но тотчасъ за этимъ заявленіемъ слѣдовали многочисленныя оговорки, и главная—недовѣріе къ искренности намѣреній русскаго двора. «Признаюсь,» читаемъ мы во французской депешѣ, «что я опасаюсь, какъ бы довѣренныя барону Бруннову предложенія не заключали какого-либо двусмысленнаго условія, существованіе коего сдѣлало бы наше согласіе невозможнымъ и, безъ сомнѣнія, вызвало бы также новый отказъ со стороны лондонскаго двора. Меня утверждаетъ въ этомъ безпокойствѣ невозможность отдать себѣ отчетъ въ побужденіяхъ, которыя могли бы внушить русскому двору эту уступку, конечно саму по себѣ справедливую и разумную, но относительно которой онъ выражалъ до сихъ поръ столь непреоборимое отвращеніе [1].»

Но лицемѣрнымъ опасеніямъ французскаго правительства не суждено было оправдаться. Императорскій кабинетъ принялъ англійскую точку зрѣнія на турецко-египетскую распрю безо всякой задней мысли и рѣшился удовлетворить всѣмъ требованіямъ Англіи. Въ концѣ декабря 1839 года, баронъ Брунновъ вторично прибылъ въ Лондонъ и вручилъ лорду Пальмерстону планъ совокупнаго дѣйствія великихъ державъ, тщательно соображенный со всѣми мнѣніями, видами и даже надеждами англійскаго министра. Дабы сохранить этому сообщенію совершенно довѣрительный характеръ и не связывать своего двора оффиціальною нотой, баронъ изложилъ русскій проектъ въ формѣ письма на имя посла нашего въ Вѣнѣ, по поводу встрѣчи въ Калэ съ австрійскимъ уполномоченнымъ Нейманомъ, который былъ отправленъ княземъ Меттернихомъ въ Лондонъ, въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго для принятія участія въ переговорахъ по восточнымъ дѣламъ.

Сущность предложеній императорскаго кабинета была слѣдующая:

Споръ между Портой и пашой египетскимъ долженъ быть окончательно разрѣшенъ посредствомъ территоріальнаго раздѣла между ними, подъ гарантіей великихъ державъ.

---

[1]) Маршалъ Сультъ графу Себастіани, 27 ноября (9 декабря) 1839.

Пашѣ имѣютъ быть предоставлены на наслѣдственномъ правѣ Египетъ и южная Сирія до Аккской крѣпости, съ тѣмъ, чтобы Мегметъ-Али тотчасъ же возвратилъ Портѣ всѣ прочія области, находящіяся въ его владѣніи.

Въ случаѣ противодѣйствія со стороны паши, слѣдуетъ избрать наиболѣе практическія изъ понудительныхъ мѣръ, уже обсужденныхъ въ переговорахъ между кабинетами. Предпочтеніе нужно отдать тѣмъ изъ нихъ, которыя окажутся наиболѣе энергичными, тотчасъ же привести ихъ въ исполненіе, старательно избѣгая такихъ, кои могли бы показаться нарушеніемъ правъ султана, признанныхъ и защищаемыхъ державами.

Такъ, должно отправить союзныя эскадры крейсеровать предъ Александреттою, потому что очевидная цѣль ихъ будетъ угрожать лѣвому флангу арміи Ибрагима, но избѣгать провозглашенія блокады сирійскихъ береговъ, ибо это было бы равносильно непріязненному дѣйствію относительно законнаго государя страны, временно занятой войсками мятежнаго подданнаго.

Снарядить и поддержать турецкую экспедицію въ Кандію, но не отзывать консуловъ изъ Александріи, потому что это означало бы, что державы какъ бы признаютъ пашу независимымъ государемъ; сверхъ того, мѣра эта лишила бы ихъ выгоды имѣть на мѣстѣ проводниковъ ихъ вліянія и источникъ свѣдѣній, а также повредила бы торговымъ ихъ интересамъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ часть вопроса, касающуюся турецко-египетскихъ дѣлъ, заняться совмѣстно въ Лондонѣ разрѣшеніемъ европейской его стороны.

Условиться сообща о способѣ вооруженнаго вмѣшательства Россіи, въ томъ случаѣ, если Порта воззоветъ къ ея помощи.

Если Ибрагимъ двинется на Константинополь, то Россія, по приглашенію Порты, введетъ свой флотъ въ Босфоръ, высадитъ на берегахъ его сухопутное войско, и ей будетъ поручена защита Константинополя отъ имени Европы.

Прочія державы могутъ тогда ввести въ Дарданеллы отъ двухъ до трехъ военныхъ судовъ каждая, которыя будутъ крейсеровать въ Мраморномъ морѣ отъ Бруссы до Галлиполи.

По достиженіи предположенной державами цѣли, то-есть по усмиреніи Мегметъ-Али-паши, Порта вступаетъ немедленно въ пользованіе древнимъ своимъ правомъ закрытія обоихъ проливовъ для военнаго флага всѣхъ иностранныхъ государствъ, и право это будетъ торжественно занесено въ конвенцію, за-

ключенную въ Лондонѣ великими державами, прежде чѣмъ онѣ предпримутъ какія бы то ни было дѣйствія на Востокѣ.

Въ виду согласія на эти условія Австріи, Англіи и даже Пруссіи, русскій дворъ надѣется, что и Франція не захочетъ отдѣлиться ото всѣхъ прочихъ великихъ державъ и примкнетъ къ ихъ соглашенію.

Государь императоръ, заключалъ баронъ Бруновъ письмо свое къ Татищеву, обращается ко всѣмъ дворамъ, движимый желаніемъ обезпечить такимъ образомъ интересы, общіе всей Европѣ [1]).

Пальмерстонъ былъ въ восторгѣ. Русская програма выражала его собственные взгляды, предупреждала даже самыя завѣтныя желанія. Ознакомивъ съ нею французскаго посла, онъ, однако, замѣтилъ, что, оставляя за Мегметъ-Али-пашой южную Сирію, Россія нарушаетъ установленный Англіей принципъ: *одинъ только Египетъ, окаймленный пустыней*. «Я уже переубѣдилъ барона Брунова,» прибавилъ Пальмерстонъ, «и не сомнѣваюсь въ согласіи представителей австрійскаго и прусскаго.» Но, какъ ни полно было торжество Пальмерстона, онъ не считалъ еще себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Свойственное большинству англійскихъ государственныхъ людей и какъ бы воплощенное въ этомъ министрѣ, національное высокомѣріе не допускало его до принятія выработаннаго чужимъ дворомъ проекта, безъ внесенія въ него какихъ-либо измѣненій. Такъ, русскій уполномоченный, поддержанный въ этомъ случаѣ австрійскимъ, предлагалъ облечь условія соглашенія въ форму конвенціи между пятью великими державами; но Пальмерстонъ непремѣнно требовалъ, чтобъ и Порта была привлечена къ участію въ ней, на правахъ договаривающейся стороны. Не довольствуясь проектомъ конвенціи, составленнымъ Бруновымъ и Нейманомъ, онъ взялъ на себя написать другой проектъ. Во введеніе къ нему онъ включилъ заявленіе, что великія державы всѣ раздѣляютъ убѣжденіе, что цѣлость и спокойствіе Оттоманской имперіи необходимы для равновѣсія и мира Европы. Самыя

[1]) Не имѣвъ возможности ознакомиться ни съ подлиннымъ письмомъ барона Брунова къ Татищеву, ни съ донесеніями его графу Нессельроде, я заимствовалъ содержаніе этого важнаго дипломатическаго документа изъ депеши Себастіани, которому означенное письмо было сперва прочтено Пальмерстономъ, а потомъ сообщено въ письменномъ извлеченіи; французскій посолъ дополнилъ послѣднее изъ собственныхъ воспоминаній. (Графъ Себастіани маршалу Сульту, 24 декабря 1839 (5 января 1840).

статьи Пальмерстоновской конвенціи мало разнились отъ русско-австрійскаго проекта, но точно опредѣляли вспомогательныя сухопутныя силы, предназначаемыя союзниками для защиты турецкой столицы. Султанъ долженъ былъ одновременно потребовать отъ Россіи шесть линейныхъ кораблей и два фрегата, съ дессантнымъ отрядомъ въ 15,000 человѣкъ, для высадки въ Босфорѣ, и отъ каждой изъ морскихъ державъ по три корабля и по одному фрегату, отворивъ имъ Дарданеллы. Къ англо-французской эскадрѣ имѣли присоединиться и нѣсколько австрійскихъ военныхъ судовъ. Свой проектъ конвенціи Пальмерстонъ сообщилъ французскому послу, снова выразивъ ему надежду на приступленіе къ ней тюильрійскаго кабинета. На упрекъ послѣдняго, что Англія готовится промѣнять испытанную дружбу Франціи на несбыточное соглашеніе съ Россіей, Пальмерстонъ отвѣчалъ: «Я никогда и не думалъ разрывать союза съ Франціей, а въ особенности, принести его въ жертву Россіи. Согласіе между нами и Россіей состоялось лишь по одному спеціальному вопросу, а именно Восточному; по всѣмъ прочимъ вопросамъ союзъ съ Франціей остается въ прежней силѣ. Къ тому же, говоря о соглашеніи между Россіей и нами, я выражаюсь неправильно. Слѣдовало бы сказать: между нами и всѣми державами [1]).

Въ началѣ 1840 года, въ переговорахъ, которые столь дѣятельно велись въ Лондонѣ между представителями великихъ державъ, наступило временное затишье. Оно вызвано было непремѣннымъ желаніемъ сентъ-джемскаго кабинета привлечь и Порту къ участію въ предположенной конвенціи, и необходимостью прислать съ этою цѣлью особаго турецкаго уполномоченнаго въ Лондонъ, такъ какъ у турокъ не было въ то время постояннаго представителя при дворѣ королевы Викторіи. Съ другой стороны, нужно было дождаться и отвѣта императорскаго кабинета на потребованныя великобританскимъ правительствомъ измѣненія и дополненія русскаго проекта. Въ надеждѣ, что Франція воспользуется этою отсрочкой для присоединенія къ соглашенію, уже установленному между прочими державами, Пальмерстонъ обѣщалъ «сдержать пылъ русскаго уполномоченнаго» и не предпринимать ничего, пока не прибу-

---

[1]) Графъ Себастіани маршалу Сульту, 24 и 29 декабря 1839 (5 и 10 января 1840) и 8 (20) января 1840.

детъ въ Лондонъ вновь назначенный, на мѣсто отозваннаго Себастіани, французскимъ посломъ въ Англіи, Гизо, которому не нашлось портфеля въ послѣдней французской министерской комбинаціи [1]). Перерывомъ этимъ воспользуемся и мы, чтобъ оглянуться на положеніе, въ коемъ находились между тѣмъ дѣла на Востокѣ.

Съ воцаренія султана Абдулъ-Меджида, тамъ не произошло никакихъ перемѣнъ во взаимныхъ отношеніяхъ Порты и ея мятежнаго васалла. Мегметъ-Али продолжалъ спокойно владѣть, кромѣ Египта, Сиріей, Аданой, Кандіей и священными городами Аравіи; сильное войско, подъ начальствомъ сына его Ибрагима, было расположено по обоимъ склонамъ Таврскаго хребта, но послушное приказанію, полученному изъ Александріи, не двигалось впередъ и не помышляло о наступленіи на Константинополь. Турецкій флотъ попрежнему оставался добровольнымъ плѣнникомъ въ Александрійской гавани. Паша настаивалъ на предоставленіи ему наслѣдственной власти во всѣхъ областяхъ, ввѣренныхъ его управленію султаномъ, поддерживалъ дѣятельныя сношенія со своими приверженцами въ Стамбулѣ и требовалъ удаленія верховнаго визиря Хозрева, какъ перваго шага къ примиренію. Въ турецкой столицѣ господствовала совершенная апатія въ Портѣ, и ожесточенный раздоръ въ средѣ европейскихъ дипломатовъ, еще такъ недавно торжественно возвѣстившихъ туркамъ о полномъ согласіи, будто бы установившемся между ихъ правительствами по восточнымъ дѣламъ. Слѣдуя примѣру и указаніямъ тюильрійскаго двора, французскіе послы, адмиралъ Руссенъ и смѣнившій его къ осени графъ Понтуа, противорѣчили всѣмъ прочимъ товарищамъ своимъ и убѣждали Порту вступить въ непосредственное соглашеніе съ пашой, не разсчитывая на крайне сомнительное вмѣшательство державъ. Въ то же время, они, вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ, требовали отъ Порты допущенія въ Дарданеллы сильныхъ великобританской и французской эскадръ, крейсеровавшихъ у входа въ проливъ. Въ свою очередь, русскій посланникъ, Бутеневъ, предупреждалъ, что если только Порта осмѣлится исполнить это требованіе и если хоть одно иностранное военное судно войдетъ въ Дарданеллы, то онъ прерветъ дипломатическія сношенія съ нею и со всею миссіей отплыветъ изъ Константинополя.

---

[1]) Баронъ Буркенэ маршалу Сульту, 2 (14) февраля 1840.

Молодой султанъ, робкій и неопытный, колебался между совѣтами старика Хозрева, доказывавшаго ему необходимость предоставить великимъ державамъ обуздать Мегметъ-Али-пашу, и внушеніями матери, султанши Валиде, и зятьевъ своихъ, находившихъ, что несравненно лучше не допускать вмѣшательства невѣрныхъ во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи и примириться съ пашой, не прибѣгая къ ихъ посредничеству. Чтобы поддержать вліяніе великаго визиря на Абдулъ-Меджида, интернунцій внушилъ ему мысль напомнить представителямъ пяти державъ обѣщаніе ихъ вступиться за султана. Въ этомъ смыслѣ была составлена нота, въ которой Порта обращалась къ великимъ державамъ съ просьбой «обсудить сообща мѣры, направленныя къ возвращенію Мегметъ-Али-паши на путь долга, побудивъ его возвратить императорскій флотъ, отказаться отъ наслѣдственной власти надъ Сиріей и взять назадъ непристойное требованіе о смѣнѣ великаго визиря» [1]). Запросъ этотъ поставилъ въ затруднительное положеніе всѣ дворы, кромѣ англійскаго. Не говоря уже о французахъ, князь Меттернихъ и даже императорскій кабинетъ не одобрили его. Въ Петербургѣ не были еще увѣрены въ успѣшномъ исходѣ переговоровъ, веденныхъ барономъ Бруниовымъ въ Лондонѣ. Бутеневу было предписано объявить турецкимъ министрамъ, что отъ султана зависитъ опредѣлить жертвы, которыя онъ согласенъ *принести въ интересѣ мира*, что русскій дворъ будетъ содѣйствовать *примиренію на заявленныхъ Портой основаніяхъ*, что навязывать ей *условія* значило бы впасть въ ошибку, столь долго парализовавшую примирительныя усилія лондонской конференціи по бельгійскимъ дѣламъ. Наставленія эти исходили изъ того предположенія, что державамъ невозможно обязаться предъ Турціей заставить Мегметъ-Али-пашу подчиниться рѣшенію ихъ, прежде чѣмъ состоится это рѣшеніе и выяснится искренность желанія договаривающихся сторонъ привести его въ исполненіе. Дѣйствительно, въ концѣ августа согласіе между державами существовало пока только на бумагѣ [2]).

Дѣла приняли нѣсколько иной оборотъ съ прибытіемъ въ Константинополь Решидъ-паши, посланнаго въ качествѣ чрез-

---

[1]) Порта представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ, 10 (22) августа 1839.

[2]) Prokesch-Osten, *Mehmed-Ali*, p. 122.

вычайнаго посла въ Парижъ и въ Лондонъ еще Махмудомъ, съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ морскихъ державъ въ предпріятіи, замышленномъ султаномъ противъ египетскаго паши. Решидъ потерпѣлъ неудачу въ Парижѣ, зато вполнѣ очаровалъ и лорда Пальмерстона, и князя Меттерниха, съ которымъ видѣлся проѣздомъ чрезъ Вѣну. По возвращеніи въ Константинополь, онъ снова вступилъ въ завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Молодой,—Решиду не было еще и сорока лѣтъ,—образованный, умный, ловкій и дѣятельный министръ скоро овладѣлъ довѣріемъ юнаго султана и пріобрѣлъ расположеніе представителей всѣхъ державъ Запада. Мы уже упоминали о его замыслахъ переродить Турцію, преобразовавъ ее на европейскій ладъ. Первою мѣрой въ этомъ направленіи было торжественное провозглашеніе гюльханійскаго гатти-шерифа, этого первообраза всѣхъ послѣдующихъ турецкихъ конституцій. Актъ этотъ окончательно завоевалъ его творцу сочувствіе западныхъ дворовъ. Решидъ далъ посламъ англійскому и французскому положительное обѣщаніе, что ни въ какомъ случаѣ не призоветъ русскихъ на помощь противъ Ибрагима, и по истеченіи въ 1841 году срока ункіаръ-искелесскому договору, не возобновитъ союза съ Россіей; зато онъ успѣлъ убѣдить обоихъ дипломатовъ удалить отъ Дарданеллъ крейсеровавшія у входа въ проливъ англійскую и французскую эскадры, которыя и отправились на зимнюю стоянку въ заливъ Вурла, на мало-азіятскомъ берегу. Дѣйствуя въ полномъ согласіи съ лордомъ Понсонби, онъ снова обратился къ представителямъ великихъ державъ съ нотой, въ которой потребовалъ отъ нихъ отвѣта на недавній запросъ Порты. «Султанъ Абдулъ-Меджидъ», писалъ онъ, «при самомъ вступленіи на престолъ, соизволилъ даровать великодушное прощеніе Мегметъ-Али-пашѣ и признать за нимъ наслѣдственную власть надъ Египтомъ. Мегметъ-Али отвѣчалъ на это черною неблагодарностью; онъ отказывается возвратить флотъ и старается возбудить возстаніе въ имперіи. Тѣмъ не менѣе, султанъ все еще согласенъ предоставить ему право наслѣдованія въ Египтѣ и установить на семъ основаніи свои къ нему отношенія [1].» Отвѣтомъ на это сообщеніе было

---

[1]) Порта представителямъ великихъ державъ въ Константинополѣ. 16 (28) сентября 1839.

офиціальное приглашеніе Портѣ отъ лорда Пальмерстона отправить въ Лондонъ особаго уполномоченнаго, для принятія участія въ совѣщаніяхъ великихъ державъ по Восточному вопросу. Такое почетное предложеніе успокоило Решида, начинавшаго уже, со свойственною туркамъ подозрительностью, опасаться, какъ бы сближеніе между кабинетами императорскимъ и сентъ-джемскимъ не привело къ раздѣлу Турціи. Чрезвычайнымъ посломъ въ Лондонъ былъ назначенъ постоянный посланникъ Порты при тюильрійскомъ дворѣ, Нури-эфенди, получившій приказаніе тотчасъ же отправиться въ столицу Великобританіи.

Нури нашелъ уже въ Лондонѣ новаго французскаго посла, Гизо. Назначеніе послѣдняго вызвано было неудовольствіемъ тюильрійскаго двора на Себастіани, которому ставили въ вину пристрастіе къ туркамъ, къ Лорду Пальмерстону и къ восточной его политикѣ. Гизо пользовался славой извѣстнаго ученаго и писателя, краснорѣчиваго оратора и даровитаго государственнаго человѣка. Въ Парижѣ надѣялись, что ему удастся разстроить зародившееся примиреніе между Россіей и Англіей, и убѣдить великобританскій кабинетъ въ преимуществахъ французскаго союза. Увѣренность эта была такъ велика, что посла не уполномочили ни на единую уступку. Въ данныхъ ему наставленіяхъ, маршалъ Сультъ указывалъ на двѣ цѣли, преслѣдуемыя Франціей: воспользоваться настоящимъ кризисомъ, чтобъ установить на Востокѣ такой порядокъ, въ силу коего Порта была бы поставлена подъ совокупное покровительство Европы, съ упраздненіемъ покровительства исключительнаго, предоставленнаго Россіи ункіаръ-искелесскимъ дворомъ, и примирить султана съ пашей, па выгодныхъ для обоихъ основаніяхъ.

За невозможностью вполнѣ осуществить первую цѣль, слѣдовало удовольствоваться уже вполнѣ достигнутымъ результатомъ, честь коего парижскій кабинетъ приписывалъ себѣ, а именно тѣмъ, что Россія вынуждена была признать необходимость для себя «избѣгать на Востокѣ всякаго, слишкомъ громкаго проявленія честолюбивыхъ своихъ замысловъ, всякаго притязанія на преимущественное вліяніе и преобладаніе». Относительно второй цѣли, маршалъ считалъ единственно возможнымъ условіемъ мира предоставленіе пашѣ наслѣдственной власти въ Египтѣ и Сиріи, съ возвращеніемъ Портѣ прочихъ управляемыхъ имъ областей. Онъ жаловался на проявляемое

Россіей желаніе разъединить Англію съ Франціей, уступки наши англичанамъ называлъ призрачными и даже смѣшными. обвинялъ Австрію и Пруссію въ слабости и податливости, благодаря коимъ обѣ эти державы, согласясь сначала съ Франціей и ея видами по Восточному вопросу, перешли-де на сторону замышляемой противъ нея Россіей коалиціи. «Къ счастію,» продолжала французская депеша, «комбинація эта не удалась; она и не могла удасться, ибо случайнаго совпаденія застарѣлой вражды съ мимолетнымъ неудовольствіемъ еще недостаточно для согласованія дѣйствительныхъ несовмѣстимостей и для обращенія въ тождественные интересовъ, не только различныхъ, но и противоположныхъ. Мы въ этомъ были заранѣе увѣрены, и вотъ почему даже тогда, когда заявленія лондонскаго кабинета, повидимому, возвѣщали близкое заключеніе уговора, коимъ намъ грозили, правительство короля ограничилось тѣмъ, что волненію прочихъ дворовъ противопоставило спокойствіе и силу инерціи. Нынѣ все пріостановлено, и послѣ нѣсколькихъ робкихъ попытокъ скрыть отъ насъ настоящее положеніе дѣлъ лордъ Пальмерстонъ, по собственному побужденію, увѣрилъ насъ наконецъ, что ничего не совершится ранѣе вашего пріѣзда.» Гизо предписывалось не дѣлать ни малѣйшей уступки, не подписывать никакого акта безъ предварительнаго разрѣшенія, и тщательно уклоняться отъ вступленія на путь конференцій и протоколовъ [1]). Посолъ едва успѣлъ прибыть къ мѣсту своего назначенія, какъ въ Парижѣ произошелъ министерскій кризисъ, и Тьеръ замѣнилъ Сульта во главѣ кабинета и въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ. Но и новый министръ вполнѣ подтвердилъ инструкціи своего предмѣстника. Въ особенности же, вмѣнилъ онъ въ обязанность Гизо вести переговоры исключительно съ англійскими министрами и избѣгать совмѣстнаго обсужденія восточныхъ дѣлъ съ представителями прочихъ дворовъ, чтобы такимъ образомъ, мало-по-малу, освободить французское правительство отъ обязательствъ, наложенныхъ на него совокупною деклараціей дипломатическихъ представителей въ Константинополѣ [2]).

Съ прибытіемъ Гизо въ Лондонъ, между нимъ и барономъ Брунновымъ началась глухая, но упорная борьба; каждый изъ

---

[1]) Маршалъ Сультъ—Гизо. 7 (19) февраля 1840.

[2]) Тьеръ—Гизо, 2 (14) апрѣля 1840.

этихъ двухъ дипломатовъ старался заполонить лорда Пальмерстона, который, впрочемъ, въ виду податливости нашего двора и неуступчивости парижскаго, начиналъ видимо склоняться на нашу сторону. Въ этомъ Гизо могъ убѣдиться изъ перваго же разговора своего съ англійскимъ министромъ. Оба собесѣдника упорно стояли на своихъ противоположныхъ точкахъ зрѣнія, по вопросу объ условіяхъ примиренія между султаномъ и пашой. Французскій посолъ попытался доказать опасность принятія понудительныхъ мѣръ противъ Мегметъ-Али, ссылаясь на то, что всякое обращеніе къ силѣ на Востокѣ можетъ только послужить на пользу Россіи, потому, во-первыхъ, что она, по близости своей, располагаетъ тамъ наиболѣе значительными средствами дѣйствія, а во-вторыхъ, потому, что каждое сотрясеніе вызываетъ бездну случайностей, коихъ нельзя предвидѣть, по которыми, ранѣе другихъ, можетъ воспользоваться Россія. Пальмерстонъ отвѣчалъ, что Гизо ошибается относительно намѣреній русскаго двора. Россія дѣйствительно-де желаетъ войти съ прочими державами въ соглашеніе по дѣламъ Востока. Конечно, ею руководитъ при этомъ отчасти и желаніе разстроить англо-французскій союзъ, но, съ другой стороны, она тяготится тѣмъ положеніемъ, которое создано ункіаръ-искелесскимъ договоромъ. Если Константинополю будетъ угрожать опасность и Порта воззоветъ къ помощи императора Николая, то государь этотъ не откажетъ въ ней, считая это для себя вопросомъ чести; но сдѣлаетъ онъ это-де неохотно, предвидя, что и Англія, и Франція воздвигнутъ ему преграды на Босфорѣ, а онъ не желаетъ начинать съ ними войны. «Въ нашемъ интересѣ,» убѣждалъ Пальмерстонъ, «въ вашемъ, въ интересѣ всей Европы, облегчить императору его рѣшенія. Воспользуемся такимъ расположеніемъ Россіи, пока оно существуетъ; воспользуемся имъ для того, чтобы ввести оттоманскій вопросъ въ европейское народное право. Для всѣхъ насъ будетъ великою выгодой уничтожить безъ борьбы этотъ исключительный протекторатъ, столь справедливо возбуждающій наше недовѣріе, и связать договоромъ державу, выражавшую на него притязаніе.» Гизо возразилъ, что рискованно ввѣрять русскимъ защиту Константинополя, на что Пальмерстонъ замѣтилъ, что если русскіе пройдутъ къ Босфору во исполненіе международнаго трактата и по уполномочію Европы, то опасности на будетъ никакой, и они тотчасъ

же уйдутъ, по достиженіи общей цѣли. «А кто вамъ сказалъ,» воскликнулъ Гизо, «что имъ возможно будетъ удалиться такъ скоро? Кто вамъ сказалъ, что война, разъ она возгорится въ Сиріи, не продлится долѣе, чѣмъ вы предполагаете? У паши тамъ значительная армія; онъ можетъ даже, въ случаѣ прерванія сообщеній его моремъ, поддержать и продовольствовать ее средствами края и сухимъ путемъ. Говорятъ уже, что онъ организуетъ перевозочныя средства чрезъ пустыню и Палестину; утверждаютъ, что съ этою цѣлью собрано имъ до пяти тысячъ верблюдовъ. Вы не высадите въ Сиріи англійскихъ войскъ, Австрія не пошлетъ туда своихъ; противъ всѣхъ трудностей этой войны, гдѣ бы она ни вспыхнула, въ Сиріи ли, въ Малой ли Азіи или въ Константинополѣ, всюду придется поручить русскимъ бороться съ ними [1]).»

Доводы эти не дѣйствовали на національнаго «министра Англіи». Онъ былъ твердо убѣжденъ въ невозможности для Мегметъ-Али-паши противостоять единогласному рѣшенію державъ. Не вѣрилъ онъ и въ готовность Франціи вступить въ борьбу съ остальною Европой изъ-за паши египетскаго, то-есть изъ-за причины, мало или вовсе не затрогивавшей ея народные интересы. Ограничатся ли французы войной на морѣ? Но имъ не справиться и съ однимъ англійскимъ флотомъ, не говоря уже о поддержкѣ его русскою эскадрой; что станется тогда съ ихъ колоніями, съ Алжиромъ? Захотятъ ли они начать войну на сухомъ пути? Но переходомъ черезъ Рейнъ нельзя помочь Мегмедъ-Али-пашѣ. Къ тому же, они будутъ отброшены за эту рѣку обратно гораздо скорѣе, чѣмъ потребовалось бы времени для перехода черезъ нее. Къ этимъ разсужденіямъ примѣшивалось у англійскаго министра чувство крайняго раздраженія противъ короля Лудовика-Филиппа и его совѣтниковъ. Припоминая ихъ политику за послѣдніе годы, онъ находилъ, что всюду она была враждебна англійскимъ интересамъ, всюду поступки ихъ противорѣчили ихъ увѣреніямъ: въ Испаніи, въ Португаліи, въ Греціи, въ Тунисѣ, въ Турціи, въ Египтѣ и даже въ Персіи. Нельзя было, по мнѣнію Пальмерстона, положиться на нихъ и въ частности, на Лудовика-Филиппа. Про послѣдняго Пальмерстонъ язвительно замѣчалъ: «Еслибъ онъ былъ прямымъ, честнымъ и велико-

[1]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, V, стр. 33—45.

душнымъ человѣкомъ, то не сидѣлъ бы на французскомъ престолѣ» [1]).

При такомъ настроеніи великобританскаго министра иностранныхъ дѣлъ, поддержанныя уступками русскаго двора, убѣжденія барона Бруннова являлись какъ бы «взломомъ запертой двери». Тѣмъ не менѣе, мы согласились на всѣ предложенныя Пальмерстономъ поправки къ нашему проекту, и въ числѣ ихъ, на привлеченіе Порты къ участію въ подписаніи предположенной конвенціи; вообще предоставили англійскому кабинету «широкую свободу дѣйствій». Инструкціи эти нашему уполномоченному привезъ въ Лондонъ сынъ вице-канцлера, молодой графъ Д. К. Нессельроде, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о назначеніи его постояннымъ нашимъ представителемъ при сентъ-джемскомъ дворѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Между тѣмъ, прибылъ въ Лондонъ и Нури-эфенди, и тотчасъ же обратился къ англійскому правительству и къ представителямъ великихъ державъ съ нотой, въ которой, ссылаясь на обѣщаніе, заключавшееся въ совокупной нотѣ 15-го (27-го) іюля минувшаго 1839 года, извѣщалъ ихъ, что Порта снабдила его надлежащими полномочіями для заключенія съ ними конвенціи, «съ цѣлью помочь султану привести въ исполненіе сдѣлку, на основаніи коей, его величество выразилъ намѣреніе даровать Мегметъ-Али-пашѣ и дѣтямъ его въ наслѣдственное управленіе Египетъ, подъ условіемъ, чтобы паша возвратилъ оттоманскій флотъ и всѣ прочія области, невходящія въ составъ египетскаго пашалыка» [2]). Въ отвѣтѣ своемъ, какъ Пальмерстонъ, такъ и, по предварительному уговору съ нимъ, представители Россіи, Австріи и Пруссіи, выразили готовность сообща «условиться» съ турецкимъ посломъ «о наилучшихъ средствахъ осуществить дружественныя намѣренія, выраженныя уполномоченными пяти державъ отъ имени своихъ дворовъ по отношенію къ Портѣ, вышеупомянутою совокупною нотой 27-го іюля (нов. ст.) 1839 года» [3]). Отвѣтъ Гизо рѣзко отли-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвиллю, 28 февраля (11 марта), 4 (16) и 11 (23) апрѣля 1840.

[2]) Нури-эфенди лорду Пальмерстону и представителямъ великихъ державъ въ Лондонѣ, 27 марта (8 апрѣля) 1840.

[3]) Лордъ Пальмерстонъ и посланники русскій, австрійскій и прусскій— Нури-эфенди, 1 (13) апрѣля 1840.

чался отъ сообщенія его товарищей. Въ немъ совокупная нота была пройдена молчаніемъ, и посолъ соглашался лишь принять участіе въ изысканіи средствъ для установки соглашенія, «которое положило бы конецъ на Востокѣ положенію дѣлъ, столь же противному общему желанію пяти державъ, сколько и интересамъ Оттоманской Порты» [1]).

Съ прибытіемъ турецкаго уполномоченнаго устранялось, повидимому, послѣднее препятствіе къ заключенію конвенціи, подписать которую Пальмерстонъ обѣщалъ при участіи Франціи или даже безъ нея. Бруновъ уговаривалъ англійскаго министра приступить немедленно къ дѣлу. По словамъ барона, императоръ Николай равнодушно относился къ вопросу о распредѣленіи земель между султаномъ и пашой и готовъ былъ согласиться на всякое размежеваніе, признанное справедливымъ прочими державами, но государь находилъ, что, принявъ извѣстное рѣшеніе, Европа обязана привести его въ исполненіе, во что бы то ни стало, и не дозволять Мегметъ-Али-пашѣ насмѣхаться на нею. Но въ этомъ-то и заключалась задержка. Австрія и Пруссія, подобно намъ, признавали англійскій принципъ ограниченія владѣній паши однимъ Египтомъ, съ предоставленіемъ ему наслѣдственной власти въ этой области. Но ихъ пугали понудительныя мѣры, необходимыя въ томъ случаѣ, если бы паша отказался подчиниться рѣшеніямъ державъ. Пугало ихъ и отстраненіе Франціи отъ европейскаго соглашенія по восточнымъ дѣламъ. Оба двора, и берлинскій, и вѣнскій, изощрялись въ придумываніи комбинацій, которыя могли бы примирить противоположные взгляды кабинетовъ сентъ-джемскаго и тюильрійскаго. Пруссія допускала даже оставленіе за Мегмедъ-Али-пашой всей Сиріи, но только въ пожизненное владѣніе. Австрія предложила раздѣлить Сирію между султаномъ и пашой, предоставивъ послѣднему пожизненно южную часть этой области, аккскій пашалыкъ съ крѣпостью Аккою, и всю Палестину. Меттернихъ убѣдилъ Пальмерстона дать свое согласіе на такую сдѣлку, подъ условіемъ, что Франція присоединится къ прочимъ державамъ, чтобы принудить Мегметъ-Али-пашу (если нужно и силой) удовольствоваться назначенною ему долей. Но и эта уступка была отвергнута французскимъ правительствомъ, предпочитавшимъ тянуть пере-

[1]) Гизо—Нури-эфенди, 16 (28) апрѣля 1840.

говоры, чтобы дать пашѣ время примириться съ Портой, минуя посредничество державъ [1]),

Этому плану благопріятствовали отозваніе изъ Лондона Нури, вялостью коего были недовольны въ Константинополѣ, и замѣна его Шекибомъ-эфенди, довѣреннымъ лицомъ Решидъ-паши. Новый турецкій уполномоченный не могъ прибыть въ Англію ранѣе второй половины мая, и въ этотъ промежутокъ времени, переговоры должны были, по необходимости, пріостановиться вторично. Тотчасъ по пріѣздѣ, Шекибъ, въ нотѣ на имя англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ и представителей великихъ державъ, выразилъ сожалѣніе, что заботливость ихъ объ умиротвореніи Востока осталась до сего времени безплодною. Порта, утверждалъ онъ, предписала ему направить всѣ старанія къ ускоренію этого дѣла. Онъ надѣется, что существующее между державами согласіе и участіе ихъ къ положенію султана преодолѣютъ всѣ препятствія, тѣмъ болѣе, что положеніе это становится часъ отъ часу затруднительнѣе. Неизвѣстность относительно результата лондонскихъ переговоровъ возбуждаетъ-де въ Турціи всеобщее безпокойство и вызываетъ необходимость скораго разрѣшенія вопроса, уже болѣе десяти мѣсяцевъ обсуждаемаго державами. Заключеніе ноты Шекиба было вполнѣ сходно съ нотой его предмѣстника Нури и требовало подписанія конвенціи, на извѣстныхъ уже основаніяхъ [2]).

Развязка приближалась. Посланники австрійскій и прусскій снова попытались убѣдить Гизо, чтобъ онъ склонилъ свое правительство къ выраженію согласія хотя бы на оставленіе за Мегметъ-Али-пашой наслѣдственнаго владѣнія Египтомъ и пожизненнаго всею Сиріей, ручаясь, что уговорятъ лорда Пальмерстона и на эту уступку. Даже баронъ Брунновъ, до того времени бывшій съ французскимъ посломъ въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ, сдѣлалъ шагъ ему навстрѣчу. Сойдясь съ нимъ въ пріемной Foreign Office, «я узналъ вашъ экипажъ у подъѣзда и поднялся сюда,» сказалъ онъ ему, «очень радъ встрѣтиться и побесѣдовать съ вами». Русскій посланникъ обратилъ вниманіе Гизо на бѣдственное положеніе Оттоманской имперіи, на ея внутреннее разстройство, вслѣдствіе преобразованій, предпринимаемыхъ съ цѣлью ея обновленія, на опас-

[1]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, V, стр. 79—88.
[2]) Шекибъ-эфенди лорду Пальмерстону и представителямъ великихъ державъ въ Лондонѣ, 19 (31) мая 1840.

ность продолжительной неизвѣстности, на необходимость какъ можно скорѣе примирить султана съ пашой, посредствомъ соглашенія, которое прекратило бы ежечасно возрастающее зло и предотвратило бы всеобщее смятеніе. «Мнѣ посылаютъ изъ Петербурга,» говорилъ русскій дипломатъ, «самыя положительныя и настойчивыя инструкціи по этому предмету. Никогда умѣренность, я долженъ былъ бы сказать: великодушіе императора не являлось въ большемъ блескѣ. Ему извѣстны успѣхи зла, очевидна гибель, угрожающая Турціи, а онъ не только далекъ отъ мысли воспользоваться этимъ, но желаетъ исключительно возстановленія мира, такого мира, который упрочилъ бы эту имперію. Онъ повелѣваетъ мнѣ настаивать именно въ этомъ смыслѣ предъ великобританскимъ кабинетомъ. Пусть же Франція и Англія согласятся между собой. Все зависитъ отъ ихъ соглашенія. У насъ нѣтъ ничего исключительнаго, ничего рѣшеннаго, что могло бы воспрепятствовать такому соглашенію. Съ вашей стороны, поддайтесь такому уговору, который могъ бы быть принятъ лордомъ Пальмерстономъ. Сдѣлайте нѣсколько уступокъ. Клянусь вамъ, что если бы лордъ Пальмерстонъ присутствовалъ здѣсь, я заговорилъ бы съ нимъ тѣмъ же языкомъ. Государь только того и желаетъ, чтобъ этотъ опасный вопросъ былъ разрѣшенъ съ общаго согласія пяти державъ и чтобы миръ снова водворился на Востокѣ [1].»

Гизо самому казалось, что наслѣдственный Египетъ и пожизненная Сирія представляли бы исходъ, согласиться на который предписывало Франціи благоразуміе. Но Тьеръ оставался глухъ къ увѣщаніямъ своего парламентскаго соперника и продолжалъ уклоняться отъ участія въ какомъ бы то ни было совокупномъ рѣшеніи державъ по турецко-египетскому вопросу. Дѣло въ томъ, что въ это самое время, онъ получилъ изъ Константинополя и Александріи извѣстія, возбуждавшія въ немъ надежду на скорое улаженіе спора, путемъ непосредственнаго соглашенія Мегметъ-Али-паши съ Портой.

Въ началѣ іюня, главный и непримиримый врагъ паши египетскаго, великій визирь Хозревъ, былъ, по проискамъ Решида, лишенъ этого званія и удаленъ въ ссылку. Едва узнавъ о томъ, Мегметъ-Али, по совѣту французскаго консула, поспѣшилъ от-

---

[1]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, V, стр. 196—198.

править въ Константинополь секретаря своего, Сами-бея, съ выраженіемъ покорности султану и готовности возвратить ему турецкій флотъ. И въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, сочли это за первый шагъ къ полному примиренію падишаха съ васалломъ, при которомъ не было болѣе мѣста посредничеству державъ. Но если Тьеръ радовался тому, что называлъ наилучшимъ разрѣшеніемъ спорнаго вопроса, то лордъ Пальмерстонъ усмотрѣлъ въ немъ интригу Франціи, мистификацію, направленную рукой французской дипломатіи противъ прочихъ дворовъ и въ особенности, противъ Англіи. Съ цѣлью предупредить ее, онъ предложилъ великобританскому кабинету немедленно уполномочить его на заключеніе съ Россіей, Австріей, Пруссіей и Турціей, давно уже составленной и обсужденной конвенціи по турецко-египетскому дѣлу.

Препятствіе встрѣтилось тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать его: въ средѣ самаго англійскаго министерства. Большинство его членовъ, столпы партіи виговъ: лорды Голландъ, Лансдаунъ, Кларендонъ, Джонъ Россель, и даже первый министръ, лордъ Мельборнъ, были искренно расположены въ пользу поддержанія союзной связи съ Франціей и отказались допустить заключеніе международнаго акта, изъ коего держава эта была бы исключена и который въ существѣ своемъ былъ бы гораздо болѣе направленъ противъ нея, чѣмъ даже противъ покровительствуемаго ею паши египетскаго. Къ тому же, подъ вліяніемъ закоренѣлыхъ національныхъ предубѣжденій, рѣчей и наущеній Гизо, названные министры сомнѣвались въ искренности намѣреній русскаго двора и не сочувствовали комбинаціи, основанной на предварительномъ уговорѣ съ нами. Въ совѣтѣ министровъ, состоявшемся 22-го іюня (4-го іюля), предложеніе лорда Пальмерстона было отвергнуто.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, не привыкшій къ вмѣшательству товарищей въ дѣла своего вѣдомства, выразилъ намѣреніе выйти изъ состава кабинета. Въ письмѣ къ первому министру онъ слѣдующимъ образомъ излагалъ причины, побудившія его принять это рѣшеніе.

«Коллективная нота въ іюлѣ прошлаго года,» писалъ Пальмерстонъ лорду Мельборну, «рѣшеніе кабинета, состоявшееся въ Виндзорѣ въ октябрѣ; направленіе и содержаніе моихъ письменныхъ сношеній съ иностранными правительствами за послѣдніе мѣсяцы, доложенныя мною кабинету; наши словесныя

сообщенія посланникамъ и министрамъ этихъ правительствъ въ Англіи, и въ частности, Бруннову; два проекта конвенціи, которые, если не ошибаюсь, я, нѣсколько дней тому назадъ, прочелъ кабинету, одинъ составленный мною, другой Брунновымъ и Нейманомъ,—все это было основано на одномъ и томъ же взглядѣ на вопросъ, а именно, на необходимости поддержать независимость и цѣлость Турціи, и, ведя переговоры, я полагалъ, что веду ихъ съ вѣдома и утвержденія кабинета, въ виду достиженія этой цѣли. Съ другой стороны, нѣкоторые члены кабинета, въ бесѣдахъ своихъ именно съ тѣми иностранными министрами, съ коими я велъ вышеозначенные переговоры, держали рѣчи и выражали мнѣнія, основанныя на иномъ взглядѣ на предметъ; и я слышалъ съ разныхъ сторонъ что лица, не принадлежащія къ правительству, но завѣдомо, состоящія въ близкихъ отношеніяхъ къ членамъ правительства, и дома, и за границей, тщательно внушали увѣренность въ томъ, что мои взгляды не раздѣляются большинствомъ моихъ товарищей и что, слѣдовательно, въ этомъ вопросѣ меня не должно считать выразителемъ чувствъ великобританскаго правительства.

«Частная и ближайшая цѣль, достигнуть коей я старался въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сообща съ представителями Австріи, Россіи и Пруссіи, заключалась въ томъ, чтобъ убѣдить французское правительство въ необходимости согласиться на такой планъ договора между султаномъ и Мегметъ-Али-пашой, который могъ бы быть принятъ прочими четырьмя державами, какъ совмѣстимый съ цѣлостью Турецкой имперіи и съ политическою независимостью Порты. Въ этомъ я окончательно потерпѣлъ неудачу. Быть можетъ, самая цѣль была недостижима при настоящемъ положеніи дѣлъ, но указанныя мною обстоятельства, конечно, не содѣйствовали уменьшенію моихъ затрудненій.

«Вопросъ, подлежащій нынѣ разрѣшенію великобританскаго правительства, состоитъ въ слѣдующемъ: должны или нѣтъ четыре державы, не успѣвъ добиться соглашенія съ Франціей, дѣйствовать съ цѣлью осуществленія своихъ намѣреній безъ содѣйствія Франціи, но съ увѣренностью, почерпнутою въ положительныхъ и неоднократныхъ заявленіяхъ французскаго правительства и въ истекающихъ изъ нихъ политическихъ со-

браженіяхъ, что Франція не будетъ помогать имъ при осуществленіе ихъ мѣръ?

«Мое мнѣніе по этому вопросу опредѣленно и неизмѣнно. Я полагаю, что предположенная цѣль въ высшей степени важна для интересовъ Англіи, для сохраненія равновѣсія силъ и для поддержанія мира Европы. Я нахожу три державы вполнѣ готовыми содѣйствовать осуществленію моихъ видовъ на предметъ, если виды эти окажутся также видами великобританскаго правительства. Я отнюдь не сомнѣваюсь въ томъ, что четыре державы, дѣйствуя сообща въ смыслѣ поддержки султана, имѣютъ полную возможность привести эти виды въ исполненіе; и думаю, что торговыя и политическія выгоды Великобританіи, честь и достоинство страны, добросовѣстность по отношенію къ султану и правильный взглядъ на европейскую политику, одинаково требуютъ, чтобы мы поступили такимъ образомъ.

«Съ другой стороны, я нахожу, что, отступивъ назадъ и уклонясь отъ совмѣстнаго дѣйствія съ Австріей, Россіей и Пруссіей въ этомъ вопросѣ, потому только, что Франція пребываетъ въ одиночествѣ и не хочетъ присоединиться къ намъ, мы поставили бы нашу страну въ унизительное положеніе, при которомъ она очутилась бы на помочахъ Франціи, и фактически признали бы, что даже при поддержкѣ со стороны трехъ прочихъ державъ материка, мы не смѣемъ держаться политической системы, противной волѣ Франціи, и считаемъ ея положительное содѣйствіе необходимымъ условіемъ нашихъ собственныхъ дѣйствій. Такой политическій принципъ представляется мнѣ несовмѣстнымъ съ могуществомъ и положеніемъ Англіи, и признаніе его часто приводило бы Англію, какъ, напримѣръ, въ настоящемъ случаѣ, къ подчиненію себя видамъ Франціи въ осуществленіи предпріятій, вредныхъ британскимъ интересамъ.

«Прямымъ послѣдствіемъ нашего отказа идти впередъ съ тремя державами, по той причинѣ, что Франція не присоединяется къ намъ, будетъ то, что Россія возьметъ обратно предложенія свои о присоединеніи къ прочимъ державамъ для устройства дѣлъ Турціи, и снова займетъ свое отдѣльное и одинокое положеніе по отношенію къ этимъ дѣламъ, и вы получите ункіаръ-искелесскій договоръ, возобновленный подъ какою либо еще болѣе неблагопріятною формой. Такимъ обра-

зомъ, мы потеряемъ въ этомъ дѣлѣ тѣ выгоды, для пріобрѣтенія коихъ понадобилось столько продолжительныхъ и сложныхъ усилій съ нашей стороны, и Англія добровольнымъ и сознательнымъ дѣйствіемъ возстановитъ то отдѣльное покровительство Россіи надъ Турціей, которое такъ долго возбуждало основательныя зависть и опасеніе прочихъ европейскихъ державъ.

«Конечнымъ послѣдствіемъ такого рѣшенія явится практическое раздѣленіе Турецкой имперіи на два отдѣльныя и самостоятельныя государства, изъ коихъ одно будетъ въ зависимости отъ Франціи, а другое станетъ сателлитомъ Россіи, причемъ въ обоихъ наше политическое вліяніе будетъ уничтожено, а наши торговые интересы—принесены въ жертву; и это распаденіе неминуемо подастъ поводъ къ пререканіямъ и столкновеніямъ, которыя вовлекутъ европейскія державы въ самыя серіозныя ссоры.

«Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я посвящалъ этимъ вопросамъ самое тщательное и постоянное вниманіе. Я не помню, чтобъ у меня когда либо составилось болѣе твердое убѣжденіе по предмету одинаковой важности, и я вполнѣ увѣренъ, что если мнѣніе мое ошибочно по этому вопросу, то оно малоцѣнно и по всякому другому.

«Дважды мнѣніе мое по этимъ дѣламъ было насиловано кабинетомъ, и дважды рекомендованная мною политика отринута. Во-первыхъ, въ 1833 году, когда султанъ присылалъ просить насъ о помощи, прежде чѣмъ Мегметъ-Али имѣлъ какой либо матеріальный успѣхъ въ Сиріи, и когда Россія выразила желаніе свое, чтобы мы оказали содѣйствіе султану, говоря, однако, что если мы не окажемъ, то окажетъ его она. Во-вторыхъ, въ 1835 году, когда Франція была готова вмѣстѣ съ нами заключить договоръ съ султаномъ для охраненія цѣлости его имперіи. Послѣдовавшія событія въ обоихъ случаяхъ показали, что я не преувеличивалъ неминуемой опасности, которой хотѣлъ избѣжать, ни размѣра затрудненій, кои желалъ предупредить.

«Нынѣ мы дошли до третьяго кризиса, когда рѣшенія великобританскаго кабинета будутъ имѣть рѣшающее вліяніе на будущія событія; но въ настоящее время опасность болѣе очевидна и ничѣмъ не прикрыта, а средства противъ нея полнѣе и находятся въ нашихъ рукахъ.

«Предметъ, подлежащій рѣшенію, входитъ въ кругъ дѣятельности моего департамента, и меня могли бы счесть въ значительной степени лично отвѣтственнымъ за послѣдствія такихъ дѣйствій, направленіе коихъ я не могъ бы взять на себя. А потому я увѣренъ, что васъ не удивитъ отклоненіе мною роли орудія для проведенія политики, неодобряемой мною, и слѣдовательно принятіе той мѣры, о которой я упоминалъ въ началѣ этого письма [1].»

Приведенное нами письмо лорда Пальмерстона есть историческій документъ первостепенной важности. Оно какъ нельзя яснѣе показываетъ, до какой степени были противоположны побужденія вступавшихъ въ соглашеніе двухъ дворовъ: великобританскаго и нашего. Въ то самое время, какъ мы приносили въ жертву Англіи наше традиціонное, историческое, завоеванное оружіемъ и утвержденное договорами преобладаніе въ Турціи, Англія, принимая отъ насъ эту жертву, не давала намъ взамѣнъ рѣшительно ничего. Она хорошо знала, что взаимныя отношенія государствъ и народовъ слагаются помимо ихъ воли, въ силу естественныхъ условій, и что по географическому положенію своему, Россія не можетъ не быть соперницей Англіи на Востокѣ, каково бы ни было мимолетное настроеніе императорскаго кабинета. Пальмерстонъ радовался, видя какъ мы собственными руками, въ угоду ему, раздѣлываемъ дѣло, совершенное цѣлымъ рядомъ русскихъ поколѣній, обезсиливаемъ себя и, отказываясь отъ правъ своихъ, теряемъ наше нравственное обаяніе, плодъ вѣковыхъ усилій и блестящихъ побѣдъ военныхъ и дипломатическихъ. Но сблизиться или только примириться съ нами и дѣйствовать сообща во всѣхъ дѣлахъ на Западѣ, какъ и на Востокѣ, другими словами, возобновивъ шомонскій договоръ, стать къ намъ и нашимъ политическимъ спутникамъ, Австріи и Пруссіи, въ союзническія отношенія,—этого ему и въ голову не приходило. Въ глазахъ его, какъ и огромнаго большинства англичанъ, Россія оставалась, по-прежнему, врагомъ исконнымъ и заклятымъ; затормозить историческое ея развитіе, обезсилить ее, оттѣснить, лишить всякаго вліянія на судьбы Европы и Востока, по-прежнему, было главною цѣлью національной политики Великобританіи.

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Мельборну, 23 іюня (5 іюля) 1840.

Доводы Пальмерстона сломили противодѣйствіе товарищей его по министерству. Онъ получилъ отъ нихъ потребованное полномочіе, и 3-го (15-го) іюля была подписана конвенція между Россіей, Англіей, Австріей и Пруссіей, съ одной стороны, и султаномъ—съ другой.

Во вступленіи къ этой конвенціи упоминалось обязательство, принятое четырьмя державами, относительно Порты, въ совокупной нотѣ отъ 15-го (27-го) іюля 1839 года, и выражалось желаніе ихъ «блюсти за поддержаніемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи въ интересѣ упроченія европейскаго мира». Договаривающіяся стороны обязывались, «дѣйствуя въ совершенномъ согласіи», принудить Мегметъ-Али-пашу къ принятію предложенныхъ ему султаномъ условій примиренія, причемъ каждая изъ сторонъ предоставляла себѣ содѣйствовать достиженію общей цѣли, «согласно средствамъ дѣйствія, коими она располагаетъ». Въ случаѣ отказа паши подчиниться означеннымъ условіямъ, державы обѣщали принудить его къ тому силой, условясь между собой о необходимыхъ для сего мѣрахъ. Въ то же время, по приглашенію султана, дворы лондонскій и вѣнскій предписывали эскадрамъ своимъ въ Средиземномъ морѣ немедленно прервать сообщенія моремъ между Египтомъ и Сиріей и воспрепятствовать перевозкѣ изъ одной обла ти въ другую войскъ, лошадей, оружія, снарядовъ и всякихъ военныхъ припасовъ, а также оказать помощь и содѣйствіе тѣмъ изъ подданныхъ султана, которые «выразятъ вѣрность своему государю», другими словами, поддержать въ Сиріи возстаніе мѣстныхъ жителей противъ власти Мегметъ-Али-паши. Если паша, упорствуя въ отказѣ, двинетъ свои войска и флотъ въ направленіи къ Константинополю, то державы по первому призыву султана «возьмутъ на себя защиту его престола посредствомъ условленнаго общаго дѣйствія, съ цѣлью оградить оба пролива, Босфоръ и Дарданеллы, а также столицу Оттоманской имперіи отъ всякаго нападенія». Но какъ только присутствіе союзныхъ военныхъ и морскихъ силъ въ проливахъ перестанетъ быть необходимымъ, онѣ «одновременно отступятъ и возвратятся въ моря Черное и Средиземное». Мѣра эта должна считаться чрезвычайною, можетъ быть принята лишь по просьбѣ султана и съ цѣлью его защиты, въ случаѣ наступленія войскъ Мегметъ-Али-паши. Ею не отмѣняется «древнее правило Оттоманской имперіи, въ

силу коего всегда воспрещалось военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданельскій и Босфорскій». Султанъ заявлялъ, что намѣренъ строго соблюдать это правило въ будущемъ, «пока Порта въ мирѣ» съ прочими державами; Россія же, Англія, Австрія и Пруссія обязались «уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеозначенными принципами» [1]).

Къ конвенціи приложенъ былъ отдѣльный актъ, имѣвшій одинаковую съ нею силу и значеніе, и излагавшій условія примиренія султана съ пашой. Султанъ предлагалъ даровать Мегметъ-Али-пашѣ Египетъ въ наслѣдственное управленіе и въ пожизненное — южную Сирію съ крѣпостью Акка, подъ условіемъ, что тотъ, въ теченіе десяти дней со дня объявленія ему этихъ предложеній, согласится принять ихъ, очистить отъ войскъ своихъ Аравію и священные въ ней города, Кандію, Адану и сѣверные округа Сиріи. По истеченіи этого срока, Мегметъ-Али-пашѣ будетъ предложена наслѣдственная власть надъ однимъ Египтомъ, съ правомъ наслѣдованія въ прямой нисходящей линіи, но съ тѣмъ, чтобъ и это предложеніе было имъ принято въ теченіе слѣдующихъ десяти дней. Смотря по тому, большая или меньшая территорія останется за пашой, будетъ опредѣлена и причитающаяся съ него дань. Въ обоихъ случаяхъ паша обязанъ возвратить турецкій флотъ, не вычитая ничего изъ своей дани за издержки по его содержанію. На Египетъ распространялось дѣйствіе всѣхъ договоровъ, заключенныхъ Портой съ иностранными державами, и изданныхъ ею законовъ; египетскія войска провозглашались составною частью арміи султана. Если и по истеченіи вторичнаго десятидневнаго срока Мегметъ-Али отказался бы отъ принятія предложеній Порты, «то султанъ будетъ считать себя въ правѣ взять назадъ эти предложенія и соотвѣтственно сему, поступить въ будущемъ такъ, какъ укажутъ ему его собственные интересы и совѣты его союзниковъ» [2]).

Слѣдовали еще два протокола. Первымъ Порта предоставляла себѣ выдавать, по прежнимъ примѣрамъ, разрѣшеніе на

---

[1]) Конвенція, заключенная между Россіей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Турціей, въ Лондонѣ, 3 (15) іюля 1840.

[2]) Отдѣльный актъ, приложенный къ лондонской конвенціи 3 (15) іюля 1840.

проходъ чрезъ Дарданеллы и Босфоръ легкимъ военнымъ судамъ иностранныхъ, дружественныхъ съ нею державъ, содержащимъ почтовыя сообщенія посольствъ ихъ въ Константинополѣ. Вторымъ, секретнымъ протоколомъ, договаривающіяся стороны условились, чтобы, во избѣжаніе потери времени, постановленія конвенціи начались уже приводиться въ исполненіе, до размѣна ратификацій между державами [1]).

Наконецъ, въ самый день этого размѣна, уполномоченные Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Турціи подписали въ Лондонѣ третій протоколъ, въ коемъ первыя четыре державы, «съ цѣлью выставить въ надлежащемъ свѣтѣ безкорыстіе, руководившее ими при заключеніи сего акта,» формально объявили, «что при приведеніи въ исполненіе обязательствъ, истекавшихъ изъ помянутой конвенціи для договаривающихся сторонъ, державы эти не ищутъ ни земельнаго приращенія, ни какого-либо исключительнаго вліянія или торговаго преимущества для своихъ подданныхъ, которыя не могли бы быть пріобрѣтены также подданными прочихъ державъ»; Порта же, «отдавая справедливую дань уваженія благородству чувствъ и безкорыстію политики союзныхъ дворовъ, приняла къ свѣдѣнію декларацію, заключающуюся въ настоящемъ протоколѣ» [2]).

Такова была лондонская конвенція 1840 года, первый актъ совокупнаго вмѣшательства великихъ державъ въ дѣла Востока. Въ Берлинѣ къ ней отнеслись довольно равнодушно и не безъ тревожнаго опасенія взирали на устраненіе Франціи. Въ Вѣнѣ, гдѣ еще недавно упрекали барона Бруннова за то, что тотъ умышленно-де усложняетъ Восточный вопросъ и препятствуетъ его разрѣшенію, князь Меттернихъ, съ обычнымъ своимъ оптимизмомъ, выражалъ величайшую радость по поводу заключенія конвенціи, стараясь приписать ее постоянству своихъ дипломатическихъ усилій. «Давно уже,» писала въ дневникѣ своемъ княгиня, жена канцлера, «я не видала бѣднаго мужа моего столь довольнымъ [3]).» Довольны были и въ Петербургѣ; лондонскую конвенцію серіозно считали у насъ

---

[1]) Два протокола, приложенные къ той же конвенціи, отъ того же числа и года.

[2]) Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ уполномоченными Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Турціи 5 (17) сентября 1840.

[3]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 30-го іюня (12 іюля) и 9 (21) іюля 1840.

первымъ шагомъ къ возстановленію шомонскаго союза четырехъ великихъ державъ противъ революціонной Франціи и, по французскимъ извѣстіямъ, императоръ Николай выразилъ даже рѣшимость, въ случаѣ надобности, привести въ исполненіе ея постановленія одинъ, собственными силами и безъ участія союзниковъ [1]. Но всѣхъ болѣе торжествовалъ Пальмерстонъ. Однимъ ударомъ онъ достигалъ трехъ важныхъ цѣлей: наказанія Франціи за попытку освободиться отъ англійской опеки и слѣдовать самостоятельной политикѣ; добровольнаго отреченія Россіи отъ историческаго преобладанія въ Турціи; признанія Европой англійской указки въ восточныхъ дѣлахъ и соотвѣтственнаго значенія и вліянія Англіи на Востокѣ. Пальмерстонъ не сомнѣвался въ томъ, что Франція не посмѣетъ воспротивиться силой рѣшеніямъ четырехъ державъ и ограничится «сердитымъ» протестомъ. Онъ даже надѣялся, что въ концѣ концовъ парижскій кабинетъ самъ посовѣтуетъ Мегметъ-Али-пашѣ покориться необходимости. «Это можетъ открыть новый исходъ для удовлетворенія французскаго тщеславія,» замѣчалъ онъ, «а коль скоро мы достигаемъ нашей цѣли, мы мало заботимся о тѣхъ средствахъ, которыя приводятъ насъ къ ея достиженію.» По убѣжденію министра, уступка притязаніямъ Франціи въ восточномъ дѣлѣ обратила бы ее въ диктатора всей Европы, и Англіи пришлось бы дойти до войны съ нею, вслѣдствіе новыхъ и съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе неумѣренныхъ требованій французскаго правительства [2].

По всѣмъ этимъ причинамъ, Пальмерстонъ не счелъ даже нужнымъ предупредить французскаго посла въ Лондонѣ о готовившемся заключеніи конвенціи представителями прочихъ четырехъ великихъ державъ. Онъ объявилъ Гизо о подписаніи, три дня спустя, какъ о совершившемся фактѣ, и только чрезъ два мѣсяца, то есть, уже по размѣнѣ ратификацій, сообщилъ тюильрійскому двору самый текстъ конвенціи. Это не помѣшало британскому министру пригласить тюильрійскій дворъ оказать содѣйствіе исполненію условій, въ точности неизвѣстныхъ Франціи, которыя самъ Пальмерстонъ называлъ «тяжкимъ для нея ударомъ». «Франція,» писалъ онъ англій-

---

[1]) Тьеръ—Гизо, 11 (23) августа 1840.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 15 (27) іюля 1840.

скому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, «находится нынѣ въ затрудненіи; но наилучшій выходъ изъ него есть въ то же время и честнѣйшій, и самое умное, что можетъ сдѣлать Тьеръ — прямо велѣть сказать Мегмету, чтобы тотъ сразу принялъ первое сдѣланное ему предложеніе. Если Тьеръ этого не сдѣлаетъ, то тѣмъ лишь упрочитъ союзъ, изъ котораго Франція сама себя исключила, а Лудовику-Филиппу не можетъ быть пріятно, если Франція будетъ поставлена имъ въ положеніе, сходное съ тѣмъ, въ коемъ она находилась въ 1815 году. Тьеръ сначала, вѣроятно, осердится. Но не такіе мы люди, чтобъ испугаться угрозъ, и онъ слишкомъ уменъ, чтобы совершить какое-либо дѣло, которое способно вызвать столкновеніе между нимъ и даже одною Англіей, не говоря уже о прочихъ трехъ державахъ, въ особенности въ вопросѣ, гдѣ право не на сторонѣ Франціи. Вы говорите, что Тьеръ—горячій другъ и опасный врагъ. Пусть такъ. Но мы слишкомъ сильны, чтобы поддаться подобнымъ соображеніямъ. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, чтобы было возможно вполнѣ положиться на дружбу Тьера и, сознавая свою правоту, не боюсь его въ качествѣ врага. Что бы онъ ни говорилъ, слѣдуетъ взирать на дѣло, какъ на совершившійся фактъ, какъ на неизмѣнное рѣшеніе, отъ котораго отступиться нельзя [1].»

Исключеніе Франціи изъ европейскаго «концерта», разрѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, помимо ея участія и вопреки ея желаніямъ и пользамъ, удивило, встревожило, глубоко оскорбило Лудовика-Филиппа и его совѣтниковъ. Тьеръ рѣзко отозвался объ условіяхъ конвенціи «вчствертомъ», назвавъ ихъ «необдуманными и неосторожными», и выразилъ сомнѣніе въ возможности привести ихъ въ исполненіе. «Франція полагаетъ,» писалъ онъ, «что четыре державы приготовили такимъ образомъ для независимости Оттоманской имперіи и для всеобщаго мира болѣе серіозную опасность, нежели та, какою угрожало ей честолюбіе вице-короля;» намекъ на послѣдствія занятія Константинополя русскими войсками. Отклоняя предложеніе Англіи содѣйствовать осуществленію постановленій конвенціи, французскій министръ не грозилъ, однако, войною, а заявилъ, что всѣ усилія Фран-

[1] Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 9 (21) іюля 1840.

ціи будутъ устремлены къ достиженію двухъ цѣлей: сохраненія мира и европейскаго равновѣсія [1]).

Характерно объясненіе Гизо съ Пальмерстономъ при сообщеніи послѣднему вышеприведенной депеши отъ главы парижскаго кабинета. Посолъ упрекалъ министра въ томъ, что конвенція была заключена тайкомъ отъ Франціи, которой даже не предложили принять въ ней участіе. Тотъ оправдывался, утверждая, что четыре державы потеряли всякую надежду на содѣйствіе ихъ видамъ тюильрійскаго двора. Гизо напомнилъ о долголѣтнихъ дружественныхъ связяхъ между двумя сосѣдними государствами, о тѣсномъ союзѣ между ними, нынѣ, повидимому, расторгнутомъ. «Мы не измѣняемъ нашей общей политикѣ,» возразилъ Пальмерстонъ, «мы не измѣняемъ и нашимъ союзамъ; мы были и остаемся по отношенію къ Франціи въ томъ же настроеніи. Правда, мы расходимся съ нею по одному несомнѣнно важному вопросу, но вопросу спеціальному и ограниченному... Если Франція останется въ немъ одинокою, согласно собственному желанію, какъ г. Тьеръ и предвидѣлъ эту возможность въ рѣчи, произнесенной съ вашей трибуны, то одиночество это не будетъ общимъ, постояннымъ. Наши обѣ страны во всякомъ случаѣ будутъ попрежнему соединены могущественнѣйшими узами мнѣній, чувствъ и интересовъ, и союзъ нашъ не погибнетъ, какъ не погибнетъ и миръ Европы.» Не обошлось, конечно, и безъ обычныхъ подозрѣній, обоюдно высказанныхъ противъ Россіи и замысловъ ея на Востокѣ. Пальмерстонъ, какъ бы нехотя признался своему собесѣднику, что, въ случаѣ наступленія египетской арміи на Константинополь, русское войско займетъ турецкую столицу одновременно со вступленіемъ англійской эскадры въ Мраморное море; но тутъ же поспѣшилъ прибавить: «Далѣе этого еще ничего не предвидѣли и не рѣшили; мы просто условились согласиться снова, если представится въ томъ надобность. Но дѣло не зайдетъ такъ далеко.» Допущеніе, въ виду извѣстной случайности, русскихъ военныхъ и морскихъ силъ на берега Босфора, Пальмерстонъ старался извинить «огромною выгодой, которую представляетъ для всей Европы прекращеніе исключительнаго протектората Россіи надъ Портой». «Мы умываемъ себѣ руки въ виду такого будущаго,» отвѣчалъ ему Гизо [2]).

---

[1]) Тьеръ—Гизо, 9 (21) іюля 1840.

[2]) Гизо—Тьеру, 12 (24) іюля 1840.

Французская партія при англійскомъ дворѣ и даже въ министерствѣ была слишкомъ сильна, чтобы допустить полный разрывъ между двумя недавними союзницами. Она тщательно изыскивала всевозможныя средства для примиренія ихъ противоположныхъ взглядовъ. Естественнымъ посредникомъ между Англіей и Франціей былъ король Леопольдъ бельгійскій, дядя королевы Викторіи и ея супруга и зять Лудовика-Филиппа. Въ письмахъ къ тестю и къ его первому министру онъ предложилъ имъ свои «добрыя услуги». Онъ выражалъ мнѣніе, что конвенція 3-го (15-го) іюля должна быть замѣнена договоромъ между всѣми пятью державами, съ открыто заявленною цѣлью огражденія цѣлости и независимости Оттоманской имперіи, такъ какъ подобный договоръ представляетъ-де единственный достойный Франціи исходъ изъ ея политическаго одиночества. Мысль эта обсуждалась въ чрезвычайномъ совѣтѣ, созванномъ Лудовикомъ-Филиппомъ, въ концѣ іюля (началѣ августа), въ замкѣ Э, причемъ, кромѣ короля и Тьера, присутствовалъ и французскій посолъ въ Лондонѣ. Рѣшено было одобрить ее, подъ условіемъ, чтобы новый договоръ отмѣнилъ прежнюю конвенцію, такъ сказать, ее упразднилъ. «Но,» оговаривался Тьеръ, «если, напротивъ, трактатъ впятеромъ не будетъ имѣть цѣлью гарантировать status quo для всѣхъ, если, напримѣръ, онъ хотя и будетъ заключать гарантію существованія Турецкой имперіи, но въ то же время допуститъ приведеніе въ исполненіе только-что условленнаго договора вчетверомъ, то подобное дѣло будетъ лишено всякаго смысла. Пока станутъ предъ нашими глазами казнить вице-короля египетскаго, вопреки нашимъ интерессамъ и желаніямъ, мы подпишемъ съ четырьмя палачами трактатъ противъ будущихъ опасностей Оттоманской имперіи, единственно для того, чтобы совершить что-нибудь впятеромъ! Но, поступая такъ, мы походили бы на недовольныхъ дѣтей, плакавшихъ и шумѣвшихъ изъ-за того, чтобъ имъ отворили запертую дверь. Въ этомъ не было бы ни смысла, ни достоинства [1].»

Привезенныя Гизо изъ Э инструкціи сводились къ двумъ проектамъ: гарантированное status quo, или посредничество Франціи. Въ первомъ случаѣ, пять великихъ державъ имѣли поручиться за цѣлость оттоманскихъ владѣній, на основаніи

[1] Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, V, стр. 269.

кутахійскихъ условій, то-есть съ оставленіемъ за пашой не только Египта, но и всей Сиріи, Аданы, Кандіи и священныхъ городовъ, хотя и безъ наслѣдственности, съ обязательствомъ для великихъ державъ силой воспротивиться всякому нападенію Мегметъ-Али-паши на Порту. Во второмъ случаѣ, паша долженъ былъ уполномочить Францію вести за него переговоры съ прочими четырьмя державами, причемъ основаніемъ соглашенія послужило бы признаніе за нимъ власти наслѣдственной въ Египтѣ и пожизненной въ Сиріи. Находившійся въ то время въ Англіи, король бельгійцевъ взялся склонить Пальмерстона на одну изъ этихъ сдѣлокъ. Переговоривъ съ министромъ, Леопольдъ сказалъ французскому послу: «Я открылъ брешь. Здѣсь вполнѣ сознаютъ серіозность настоящаго положенія, но упрямство велико. Самолюбіе задѣто, личность встревожена. Имена собственныя примѣшиваются къ доводамъ, упреки къ соображеніямъ. Лордъ Пальмерстонъ продолжаетъ утверждать, что Мегметъ-Али уступитъ либо по первому приглашенію Порты, либо тотчасъ по принятіи понудительныхъ мѣръ. Тѣмъ не менѣе, великій шагъ впередъ уже сдѣланъ. Мысль о трактатѣ между пятью державами съ цѣлью гарантировать Оттоманскую имперію принята благосклонно. Необходимость возвратить Франціи право участія въ разрѣшеніи вопроса чувствуется всѣми. Я останусь здѣсь еще нѣсколько дней и буду продолжать. Нужно терпѣливо идти шагъ за шагомъ [1].»

Однако, лордъ Пальмерстонъ туго поддавался убѣжденіямъ. Напрасно старались запугать его воинственнымъ настроеніемъ французскаго народа и личною горячностью Тьера. «Нынѣшняя Франція,» разсуждалъ онъ, «весьма отлична отъ Франціи временъ имперіи. Тогда война была для всѣхъ единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія денегъ; теперь война, напротивъ, прекратила бы для большинства возможность ихъ пріобрѣтать. Четверть столѣтія мира не даромъ переживается народомъ. Говорятъ, что Тьеръ сорви-голова, способный на все, а потому въ высшей степени опасный, и что слѣдовательно ему нужно уступить. Я же придерживаюсь совершенно противоположнаго мнѣнія. Я не боюсь сорванца, всего менѣе въ качествѣ явнаго врага, и никогда не отступлю предъ такимъ человѣкомъ, развѣ, какимъ-нибудь чудомъ, онъ окажется правымъ [2].» Послѣ объ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 282.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Вулверу, 11 (23) августа 1840.

ясненія съ королемъ Леопольдомъ, Пальмерстонъ объявилъ Гизо, что конвенція 3-го (15-го) іюля не можетъ быть ни отмѣнена, ни измѣнена, и что всѣ ея постановленія будутъ приведены въ исполненіе. Лишь когда цѣль окажется вполнѣ достигнутою, можно завести рѣчь о новомъ общемъ договорѣ между пятью державами. Гизо снова упомянулъ о трудности заставить пашу подчиниться рѣшенію четырехъ союзныхъ дворовъ и выразилъ опасеніе, какъ бы понудительныя противъ него мѣры не разгорѣлись въ продолжительную и кровопролитную войну. «Увидимъ,» возразилъ Пальмерстонъ. «Если событія оправдають ваши предположенія, то будь что̀ будетъ. Въ сущности у насъ съ вами на Востокѣ одинаковая общая и постоянная политика. Если бы пришлось призвать русскія войска въ Азію, то Англія, вѣроятно, не болѣе Франціи была бы расположена къ тому. Мы стали бы изыскивать иныя средства, и то, что̀ невозможно нынѣ, стало бы, можетъ быть, возможнымъ тогда. До тѣхъ поръ мы испытаемъ средства условленныя [1].»

Но то, чего не могли вынудить у Пальмерстона настоянія французской дипломатіи и посредничество короля бельгійцевъ, было достигнуто единодушными усиліями англійскихъ государственныхъ людей всѣхъ оттѣнковъ, вождей оппозиціи, министровъ, высшаго политическаго авторитета Великобританіи, герцога Веллингтона, наконецъ, самой королевы. Уступая ихъ просьбамъ, Пальмерстонъ рѣшился протянуть руку примиренія Франціи. «Я сдѣлаю первый шагъ,» вымолвилъ онъ; впрочемъ, шагъ этотъ далеко не отвѣчалъ надеждамъ и желаніямъ сторонниковъ французскаго союза. Въ пространномъ меморандумѣ Пальмерстонъ упрямо доказывалъ неправоту политики тюильрійскаго двора въ турецко-египетской распрѣ, уклоненіе его отъ обязательства дѣйствовать сообща съ прочими державами, которыя были необходимо вынуждены постановить рѣшеніе, не останавливаясь предъ возраженіемъ Франціи, и исполнить это рѣшеніе, не заботясь о возможномъ ея противодѣйствіи. Лишь въ заключеніе, выразивъ надежду, что французское правительство не откажетъ въ содѣйствіи своемъ предпринятому четырьмя союзными дворами замиренію Востока, Пальмерстонъ допускалъ, что тогда настанетъ время для Франціи войти въ соглашеніе съ этими дворами, дабы упрочить ре-

[1]) Гизо—Тьеру, 10 (22) августа 1840.

зультаты ихъ вмѣшательства въ пользу султана и обезпечить Оттоманскую имперію отъ грядущихъ опасностей [1]).

Ни тонъ, ни содержаніе англійскаго меморандума не удовлетворили французское правительство. «Пресловутая нота,» писалъ Тьеръ къ Гизо, «ничего не улаживаетъ; она способна скорѣе ухудшить положеніе, чѣмъ его улучшить, если бы мы захотѣли стать щекотливыми. Это точь-въ-точь меморандумъ 17-го іюля (нов. ст.), съ прибавленіемъ упрековъ за прошлое, требующій отъ насъ вторично нашего нравственнаго вліянія и предлагающій, по приведеніи въ исполненіе договора 15-го іюля (нов. ст.), допустить насъ въ совѣтъ «пяти», дабы обезпечить Турецкую имперію отъ опасностей, которыя могутъ грозить ей въ будущемъ. Въ точномъ переводѣ это означаетъ, что, принявъ русскій союзъ противъ Мегметъ-Али-паши, Англія дѣлаетъ намъ честь принять французскій союзъ противъ русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно быть покладистѣе, и мы конечно неправы, жалуясь на это. Лучше было бы остаться при меморандумѣ 17-го іюля. Впрочемъ, не слѣдуетъ принимать это съ желчью. Нужно быть холодными и равнодушными, говорить, что эта нота ухудшила бы дурное съ нами обращеніе, если бы мы хотѣли истолковывать его въ худую сторону, ибо, послѣ того, какъ договоръ 15-го іюля такъ оскорбилъ насъ, утверждать, что онъ будетъ исполненъ и что по исполненіи сойдутся съ нами—значитъ удваивать зло. Но это слѣдуетъ говорить мимоходомъ, не настаивая и не обращая въ офиціальный отвѣтъ, дабы знали, что мы не считаемъ себя удовлетворенными. Должно избѣгать превращенія этой ноты въ новый поводъ къ неудовольствію между двумя дворами; но должно также не позволять англичанамъ говорить, что они дали намъ удовлетвореніе. Офиціальный нашъ отвѣтъ будетъ составленъ спокойно, съ мѣрой, съ большимъ уваженіемъ къ Англіи; но онъ подтвердитъ наши рѣчи и наше право. Спѣшить имъ нé зачѣмъ [2]).»

Не трудно представить себѣ впечатлѣніе, произведенное на лорда Пальмерстона упорствомъ и неуступчивостью парижскаго кабинета. Раздраженіе англійскаго министра возрасло еще болѣе, когда онъ получилъ изъ Константинополя извѣстіе объ

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 19 (31) августа 1840.
[2]) Тьеръ—Гизо, 23 августа (4 сентября) 1840.

угрозахъ, расточаемыхъ Портѣ французскимъ посломъ. Понсонби доносилъ, будто дипломатъ этотъ объявилъ Решидъ-пашѣ, что Франція не потерпитъ на Востокѣ ни приведенія въ исполненіе лондонской конвенціи, ни понудительныхъ мѣръ противъ Мегметъ-Али-паши; что она окажетъ пашѣ вооруженную помощь и соединится съ нимъ для возбужденія возстанія во всѣхъ областяхъ Оттоманской имперіи [1]). На запросъ Пальмерстона Гизо отвѣчалъ, что графъ Понтуа не держалъ приписанныхъ ему рѣчей, а въ качествѣ стараго и искренняго друга Порты, ограничился предостереженіемъ ея отъ вступленія на путь, грозившій ей большою опасностью, такъ какъ французское правительство хотя и не намѣрено компрометировать изъ-за Мегметъ-Али-паши миръ и интересы Франціи, но твердо рѣшилось не допускать со стороны четырехъ союзныхъ державъ такихъ мѣръ противъ паши, которыя могли бы воздѣйствовать на равновѣсіе [2]).

Между тѣмъ, на Востокѣ постановленія конвенціи 3-го (15-го) іюля уже приводились въ исполненіе. Англійская средиземная эскадра, къ которой присоединилось нѣсколько австрійскихъ судовъ, прервала морскія сообщенія Египта съ Сиріей. Въ началѣ августа, посланецъ Порты, Рифаатъ-бей, прибылъ въ Александрію и предложилъ Мегметъ-Али-пашѣ въ десятидневный срокъ подчиниться волѣ султана и его союзниковъ. Но, слѣдуя внушеніямъ французскаго дипломатическаго агента, паша, взамѣнъ требуемой отъ него покорности, заявилъ намѣреніе, возвративъ Портѣ Адану, Кандію и священные города Аравіи, удержать Египетъ въ свое наслѣдственное, Сирію же въ пожизненное владѣніе сына своего Ибрагима. Условія эти Тьеръ провозгласилъ «послѣднею возможною уступкой». «Если ваше правительство,» говорилъ онъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ, «согласится дѣйствовать заодно съ нами, чтобъ убѣдить султана и прочія державы принять эти условія, то *сердечное соглашеніе* между нами возстановится. Въ противномъ случаѣ, послѣ уступокъ, исторгнутыхъ нашимъ вліяніемъ у Мегметъ-Али-паши, мы обязаны поддержать его. Вы понимаете,

---

[1]) Лордъ Понсонби лорду Пальмерстону, 5 (17) августа 1840. Отъ того же числа доносилъ о томъ же князю Меттерниху австрійскій интернунцій, баронъ Штюрмеръ.

[2]) Гизо лорду Пальмерстону, 8 (20) сентября 1840.

любезный другъ, важность того, что я вамъ сказалъ [1]).» Въ томъ же смыслѣ было предписано и Гизо объясниться съ Пальмерстономъ. Не смотря на все краснорѣчіе французскаго дипломата, британскій министръ упорно стоялъ на томъ, что отдача Сиріи Ибрагиму равносильна оставленію ея за Мегметомъ, что лондонская конвенція должна быть исполнена въ точности, и что Франціи не изъ-за чего объявлять войну четыремъ союзнымъ дворамъ. «Вѣрьте мнѣ, любезный посолъ,» говорилъ онъ, «мы отнюдь не желаемъ лишить васъ вліянія, принадлежащаго вамъ на Востокѣ. Мы знаемъ, на сколько оно тамъ необходимо, и будьте увѣрены, что если бы намъ дѣйствительно грозила опасность преобладанія другой державы, вы бы увидали насъ рядомъ съ вами для ея низверженія. Но намъ нечего опасаться чего-либо подобнаго нынѣ; теперешнія событія на Востокѣ разрушатъ, напротивъ, всякое одинокое притязаніе, всякій исключительный протекторатъ. Мы несравненно охотнѣе предпочли бы раздѣлить его съ вами. Вы сами того не захотѣли [2]).»

Непреклонность Пальмерстона объясняется твердымъ убѣжденіемъ его, что, не смотря на свои родомонтады, Тьеръ, а въ особенности король Лудовикъ-Филиппъ, никогда не рѣшатся на войну. На угрозы ихъ англійскому представителю въ Парижѣ велѣно было отвѣчать угрозами. Онъ долженъ былъ прямо заявить, что если Франція броситъ перчатку, то Англія не задумается поднять ее; что начавъ войну, Франція неизбѣжно лишится своего флота, колоній, торговли; что алжирская армія ея будетъ потеряна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Мегметъ-Али потопленъ въ Нилѣ. Такія рѣчи, утверждалъ Пальмерстонъ, несомнѣнно произведутъ на Тьера то же успокоительное дѣйствіе, какое они произвели на Гизо. Послѣдній уже доводилъ до свѣдѣнія англійскаго министра всѣми доступными ему путями, что Франція съ радостью ухватится за малѣйшую уступку сентъ-джемскаго кабинета и удовлетворится ею. Но Пальмерстонъ находилъ всякую уступку невозможною. Дѣло въ томъ, говорилъ онъ, что, заключивъ договоръ между собою, четыре державы твердо рѣшились привести его въ исполненіе. Напрасно, де надѣется Тьеръ, что онъ можетъ напасть на Австрію, не

[1]) Сэръ-Генри Булверъ лорду Пальмерстону, 6 (18) сентября 1840.
[2]) Гизо—Тьеру, 7 (19) сентября 1840.

касаясь прочихъ державъ. «Пожалуйста разубѣдите его въ этомъ,» заключалъ министръ свою депешу къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ, «и растолкуйте ему, что не въ обычаѣ Англіи покидать своихъ союзниковъ, и что если Франція атакуетъ Австрію изъ-за этого договора, то она будетъ имѣть дѣло съ Англіей также точно, какъ и съ Австріей, и я нисколько не сомнѣваюсь, что она ополчитъ противъ себя Пруссію и Россію. Совершенно невозможно, чтобы вскорѣ не почувствовали тяжести, которая, благодаря Тьеру, удручаетъ всѣ французскіе интересы, и чтобы громкія жалобы не вынудили его принять рѣшеніе въ томъ или другомъ направленіи. Вы полагаете, что тогда онъ перейдетъ Рубиконъ. Я же продолжаю думать, что у него недостанетъ на это воли или возможности [1].»

Въ этомъ Пальмерстонъ ошибался. Задѣтый за живое, Тьеръ считалъ уже войну единственнымъ достойнымъ Франціи исходомъ, и этотъ взглядъ его, повидимому, раздѣлялся королемъ. Воинственное настроеніе охватило всѣ слои французскаго общества. Пока народныя толпы распѣвали на улицахъ и площадяхъ *Марсельезу* и другія патріотическія пѣсни, правительство принимало цѣлый рядъ мѣръ, съ цѣлью поставить на военную ногу сухопутныя и морскія силы Франціи. Еще въ іюлѣ призваны были къ оружію два разряда новобранцевъ и потребованы кредиты для вооруженія флота. Въ сентябрѣ состоялся законъ о возведеніи вокругъ Парижа крѣпостной стѣны, окаймленной отдѣльными фортами. Тогда же сформировано 12 новыхъ полковъ пѣхоты, 10 баталіоновъ пѣшихъ стрѣлковъ и 6 полковъ конницы, съ ассигнованіемъ на этотъ предметъ 100.000.000 франковъ. Наконецъ, палаты были созваны на 16 (28) октября, съ тѣмъ, чтобы испросить у нихъ средства на доведеніе арміи до численнаго состава въ 640,000 человѣкъ. «Если,» писалъ Тьеръ къ Гизо, «наступитъ минута, когда сердце націи возмутится какимъ-либо невыносимымъ актомъ или одною изо ста возможныхъ случайностей, и не выдержитъ, то мы обратимся къ королю и къ палатамъ, и пусть они рѣшаютъ [2].»

Тѣмъ временемъ событія принимали на Востокѣ оборотъ, столь же неожиданный для правителей Франціи, сколько и не-

---

[1]) Лордъ Паллмерстонъ сэръ-Генри Булверу, 10 (22) сентября 1840.
[2]) Тьеръ — Гизо, 27 сентября (9 октября) 1840.

благопріятный воинственнымъ ихъ вожделѣніямъ. По истеченіи назначеннаго Мегметъ-Али-пашѣ двадцатидневнаго срока для принятія предложеній союзныхъ дворовъ, Порта провозгласила его низложеніе и назначила на его мѣсто Мегметъ-Иццедина пашой египетскимъ. Военныя дѣйствія уже начались на берегахъ Сиріи между войсками Ибрагима и соединенною англо-австрійскою эскадрой. Бейрутъ первый сдался на капитуляцію и былъ занятъ турецкимъ гарнизономъ. «Ура! Непиръ!» писалъ Пальмерстонъ англійскому послу въ Парижѣ, лорду Гранвиллю, «я зналъ, что Карлосъ да Понца [1]) сдѣлаетъ все, что человѣчески возможно, и, между прочимъ, выгонитъ египтянъ изъ Сиріи. И дѣйствительно, онъ, повидимому, совершаетъ это. Пожалуйста, постарайтесь убѣдить короля и Тьера, что они проиграли игру, и что было бы неблагоразумно по этому поводу возбуждать ссору. Они побиты и дѣлу конецъ [2]).»

Но Тьеръ и не думалъ признавать себя побѣжденнымъ. Въ отвѣтной депешѣ на англійскій меморандумъ отъ 19-го (31-го) августа онъ упорно отстаивалъ точку зрѣнія французскаго правительства въ восточныхъ дѣлахъ; возставалъ противъ англо-русскаго соглашенія; доказывалъ, что предоставленіе Россіи права защищать Константинополь грозитъ Турціи неисчислимыми бѣдствіями; упрекалъ сентъ-джемскій кабинетъ за то, что тотъ принесъ-де въ жертву Россіи вѣрную и многолѣтнюю союзницу свою, Францію; наконецъ, приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) подъ независимостью и цѣлостью Оттоманской имперіи слѣдуетъ разумѣть не болѣе или менѣе выгодное разграниченіе между султаномъ и пашой, а общее ручательство державъ въ отношеніи наступательныхъ дѣйствій Мегметъ-Али-паши, а также касательно «исключительнаго протектората одной изъ нихъ»; 2) не Франція, а Англія измѣнила первоначальныя свои воззрѣнія по этому вопросу, вступая въ соглашеніе съ Россіей, Австріей и Пруссіей противъ Франціи: 3) Англія не пожелала сдѣлать ни единой уступки въ пользу Франціи; 4) послѣднюю даже не предупредили о предстоящемъ заключеніи конвенціи 3-го (15-го) іюля, и 5) Франція не только не будетъ содѣйствовать осуществленію этого договора, но

[1]) Титулъ, данный сэръ-Чарлзу Непиру въ Португаліи.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвиллю, 23 сентября (5 октября) 1840.

даже намѣрена дѣйствовать вполнѣ самостоятельно на Востокѣ, въ виду извѣстныхъ случайностей [1].

Такою именно случайностью сочли въ Парижѣ низложеніе Мегмета-Али-паши и назначеніе ему преемника. Узнавъ объ этомъ, Тьеръ немедленно предписалъ Гизо объявить лорду Пальмерстону, что приведеніе въ исполненіе этой мѣры будетъ сочтено Франціей за посягательство на общее равновѣсіе Европы. «Возможно было,» сказано во французской депешѣ, «поставить въ зависимость отъ шансовъ начатой нынѣ войны вопросъ о границахъ, долженствующихъ отдѣлить въ Сиріи владѣнія султана отъ владѣній вице-короля египетскаго, но Франція не можетъ подвергнуть этимъ шансамъ существованіе Мегметъ-Али-паши въ качествѣ васальнаго государя имперіи. Какова бы ни была поземельная граница, ихъ раздѣляющая, вслѣдствіе военныхъ событій, двойное существованіе ихъ (т. е. султана и вице-короля) необходимо для Европы, и Франція не допуститъ уничтоженія того или другаго. Она согласна принять участіе во всякой сдѣлкѣ, въ основаніе коей было бы положено двойное ручательство за существованіе султана и вице-короля египетскаго, но въ настоящую минуту ограничивается заявленіемъ, что со своей стороны, не можетъ согласиться на исполненіе провозглашеннаго въ Константинополѣ акта низложенія [2].»

Мѣра, принятая Портой противъ Мегметъ-Али-паши, дѣйствительно выходила изъ предѣловъ, намѣченныхъ лондонскою конвенціей, и хотя она была внушена туркамъ лордомъ Понсонби, но не соотвѣтствовала личнымъ намѣреніямъ Пальмерстона. Поэтому, онъ не затруднился предложить великобританскому послу въ Константинополѣ, чтобы тотъ объявилъ турецкимъ министрамъ, что, по мнѣнію четырехъ союзныхъ дворовъ, въ случаѣ добровольнаго возвращенія Мегметъ-Али-пашой оттоманскаго флота, а также отозванія войскъ своихъ изъ Сиріи, Аданы, Кандіи и священныхъ городовъ, султану слѣдуетъ не только возстановить его въ званіи правителя Египта, но и даровать ему наслѣдственную власть въ этой области. Сообщеніе это должно быть согласовано Понсонби со своими товарищами: русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ, такъ какъ

[1]) Тьеръ къ Гизо, 21 сентября (3 октября) 1840.

[2]) Тьеръ къ Гизо, 26 сентября (8 октября) 1840.

правительство ея величества «въ правѣ надѣяться» въ данномъ случаѣ на содѣйствіе союзныхъ дворовъ [1]). Копія съ приведенной инструкціи была сообщена французскому послу.

Но, давая тюильрійскому кабинету это частное удовлетвореніе, Пальмерстонъ не допускалъ, чтобъ оно имѣло видъ уступки. Отступать предъ угрозой было не въ его правилахъ. Чѣмъ болѣе выяснялось намѣреніе Тьера перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ надменнѣе, жестче, рѣзче, звучали обращенныя къ французскому правительству, рѣчи англійскаго министра. Въ Лондонѣ ожидали, что французы повторятъ на Востокѣ свою анконскую экспедицію 1831 года, т. е. высадятъ отрядъ французскихъ войскъ на какомъ либо пунктѣ турецкой территоріи. Такую «анконаду» Пальмерстонъ прямо называлъ актомъ морскаго разбоя, ничѣмъ неоправдываемымъ. Пять великихъ державъ, въ числѣ ихъ и сама Франція, разсуждалъ онъ, заявили рѣшимость свою поддержать цѣлость и независимость Турціи; четыре изъ нихъ стремятся осуществить эти основныя начала на дѣлѣ, пятая отказывается отъ участія въ общемъ предпріятіи, имѣя на то, быть можетъ, побудительныя причины; но это еще не даетъ ей права, въ виду того, что прочія четыре державы дѣйствуютъ сообразно принципамъ, ею раздѣляемымъ, захватить какую либо часть территоріи, принадлежащей тому самому государю, коего она обязалась поддерживать. Такого рода поступокъ несовмѣстенъ-де съ началами, на коихъ зиждутся отношенія какъ между отдѣльными лицами, такъ и между народами, и надо надѣяться, что король французовъ никогда не допуститъ подобнаго дѣйствія, которое набросило бы неизгладимую тѣнь на честь его короны. Къ тому же, послѣдствіемъ сего поступка было бы привлеченіе двадцати или тридцати русскихъ линейныхъ кораблей въ Средиземное море. Съ какою цѣлью? Отгадать-де не трудно. Да и Англія не могла бы оставаться равнодушною зрительницей, а право незачѣмъ создавать новые поводы ко враждѣ между ею и Франціей. Но, быть можетъ, Франція ограничится заявленіемъ союзнымъ дворамъ. Если заявленіе это будетъ дружественнымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ съ цѣлью обсудить сообща настоящее положеніе дѣлъ, то Англія готова-де откликнуться на него въ томъ же примирительномъ духѣ. Но если

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Понсонби, 3 (15) октября 1840.

Франція надменно объявитъ четыремъ дворамъ, что она дозволитъ имъ оказать помощь султану лишь до извѣстной степени, но не дозволитъ идти далѣе, чѣмъ заблагоразсудится ей самой, то ясно, что подобное сообщеніе сдѣлаетъ всякое примиреніе невозможнымъ. Всѣ эти соображенія Пальмерстонъ поручалъ лорду Гранвиллю изложить королю Лудовику-Филиппу и его первому министру въ дружественныхъ, но положительныхъ и строгихъ выраженіяхъ [1]).

Такимъ образомъ, проявленнаго французскимъ правительствомъ задора оказалось недостаточно для того, чтобы поколебать своенравнаго руководителя политики великобританскаго кабинета. Зато слабонервный Меттернихъ былъ не на шутку испуганъ воинственными кликами, раздававшимися во Франціи и требовавшими возвращенія ей границы по Рейну. Чтобъ отклонить грозу отъ Австріи, онъ не задумался объявить намъ, что если вспыхнетъ война, то Австрія останется спокойною зрительницей [2]). Впрочемъ, онъ самъ сознавалъ невозможность такого нейтралитета, въ виду угрожающаго положенія, принятаго французскимъ правительствомъ на границахъ Германіи и Италіи, и поспѣшилъ условиться съ Пруссіей объ общихъ мѣрахъ для защиты территоріи Германскаго Союза. Но пока только-что вступившій на прусскій престолъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV дѣятельно готовился къ отпору, на случай французскаго вторженія, австрійскій канцлеръ, въ письмѣ къ нему, одинаково горько жаловался на Пальмерстона и на Тьера, и убѣждалъ его присоединиться къ предложенному Австріей созванію въ Висбаденѣ европейской конференціи, съ цѣлью «заглушить воинственные крики и вызвать скорѣе разрѣшеніе вопроса» [3]). Въ сообщеніи нашему двору Меттернихъ мотивировалъ свое предложеніе «попеченіемъ о благѣ всей Европы» и необходимостью дать Франціи возможность «объяснить свои требованія и отвѣчать на запросы четырехъ державъ [4]). Это явно указывало готовность его пойти на уступки. Въ Петербургѣ придерживались совершенно противоположнаго взгляда и поспѣшили отклонить австрійское предложеніе подъ предло-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Гранвиллю, 26 сентября (8 октября) 1840.

[2]) Татищевъ графу Нессельроде, 17 (29) сентября 1840.

[3]) Князь Меттернихъ королю Фридриху-Вильгельму IV, 27 сентября (9 октября) 1840.

[4]) Струве графу Нессельроде, 29 сентября (11 октября) 1840.

томъ, что «нынѣ Англія стоитъ во главѣ переговоровъ по Восточному вопросу, и что отъ нея зависитъ почипъ въ этомъ дѣлѣ». Но русскій дворъ не могъ притомъ не высказать порицанія заявленному Австріей намѣренію уклониться отъ войны, и это въ виду угрозъ Тьера наводнить Германію девятисоттысячною арміей. Онъ находилъ, что единственное средство устранить опасность заключается въ выраженіи твердой рѣшимости союзныхъ дворовъ дѣйствовать сообща и дать энергическій отпоръ всякому посягательству Франціи на миръ и спокойствіе Европы. «Нѣтъ,» восклицалъ нашъ вице-канцлеръ въ письмѣ къ графу Фикельмонту, «будемъ сильны и единодушны, и Франція попятится назадъ [1].»

Само собою разумѣется, что и лордъ Пальмерстонъ отвергъ проектъ европейской конференціи въ Висбаденѣ. Въ Вѣнѣ отказъ этотъ приписали внушеніямъ нашего посланника при лондонскомъ дворѣ. Убѣждая графа Нессельроде обнаружить побольше уступчивости въ отношеніи къ Франціи, пощадить ея самолюбіе и тѣмъ предупредить войну, Меттернихъ взводилъ цѣлую массу обвиненій на барона Бруннова. Дипломатъ этотъ поступаетъ-де слишкомъ необдуманно и неосторожно, не допуская въ іюльской конвенціи никакихъ измѣненій и не соглашаясь на то, чтобы четыре союзные двора сдѣлали первый шагъ къ примиренію съ Франціей. Австрійскій канцлеръ просилъ русскаго министра поумѣрить излишнее усердіе нашего представителя въ Лондонѣ. Баронъ Брунновъ, увѣрялъ онъ, не знаетъ Пальмерстона, упрямство котораго не склонится ни предъ какою энергіей [2]). На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ графа Нессельроде въ защиту Бруннова, который поступалъ-де вполнѣ согласно съ данными ему наставленіями. Ему было предписано не допускать измѣненій въ іюльской конвенціи и не дѣлать шага навстрѣчу Франціи, хотя и не отвергать попытокъ ея къ примиренію, или, какъ выражался вице-канцлеръ, «не затворять ей двери, но и не отворять ея на нашъ счетъ». По мнѣнію императора Николая, общая цѣль политики четырехъ союзныхъ дворовъ должна заключаться въ слѣдующемъ: «Привести въ исполненіе договоръ; съ этою цѣлью энергично продолжать военныя дѣйствія, столь счастливо начатыя въ

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Фикельмонту, 3 (15) октября 1840.

[2]) Князь Меттернихъ графу Нессельроде, 19 (31) октября 1840.

Сиріи, и лишь достигнувъ цѣли, то-есть по возвращеніи этой области подъ владычество султана, гарантировать ему ее формальнымъ договоромъ противъ всякаго новаго нападенія Мегметъ-Али-паши; допустить Францію къ участію въ этомъ заключительномъ актѣ, если она выразитъ желаніе приступить къ нему.» Выказывать же въ отношеніи къ тюильрійскому двору слишкомъ большую услужливость, заключалъ вице-канцлеръ, значило бы компрометировать превосходное положеніе, занимаемое четырьмя державами [1]).

Страхъ Меттерниха оказался напраснымъ. Оправдались ожиданія и Нессельроде, и Пальмерстона. Въ рѣшительную минуту у Людовика-Филиппа недостало мужества вызвать на бой всю остальную Европу. 8-го (20-го) октября министерство Тьера подало въ отставку, которая была принята. Король поручилъ маршалу Сульту составленіе новаго кабинета, и въ немъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ занялъ Гизо. Это означало отреченіе Франціи ото всякихъ воинственныхъ поползновеній, предоставленіе ею Мегметъ-Али-паши собственной участи и стремленіе ея занять снова мѣсто свое въ совѣтѣ великихъ державъ. Цѣль національной политики Пальмерстона была достигнута. На Западѣ, какъ и на Востокѣ онъ торжествовалъ полную побѣду.

Дѣйствительно, тѣмъ временемъ Акка была взята турецкими войсками, высаженными на берегъ англо-австрійскою эскадрой, и эрцгерцогъ Фридрихъ собственноручно водрузилъ на башнѣ крѣпости оттоманскій флагъ. Бо̀льшая часть Сиріи добровольно покорилась султану. Наконецъ, въ половинѣ ноября, коммодоръ Непиръ появился съ нѣсколькими англійскими военными судами на Александрійскомъ рейдѣ и убѣдилъ Мегеметъ-Али-пашу подчиниться условіямъ лондонской конвенціи, обѣщавъ ему за это признаніе наслѣдственной власти его надъ Египтомъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Порта, по настоянію Англіи, подтвердила всѣ статьи уговора Непира съ пашой.

Ничто не препятствовало болѣе новому французскому правительству выйти изъ своего одинокаго положенія и возвратиться въ лоно европейскаго концерта. Нужно было только измыслить благовидный къ тому предлогъ. Долго изощряли дипломаты свою изобрѣтательность, придумывая такую комбина-

[1]) Графъ Нессельроде князю Меттерниху, 7 (19) ноября 1840.

цію, которая одинаково удовлетворила бы и самолюбіе парижскаго кабинета, и нѣсколько разнородныя притязанія прочихъ великихъ державъ. Въ Англіи многочисленные и вліятельные сторонники французскаго союза снова возвысили голосъ въ пользу необходимости облегчить Франціи возвращеніе на путь европейскаго согласія, и Пальмерстонъ уже имъ не противорѣчилъ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ также съ нетерпѣніемъ желали пополненія ареопага великихъ державъ недостающимъ пятымъ членомъ. Если дѣло замедлилось болѣе чѣмъ на полгода, то виной тому былъ не кто иной, какъ само французское правительство. Гизо торжественно объявилъ, что не приметъ никакого участія въ международномъ актѣ, состоящемъ въ какой-либо связи съ іюльскою конвенціей 1840 года, и вообще до тѣхъ поръ не приступитъ къ «концерту», пока турецко-египетская распря не будетъ формально окончена. Но если не по этому спеціальному, то по какому же другому дѣлу должно было состояться новое соглашеніе великихъ державъ со включеніемъ и Франціи? Тутъ снова всплылъ измышленный королемъ бельгійцевъ планъ общаго договора между пятью державами, который опредѣлялъ бы постоянныя отношенія соединенной Европы къ Турціи, съ тѣмъ, чтобы первая гарантировала независимость и цѣлость Оттоманской имперіи. Вотъ какъ излагалъ Гизо главныя основанія такого договора въ письмѣ къ французскому послу при вѣнскомъ дворѣ, графу Сентъ-Олеру:

«Я сижу одинъ въ своемъ кабинетѣ и размышляю съ полною свободой, ни о комъ не безпокоясь. Я взираю исключительно на сущность дѣла, дабы отдать себѣ въ немъ ясный отчетъ и узнать что̀ оно намъ совѣтуетъ или чего отъ насъ требуетъ. Вотъ, если я не ошибаюсь, каковы различные предметы, которые слѣдуетъ опредѣлить на Востокѣ, и опредѣлить сообща.

«1) Закрытіе обоихъ проливовъ.

«2) Провозглашеніе принципа, допущеннаго Англіей, Австріей, Пруссіей и Россіей въ нотахъ ихъ отъ 23-го, 24-го, 26-го іюля и 16-го августа 1839 года, въ отвѣтъ на ноту Франціи отъ 17-го предшедшаго іюля, то-есть признаніе status quo Оттоманской имперіи въ ея независимости и цѣлости. Пять державъ уже заявили это восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ самомъ началѣ дѣла. Онѣ могутъ и должны подтвердить

цынѣ сообща то, что онѣ провозгласили тогда, и кончить такъ же, какъ начали.

«3) Гарантіи, которыя возможно было бы получить отъ Порты въ пользу христіанскаго населенія Сиріи, не только въ его собственномъ, но и въ общемъ интересѣ оттоманскомъ и европейскомъ; ибо если въ Сиріи снова водворится анархія, то Порта и Европа могутъ въ свою очередь впасть въ затрудненія.

«4) Нѣкоторыя условія въ пользу Іерусалима. Мысль эта зародилась въ христіанскихъ умахъ и начала довольно живо ихъ озабочивать. Я не знаю, что̀ именно возможно и въ какихъ формахъ и предѣлахъ успѣло бы европейское вмѣшательство доставить Іерусалиму немного безопасности и достоинства; но правительства, справедливо жалующіяся на ослабленіе народныхъ вѣрованій, должны бы воспользоваться представляющимся случаемъ, дабы со своей стороны дать этимъ вѣрованіямъ блистательное доказательство сочувствія и участія. Пусть Европа и европейская политика воспримутъ снова христіанскій образъ; никто не въ состояніи измѣрить нынѣ все, что̀ выиграли бы отъ того порядокъ и власть.

«5) Наконецъ, по отношенію къ торговымъ путямъ между морями Средиземнымъ и Краснымъ чрезъ Суэзскій перешеекъ, между Средиземнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, чрезъ Сирію и Евфратъ, существуютъ условія общей свободы, а быть можетъ и положительнаго нейтралитета, представляющія величайшій интересъ для всей Европы и могущія установить для столь быстро возрастающихъ сношеній Европы съ Азіей превосходные принципы, тѣмъ болѣе, что никогда быть можетъ не найдется столь удобнаго случая къ провозглашенію ихъ.

«Вотъ что̀ приходитъ мнѣ на умъ, любезный другъ, когда я даю ему свободу направляться куда ему угодно. Берите мысли эти за то, за что̀ я вамъ ихъ выдаю; сообщите, покажите изъ нихъ, что̀ сами признаете полезнымъ. Но, если я не ошибаюсь, ихъ достанетъ, какъ для пяти державъ, такъ и для завершенія сообща восточныхъ дѣлъ, на общій актъ, который не страдалъ бы недостаткомъ ни пользы, ни величія [1]).»

Такимъ образомъ, допущенное нами временное соглашеніе по частному вопросу разросталось уже въ соглашеніе общее

[1]) Гизо графу Сентъ-Олеру, 1 (13) января 1841.

и постоянное, обнимавшее всю совокупность восточныхъ отношеній, всѣ государственныя отправленія Оттоманской имперіи, внутреннія и внѣшнія, и ставившее ее не столько подъ охрану, сколько подъ опеку пяти великихъ державъ. Съ такимъ порядкомъ очевидно были несовмѣстимы особенныя отношенія, выработавшіяся между Россіей и Востокомъ въ теченіе вѣковъ, скрѣпленныя русскими побѣдами, обезпеченныя за нами цѣлымъ рядомъ договоровъ нашихъ съ Портой. Никогда императоръ Николай не согласился бы на такое полное отреченіе отъ наслѣдственныхъ правъ, принадлежащихъ его престолу, въ пользу отвлеченнаго начала—европейскаго согласія. Къ счастію, мысли, высказанныя Гизо, нашли лишь слабый отголосокъ въ Англіи, въ особенности потому, что нѣкоторыя изъ нихъ задѣвали политическіе и торговые интересы этой своекорыстной державы. Посланный имъ въ началѣ 1841 года на рекогносцировку въ Лондонъ, молодой дипломатъ графъ Роганъ-Шабо доносилъ ему оттуда, что всѣ члены конференціи, за исключеніемъ барона Бруннова, согласны пригласить Францію занять принадлежащее ей мѣсто въ «концертѣ», посредствомъ общаго договора, заключеннаго по дѣламъ Востока между пятью великими державами; что какъ только Порта заявитъ лондонской конференціи, что цѣль іюльской конвенціи 1840 года достигнута, то конференція объявитъ особымъ протоколомъ турецко-египетскій вопросъ закрытымъ; что въ другомъ протоколѣ будетъ выражено желаніе четырехъ державъ, чтобы Франція приняла участіе совмѣстно со своими союзниками въ «окончательномъ разрѣшеніи общаго вопроса», разумѣя подъ нимъ вопросъ Восточный; что, въ качествѣ предсѣдателя конференціи, лордъ Пальмерстонъ пригласитъ французскаго уполномоченнаго занять въ ней мѣсто, и что лишь тогда приступлено будетъ къ совѣщаніямъ объ условіяхъ подлежащаго заключенію общаго договора между всѣми пятью державами. Но, по наблюденіямъ графа Рогана-Шабо, договоръ этотъ будетъ значительно разниться отъ предложеннаго Франціей проекта. Провозглашеніе цѣлости и независимости Оттоманской имперіи основнымъ началомъ политики великихъ державъ можетъ быть включено во введеніе къ трактату, но не составитъ особой статьи. Первая статья признаетъ принципъ закрытія Дарданеллъ и Босфора; вторую султанъ обяжется выдавать фирманы, разрѣшающіе входъ въ проливы не

болѣе, какъ одному военному судну каждой изъ державъ; наконецъ, третья статья могла бы заключать нѣсколько условій въ пользу сирійскихъ христіанъ, хотя лордъ Пальмерстонъ и высказался противъ этой мысли, утверждая, что религіозный протекторатъ обыкновенно подготовляетъ политическое распаденіе, и прочіе члены конференціи, повидимому, раздѣляютъ этотъ взглядъ. Можно, пожалуй, провести и статью о путяхъ сообщенія съ Индіей, но такъ, чтобъ она не выражала собою недовѣрія къ англійской политикѣ и не казалась успѣхомъ, одержаннымъ надъ нею. Французскій дипломатъ заключалъ донесеніе свое слѣдующими словами: «Ничто нынѣ не позволяетъ намъ надѣяться на признаніе въ отдѣльной статьѣ начала цѣлости и независимости Оттоманской имперіи. Довольный ролью Россіи въ послѣднихъ событіяхъ, лордъ Пальмерстонъ, какъ кажется, не хочетъ настаивать на этомъ. Князь Эстергази и баронъ Бюловъ не станутъ простирать слишкомъ далеко свою настойчивость, въ томъ убѣжденіи, что въ настоящую минуту противодѣйствіе барона Бруннова будетъ неодолимо. Въ поступкахъ и рѣчахъ своихъ баронъ Брунновъ остается далеко позади своего двора; онъ не соглашается на предположенное обращеніе къ Франціи и на уговоръ съ нею. Впрочемъ, въ Лондонѣ полагаютъ, будто петербургскій кабинетъ заявилъ не только словесно, но и письменно, что онъ присоединится къ обращенію и къ общему акту, подъ условіемъ, что въ договоръ не будетъ включено особаго условія о принципѣ независимости и цѣлости Оттоманской имперіи. Разсчитываютъ, что въ концѣ концовъ и въ означенныхъ предѣлахъ, баронъ Брунновъ примкнетъ къ мнѣнію лорда Пальмерстона, коль скоро оно покажется ему вполнѣ установившимся»[1].

Извѣстія эти опечалили Гизо. Они разрушали надежду его вывести Францію изъ одиночества со всѣми военными почестями, какъ заботливую защитницу обще-европейскихъ интересовъ. «Очевидно,» жалуется онъ въ своихъ запискахъ, «дворы вѣнскій и берлинскій, опасаясь за миръ материка, преслѣдовали единственную цѣль: хорошо-ли, худо-ли, но завершить египетскій вопросъ и положить конецъ опаснымъ обязательствамъ, принятымъ ими на себя въ конвенціи 15-го іюля.

---

[1]) Графъ Роганъ-Шабо—Гизо, февраль 1841.

Императоръ Николай находилъ, что онъ довольно сдѣлалъ, поступясь притязаніями своими на исключительное преобладаніе въ Константинополѣ и ункіаръ-искелесскимъ договоромъ, съ цѣлью разорвать дружественныя отношенія Англіи съ Франціей; онъ не хотѣлъ идти далѣе и воодушевить снова, въ ущербъ собственной политикѣ на Востокѣ, вліяніе Франціи, возвратившейся въ европейскій «концертъ». Лордъ Пальмерстонъ желалъ опять стать съ Франціей на дружественную ногу, съ тѣмъ, однако, чтобы сближеніе это не лишило его ни плодовъ угодливости, обнаруженной Россіей, ни жертвъ, принесенныхъ ему ею. Предъ этимъ разгаромъ страстей или личныхъ интересовъ различныхъ державъ блѣднѣлъ общій интересъ Европы; великіе вопросы европейскаго будущаго удалялись на второй планъ; ни истинная независимость турокъ, ни участь христіанъ Востока, ни безопасность и удобства торговыхъ сношеній Европы съ Азіей не внушали серіозной заботливости. Великая и предусмотрительная политика не занимала болѣе умы; спѣшили лишь освободиться отъ недавнихъ затрудненій, не компрометируя себя новыми замыслами... [1]).»

Скрѣпя сердце, предписалъ Гизо французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Лондонѣ, барону Буркенэ, удовольствоваться тѣми результатами, достиженіе коихъ окажется возможнымъ. Нужно, писалъ онъ ему, прежде всего убѣдиться, что турецко-египетскій вопросъ поконченъ навсегда. Пусть четыре союзные двора заявятъ это въ протоколѣ, прежде чѣмъ пригласить Францію къ установленію вмѣстѣ съ ними общихъ отношеній Европы съ Портой. Желательно, чтобы новый договоръ былъ, по возможности, полнѣе, чтобъ онъ положилъ конецъ напряженному состоянію всѣхъ державъ и возстановилъ европейскій «концертъ»; но нужно также, чтобы важность спеціальныхъ его условій соотвѣтствовала политическому значенію этого акта. Онъ долженъ, слѣдовательно, упразднить и замѣнить всѣ предшедшіе акты, касающіеся Оттоманской имперіи, акты, ставшіе нынѣ безцѣльными, договоръ ункіаръ-искелесскій также точно, какъ и конвенцію 3-го (15-го) іюля 1840 года. Конечно, лучше было бы придать сохраненію цѣлости и независимости Оттоманской имперіи видъ торжествен-

---

[1]) Guizot, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 78.

наго обязательства, но можно удовольствоваться и упоминовеніемъ ихъ во введеніи къ трактату. Не настаивая на правахъ и преимуществахъ въ пользу христіанъ Сиріи, слѣдуетъ, однако, попытаться побудить державы, чтобъ онѣ употребили свое вліяніе на Порту съ цѣлью понужденія ея къ дарованію христіанамъ гарантій справедливости и хорошей администраціи. Нужно постараться объ открытіи всѣмъ державамъ свободнаго доступа къ путямъ, соединяющимъ Азію съ Европой, безъ всякихъ исключеній въ пользу какого либо отдѣльнаго государства. Что же касается закрытія проливовъ и ограниченія впуска въ нихъ иностранныхъ военныхъ судовъ, то объ этомъ не можетъ быть и спора [1]).

Снабженный этими инструкціями, баронъ Буркенэ, на вопросъ лорда Пальмерстона: «меня увѣряютъ, что мы можемъ вступить съ вами въ бесѣду?» отвѣчалъ: «я готовъ.» Между обоими дипломатами послѣдовалъ продолжительный разговоръ, и французскій повѣренный въ дѣлахъ подробно изложилъ англійскому министру программу своего правительства. Пальмерстонъ не согласился обратить ручательство за цѣлость и независимость Оттоманской имперіи въ международное обязательство. Это, говорилъ онъ, противорѣчило бы политическимъ преданіямъ великобританскаго кабинета, поставившаго себѣ за правило не принимать на себя безсрочныхъ обязательствъ, которыя ничего не спасаютъ, а только возбуждаютъ осложненія въ будущемъ. Британскій министръ находилъ достаточнымъ включеніе въ договоръ общаго желанія державъ упрочить турецкую независимость и цѣлость. Зато онъ призналъ выгоднымъ провозглашеніе закрытія проливовъ, одинаково желательнаго для всѣхъ договаривающихся сторонъ. Онъ отклонилъ условія, относящіяся до открытія всѣмъ державамъ свободнаго доступа къ путямъ сообщенія, соединяющимъ Европу съ Азіей, а преимущества въ пользу сирійскихъ христіанъ ограничилъ совѣтами Портѣ даровать имъ хорошую администрацію и примѣнять къ нимъ начала терпимости. Конвенція 3-го (15-го) іюля, добавилъ онъ, завершается заключительнымъ протоколомъ, а постановленіе о закрытіи проливовъ упраздняетъ ункіаръ-искелесскій договоръ; къ тому же,

[1]) Гизо барону Буркенэ, февраль 1841.

Россія торжественно обязалась не возобновлять послѣдняго, и онъ умираетъ естественною смертью [1]).

Въ сущности предположенный общій договоръ сводился къ провозглашенію «впятеромъ» закрытія Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флаговъ всѣхъ націй. Въ этомъ видѣ онъ уже въ началѣ марта былъ составленъ и скрѣпленъ по статьямъ [2]), но подписаніе его замедлилось почти на четыре мѣсяца, вслѣдствіе затрудненій, возбужденныхъ Портой по дѣлу о предоставленіи Мегметъ-Али-пашѣ наслѣдственной власти въ Египтѣ.

1-го (13-го) іюля 1841 года собрались въ Foreign Office представители пяти великихъ державъ и султана. Уполномоченные Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи подписали протоколъ, въ коемъ, признавъ оконченными замѣшательства, побудившія султана воззвать къ помощи четырехъ дворовъ противъ паши египетскаго, нашли необходимымъ, независимо отъ временныхъ мѣръ, истекающихъ изъ состоявшейся между ними въ іюлѣ 1840 года конвенціи, установить обязательность воспрещенія входа въ проливы иностраннымъ военнымъ судамъ. «Но, такъ какъ,» продолжалъ протоколъ, «принципъ этотъ по существу своему подлежитъ общему и постоянному примѣненію, то уполномоченные, снабженные по сему предмету приказаніями дворовъ своихъ, полагаютъ, что для выраженія согласія и единства, коими проникнуты намѣренія всѣхъ дворовъ, и въ интересѣ упроченія европейскаго мира, слѣдуетъ констатировать признаніе вышеупомянутаго принципа посредствомъ договора, въ которомъ будетъ предложено Франціи принять участіе, по приглашенію и согласно желанію его величества султана.» Хотя, по словамъ самаго протокола, обращенное къ Франціи приглашеніе имѣло исходить отъ султана, тотъ же протоколъ возлагалъ на лорда Пальмерстона обязанность увѣдомить о семъ французское правительство и предложить ему приступить къ договору, долженствующему послужить «залогомъ единенія пяти державъ». Непослѣдовательность эта являлась компромиссомъ между точкой зрѣнія русскаго двора, нежелавшаго дѣлать ни единаго шага навстрѣчу тюильрійскому кабинету, и притязаніями послѣдняго на то, чтобы соучастіе

---

[1]) Баронъ Буркенэ къ Гизо, 9 (21) февраля 1841.

[2]) Paraphé, какъ выражаются дипломаты.

его являлось какъ бы актомъ его снисхожденія къ желаніямъ Европы. Протоколъ былъ помѣченъ заднимъ числомъ, а именно 28-мъ іюня (10-мъ іюля) [1]).

Вслѣдъ за подписаніемъ протокола былъ подписанъ и договоръ между пятью великими державами, съ одной стороны, и султаномъ, съ другой. Во вступленіи къ договору Россія, Англія, Франція, Австрія и Пруссія заявляли, что почитаютъ единеніе и согласіе свое за вѣрный залогъ сохраненія мира въ Европѣ, а также, что онѣ единодушно желаютъ доказать свое уваженіе къ неприкосновенности державныхъ правъ султана. Въ первой статьѣ султанъ выражалъ твердую рѣшимость соблюдать въ будущемъ древнее правило своей имперіи, въ силу коего, воспрещается военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ Дарданеллы и въ Босфоръ, и пока Порта находится въ мирѣ, не допускать въ эти проливы ни единаго иностраннаго военнаго судна, а великія державы обязывались уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ нимъ. Вторая статья постановляла исключеніе въ пользу легкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, находящихся въ распоряженіи европейскихъ посольствъ въ Константинополѣ, для впуска коихъ въ проливы султанъ предоставлялъ себѣ, по-прежнему, выдавать отдѣльные фирманы. По третьей статьѣ, султанъ имѣлъ сообщить конвенцію всѣмъ державамъ, находящимся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Портой, и пригласить ихъ приступить къ состоявшемуся уговору. Четвертая и послѣдняя статья опредѣляла двухмѣсячный срокъ для обмѣна ратификацій въ Лондонѣ [2]).

Второю лондонскою конвенціей заключились переговоры великихъ державъ по Восточному вопросу. Они продолжались два года и далеко вышли за предѣлы узкихъ рамокъ турецко-египетскаго дѣла, послужившаго имъ первоначальнымъ поводомъ. Они обнимали всю совокупность отношеній великихъ державъ между собой и Востокомъ, и результатомъ ихъ было коренное измѣненіе этихъ отношеній: европейское соглашеніе, принципъ, въ силу коего пять державъ, представляющихъ Европу, имѣли обсуждать и рѣшать важнѣйшіе политическіе во-

---

[1]) Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ представителями Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи 28 іюня (10 іюля) 1841.

[2]) Конвенція, заключенная въ Лондонѣ между Россіей, Англіей, Франціей, Австріей и Пруссіей, съ одной стороны, и Турціей, съ другой, 1 (13) іюля 1841.

просы не иначе какъ сообща, тотъ самый принципъ, который оказался несостоятельнымъ на Западѣ и пришелъ тамъ въ полное забвеніе, былъ торжественно и исключительно распространенъ на Востокъ.

Мы знаемъ, какъ усердно добивалась вышеозначеннаго результата западная дипломатія въ теченіе трехъ четвертей столѣтія, какъ долго и упорно отвергалъ его русскій дворъ. И вдругъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, мы не только ему не воспротивились, но сами даже взяли на себя почипъ въ приведшихъ къ нему переговорахъ.

Исторія этихъ переговоровъ крайне поучительна. Она какъ нельзя лучше, доказываетъ, сколь опасно для великой державы покидать торный историческій путь и произвольно создавать новыя политическія сочетанія, въ полномъ противорѣчіи съ преданіями прошедшаго. Первымъ такимъ уклоненіемъ нашей восточной политики было принятое послѣ адріанопольскаго мира рѣшеніе искусственно поддерживать существованіе разлагающейся Турціи и отодвинуть на второй планъ наше исконное покровительство христіанскому ея населенію. Вторымъ шагомъ по тому же направленію была вызванная нами самими европейская опека надъ нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и вѣковымъ противникомъ.

Едва ли императорскій кабинетъ предвидѣлъ такой бѣдственный для насъ исходъ, отправляя осенью 1839 года барона Бруннова въ Лондонъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ. Непосредственною цѣлью его было сблизиться съ Англіей, устранивъ тѣ недоразумѣнія, которыя, по мнѣнію нашихъ дипломатовъ, *одни* препятствовали дружному и согласному дѣйствію Россіи и Англіи на Востокѣ. Роковое заблужденіе, которое не замедлило принести соотвѣтствующій плодъ!

Соглашеніе между двумя великими державами необходимо предполагаетъ извѣстное равенство въ выгодахъ, причитающихся на долю каждой изъ нихъ, и не даромъ князь Бисмаркъ провозглашаетъ правило: do ut des основнымъ началомъ политики. Между тѣмъ, мы видимъ какъ Брунновъ пренебрегалъ этимъ правиломъ въ переговорахъ своихъ съ Пальмерстономъ. Мы принесли въ жертву всѣ лучшія преданія нашей исторіи, принципъ невмѣшательства иностранныхъ державъ въ наши отношенія съ Портой и ункіаръ-искелесскій договоръ, заключенный всего за шесть лѣтъ предъ тѣмъ и служившій

блестящимъ выраженіемъ помянутаго принципа. Умаляя, такимъ образомъ, наше собственное значеніе въ Турціи, мы ревностно содѣйствовали поднятію обаянія Англіи въ глазахъ и мусульманскаго, и христіанскаго Востока. Споръ между султаномъ и пашой былъ улаженъ согласно ея волѣ и интересамъ, политическимъ и торговымъ. Кліентъ Франціи, Мегметъ-Али, униженъ, ослабленъ, лишенъ всякой будущности. Уничтожена въ самомъ зародышѣ мысль объ арабской имперіи, подчиненной французскому вліянію и владѣющей столь необходимымъ для англичанъ кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ въ Индію. Спасеніе Турціи не только задумано Англіей, но ей же принадлежитъ и честь приведенія въ исполненіе рѣшеній Европы. Англійскій флотъ одинъ, безъ чьей-либо помощи, (ибо нельзя считать таковою содѣйствіе двухъ-трехъ австрійскихъ судовъ) усмирилъ пашу, водворилъ миръ и порядокъ въ Левантѣ. При появленіи этого флота сдался Бейрутъ, пала Акка, Мегметъ-Али выразилъ полную покорность. На Востокѣ, гдѣ уважается только сила и ея непосредственныя проявленія, событія эти не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія и высоко подняли престижъ Великобританіи.

На нашу долю, согласно договору, выпадала роль подчиненная, менѣе чѣмъ второстепенная. Мы, ближайшіе сосѣди Турціи, были устранены отъ участія въ понудительныхъ мѣрахъ противъ паши. Лишь въ крайнемъ случаѣ намъ дозволялось поспѣшить на защиту Константинополя отъ нападенія Ибрагима. Но одновременно со вступленіемъ въ Босфоръ сухопутныхъ и морскихъ силъ нашихъ, эскадры западныхъ державъ имѣли войти въ Дарданеллы, съ тѣмъ, чтобы наблюдать за нами, не дать намъ выйти изъ предѣловъ европейскаго полномочія. На дѣлѣ и этого не произошло. Ни знамена нашихъ войскъ, ни флагъ нашихъ судовъ, не показались на театрѣ военныхъ дѣйствій, и замиреніе Востока, какъ это и предвидѣлъ Пальмерстонъ, обошлось безъ нашего содѣйствія.

А между тѣмъ, именно началу полнаго равенства великихъ державъ по отношенію къ Востоку мы принесли въ жертву наше особенное положеніе въ Турціи. По кучукъ-кайнарджійскому договору мы пользовались тамъ такими же «преимуществами и выгодами, каковыми во владѣніяхъ Порты пользуются прочіе народы, въ наибольшей дружбѣ съ нею пребывающіе, и коимъ, преимущественно въ коммерціи, блистательная Порта

благопріятствуетъ, какъ-то французы и англичане, и капитуляціи сихъ двухъ націй и прочихъ, якобы отъ слова до слова здѣсь внесены были, должны служить во всемъ и для всего правиломъ» [1]). Но независимо отъ правъ, раздѣляемыхъ съ западными державами, мы пользовались въ Турціи и иными правами, коихъ тѣ не имѣли; важнѣйшее изъ послѣднихъ было право покровительства всему христіанскому населенію Турціи [2]). По ункіаръ-искелесскому трактату мы находились въ оборонительномъ союзѣ съ султаномъ. Ото всѣхъ этихъ, намъ однимъ принадлежавшихъ правъ, мы добровольно отреклись въ такъ называемомъ протоколѣ безкорыстія, коимъ обязались «не искать никакого исключительнаго вліянія» въ Оттоманской имперіи.

Мало того, цѣлость и независимость этого государства,—гарантіей коихъ мы до того времени считали лишь наши договоры съ султаномъ, ставя, такимъ образомъ, и ту, и другую, въ зависимость отъ соблюденія турками обязательствъ ихъ предъ нами, — мы въ конвенціи, заключенной съ тремя великими державами провозгласили началомъ народнаго права Европы, предоставляя послѣдней возможность требовать отъ насъ безусловнаго уваженія неприкосновенности Порты, какъ бы поощряя послѣднюю перспективой полной безнаказанности за нарушеніе договоровъ ея съ нами.

Но первая лондонская конвенція, утѣшали мы себя, заключена въ виду частнаго случая, турецко-египетской распри, дѣйствіе ея временное и прекратится съ установленіемъ новыхъ правильныхъ отношеній между султаномъ и пашой. Зато ею достигается важный политическій результатъ. Франція исключается изъ совѣта великихъ державъ, выбрасывается за бортъ европейскаго соглашенія. Въ то же время порываются ея дружественныя связи съ Англіей, лондонскій кабинетъ примыкаетъ къ охранительному союзу трехъ державъ Сѣвера и возстановляется «великій союзъ», за четверть столѣтія предъ тѣмъ сплотившій въ Шомонѣ монархическую Европу противъ революціонной Франціи.

Если бы такая цѣль и была достижима, то едва ли осуществленіе ея соотвѣтствовало бы нашимъ вѣрно понятымъ ин-

[1]) Статья 11-я кучукъ-кайнарджійскаго трактата.

[2]) Статья 7-я того же договора.

тересамъ. Съ одной стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что «сердечное соглашеніе», установившееся съ 1830 года между Англіей и Франціей, не только не было источникомъ силы для послѣдней, но стѣсняло ея самостоятельность и сдерживало честолюбивые порывы дѣйствительнѣе всякой европейской, противъ нея, коалиціи. Непремѣннымъ условіемъ англійской дружбы было отреченіе Франціи отъ всякаго расширенія границъ, даже отъ распространенія французскаго вліянія въ сосѣднихъ странахъ. Связанная ею, Франція не могла воспользоваться ни бельгійскимъ возстаніемъ, ни смутами въ Испаніи, въ Италіи и въ Германіи, для ослабленія узъ, наложенныхъ на нее вѣнскимъ конгрессомъ. Съ другой стороны, присоединеніе конституціонной Англіи къ союзу трехъ сѣверныхъ державъ необходимо лишило бы этотъ союзъ его охранительнаго характера, сузило бы его задачи и конечно скоро лишило бы Россію преобладающаго вліянія на ея первоначальныхъ союзницъ, Австрію и Пруссію. Но по самому ходу переговоровъ не трудно было предвидѣть, что мысль о возстановленіи шомонской коалиціи неосуществима; что въ Лондонѣ иначе, нежели въ Петербургѣ, понимаютъ сближеніе между Англіей и Россіей; что лордъ Пальмерстонъ намѣренъ воспользоваться нами лишь какъ орудіемъ воздѣйствія на Францію и, запугавъ Лудовика-Филиппа, вынудить у него покорность непреклонной своей волѣ; что при этомъ англійскій министръ не прочь добиться, дабы мы собственными руками раздѣлали дѣло, совершенное на Востокѣ нашею тысячелѣтнею исторіей, и низвести насъ съ того пьедестала, на который вознесли Россію мудрость ея государей, доблесть нашихъ войскъ, вѣковыя усилія русскаго народа; словомъ, что, какъ только двойной результатъ этотъ будетъ достигнутъ, Англія снова протянетъ руку Франціи и сама торжественно введетъ ее въ совѣтъ великихъ державъ.

Вступивъ на ложный путь, мы вынуждены были идти по немъ далѣе, не взирая на то, что каждый шагъ ухудшалъ наше положеніе въ отношеніи къ Европѣ и къ Востоку. Для предоставленія Франціи возможности безъ ущерба своему достоинству возвратиться въ лоно европейскаго концерта, потребовалось временное и частное соглашеніе по турецко-египетской распрѣ обратить въ общее и постоянное, дѣйствіе коего распространялось бы на весь Восточный вопросъ. Такимъ обра-

зомъ, состоялась вторая лондонская конвенція. Нужды нѣтъ, что по нашему настоянію, изъ нея было исключено упоминаніе о цѣлости и независимости Оттоманской имперіи и конвенція ограничена постановленіями о закрытіи Дарданеллъ и Босфора для военныхъ флаговъ всѣхъ націй. Слово не было произнесено, но дѣло сдѣлано. Европа не настаивала на узаконеніи своей опеки надъ Турціей, необходимымъ послѣдствіемъ чего было бы и формальное упраздненіе принадлежавшихъ намъ правъ по отношенію къ послѣдней. Никому и въ мысль не приходило, чтобы возможно было исторгнуть добровольное согласіе императора Николая, стоявшаго въ глазахъ всего Запада на высшей ступени своего могущества, на такой порядокъ, который пятнадцать лѣтъ спустя вынуждена была признать на Востокѣ Россія, истекавшая кровью, послѣ тяжкой и неравной борьбы съ половиной Европы. Но зато созданъ былъ прецедентъ, который оправдывалъ вмѣшательство великихъ державъ во всѣ грядущія несогласія наши съ Портой, установилось судилище, предъ коимъ мы имѣли предстать современемъ, въ качествѣ не равноправныхъ судей, а подсудимыхъ. Обѣ лондонскія конвенціи—прямыя родоначальницы договоровъ парижскаго и берлинскаго, до сего времени тяготѣющихъ надъ судьбами Россіи на Востокѣ.

Замѣтимъ, что и самый вопросъ о проливахъ разрѣшенъ былъ державами далеко не въ нашу пользу. Въ прошломъ столѣтіи, когда Черное море было внутреннимъ турецкимъ моремъ, на Босфоръ не распространялось, да и не могло распространяться древнее правило Оттоманской Порты о воспрещеніи входа въ Дарданеллы иностраннымъ судамъ подъ военнымъ флагомъ. Поэтому, и въ договорѣ 1809 года, заключенномъ между Англіей и Турціей упоминалось о закрытіи только Дарданеллъ. Въ нашихъ трактатахъ съ Портой, до адріанопольскаго включительно, вопросъ о проливахъ возбуждался единственно въ видахъ обезпеченія свободнаго плаванія по нимъ нашихъ торговыхъ судовъ. Лишь ункіаръ-искелесскимъ трактатомъ турки обязались предъ нами безусловно воспретить входъ въ Дарданеллы военнымъ судамъ всѣхъ націй, чѣмъ удовлетворялась одна изъ нашихъ насущнѣйшихъ потребностей—обезпеченіе, ставшаго русскимъ, черноморскаго побережья отъ нападенія, въ случаѣ войны, непріятельскихъ флотовъ. Тотъ

же трактатъ не только не воспрещалъ русскому флоту входа въ Босфоръ, но и предвидѣлъ случаи необходимаго его тамъ появленія. Ясно, что всѣ преимущества такого порядка были на нашей сторонѣ, всѣ невыгоды—на сторонѣ морскихъ державъ, нашихъ соперницъ.

Зато, съ этой поры, всѣ усилія Англіи и Франціи были направлены къ измѣненію привилегированнаго положенія, созданнаго намъ въ проливахъ ункіаръ-искелесскимъ договоромъ. Когда, въ 1835 году, Пальмерстонъ, послѣ непродолжительной отставки, возвратился къ власти, главною заботой его былъ именно этотъ вопросъ. Онъ казался ему столь важнымъ, что побудилъ его обратиться къ совѣту своего политическаго противника, главы предшедшаго торійскаго кабинета, лорда Веллингтона. «Востокъ,» сказалъ Пальмерстонъ герцогу, «призванъ играть великую роль въ дѣлахъ Европы, и я желалъ бы знать ваше мнѣніе о двухъ системахъ, представляющихся нашей политикѣ: должны ли мы добиваться открытія доступа въ Мраморное море нашему флоту, а слѣдовательно и флотамъ всѣхъ прочихъ державъ, или лучше требовать закрытія проливовъ для всѣхъ, не исключая и насъ.» «Непремѣнно закрытія,» съ живостью отвѣчалъ Веллингтонъ; «въ этихъ водахъ мы слишкомъ далеки отъ нашихъ рессурсовъ, у Россіи же они подъ рукою [1]).»

Въ 1839 году, рѣшась принести въ жертву Англіи ункіаръ-искелесскій договоръ, мы однако сознавали необходимость замѣнить постановленныя имъ ручательства безопасности нашихъ черноморскихъ береговъ новымъ трактатомъ, заключеннымъ со всѣми великими державами и съ Портой. И что̀ же мы предложили? Безусловное закрытіе обоихъ проливовъ для военныхъ судовъ, то-есть какъ разъ ту самую мѣру, которую высшій военно-политическій авторитетъ Англіи признавалъ какъ нельзя болѣе цѣлесообразною для ослабленія нашего могущества въ Левантѣ. Поступая такимъ образомъ, мы готовили себѣ легкій дипломатическій успѣхъ, но конечно не ограждали нашихъ важнѣйшихъ интересовъ на Черномъ морѣ.

Дѣло въ томъ, что провозглашенное конвенціей 1841 года, запрещеніе входа въ проливы для флотовъ всѣхъ державъ

---

[1]) Разговоръ этотъ съ Веллингтономъ лордъ Пальмерстонъ самъ повѣдалъ французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Лондонѣ, четыре года спустя. См. донесеніе маршалу Сульту, барона Буркенэ отъ 30 іюня (12 іюля) 1839.

устанавливало лишь призрачное равенство между положеніемъ въ этихъ водахъ Россіи и прочихъ государствъ. Мы одни были державой прибрежною Чернаго моря, входъ и выходъ котораго былъ намъ одинаково закрытъ, какъ и прочимъ державамъ, для коихъ и то и другое отнюдь не было необходимостью. Но еще важнѣе для насъ было то, что въ случаѣ войны между Россіей и любою изъ прочихъ державъ, Порта могла безнаказанно нарушить свое обязательство и впустить въ Черное море непріятельскій флотъ, тогда какъ мы были лишены возможности привлечь ее за это къ отвѣтственности, ибо обязательство держать входъ въ проливы закрытымъ было принято ею относительно не насъ однихъ, а всей Европы.

Таковы были для насъ первые горькіе плоды европейскаго соглашенія по дѣламъ Востока.

Спрашивается: какъ могъ императоръ Николай, столь чутко относившійся ко всему что̀ соприкасалось съ достоинствомъ и пользами Россіи, допустить такой бѣдственный оборотъ въ восточной политикѣ своего кабинета? Мы уже неоднократно указывали на нѣкоторыя изъ побудившихъ его къ тому причинъ: систематическое отклоненіе его вниманія съ Востока на Западъ; противопоставленіе общихъ интересовъ монархической Европы частнымъ выгодамъ Россіи; воззваніе къ его великодушію и безкорыстію. Но независимо отъ этихъ соображеній, въ государѣ жило твердое убѣжденіе, что дни Порты сочтены, что Турція вскорѣ умретъ своею естественною смертію, распадется отъ внутренняго недуга, ее разлагающаго. Въ виду этого, онъ искренно желалъ установленія соглашенія между великими державами по Восточному вопросу. Онъ хотѣлъ разрѣшить его безъ потрясеній, безъ кровавыхъ жертвъ, безъ европейской войны. Ничего не желая для себя изъ турецкаго наслѣдства, государь предполагалъ и въ прочихъ державахъ подобное же безкорыстіе цѣлей. Константинополь, говорилъ онъ графу Нессельроде, долженъ принадлежать *всѣмъ*, то-есть *никому*. По мнѣнію императора, охрана Босфора должна была быть предоставлена Россіи, Дарданеллъ—Англіи [1]). Въ этомъ планѣ заключается главная разгадка необыкновенной уступчивости императора Николая по отношенію къ лондонскому двору.

Но графъ Нессельроде и дипломатическій штабъ его не

---

[1]) См. Мартенса, *Собраніе трактатовъ и конвенцій*, IV, ч. 1, стр. 496.

раздѣляли этихъ мнѣній государя, не вѣрили въ близкій конецъ Турціи, не желали его. Исторія не находитъ смягчающихъ обстоятельствъ въ ихъ пользу. Она не проститъ имъ презрѣнія къ ней, къ ея опыту, указаніямъ, урокамъ. Именно въ такомъ къ ней отношеніи лежалъ корень зла. Мы не можемъ не признать, что въ эту достопамятную эпоху, русская дипломатія не оказалась на высотѣ своей исторической задачи. Въ лѣтописи внѣшнихъ сношеній Россіи, лондонскія конвенціи 1840 и 1841 годовъ, обильныя столь гибельными для насъ послѣдствіями, составляютъ печальную страницу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Упадокъ значенія Россіи на Востокѣ.

Послѣдствія отреченія нашего отъ самостоятельной восточной политики и распространенія на Турцію обще-европейскаго соглашенія не замедлили сказаться на Западѣ, какъ и на Востокѣ.

На Западѣ мы совершенно нечаянно очутились въ изолированномъ положеніи. Отношенія наши съ Франціей испортились окончательно. Она не прощала намъ испытаннаго униженія, приписывая его личной ненависти императора Николая къ Лудовику-Филиппу. Послѣдній прямо жаловался австрійскому послу при своемъ дворѣ: «Императоръ не могъ вынести и переварить мысли, что мое революціонное царствованіе продолжается болѣе десяти лѣтъ, и, обдумавъ всевозможныя средства для низверженія меня, остановился на разрывѣ союза Франціи съ Англіей, какъ на самомъ дѣйствительномъ средствѣ, представляющемъ въ помянутомъ отношеніи наиболѣе благопріятные шансы успѣха. Брунновъ былъ орудіемъ этого коварнаго замысла. Сначала онъ ему не удался; первыя предложенія его сочли за нелѣпость, и они были отвергнуты. Императоръ приказалъ ему настаивать, расточая Англіи, съ невѣроятнымъ упорствомъ и терпѣніемъ, нѣжнѣйшія ласки, и поручилъ своему посланнику выступить съ новыми предложеніями, столь же нелѣпыми, какъ и первыя; на этотъ разъ они были приняты лордомъ Пальмерстономъ, куплены имъ цѣною отреченія отъ союза съ Франціей, союза, исключительно основаннаго на началѣ соблюденія всеобщаго мира,—и притомъ изъ-за единственнаго побужденія: въ отместку мнѣ за мои от-

казъ вмѣшаться въ дѣла Испаніи. Вы всѣ были запуганы и увлечены этими дѣйствіями Россіи; вы соединились съ нею противъ меня, Англія благодаря мстительности своего перваго министра, Австрія и Пруссія—страха ради предъ Россіей... Другой на моемъ мѣстѣ отплатилъ бы оскорбленіемъ за оскорбленіе, и вся Франція, повѣрьте мнѣ, рукоплескала бы ему! Я же выносливъ: ignoramus. Таково, вы знаете, правило мое относительно императора Николая... [1])» Однако природное миролюбіе не долго сдерживало раздраженіе Лудовика-Филиппа противъ насъ. Отъѣздъ русскаго посла въ Парижѣ, графа Палена, въ отпускъ, за два мѣсяца до новаго (1842) года, когда на долю его выпадало, за отсутствіемъ папскаго нунція, въ качествѣ старшины дипломатическаго корпуса, произнести на пріемѣ въ тюильрійскомъ дворцѣ обычное привѣтствіе королю,—былъ сочтенъ французскимъ правительствомъ за умышленное уклоненіе отъ исполненія этой церемоніальной обязанности. Въ видѣ возмездія, оно предписало своему повѣренному въ дѣлахъ воздержаться отъ появленія въ Зимнемъ дворцѣ 6-го (18-го) декабря, въ день тезоименитства государя. Дерзкая выходка эта дорого обошлась чинамъ французскаго посольства въ Петербургѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ихъ не приглашали и не принимали ни въ одномъ изъ нашихъ аристократическихъ домовъ, за исключеніемъ офиціальныхъ гостиныхъ, не разговаривали съ ними, не кланялись, словомъ, прекратили всякія сношенія. Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ, находившіеся въ отпуску, русскій посолъ въ Парижѣ и французскій въ Петербургѣ не возвратились болѣе къ своимъ постамъ. Обоими посольствами продолжали завѣдывать повѣренные въ дѣлахъ, до самой революціи 1848 года, низвергнувшей династію Орлеановъ и провозгласившей республику во Франціи [2]).

Чѣмъ шире и глубже становилась бездна, отдѣлявшая Россію отъ Франціи, тѣмъ усерднѣе заботилась послѣдняя о возстановленіи, прерваннаго событіями 1840 года, сердечнаго соглашенія своего съ Англіей. Задачу эту облегчило для Гизо, состоявшееся осенью слѣдующаго года, удаленіе отъ власти

---

[1]) Графъ Аппоньи князю Меттерниху, 1 (13) мая 1841.

[2]) Эпизодъ этотъ подробно изложенъ у Гизо въ его *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 335—342. Тамъ же, въ приложеніи (стр. 469—524), приведена и вызванная имъ любопытная дипломатическая переписка.

виговъ и замѣна ихъ торійскимъ министерствомъ, въ предсѣдательствѣ сэръ-Роберта Пиля и съ лордомъ Абердиномъ въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ. Не мало способствовали сближенію обоихъ правительствъ и дружественныя отношенія, завязавшіяся между королевскими семьями, англійскою и французскою, и скрѣпленныя посѣщеніемъ Лудовика-Филиппа королевой Викторіей и принцемъ-супругомъ въ замкѣ Э, лѣтомъ 1843 года.

Такимъ образомъ, англо-французскій союзъ былъ возстановленъ въ прежней своей силѣ, но обстоятельство это не повлекло за собою, какъ послѣ революціи 1830 года, скрѣпленія связей, соединявшихъ три державы охранительнаго лагеря: Россію, Австрію и Пруссію. Напротивъ, ближайшія наши союзницы стали обнаруживать неудержимое тяготѣніе къ Англіи, искали заручиться ея дружбой и союзомъ. Ревнуя насъ къ лондонскому двору, вселяя въ насъ недовѣріе къ нему и убѣжденіе, что съ нимъ невозможно никакое соглашеніе «на почвѣ нравственныхъ началъ» [1]), князь Меттернихъ хвастался предъ нами, что стоитъ ему захотѣть, и союзъ Австріи съ Англіей заключится самъ собою, на твердомъ основаніи «полной солидарности матеріальныхъ интересовъ обѣихъ державъ» [2]). И дѣйствительно, какъ только торіи смѣнили виговъ у власти, австрійскій канцлеръ поспѣшилъ привѣтствовать давнихъ друзей своихъ, герцога Веллингтона и лорда Абердина, и напомнить имъ о совмѣстной работѣ въ эпоху послѣдней борьбы съ Наполеономъ и конгрессовъ вѣнскаго и ахенскаго. «Перемѣна, происшедшая въ Англіи,» писалъ онъ преемнику Пальмерстона, «есть событіе, измѣрить значеніе коего мнѣ представляется невозможнымъ. Но вѣрно то, что, поставивъ меня лицомъ къ лицу съ давними друзьями, оно имѣетъ для меня цѣну несомнѣннаго благодѣянія [3]).»

Ревностное желаніе стать къ Англіи въ близкія, союзническія отношенія проявилъ и король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, наслѣдовавшій отцу лѣтомъ 1840 года. Пылкое, романическое воображеніе этого государя увлекало его на путь сближенія съ великобританскимъ дворомъ, во имя солидарности протестантскихъ интересовъ. Орудіемъ этого сближенія онъ

---

[1]) Князь Меттернихъ Струве, 14 (26) іюня 1841.
[2]) Струве графу Нессельроде, 2 (14) іюня 1841.
[3]) Князь Меттернихъ лорду Абердину, 31 августа (12 сентября) 1841.

избралъ извѣстнаго ученаго и личнаго своего друга, Бунзена, который и былъ назначенъ прусскимъ представителемъ въ Лондонъ. Бунзенъ нашелъ могучую поддержку въ принцѣ Альбертѣ, супругѣ королевы, оставшемся горячимъ нѣмецкимъ патріотомъ. Первый министръ сэръ-Робертъ Пиль также выражалъ сочувствіе притязаніямъ Пруссіи на роль руководительницы Германіи, пока лишь на почвѣ интересовъ матеріальныхъ и духовныхъ, не политическихъ. Онъ называлъ себя «добрымъ нѣмцемъ» и восторгался патріотическимъ стихотвореніемъ Беккера, воспѣвавшимъ «нѣмецкій Рейнъ» [1]). Симпатіи англійскихъ государственныхъ людей къ Пруссіи возрасли еще болѣе, когда узнали о намѣреніи короля Фридриха-Вильгельма IV ввести у себя народное представительство, вопреки совѣтамъ Австріи и требованіямъ Россіи. Воспитанный въ правилахъ германскаго либерализма, Бунзенъ серіозно помышлялъ и объ отдѣленіи своего отечества отъ обоихъ императорскихъ дворовъ, и о тѣсномъ соглашеніи съ Англіей по всѣмъ современнымъ политическимъ вопросамъ [2]).

Волей-неволей приходилось и намъ, во избѣжаніе полнаго одиночества въ средѣ возстановленнаго «европейскаго ареопага», искать расположенія сентъ-джемскаго кабинета, повторяя въ утѣшеніе, что «гораздо легче устранить опасность, угрожающую миру отъ преслѣдованія Англіей исключительныхъ своихъ интересовъ посредствомъ союза и дружбы, чѣмъ открытою съ нею враждой [3]).

Разсуждая такимъ образомъ, наши дипломаты судили объ англійскихъ государственныхъ людяхъ по самимъ себѣ и, разумѣется, приходили къ ложнымъ выводамъ. Изъ рѣчей Пальмерстона мы знаемъ, что «систему, по которой кратковременная безопасность достигается цѣной тяжкихъ уступокъ и интересы чужеземныхъ министровъ ставятся выше интересовъ своей страны», онъ считалъ безусловно вредною и гибельною [4]). Удовлетвореніе пользъ и нуждъ Англіи, какими бы то ни было средствами—такова была главная задача его политики, а искусство его было направлено къ тому, чтобы заручиться со-

[1]) Сэръ-Робертъ Пиль Бунзену, 28 сентября (10 октября) 1841.

[2]) Бунзенъ борону Каницу, 13 (25) сентября и 12 (25) октября 1847.

[3]) Графъ Нессельроде Струве, 21 апрѣля (3 мая) 1841.

[4]) Рѣчь, произнесенная Пальмерстономъ въ палатѣ общинъ въ іюлѣ 1844 года.

дѣйствіемъ большинства прочихъ державъ въ преслѣдованіи исключительно англійскихъ цѣлей. На упрекъ одного изъ своихъ парламентскихъ противниковъ, что «безпокойная дѣятельность его обнимала весь міръ», Пальмерстонъ гордо отвѣчалъ: «Солнце никогда не заходитъ надъ интересами нашей страны, и лице, обязанное стоять на стражѣ внѣшнихъ ея сношеній, было бы недостойно своего положенія, если бы дѣятельность его не соразмѣрялась съ широкимъ объемомъ великихъ интересовъ, требующихъ его вниманія [1].» И странное дѣло! За весь одиннадцатилѣтній періодъ перваго управленія его внѣшними дѣлами Англіи, не смотря на непреклонность и даже на нѣкоторый задоръ его политики, держава эта осталась въ мирѣ со всѣми прочими государствами, во всѣхъ частяхъ свѣта, быть можетъ, потому именно, что министръ, руководившій ея судьбами, не допускалъ мира «во что бы то ни стало». Мало того, иностранные кабинеты не только не обнаруживали неудовольствія или нетерпѣнія въ виду гласно заявлявшихся эгоистическихъ притязаній лондонскаго двора, но всѣ, наперерывъ другъ предъ другомъ, заискивали въ немъ, стремились заручиться его дружбой. Таковы были результаты политики ясной и опредѣленной въ своихъ цѣляхъ, смѣлой и рѣшительной въ средствахъ, проникнутой сознаніемъ могущества Англіи и ея національнаго достоинства.

Понятно, какое впечатлѣніе должна была произвести на Пальмерстона уступчивость, обнаруженная императорскимъ кабинетомъ въ восточныхъ дѣлахъ. Онъ спѣшилъ воспользоваться ею, какъ счастливою и совершенно неожиданною случайностью, но не вѣрилъ въ ея продолжительность, не допускалъ, чтобы великій народъ могъ надолго уклониться отъ историческаго пути своего. Доказательствомъ служитъ сужденіе, высказанное имъ лѣтомъ 1844 года, когда онъ, находясь въ отставкѣ и путешествуя по Европѣ, встрѣтился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ графомъ Фикельмонтомъ, бывшимъ долгіе годы австрійскимъ посломъ при русскомъ дворѣ, и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ о современномъ состояніи Восточнаго вопроса. Австріецъ старался увѣрить своего собесѣдника, что Россія не можетъ помышлять о распространеніи владѣній своихъ на Югѣ, потому что ея истинная сила, военная и тор-

[1]) Рѣчь его въ той же палатѣ, 17 февраля (1 марта) 1843.

говая, пребываетъ-де на Сѣверѣ, что большинство русскихъ дворянъ живутъ также на Сѣверѣ, а между тѣмъ, разстояніе отъ Петербурга до Нью-Йорка немногимъ больше разстоянія отъ Одессы до Гибралтара, гдѣ русская торговля находится-де только на полупути отъ своего рынка; что расходы по перевозкѣ въ южной Россіи очень велики и перевозка зерна на пространствѣ 250 верстъ превышаетъ-де самую стоимость его и т. п. «Все это прекрасно придумано,» замѣчаетъ Пальмерстонъ въ дневникѣ своемъ, «но совершенно ошибочно... Всѣ правительства, и въ особенности неограниченныя, замышляютъ территоріальное расширеніе въ силу соображеній, болѣе политическихъ, нежели экономическихъ, а утверждать, что Россія не думаетъ о распространеніи къ Югу, значитъ отрицать уроки исторіи» [1]).

Пальмерстону не было суждено самому воспользоваться результатомъ своей политики. Плоды ея пожали торіи, смѣнившіе виговъ у власти. Такъ же точно, какъ на Западѣ, обаяніе Англіи поднялось и на Востокѣ. Тамъ она выиграла въ этомъ отношеніи все, что потеряла Россія. По мѣткому опредѣленію Пальмерстона, вліяніе на иностранныя государства необходимо зиждется на одномъ изъ двухъ началъ: надеждѣ или страхѣ. Со времени подписанія лондонскихъ конвенцій, турки перестали насъ бояться, потому что независимость и цѣлость Оттоманской имперіи были поставлены подъ совокупную охрану Европы; восточные же христіане перестали на насъ надѣяться, въ виду того, что мы обязались дѣйствовать въ Турціи не иначе, какъ сообща съ прочими великими державами, какъ извѣстно, мало или вовсе нерасположенными въ ихъ пользу. Итакъ, вѣковое наше вліяніе на Востокѣ пошатнулось въ двухъ главныхъ своихъ устояхъ и, падая съ каждымъ днемъ, уступало мѣсто вліянію другихъ европейскихъ государствъ, а во главѣ ихъ Англіи. Скоро и Порта, и христіанскіе ея подданные, пріучились взирать на Англію, какъ на свою естественную покровительницу и ожидать отъ нея одной совѣтовъ, указаній и велѣній.

Разумѣется, такое перемѣщеніе нравственной силы на Востокѣ совершилось не сразу, не безъ колебаній и борьбы. Установленный въ Лондонѣ «европейскій концертъ» касался пока

---

[1]) Изъ дневника лорда Пальмерстона, 9 (21) августа 1844.

только Турціи, не распространяясь ни на Грецію, ни на васальныя княжества Молдавію, Валахію и Сербію. Тройственный союзъ, создавшій греческое королевство, обезпечилъ за Россіей, Англіей и Франціей званіе державъ-покровительницъ по отношенію къ новорожденному государству. Три Дунайскія княжества были поставлены договорами подъ охрану одной Россіи. Но ослабленіе нашего вліянія обнаружилось вскорѣ и въ этихъ странахъ, не смотря на твердость, проявленную лично императоромъ Николаемъ въ охраненіи принадлежавшихъ ему въ нихъ правъ.

Первый къ тому поводъ представили безпорядки въ Валахіи, въ началѣ 1842 года. Недовольное правительствомъ господаря Александра Гики, собраніе бояръ обратилось съ жалобой на него къ Портѣ и къ императорскому кабинету. Для разбора дѣла государь отправилъ въ Букурештъ, въ качествѣ чрезвычайнаго коммиссара, генерала Дюгамеля. Порта послѣдовала нашему примѣру и назначила Шекибъ-пашу своимъ коммиссаромъ въ Валахіи. Но пока турокъ успѣлъ прибыть на мѣсто, Дюгамель уже кончилъ порученное ему разслѣдованіе. Согласно его заключенію, мы потребовали отъ Порты смѣщенія Гики и избранія новаго господаря. Чрезвычайное валашское собраніе, созванное на точномъ основаніи органическаго устава, выбрало княземъ Георгія Бибеско, который и былъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, утвержденъ султаномъ въ этомъ званіи.

Менѣе успѣшенъ былъ для насъ исходъ замѣшательствъ, почти одновременно происходившихъ въ Сербіи. Въ одной изъ предшедшихъ главъ [1]) мы изложили причины, вызвавшія неудовольствіе императорскаго кабинета на князя Милоша Обреновича, правившаго Сербіей съ 1815 года, а въ 1830 году признаннаго Портой въ качествѣ наслѣдственнаго главы сербскаго народа. Въ силу этихъ причинъ, Россія, въ пререканіяхъ его съ вліятельнѣйшими изъ старшинъ, не только не поддерживала его, но даже настояла на предоставленіи имъ значительной доли участія въ управленіи страной. Въ этомъ смыслѣ, по соглашенію нашей константинопольской миссіи съ Портой, былъ составленъ фирманъ 1838 года, ограничивавшій власть

---

[1]) См. VI главу настоящаго изслѣдованія: «Востокъ подъ покровительствомъ Россіи».

князя въ пользу сената, облеченнаго законодательными правами. Послѣдствіемъ было обостреніе отношеній Милоша къ сенаторамъ. Привыкшій къ самовластію, старый князь не могъ примириться съ поставленными его власти предѣлами, и предпочелъ, уступая настояніямъ сената, 1-го (13-го) іюня 1839 года, отречься отъ нея въ пользу старшаго сына своего Милана. Но Миланъ умеръ, мѣсяцъ спустя по воцареніи, и преемникомъ его Порта, по уговору съ нами, утвердила втораго сына Милоша, Михаила Обреновича.

Молодому князю приходилось бороться, съ одной стороны, съ приверженцами своего отца, пользовавшагося большою популярностью среди крестьянскаго населенія, съ другой — съ либеральной партіей, присвоившею себѣ названіе *уставобранителей* и домогавшеюся расширенія правъ сената и скупщины на счетъ княжеской власти. Вожаки этой партіи Вучичъ и Петроніевичъ, уже въ 1840 году, замышляли искать себѣ поддержки въ Вѣнѣ и предлагали австрійскому двору протекторатъ надъ Сербіей [1]). Боязливый Меттернихъ отвѣчалъ, что, какъ ни желательно для Австріи, по многимъ причинамъ, получить законное вліяніе на судьбы сосѣдняго княжества, но, въ виду договоровъ, предоставляющихъ Россіи право покровительства надъ Сербіей, не отъ сербовъ зависитъ замѣнить русское покровительство австрійскимъ, а потому, онъ вынужденъ ограничиться лишь поданіемъ имъ благихъ совѣтовъ [2]). Совѣты эти клонились къ тому, чтобы сербскіе либералы искали опоры въ Портѣ и ея мѣстномъ представителѣ, бѣлградскомъ пашѣ Кіамилѣ. Дѣйствительно, паша этотъ принялъ ихъ подъ свою защиту, и когда Вучичъ и Петроніевичъ были, по распоряженію княжескаго правительства, высланы изъ Сербіи, далъ имъ убѣжище въ бѣлградской крѣпости. Скоро дѣло дошло до открытаго возстанія. Явно поддерживаемые турками, втайнѣ подстрекаемые австрійцами, уставобранители успѣли переманить на свою сторону сербское войско, и въ концѣ августа 1842 года князь Михаилъ вынужденъ былъ бѣжать въ Австрію, а Вучичъ, во главѣ мятежныхъ войскъ, побѣдителемъ вступилъ въ Бѣлградъ. Образовалось временное правительство изъ Вучича, Петроніевича и Симича, созвав-

[1]) Графъ Гардеггъ князю Меттерниху, 21 февраля (4 марта) 1840.
[2]) Князь Меттернихъ графу Гардеггу, 29 февраля (12 марта) 1840.

шее избирательную скупщину въ Бѣлградъ на 2-е (14-е) сентября. Спрошенные Кіамилъ-пашой: желаютъ ли они возвращенія Михаила Обреновича, депутаты отвѣчали отрицательно, а на вопросъ, кого же хотятъ имѣть княземъ, воскликнули: Александра Карагеоргіевича. Питомецъ австрійцевъ, возвращенный въ Сербію княземъ Михаиломъ и состоявшій при немъ адъютантомъ, сынъ Георгія Чернаго былъ провозглашенъ сербскимъ княземъ. Порта поспѣшила утвердить этотъ выборъ, объявивъ его предмѣстника низложеннымъ.

Рѣшеніе это было принято ею безъ предварительнаго соглашенія съ нашимъ дворомъ. Императоръ Николай глубоко возмутился такимъ своевольнымъ поступкомъ Порты, составлявшемъ прямое нарушеніе обязательствъ ея предъ нами по договорамъ букурештскому и адріанопольскому. Государь находилъ, что прежде чѣмъ низлагать Михаила, Порта обязана была разслѣдовать взведенныя на него обвиненія и уличить въ дѣйствительномъ нарушеніи устава, но и въ этомъ случаѣ не постановлять рѣшенія, не заручившись согласіемъ императорскаго кабинета; вмѣсто того, она не затруднилась санкціонировать результаты, достигнутые революціоннымъ путемъ, хорошо зная, что они никогда не будутъ признаны русскимъ императоромъ.

Флигель-адъютантъ баронъ Ливенъ былъ отправленъ въ Константинополь съ собственноручнымъ письмомъ государя къ султану. Въ письмѣ выставлены были два требованія: отмѣна всѣхъ относящихся до Сербіи распоряженій Порты и строгое наказаніе главныхъ виновниковъ сербскаго возстанія. Ободряемые послами морскихъ державъ, турки воспротивились нашимъ требованіямъ. Мотивы отказа исполнить ихъ были изложены въ отвѣтномъ письмѣ султана, но, узнавъ о содержаніи письма, посланникъ нашъ не согласился доставить его по назначенію. Кабинеты лондонскій и парижскій одобрили совѣты, данные Портѣ ихъ представителями и настаивали на необходимости передать все дѣло на обсужденіе «европейскаго концерта». Австрія очутилась въ крайне затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, вѣнскій дворъ всегда стоялъ за рѣшеніе восточныхъ дѣлъ въ общемъ совѣтѣ великихъ державъ; съ другой — ему хорошо было извѣстно, что императоръ Николай ни за что не допуститъ ихъ вмѣшательства въ вопросъ, истекающій изъ неисполненія Турціей заключенныхъ

ею съ Россіей договоровъ. Къ тому же, разладъ между Россіей и морскими державами по сербскому вопросу могъ повести къ столкновенію между ними въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Австрійскою монархіей и вызвать окончательное освобожденіе Сербіи изъ-подъ власти султана, признаніе полной ея независимости. Желая прежде всего предотвратить такой исходъ и въ то же время удержать на сербскомъ престолѣ Александра Карагеоргіевича, въ которомъ Австрія получала удобнаго сосѣда и покорнаго подручника, Меттернихъ пытался примирить противоположные взгляды обѣихъ сторонъ. Онъ старался доказать правительствамъ англійскому и французскому, что, на основаніи трактатовъ, Россія имѣетъ право наблюдать за порядкомъ избранія сербскихъ князей и что право это было нарушено Портой. «Одна изъ прямыхъ причинъ, увеличившихъ смятеніе,» писалъ онъ австрійскому послу при тюильрійскомъ дворѣ, «заключается въ недостаткѣ ясныхъ и точныхъ объясненій русскаго кабинета съ лондонскимъ и парижскимъ. Это упущеніе, вліяющее на ходъ дѣла, проистекаетъ отъ многихъ причинъ: императоръ Николай поставилъ себѣ за правило не входить въ объясненія съ этими двумя дворами по турецкимъ вопросамъ; ему пріятно исключать Францію изъ обсужденія политическихъ дѣлъ вообще и дѣлъ, касающихся Востока, въ особенности; онъ скорѣе склоненъ объясниться съ лондонскимъ дворомъ, ибо въ Петербургѣ господствуетъ система ласки по отношенію къ послѣднему, система, которую баронъ Брунновъ доводитъ до крайности, вслѣдствіе желанія его нравиться всюду, гдѣ ему поручена защита какого либо интереса. Къ перечисленнымъ мною соображеніямъ присоединяется увѣренность императора Николая, что наше дѣло—воспрепятствовать возникновенію серіозныхъ усложненій... [1]).»

Переговоры тянулись около года, не подвигая дѣла ни на шагъ впередъ. Тогда государь рѣшился поступить въ Сербіи такъ же точно, какъ за годъ предъ тѣмъ поступлено было въ Валахіи, а именно, послать въ Бѣлградъ чрезвычайнаго комиссара. Но, предвидя сопротивленіе временнаго сербскаго правительства, онъ готовъ былъ поддержать эту мѣру занятіемъ княжества русскими войсками. О такомъ намѣреніи го-

[1]) Князь Меттернихъ графу Аппоньи, 25 и 27 марта (6 и 8 апрѣля) 1843.

сударя мы предупредили вѣнскій дворъ, прося его дозволить нашему двадцатитысячному отряду направиться къ Дунаю и Савѣ чрезъ австрійскія владѣнія, а для запечатлѣнія предъ Европой полной солидарности обоихъ императорскихъ кабинетовъ, предложили ему, одновременно съ нашими, ввести и свои войска въ Сербію [1]). Меттернихъ не посмѣлъ противорѣчить твердо высказанной рѣшимости императора Николая, хотя и не согласился присоединить къ русскимъ австрійскія войска, утверждая, что это было бы возможно лишь по просьбѣ самой Порты. Сверхъ того, онъ совѣтовалъ направить нашъ отрядъ въ Сербію не чрезъ Венгрію, населеніе коей расположено-де враждебно къ Россіи, а чрезъ Дунайскія княжества [2]). Но дѣло обошлось безъ военнаго занятія. Одна угроза имъ подѣйствовала, и Порта уступила. Султанъ обязался: 1) признать незаконнымъ избраніе Александра Карагеоргіевича; 2) созвать сербскую скупщину для производства новыхъ выборовъ; 3) смѣстить бѣлградскаго пашу, виновнаго въ потворствѣ возстанію; 4) выслать изъ Сербіи вожаковъ послѣдняго движенія, Вучича и Петроніевича. Со своей стороны, мы, въ угоду вѣнскому двору, удовольствовались этими уступками, и согласились не настаивать на возстановленіи Михаила Обреновича.

Александръ Карагеоргіевичъ добровольно сложилъ съ себя княжеское званіе. Созвана была снова избирательная скупщина, приступившая къ новымъ выборамъ, въ присутствіи русскаго императорскаго комиссара и вновь назначеннаго бѣлградскаго паши. Избраннымъ оказался вторично князь Александръ, и въ этотъ разъ мы уже не противились султанскому утвержденію его башъ-бегомъ, «достойнѣйшимъ изъ князей мизійскаго народа».

Таковъ былъ исходъ сербскаго возстанія, низвергнувшаго династію Обреновичей и замѣстившаго сербскій престолъ сыномъ Георгія Чернаго. Наше право покровительства надъ Сербіей было, повидимому, признано и соблюдено, основанныя на немъ требованія уважены и исполнены. Но результатъ этотъ былъ только кажущимся. Въ сущности недоброжелатели наши, сербскіе либералы, достигли своей цѣли, и, благодаря

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Медему, 30 іюня (12 іюля) 1843.
[2]) Графъ Медемъ графу Нессельроде, 23 іюля (4 августа) 1843.

*

австрійской поддержкѣ, ставленникъ ихъ остался сербскимъ княземъ, и былъ признанъ въ этомъ званіи не только Портой, но и русскимъ дворомъ. Означенный исходъ какъ нельзя болѣе отвѣчалъ австрійскимъ интересамъ. Но имъ были довольны и въ Петербургѣ. Графъ Нессельроде не могъ достаточно нахвалиться энергіей, будто бы проявленною княземъ Меттернихомъ «въ защитѣ восточной политики Россіи», и въ восторженныхъ выраженіяхъ передавалъ ему признательность императорскаго кабинета [1]).

Едва успѣло улечься волненіе, возбужденное вышеизложенными событіями въ Сербіи, какъ на противоположномъ концѣ Балканскаго полуострова произошелъ новый взрывъ: мы разумѣемъ переворотъ, совершившійся въ Аоинахъ въ ночь на 3-е (15-е) сентября 1843 года, преобразившій Грецію въ конституціонное государство и окончательно изъявшій ее изъ сферы нашего политическаго вліянія.

Король Оттонъ, по достиженіи совершеннолѣтія, хотя и вступилъ самъ въ управленіе государствомъ, но имъ, попрежнему, руководили баварскіе совѣтники, сначала бывшій регентъ графъ Армансбергъ, возведенный въ званіе архиканцлера, потомъ министръ Рудгартъ. Съ удаленіемъ послѣдняго, въ концѣ 1837 года, король не измѣнилъ системы, скоро возстановившей противъ него всѣ три политическія партіи страны. Во главѣ первой, англійской, продолжалъ стоять Маврокордато, французскою руководилъ Колетти, остатки же народной или русской партіи сплотились вокругъ одного изъ послѣднихъ сподвижниковъ Каподистріи, графа Андрея Метакса. Эта послѣдняя партія, такъ-называемые написты, подвергались наиболѣе ожесточеннымъ преслѣдованіямъ со стороны королевскаго правительства. Открытіе въ 1840 году тайнаго общества «друзей православія», поставившаго себѣ цѣлью освобожденіе грековъ, оставшихся подъ игомъ мусульманъ, послужило поводомъ къ многочисленнымъ арестамъ. Немудрено, что въ заговорѣ, составившемся противъ короля и обнимавшемъ выдающихся дѣятелей всѣхъ трехъ партій, написты играли преобладающую роль. Войско высказалось за заговорщиковъ, и Оттону пришлось согласиться на созваніе учредительнаго собранія для составленія греческой конститу-

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1843 годъ.

ціи. Предсѣдателемъ перваго конституціоннаго министерства сталъ Метакса.

Немало содѣйствовалъ успѣху движенія нравственною поддержкой русскій посланникъ Катакази, самъ грекъ родомъ и сочувствовавшій цѣлямъ и стремленіямъ его вожаковъ. Такое поведеніе оправдывалось, до извѣстной степени, враждебными отношеніями двора къ русской миссіи и ко всему, что еще носило въ Греціи отпечатокъ русскаго вліянія. Но оно мало согласовалось со званіемъ представителя самодержавнаго императора всероссійскаго, и государь открыто заявилъ свое неудовольствіе отозваніемъ Катакази изъ Аѳинъ. Введеніе конституціи въ Греціи ставило насъ въ этой странѣ въ положеніе, крайне затруднительное. Съ одной стороны, главные виновники переворота были наши давніе приверженцы, послѣдніе представители національнаго направленія въ дѣлахъ вѣры и политики; съ другой — они посягнули на державныя права своего государя, насиловали его волю, исторгая у него согласіе на конституцію. Представительный образъ правленія со всѣми своими принадлежностями, палатами, ораторами, свободою печати и проч., долженъ былъ неминуемо усилить въ странѣ значеніе англійской и французской партій, въ программу коихъ издавна входили всѣ эти преобразованія, и тѣмъ самымъ упрочить въ ней преобладающее вліяніе морскихъ державъ. Такъ и случилось. Лишенная поддержки императорскаго кабинета, русская партія вскорѣ окончательно сошла съ политической сцены, на которой продолжали состязаться партіи англійская и французская. Послѣдняя получила перевѣсъ надъ своими противниками, преимущественно благодаря тому, что взяла въ свои руки выпавшее изъ рукъ напистовъ знамя греческой народности, но уже не во имя преданій православной Византіи, а во славу классической древности, эллинизма.

Какъ и слѣдовало ожидать, изъ трехъ державъ-покровительницъ, Франція и Англія поспѣшили тотчасъ же признать совершившійся въ Греціи переворотъ и конституціонную монархію короля Оттона. Признаніе Россіи состоялось лишь годъ спустя, но не повлекло за собою назначенія въ Аѳины новаго посланника. До самаго конца царствованія императора Николая, нашею тамошнею миссіей управлялъ повѣренный въ дѣлахъ Персіани, подобно Катакази, грекъ по происхожденію.

Уже въ силу скромнаго положенія своего въ дипломатической іерархіи, дипломатъ этотъ не могъ состязаться съ представителями англійскимъ и французскимъ, попеременно пользовавшимися вліяніемъ при дворѣ короля Оттона, смотря потому, которая изъ двухъ партій, англійская или французская, находилась у власти. О Россіи какъ бы вовсе позабыли въ Греціи и вспоминали лишь, когда снова возбуждался вопросъ о расширеніи границъ насчетъ Турціи, или когда странѣ угрожала какая либо внѣшняя опасность. Въ свою очередь, императорскій кабинетъ открыто высказывалъ порицаніе свое замысламъ эллинизма и рѣшимость не поощрять стремленій христіанскаго населенія Турціи освободиться изъ-подъ ея власти. «Государь,» писалъ вице-канцлеръ русскому посланнику въ Вѣнѣ, «выразилъ самое строгое осужденіе направленному противъ Порты заговору, который, будучи основанъ на революціонныхъ началахъ, всегда нами громко порицаемыхъ, того и гляди, можетъ зажечь пожаръ на всемъ Востокѣ.» Въ случаѣ надобности мы вызывались даже «честно поддержать Порту въ усиліяхъ ея къ усмиренію своихъ мятежныхъ подданныхъ» [1]). Дипломатическимъ и консульскимъ агентамъ нашимъ въ Турціи и Греціи предписано было объявить «старѣйшинамъ мѣстныхъ христіанъ», что имъ нечего надѣяться на помощь Россіи, которая не можетъ одобрить ихъ возстанія; когда же эмиссаръ возродившейся гетеріи прибылъ въ Петербургъ съ тайными предложеніями, то, по объявленіи ему строгаго выговора, былъ тотчасъ же высланъ изъ столицы [2]).

Факты эти свидѣтельствуютъ, что въ началѣ сороковыхъ годовъ, императорскій кабинетъ снова усвоилъ, въ отношеніи къ христіанамъ Востока, взглядъ, по которому стремленіе ихъ сбросить ненавистное иновѣрческое иго приравнивалось къ поползновенію народовъ Запада революціоннымъ путемъ низвергнуть существующій государственный строй; тоска по утраченной народной независимости отождествлялась съ жаждой политической свободы и конституціонныхъ правъ. Взглядъ этотъ былъ не новъ. Меттернихъ высказалъ его еще на лайбахскомъ конгрессѣ, по поводу греческаго возстанія, и по удаленіи Каподистріи изъ русской службы, успѣлъ внушить тѣ

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Медему, 25 іюля (6 августа) 1845.
[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ графа Нессельроде за 1845 годъ.

же мысли императору Александру I и его министерству. Незадолго до кончины, Благословенный познал их лживость, а тем более отрешился от них император Николай в первые годы своего царствования. Но означенныя мысли никогда не угасали в уме графа Нессельроде и его дипломатических сотрудников и снова всплыли наружу, как только события 1830 года вызвали коренную перемену в направлении русской политики. Как все наносное, чужое, оне не имели ничего общаго с преданиями нашей истории, прямо им противоречившими. «Россия,» справедливо замечает наш историк С. М. Соловьев, «также находилась под игом мусульманских варваров, освободилась от него с оружием в руках, и освобождение это прославлялось наукой и религией как великое дело народа и великое благодеяние Божие[1].» Безпочвенная наша дипломатия чужда была этих воспоминаний, не знала их и знать не хотела. Именно это духовно-историческое сродство наше с нашими единоплеменниками и единоверцами на Востоке возбуждало подозрительность «союзной и дружественной» нам Австрии, с которою, утверждали дипломаты, мы-де связаны «могущественною солидарностью видов и действий» на Востоке[2]. И мы не задумавшись отрекались от действительнаго родства, историческаго, племеннаго и религиознаго, в пользу родства отвлеченно-политическаго, фиктивнаго, скажем прямо, небывалаго и невозможнаго. И в довершение всего, по странной иронии, в то время, когда мы, вопреки истине и здравому смыслу, видели в порыве христиан высвободиться из-под позорнаго ярма вековых своих притеснителей исчадие всемирной революции, плод польско-французской революционной пропаганды, когда мы даже выражали готовность оказать Порте деятельную помощь в усмирении мятежных ея подданных, — эта самая Порта, руководимая внушениями держав Запада, управляемая государственным человеком либеральной школы, вступала в довольно явный союз именно с польскою эмиграцией, нашим самым заклятым врагом, обратившею Константинополь в центр своих враждебных замыслов против нас.

В сороковых годах повторилось явление, совершившееся

[1]) С. М. Соловьев: *Император Александр I*, стр. 478.

[2]) Всеподданнейший отчет графа Нессельроде за 1845 год.

за два десятилѣтія предъ тѣмъ, и съ тѣхъ поръ неоднократно возобновлявшееся съ поразительнымъ постоянствомъ. Едва стало извѣстно, что Россія покидаетъ свое передовое мѣсто заступницы и покровительницы христіанскаго населенія Востока, какъ всѣ прочія державы спѣшили вперегонку занять его. Въ предшедшей главѣ мы упоминали о проектѣ Гизо включить въ предположенный договоръ между великими державами условія въ пользу турецкихъ христіанъ вообще и сирійскихъ въ частности, а также поставить подъ совокупную охрану Европы святыя мѣста въ Палестинѣ. Та же мысль и еще глубже запала въ романическое воображеніе короля Фридриха-Вильгельма IV. Государь этотъ находилъ «постыднымъ» положеніе христіанъ въ Святой землѣ, положеніе же протестантовъ постыднымъ вдвойнѣ. Переговоры, веденные весной 1841 года, въ Лондонѣ, объ обще-европейскомъ трактатѣ по восточнымъ дѣламъ показались ему наиболѣе благопріятною минутой для совмѣстнаго измѣненія упомянутаго порядка [1]).

Еще въ 1839 году, нѣсколько поселившихся въ Палестинѣ нѣмецкихъ протестантовъ обратились къ прусскому правительству съ просьбой взять подъ свое покровительство основанныя тамъ протестантскія общины. Но Фридрихъ-Вильгельмъ III отклонилъ это ходатайство, не желая усложнять и безъ того сложнаго Восточнаго вопроса предъявленіемъ притязаній третьей великой державы на протекторатъ въ Святой землѣ, до тѣхъ поръ болѣе или менѣе признаваемый Портой лишь за Россіей и Франціей. Жалобы палестинскихъ протестантовъ обратили на себя вниманіе короля Фридриха-Вильгельма IV тотчасъ по вступленіи его на престолъ. По его порученію, министры Бюловъ и Эйхгорнъ составили записку, въ которой изложена была возможность и необходимость обезпечить христіанамъ свободное владѣніе и пользованіе святыми мѣстами. Въ іюлѣ 1840 года, берлинскій дворъ сообщилъ эту записку вѣнскому, но князь Меттернихъ не удостоилъ ея даже отвѣтомъ. Король не унывалъ. Въ началѣ слѣдующаго года, та же записка была сообщена англійскому правительству, а вслѣдъ затѣмъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV возложилъ на личнаго своего друга и довѣреннаго совѣтника, столь извѣстнаго впослѣдствіи генерала Радовица, разработку близко-принимаемаго

---

[1]) Бунзенъ Пертесу, 30 сентября (12 октября) 1841.

имъ къ сердцу проекта. Радовицъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) христіанамъ въ Палестинѣ слѣдуетъ даровать обширныя права и преимущества; 2) завѣдываніе ими поручить исключительно христіанскимъ резидентамъ; 3) святыя мѣста обратить въ собственность пяти великихъ державъ, съ вознагражденіемъ ихъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, и, укрѣпивъ Сіонъ, занять его смѣшаннымъ европейскимъ гарнизономъ, въ составъ коего вошло бы по шестидесяти человѣкъ отъ каждой изъ великихъ державъ; гору же Морія оставить за турками и въ то же время попытаться отдать Сіонъ въ собственность евангелической церкви; 4) образовать изъ христіанъ въ Палестинѣ четыре общины: католическую, греческую, армянскую и евангелическую; 5) учредить трехъ резидентовъ: одного для католиковъ и греческихъ и армянскихъ уніатовъ, попеременно назначаемаго Австріей и Франціей; одного для грековъ и армянъ по назначенію Россіи; одного для протестантовъ, также попеременно назначаемаго Англіей и Пруссіей [1]).

Записка генерала Радовица была передана на заключеніе всѣхъ великихъ державъ при циркулярѣ прусскаго министерства иностранныхъ дѣлъ [2]). Въ Вѣнѣ уклонились отъ прямаго отвѣта, ссылаясь на необходимость выждать отзывъ дворовъ петербургскаго и лондонскаго [3]). Въ Парижѣ сочувственно отнеслись къ проекту, весьма схожему съ предложеніемъ, сдѣланнымъ Гизо, по тому же предмету, князю Меттерниху и лорду Пальмерстону [4]). Въ Лондонѣ прусская записка встрѣтила серіозныя возраженія. Пальмерстонъ откровенно признался, что англичане въ Палестинѣ не нуждаются ни въ какихъ новыхъ правахъ или льготахъ. Имъ всегда обезпечена защита ихъ правительства, консулы ихъ снабжены широкими полномочіями и облечены обширною властью, церковь уже имѣется, вѣра и богослуженіе уважаются турками. Что же касается до христіанскихъ подданныхъ султана, то гатти-шерифъ Гюльхане уничтожилъ-де всякое различіе между ними и мусуль-

---

[1]) Записка Радовица отъ 2 (14) февраля 1841 года.

[2]) Циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ представителямъ Пруссіи при дворахъ: петербургскомъ, вѣнскомъ, парижскомъ и лондонскомъ, 12 (24) февраля 1841.

[3]) Баронъ Мальцанъ барону Вертеру, 5 (17) марта 1841.

[4]) Гизо графу Сентъ-Олеру, 1 (13) января 1841.

манами, превративъ райю въ полноправныхъ турецкихъ гражданъ. Пальмерстонъ прибавилъ, что очень трудно заключать съ Портой новые договоры, сходные съ прежними капитуляціями, и что вопросъ этотъ неминуемо вызвалъ бы кучу затрудненій, о которыхъ онъ предоставлялъ себѣ распространиться впослѣдствіи. Словомъ, сентъ-джемскій кабинетъ противопоставилъ предложеніямъ короля Фридриха-Вильгельма, какъ и почти тождественнымъ съ ними внушеніямъ Гизо, формальный отказъ [1]).

Замѣчательно, что не менѣе рѣшительный отпоръ встрѣтили прусскія предложенія и въ Петербургѣ. Вице-канцлеръ писалъ нашему представителю при берлинскомъ дворѣ, что они произвели на государя «печальное и тяжелое впечатлѣніе». Нельзя создавать status in statu. Въ случаѣ безпорядковъ, европейская стража, состоящая въ распоряженіи резидентовъ, оказалась бы недостаточною, а военныя суда въ Яфскомъ портѣ, отстоящемъ на два перехода отъ Іерусалима, не въ состояніи были бы помочь. Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ единенію мы считали закоренѣлую вражду грековъ съ латинянами, разжигаемую притязательностью католическихъ монаховъ [2]).

Дѣло въ томъ, что инициатива, принятая въ вопросѣ объ улучшеніи положенія палестинскихъ христіанъ королемъ прусскимъ, раздражила наше министерство иностранныхъ дѣлъ и до извѣстной степени пристыдила его. Оно спѣшило избѣжать упрека въ равнодушіи къ этому вопросу, искони составлявшему предметъ заботливости русскаго двора, и только въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ отложенному въ сторону, преимущественно въ угоду Австріи, и само выступило съ проектомъ международнаго соглашенія, обнимающаго всѣ политико-религіозныя дѣла Святыхъ мѣстъ. Находя прусскій планъ уже потому непрактичнымъ, что въ Іерусалимѣ на мусульманское населеніе въ 15,000 душъ считается не болѣе тысячи христіанъ, императорскій кабинетъ предлагалъ:

1) Потребовать отъ Порты изданія новаго гатти-шерифа, подтверждающаго всѣ прежніе договоры и привилегіи.

2) Назначить въ Палестину особаго турецкаго губернатора, въ званіи мушира и съ мѣстопребываніемъ въ Іерусалимѣ

---

[1]) Баронъ Бюловъ барону Вертеру, 6 (18) марта 1842.

[2]) Графъ Нессельроде барону Мейендорфу, 20 и 25 февраля (4 и 9 марта) 1841.

или Яффѣ, обязаннаго блюсти за сохраненіемъ порядка и спокойствія.

3) Воспретить христіанскому духовенству всѣхъ исповѣданій всякія между собою пререканія и споры.

4) Воспретить и муллѣ и кадію въ Іерусалимѣ обложеніе христіанъ незаконными и произвольными поборами, коими они вынуждены откупаться отъ притѣсненій мусульманъ.

5) Водворить снова въ Іерусалимѣ удалившагося въ Константинополь, въ видахъ личной безопасности, православнаго патріарха іерусалимскаго и возложить на него поддержаніе строгой дисциплины въ подвѣдомственномъ ему духовенствѣ.

6) Избѣгать всякихъ нововведеній. Для разбора спорныхъ вопросовъ учредить коммиссію, составленную изъ губернатора области, православнаго патріарха, начальниковъ латинскаго и армянскаго духовенства и греческаго комиссара.

7) Возстановить разрушенные монастыри и церкви.

8) Турецкимъ солдатамъ, содержащимъ караулъ у воротъ храма Гроба Господня, запретить входъ во храмъ.

9) Обезпечить право русскихъ паломниковъ на особую защиту со стороны турецкихъ властей.

10) Предоставить русскому духовенству отдѣльное мѣсто въ Іерусалимѣ для устройства подворья и страннопріимнаго дома [1]).

Безпристрастно сравнивая прусскій проектъ съ нашимъ, нельзя не отдать первому полнаго предпочтенія. Онъ несомнѣнно истекалъ изъ глубокаго и искренняго религіознаго чувства, хотя и нѣсколько фантастичнаго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что задуманъ онъ въ такое время, когда Палестина въ общемъ составѣ Сиріи, благодаря вмѣшательству четырехъ великихъ державъ, была отнята у Мегметъ-Али паши и возвращена султану. Ужъ если, разсуждалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ, четыремъ державамъ суждено было спасти Порту отъ гибели, то не лежитъ ли на нихъ священная обязанность воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ изъять вовсе Святыя мѣста, предметъ поклоненія всего христіанства, изъ-подъ мусульманскаго господства? По плану короля, христіанскіе жители Палестины переставали быть без-

[1]) Циркуляръ графа Нессельроде русскимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ, 12 (24) марта 1841.

правною райей; Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Назаретъ становились собственностью христіанскихъ державъ. Конечно, осуществленіе плана представляло немало затрудненій: управленіе страною посредствомъ международной коммиссіи, занятіе Сіона смѣшаннымъ гарнизономъ, распредѣленіе христіанъ различныхъ исповѣданій между агентами или комиссарами державъ-покровительницъ и т. п. Но слѣдуетъ признать, что исполненіе этого плана дѣйствительно видоизмѣнило бы порядки во Святой землѣ, полные безобразій и соблазна, унизительные и позорные для христіанства. Ясно, что королемъ прусскимъ, независимо отъ заботливости о печальной участи палестинскихъ христіанъ, руководило и желаніе доставить протестантству на Востокѣ равноправность съ двумя главными христіанскими исповѣданіями. Но слѣдуетъ замѣтить, что при всемъ томъ, въ его предположеніяхъ, Россіи отводилась львиная доля. Не говоря уже о численномъ превосходствѣ отдаваемыхъ въ ея завѣдываніе православныхъ грековъ и армянъ надъ католиками и протестантами, она управляла бы ими нераздѣльно, тогда какъ Франціи приходилось бы дѣлиться властью съ Австріей, Англіи въ Пруссіей. Наконецъ, по мысли короля, введеніе новаго порядка въ Палестинѣ должно было служить лишь первымъ шагомъ къ улучшенію участи всѣхъ христіанскихъ подданныхъ султана. на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи, къ огражденію ихъ отъ турецкаго произвола и жестокости принятіемъ подъ совокупное покровительство великихъ державъ [1]).

Всего этого не было и тѣни въ русскомъ проектѣ. Въ сущности, въ немъ оставалось все попрежнему. Постановленія о воспрещеніи туркамъ грабить и притѣснять христіанъ, христіанамъ ссориться и враждовать между собою не имѣли никакой положительной санкціи. Назначеніе въ Палестину особаго турецкаго губернатора было также весьма ненадежнымъ ручательствомъ за измѣненіе къ лучшему тамошнихъ порядковъ. Единственнымъ практическимъ пунктомъ проекта было предположеніе объ учрежденіи въ Іерусалимѣ русскаго подворья и страннопріимнаго дома, но непонятно, для чего потребовалось включить его въ международное соглашеніе, тогда какъ достаточно было бы потребовать на то согласія территоріальной державы, Турціи. Очевидно наше министерство иностранныхъ

[1]) *Дневникъ Бунзена*, 17 (29) апрѣля 1841.

дѣлъ и не помышляло серіозно объ обезпеченіи правъ русской церкви и положенія русскихъ паломниковъ во Святой землѣ. По крайней мѣрѣ, планъ устройства въ Іерусалимѣ русской духовной миссіи былъ имъ оставленъ, и весь возбужденный королемъ прусскимъ вопросъ сведенъ къ тому, что въ іюнѣ 1841 года, константинопольскіе представители Россіи, Англіи и Австріи (Франція тогда еще не возвратилась въ лоно европейскаго концерта, а Пруссія была изъ него умышленно устранена), собравшись въ конференцію, положили дать Портѣ совѣтъ, чтобъ она предоставила христіанамъ въ Іерусалимѣ большую самостоятельность, и получили въ отвѣтъ, что султанъ приметъ къ свѣдѣнію желаніе союзныхъ дворовъ и назначитъ въ Палестину особаго губернатора, коему и будетъ поручено блюсти порядокъ и спокойствіе въ этой области [1]).

Фридрихъ-Вильгельмъ IV не унывалъ. Если не удалось ему провести свой проектъ о принятіи Святыхъ мѣстъ въ совокупное завѣдываніе великихъ державъ, за то онъ успѣлъ настоять на признаніи за протестантствомъ на Востокѣ одинаковыхъ правъ съ православіемъ и католицизмомъ, и цѣли этой достигъ путемъ отдѣльнаго соглашенія съ Англіей. Средствомъ послужило ему учрежденіе въ Іерусалимѣ евангелическаго англо-прусскаго епископства.

Въ 1839 году англійское миссіонерское «Общество для обращенія евреевъ въ протестантство» пріобрѣло въ Іерусалимѣ, на вершинѣ Сіона, неподалеку отъ гробницы Давида, участокъ земли и основало на немъ домъ для миссіонеровъ, больницу, школу и даже заложило небольшую церковь. По внушенію друга своего Бунзена, король Фридрихъ-Вильгельмъ возъимѣлъ намѣреніе обратить это частное учрежденіе въ протестантское епископство, содержимое и покровительствуемое правительствами великобританскимъ и прусскимъ. Самъ Бунзенъ былъ весной 1841 года отправленъ въ Лондонъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ, для веденія по этому дѣлу переговоровъ съ министерствомъ и главами англиканской церкви. Съ министрами онъ имѣлъ условиться о совмѣстномъ предъявленіи Портѣ требованія, чтобы за протестантами были признаны въ Оттоманской имперіи права самостоятельной общины; съ англійскими епископами—чтобъ они назначили въ Іерусалимъ протестантскаго епископа

---

[1]) Рифаатъ-паша Бутеневу, лорду Понсонби и барону Штюрмеру, іюнь 1841.

въ качествѣ верховнаго пастыря всѣхъ протестантовъ Святой земли.

Пальмерстонъ на этотъ разъ сочувственно отнесся къ предложеніямъ прусскаго короля, видя въ нихъ удовлетвореніе существенныхъ англійскихъ интересовъ. Съ неменьшею готовностью откликнулись архіепископъ кентерберійскій, епископъ лондонскій, президентъ упомянутаго выше миссіонерскаго общества, Макъ-Каулъ, и вліятельные ревнители англійскаго протестантства, лордъ Ашлей, Гладстонъ и другіе. Главныя затрудненія были догматическаго свойства. Бунзенъ настаивалъ, чтобы въ новоучрежденномъ епископствѣ обѣ церкви, англиканская и евангелическая, представлялись туркамъ въ видѣ церкви единой. Нѣмцы должны были признать власть епископа, англичане — аугсбургское исповѣданіе вѣры, «матерь всѣхъ протестантскихъ исповѣданій», и нѣмецкую евангелическую литургію. Обѣ стороны путемъ взаимныхъ уступокъ скоро пришли къ полному соглашенію. Парламентскимъ актомъ было учреждено въ Іерусалимѣ англиканское епископство. Половину средствъ на его содержаніе взялся доставить король прусскій, остальныя должны были покрыть собранныя въ Англіи доброхотныя пожертвованія. Прусское правительство выговорило себѣ, въ пользу нѣмецкихъ миссій и общинъ во Святой землѣ, право участія въ дѣятельности, предоставленной епископу, по соглашенію съ Портой. Послѣднему данъ былъ титулъ епископа церкви святаго Іакова въ Іерусалимѣ. Назначеніе его состоялось осенью 1841 года. Это былъ Dr. Александеръ, англійскій подданный, еврей по происхожденію, пруссакъ родомъ, англиканецъ по вѣроисповѣданію, профессоръ арабскаго и еврейскаго языковъ въ лондонской королевской коллегіи. Для доставленія въ Яффу этого «преемника св. Іакова» (!) съ его свитой, состоявшею изъ двадцати человѣкъ, новый первый министръ, сэръ-Робертъ Пиль, отрядилъ пароходъ англійскаго военнаго флота.

Въ награду за успѣхъ, Бунзенъ былъ назначенъ постояннымъ посланникомъ при сентъ-джемскомъ дворѣ. Здѣсь онъ не переставалъ работать въ пользу созданнаго его усиліями учрежденія, которому приписывалъ всемірно-историческія значеніе и будущность. По мысли его, англо-прусское епископство въ Іерусалимѣ должно было положить прочное начало протестантскому прозелитизму на Востокѣ. Воображенію его новая еван-

гелическая церковь на Сіонѣ являлась «единою» и «апостольскою». Отъ нея имѣли произойти многочисленныя церкви мѣстныя, въ Виѳлеемѣ, Назаретѣ и другихъ священныхъ городахъ, съ епископами во главѣ. Предполагалось, что и Соединенные Штаты примкнутъ со временемъ къ предпріятію Англіи и Пруссіи; что протестантскія общины на всемъ мусульманскомъ Востокѣ образуются изъ туземцевъ и пришельцевъ, евреевъ и язычниковъ; что присоединеніе къ евангелической церкви православныхъ, католиковъ, евреевъ, армянъ и даже мусульманъ будетъ дозволено и охранено закономъ; что протестанты станутъ пріобрѣтать поземельную собственность, основывать общины, колоніи, совершенствовать въ краѣ земледѣліе и въ особенности шелководство; что матеріальное ихъ благосостояніе послужитъ лучшимъ притягательнымъ средствомъ для лицъ принадлежащихъ къ другимъ исповѣданіямъ, и т. п.

Порта попыталась было воспротивиться осуществленію всѣхъ этихъ замысловъ и отказать въ признаніи новопоставленнаго протестантскаго епископа въ Іерусалимѣ. Но сопротивленіе ея было непродолжительно. Предъ энергическими настояніями англійскаго посольства въ Константинополѣ, поддержанными и Пруссіей, она скоро вынуждена была не только признать епископомъ Dr. Александера, но и даровать протестантской церкви въ Турціи всѣ права самостоятельной духовной общины, между прочимъ, право строить церкви, учреждать школы, больницы и благотворительныя заведенія, пріобрѣтать недвижимую собственность и, что всего важнѣе, безпрепятственно обращать въ протестантство раію, то-есть всѣхъ немусульманскихъ подданныхъ султана [1]).

Пока Англія и Пруссія соединялись для совмѣстной защиты интересовъ протестантства на Востокѣ, Франція дѣятельно вступалась за католиковъ, въ силу издавна принадлежавшаго ей по капитуляціямъ права покровительствовать римско-католическому исповѣданію, его священнослужителямъ и послѣдователямъ въ Оттоманской имперіи. Поводомъ къ возобновленію ея притязаній на пользованіе этимъ правомъ послужили кровопролитныя схватки между двумя племенами населяющими

[1]) Объ учрежденіи въ Іерусалимѣ англо-прусскаго протестантскаго епископства см. изданную въ 1842 году въ Берлинѣ брошуру Бунзена и Абекена: *Das evangelische Bisthum in Jerusalem*. О дипломатическихъ переговорахъ по этому вопросу ср. также *Bunsen's Leben*, II, стр. 158—207.

Ливанъ, маронитами и друзами. Подобно Палестинѣ, и Ливанская область, также входившая въ составъ Сиріи, отошла, по лондонской конвенціи 1840 года, отъ Египта къ Турціи. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное разсмотрѣніе возникшаго по этому случаю чрезвычайно сложнаго вопроса объ организаціи Ливанской горы. Достаточно сказать, что, пользуясь безначаліемъ переходной эпохи, мусульмане-друзы напали на христіанъ-маронитовъ и произвели между ними кровавую рѣзню и опустошенія всякаго рода. Парижскій кабинетъ энергично вступился за своихъ единовѣрцевъ. «Европа,» писалъ Гизо графу Флао, вновь назначенному французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, «не можетъ оставаться равнодушною зрительницей въ виду христіанскаго населенія, преданнаго въ жертву ярости его враговъ апатіей, а быть можетъ и преступною политикой турецкихъ властей [1]).» По почину Франціи, въ Константинополѣ собралась конференція изъ мѣстныхъ представителей великихъ державъ и въ теченіе четырехъ лѣтъ вела переговоры съ Портой о замиреніи Ливана и введеніи между его обитателями правильной администраціи. Согласно совѣтамъ и указаніямъ Европы, составленъ былъ въ 1845 году фирманъ объ управленіи Ливанскою областью, предварительно сообщенный Портой великимъ державамъ на заключеніе и одобренный ими. Въ силу его, во главѣ какъ друзовъ, такъ и маронитовъ, поставлено было по каймакаму ихъ племени, и оба они подчинены турецкому пашѣ въ Саидѣ. Исполнительную власть каймакамы эти раздѣляли съ двумя же меджлисами, по одному для каждаго племени; въ составъ каждаго меджлиса входили два мусульманскіе члена, по стольку же друзскихъ, маронитскихъ, мельхитскихъ, православныхъ и одинъ метуалитскій. Наконецъ, у всего ливанскаго населенія, въ предупрежденіе будущихъ междоусобій, отобрано было оружіе. Таковъ былъ первый результатъ совокупнаго вмѣшательства великихъ державъ во внутреннія дѣла Турціи [2]).

Протестанты въ Палестинѣ и марониты-католики на Ливанѣ были лишь каплей въ морѣ христіанскаго населенія Оттоманской имперіи, подавляющее большинство коего исповѣдовало

[1]) Гизо графу Флао, 1 (13) декабря 1841.

[2]) О ливанскомъ вопросѣ въ 1841—1845 годахъ см. Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 244—258, и *Mémoires de Metternich*, VI, стр. 612, 619, 674. Ср. также Rosen: *Geschichte der Türkei*, II, стр. 50—70.

православную вѣру. Рядъ торжественныхъ договоровъ признавалъ за Россіей право покровительствовать ему въ дѣлахъ вѣры. Но русская дипломатія давно уже не пользовалась этимъ правомъ, признавая его для себя «неудобнымъ». Со своей стороны, Порта, руководимая совѣтами изъ Лондона и Вѣны, пришла къ сознанію необходимости, если не на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ на словахъ, сравнять христіанскихъ своихъ подданныхъ съ мусульманами относительно правъ и преимуществъ. Въ самый разгаръ турецко-египетской распри, Решидъ-паша издалъ постановленіе, извѣстное подъ названіемъ гатти-шерифа Гюльхане, въ коемъ впервые провозглашалось начало равноправности «оттоманскихъ гражданъ» всѣхъ исповѣданій.

Актъ этотъ, плодъ трудовъ учрежденнаго въ 1838 году «совѣта общественной пользы», въ которомъ главными дѣятелями, въ предсѣдательствѣ Решида, являлись французы Косъ и Баррашенъ, представляетъ любопытную смѣсь правилъ, почерпнутыхъ изъ корана, съ тѣмъ, что во Франціи принято называть «безсмертными началами 1789 года». Онъ долженъ былъ послужить исходною точкой полнаго обновленія Оттоманской имперіи, въ отношеніи не только политическомъ, но и соціальномъ. Имъ собственно не провозглашалось новаго закона, но установлялись общія основы будущаго законодательства. Оно имѣло распространиться на три стороны государственной жизни Турціи, обнимая: 1) обезпеченіе турецкимъ подданнымъ полной безопасности относительно ихъ жизни, чести и имущества; 2) обѣщаніе правильнаго распредѣленія и взиманія податей и повинностей; 3) установленіе порядка отбыванія военной службы. По первой статьѣ водворялись въ имперіи правила англійскаго habeas corpus акта и французской декларацiи «правъ человѣка»; по второй возвѣщалась въ настоящемъ, отмѣна всякихъ монополій, а въ будущемъ, уничтоженіе откупа, единственнаго до того времени способа взиманія налоговъ; по третьей, заявлялась необходимость утвердить закономъ число рекрутъ, которыхъ имѣла поставить каждая мѣстность, и уменьшить на четыре или на пять лѣтъ срокъ военной службы. «Вотъ почему,» продолжалъ фирманъ, «каждый подсудимый будетъ судиться открыто по нашему божественному закону, по производствѣ слѣдствія и изысканій, и до произнесенія правильнаго приговора, никому не будетъ дозволено тайно или явно губить другаго посредствомъ яда или

какимъ-либо инымъ способомъ. Никому не дозволено будетъ наносить оскорбленія чести кого бы то ни было. Каждый будетъ владѣть своею собственностью всякаго рода и располагать ею вполнѣ свободно, безъ препятствій съ чьей-либо стороны; такъ, напримѣръ, невиновные наслѣдники преступника не будутъ лишаемы ихъ законныхъ правъ, и имущество преступника не будетъ конфисковаться. Эти императорскія льготы распространяются на всѣхъ моихъ подданныхъ безъ различія вѣроисповѣданія или секты; они всѣ, безъ исключенія, воспользуются этими правами. Итакъ, нами даровано жителямъ имперіи полное обезпеченіе жизни, чести и имущества.»

Постановленія эти заключали въ себѣ существенныя ограниченія верховной власти султана и завершались принятіемъ съ его стороны положительнаго обязательства «ничего не совершать противнаго новому уставу», коему самъ султанъ, всѣ улемы и сановники имѣли принести торжественную присягу. Церемонія состоялась 22-го октября (3-го ноября) 1839 года, въ кіоскѣ Гюльхане, на берегу Мраморнаго моря, въ присутствіи двора, министровъ, чиновниковъ, мусульманскаго духовенства, представителей иновѣрческихъ исповѣданій, иностранныхъ дипломатовъ, многочисленнаго войска и народа. Великій визирь Хозревъ вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ Решиду подписанный султаномъ фирманъ, а тотъ громко прочелъ его. Абдулъ-Меджидъ присягнулъ и за нимъ всѣ присутствовавшіе. 101 пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ столицѣ о торжествѣ. Гатти-шерифъ былъ положенъ на храненіе въ тотъ ковчегъ, гдѣ хранится плащъ пророка, величайшая святыня мусульманскаго міра. Содержаніе акта было офиціально сообщено представителямъ дружественныхъ державъ, «для поставленія ихъ свидѣтелями дарованія этихъ установленій, кои», какъ говорилось въ фирманѣ, «если угодно Богу, пребудутъ навсегда» [1]).

Съ несомнѣннымъ искусствомъ инсценированная Решидъ-пашой комедія имѣла большой успѣхъ за границей. Западная печать единогласно привѣтствовала возрожденіе Турціи и пророчила ей великую будущность на пути либеральныхъ преобразованій. Лордъ Пальмерстонъ находилъ, что заявленныхъ Портой добрыхъ намѣреній совершенно достаточно для включенія ея въ семью цивилизованныхъ христіанскихъ государствъ.

---

[1]) Гатти-шерифъ Гюльхане, 22 октября (3 ноября) 1839.

Даже Меттернихъ, не смотря на врожденную ненависть ко всякимъ нововведеніямъ, призналъ гатти-шерифъ Гюльхане мѣрой, «столь же правильною, сколько и мудрою». Въ особенности нравилось ему, что актъ этотъ не походитъ на «конституцію», а представляетъ-де изъ себя «провозглашеніе основныхъ началъ» или то, «что̀ на европейскомъ языкѣ принято называть magna charta» [1]). Ободренный такимъ успѣхомъ, Решидъ-паша сдѣлалъ еще шагъ въ направленіи къ западнымъ государственнымъ порядкамъ, и въ 1840 году созвалъ въ Константинополь депутатовъ ото всѣхъ областей имперіи, европейскихъ и азіятскихъ,—депутатовъ только по имени, ибо они были не избраны населеніемъ, а назначены мѣстными властями. Собраніе ихъ было открыто тронною рѣчью султана, на которую «народные представители» отвѣчали восторженнымъ адресомъ, выражавшимъ благодарность за дарованныя Абдулъ-Меджидомъ «свободныя учрежденія», и затѣмъ разошлись. Импровизованная турецкая палата депутатовъ произвела такое комичное впечатлѣніе на европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ, что ее поспѣшили распустить. Выработка основныхъ законовъ «танзимата» была снова поручена спеціальнымъ комиссіямъ, въ коихъ преобладающую роль играли иностранцы. Первымъ изданъ былъ законъ о преобразованіи податной системы; за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и новый военный законъ.

Предпринятая Решидъ-пашой коренная ломка законовъ и учрежденій, на которыхъ въ теченіе вѣковъ покоилось государственное зданіе Оттоманской имперіи, не могла не встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны турокъ стараго закала, число коихъ было еще велико при дворѣ, въ войскѣ и въ администраціи. Опираясь на иностранныхъ представителей, Решидъ, лѣтомъ 1840 года, успѣлъ устранить отъ власти великаго визиря Хозрева, но уже въ слѣдующемъ году, въ мартѣ, самъ былъ вынужденъ покинуть постъ министра иностранныхъ дѣлъ и отправиться въ почетную ссылку, въ Парижъ, въ качествѣ дипломатическаго представителя Порты. Съ удаленіемъ его, власть перешла въ руки старо-турецкой партіи, главой коей считалась мать Абдулъ-Меджида, султанша-валиде. Всѣ главныя должности были замѣщены ея сторонниками. Преемникъ Хозрева въ званіи великаго визиря, Реуфъ-паша

---

[1]) Князь Меттернихъ барону Штюрмеру, 21 ноября (3 декабря) 1839.

*

уступилъ мѣсто Иццетъ-Мегметъ-пашѣ, храброму защитнику Варны въ 1828 году; министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ сначала Рифаатъ-паша, а потомъ Сарымъ-эфенди, убѣжденный противникъ европейскаго вмѣшательства въ турецкія дѣла. Но самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Портѣ сталъ энергичный и дѣятельный начальникъ султанской гвардіи, Риза-паша, скоро возведенный въ званіе сераскира. Послѣдній пріобрѣлъ неограниченное вліяніе на молодаго султана и въ теченіе трехъ лѣтъ руководилъ всѣми его дѣйствіями.

Тяжелая обязанность выпала на долю этихъ государственныхъ людей, одушевленныхъ чувствомъ искренняго патріотизма и желаніемъ избавить свое отечество отъ чуждыхъ ему учрежденій, а также оградить судьбы его отъ назойливаго вліянія иностранной дипломатіи. Двойная задача эта превышала ихъ силы. Внутри имперіи имъ приходилось бороться съ частными возстаніями, вспыхнувшими въ различныхъ областяхъ, какъ протестъ мусульманскаго населенія противъ введенныхъ ихъ предмѣстниками реформъ. Мы уже говорили о безпорядкахъ, происходившихъ на Ливанѣ. Болѣе или менѣе серіозныя волненія возникли въ Албаніи и Босніи между мусульманами. Христіане поднялись на Критѣ. Внѣшнія сношенія затруднялись притязательностію представителей великихъ державъ въ Константинополѣ, которые обращались къ Портѣ съ непрошенными совѣтами, указаніями, съ требованіемъ отъ нея отчета по чисто внутреннимъ вопросамъ. Западные дипломаты вздыхали по Решидѣ и готовы были надѣлать неподатливымъ преемникамъ его всевозможныхъ непріятностей. Съ неподдѣльнымъ негодованіемъ и горечью говорилъ Сарымъ-эфенди драгоману французскаго посольства: «Не приставайте ко мнѣ съ Европой. Она намъ надоѣла. Если мы и не такіе государственные люди, какіе имѣются у васъ, въ Европѣ, то мы все же и не сумасшедшіе. Оттоманская имперія представляетъ зданіе, владѣлецъ коего желаетъ быть спокоенъ у себя дома. Онъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ у сосѣдей не было предлога къ жалобамъ на него; еслибъ онъ сошелъ съ ума или сталъ напиваться; еслибъ онъ повелъ себя такъ, что зажженный имъ пожаръ подвергъ бы опасности его сосѣдство, тогда можно было бы прійти къ нему въ домъ для возстановленія порядка. Но пока этого нѣтъ, развѣ не чудовищно ваше обращеніе ко мнѣ съ вопросомъ: имѣетъ и Порта право или не

имѣетъ [1])?» Лицо говорившее столь энергичнымъ языкомъ съ европейскими представителями, не могло долго оставаться турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Уже въ 1843 году его смѣнилъ предшественникъ его Рифаатъ, а послѣдняго, годъ спустя, Шекибъ-эфенди, бывшій уполномоченный султана на лондонской конференціи 1840—41 годовъ. И при всей своей привязанности къ странѣ, ея законамъ и обычаямъ, министерство Риза-паши вынуждено было, по единогласному настоянію пословъ великихъ державъ, уступить даже въ такомъ важномъ и щекотливомъ вопросѣ, какимъ была для Порты состоявшаяся въ 1843 году отмѣна смертной казни за переходъ изъ мусульманства въ другія исповѣданія.

Никогда не проявлялась яснѣе полная несовмѣстимость требованій европейской дипломатіи съ жизненными условіями государственнаго существованія Турціи. По справедливому замѣчанію Гизо, «въ отношеніяхъ христіанской Европы съ Оттоманской имперіей кроется неизлечимый порокъ: мы не можемъ не требовать отъ турокъ всего, чего требуемъ отъ нихъ для ихъ христіанскихъ подданныхъ, а они не могутъ, даже когда обѣщаютъ, исполнить наши требованія. Европейское вмѣшательство въ дѣла Турціи въ одно и то же время и неизбѣжно, и безплодно. Для того, чтобы правительства и народы могли съ успѣхомъ вліять другъ на друга совѣтами, примѣрами, дипломатическими сношеніями и обязательствами, нужна между ними извѣстная доля аналогіи и симпатій въ нравахъ, идеяхъ, чувствахъ, въ отличительныхъ чертахъ и главныхъ теченіяхъ цивилизаціи и общественной жизни. Ничего подобнаго нѣтъ между европейскими христіанами и турками; они могутъ по необходимости или по политическимъ разсчетамъ жить въ мирѣ одни возлѣ другихъ, они всегда останутся чуждыми другъ другу; даже прекративъ борьбу, они не поймутъ другъ друга. Турки всегда были въ Европѣ лишь завоевателями, разрушительными и безплодными, неспособными ассимилировать себѣ подпавшія ихъ владычеству народности и столь же неспособными преобразиться, поддавъ вліянію ихъ или ихъ сосѣдей. Сколько времени продлится еще это зрѣлище коренной несовмѣстимости, разоряющей и опустошающей столь благословенныя области и обрекающей на несчастіе столько милліоновъ

---

[1]) Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, IV, стр. 255.

людей? Никто не въ состояніи этого предвидѣть; но сцена не перемѣнится, пока будутъ занимать ее одни и тѣ же актеры... Европа никогда не заставитъ турокъ управлять подвластными имъ христіанами согласно законамъ справедливости, ни христіанъ увѣровать въ турецкое правительство и признать его законною властью [1]).»

Приведенный нами взглядъ министра, управлявшаго внѣшними судьбами Франціи, въ промежутокъ времени съ 1841 по 1848 годъ, вполнѣ совпадалъ съ личными воззрѣніями императора Николая на Восточный вопросъ. При вышеизложенныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, дальнѣйшее независимое существованіе Оттоманской имперіи представлялось государю нравственною и политическою невозможностью. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ близкомъ и неизбѣжномъ паденіи этого разшатаннаго въ своихъ основаніяхъ, со всѣхъ сторонъ подкопаннаго и подточеннаго ветхаго зданія. Заботой его было по возможности обезпечить мирный переходъ къ новому порядку на Востокѣ переговорами, соглашеніемъ между великими державами. Для достиженія этого соглашенія, онъ принесъ значительныя жертвы, а все еще былъ далекъ отъ него. Участія Франціи онъ не хотѣлъ самъ. Австрія и Пруссія оказывались менѣе, чѣмъ когда либо надежными. Англія же продолжала выказывать намъ едва ли не прежнюю враждебность и недовѣріе, переча намъ всюду и преимущественно на Востокѣ. Не далѣе какъ въ вопросахъ сербскомъ и греческомъ, сентъджемскій кабинетъ, со свойственною ему беззастѣнчивостью, дѣйствовалъ въ смыслѣ, прямо противоположномъ нашимъ видамъ и намѣреніямъ.

Въ Петербургѣ упорно придерживались мнѣнія, что причиной тому лишь недоразумѣніе, и что подозрительность англичанъ зиждется исключительно «на томъ распространенномъ въ Англіи традиціонномъ мнѣніи, будто мы силой или хитростью добиваемся паденія Турецкой имперіи, съ цѣлью найти въ ея развалинахъ средство къ собственному расширенію». Отсюда естественное желаніе разсѣять такое заблужденіе. Но какъ и чѣмъ? Доказательство ложности англійскаго взгляда было у насъ подъ рукой. То была мюнхенгрецкая конвенція, которая «не только подтверждала нашу твердую и неизмѣнную волю

[1]) Тамъ же, стр. 257.

предохранить отъ всякаго посягательства существованіе и независимость Турціи подъ властью царствующей династіи, но и обязывала насъ дѣйствовать сообща и въ духѣ полной солидарности съ Австріей». По мнѣнію графа Нессельроде, настало время сообщить ее лондонскому двору [1]). Но князь Меттернихъ былъ иного мнѣнія. Ему вовсе не хотѣлось признаться англійскимъ торіямъ, что внѣ «европейскаго концерта» его связываетъ съ Россіей отдѣльное обязательство по восточнымъ дѣламъ, и онъ, не задумываясь, отказалъ намъ въ своемъ согласіи сообщить Англіи упомянутую конвенцію. Торійское министерство, утверждалъ онъ, въ правѣ будетъ спросить, почему Россія и Австрія посвящаютъ его въ тайну своего уговора лишь два года спустя по вступленіи его въ управленіе, и это можетъ-де лишь усугубить его подозрѣнія. Впрочемъ, австрійскій канцлеръ предлагалъ, чтобъ его уполномочили объявить лондонскому двору, что въ Мюнхенгрецѣ, Россія и Австрія торжественно обязались поддерживать существующій порядокъ вещей на Востокѣ [2]).

Императорскій кабинетъ отклонилъ это предложеніе [3]). Императоръ Николай предпочиталъ объясниться съ англійскимъ правительствомъ безъ посредниковъ, не только чужихъ, но и своихъ. Съ этою цѣлью онъ, лѣтомъ 1844 года, самъ предпринялъ поѣздку въ Англію.

Если бы дѣйствительно причина существовавшаго между Россіей и Англіей разлада по восточнымъ дѣламъ заключалась въ одномъ только недоразумѣніи, то оно исчезло бы какъ дымъ, разсѣянное прямодушными и поразительными по своей откровенности рѣчами государя. Ими онъ, такъ сказать, съ бою заполонилъ довѣріе королевы Викторіи, принца-супруга, англійскихъ министровъ и другихъ политическихъ дѣятелей, съ коими приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе. «Я пріѣхалъ сюда не съ политическою цѣлью,» повторялъ онъ имъ. «Я хочу завоевать ваше довѣріе, хочу, чтобы вы научились вѣрить, что я человѣкъ искренній, честный человѣкъ... Я знаю, что меня принимаютъ за притворщика. Но это неправда. Я искрененъ, говорю что̀ думаю и держу данное слово.»

Въ бесѣдахъ своихъ съ первымъ министромъ, сэръ-Робер-

---

[1]) Графъ Нессельроде графу Медему, 8 (20) мая 1843.
[2]) Князь Меттернихъ графу Нессельроде, 29 мая (10 іюня) 1843.
[3]) Графъ Нессельроде князю Меттерниху, 1 (13) іюля 1843.

томъ Пилемъ, и съ лордомъ Абердиномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ, императоръ Николай изложилъ имъ безъ утайки взглядъ свой на настоящее и будущее Восточнаго вопроса. Исходною точкою его разсужденій было глубокое убѣжденіе въ близости развязки. «Турція умираетъ,» говорилъ онъ Абердину, «сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умретъ, не умереть ей нельзя, это будетъ критическая минута.» То же самое повторялъ онъ и Пилю: «Турція разрушается, дни ея сочтены. Нессельроде отрицаетъ это, но я въ томъ убѣжденъ... *Я не хочу ни единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы единый вершокъ.*» Слова эти относились преимущественно къ Франціи, которую государь заподозривалъ въ завоевательныхъ замыслахъ на Востокѣ. Сэръ-Робертъ Пиль признался, что Англія хотя и не желаетъ для себя ничего изъ турецкаго наслѣдства, но что ей необходимо обезпечить себѣ свободный путь въ Индію чрезъ Египетъ. Разговоръ свой съ нимъ государь заключилъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Теперь нельзя условиться о томъ, что̀ дѣлать съ Турціей въ случаѣ ея смерти. Подобный договоръ ускорилъ бы ея паденія. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы сохранить настоящее положеніе. Но слѣдуетъ взглянуть честно и разумно на возможность разрушенія Турціи. Необходимо условиться на справедливыхъ основаніяхъ, установить вполнѣ искренно добросовѣстное соглашеніе, подобное тому, какое уже существуетъ между Россіей и Австріей.»

Удалось ли государю установить такое соглашеніе съ лондонскимъ дворомъ? На вопросъ этотъ приходится отвѣчать отрицательно. Цѣль императорской поѣздки не была достигнута потому что по существу своему она была недостижима. Невозможность эта зависѣла отъ многихъ причинъ. Внимая рѣчамъ государя, и королева, и ея министръ невольно проникались довѣріемъ къ нему, вѣрили въ его искренность, въ безкорыстіе и чистоту политическихъ его видовъ и намѣреній. Но войти съ нимъ въ соглашеніе по Восточному вопросу они не могли: во-первыхъ, потому, что, при тѣсныхъ дружественныхъ отношеніяхъ лондонскаго двора съ парижскимъ, немыслимо было заключеніе какого бы то ни было уговора съ нами безъ пріобщенія къ нему и Франціи; во-вторыхъ, потому, что исконное правило англійской политики—не вступать въ обяза-

тельства на долгій или неопредѣленный срокъ, въ виду неизвѣстныхъ случайностей будущаго. Наконецъ, воспитанные въ преданіяхъ родной исторіи, государственные люди Великобританіи не принимали на вѣру утвержденія русской дипломатіи, будто вѣковая противоположность интересовъ Россіи и Англіи на Востокѣ есть лишь плодъ недоразумѣнія, и что въ сущности интересы эти вполнѣ тождественны [1]).

Съ цѣлью вселить въ нихъ это убѣжденіе, въ Петербургѣ составленъ былъ меморандумъ, врученный барономъ Бруновымъ лорду Абердину, вскорѣ по оставленіи государемъ Лондона. Онъ начинался утвержденіемъ, что Россія и Англія одинаково проникнуты убѣжденіемъ въ необходимости существованія Турціи въ настоящемъ ея видѣ, какъ такой политической комбинаціи, которая всего лучше согласуется съ общею пользой, истекающею изъ соблюденія мира, и что поэтому обѣ державы равно заинтересованы въ поддержаніи Оттоманской имперіи соединенными силами и въ устраненіи отъ нея всего, что могло бы угрожать ея безопасности. Для сего необходимо-де оставить Порту въ покоѣ, не волновать ее дипломатическими придирками и не вмѣшиваться безъ особенной надобности въ ея внутреннія дѣла. Но при этомъ не должно упускать изъ виду, что Порта постоянно готова уклониться отъ исполненія обязательствъ, наложенныхъ на нее договорами съ прочими державами, въ разсчетѣ на взаимную зависть ихъ между собою и въ надеждѣ, что если она нарушитъ обязательства свои по отношенію къ одной изъ нихъ, то всѣ другія за нее вступятся и примутъ ее подъ свою защиту. Общій интересъ державъ требуетъ-де разсѣянія этихъ заблужденій. Нужно, чтобы каждый разъ, какъ Порта уклонится отъ исполненія обязательствъ предъ какою либо державой, всѣ прочія дали ей почувствовать неправоту ея поступка и настояли бы на исполненіи ея долга. Тогда она вынуждена будетъ уступить, несогласіе устранится и не вызоветъ столкновенія. Другая трудность заключается въ несовмѣстимости мусульманскаго закона

---

[1]) О пребываніи государя въ Англіи, см. Th. Martin: *The life of the Prince Consort*, I, стр. 213—225; Stockmars *Denkwürdigkeiten*, стр. 393—405; Guizot: *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, VI, стр. 207—213. Всѣ эти данныя, дополненныя неизданною перепиской барона Бруннова съ графомъ Нессельроде, собраны въ статьѣ моей: «Императоръ Николай въ Лондонѣ въ 1844 году», помѣщенной въ февральской и мартовской книжкахъ «*Историческаго Вѣстника*» за 1886 годъ.

съ тѣми облегченіями, на которыя имѣютъ право христіанскіе подданные султана. Задача державъ, съ одной стороны, всячески побуждать Порту обращаться съ христіанами мягко и въ духѣ терпимости; съ другой—внушать христіанамъ обязанность ихъ подчиняться законной власти Порты. Если всѣ державы будутъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, «*то явится основательная надежда на сохраненіе существованія Турціи*».

«Впрочемъ,» продолжалъ меморандумъ, «нельзя не признаться что имперія эта заключаетъ въ себѣ много началъ разложенія. Непредвидѣнныя обстоятельства могутъ ускорить ея паденіе, не давъ дружественнымъ дворамъ времени предупредить его. Принимая во вниманіе, что человѣческой предусмотрительности не дано установить заранѣе планъ дѣйствія на тотъ или другой неожиданный случай, было бы преждевременно приступать къ обсужденію случайностей, которыя могутъ и не произойти. Въ неизвѣстности, обнимающей будущее, одна основная мысль представляется дѣйствительно осуществимою, а именно: опасность, которая могла бы быть вызвана катастрофой въ Турціи, будетъ значительно уменьшена, если, при наступленіи ея, Россія и Англія условятся о мѣрахъ, которыя онѣ должны принять сообща. Такое соглашеніе будетъ тѣмъ благодѣтельнѣе, что его вполнѣ одобритъ Австрія. Между этою державой и Россіей установлено уже совершенное тождество принциповъ, относящихся къ дѣламъ Турціи, въ общемъ интересѣ охраненія мира. Для бо́льшей успѣшности ихъ единенія остается только желать, чтобъ и Англія приступила къ нему съ одинаковою цѣлью. Причина, предписывающая установленіе такого соглашенія, весьма проста. На сушѣ Россія имѣетъ на Турцію преобладающее вліяніе. На морѣ Англія занимаетъ такое же положеніе. Дѣйствуя одиноко, каждая изъ этихъ двухъ державъ можетъ причинить много зла. Дѣйствуя согласно, онѣ совершили бы дѣйствительно благое дѣло. Отсюда явная польза условиться прежде, чѣмъ приступить къ дѣйствію.»

«Мысль эта,» утверждалъ далѣе вице-канцлеръ, «была признана въ принципѣ въ бытность императора въ Лондонѣ. Результатомъ сего было принятое на извѣстный случай обязательство, а именно: если бы въ Турціи совершилось что либо непредвидѣнное, то Россія и Англія предварительно условятся

между собою о мѣрахъ, какія должны быть приняты сообща. Цѣль, въ виду которой Россія и Англія должны будутъ прійти къ соглашенію, можетъ быть формулована слѣдующимъ образомъ:

«1) Стараться поддержать существованіе Оттоманской имперіи въ настоящемъ ея состояніи, доколѣ эта политическая комбинація окажется возможною.

«2) Если же мы предвидимъ, что она падетъ, то условиться предварительно по вопросу объ учрежденіи новаго порядка въ замѣну нынѣшняго и наблюдать сообща, чтобы перемѣны, происшедшія во внутреннемъ положеніи этой имперіи, не могли угрожать ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни правамъ предоставленнымъ договорами каждой изъ нихъ, ни сохраненію европейскаго равновѣсія.»

Меморандумъ заключался выраженіемъ увѣренности, что въ случаѣ присоединенія Англіи къ существующему уже между Россіей и Австріей соглашенію, Франціи останется лишь послѣдовать ея примѣру; что при такихъ условіяхъ никакое замѣшательство на Востокѣ не въ состояніи будетъ вызвать столкновенія между великими державами, и что миръ Европы не будетъ нарушенъ [1]).

Внимательно вникая въ смыслъ этого важнаго дипломатическаго документа, нельзя не признать его тѣснаго родства съ мюнхенгрецкою конвенціей, главная статья коей даже дословно воспроизведена въ его заключеніи. Итакъ, въ теченіе одиннадцати лѣтъ императорскій кабинетъ не измѣнилъ взгляда своего на развязку Восточнаго вопроса, попрежнему, считая наиболѣе полезнымъ для насъ исходомъ мирное соглашеніе между великими державами. Между тѣмъ, недавній опытъ доказывалъ, какъ мало обезпечивала намъ такой исходъ заключенная съ Австріей конвенція, во-первыхъ, потому, что ею устанавливалось тождество интересовъ у договаривающихся сторонъ только на словахъ, а не на дѣлѣ; во-вторыхъ, потому, что условія ея связывали однихъ насъ, стѣсняли только нашу свободу дѣйствій на Востокѣ, отнюдь не препятствуя Австріи вступать въ стачку съ нашими противниками. Всѣ эти неудобства сугубо повторялись въ меморандумѣ 1844 года. И онъ провозглашалъ тождество интерессовъ Россіи и Англіи по от-

[1]) Меморандумъ графа Нессельроде, іюнь 1844.

ношенію къ Востоку, уклоняясь отъ ближайшаго опредѣленія этихъ интересовъ, а форма его представляла намъ еще менѣе гарантій, ибо связывала насъ положительнымъ обязательствомъ, не давая намъ ничего взамѣнъ, такъ какъ великобританскій кабинетъ оставилъ наше сообщеніе безо всякаго отвѣта. По всей вѣроятности, министры-торіи, сэръ-Робертъ Пиль и лордъ Абердинъ, лично раздѣляли мнѣніе императора Николая, что лучше, не доводя дѣло до войны, попытаться разрѣшить Восточный вопросъ путемъ мирнаго соглашенія. Но они не хотѣли, да и не могли, связать своихъ преемниковъ неопредѣленнымъ обязательствомъ. Утвержденіе же императорскаго кабинета, будто интересы Россіи и Англіи на Востокѣ не расходятся нигдѣ и ни въ чемъ, могло только вызвать на ихъ лицахъ улыбку сомнѣнія, если не проніи.

Хуже всего, что нашъ министерскій меморандумъ заключалъ въ себѣ противорѣчіе прямымъ и откровеннымъ рѣчамъ государя. Императоръ Николай говорилъ англійскимъ министрамъ: «Въ Россіи есть два мнѣнія относительно Турціи. Одни утверждаютъ, что она при смерти; другіе, что уже умерла. Перваго мнѣнія держится Нессельроде; самъ я держусь втораго.» Но вице-канцлеръ находилъ въ меморандумѣ, что при соблюденіи извѣстныхъ условій, можно вполнѣ основательно надѣяться на продленіе существованія Оттоманской имперіи. Государь настаивалъ на необходимости уговориться, условиться, и тѣмъ самымъ допускалъ различіе, а до извѣстной степени и противоположность политическихъ видовъ у обѣихъ державъ. Графъ же Нессельроде выводилъ соглашеніе между ними изъ мнимаго тождества ихъ интересовъ, прибѣгая къ неимовѣрнымъ натяжкамъ, чтобы доказать это тождество. Приводилась одна общая обѣимъ странамъ черта: преобладаніе Россіи на сушѣ и Англія на морѣ, и умалчивалось о множествѣ условій, ставящихъ ихъ въ антагонизмъ. Развѣ можно было приравнивать послѣдствія, истекающія изъ нашихъ договоровъ съ Портой, къ тѣмъ, которыя вызывались англо-турецкими капитуляціями? Первые обезпечивали за нами права, вліяніе и значеніе, коихъ Англія не имѣла и имѣть не могла, а потому естественно желала, чтобъ и мы ихъ не имѣли. Давно ли мы открыто заявляли ей, что хотимъ въ Константинополѣ занимать то же положеніе какое, она занимаетъ въ Португаліи, и охранять Босфоръ, подобно тому, какъ она охраняетъ проливъ

Гибралтарскій? О такихъ притязаніяхъ, связанныхъ съ нашею необходимою потребностью, не было и помина въ меморандумѣ, какъ не упоминались они и въ мюнхенгрецкой конвенціи. Молчаніе это означало ли что мы вовсе отказались отъ нихъ? Будущее показало что императоръ Николай далекъ былъ отъ такого самоотреченія. Такъ не лучше ли было бы прямо заявить наши права, желанія, требованія, какъ бы они ни расходились съ видами и намѣреніями Австріи и Англіи? Тогда возможно было бы путемъ уравновѣшенія обоюдныхъ интересовъ и взаимныхъ уступокъ прійти къ дѣйствительному соглашенію и мирнымъ образомъ разрѣшить великую восточную задачу. Но графъ Нессельроде предпочиталъ цвѣтами дипломатическаго своего краснорѣчія прикрывать пропасть, отдѣляющую на Востокѣ пользы Россіи отъ вожделѣній ея вѣковыхъ соперницъ. Что же удивительнаго, если въ концѣ концовъ мы, неожиданно для себя, очутились на краю этой бездны и едва не поплатились за это результатами, добытыми въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій дружными усиліями русскаго народа и преемственною политикой державныхъ вождей его?

Какъ бы то ни было, но поѣздка государя въ Англію и личныя объясненія его съ королевой и ея министрами несомнѣнно доказали прямодушіе и чистоту его намѣреній относительно Турціи. Подтвержденіемъ ихъ могутъ служить и наставленія, данныя имъ сыну своему, великому князю Константину Николаевичу, предпринявшему въ 1845 году путешествіе по Востоку. Великому князю и спутникамъ его было строжайше воспрещено, въ бытность ихъ въ Турціи, допускать какія либо демонстраціи со стороны христіанскаго населенія, принимать депутаціи и вообще, какимъ бы то ни было образомъ возбуждать опасенія или подозрѣнія турокъ. А между тѣмъ, въ поводахъ къ тому не было недостатка. Вѣсть о прибытіи въ Царьградъ члена русской царственной семьи, царскаго сына, носящаго имя, прославленное въ лѣтописяхъ Византіи и доселѣ считаемое греками залогомъ ихъ государственнаго и народнаго возрожденія, воодушевила многочисленныхъ христіанъ, жителей турецкой столицы, пробудила въ нихъ завѣтныя надежды и мечты. Восторженными кликами встрѣтили они великаго князя, толпами сопровождали каждое появленіе его на улицахъ и площадяхъ Константинополя. «Да здравствуетъ царь нашъ Константинъ!» кричали они, по сви-

дѣтельству нѣмецкаго историка-очевидца, и одного знака было достаточно, чтобы тысячи народа, сорвавъ полумѣсяцъ съ купола св. Софіи, водрузили на немъ символъ христіанскаго спасенія. Манифестаціи эти встревожили подозрительныхъ иностранныхъ дипломатовъ, но Порта дѣлала видъ, будто ихъ не замѣчаетъ. Пріемъ, оказанный султаномъ августѣйшему путешественнику, отличался торжественностью и пышностью. Исполняя полученныя имъ инструкціи, великій князь на парадномъ обѣдѣ, данномъ въ честь его, отвѣчая на тостъ султана, осушилъ бокалъ за постоянство дружественныхъ отношеній Россіи съ Турціей. Присутствовавшій за обѣдомъ, въ числѣ прочихъ членовъ дипломатическаго корпуса, англійскій посолъ, тотчасъ же провозгласилъ тостъ «за независимость Порты Оттоманской» [1].

Къ этому времени обновился почти весь личный составъ европейскихъ представителей на Босфорѣ. Только интернунцій, баронъ Штюрмеръ, оставался на своемъ мѣстѣ. Графа Кёнигсмарка замѣнилъ въ качествѣ прусскаго посланника графъ Пурталесъ, сторонникъ тѣснаго союза съ Англіей, враждебно расположенный къ Австріи и Россіи. Преемникомъ графа Понтуа тюильрійскій кабинетъ назначилъ барона Буркенэ, молодаго дипломата, отличившагося въ 1841 году въ Лондонѣ, во время переговоровъ о конвенціи, установившей закрытіе проливовъ. Русскимъ представителемъ былъ уже не Бутеневъ, а зять его В. П. Титовъ. Наконецъ, торійское министерство, отозвавъ старика Понсонби, избрало великобританскимъ посломъ при султанѣ другаго ветерана англійской дипломатіи, сэръ-Стратфорда Каннинга.

Мы имѣли уже случай ознакомиться съ дѣятельностью этого дипломата на Востокѣ въ періодъ греческаго возстанія, а также упомянули о возложенномъ на него, въ 1832 году, порученіи склонить Порту на расширеніе границъ, первоначально предположенныхъ для Греціи лондонскою конференціей [2]. Онъ возвратился въ Константинополь, послѣ десятилѣтняго отсутствія, проникнутый убѣжденіемъ, что спасеніе Турціи заклю-

[1]) О полученныхъ великимъ княземъ наставленіяхъ и о происшествіяхъ на султанскомъ обѣдѣ повѣствуетъ одинъ изъ спутниковъ его высочества, воспитатель его Гриммъ, въ сочиненіи своемъ: *Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland, II*, стр. 338.

[2]) См. главы IV и V настоящаго изслѣдованія.

чается въ полномъ и безпрекословномъ подчиненіи ея волѣ великобританскаго правительства. Съ годами развились и вкоренились въ немъ всѣ тѣ качества ума и характера, которыя были проявлены имъ еще въ началѣ его дипломатической карьеры: непреклонная твердость воли, гордое сознаніе своего достоинства и могущества страны, коей онъ былъ представителемъ. Качества эти, въ соединеніи съ глубокимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на турокъ энергическимъ образомъ дѣйствій лорда Пальмерстона во время второй турецко-египетской распри, скоро доставили ему прямое вліяніе на султана и совѣтниковъ его, трепетавшихъ при одной мысли о томъ, что они могутъ навлечь на себя гнѣвъ грознаго представителя могущественной Англіи. «Великій посолъ», такъ называли турки сэръ-Стратфорда, оставлялъ далеко за собой и въ совершенной тѣни блѣдныя фигуры своихъ иностранныхъ товарищей, несмѣвшихъ и помышлять объ успѣшномъ состязаніи съ нимъ на почвѣ дипломатическаго преобладанія. Дѣйствуя на Порту возбужденіемъ въ ней то страха, то надежды, онъ въ короткое время поднялъ значеніе Англіи на Востокѣ на недосягаемую высоту. Не всегда его требованія были пріятны туркамъ, но всегда исполнялись въ точности, потому что министры султана были убѣждены въ непреклонности англичанина. Онъ не ограничивался совѣтами и указаніями по внѣшнимъ вопросамъ, постоянно вмѣшивался во внутреннія дѣла Турціи и распоряжался ими по своему усмотрѣнію, часто даже не справляясь съ мнѣніемъ собственнаго правительства. Пресловутая независимость Порты, которую такъ горячо отстаивалъ сентъ-джемскій кабинетъ предъ прочими великими державами и преимущественно предъ Россіей, сводилась такимъ образомъ къ обращенію ея въ подвластную провинцію, управляемую англійскимъ проконсуломъ. Таковъ былъ результатъ, котораго вовсе не предвидѣли наши дипломаты, провозглашая выгоду для Россіи имѣть сосѣдомъ слабое государство, легко подчиняющееся вліянію извнѣ.

Какъ ни предупредительно и услужливо относились къ великобританскому послу находившіеся у дѣлъ представители старо-турецкой партіи, они не были въ рукахъ его тѣмъ послушнымъ орудіемъ, какимъ сталъ Решидъ-паша, когда, благодаря вліянію Каннинга, онъ былъ, въ концѣ 1845 года, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а въ началѣ слѣ-

дующаго, возведенъ въ званіе великаго визиря. Министерство Решида, въ которомъ портфель внѣшнихъ сношеній предоставленъ былъ другому кліенту Англіи, Аали-эфенди, продержалось во власти цѣлыя шесть лѣтъ—явленіе небывалое въ современной Турціи [1]). Преобразовательная дѣятельность снова закипѣла, рабски слѣдуя западнымъ образцамъ, а съ нею водворилось въ Портѣ и такъ-называемое либеральное направленіе во внѣшнихъ вопросахъ, побуждавшее ее искать сближенія не только съ передовыми, но и прямо съ революціонными элементами Запада. Извѣстны обстоятельства, сопровождавшія воцареніе папы Пія IX, и заигрываніе его съ итальянскою революціей. Столь дешево пріобрѣтенной имъ репутаціи либерализма оказалось достаточно, чтобъ обезпечить нунцію его почетный и радушный пріемъ въ Константинополѣ. Польская революціонная эмиграція, та самая, коей происки русской дипломатіей отождествлялись съ зародышами славянскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ, свила себѣ прочное гнѣздо въ турецкой столицѣ. Отсюда она продолжала свои сношенія съ непокорными горцами Кавказа, доставляя имъ оружіе, снаряды и денежную помощь для борьбы съ нами, чрезъ посредство то турокъ, то англичанъ. Англійское посольство, по-прежнему, служило посредникомъ между эмиграціей и министрами султана. Тогда уже были составлены предположенія о принятіи бѣглыхъ русскихъ казаковъ въ турецкую службу, проектъ, осуществленный впослѣдствіи въ крымскую войну. Совершившееся въ 1846 году паденіе торійскаго кабинета и возвращеніе виговъ съ лордомъ Пальмерстономъ въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ придали новую силу враждебнымъ намъ кознямъ Стратфорда Каннинга и его польско-турецкихъ сообщниковъ. Къ счастію для насъ, вскорѣ послѣ того, произошла размолвка между Англіей и Франціей по поводу такъ-называемыхъ «испанскихъ браковъ» и на нѣкоторое время отвлекла отъ Востока вниманіе руководителя англійской политики.

Революціонная гроза 1848 года не прошла безслѣдно для балканскихъ земель.

---

[1]) Шестилѣтнее господство Решида было прервано въ 1848 году всего на семь недѣль консервативнымъ министерствомъ, въ коемъ должность великаго визиря занималъ Сарымъ, а министра иностранныхъ дѣлъ, Рифаатъ, съ 21 апрѣля (3 мая) по 16 (28) іюня 1848.

Въ Греціи все обошлось довольно благополучно. Броженіе, охватившее всю Европу, выразилось тамъ лишь въ частныхъ министерскихъ перемѣнахъ, пока наконецъ послѣднему изъ вождей войны за независимость, Канарису, не удалось сплотить вокругъ себя патріотическіе элементы всѣхъ партій и основать министерство сравнительно прочное.

На Сербіи нѣсколько болѣе отразилось общее направленіе эпохи, и знаменіемъ времени явились предъявленныя, на такъ-называемой петровской скупщинѣ, требованія «реформъ,» а именно, свободы печати, преподаванія и проч. Но большинство депутатовъ не понимало даже значенія самаго слова «реформа,» а правительство поспѣшило разъяснить, что Сербія давно-де имѣетъ все, чего добивается Западная Европа; имѣетъ скупщину, право носить оружіе за поясомъ, а кто-де умѣетъ умно писать, тотъ найдетъ и свободу печатанія. Скоро вниманіе и правительства, и населенія было поглощено борьбою мадьяръ съ австрійскими сербами, принявшими сторону вѣнскаго двора противъ мятежной Венгріи и призвавшими на помощь братьевъ изъ княжества. Стефанъ Кничанинъ, во главѣ отряда сербскихъ добровольцевъ, перешелъ черезъ Дунай и въ рядахъ императорско-королевскихъ войскъ храбро сражался съ венгерцами. Къ концу войны отрядъ его возросъ до 12,000 человѣкъ. Сербія стала арсеналомъ для сосѣдней Воеводины: тамъ отливались ядра и пули, изготовлялись военные снаряды, сосредоточивались запасы всякаго рода для австрійской арміи. Такой образъ дѣйствій снискалъ князю Александру Карагеоргіевичу расположеніе вѣнскаго двора, по просьбѣ коего, султанъ возвелъ его въ санъ мушира. Императоръ Николай также выразилъ ему свое удовольствіе, пославъ при собственноручномъ письмѣ знаки ордена Бѣлаго Орла. По участіе сербовъ княжества въ борьбѣ хорватовъ и австрійскихъ сербовъ противъ мадьяръ имѣло еще и то послѣдствіе, что первые вошли въ прямую и непосредственную связь со своими задунайскими братьями, и что съ той поры въ сознаніи какъ тѣхъ, такъ и другихъ, укоренилась мысль о солидарности всего сербскаго племени и о правѣ его на самостоятельное государственное бытіе [1]).

[1]) Ристичъ: *Спольошни одношай Србіе,* I) *Србія и Српски покрет у Угарской 1848 до 49.*

Гораздо серіознѣе было воздѣйствіе февральской революціи на положеніе дѣлъ въ Дунайскихъ Княжествахъ. Смуты начались въ Молдавіи пререканіями между областнымъ собраніемъ и господаремъ Стурдзой. Недовольные бояре принесли на князя жалобу Портѣ, а та, руководимая совѣтами англійскаго посла, поспѣшила принять сторону бояръ противъ Стурдзы. Для разбора дѣла въ этомъ предвзятомъ смыслѣ отправленъ былъ въ Яссы турецкій коммиссаръ, Кабули-эфенди. Совершенно иначе взглянулъ на дѣло императоръ Николай. И онъ послалъ въ Молдавію чрезвычайнымъ коммиссаромъ генерала Дюгамеля. Оказалось, что жалобы бояръ совершенно неосновательны. Пользуясь состоявшеюся, между тѣмъ, въ Константинополѣ перемѣной министерства, мы успѣли достигнуть отъ преемника Решида, Сарымъ-паши, отмѣны первоначальныхъ распоряженій его предмѣстника. Кабули-эфенди былъ отозванъ, и на его мѣсто назначенъ новый коммиссаръ, Талаатъ-эфенди; вожаки недовольныхъ вызваны въ Константинополь и водворены въ Бруссѣ, порядокъ возстановленъ въ княжествѣ.

Едва успокоилась Молдавія, какъ въ сосѣдней Валахіи вспыхнуло настоящее возстаніе. Напрасно господарь Бибеско старался задержать движеніе уступками въ либеральномъ духѣ, даже согласіемъ на замѣну органическаго устава конституціей. Подстрекаемые революціонными выходцами всѣхъ странъ, наводнившими княжество, валахи настояли на отреченіи господаря отъ власти. Въ половинѣ іюня, князь удалился въ Австрію, русскій генеральный консулъ Коцебу въ Фокшаны. Въ Букурештѣ провозглашено было временное правительство, во главѣ коего стали три бывшіе министра, Еліадъ и братья Голеску. Они обратились съ просьбой о помощи къ Франціи, Австріи и Пруссіи, но прежде всего къ Портѣ, убѣждая ее утвердить совершившіяся въ Валахіи перемѣны.

Въ это время въ Константинополѣ уже снова возвратился ко власти Решидъ-паша. Хотя сочувствіе его и было на сторонѣ мятежниковъ, но онъ не посмѣлъ открыто вступиться за нихъ. Вся Западная Европа была объята революціоннымъ пожаромъ, и въ такую минуту, когда Турціи не откуда было ожидать поддержки, Решиду казалось слишкомъ опаснымъ вызывать Россію, которая одна, среди всеобщаго крушенія, оставалась непоколебленною, въ полнотѣ своего матеріальнаго

могущества и нравственной силы. Повинуясь нашимъ настояніямъ, Порта двинула къ валашской границѣ двадцатипятитысячный отрядъ, начальнику коего, Сулейманъ-пашѣ, приказано было потребовать отъ вожаковъ возстанія немедленной и полной покорности и возстановленія въ странѣ законнаго порядка; въ противномъ случаѣ, турецкія войска должны были перейти Дунай, занять Валахію и силой водворить въ ней порядокъ.

Сулейманъ довольно своеобразно исполнилъ возложенное на него порученіе. Принятый въ Букурештѣ съ отличіемъ и почетомъ, онъ хотя и отрѣшилъ отъ власти временное революціонное правительство, но княжеское намѣстничество образовалъ изъ его же членовъ, такъ что, въ сущности, все осталось по-прежнему. Сверхъ того, онъ обнадежилъ валаховъ обѣщаніемъ, что при установленіи окончательнаго порядка, Порта приметъ во вниманіе ихъ желанія и сохранитъ данную ими себѣ либеральную конституцію. Такое поведеніе турецкаго комиссара не могло удовлетворить императорскій кабинетъ, и сосредоточенный вдоль Прута 5-й пѣхотный корпусъ получилъ приказаніе вступить въ Княжества. Появленіе русскихъ войскъ въ Молдавіи испугало Порту. Она спѣшила отозвать Сулейманъ-пашу и назначить ему преемника, въ лицѣ Фуадъ-эфенди. Новый комиссаръ перевелъ турецкія войска за Дунай, и овладѣвъ Букурештомъ съ бою, упразднилъ княжеское намѣстничество и временныхъ каймакамовъ, а княземъ надъ Валахіей поставилъ Константина Кантакузина. Но запоздалыя мѣры эти не могли остановить русскаго отряда. Вскорѣ по занятіи турками валашской столицы, вступили въ нее и наши войска; генералъ Дюгамель, въ качествѣ императорскаго комиссара принялъ управленіе Валахіей въ свое высшее завѣдываніе.

Послѣднія событія въ Дунайскихъ Княжествахъ указывали на необходимость произвести во внутреннемъ ихъ устройствѣ нѣкоторыя перемѣны, съ цѣлью предупредить возможность повторенія революціонныхъ смутъ. Проектъ этихъ преобразованій былъ выработанъ на мѣстѣ, по соглашенію между генераломъ Дюгамелемъ и русскимъ генеральнымъ консуломъ, и утвержденъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а въ апрѣлѣ 1849 года, въ Константинополь прибылъ генералъ-адъютантъ Граббе, съ собственноручнымъ письмомъ импера-

тора Николая къ султану. Въ этомъ письмѣ Порта приглашалась занести въ особую конвенцію съ нами предположенныя измѣненія въ организаціи Княжествъ. Какъ ни старались Решидъ и Аали избѣжать принятія новыхъ письменныхъ обязательствъ предъ Россіей, общее политическое состояніе Европы не дозволяло имъ отклонить наше предложеніе. Требуемый нами договоръ былъ подписанъ обоими турецкими министрами и русскимъ посланникомъ Титовымъ, въ Балта-Лиманѣ, загородной дачѣ великаго визиря, однако, въ формѣ не конвенціи *(муахада)*, а декларацiи *(сенеда)*: единственная уступка наша оттоманской щекотливости.

Балта-Лиманскій договоръ торжественно подтверждалъ всѣ права, предоставленныя Россіи прежними трактатами и въ частности, право покровительства и ручательства ея въ обоихъ Дунайскихъ Княжествахъ. Во вступленіи къ нему было заявлено, что какъ государь, такъ и султанъ, «равно одушевленные заботливостію о благѣ княжествъ Молдавіи и Валахіи и вѣрные прежнимъ обязательствамъ, обезпечивающимъ за сказанными княжествами право отдѣльнаго управленія и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ льготъ, признали, что, вслѣдствіе волненій, потрясшихъ эти провинціи, и въ особенности Валахію, необходимо принять, съ общаго согласія, чрезвычайныя и дѣйствительныя мѣры для защиты сихъ льготъ и привилегій, какъ отъ революціонныхъ и анархическихъ переворотовъ, такъ и отъ злоупотребленій власти, препятствовавшихъ исполненію законовъ и лишавшихъ мирное населеніе благъ того образа правленія, коимъ Княжества должны пользоваться въ силу торжественныхъ трактатовъ, заключенныхъ между Россіей и блистательною Портой». Перемѣны, введенныя договоромъ во внутреннее устройство Княжествъ были значительны. Первая статья отмѣняла дарованное диванамъ молдавскому и валашскому, право избранія господарей, которые должны были впредь назначаться султаномъ, и уже не пожизненно, а на семилѣтній срокъ. Впрочемъ, договаривающіяся стороны предоставляли себѣ, за годъ до истеченія этого срока, «принять въ соображеніе внутреннее состояніе Княжествъ и услуги, оказанныя обоими господарями, дабы затѣмъ приступить, съ обоюднаго согласія, къ дальнѣйшимъ рѣшеніямъ». Второю статьей возстановлялось дѣйствіе органическаго устава 1831 года, съ тѣмъ лишь различіемъ,

что какъ обыкновенныя, такъ и чрезвычайныя собранія бояръ въ обоихъ Княжествахъ были упразднены на неопредѣленное время и замѣнены совѣщательными совѣтами ad hoc, по назначенію господарей, для раскладки податей и установленія бюджета. По третьей статьѣ, въ Яссахъ и Букурештѣ назначались особые ревизіонные комитеты для общаго пересмотра существующихъ учрежденій въ Княжествахъ и обсужденія необходимыхъ въ нихъ перемѣнъ, которыя, по утвержденіи ихъ какъ Портой, такъ и русскимъ дворомъ, будутъ объявлены въ обычной формѣ султанскаго гатти-шерифа. По четвертой статьѣ, и Россія, и Турція, положили оставить въ Княжествахъ войска свои, отъ 25 до 35 тысячъ каждая; по полномъ возстановленіи спокойствія должно было остаться въ Княжествахъ по десяти тысячъ человѣкъ съ каждой стороны; наконецъ, даже по совершенномъ очищеніи Княжествъ русскими и турецкими войсками, войска эти надлежало держать наготовѣ, дабы, въ случаѣ новыхъ смутъ, они немедленно могли вступить въ нихъ снова. Предположено было и преобразованіе мѣстной милиціи, «съ тѣмъ, чтобъ она представляла своимъ порядкомъ и численностью достаточное ручательство въ поддержаніи законнаго порядка». Пятою статьей было условлено, что на время военной оккупаціи оба двора назначатъ по одному чрезвычайному комиссару, на обязанности коихъ будетъ лежать наблюденіе за ходомъ дѣлъ и представленіе господарямъ своихъ мнѣній и совѣтовъ касательно всѣхъ злоупотребленій или мѣръ, вредныхъ для спокойствія края. Инструкціи комиссарамъ будутъ условлены между обоими дворами и опредѣлятъ ихъ обязанности и степень участія въ дѣлахъ Княжествъ. Комиссарамъ, по взаимному соглашенію, былъ также предоставленъ выборъ членовъ въ ревизіонные комитеты; они имѣли отдавать дворамъ своимъ отчетъ о трудахъ этихъ комитетовъ, съ присовокупленіемъ своихъ замѣчаній. Шестая статья опредѣляла для дѣйствія договора семилѣтній срокъ, «по истеченіи коего, оба двора предоставляютъ себѣ принять во вниманіе положеніе, въ коемъ Княжества будутъ тогда находиться, и приступить къ дальнѣйшимъ мѣрамъ, которыя они сочтутъ наиболѣе подходящими и удобными для обезпеченія надолго впредь благосостоянія и спокойствія этихъ княжествъ». Наконецъ, седьмою и послѣднею статьей подтверждались всѣ прежнія относящіяся до Молдавіи и Валахіи

постановленія договоровъ, заключенныхъ между Россіей и Турціей. Всѣ вышеизложенныя условія были въ точности исполнены. По предварительному уговору съ нами, султанъ назначилъ Григорія Гику господаремъ молдавскимъ и Димитрія Стирбея—валашскимъ. Въ началѣ 1851 года, русскія и турецкія войска очистили оба княжества [1]).

Балта-лиманскій *сенедъ* заслуживаетъ нашего вниманія, какъ послѣдній въ ряду договоровъ, признававшихъ «особенное» положеніе Россіи по отношенію къ Турціи и право покровительства ея нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ. Будучи заключенъ на семь лѣтъ, онъ не былъ, увы! возобновленъ по истеченіи этого срока въ 1856 году, когда, взамѣнъ того, состоялся парижскій трактатъ, не только лишившій насъ всѣхъ нашихъ преимуществъ на Востокѣ, но и поставившій насъ въ отношенія, подчиненныя къ прочимъ великимъ державамъ, присвоившимъ себѣ право контроля надъ нашею восточною политикой и вмѣшательства во всѣ послѣдующія несогласія наши съ Турціей. Положеніе ненормальное для великой державы, въ высшей степени вредное для ея интересовъ, унизительное для достоинства ея, и отъ коего доселѣ еще не вполнѣ избавили насъ потоки русской крови, пролитые въ побѣдоносную войну 1877—78 годовъ.

Собственно Турціи не коснулась революціонная гроза 1848 года. Странно относились къ ней либеральные государственные люди, руководившіе въ то время совѣтами султана. Сами прикидываясь либералами, и Решидъ, и Аали, не только не опасались ея, но видимо ей сочувствовали. Не даромъ у нихъ съ нею былъ общій покровитель, Пальмерстонъ. Они вѣрили въ торжество революціи и ожидали отъ нея полнаго видоизмѣненія политической поверхности Европы. Имъ пріятно было ласкать себя надеждой, что успѣхъ венгерскаго возстанія поведетъ къ распаденію Австріи, а возстановленіе Польши—къ ослабленію русскаго колосса. Отсюда ихъ связь съ временнымъ мадьярскимъ правительствомъ, посланные коего съ почетомъ принимались въ Константинополѣ и вели съ турецкими министрами дѣятельные переговоры. Отсюда также покровительство, оказанное ими польскимъ эмигрантамъ. Перво-

[1]) *Сенедъ*, обмѣненный между уполномоченными Россіи и Турціи въ Балта-Лиманѣ, 19 апрѣля (1 мая) 1849.

начальныя побѣды венгерцевъ надъ австрійцами до того ободрили Порту, что она рѣшилась даже предъявить протестъ противъ вступленія въ Семиградію, для оказанія союзной помощи послѣднимъ, русскихъ войскъ, занимавшихъ Дунайскія Княжества. Вилагошская капитуляція разсѣяла всѣ иллюзіи турокъ, и они поспѣшили выслать изъ своей столицы уполномоченнаго мятежнымъ венгерскимъ правительствомъ графа Юлія Андраши. Но когда нѣкоторые изъ вождей возстанія, «генералы» Дембинскій, Бемъ, и самъ диктаторъ Кошутъ искали убѣжища за турецкою границей, то Порта гостепріимно приняла ихъ и разрѣшила имъ даже поселиться въ Константинополѣ.

Союзные дворы, петербургскій и вѣнскій, обратились къ турецкому правительству съ требованіемъ немедленной выдачи помянутыхъ выходцевъ и ихъ товарищей. Наше требованіе было основано на ст. 2-й кучукъ-кайнарджійскаго трактата и облечено въ форму собственноручнаго письма отъ императора Николая къ султану, которое повезъ въ Константинополь генералъ-адъютантъ князь Радзивилъ. Порта очутилась въ крайне затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, положительное обязательство, истекавшее изъ международнаго договора, съ другой — настойчивыя убѣжденія англійскаго посла, поддержаннаго представителями Франціи и Пруссіи, не уступать двумъ императорскимъ дворамъ въ вопросѣ, затрогивающемъде честь и достоинство Турціи, отстоять самостоятельность ея отъ посягательства сосѣднихъ имперій. «Еслибъ я отложилъ на одну минуту мою поддержку,» писалъ лорду Пальмерстону сэръ-Стратфордъ Каннингъ, «я не сомнѣваюсь, что Порта уступила бы; и почти по всякому другому вопросу, за исключеніемъ настоящаго, затрогивающаго столь очевидныя соображенія человѣколюбія, чести и постоянной политики, я можетъ быть былъ бы лично расположенъ совѣтовать менѣе опасный образъ дѣйствій, не взирая на разумъ и право. Въ данномъ случаѣ я чувствовалъ, что нѣтъ альтернативы, которая бы не была сопряжена съ потерей вліянія и достоинства. Безчестіе пало бы на *насъ*, ибо всякій знаетъ, что даже самъ Решидъ, со всѣмъ своимъ умомъ и гуманностью, не устоялъ бы противъ потока безъ насъ, и что Франція почти во всѣхъ своихъ дѣлахъ слѣдуетъ здѣсь по нашему пути, ради требованій ея

положенія и великодушно полагаясь на вашу политику [1]).» Вліяніе Англіи осилило, и Порта отклонила австро-русское требованіе, а въ свою очередь, посольства наше и австрійское отвѣчали на ея отказъ объявленіемъ о перерывѣ съ нею дипломатическихъ сношеній.

Во избѣжаніе окончательнаго разрыва, турецкіе министры, слѣдуя наставленіямъ Стратфорда Каннинга, рѣшились возобновить въ Петербургѣ переговоры, прерванные въ Константинополѣ. Съ этою цѣлью, къ нашему двору предположено было отправить чрезвычайнаго уполномоченнаго, съ отвѣтнымъ письмомъ султана къ государю. Предвидя, что русское посольство въ Константинополѣ откажетъ оттоманскому послу въ паспортѣ, необходимомъ для въѣзда въ Россію, Порта прибѣгла къ хитрости: султанское письмо было поручено отвезти въ Петербургъ находившемуся въ Букурештѣ турецкому комиссару въ Княжествахъ, Фуаду. Дипломатъ этотъ успѣлъ открыть себѣ путь за нашу границу, благополучно достигъ Петербурга и тамъ прибѣгъ къ средству, дѣйствительность коего турки не разъ имѣли случай испытать. Онъ воззвалъ къ великодушію императора Николая, умоляя его сжалиться надъ безвыходномъ положеніемъ султана. Государь внялъ просьбамъ турецкаго посланнаго и согласился взять назадъ наше требованіе о выдачѣ, довольствуясь обѣщаніемъ султана, что находящіеся въ Турціи поляки и венгерцы будутъ водворены на жительство въ отдаленныхъ областяхъ Малой Азіи и лишены возможности продолжать свою революціонную дѣятельность. Посланнику Титову было послано приказаніе возобновить прерванныя дипломатическія сношенія съ Портой, и нашему примѣру послѣдовалъ вскорѣ и вѣнскій дворъ.

Успѣхомъ своимъ Фуадъ, конечно, обязанъ прежде всего тому, что скрылъ отъ императорскаго кабинета мѣры, принятыя Портою одновременно съ его отправленіемъ въ Петербургъ. Онѣ заключались въ обращеніи ея къ помощи дворовъ лондонскаго и парижскаго, на случай разрыва съ Россіей и Австріей. Пальмерстонъ горячо схватился за этотъ предлогъ возстановить на Востокѣ традиціонный союзъ обѣихъ морскихъ державъ, въ защиту Турціи отъ приписываемыхъ намъ честолюбивыхъ замысловъ. Забытъ былъ весь нашъ примирительный

---

[1]) Сэръ-Стратфордъ Каннингъ лорду Пальмерстону, 5 (17) сентября 1849.

образъ дѣйствій за послѣднія десять лѣтъ, всѣ уступки, всѣ жертвы, принесенныя нами надеждѣ достигнуть чистосердечнаго соглашенія съ Англіей по восточнымъ дѣламъ. И на этотъ разъ, англійское министерство единогласно одобрило и утвердило предположенія министра иностранныхъ дѣлъ. Первою его заботою было условиться съ Франціей объ общемъ дѣйствіи. Прозорливый взглядъ Пальмерстона уже проникъ тайныя намѣренія новоизбраннаго президента французской республики, принца Лудовика-Наполеона Бонапарта, который представлялся удобнымъ орудіемъ для осуществленія цѣлей англійской политики. Сообщивъ великобританскому послу въ Парижѣ о перерывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Австріей, съ одной стороны, и Портой, съ другой, Пальмерстонъ выражалъ мнѣніе, что эта угроза представителей обоихъ императорскихъ дворовъ въ Константинополѣ не будетъ утверждена ихъ правительствомъ. «Но,» продолжалъ онъ, «единственнымъ средствомъ достигнуть такого результата кажется мнѣ оказаніе султану искренней и твердой поддержки со стороны Англіи и Франціи, такъ, чтобы правительства русское и австрійское увидали, что у турокъ есть друзья, которые поддержатъ ихъ и защитятъ во дни испытаній.» Для сего Пальмерстонъ полагалъ необходимымъ представить дворамъ, какъ петербургскому, такъ и вѣнскому, «въ тонѣ дружественномъ, но твердомъ», что договоры не обязываютъ-де султана исполнить ихъ требованіе, и что, поэтому, онъ не можетъ удовлетворить ихъ, не роняя своего достоинства. Независимо отъ того, англійскій министръ предлагалъ отправить къ Дарданелламъ средиземныя эскадры обѣихъ морскихъ державъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ были въ готовности, по первому призыву султана, плыть къ Константинополю, для защиты его «отъ дѣйствительнаго или ожидаемаго нападенія» или просто для оказанія Портѣ нравственной поддержки. «Я глубоко убѣжденъ,» заключалъ письмо свое Пальмерстонъ, «что Австрія и Россія, въ виду настоящаго положенія Германіи, Польши и сѣверной Италіи, не говоря уже о полуусмиренной Венгріи, не рѣшатся на разрывъ съ Англіей, Франціей и Турціей по такому вопросу [1]).»

Замѣчателенъ разговоръ, происходившій, нѣсколько дней спустя, между великобританскимъ министромъ иностранныхъ

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби, 17 (29) сентября 1849.

дѣлъ и русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Баронъ Брунновъ силился доказать, что Англіи и Франціи слѣдовало бы оставаться въ покоѣ, ожидать событій и довѣриться умѣренности императора Николая и искреннему его желанію разрѣшить вопросъ путемъ дружественнаго соглашенія съ Портой, безо всякаго ущерба ея независимости или достоинству, «другими словами», замѣчаетъ Пальмерстонъ, «дать время императору, запугавъ султана, принудить его къ уступчивости». Пальмерстонъ отвѣчалъ, что самъ не придаетъ большаго значенія всему этому дѣлу, въ надеждѣ, что оба императорскіе двора не будутъ настаивать на выдачѣ султаномъ людей, отдавшихся подъ его покровительство; что они удовлетворятся обѣщаніемъ, коего они въ правѣ потребовать и которое султанъ готовъ имъ дать, а именно, что неимущіе выходцы будутъ высланы въ Малую Азію и водворены тамъ подъ надзоромъ; состоятельные же получатъ право выѣхать изъ Турціи въ Англію или во Францію. «Невозможно предположить,» насмѣшливо прибавилъ министръ, «чтобы государь вашъ не былъ доволенъ выѣздомъ его поляковъ изъ Турціи; что же касается ихъ самихъ, то они оказались бы весьма неразсудительными людьми, если бы не предпочли жить въ Англіи или во Франціи, вмѣсто Турціи.» Но изъ этого не слѣдуетъ, продолжалъ онъ, чтобъ Англія и Франція оставались въ бездѣйствіи. Онѣ не могли поступить такъ, ибо султанъ, въ затруднительномъ положеніи своемъ, офиціально просилъ ихъ о помощи. Вслѣдствіе сего, обѣ морскія державы рѣшили-де обратиться ко дворамъ петербургскому и вѣнскому съ представленіями въ пользу султана. Брунновъ выразилъ надежду, что представленія эти будутъ осторожно составлены, ибо, въ противномъ случаѣ, они могли бы вызвать, вмѣсто добрыхъ, самыя печальныя послѣдствія. У всѣхъ людей, сказалъ онъ при этомъ, есть свои недостатки, также какъ и достоинства. Недостатокъ императора Николая состоитъ-де въ его крайней щекотливости, и все, что похоже на угрозу, можетъ лишь удержать его отъ уступки, которую онъ безъ того расположенъ былъ бы сдѣлать. Пальмерстонъ возразилъ, что объ угрозѣ не можетъ быть и рѣчи: Англія и Франція ограничатся-де выраженіемъ увѣренности, что оба императора удовольствуются удаленіемъ выходцевъ, и сопряженной съ присутствіемъ ихъ, опасности отъ своихъ границъ и откажутся отъ выдачи имъ людей, съ которыми они

сами не знали бы какъ поступить. Развѣ можно, напримѣръ, предположить, что русскому императору доставило бы удовольствіе разстрѣлять несчастнаго калѣку Бема? На замѣчаніе Бруннова, что напрасно обѣ морскія державы дѣйствуютъ сообща или одновременно, ибо всякое совокупное представленіе уже само по себѣ имѣетъ видъ угрозы, Пальмерстонъ возразилъ, что такое совмѣстное дѣйствіе обѣихъ морскихъ державъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обращенія Порты къ помощи какъ той, такъ и другой, но что первый примѣръ подали Россія и Австрія, которыя вдвоемъ предъявили султану свои требованія, сопровождая ихъ угрозой. Вѣроятно-де посланники русскій и австрійскій погрѣшили избыткомъ усердія и рѣшились на такой шагъ съ цѣлью запугать Порту, не будучи на то уполномочены своими дворами, въ особенности, когда объявили о разрывѣ дипломатическихъ сношеній. Пальмерстонъ признавалъ истекающую изъ договоровъ законность требованій и русскихъ и австрійскихъ, хотя и находилъ, что наше требованіе, основанное на событіяхъ польскаго мятежа 1831 года, а не венгерской войны 1849, нѣсколько запоздало. Но, утверждалъ онъ, тѣми же договорами предоставлено и султану право отказать въ выдачѣ, лишь бы соблюдено было условіе, *либо* удалить эмигрантовъ во внутренніи области имперіи, *либо* выслать ихъ изъ Турціи. Съ этимъ мнѣніемъ соглашался и Брунновъ. Онъ даже повѣдалъ Пальмерстону, что, подобно всѣмъ договорамъ, заключеннымъ между Россіей и Турціей, кайнарджійскій трактатъ былъ редижированъ русскими уполномоченными; что тѣ умышленно установили приведенную альтернативу, въ томъ предположеніи, что вѣроятнѣе турки будутъ искать убѣжища въ Россіи, а не русскіе въ Турціи, и что русскій дворъ вовсе не желаетъ быть обязаннымъ выдавать туркамъ политическихъ выходцевъ для сажанія ихъ на колъ. Общіе уголовные преступники— другое дѣло; они-де подлежатъ безусловной выдачѣ. Нашъ посланникъ «вполнѣ и отчетливо» признавалъ также, что по трактату русскій императоръ имѣетъ право требовать выдачи, султанъ же можетъ отказать въ ней, выславъ эмигрантовъ изъ своихъ предѣловъ. Брунновъ «въ смущеніи» заявлялъ, что не имѣетъ отъ двора своего инструкцій по обсуждаемому предмету, но лично полагаетъ, что государь удовольствуется

рѣшеніемъ султана, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ бы имъ удовольствоваться [1]).

Въ тотъ же день Пальмерстонъ извѣстилъ великобританскаго посла въ Парижѣ, что министерство постановило «поддерживать султана всѣми силами и въ томъ размѣрѣ, какой окажется необходимымъ». Онъ повторилъ сдѣланныя незадолго предъ тѣмъ французскому правительству предложенія, обратиться въ Петербургъ и Вѣну съ дружественными представленіями и послать англо-французскую эскадру къ Дарданелламъ. «Само собою разумѣется,» пояснялъ онъ, «что такое рѣшеніе вмѣщаетъ въ себѣ и готовность идти далѣе, если того потребуютъ обстоятельства, и мы вполнѣ увѣрены, что намъ можно будетъ положиться на содѣйствіе Франціи, а также на ея согласіе быть столь же умѣренными на первыхъ шагахъ, сколько твердыми и рѣшительными относительно конечныхъ результатовъ [2]).»

Обо всѣхъ этихъ мѣрахъ министръ не преминулъ увѣдомить и сэръ-Стратфорда Каннинга, «въ виду необходимости, какъ можно скорѣе успокоить его относительно отвѣтственности, падающей на него за данный имъ Портѣ совѣтъ, а также, не теряя ни минуты, разсѣять сомнѣнія Порты по вопросу: получитъ ли она отъ друзей своихъ помощь и поддержку». Впрочемъ, онъ совѣтовалъ, безъ явной необходимости, не вызывать англо-французской эскадры въ Дарданеллы, чтобы, во-первыхъ, не подавать русскимъ дурнаго примѣра, а во-вторыхъ, избѣжать всякаго подобія угрозы, которая могла бы раздражить русскаго императора. «Въ этомъ дѣлѣ,» разсуждалъ Пальмерстонъ, «мы стараемся изловить двѣ большія рыбы, и намъ слѣдуетъ обращаться съ добычей крайне бережно и ловко, чтобы не переломилась удочка. Правительство, дѣйствительно, рѣшило поддержать султана во всякомъ случаѣ; но мы должны имѣть возможность показать парламенту, что нами истощены всѣ средства вѣжливости и снисхожденія, и что если послѣдуютъ враждебныя дѣйствія, то вызваны они будутъ не нашей виной или ошибкой. Присутствія нашихъ эскадръ внѣ Дарданеллъ или въ ихъ сосѣдствѣ, вѣроятно, бу-

---

[1]) Разговоръ барона Бруннова съ лордомъ Пальмерстономъ изложенъ послѣднимъ въ меморандумѣ того же дня, а именно 20 сентября (2 октября) 1849. Ср. письмо лорда Пальмерстона къ лорду Норманби отъ того же числа.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби, 20 сентября (2 октября) 1849.

детъ достаточно для удержанія севастопольской эскадры па якорѣ или въ гавани, а сверхъ того и у турокъ довольно морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Константинополѣ и вокругъ него, чтобъ оказать сопротивленіе, до прибытія нашихъ эскадръ на помощь.» По разсчету Пальмерстона, англійская и французская эскадры должны были состоять изъ шести или семи линейныхъ кораблей каждая, тогда какъ въ нашемъ черноморскомъ флотѣ онъ предполагалъ ихъ отъ двѣнадцати до четырнадцати. Но военные пароходы увеличивали боевую силу союзной эскадры. О скоромъ прибытіи ея сэръ-Стратфорду Каннингу разрѣшалось сообщить и туркамъ, дабы поддержать въ нихъ мужество, но съ тѣмъ, чтобъ они о томъ молчали, пока не получатъ официальнаго извѣщенія [1]).

Сентъ-джемскій кабинетъ попытался въ настоящемъ случаѣ отвлечь Австрію отъ общаго дѣйствія съ Россіей, не смотря на то, что весь споръ возникъ собственно изъ-за венгерскихъ выходцевъ. «Печально видѣть австрійское правительство,» писалъ Пальмерстонъ лорду Понсонби, англійскому представителю при вѣнскомъ дворѣ, «увлекаемымъ его слѣпотой, неразуміемъ и страстями на путь, столь отличный отъ установившейся политики Австріи. Если ужъ Австрія должна была отдать чему либо предпочтеніе, такъ это поддержкѣ Турціи противъ Россіи, а между тѣмъ, Шварценбергъ, любя стращать слабыхъ, дѣйствуетъ заодно съ русскимъ правительствомъ, дабы унизить Турцію и повергнуть ее къ ногамъ Россіи.» Въ доказательство неправоты австро-русскихъ притязаній, Пальмерстонъ ссылался на мнѣніе представителей обоихъ императорскихъ дворовъ въ Лондонѣ, князя Коллоредо и барона Бруннова, прося впрочемъ Понсонби не выдавать ихъ, и приводилъ даже неодобрительный отзывъ старика Меттерниха, жившаго въ полуизгнаніи въ Брюсселѣ. Англійскому послу въ Вѣнѣ поручалось обратить вниманіе австрійскаго правительства и «камарильи» на гибельныя для Австріи послѣдствія войны съ Турціей, поддержанной морскими державами. «Австрія,» увѣрялъ Пальмерстонъ, «лишилась бы своихъ италіянскихъ областей, которымъ повидимому придаетъ столь незаслуженную цѣну, и, лишилась бы навсегда. Я не знаю что могла бы она выиграть

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Стратфорду Каннингу, 20 сентября (2 октября) 1849.

на Востокѣ; но, быть можетъ, дѣло кончилось бы и безъ расширенія ея въ этомъ направленіи. Во всякомъ случаѣ, я не могу допустить, чтобы при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Германіи, Австрія могла извлечь какую либо выгоду, возбуждая войну съ Англіей и Франціей; не думаю также, чтобы такая война могла доставить какое нибудь преимущество даже Россіи. Пожалуйста сдѣлайте, что можете, дабы убѣдить австрійское правительство, чтобъ оно дозволило этимъ венгерцамъ либо покинуть Турцію, если они имѣютъ возможность, либо остаться въ ней спокойными. Вожаки, конечно, перейдутъ въ другія части Европы; большинство же эмигрантовъ можетъ быть поселено гдѣ либо внутри Турціи и образовать полезную колонію [1].»

Лишь по отправленіи англійской средиземной эскадрѣ приказанія приблизиться къ Дарданелламъ, лордъ Пальмерстонъ счелъ нужнымъ объявить о томъ нашему посланнику. Брунновъ спросилъ: съ какою цѣлью и въ какихъ предѣлахъ будутъ дѣйствовать союзныя эскадры? Министръ отвѣчалъ: пока въ предѣлахъ, допущенныхъ лондонскою конвенціей, то-есть не вступая въ проливы и съ цѣлью успокоить и поддержать султана, смущеннаго угрозой представителей Россіи и Австріи. «Мѣра эта,» прибавилъ онъ шутя, «все равно, что поднесеніе стклянки съ солями къ ноздрямъ испуганной барыни.» Брунновъ замѣтилъ, что лучше было бы дождаться отвѣта отъ русскаго двора на сдѣланное ему представленіе. Пальмерстонъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ, эскадры могли бы опоздать и не предупредили бы возможныхъ непредвидѣнныхъ случайностей. Къ тому же, по сю сторону Дарданеллъ онѣ никому не угрожаютъ. Другое дѣло, если бы морскія державы послали свои флоты въ Балтійское море для устрашенія Россіи, или въ Адріатическое для устрашенія Австріи; но у входа въ Дарданеллы онѣ-де только готовы подать помощь султану по первому призыву [2].

Между тѣмъ, состоялось упомянутое выше рѣшеніе императора Николая не настаивать на первоначальномъ нашемъ требованіи и удовольствоваться нѣкоторыми мѣрами предосторожности по отношенію не къ венгерскимъ, а къ польскимъ

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Понсонби, 24 сентября (6 октября) 1849.
[2]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби, 11 (23) октября 1849.

выходцамъ и притомъ лишь къ русскимъ подданнымъ. Брунновъ тотчасъ же сообщилъ о томъ Пальмерстону, присовокупляя что съ самаго начала дѣлу приданы были несоотвѣтствующіе размѣры, и что слѣдовало отнестись къ нему, какъ къ вопросу чисто полицейскому, а не политическому. Уступку нашу мы ставили въ зависимость отъ слѣдующихъ условій: 1) польскіе выходцы будутъ высланы изъ Турціи; 2) тѣ изъ нихъ, которые приняли мусульманство (Бемъ, Чайковскій и др.), будутъ водворены на жительство въ Діарбекирѣ; 3) Порта обяжется заявить иностраннымъ правительствамъ, въ особенности французскому и англійскому, что тѣ изъ русскихъ подданныхъ польскаго происхожденія, кто получатъ англійскую или французскую натурализацію, будутъ, не смотря на это, попрежнему считаться въ Турціи русскими подданными и, слѣдовательно, впредь подлежатъ выдачѣ. Пальмерстонъ заявилъ нашему посланнику, что Англія допускаетъ первое условіе, какъ вполнѣ законное, и второе, какъ временную мѣру, но никогда не согласится на третье. Иностранецъ, доказывалъ онъ, получающій права англійскаго гражданина, получаетъ ихъ въ силу закона, и англійское правительство не въ правѣ лишить его покровительства, принадлежащаго ему по закону. Путемъ натурализаціи бывшій русскій подданный не можетъ пользоваться правами великобританскаго подданнаго только въ Россіи, но во всѣхъ другихъ странахъ они у него неотъемлемы. Впрочемъ, заключалъ министръ, изъ-за этого вопроса можно поспорить, но воевать не стоитъ [1]).

Миролюбивое настроеніе Пальмерстона объясняется отчасти тѣмъ, что французское правительство неохотно присоединилось къ предложеннымъ имъ мѣрамъ. Президентъ республики былъ лично расположенъ идти во внѣшней своей политикѣ рука объ руку съ Англіей, но до государственнаго переворота не отъ него одного зависѣло ея направленіе, и конституціонные министры удерживали Лудовика-Наполеона отъ всего, что могло бы раздражить русскій дворъ. Такъ, французская средиземная эскадра хотя и получила приказаніе присоединиться къ англійской и остановиться по близости отъ Дарданеллъ, но едва узнали въ Парижѣ о мирномъ разрѣшеніи спорнаго вопроса

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Стратфорду Каннингу, 26 октября (7 ноября) 1849.

путемъ прямыхъ переговоровъ между Россіей и Турціей, какъ уже стали спѣшить отозваніемъ флота, стараясь склонить къ тому же и лондонскій дворъ. «Чудовищная торопливость», проявленная французами не понравилась Пальмерстону. Онъ объявилъ что отправитъ англійскую эскадру обратно въ Мальту не ранѣе, какъ по окончательномъ соглашеніи между Портой и обоими императорскими дворами, и выставлялъ причиной, что не всѣ еще предметы спора улажены и что отозваніе флота имѣло бы видъ отреченія Англія отъ принятаго ею на себя обязательства оказать султану поддержку до конца. «Сверхъ того,» признавался онъ въ письмѣ къ сэръ-Стратфорду Каннингу, «нельзя допустить, чтобы русскіе агенты въ Константинополѣ имѣли поводъ сказать, что Россія приказала нашимъ флотамъ удалиться, и что, послѣ того, какъ мы такимъ образомъ уступили бы требованіямъ Россіи, Портѣ было бы лучше сдѣлать то же; ибо она увидѣла бы въ данномъ случаѣ изъ опыта, что хотя мы и похрабрились сначала, но когда дошло до дѣла, то отступили предъ нахлобучкой, и что, слѣдовательно, Порта всегда найдетъ насъ готовыми побуждать ее къ сопротивленію, но сами мы уклонимся отъ него, какъ только Россія заговоритъ съ нами надменнымъ языкомъ и проявитъ твердость. Они представили бы насъ въ видѣ лающей собаченки, убѣгающей поджавъ хвостъ, коль скоро пристально взглянутъ на нее и пригрозятъ ей, и этимъ мы потеряли бы все выигранное нами сравнительно съ тѣмъ, что имѣли прежде, и даже болѣе [1]). Французскому правительству было поставлено на видъ, что *смѣшно* отзывать эскадры, вслѣдствіе просьбы Россіи, положась на отвѣтъ, который она обѣщала послать Портѣ; что великія державы не должны поступать съ поспѣшнымъ легкомысліемъ, а дѣйствовать методично и обдуманно; что или не слѣдовало вовсе посылать флоты къ Дарданелламъ, или нужно оставить ихъ тамъ, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса; что, конечно, отъ Франціи зависитъ распоряжаться своею эскадрой по своему усмотрѣнію, но французы должны помнить, что отозваніе ихъ судовъ будетъ истолковано русскими въ Константинополѣ въ смыслѣ уступки, сдѣланной Франціей Россіи. Письмо свое къ англійскому послу въ Парижѣ Пальмерстонъ заканчивалъ такъ: «Конечно, какъ вы го-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Стратфорду Каннингу. 4 (16) ноября 1849.

ворите, разочарованное честолюбіе попытается возстановить общественное мнѣніе противъ англійскаго союза, препятствующаго осуществленію личныхъ замысловъ. Въ дѣлахъ государственныхъ всегда приходится бороться съ тою или другою трудностію, ибо потокъ политики рѣдко течетъ плавно [1].»

Правительства великобританское и французское согласились, наконецъ, отозвать свои эскадры изъ Архипелага, предоставивъ посламъ своимъ въ Константинополѣ право снова призвать ихъ туда въ случаѣ новыхъ осложненій. Но едва состоялось это соглашеніе, какъ въ Европѣ узнали о неслыханномъ поступкѣ начальника англійской эскадры, адмирала Паркера. Пока французскія суда остановились въ заливѣ Вурла на Мало-Азіятскомъ берегу, Паркеръ съ отрядомъ своихъ судовъ проникъ въ Дарданеллы, и миновавъ прибрежные зàмки, охраняющіе входъ въ проливъ, бросилъ якорь по ту сторону ихъ. Поступокъ этотъ составлялъ прямое нарушеніе ст. 1-й лондонской конвенціи 1 (13) іюля 1841 года, безусловно воспрещавшей доступъ какъ въ Босфоръ, такъ и въ Дарданеллы, военному флагу всѣхъ націй, доколѣ Порта находится въ мирѣ.

Даже Пальмерстонъ не рѣшился оправдывать этотъ дерзкій шагъ англійскаго адмирала. «Пожалуйста,» писалъ онъ сэръ-Стратфорду Каннингу, «не позволяйте Паркеру снова пройти за дарданельскіе зàмки. Такой его поступокъ произвелъ крайне дурное впечатлѣніе. Трудно доказывать, что это не было вступленіемъ въ Дарданельскій проливъ и слѣдовательно нарушеніемъ іюльскаго договора 1841 года [2].» Посланникъ нашъ въ Константинополѣ предъявилъ Портѣ торжественный протестъ. Та убѣдила англичанъ удалиться изъ Дарданеллъ и самое ихъ появленіе тамъ объясняла необходимостью укрыться отъ осеннихъ вѣтровъ и непогодъ. Въ предупрежденіе повторенія подобнаго факта, она издала декларацію, въ которой точно опредѣлялись предѣлы mare clausum, отъ Чернаго до Эгейскаго моря, на всемъ протяженіи какъ Босфора, такъ и Дарданеллъ. Протестовали мы и въ Лондонѣ, но довольно мягко. «Нессельроде,» сообщалъ Пальмерстонъ англійскому послу въ Константинополѣ, «повидимому, спокойно относится къ дѣлу; да это и не мудрено. Такое колебаніе нашего дарданельскаго договора

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Норманби, 2 (14) ноября 1849.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Стратфорду Каннингу, 10 (22) ноября 1849.

русскіе именно желали бы видѣть возведеннымъ нами въ прецедентъ и не замедлили бы послѣдовать нашему примѣру.» Брунновъ намекнулъ Пальмерстону, что императорскій кабинетъ вполнѣ удовольствуется удаленіемъ принявшихъ мусульманство поляковъ отъ границы и водвореніемъ ихъ въ Малой Азіи, въ качествѣ поселенцевъ, а не узниковъ [1]). Порта дѣйствительно поспѣшила дать намъ это частное удовлетвореніе и тѣмъ покончить возникшее между ею и нами несогласіе.

Такъ разрѣшился вопросъ о польско-венгерскихъ выходцахъ въ Турціи, вопросъ едва было не приведшій къ вооруженному столкновенію между Россіей и Портой, которая была бы поддержана обѣими морскими державами. И столкновеніе это произошло бы непремѣнно, если-бъ императоръ Николай могъ предвидѣть, что въ то самое время, когда султанъ взывалъ къ его великодушію, турецкіе министры обращались за помощью противъ насъ къ дворамъ лондонскому и парижскому. Соглашаясь отступить отъ первоначальныхъ своихъ требованій во вниманіе къ дѣйствительно затруднительному положенію Абдулъ-Меджида, государь и не подозрѣвалъ, что уступчивость наша будетъ объяснена туркамъ страхомъ, внушеннымъ намъ угрожающими рѣчами и дѣйствіями Англіи и Франціи. Онъ уже снизошелъ на просьбу султана, когда узнали въ Петербургѣ о дипломатическомъ вмѣшательствѣ этихъ державъ и о движеніи къ Дарданелламъ соединенныхъ эскадръ. Негодованіе его возрасло еще болѣе по полученіи извѣстія о дерзкомъ нарушеніи адмираломъ Паркеромъ главной статьи обще-европейскаго договора о закрытіи проливовъ. Императоръ далъ почувствовать это англійскому представителю въ Петербургѣ, отказавъ ему въ обычной аудіенціи по возвращеніи изъ отпуска и выразивъ намѣреніе впредь не допускать его къ себѣ иначе, какъ на общихъ пріемахъ во дворцѣ. Лордъ Блумфилдъ пожаловался Пальмерстону и просилъ о репрессаліяхъ по отношенію къ русскому послу въ Лондонѣ. Министръ отвѣчалъ ему, что такія репрессаліи невозможны, такъ какъ королева вообще не имѣетъ прямыхъ сношеній съ иностранными дипломатами и только разъ въ годъ приглашаетъ ихъ къ своему столу. «Мы должны крайне снисходительно относиться,» утѣшалъ онъ Блумфилда, «къ впечатлѣнію, произведенному на императора

[1]) То же письмо.

великимъ политическимъ пораженіемъ; досада его на такой публичный урокъ, вѣроятно, усилена еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, до извѣстной степени, обязанъ имъ неразумному усердію Титова и Радзивила, которые, повидимому, пошли далѣе своихъ инструкцій и компрометировали императора болѣе, чѣмъ онъ желалъ. Униженіе было тѣмъ чувствительнѣе, что оно такъ скоро послѣдовало за его великими успѣхами въ Венгріи, и сверхъ того, владыка столькихъ сотенъ тысячъ воиновъ и почти пятидесяти линейныхъ кораблей не можетъ не быть раздраженъ тѣмъ, что отпоръ ему данъ эскадрой, состоящею изъ семи линейныхъ кораблей и въ настоящее время года. Намъ всего лучше не обращать особеннаго вниманія на дурное расположеніе его духа и попытаться снова обратить его на путь истинный. Но хотя императоръ, вѣроятно, долго еще не забудетъ происшедшаго и будетъ готовъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отплатить намъ, тѣмъ не менѣе, какъ только дѣло разрѣшится въ Константинополѣ, онъ вѣроятно вернется къ прежнему своему дружественному обращенію съ нами; и пройдетъ немало времени прежде, чѣмъ представится ему удобный случай для созданія намъ серіозныхъ затрудненій [1].»

Слова эти въ ихъ циническомъ откровенности всего лучше свидѣтельствуютъ о совершенномъ неуспѣхѣ долголѣтнихъ попытокъ императорскаго кабинета и его представителя въ Лондонѣ сблизиться съ Англіей и войти съ нею въ искреннее соглашеніе по дѣламъ Востока. Они доказываютъ всю несостоятельность дипломатической теоріи графа Нессельроде, будто между Англіей и нами существуютъ только недоразумѣнія, а въ сущности, интересы ея вполнѣ тождественны съ нашими. Не смотря на европейскій концертъ, осуществленію коего мы принесли столько жертвъ, не смотря на чистосердечныя объясненія самого государя съ англійскими министрами, при первомъ несогласіи между нами и Портой, Англія открыто стала на сторону послѣдней, увлекая за собой и Францію. И это въ такомъ вопросѣ, гдѣ право было несомнѣнно на нашей сторонѣ. Дѣйствительно, ст. 2 кайнарджійскаго договора гласила: «Если по заключеніи сего трактата и по размѣнѣ ратификацій, нѣкоторые изъ подданныхъ обѣихъ имперій, учиня какое-либо тяж-

[1] Лордъ Пальмерстонъ лорду Блумфилду, 15 (27) ноября 1849.

*

кое преступленіе, преслушаніе или измѣну, захотятъ укрыться или прибѣгнуть къ одной изъ двухъ сторонъ: таковые ни подъ какимъ претекстомъ не должны быть приняты, ниже охранены, но безпосредственно должны быть возвращены или по крайней мѣрѣ выгнаны изъ области той державы, въ коей они укрылись, дабы отъ подобныхъ зловредниковъ не могла приключиться или родиться какая-либо остуда или излишніе между двумя имперіями споры; исключая только тѣхъ, кои въ Россійской имперіи приняли христіанскій законъ, а въ Оттоманской имперіи приняли законъ магометанскій.» По этому примѣру мы ясно должны были предвидѣть, какого рода содѣйствія можемъ ожидать отъ прочихъ державъ каждый разъ, когда рѣчь зайдетъ объ исполненіи Портой обязательствъ, истекающихъ изъ договоровъ ея съ нами. А на этомъ разсчетѣ и была главнымъ образомъ основана наша жажда сближенія съ Англіей, какъ и было заявлено нами въ іюньскомъ меморандумѣ 1844 года. Но этого мало. Не дождавшись даже результатовъ обращенія султана къ великодушію русскаго императора, въ Лондонѣ и Парижѣ тотчасъ прибѣгли къ дипломатическому на насъ давленію, поддержанному угрожающимъ движеніемъ англо-французскаго флота, какъ бы желая затруднить намъ проявленіе нашей снисходительности къ слабому сосѣду. Затѣмъ, англійскій адмиралъ нагло и самовольно нарушилъ постановленіе, провозглашенное торжественно, за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, основнымъ началомъ народнаго права Европы, и безо всякой надобности ворвался въ Дарданеллы, доказывая своимъ поступкомъ, что Англія не считаетъ обязательными для себя международные договоры, заключенные въ ея столицѣ, по ея почину, и видитъ въ нихъ лишь средство связать свободу дѣйствія другихъ, болѣе ея совѣстливыхъ державъ. Къ несчастію для Россіи, урокъ этотъ не образумилъ ея наносной, въ полномъ смыслѣ слова, внѣземельной дипломатіи. Въ Петербургѣ обвиняли во всемъ одного Пальмерстона, его личной къ намъ враждебности и неугомонному характеру приписывали и проявленный имъ воинственный задоръ, и грубое нарушеніе постановленій лондонской конвенціи 1841 года, имъ же самимъ подписанной,—не разумѣя и не сознавая, что въ своей восточной политикѣ, министръ этотъ былъ лишь выразителемъ вѣковыхъ, историческихъ и традиціонныхъ стремленій англійскаго государства и народа.

Впрочемъ, самъ лордъ Пальмерстонъ былъ заинтересованъ въ поддержаніи роковыхъ заблужденій императорскаго кабинета, изъ коихъ онъ извлекъ столько выгодъ, и не успѣла еще англійская эскадра оставить Дарданеллы, какъ въ депешѣ, предназначенной для сообщенія графу Нессельроде, британскій министръ уже беззастѣнчиво выражалъ желаніе свое, не только жить въ мирѣ съ Россіей, но и слить свою политику съ нашею. «Великобританское правительство,» писалъ онъ англійскому представителю въ Петербургѣ, «придаетъ величайшую цѣну сохраненію самыхъ задушевныхъ отношеній къ императорскому правительству, и, не смотря на различіе во внутренней организаціи обѣихъ странъ, оно не видитъ ни малѣйшей причины, которая препятствовала бы обоимъ кабинетамъ условиться касательно общаго дружественнаго и искренняго дѣйствія, направленнаго къ достиженію ихъ общей цѣли, а именно соблюденія мира во всякомъ мѣстѣ, куда только достигаетъ ихъ политическое вліяніе [1].» Наше словоохотливое министерство иностранныхъ дѣлъ всегда было склонно придавать словамъ значеніе дѣла; къ тому же, людямъ свойственно легко принимать на вѣру все, что соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ желаніямъ, и у насъ уже готовы были принять за наличную монету льстивыя увѣренія англійскаго министра, не заботясь о противорѣчіи ихъ съ его поступками, когда новый его подвигъ доказалъ, какъ онъ понимаетъ уваженіе чужой независимости и своихъ международныхъ обязательствъ. Мы разумѣемъ насиліе, учиненное англійскимъ флотомъ надъ Греціей въ началѣ 1850 года, и извѣстное подъ названіемъ «дѣла Пачифико».

Преобразованіе Греціи въ конституціонное государство не оправдало ожиданій сентъ-джемскаго кабинета, ибо не усилило вліянія его въ этой странѣ. Глава англійской партіи, Маврокордато, не сумѣлъ обезпечить за нею большинство въ палатахъ, а между тѣмъ окончательно раздражилъ короля. Послѣдствіемъ было возвышеніе французской партіи, вождь коей, Колетти, оставался у власти почти безъ перерыва до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1847 году. Къ сторонникамъ Франціи примкнули и остатки бывшихъ приверженцевъ Россіи, такъ называемые напписты, и одинъ изъ нихъ, адмиралъ Канарисъ,

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Блумфилду, январь 1850.

достигъ даже званія перваго министра въ кабинетѣ, составленномъ преимущественно изъ членовъ французской партіи. Такой оборотъ, высоко поднявшій въ странѣ значеніе Франціи, а отчасти улучшившій и наше въ ней положеніе, возбудилъ раздраженіе лондонскаго кабинета противъ Греціи. Враждебность свою онъ далъ почувствовать ей во время несогласій, возникшихъ между ею и Турціей, требовавшею удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное ея посланнику въ Аѳинахъ. Англія приняла сторону султана, Франція — короля греческаго, продолжая такимъ образомъ въ Левантѣ борьбу, закипѣвшую между двумя недавними союзницами изъ-за «испанскихъ браковъ», вскорѣ по возвращеніи Пальмерстона къ управленію. Греко-турецкая распря была однако миролюбиво покончена третейскимъ рѣшеніемъ императора Николая.

Досаду свою на грековъ Пальмерстонъ вымещалъ принятіемъ подъ свое покровительство самыхъ сомнительныхъ притязаній, предъявленныхъ греческому правительству англійскими подданными, и требовалъ по нимъ удовлетворенія дипломатическимъ путемъ. Неуспѣхъ его представленій и угрозъ внушилъ ему мысль поддержать ихъ вооруженною силой, и уже въ августѣ 1847 года, лорду Блумфилду было поручено объявить императорскому кабинету, что если греки будутъ упорствовать въ своемъ отказѣ, то адмиралу, командующему англійскою средиземною эскадрой, будетъ послано приказаніе принять противъ нихъ понудительныя мѣры. «Скажите Нессельроде и императору,» писалъ Пальмерстонъ, «что если они считаютъ поддержаніе силой нашихъ требованій вреднымъ для прочности Греціи,—мнѣніе, коего мы отнюдь не раздѣляемъ,—то единственное средство предупредить эти мѣры заключается въ понужденіи Колетти исполнить наши требованія, такъ какъ у грековъ есть чѣмъ произвесть уплату, если они захотятъ [1]).»

Дѣйствительно, всѣ англійскія притязанія, за исключеніемъ одного, были денежнаго свойства. Самымъ крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ беззаконнымъ, было требованіе удовлетворенія гибралтарскому уроженцу, еврею Давиду Пачифико, за опустошеніе его дома въ Пиреѣ разъяренною противъ жидовъ толпой. Дѣло въ томъ, что личность эта, имѣвшая крайне сомнительную репутацію, домогалась не только вознагражденія

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Блумфилду, августъ 1847.

за испорченное имущество, но и возмѣщенія убытка, вслѣдствіе утраты документовъ, якобы доказывавшихъ права его на полученіе съ португальскаго правительства суммы, которую онъ опредѣлялъ въ 748,000 драхмъ. Столь же преувеличено было и вознагражденіе, потребованное за разграбленіе его дома и имущества, оцѣненнаго имъ въ 138,000 драхмъ. Сумма всѣхъ прочихъ вознагражденій въ пользу англійскихъ и іоническихъ подданныхъ, будто бы потерпѣвшихъ отъ греческихъ властей, не простиралась далѣе нѣсколькихъ сотъ фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, само англійское правительство требовало отъ Греціи удовлетворенія за мнимое оскорбленіе, нанесенное въ Патрасѣ одному изъ военныхъ судовъ его.

Событія 1848 года заставили лорда Пальмерстона на время отложить исполненіе угрозъ своихъ относительно Греціи, но по улаженіи вопроса о польско-венгерскихъ выходцахъ, минута показалась ему благопріятною для наказанія короля Оттона и его министровъ за уклоненіе ихъ отъ англійскаго вліянія. Въ началѣ января 1850 года, на возвратномъ пути изъ Дарданеллъ, адмиралъ Паркеръ, во главѣ эскадры изъ тринадцати военныхъ судовъ, бросилъ якорь въ Саламинской бухтѣ противъ Пирея, и на слѣдующій же день, англійскій посланникъ въ Аѳинахъ потребовалъ отъ Греціи немедленнаго удовлетворенія всѣхъ притязаній, въ разное время предъявленныхъ великобританскою миссіей, и уплаты назначенныхъ ею денежныхъ вознагражденій. Рѣчь идетъ не объ обсужденіи, заявилъ г. Вайзъ министру иностранныхъ дѣлъ Лондосу, не объ опредѣленіи того, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, но о полученіи въ двадцать четыре часа полнаго удовлетворенія. Напрасно греческое правительство воззвало къ посредничеству двухъ прочихъ державъ-покровительницъ, Россіи и Франціи, представители коихъ поспѣшили предложить своему англійскому товарищу «добрыя услуги» дворовъ своихъ; великобританскій посланникъ отклонилъ ихъ, ссылаясь на полученныя приказанія, прервалъ сношенія свои съ греческимъ правительствомъ и не только самъ удалился на одно изъ своихъ военныхъ судовъ, но и пригласилъ всѣхъ жившихъ въ Аѳинахъ и Пиреѣ англійскихъ подданныхъ укрыться на судахъ подъ защитой британскаго флага. Вслѣдъ затѣмъ адмиралъ Паркеръ принялъ рядъ насильственныхъ мѣръ противъ греческаго флота, какъ военнаго, такъ и торговаго. На всѣ греческія суда наложено

было англичанами амбарго, а берега Греціи объявлены въ состояніи блокады. Какъ ни возмутительны были всѣ эти насилія, совершенныя англійскимъ флотомъ, среди глубокаго мира, надъ слабою и беззащитною страной, къ тому же еще считавшею Англію въ числѣ своихъ державъ-покровительницъ, инструкціи Пальмерстона простирались гораздо далѣе. Это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ посланнику Вайзу: «Если блокада не подѣйствуетъ, вы съ Паркеромъ должны принять иныя мѣры, какія окажутся нужными и каковы бы онѣ ни были. Мнѣ помнится, когда-то мы находили, что высадка морскихъ солдатъ и матросовъ въ какомъ-либо городѣ дала бы намъ возможность овладѣть государственною казной въ достаточномъ количествѣ. Само собою разумѣется, что притязаніе Пачифико должно быть удовлетворено вполнѣ [1].»

Наглое злоупотребленіе англичанами своею морскою силой возбудило въ высшей степени негодованіе императора Николая. По высочайшему повелѣнію, графъ Нессельроде уполномочилъ нашего посла въ Лондонѣ заявить сентъ-джемскому двору «о глубокомъ и тягостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на его величество неожиданнымъ актомъ насилія, совершеннымъ британскими властями надъ Греціей». «Каждый самъ судья своему достоинству,» писалъ вице-канцлеръ, «и не намъ оспаривать усвоенныя англійскимъ кабинетомъ взглядъ и пониманіе въ этомъ дѣлѣ. Безпристрастная Европа рѣшитъ, на сколько подобаютъ великой державѣ, какова Англія, мѣры, принятыя ею по отношеніи къ государству слабому и беззащитному. Но то, что мы имѣли основаніе замѣтить и на что въ правѣ жаловаться, есть, доказываемое этими быстрыми мѣрами, совершенное отсутствіе уваженія относительно двухъ державъ, подписавшихъ вмѣстѣ съ Англіей договоръ, создавшій Грецію, и которыя, въ теченіе болѣе двадцати трехъ лѣтъ, то-есть съ 6-го іюля 1827 года, постоянно находились въ общеніи интересовъ и дѣйствія съ великобританскимъ кабинетомъ (?!).» Русская депеша выражала сожалѣніе о томъ, что Англія не обратилась сначала къ нашему посредничеству, даже не предупредила ни насъ, ни Франціи, о задуманныхъ понудительныхъ мѣрахъ. Напротивъ, она отвергла предложенныя ей добрыя услуги русскаго и французскаго представителей въ Аѳинахъ,

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Томасу Вайзу, 21 ноября (3 декабря) 1849.

заявивъ имъ чрезъ своего посланника, «что дѣло это ихъ не касается». «Въ свою очередь,» продолжалъ вице-канцлеръ, «мы не можемъ допустить подобнаго отказа. Греція не есть государство одинокое, обязанное существованіемъ лишь самому себѣ и отъ себя одного зависящее. Греція—государство, созданное Россіей и Франціей, также точно, какъ и Англіей, на одинаковыхъ правахъ и условіяхъ. Три державы основали ее сообща: сообща же опредѣлили онѣ ея границы и образъ правленія, взаимно обязались, каждая предъ двумя остальными, уважать ея независимость, упрочить династію, возведенную ими на престолъ, и если такъ, то одна изъ нихъ не имѣетъ права раздѣлать это совокупное дѣло, оскорбить независимость Греціи, посягнуть на ея цѣлость, поколебать ея династію, унижая ее предъ цѣлымъ свѣтомъ, наконецъ, возмутить спокойствіе страны, отдавая ее на жертву попыткамъ мятежниковъ, а быть-можетъ и междоусобной войнѣ.» Упомянувъ о финансовой зависимости Греціи отъ трехъ державъ-покровительницъ, о ручательствѣ ихъ за ея самостоятельность и территоріальную цѣлость, графъ Нессельроде поручалъ барону Бруннову «обратиться по этому предмету съ серіозными представленіями къ англійскому правительству, пригласивъ его самымъ настоятельнымъ образомъ ускорить въ Аѳинахъ прекращеніе положенія, ничѣмъ невызываемаго или оправдываемаго и подвергающаго Грецію потерямъ и опасностямъ внѣ всякой соразмѣрности». «Пріемъ, оказанный нашимъ представленіямъ,» такъ заключалась депеша, «имѣетъ пролить яркій свѣтъ на сущность сношеній, какихъ намъ слѣдуетъ ожидать впредь со стороны Англіи, скажу болѣе, на положеніе ея относительно всѣхъ державъ, большихъ или малыхъ, побережье коихъ подвергаетъ ихъ опасности нежданнаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо знать: намѣрено ли великобританское правительство, пользуясь преимуществами своего громаднаго морскаго преобладанія, заключиться отнынѣ въ политикѣ одиночества, не заботясь о договорахъ, связывающихъ его съ прочими кабинетами; освободиться отъ всякаго общаго обязательства, отъ всякой солидарности дѣйствія, и тѣмъ подать законный поводъ каждой великой державѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, не признавать по отношенію къ слабымъ иного правила, кромѣ произвола, иного права кромѣ матеріальной силы [1].»

---

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову, 7 (19) февраля 1850.

Пока мы протестовали, третья участница въ союзѣ, создавшемъ независимость Греціи, Франція, предложила свое посредничество, и Пальмерстонъ не рѣшился не принять его. Назначенный французскимъ правительствомъ посредникъ, баронъ Гро, отправился въ Аѳины, что не мѣшало впрочемъ англійскому министру писать своему представителю въ Петербургъ: «Мы не обращаемъ вниманія на русскую гнѣвливость и попытку пригрозить намъ по поводу Греціи. Мы будемъ продолжать идти своею дорогой, съ настойчивостью и твердостью: мы должны получить и получимъ потребованное нами удовлетвореніе.» Слѣдовало любопытное признаніе, что дѣло собственно не въ деньгахъ. «Онѣ,» то-есть Россія и Франція, продолжалъ Пальмерстонъ, «внѣ себя потому, что видятъ, какъ избалованное дитя абсолютизма, въ теченіе многихъ лѣтъ поощряемое ими оскорблять и бравировать Англію, подверглось наконецъ наказанію, отъ коего онѣ не въ силахъ защитить его. Озабочиваетъ ихъ не число полученныхъ имъ ударовъ, но тотъ фактъ, что мы ударили его палкой по спинѣ, а онѣ были не въ состояніи предупредить этого [1].» Такое упрямство беззастѣнчиваго министра предвѣщало мало успѣха французскому посредничеству. Баронъ Гро, убѣдясь въ несостоятельности всѣхъ англійскихъ требованій и явной недобросовѣстности главныхъ изъ нихъ, никакъ не могъ сойтись съ Вайзомъ въ условіяхъ полюбовной сдѣлки съ греческимъ правительствомъ. Одновременно съ аѳинскими переговорами, таковые же происходили и въ Лондонѣ между Пальмерстономъ и французскимъ посломъ Друэнъ-де-Люисомъ, при участіи и нашего посланника. Оба дипломата уговорили Пальмерстона дать согласіе на составленный ими сообща проектъ протокола, коимъ Греція присуждалась къ уплатѣ сравнительно умѣренной суммы въ пользу потерпѣвшихъ англичанъ и іонійцевъ, а разрѣшеніе вопроса о притязаніяхъ Пачифико передавалось на разсмотрѣніе особой посреднической коммиссіи. Но въ то самое время, когда состоялось въ Лондонѣ помянутое соглашеніе, въ Аѳинахъ дѣло получило совершенно неожиданный исходъ. Англійскіе посланникъ и адмиралъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что баронъ Гро отказался отъ дальнѣйшаго посредничества, снова прибѣгли къ пріостановленнымъ было понудительнымъ мѣрамъ, и дове-

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ лорду Блумфилду, 15 (27) марта 1850.

денное до крайности греческое правительство вынуждено было подчиниться ихъ ультиматуму.

Обстоятельство это едва не повело къ разрыву между обѣими морскими державами. Французское правительство почувствовало себя оскорбленнымъ. Въ засѣданіи народнаго собранія министръ иностранныхъ дѣлъ прямо обвинилъ лорда Пальмерстона въ двоедушіи и отозвалъ французскаго посла изъ Лондона, находя дальнѣйшее пребываніе его въ этой столицѣ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ республики. Баронъ Брунновъ ограничился тѣмъ, что вмѣстѣ съ баварскимъ посланникомъ, отказался отъ приглашенія къ обѣду, который данъ былъ Пальмерстономъ дипломатическому корпусу въ день рожденія королевы.

Пальмерстонъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи и внезапно проявилъ несвойственную ему уступчивость. Онъ оставилъ великобританскаго посла въ Парижѣ, не смотря на отъѣздъ Друэнъ-де-Люиса изъ Лондона, и объявилъ французскому правительству, что готовъ признать согласіе Греціи на ультиматумъ какъ бы несостоявшимся и разрѣшить споръ на условіяхъ лондонскаго протокола. Равнымъ образомъ и на нашъ протестъ онъ отвѣчалъ коротко и въ примирительномъ тонѣ.

Между тѣмъ, въ самой Англіи стали раздаваться голоса, обвинявшіе правительство въ безчестномъ и безнравственномъ образѣ дѣйствій по отношенію къ Греціи. Подъ вліяніемъ мужа своего, королева пылала негодованіемъ на Пальмерстона и находила отголосокъ въ главныхъ вождяхъ торійской оппозиціи. Выразителемъ ихъ мнѣній явился лордъ Станлей, внесшій на обсужденіе верхней палаты слѣдующую резолюцію: «Палата, вполнѣ признавая право и обязанность правительства обезпечить живущимъ въ чужихъ государствахъ подданнымъ ея величества совершенное покровительство тамошнихъ законовъ, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что, какъ явствуетъ изъ переписки, сообщенной палатѣ по повелѣнію ея величества, различныя притязанія, предъявленныя къ греческому правительству, притязанія сомнительныя съ точки зрѣнія права или преувеличенныя въ размѣрахъ, были поддержаны понудительными мѣрами, направленными противъ греческихъ торговли и народа и подвергшими опасности продолженіе нашихъ

дружественныхъ отношеній къ другимъ державамъ [1]).» Развивая свою мысль, вождь оппозиціи признался, что «сумасбродныя» эти требованія заставляли его краснѣть за Англію, и что поведеніе правительства было неприлично, несправедливо и нагло [2]). Глава министерства, лордъ Джонъ Россель, самъ не одобрилъ дѣйствій Пальмерстона въ этомъ дѣлѣ и незадолго предъ тѣмъ писалъ королевѣ, будто и по его мнѣнію, «ей нельзя подвергать себя враждѣ Австріи, Франціи и Россіи изъ-за своего министра» [3]). Но резолюція лорда Станлея колебала положеніе кабинета виговъ, и интересы партіи взяли перевѣсъ надъ мнимымъ убѣжденіемъ перваго министра. Онъ взялъ на себя предъ палатой лордовъ защиту отсутствующаго товарища. Правительство въ цѣломъ своемъ составѣ, воскликнулъ онъ, провозглашаетъ свою солидарность съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, который привыкъ-де поступать не какъ австрійскій, русскій или французскій министръ, а какъ «министръ Англіи» [4]). Утвержденіе это вызвало громкія рукоплесканія; тѣмъ не менѣе, резолюція Станлея была принята лордами большинствомъ 37 голосовъ.

Но ни дворъ, ни верхняя палата не выражали общественнаго мнѣнія страны. Оно было на сторонѣ Пальмерстона. Министръ этотъ искусно распустилъ слухъ, что нависшая надъ нимъ гроза есть результатъ интриги иностранныхъ дворовъ, направленной лично противъ него, съ цѣлью вызвать его паденіе. Въ этомъ отношеніи даже строгія выраженія депеши графа Нессельроде послужили ему въ пользу. Мы готовы были бы отнестись съ сомнѣніемъ къ собственному утвержденію его, что означенная депеша возмутила народное чувство, но вынуждены принять свидѣтельство Бунзена, писавшаго по этому поводу: «Страстная русская депеша къ Бруннову укрѣпила Пальмерстона. Сегодня онъ обѣдаетъ при дворѣ, и всѣ товарищи и Пиль поддерживаютъ его. Императоръ высказался объ Англіи по-наполеоновски; это была ошибка, если не желали войны или не могли вести ее по-

---

[1]) Проектъ резолюціи, внесенной лордомъ Станлеемъ въ засѣданіи верхней палаты 5 (17) іюня 1850.

[2]) Рѣчь, произнесенная лордомъ Станлеемъ въ верхней палатѣ 5 (17) іюня 1850.

[3]) Лордъ Джонъ Россель королевѣ Викторіи, 6 (18) мая 1850.

[4]) Рѣчь, произнесенная лордомъ Джономъ Росселемъ въ верхней палатѣ, 5 (17) іюня 1851.

добно Наполеону» [1]). Протестомъ противъ порицанія лордовъ явилась резолюція, предложенная въ палатѣ общинъ однимъ изъ радикальныхъ ея членовъ, Рэбокомъ. Она гласила: «Начала, руководившія доселѣ внѣшнею политикой правительства ея величества, были тѣ самыя, которыя требуются для поддержанія чести и достоинства Англіи, а также во времена безпримѣрной трудности, для соблюденія мира между Англіей и различными націями міра» [2]). Голосованію предшествовали оживленныя преміи, длившіяся четыре ночи кряду. Знаменитѣйшіе ораторы обѣихъ партій приняли въ нихъ участіе. Самъ Пальмерстонъ произнесъ длинную и блестящую рѣчь, самую искусную и красивую изъ его рѣчей. Обозрѣвъ всю внѣшнюю политику Англіи за время своего управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, онъ окончилъ слѣдующими словами: «Я безъ страха ожидаю приговора, который палата, представляющая политическую, торговую, конституціонную страну, призвана произнесть по вопросу о томъ: служатъ ли начала, коимъ слѣдовала внѣшняя политика правительства ея величества, и чувство долга, побудившее насъ считать своею обязанностью покровительство нашимъ согражданамъ въ чужихъ краяхъ, надлежащимъ и достаточнымъ руководствомъ для тѣхъ, кому поручено управленіе Англіей; а также долженъ ли англійскій подданный, подобно древнему римлянину, считавшему себя въ безопасности отъ всякой обиды, когда могъ сказать civis romanus sum,—долженъ ли англичанинъ, въ какой бы странѣ онъ ни находился, питать увѣренность, что зоркое око и мощная рука Англіи защитятъ его отъ несправедливости и зла? [3]).» Громъ единодушныхъ рукоплесканій встрѣтилъ это блестящее заключеніе рѣчи Пальмерстона, длившейся около пяти часовъ, «отъ вечерней зари до денницы», и даже старикъ Пиль не могъ удержать восклицанія: «всѣ мы гордимся имъ!» Резолюція Рэбока была принята 310 голосами противъ 264.

Сообщая брату своему объ этомъ результатѣ, Пальмер-

---

[1]) Бунзенъ королю Фридриху-Вильгельму IV, 27 февраля (11 марта) 1850.

[2]) Проектъ резолюціи, внесенной Рэбокомъ въ засѣданіи нижней палаты 12 (24) іюня 1850.

[3]) Рѣчь лорда Пальмерстона въ засѣданіи палаты общинъ 13 (25) іюня 1850.

стонъ прибавлялъ: «Нападеніе на нашу внѣшнюю политику было правильно понято всѣми, какъ выстрѣлъ, выпущенный иноземнымъ заговоромъ, съ помощью и поддержкой домашней интриги, и партіи до такой степени промахнулись, что вмѣсто того, чтобъ одолѣть и низвергнуть меня съ позоромъ, какъ онѣ намѣревались и надѣялись, онѣ превратили меня въ самаго теперь популярнаго министра, изо всѣхъ, когда-либо занимавшихъ мою должность [1].»

Торжество Пальмерстона обратилось въ пользу Англіи. Вліяніе ея на Востокѣ, давно уже ставшее преобладающимъ, возросло и окрѣпло. Рѣшительныя, хотя и беззаконныя, дѣйствія флота въ турецкихъ и греческихъ водахъ наглядно убѣждали въ ея могуществѣ какъ турокъ, такъ и грековъ, возбуждая въ первыхъ надежду, въ послѣднихъ вселяя страхъ. Съ этого времени, въ особенности, національный англійскій министръ сталъ смотрѣть на Оттоманскую имперію, какъ на любимое свое дѣтище, окружать ее нѣжною и попечительною заботливостью, постоянно давая ей чувствовать при томъ полную ея зависимость отъ надменныхъ покровителей и необходимость безусловно подчиняться ихъ волѣ. Такъ, въ то самое время, когда англійская эскадра, въ противность договорамъ, вступала въ Дарданеллы, якобы для охраненія независимости Порты отъ русскихъ посягательствъ, Пальмерстонъ настаивалъ на томъ, чтобы безъ потери времени было приступлено къ изглаженію всякихъ гражданскихъ и политическихъ различій между ея мусульманскими и христіанскими подданными. «Поступая иначе,» говорилъ онъ турецкому послу, «султанъ не только лишаетъ себя возможности дѣйствовать лѣвою своею рукой, но и подвергается постоянной опасности, какъ бы рука эта не обратилась противъ него самого [2].» Позднѣе, когда обнаружилось негодованіе императора Николая на обманъ, коего онъ сталъ жертвой въ вопросѣ о польско-венгерскихъ выходцахъ, Пальмерстонъ опять вернулся къ тому же вопросу. Онъ писалъ сэръ-Стратфорду Каннингу: «Только-что возвратившійся изъ Петербурга Бухананъ разсказываетъ, что русскіе вообще крайне раздосадованы неудачей, постигшею ихъ императора въ его турецкой политикѣ, и говорятъ, что воспользуются

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Уильяму Темплю, 26 іюня (8 іюля) 1850.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Страдфорду Каннингу, 29 сентября (10 октября) 1849.

первымъ случаемъ, дабы отплатить намъ за нее. Средствомъ къ тому представляется возбужденіе возстаній въ Босніи и другихъ мѣстахъ въ средѣ христіанскихъ подданныхъ Порты, и даже Брунновъ не можетъ воздержаться отъ предупрежденія, что благодаря этому средству, Россія держитъ въ своихъ рукахъ какъ добрыя, такъ и злыя судьбы Турецкой имперіи. Должно обратить на это строгое вниманіе турецкаго правительства, которому слѣдуетъ безъ потери времени подготовить мѣры устраненія всѣхъ справедливыхъ поводовъ къ неудовольствію христіанскихъ подданныхъ на Порту и, такимъ образомъ, утвердить престолъ султана на широкомъ и прочномъ основаніи [1].»

Таковы были мечты Пальмерстона объ обновленіи мусульманскаго Востока посредствомъ искренняго примиренія съ христіанами и полнаго уравненія райи въ правахъ съ ея иновѣрными повелителями. Мечты эти были въ полномъ разладѣ съ турецкою дѣйствительностью, что крайне огорчало англійскаго министра. Дѣятельный единомышленникъ его и сотрудникъ, сэръ-Стратфордъ-Каннингъ не скрывалъ отъ него, что Турція весьма медленно двигается по пути прогресса, что всѣ отрасли государственнаго управленія находятся въ состояніи полнаго разстройства, а народное неудовольствіе растетъ не по днямъ, а по часамъ. Рѣшено было энергично настаивать на безотлагательной необходимости коренныхъ преобразованій. Предположенія о введеніи цѣлой системы улучшеній въ турецкой арміи были составлены старшимъ секретаремъ великобританскаго посольства въ Константинополѣ, полковникомъ Розомъ, и сообщены великому визирю. Самъ посолъ вручилъ султану обширный меморандумъ, въ коемъ перечислялся цѣлый рядъ реформъ, отъ осуществленія коихъ англичане ожидали полнаго перерожденія Оттоманской имперіи.

Въ прощальномъ письмѣ къ отозванному изъ Лондона турецкому послу, Мегметъ-пашѣ, лордъ Пальмерстонъ поддерживалъ представленія мѣстной англійской дипломатіи. «Простите меня,» извинялся онъ, «если я какъ будто вмѣшиваюсь въ дѣла, меня не касающіяся, и вѣрьте, что слова мои внушены исключительно пользой султана и его имперіи. Оттоманская

[1]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Стратфорду Каннингу, 26 октября (7 ноября) 1849.

имперія не въ состояніи еще поддержать свою независимость и защищать обширныя владѣнія свои отъ угрожающихъ имъ враговъ, безъ оказываемой время отъ времени помощи и поддержки Великобританіей. Англійское правительство питаетъ искреннее желаніе и твердое намѣреніе постоянно оказывать вамъ, въ минуту затрудненій, содѣйствіе, въ коемъ вы нуждаетесь. Но англійское правительство можетъ дѣйствовать лишь будучи поддержано парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ; а они откажутъ намъ въ этой поддержкѣ, если мы не будемъ имѣть возможности доказать, что оттоманское правительство направляетъ всѣ зависящія отъ него усилія къ тому, чтобы привести всѣ отрасли турецкой администраціи въ возможно лучшее состояніе и не опускаетъ ничего, что могло бы содѣйствовать самооборонѣ Турціи путемъ развитія великихъ естественныхъ богатствъ, коими одарило ее Провидѣніе. Должно признаться, что до сихъ поръ этого сказать нельзя. Конечно, правительство ваше вынуждено было бороться со многими препятствіями; но для достиженія великихъ результатовъ необходимы большія усилія, рѣшимость и настойчивость. Въ Константинополѣ колеблются, робѣютъ, останавливаются. Но настоящая минута благопріятна для преобразованій и улучшеній. По англійской пословицѣ, должно косить сѣно, пока солнце свѣтитъ. Нужно чинить домъ свой пока на улицѣ тихо, дабы принять мѣры противъ урагана.»

Слѣдовалъ перечень такихъ мѣръ, на которыя Пальмерстонъ обращалъ «практическое» вниманіе Порты:

1) Правильное и справедливое распредѣленіе и взиманіе налоговъ и отмѣна въ этомъ дѣлѣ откупной системы.

2) Бережливость въ расходахъ при ограниченіи ихъ необходимыми издержками и сбереженіе въ прочихъ, причемъ не слѣдуетъ терять времени для проведенія торговыхъ дорогъ, укрѣпленія Босфора, ремонта пограничныхъ крѣпостей и возведенія укрѣпленій для защиты столицы.

3) Безупречное отправленіе правосудія, находящагося нынѣ въ самомъ жалкомъ положеніи.

4) Уничтоженіе всякихъ политическихъ и гражданскихъ различій между подданными султана, къ какому бы исповѣданію ни принадлежали они, такъ, чтобы султанъ сталъ въ одинаковой степени государемъ всѣхъ народностей, населяющихъ его имперію; и наконецъ,

5) Преобразованіе арміи. По этому предмету Пальмерстонъ замѣчалъ, что артиллерія превосходна, госпитали удивительно хороши, но что въ пѣхотѣ есть недостатки, а конница крайне нуждается въ улучшеніяхъ; что турецкіе кавалеристы плохо вооружены, ибо прежнія прекрасныя ихъ сабли замѣнены далеко не удовлетворительными, и что они очень неловки въ обращеніи какъ съ саблей, такъ и съ пикой [1].

О совѣтахъ, данныхъ турецкому послу, министръ не преминулъ увѣдомить и сэръ-Стратфорда Каннинга. Предъ нимъ онъ снисходительнѣе выражался о результатахъ, достигнутыхъ преобразователями Турціи. Онъ допускалъ, что много еще нужно работать во всѣхъ вѣтвяхъ администраціи для того, чтобы сравнять Турцію съ прочими европейскими государствами и обратить ее въ державу, способную къ самооборонѣ; но находилъ, что много уже сдѣлано ею, быть-можетъ, болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ, столь же нуждающейся въ улучшеніяхъ. «У меня,» замѣчалъ онъ, «не убавилось мужества, въ виду кажущейся медленности прогресса, но даже прибавилось его для побужденія турокъ идти впередъ.» Пальмерстонъ утѣшалъ и себя, и Стратфорда, указывая на то, что хотя успѣхи Турціи обнаруживаются несравненно болѣе въ изданіи законовъ, чѣмъ въ ихъ исполненіи, но хорошо и это, ибо правила, законы и учрежденія сохраняютъ-де свою цѣну независимо отъ ихъ осуществленія, и мало-по-малу теорія все-таки переходитъ въ практику. Онъ настаивалъ на принятіи въ турецкую службу возможно бо́льшаго числа европейскихъ офицеровъ, чтобы пріучить мусульманъ служить подъ однимъ знаменемъ съ христіанами, и отдавалъ предпочтеніе прусскимъ инструкторамъ предо всякими другими, ссылаясь на свидѣтельство герцога Веллингтона, ставившаго прусскія войска выше русскихъ и австрійскихъ [2]. Внезапная и невольная отставка, послѣдовавшая въ концѣ 1851 года, не измѣнила расположенія его къ Турціи. Новый посланникъ султана въ Лондонѣ, Мусурусъ-паша, счелъ приличнымъ выразить ему сожалѣніе свое объ оставленіи имъ должности министра иностранныхъ дѣлъ. Пальмерстонъ отвѣчалъ ему: «Примите, прошу васъ, искреннюю мою благодарность за ваше любезное письмо

[1]) Лордъ Пальмерстонъ Мегметъ-пашѣ, 12 (24) сентября 1850.

[2]) Лордъ Пальмерстонъ сэръ-Стратфорду Каннингу, 12 (24) сентября 1850.

и будьте увѣрены, что въ какомъ бы я ни очутился политическомъ положеніи, я всегда останусь вѣренъ началамъ, въ силу коихъ, независимость и благо Оттоманской имперіи представляются мнѣ интересомъ не только англійскимъ, но и европейскимъ, и вамъ хорошо извѣстно мое глубокое убѣжденіе, что благоденствіе этой имперіи до тѣхъ поръ не будетъ покоиться на истинно прочномъ основаніи, пока христіанскіе подданные султана не будутъ сравнены предъ закономъ съ его подданными мусульманскаго исповѣданія [1]).»

Знакомясь со взглядами и дѣятельностью лорда Пальмерстона и вѣрнаго исполнителя его предначертаній, сэръ-Стратфорда Каннинга, по отношенію къ Турціи, нельзя не прійти къ убѣжденію, что въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, Англія, благодаря ихъ усиліямъ, заняла въ Константинополѣ то положеніе, получила то вліяніе, значеніе и преобладаніе, которыя высочайшею волей императора Николая указаны были, какъ цѣль, русскимъ дипломатамъ. Нечего и говорить, что при такомъ порядкѣ, собственное наше дипломатическое положеніе на Босфорѣ было просто-на-просто сведено къ нулю. Таковъ былъ печальный, но неизбѣжный результатъ постепенныхъ уклоненій императорскаго кабинета отъ вѣковыхъ преданій нашей восточной политики. Много причинъ совокупно содѣйствовали упадку значенія Россіи въ Левантѣ; главною изъ нихъ было несомнѣнно распространеніе на эту область европейскаго соглашенія или концерта, добровольное подчиненіе нашихъ государственныхъ интересовъ мнимой солидарности интересовъ соединенной Европы. И когда же именно обнаружилась полная немощность наше на Востокѣ? Въ ту самую минуту, когда русскій императоръ, поборовъ всемірную революцію, былъ единогласно признанъ на Западѣ могущественнымъ щитомъ и опорой манархическихъ началъ и законнаго порядка.

Слишкомъ долго вниманіе и заботливость государя были отвлечены съ Востока на Западъ, слишкомъ много было имъ потрачено силъ матеріальныхъ и нравственныхъ для огражденія и спасенія союзныхъ намъ государствъ отъ революціонной заразы, бывшей собственно для Россіи опасностью призрачною. Двоедушіе Порты и поведеніе обѣихъ морскихъ державъ въ

---

[1]) Лордъ Пальмерстонъ Мусурусъ-пашѣ, 18 (30) декабря 1851.

вопросѣ о польско-венгерскихъ выходцахъ открыли ему глаза. Онъ ясно увидѣлъ то, чего какъ бы и не замѣчали наши дипломаты: смѣну русскаго покровительства англійскимъ, не только надъ Турціей, но и надъ ея христіанскими подданными. Съ нетерпѣніемъ выносилъ онъ опеку великобританскаго посла надъ турецкими министрами, ни шагу недѣлавшими и непроизносившими ни слова, не испросивъ указаній своенравнаго представителя королевы Викторіи. Достаточно было одной капли чтобы переполнить чашу. Такою каплей оказался успѣхъ притязаній новонародившейся императорской Франціи на покровительство палестинскимъ католикамъ, въ ущербъ правъ громаднаго большинства православныхъ жителей этой страны.

Съ того дня, какъ возникъ такъ называемый споръ о Святыхъ мѣстахъ, столкновеніе между Россіей и обѣими морскими державами изъ-за преобладанія на Востокѣ стало историческою необходимостью, совершенно неотвратимою.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Окончивъ обозрѣніе внѣшней политики императора Николая, предпосланное изслѣдованію дипломатическихъ сношеній Россіи въ эпоху Восточной войны 1853—1856 годовъ и необходимое для правильнаго разумѣнія и оцѣнки событій этой достопамятной эпохи, состоящихъ въ тѣсной причинной связи съ явленіями предшедшаго времени, намъ остается подвести итоги политики русскаго двора, за разсмотрѣнную четверть вѣка (1826—1851).

Внимательное изученіе означеннаго двадцатипятилѣтія, подтверждаетъ высказанное нами еще въ первой главѣ сужденіе о замѣчательной стройности и послѣдовательности въ политической системѣ императора Николая. Право и справедливость, прямота и честность, великодушіе и безкорыстіе, таковы нравственные устои, на которыхъ государь ее построилъ. Догматами его царственнаго катихизиса были: сознаніе правъ своихъ и строгое исполненіе обязанностей. Глубоко убѣжденный въ божественномъ происхожденіи верховной своей власти, русскій царь и въ чужеземныхъ монархахъ видѣлъ государей Божіею милостью, тѣсно связанныхъ съ нимъ общностью ихъ высокаго служенія и узами братскаго священнаго союза. Отсюда довѣріе къ представителямъ древнихъ династій и снисходительность къ ихъ политическимъ грѣхамъ, отвѣтственность за которые падала въ глазахъ его на министровъ. Отсюда и отвращеніе къ революціи и ея исчадіямъ: правительствамъ конституціоннымъ. Ограниченная монархія представлялась государю ересью, полною внутренней лжи и внѣшняго обмана. Онъ открыто предпочиталъ ей откровенно-республиканскій строй.

Но каковы бы ни были его личныя воззрѣнія и чувства, императоръ Николай въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными

государствами добросовѣстно исполнялъ относительно всѣхъ безъ исключенія, международныя свои обязанности. Территоріальное распредѣленіе владѣній между державами того времени покоилось на парижскихъ мирныхъ договорахъ 1814 и 1815 годовъ и на заключительномъ актѣ вѣнскаго конгресса. Государь свято уважалъ ихъ постановленія, не злоупотреблялъ своею силой, не посягалъ на чужую собственность, не помышлялъ о расширеніи своихъ предѣловъ, но и не допускалъ, чтобы какая либо изъ другихъ державъ стремилась къ произвольному въ свою пользу измѣненію, установленныхъ въ силу общаго уговора, условій европейскаго равновѣсія. Обязанность защищать политическое и поземельное status quo Европы онъ считалъ общею для всѣхъ государствъ, большихъ и малыхъ, но не отъ него зависѣло заставить ихъ раздѣлять этотъ взглядъ, Когда же одинъ изъ союзниковъ его, молодой австрійскій императоръ, въ критическую для себя минуту, воззвалъ къ его помощи, государь оказалъ ее въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не требуя взамѣнъ никакого вознагражденія. Съ другой же стороны, ему никогда и на мысль не приходило разсчитывать на чью либо помощь въ собственныхъ дѣлахъ своихъ. Съ какого бы рода затрудненіями ему ни приходилось имѣть дѣло, онъ полагался лишь на Бога, на себя и на свой народъ. Для Россіи государь требовалъ отъ прочихъ державъ только полнаго признанія правъ, принадлежащихъ ей по договорамъ, и уваженія ея чести и достоинства.

Совокупность этихъ политическихъ правилъ, коимъ императоръ Николай слѣдовалъ неуклонно до своей кончины, до такой степени разнилась отъ своекорыстныхъ побужденій, отъ темныхъ и извилистыхъ путей, свойственныхъ европейской дипломатіи, что даже у одного изъ самыхъ враждебныхъ намъ современныхъ историковъ-иностранцевъ вырвалось слѣдующее признаніе: «Какъ ни велико было могущество Россіи, государь пользовался имъ въ духѣ строгой нравственной безупречности, высоко подымающейся надъ уровнемъ зауряднаго честолюбія» [1]).

Мы перечислили неизмѣнныя начала, положенныя императоромъ Николаемъ въ основаніе своей внѣшней политики, которымъ онъ оставался вѣренъ въ продолженіе своего трид-

---

[1]) Kinglake: *The invasion of the Crimea*, I, стр. 13.

цатилѣтняго царствованія. Но, при всей ихъ неподвижности, ходъ историческихъ событій не могъ не влiять на политическую дѣятельность государя, видоизмѣняя ее въ частностяхъ. Въ этомъ отношеніи двадцать пять лѣтъ, истекшихъ со дня воцаренія его до начала восточныхъ замѣшательствъ, приведшихъ Россію къ борьбѣ съ половиной Европы, могутъ быть раздѣлены на четыре періода, представляющіе каждый свои отличительныя особенности. Первый періодъ завершается адріанопольскимъ миромъ и вскорѣ за нимъ послѣдовавшею французскою революціей 1830 года; второй—открытіемъ въ Лондонѣ въ 1839 году обще-европейскихъ совѣщаній по дѣламъ Востока; третій—революціоннымъ 1848 годомъ; четвертый—возникновеніемъ спора о Святыхъ мѣстахъ въ концѣ 1851 года. Наконецъ, послѣдніе три года царствованія составляютъ его пятый, заключительный періодъ.

Въ теченіе перваго періода, длившагося пять лѣтъ, политика русскаго двора носитъ на себѣ отпечатокъ личнаго характера государя. Она является намъ народною и самостоятельною въ полномъ смыслѣ слова. Полемъ ей служитъ преимущественно Востокъ. Великое, всемірно-историческое дѣло возрожденія восточныхъ христіанъ подвинуто въ этотъ короткій срокъ далѣе, чѣмъ въ цѣлое предшедшее столѣтіе. Молдавія, Валахія и Сербія фактически изъяты изъ-подъ власти Порты; создана независимая Греція. Въ одномъ только греческомъ вопросѣ Россія дѣйствуетъ сообща съ Англіей и Франціей, и то лишь потому, что обѣ эти державы согласились принять въ немъ нашу традиціонную точку зрѣнія. Всѣ прочія дѣла, касающіяся Востока, русскій императоръ рѣшаетъ самъ, собственною властью, безъ участія своихъ союзниковъ, даже не предупреждая ихъ. Имъ просто говорятъ, что отношенія Россіи къ Турціи не касаются ихъ. Въ войнѣ, какъ и въ мирѣ, государь преслѣдуетъ исключительно русскіе интересы. Адріанопольскій договоръ торжественно подтверждаетъ права, пріобрѣтенныя нами по прежнимъ трактатамъ, права, коими не пользуется ни одна изъ другихъ великихъ державъ во владѣніяхъ султана. Права эти мы открыто исповѣдуемъ предъ Европой, заявляя, что Турція или будетъ жить подъ нашимъ покровомъ, или сгинетъ. Мы говоримъ Англіи прямо въ лицо, что намъ столь же необходимо господствовать надъ Босфоромъ, какъ ей надъ проливомъ Гибралтарскимъ.

Въ это знаменательное пятилѣтіе непреклонная воля государя преодолѣваетъ всѣ препятствія. Предъ нею склоняются всѣ великія державы. Орудіемъ ей вынуждена служить и русская дипломатія, вскормленная въ иныхъ правилахъ, проникнутая иными взглядами и убѣжденіями. Графъ Нессельроде благоразумно стушевывается. Совѣтниками государя по внѣшнимъ дѣламъ являются Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Вице-канцлеръ ограничивается ролью исполнителя высочайшихъ предначертаній. Вліяніе его чувствуется, однако, въ рѣшеніяхъ тайнаго комитета 1829 года, коимъ Турція обязана своимъ спасеніемъ. Государь хотя и утверждаетъ ихъ, но подъ условіемъ, что Порта безропотно подчинится русскому вліянію. Къ тому же, онъ не вѣритъ въ ея долговѣчность и, самъ отказываясь отъ всякой доли въ ея наслѣдствѣ, объявляетъ, что не дозволитъ ни одной изъ великихъ державъ присвоить себѣ что либо изъ ея обломковъ.

Наступаетъ іюльская революція и открываетъ второй періодъ въ политикѣ русскаго двора. Она отвлекаетъ вниманіе государя съ Востока на Западъ. На политическомъ горизонтѣ Европы появляются новыя сочетанія. Англія вступаетъ въ тѣсный союзъ съ Франціей Орлеановъ. Устрашенныя Австрія и Пруссія бросаются въ объятія Россіи. Императору Николаю улыбается мечта о солидарности монархическихъ государствъ въ виду поступательнаго движенія революціи, и мало-по-малу, онъ начинаетъ подчинять этой отвлеченной идеѣ всѣ прочія соображенія своей внѣшней политики. Русская дипломатія всячески старается увлечь его по знакомому и излюбленному ею пути. Но государь сдается не съ разу и, отдавая себя на Западѣ въ распоряженіе своихъ союзниковъ, долго еще продолжаетъ придерживаться самостоятельной политики на Востокѣ. Ункіаръ-искелесскій договоръ, это высшее проявленіе нашего историческаго преобладанія на Босфорѣ, заключается безъ вѣдома Австріи и Пруссіи. Но вслѣдъ за нимъ происходитъ мюнхенгрецкое свиданіе, и тайною конвенціей, заключенною при этомъ случаѣ, Меттернихъ пробиваетъ первую брешь въ стѣнѣ, отдѣлявшей дотолѣ нашу западную политику отъ восточной. Принципъ соблюденъ. Не съ Европой вступаемъ мы въ соглашеніе по восточнымъ дѣламъ, а съ одною ближайшею нашею союзницей, Австріей. А ближайшею союзницей считали мы ее потому, что сходились-де съ нею

на почвѣ основныхъ нравственныхъ началъ. Взаимные политическіе интересы не подвергаются анализу. Предполагается, что они не могутъ не быть тождественны, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ. Всюду у насъ съ Австріей общіе враги—морскія державы; въ случаѣ новыхъ замѣшательствъ она, а за нею и Пруссія, будутъ дѣйствовать не противъ насъ, а съ нами.

И вотъ между Турціей и Египтомъ возникаетъ новая распря. Вниманіе Европы снова устремляется на Востокъ. Союзница наша Австрія преспокойно вступаетъ въ сдѣлку съ общими нашими противниками, Англіей и Франціей, увлекая съ собою и Пруссію. Сущность сдѣлки составляютъ двѣ мѣры, всегда встрѣчавшія со стороны русскаго двора самое энергическое противодѣйствіе: отправленіе въ Дарданеллы эскадръ морскихъ державъ и общее ручательство за цѣлость и независимость Турціи. Условясь въ нихъ съ дворами лондонскимъ и парижскимъ, навязавъ ихъ берлинскому двору, вѣнскій кабинетъ предлагаетъ и намъ приступить къ обще-европейскому соглашенію по дѣламъ Востока. Не сомнѣваясь въ нашемъ согласіи, Меттернихъ собственною властью приглашаетъ русскаго представителя въ Константинополѣ, сообща съ прочими представителями, объявить о томъ Портѣ, какъ о фактѣ совершившемся.

Вѣроломный поступокъ австрійскаго канцлера возбуждаетъ справедливое негодованіе императора Николая. «Такая измѣна,» говоритъ онъ австрійскому послу, «заслуживала бы немедленнаго вторженія войскъ моихъ въ Галицію [1].» Но императорскій кабинетъ разсуждаетъ иначе. Послѣ подписанія Бутеневымъ совокупной ноты, намъ-де ужъ нельзя уклониться отъ обсужденія восточныхъ дѣлъ въ средѣ европейской конференціи. Австрія не оправдала нашего довѣрія, такъ обратимся къ Англіи, предложимъ ей идти рука объ руку на Востокѣ. Къ чему намъ чуждаться Европы? Вѣдь она хочетъ того же, чего и мы: сохраненія Оттоманской имперіи. Держась въ сторонѣ

---

[1]) Находившійся въ то время въ Вѣнѣ, маршалъ Мармонъ повѣствуетъ въ своихъ *Запискахъ*: «Юпитеръ не заставлялъ трепетать такъ Олимпъ, Нептунъ не повелѣвалъ волнами съ бо̀льшею властью, чѣмъ русскій императоръ австрійскимъ посломъ. Онъ объявилъ, что въ поведеніи князя Меттерниха усматриваетъ настоящую измѣну и что ему слѣдовало бы отвѣчать на нее немедленнымъ введеніемъ своей арміи въ Галицію.» *Mémoires du duc de Raguse*, IX, стр. 133.

отъ ея совѣщаній, мы только возбудимъ ея подозрѣнія, дадимъ ей право предположить, что намѣренія наши нечестны, что мы втайнѣ преслѣдуемъ честолюбивыя цѣли. Разсужденіе, вѣрно разсчитанное на слабое мѣсто императора Николая.

Брунновъ ѣдетъ въ Лондонъ, собирается конференція сперва четырехъ, а потомъ и всѣхъ пяти великихъ державъ, установляется европейское соглашеніе по дѣламъ Востока. Въ чемъ же оно заключается? Въ принятіи Турціи подъ охрану Европы, то-есть именно въ томъ результатѣ, во избѣжаніе коего мы, въ теченіе цѣлаго столѣтія, вели кровопролитныя войны, который недавно еще провозглашали несовмѣстнымъ ни съ нашими народными пользами, ни съ достоинствомъ. Какою же цѣною купила Европа наше согласіе, соучастіе? Что̀ дала намъ взамѣнъ, какія сдѣлала уступки? Ничего, никакихъ. Мы же должны были принести ей въ жертву наши особенныя права въ Турціи, ункіаръ-искелесскій договоръ, и обязаться не искать на Востокѣ никакого исключительнаго вліянія или выгодъ, словомъ, сами приравняли себя относительно Оттоманской имперіи ко всѣмъ прочимъ державамъ. Но по крайней мѣрѣ возстановленный въ Лондонѣ «европейскій концертъ» не обнималъ ли всей совокупности политическихъ отношеній Европы восточной и западной, и рѣшенія его не были ли одинаково обязательны для Запада и Востока? Ничуть. На Западѣ онъ давно лишился всякаго значенія, былъ забытъ, и, содѣйствуя распространенію его на Востокъ, мы сами создали въ будущемъ коалицію великихъ державъ, которая призвана была дѣйствовать только противъ насъ и предполагаемыхъ у насъ честолюбивыхъ замысловъ.

Наступаетъ третій періодъ, ознаменованный упадкомъ вліянія и значенія Россіи на Востокѣ. Вступивъ однажды на почву уступокъ, мы быстро спускаемся по наклонной ея плоскости съ высоты, на которую подняли насъ договоры адріанопольскій и ункіаръ-искелесскій. Идеальныя воззрѣнія, отвлеченныя начала, окончательно берутъ верхъ надъ соображеніями практической политики. Мы силимся отвлечь Англію отъ союза съ Франціей и воскресить снова шомонскій союзъ четырехъ державъ, направленный противъ пятой, представляющейся намъ воплощеніемъ революціи въ Европѣ. Дабы достигнуть этого нравственнаго успѣха, мы охотно поступаемся нашими матеріальными пользами. Прежде мы жертвовали ими одной Австріи,

теперь намъ приходится тѣмъ же способомъ обезоруживать Англію, располагать ее въ нашу пользу. По собственному признанію нашихъ дипломатовъ, выражаясь вычурнымъ ихъ языкомъ, въ Лондонѣ была «дѣйствующая пружина» русской политики, въ Вѣнѣ — ея «нравственный рычагъ». Признавъ наши интересы одинаковыми съ австрійскими на Востокѣ, намъ ничего уже не стоило провозгласить ихъ тождественность и съ англійскими. Чтобы поддержать эту фикцію, мы тщательно устраняемъ все, что ей противорѣчитъ. О единовѣріи съ восточными христіанами, о племенномъ съ ними родствѣ, объ общихъ историческихъ преданіяхъ, о русской крови, пролитой за ихъ освобожденіе, обо всемъ этомъ нѣтъ больше и помина. Хуже того: стремленія ихъ къ возрожденію мы приравниваемъ къ проявленіямъ всемірной революціи, обвиняемъ ихъ въ связяхъ съ польскою эмиграціей, вызываемся подавить ихъ возстаніе во имя верховныхъ правъ султана. Между тѣмъ, въ Константинополѣ, мы пасуемъ предъ Англіей и ея представителемъ, сами признаемъ за нею право руководить «европейскимъ концертомъ» въ восточныхъ дѣлахъ. И все напрасно. Лондонскій кабинетъ продолжаетъ недовѣрять намъ, ибо лучше насъ знаетъ и понимаетъ нашу исторію. Скоро одиночество наше становится полнымъ. Франція съ нами въ разрывѣ. Излюбленныя наши союзницы, Австрія и Пруссія, обнаруживаютъ тяготѣніе, первая къ Парижу, вторая къ Лондону. Таковы плоды нашихъ стараній возстановить «европейскій концертъ».

Нужно ли говорить, что императоръ Николай былъ непричастенъ льстивому и заискивающему образу дѣйствій своей дипломатіи; что самъ онъ въ переговорахъ, лично веденныхъ съ дворами берлинскимъ, вѣнскимъ, лондонскимъ, поражалъ прямодушною откровенностью своихъ рѣчей, и при всей простотѣ обхожденія, строгимъ соблюденіемъ своего царскаго достоинства; что цѣль его всегда была одна и та же: благо Россіи и споспѣшествованіе ея государственнымъ пользамъ и нуждамъ; что того же требовалъ онъ и отъ своихъ дипломатическихъ представителей, даже не подозрѣвая, чтобъ они могли хотя на минуту упустить ихъ изъ виду. Не даромъ замѣчаетъ въ дневникѣ своемъ княгиня Меттернихъ, что, въ высочайшемъ присутствіи, русскіе сановники и дипломаты мгновенно преображались, напуская на себя непривычную имъ важность и надменность въ обращеніи съ иностранными мини-

страми [1]). Такими же изображали они себя въ своихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ и отчетахъ. Не смотря, однако, на все стараніе ихъ исказить истину, скрасить свои неудачи, государь начиналъ постигать невѣрность нашихъ дипломатическихъ пріемовъ; самыя отношенія его къ дворамъ берлинскому и вѣнскому охлаждались съ каждымъ днемъ. Въ томъ же дневникѣ жены австрійскаго канцлера читаемъ, что въ проѣздъ чрезъ Вѣну, въ концѣ 1845 года, его величество все время имѣлъ видъ строгій и суровый [2]). Другой очевидецъ, имѣвшій случай присматриваться къ нему вблизи, свидѣтельствуетъ, что даже крѣпкое здоровье государя пошатнулось вслѣдствіе неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него всякаго рода нерадостными происшествіями [3]). Все внезапно измѣнилось съ наступленіемъ революціоннаго 1848 года.

Уже одно приближеніе грозы заставляетъ Меттерниха снова обратиться къ защитѣ русскаго императора. Но буря разразилась, и государь желѣзною рукой сдерживаетъ Польшу, спасаетъ Австрію, умиротворяетъ Германію. Революція подавлена. Всюду возстановленъ порядокъ. Въ четвертый періодъ своего царствованія вступаетъ Николай признанный, подобно брату своему и предшественнику, избавителемъ и главой монархической Европы. Къ ногамъ его несутъ цари выраженіе удивленія, благодарности, преданности. Безпримѣрныя въ исторіи великодушіе и безкорыстіе его доказаны на дѣлѣ. Не менѣе доказаны и внутренняя крѣпость Россіи, и внѣшнее ея могущество.

Исполнивъ то, что считалъ онъ своимъ долгомъ на Западѣ, государь оглянулся на Востокъ, и взорамъ его представилось странное и неожиданное зрѣлище. Пощаженная и облагодѣтельствованная, спасенная имъ Турція осмѣливалась противостоять законнымъ нашимъ требованіямъ, отрицать обязательства, истекающія изъ договоровъ ея съ нами, словомъ, возвращалась къ тому самому положенію, какое занимала относительно Россіи за четверть вѣка предъ тѣмъ, при вступленіи императора Николая на престолъ. Точно никогда не бы-

---

[1]) Дневникъ княгини Меттернихъ, 29 августа (10 сентября) 1833.

[2]) Тотъ же дневникъ, 20 декабря 1845 (1 января 1846).

[3]) Воспитатель великаго князя Константина Николаевича и чтецъ императрицы Александры Өеодоровны, А. Т. Гриммъ. См. его Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland, II, стр. 294.

вало ни побѣдоносной войны 1828—29 годовъ, ни адріанопольскаго мира, ни русской высадки на берегахъ Босфора, оградившей турецкую столицу отъ посягательства Мегметъ-Али-паши, ни ункіаръ-искелесскаго союза. Вліяніе русской дипломатіи въ Константинополѣ исчезло безслѣдно. Англичане распоряжались и хозяйничали тамъ на волѣ, а «либеральные» министры султана являлись покорными слугами своихъ покровителей, самозванныхъ защитниковъ независимости и цѣлости турецкаго государства.

Могъ ли государь допустить утвержденіе на Балканскомъ полуостровѣ такого порядка, одинаково противнаго интересамъ Россіи, правамъ ея и достоинству? Могъ ли потерпѣть нарушеніе преимуществъ, добытыхъ русскою кровью, и самаго главнаго изъ нихъ: предоставленнаго намъ трактатами покровительства православной вѣрѣ и ея послѣдователямъ на всемъ пространствѣ оттоманскихъ владѣній? Хотя за послѣдніе годы мы не пользовались этимъ правомъ, но оно все же оставалось за нами, будучи, въ числѣ прочихъ, подтверждено адріанопольскимъ договоромъ. Ни одна изъ послѣдующихъ сдѣлокъ не отмѣняла его, ниже ослабляла. И какъ было не вспомнить о немъ, не воспользоваться имъ, когда, въ угоду новонародившейся французской имперіи, Порта дерзновенно посягнула на вѣковыя льготы кореннаго православнаго населенія Святой земли и принесла ихъ въ жертву горсти иноземныхъ католиковъ?

Въ виду такого оскорбленія, нанесеннаго православію, русское чувство, никогда неугасавшее въ душѣ императора Николая, заговорило въ немъ съ новою силой. Русскій царь — естественный и законный покровитель православный вѣры. Въ день своего вѣнчанія на царство, онъ торжественно клянется блюсти ея пользы, защищать ее отъ всякихъ враждебныхъ посягательствъ, содѣйствовать преуспѣянію и торжеству ея въ цѣломъ мірѣ. Неразрывная связь между церковью и престоломъ, эта своеобразная и отличительная черта русской монархической идеи, была вполнѣ усвоена государемъ, хотя, къ сожалѣнію, большинство его дипломатическихъ совѣтниковъ и представителей, — инородцевъ по происхожденію, иновѣрцевъ по исповѣданію, — оставалось ей чуждымъ. Нравственный долгъ, ею возлагаемый на государя, къ тому же,

вполнѣ согласовался съ правами, обезпеченными намъ международными договорами. Въ довершеніе всего, и политическій разсчетъ, повидимому, благопріятствовалъ принятію рѣшительныхъ мѣръ для возстановленія этихъ нарушенныхъ правъ. Монархическая Европа, права коей мы такъ великодушно отстояли, могла ли отказать намъ въ поддержкѣ нашихъ правъ, столь же законныхъ и безспорныхъ, не становясь въ противорѣчіе сама съ собою? Не на благодарность союзниковъ своихъ разсчитывалъ государь, а на ихъ послѣдовательность, на вѣрность ихъ охранительнымъ началамъ, положеннымъ въ основаніе Священнаго союза и служившимъ ручательствомъ ихъ собственной безопасности. Какая была главная цѣль Священнаго союза? Обезпеченіе торжества праву надъ безправіемъ. Ничего другаго и не хотѣла Россія на Востокѣ. Она не добивалась ни земельныхъ пріобрѣтеній, ни какихъ либо новыхъ выгодъ, торговыхъ или политическихъ. Она требовала лишь того, что приходилось ей по договорамъ, которые сама всегда свято соблюдала и исполненіе коихъ единогласно признавалось международною обязанностью каждаго независимаго государства.

Разсчетъ этотъ оказался заблужденіемъ. Онъ построенъ былъ на предположеніи о совершенной солидарности европейскихъ монархій на почвѣ права и справедливости. Мечта разлетѣлась въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Реальная противоположность интересовъ взяла верхъ надъ отвлеченностью. Права наши на Востокѣ были несомнѣнны, но они всегда были бѣльмомъ на глазу Западной Европы. Лишь только представился удобный къ тому случай, она воспользовалась имъ, чтобъ лишить насъ этихъ правъ и тѣмъ задержать нашъ политическій ростъ, ослабить наше могущество. Общій интересъ явился связующимъ звеномъ между нашими противниками и союзниками. Они спѣшили протянуть другъ другу руку, и единодушно воздвиглись на насъ, противопоставляя нашему праву совокупныя пользы и нужды Европы.

Таковъ вѣчный, непреложный законъ исторіи. Не намъ, русскимъ, обвинять императора Николая за то, что онъ далъ обмануть себя льстивыми увѣреніями своихъ союзниковъ, съ начала вѣка не разъ спасенныхъ Россіей отъ конечной ги-

бели, и, увлекаясь отвлеченною идеей, упустилъ изъ виду выработанныя историческимъ опытомъ правила, управляющія взаимными международными отношеніями. Въ заблужденіяхъ его отражаются существенныя черты нашего народнаго характера: врожденное великодушіе и добродушная довѣрчивость къ иностранцамъ. Предъ судомъ исторіи, оправданіемъ ему послужитъ величіе царственной души его, величіе безпримѣрное, коимъ въ правѣ гордиться Россія.

Тейфенбахъ въ Штиріи, 25 Іюня (7 Іюля) 1886 года, XC годовщина рожденія императора Николая.

